

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра археологии, этнографии и музеологии

СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 2

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

УДК 902(4/5)
ББК 63.48(051)
С 568

Редакционная коллегия:
академик РАН *А.П. Деревянко*;
доктор исторических наук *В.В. Горбунов*;
доктор исторических наук *С.П. Грушин*;
доктор исторических наук *Ю.Ф. Кирюшин*;
доктор исторических наук *А.А. Тишкин* (отв. ред.);
кандидат исторических наук *А.Л. Кунгуров*;
кандидат исторических наук *Д.В. Папин*;
кандидат исторических наук *Н.Н. Серегин*;
кандидат исторических наук *Т.В. Тишкина*

С 568 **Современные решения актуальных проблем евразийской археологии** : сб. науч. ст. /
отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. – Вып. 2. – 320 с.
ISBN 978-5-7904-2291-1

В настоящем издании представлены статьи, основанные на материалах докладов Международной научной конференции «Современные решения актуальных проблем евразийской археологии», которая состоялась в сентябре 2018 г. в Барнауле.

Статьи сгруппированы в шести разделах, демонстрирующих основные тематические направления конференции: «Теоретико-методологические и методические разработки современной археологии. Комплексные реконструкции»; «Использование естественнонаучных методов в археологических исследованиях»; «Кочевники евразийских степей поздней древности и средневековья»; «Система жизнеобеспечения древних и средневековых народов Евразии и особенности ее формирования в различных природно-ландшафтных зонах (по материалам изучения археологических памятников)»; «Древнейшее, древнее и средневековое искусство Евразии»; «Кафедре археологии, этнографии и источниковедения (музеологии) Алтайского государственного университета – 30 лет». Они размещены согласно алфавитному порядку фамилий авторов и отражают результаты современных исследований в археологии, антропологии и других областях знаний.

Сборник предназначен для специалистов разных научных дисциплин, занимающихся решением проблем евразийской археологии.

УДК 902(4/5)
ББК 63.48(051)

*Подготовлен при финансовой поддержке РФФИ
(Проект организации II Международной научной конференции
«Современные решения актуальных проблем евразийской археологии», №18-09-20049г)*

ISBN 978-5-7904-2291-1

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2018

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ. КОМПЛЕКСНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

УДК 902(470.5)

А.М. Белавин

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь, Россия

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЛОЩАДКИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА (предварительные замечания)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-46-590780
«Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья: комплексное исследование»)

Исследование средневековых городищ Пермского Предуралья привело к накоплению большого количества разнообразных видов источников: полевые дневники, планиграфические чертежи, коллекции археологического материала с их хронологическими, технологическими и культурными определениями, палеозоологические коллекции. Наиболее крупной и хорошо проработанной группой таких источников являются материалы раскопок Рождественского археологического комплекса – единственного городища Предуралья, отмеченного в восточных письменных источниках XIII–XV вв. как город (касаба Афикула). Рассмотрение материалов Рождественского комплекса через поиск компактно расположенных групп элементов планировки для выявления различных по конструктивным особенностям объектов – новая идея в систематизации накопленных данных. Необходима верификация результатов археогеофизического исследования путем сопоставления с результатами археологических исследований, радиоуглеродными датировками, особенностями материальной культуры, находящейся в связи с исследуемыми объектами.

Ключевые слова: Предуралье, Рождественское городище, планировка, ранний город.

A.M. Belavin

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

PLANNING FEATURES AND RECONSTRUCTION OF THE ROZHDESTVENSKOE SETTLEMENT SITE (preliminary remarks)

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research
(project No. 17-46-590780 “Economic and Cultural Image of the Medieval Cis-Urals: A Complex Study”)

Studies of medieval settlements of the Perm Cis-Urals led to the accumulation of a large number of different types of sources: field diaries, planigraphic drafts, collections of archaeological materials with their chronological, technological and cultural definitions, and paleozoological collections. The largest and well-researched group of such sources consists of excavations of the Rozhdestvenskoe archaeological complex – the only settlement of the Cis-Urals, which was defined as a city (kasaba Afikula) in the eastern written sources of the 13th–15th centuries. Examination of the materials of the Rozhdestvenskoe complex by searching for the compactly arranged groups of elements of planning to identify various objects in terms of their design features is a new idea in the systematization of accumulated data. It is necessary to verify the results of the archeogeophysical study by comparing them with the results of archaeological research, radiocarbon dates, characteristic features of material culture that is related to the objects under consideration.

Key words: Cis-Urals, Rozhdestvenskoe settlement, planning, early city.

Среди средневековых городищ Предуралья выделяется несколько объектов, имеющих особенно крупные размеры, особенности фортификации, мощный культурный слой. Материалы, полученные при раскопках, характеризуют данные городища как крупные экономические и этнокультурные центры, игравшие заметную роль в международных торговых связях средневековой Восточной Европы и в экономике Предуралья. Очевидно, данные поселения являются ранними городскими образованиями, скреплявшими формирующуюся систему расселения. К сожалению, эти процессы не нашли своего завершения – городища прекратили свое существование к концу XIV в., а в процессе так называемой русской колонизации сложилась новая система расселения.

Наиболее полно (15% площади) изучено Рождественское городище – единственный археологический объект Предуралья, отмеченный в восточных письменных источниках XIII–XV вв. как город (касаба Афикула).

Археологический комплекс у с. Рождественск Карагайского района Пермского края включает в себя Рождественское городище с посадом, Филипповское городище и два некрополя: финно-угорский языческий и болгарский мусульманский. Общая площадь комплекса составляет около 10 га.

Рождественский комплекс прочно ассоциируется с «касаба Афкула (Афикула)» восточных источников XIV – начала XV в. [Белавин, 2000, с. 123; Белавин, Крыласова, 2008; Коробейников, 2006, с. 15–19; Пастушенко, 2002, с. 58; Хузин, 2001, с. 182–183]. В средневековой терминологии арабов и персов слово «касаба» или «касабе» означает «административный центр, большое село, местечко, маленький город» [Даврижецы, 1973, с. 584]. По площади и структуре этот комплекс явно выделяется из большинства средневековых археологических объектов Урала. Важным его отличием от остальной массы прикамских средневековых городищ является трехчленная структура: детинец (цитадель) Филипповское городище – укрепленный город Рождественское городище – неукрепленный посад Рождественского городища. Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленных площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленовское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии – основы малых и средних городов. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина [2002, с. 29], укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к весьма распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии.

Изучение особенностей компоновки внутреннего пространства городища, соотнесения характера выявленных сооружений с обнаруженными в них предметами материальной культуры, исследование организации пространства перед укреплениями представляется актуальным для определения социально-экономической роли данного поселения в средневековом Предуралье.

Рождественский комплекс – касаба Афкула активно исследуется КАЭЭ ПГГПУ с 1985 г. (с перерывом на 1998–2007 гг.), за это время исследованиям подверглись все части комплекса. Общая площадь вскрытий составила более 6000 кв. м, большая часть которых (более 4000 кв. м) приходится на укрепленную часть Рождественского городища.

За период раскопок 2008–2017 гг. на территории комплекса выявлено и изучено большое количество разнообразных объектов. Исследованы остатки 11 крупных жилищ каркасно-столбовой конструкции, изучены остатки двух больших мастерских, связанных с обработкой как цветных, так и черных металлов, с большим количеством металлургических горнов разного назначения, исследованы несколько десятков погребений как в языческой, так и в мусульманской части некрополя; небольшой ров с частоколом, который отделял жилую часть площадки от мусульманского могильника; участки посада Рождественского городища.

В 2008–2017 гг. проведено несколько сеансов аэрофотосъемки площадки городища в разные периоды весны, лета и осени, что позволило визуально определить особенности структурирования площадки городища и выделить участок, занятый посадом в напольной предвальной части городища. Важным источником для понимания планиграфической и стратиграфической ситуации на городище явились результаты археогеофизической разведки, проведенной в 2010 г. группой сотрудников Физико-технического института УрО РАН под руководством И.В. Журбина [2012]. Результаты электроразведки частично проверены вскрытием культурных слоев на некоторых участках полигона и доказали действенность и информационную значимость метода. Данные электроразведки с большой долей вероятности позволяют прогнозировать форму и геометрические параметры археологических объектов и восстанавливать структуру культурного слоя.

Аэрофотосъемка в сочетании с данными археогеофизической разведки и планомерных раскопок восточной части площадки городища существенно изменили представления об этапах его формирования.

При съемке с дельтолета весной 2011 г., когда городище еще не успело зарости высокой травой, вдоль борта Постановогового лога, ограничивающего с востока площадку Рождественского городища, была замечена узкая неглубокая канавка, которая при поверхностном осмотре памятника не выделялась. Предпринятые здесь раскопки показали, что канавка связана с остатками частокола – одним из наиболее поздних сооружений городища, установленным, судя по находке медной монеты – пула (Джучиды, Булгар, с именем халифа ан-Насира, XIII в.), не ранее XIII в. [Крыласова, 2015, с. 78, 84]. Частокол был установлен на месте ряда больших жилищ каркасно-столбовой конструкции, которые располагались на расстоянии 1–2 м друг от друга торцевой стеной к логу – очевидно, эти стены играли роль фортификационного сооружения [Крыласова, 2017, с. 176–177]. В 2016 г. у восточной стены одного из жилищ неожиданно были выявлены остатки рва (на поверхности он не прослеживается и его существование ранее не предполагалось). Ров шириной 2,7 м, глубиной 1,5 м с параллельными пологими бортами, вытянутый параллельно логу, являлся самым ранним сооружением на данном участке

памятника. Перед строительством жилищ ров был засыпан [Крыласова, 2017, с. 177]. Судя по анализу вещевого материала и радиоуглеродным датам, жилища были построены во второй половине XI в. и существовали в XII в., что видно по многочисленным следам ремонта, не менее 100 лет. Таким образом, ров выполнял функцию фортификационного сооружения с момента постройки городища на рубеже IX–X вв. до постройки жилищ.

Когда стала ясна планиграфическая ситуация на вскрытой части памятника, можно было вновь вернуться к данным археогеофизической разведки и попытаться сопоставить результаты. Самый большой полигон, заложенный в 2010 г., охватил значительный участок восточной части площадки городища между тремя раскопами, которые он частично перекрыл, что позволило более адекватно интерпретировать выявленные на нем аномалии. В результате можно сделать следующие выводы: 1) выявленный в раскопе засыпанный ров севернее у оконечности лога соединялся с разрушенным валом, четко прослеживающимся на полигоне археогеофизической разведки и по особенностям травяного покрова на снимках с воздуха; этот вал располагался в 30 м южнее ныне существующего вала, также имел форму дуги, ограничивающей пространство между западным Шиловским и восточным Постанововским логами; 2) в 60 м западнее Постанововского лога на площадке городища на снимках с воздуха был отмечен неглубокий провал, заложенный здесь раскоп показал наличие засыпанного в древности лога шириной до 16 и глубиной свыше 3 м, в котором располагалась крупная многопрофильная ремесленная мастерская [Крыласова, Подосенова, 2015]; 3) на пространстве между этими двумя логами располагалось два ряда жилищ размерами 120–180 кв. м, построенных в каркасно-столбовой технике (поскольку часть жилищ была уничтожена при пожаре, обугленные конструкции позволили четко проследить особенности их конструкции и интерьера) [Крыласова, 2016; Белавин, Крыласова, 2016].

Изучение средневековых сооружений на памятниках Пермского Предуралья сопряжено с определенными трудностями, главной из которых является культурный слой, не способствующий, как правило, сохранению органических остатков, в том числе древесины. В силу этого определить постройку как жилищно-хозяйственное сооружение зачастую можно только по остаткам отопительного сооружения; в наземных постройках, не имеющих заглубленной части, зафиксировать границы чрезвычайно сложно, необходимы планиграфические наблюдения за изменениями, даже незначительными, в грунте (например, примесь кусочков глины, шамота или мелкой гальки), а также за распространением находок.

Вторым моментом, затрудняющим как реконструкцию облика типичного прикамского жилища, так и выделение остатков жилищ и хозяйственных построек при раскопках археологических памятников, является отсутствие четких представлений об особенностях конструкции, строительной технологии, организации внутреннего пространства дома. Наблюдения, полученные при исследовании жилищ в восточной части площадки Рождественского городища (здесь полностью или частично изучено семь жилищ и еще как минимум четыре по характерным признакам выделяются среди аномалий на полигоне геофизической разведки), существенно пополняют эти представления.

В подавляющем большинстве сооружений по периметру зафиксированы крупные столбовые ямы, следовательно, они были построены в каркасно-столбовой технике с закладкой поперечных бревен или плах как в пазы стояков, так и между ними, поскольку в некоторых случаях отмечается попарное расположение несущих столбов стен.

Как показывают наблюдения, исследователями часто игнорировались и не фиксировались столбовые ямки малого диаметра. Между тем в средневековом Пермском Предуралье конструкции из кольев являлись универсальными. С их помощью не только возводились стенки, служившие опорами нар, столов и прочих деталей интерьера, оснований галерей, опалубки завалинок, оснований мостков и иных конструкций. Колья использовались также для закрепления дощатой облицовки ям (в технике заклада, когда вертикальные колья прижимали горизонтальные доски к стенкам), причем их следы в ямах фиксируются как на дне, так и в стенках, что позволяет предполагать наличие полок или перекрытий; колья применялись при сооружении опалубок в основании печей и очагов. Внимательная и тщательная фиксация маленьких столбовых ямок позволяет в дальнейшем при работе с планами выделять разнообразные детали в интерьере и внешнем обустройстве жилищ. В частности, скрупулезный анализ этих конструкций позволяет более детально проследить особенности интерьера, в то время как в целом детализация интерьера относится к числу наиболее гипотетических результатов изысканий, нацеленных на воссоздание облика сооружения.

Осевая часть жилищно-хозяйственных сооружений при раскопках обычно прослеживается в виде широкой полосы культурного слоя, насыщенного органикой. Детальный анализ содержания культурных напластований, выделение на плане археологического разреза отдельных слоев, их устойчивых со-

четаний, относящихся к конкретным объектам, позволили определить последовательность изменения параметров этих объектов, комплексов сооружений, выявить уровни планировки, соответствующие периодам функционирования городищ. Были проведены палеозоологические анализы, а также палинологический, археоботанический и химические анализы культурного слоя. Анализ материальной культуры городища, в привязке к конкретным планировочным структурам, позволил существенно уточнить представления об уровне жизни его населения.

Таким образом, имеется предварительное понимание взаимосвязей объектов, их возможных параметров и внешних признаков, выявляемых при раскопках. Важным опытом является осуществленная верификация части полигонов электроразведки путем археологических исследований. Этот опыт дает основание для более детального и тщательного анализа выявленных остатков сооружений.

Библиографический список

- Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие: мат. Междунар. науч. конф. Казань, 2000. С. 122–127.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Жилища средневекового Прикамья // Средневековая археология Волго-Уралья: сб. науч. тр. к 65-летию юбилею Ф.Ш. Хузина. Казань, 2016. С. 67–71.
- Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. 232 с.
- Даврижец А. Книга историй / пер. с армян., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М., 1973. 624 с.
- Журбин И.В. Геофизические исследования планировки и оборонительных сооружений Рождественского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь, 2012. С. 306–312.
- Коробейников А.В. Имитационное моделирование по данным археологии. Ижевск, 2006. 16 с.
- Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2014 г.: рукопись. Пермь, 2015. 117 с.
- Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. №3. С. 63–76.
- Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2016 г.: рукопись. Пермь, 2017. 197 с.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. №4. С. 27–41.
- Пастушенко И.Ю. Еще раз о локализации Вису // Finno-Ugrica, 2001–2002. №1 (5–6). Казань, 2002. С. 56–62.
- Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2001. 480 с.

УДК 902«634»(5)

В.В. Бобров

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН,
Институт экологии человека, Кемерово, Россия*

К ПРОБЛЕМЕ «ГРЕБЕНЧАТОГО» НЕОЛИТА НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ №33.2598.2017/ПЧ

На уровне современных знаний о неолите Северной Азии и прилегающих районов Центральной Азии выделяются две археологические культуры, керамика которых орнаментирована исключительно в технике гребенчатого штампа с ведущим мотивом в виде зигзага, так называемая шагающая гребенка. Это верхнеенисейская (Западные Саяны) и усть-каренгская (бассейн р. Витим) культуры. Дополняют их неолитические комплексы зауральских районов Западной Сибири, но с особенностью, выраженной в сочетании «шагающей» гребенки с другими техническими приемами орнаментации. Идентичная ситуация наблюдается в традиции декорирования посуды южноманьчжурской неолитической общности. На фоне общих тенденций развития орнаментальных традиций в неолите Северной Азии обозначенные относительно изолированные культуры и территориальные комплексы предстают как феноменальное явление. Поставлена проблема его возникновения и развития. Современная абсолютная хронология комплексов не приближает к ее решению в аспекте моноцентрической концепции.

Ключевые слова: неолит, Северная и Центральная Азия, орнамент, традиция, археологическая культура, гребенчатый штамп, керамика.

V.V. Bobrov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry SB RAS,
Institute of Human Ecology, Kemerovo, Russia

TO THE ISSUE OF THE “COMB” NEOLITHIC IN THE SOUTH OF CENTRAL SIBERIA

The work was performed as a part of public order of the Ministry of Education
and Science of the Russian Federation № 33.2598.2017 / ПЧ

The current knowledge about the Neolithic of Northern Asia and the adjacent regions of Central Asia enables distinguishing two archaeological cultures characterized by the decoration of their ceramics exclusively with comb pattern, the leading ornamentation motif being zigzag, the so-called “rocking comb”. They are the Upper Yenisei (the Western Sayans) and the Ust-Karenga (the area of the Vitim River) cultures. Neolithic complexes of the Trans-Ural regions of Western Siberia supplement them, however with their own special feature expressed in the combination of the rocking comb pattern with other ornamentation techniques. Identical situation can be found in the ware ornamentation tradition of the South-Manchurian Neolithic community. Against the background of common trends in the ornamental traditions of the Neolithic of Northern Asia, the relatively isolated cultures and territorial complexes in question appear as a remarkable phenomenon. The paper poses the problem of its origin and development. The current absolute chronology of complexes cannot bring us closer to its solution in the framework of monocentric conception.

Key words: the Neolithic, Northern and Central Asia, ornament, tradition, archaeological culture, comb stamp, ceramics.

Неолит Северной Азии оставался изученным неравномерно длительное время. Его познание претерпело существенные изменения начиная с 80-х годов прошлого столетия. Свидетельство тому – историография этого историко-хронологического периода Чукотки и Камчатки, российских островов Тихого океана, некоторых практически неисследованных районов континентальной части России. Параллельно с решением проблемы первоначального накопления источников шел процесс интенсивного изучения неолита в регионах, знания о которых приобрели хрестоматийный характер. Это Прибайкалье и Приангарье, Нижнее и Среднее Приамурье. Естественно, познание этого, на мой взгляд, важнейшего периода в древней истории будет продолжаться. Но к концу первого десятилетия двадцать первого столетия уже сложилась ситуация, которая позволяет давать оценку конкретным археологическим явлениям исходя из обобщения данных и знаний. К числу таких явлений относится так называемый «гребенчатый» неолит, представленный в комплексах к востоку от Западной Сибири. В концентрированном виде, в рамках характеристики археологической культуры, он соответствует только двум (возможно, пока) регионам: Западным Саянам (Республика Тыва) и бассейну р. Витим (Северо-Восточное Забайкалье).

Неолит северных районов Забайкалья (бассейн р. Витим) представлен усть-каренгской культурой (рис.; см. карту), выделенной В.М. Ветровым [1985]. На всех этапах ее развития керамическая посуда имела достаточно стандартную форму. Она представлена сосудами яйцевидной формы с незначительно выпуклым туловом. О морфологическом своеобразии усть-каренгской керамики свидетельствует то, что соотношение наибольшего диаметра тулова меньше высоты сосуда. Еще одной особенностью керамического производства посуды является обработка внутренней поверхности зубчатым шпателем. В декоративном оформлении усть-каренгской посуды можно выделить следующие наиболее характерные черты, в основном обозначенные В.М. Ветровым. Во-первых, по краю венчика с внешней и внутренней сторон нанесен орнамент обычно в виде ряда насечек. Во-вторых, орнамент на посуде зонален. Преимущественно выделена зона венчика, для которой типичным украшением является пояс зигзага. В-третьих, тулово сосуда вплоть до дна орнаментировано горизонтальными поясами «шагающей» гребенки, иногда значительно разреженными. На позднем этапе развития культуры размещали диагонально пояса оттисков «шагающей» гребенки в зоне венчика или ниже ее. Реже орнаментальную композицию формировали оттиски отступающей гребенки (рис.-11–17). Выделяя археологическую культуру, В.М. Ветров [1985, с. 127–128] совершенно справедливо и объективно обозначил исключительность усть-каренгского керамического комплекса среди неолитических культур Забайкалья и бассейна р. Лена. Но он видел сходство в технике нанесения орнамента и его композиционном построении с неолитическими комплексами Средней Азии и отчасти Зауралья [Ветров, 1985, с. 129]. Отметим также тождество с этими комплексами и в морфологии посуды. Следовало бы обратить внимание на идентичность гребенчатого штампа по размерам и форме западносибирским образцам.

Первоначально объяснение этого явления приобрело вид предположения о конвергентном развитии (обратим внимание на продолжение фразы) керамического производства в пределах верхней

части долины Витима [Ветров, 1985, с. 129]. Основаниями для такого вывода было отсутствие промежуточных памятников и радиоуглеродные даты, которые позволили ему датировать начало неолита 5 тыс. до н.э. в пределах данной территории. В первое десятилетие XXI столетия получена серия дат из памятников Витима, содержащих керамику, которые дали основания датировать появление керамических комплексов в интервале 12–11 тыс. лет назад [Ветров, 2010, с. 38]. Соответственно, в концепции В.М. Ветрова сменился вектор распространения гончарного производства – с востока на запад. Но теперь в этот процесс была включена декоративная компонента.

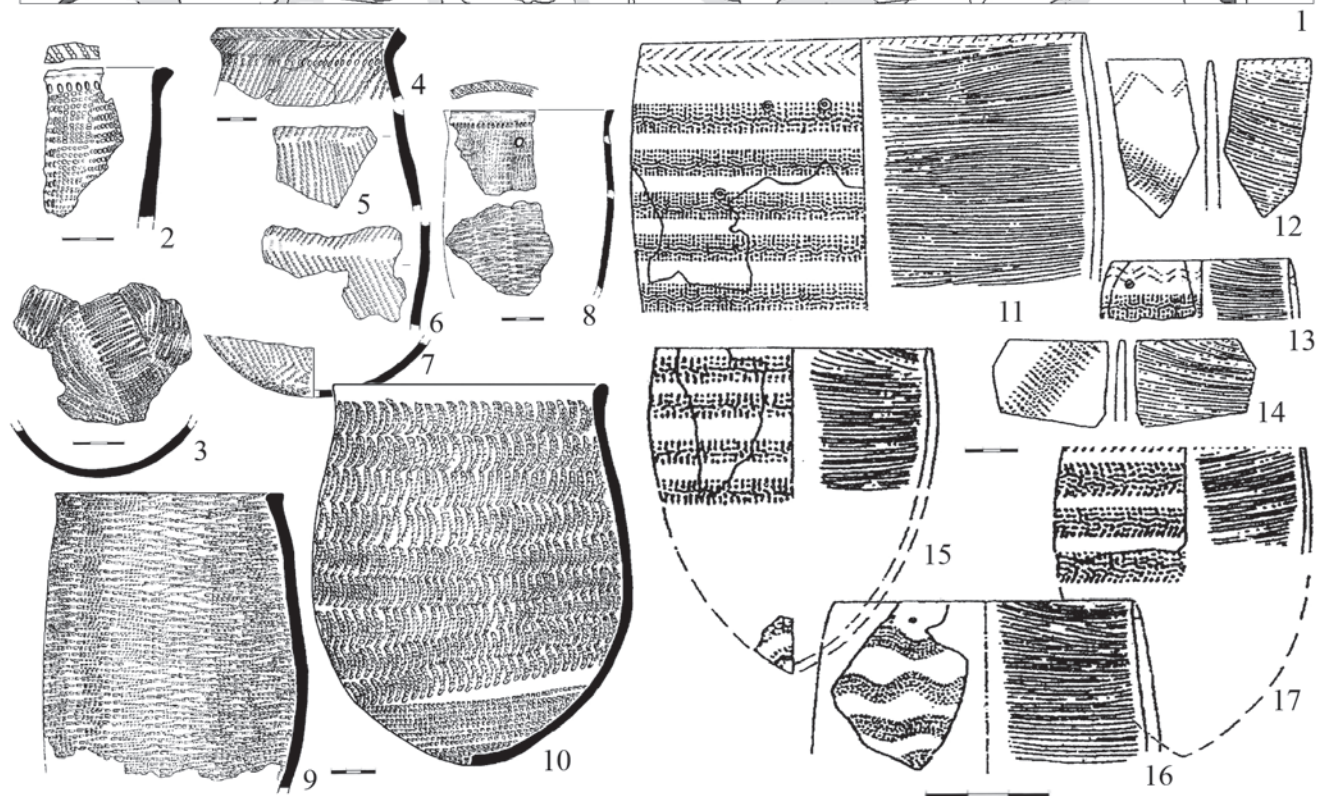
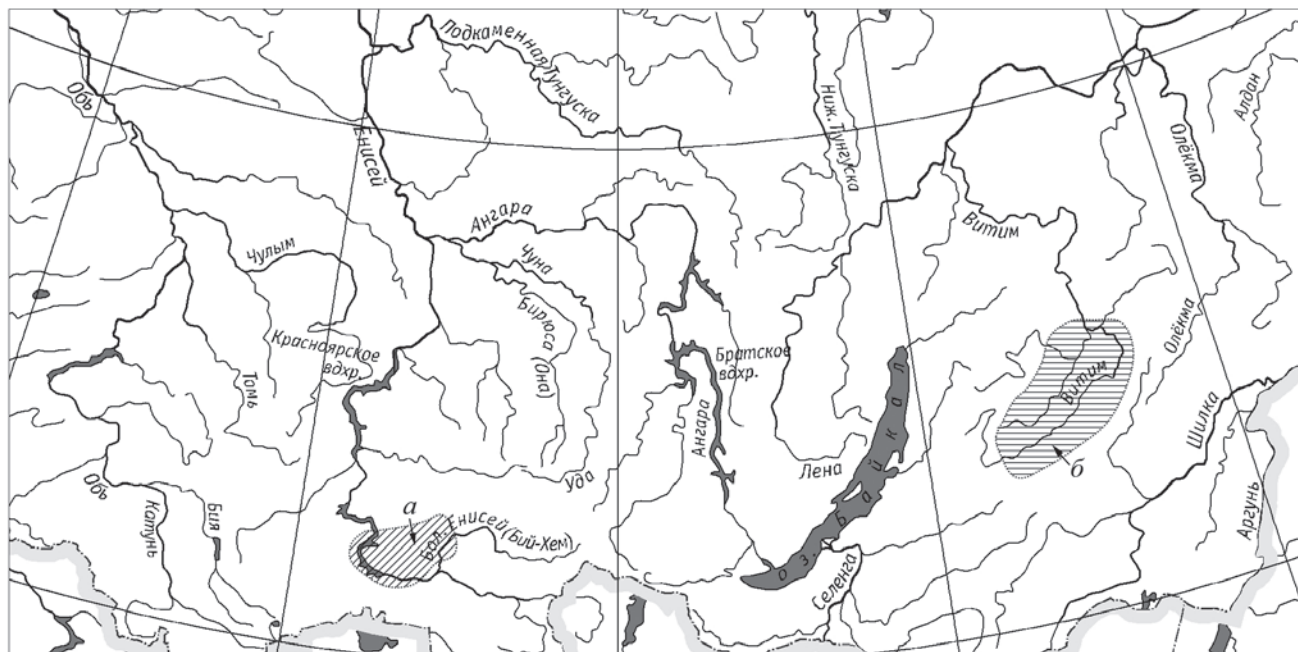
До настоящего времени существенной проблемой является изучение неолита Южной Сибири, знания о котором не только незначительные, но и неравномерные. В качестве примера можно привести центральные районы Западных Саян, где выявлено и исследовано менее десяти памятников. Их материалы позволили выделить поздненеолитическую культуру [Семенов, 1992]. Что же касается неолита восточных и западных районов Саян, то он практически неизвестен. Ареал культуры пока не определен, памятники локализуются по берегам Енисея в пределах водохранилища Саянской ГЭС (поселения Тоора-Даш, Усть-Кантегир, Сосновка-Джойская, Хадынских-I, пещера Куйлуг-Хем; рис.; см. карту). В.А. Семенов считает, что с верхнеенисейской культурой связан процесс так называемой неолитизации на территории Западных Саян. В связи с этим заключением следует обратить внимание на две проблемы. Во-первых, появление неолита в горной системе на границе с Центральной Азией в более позднее время, чем на сопредельных территориях. Во-вторых, он связан с гребенчатой орнаментальной традицией. Воспользуемся характеристикой керамического комплекса культуры, выделенной Вл.А. Семеновым, внося некоторые коррективы. Морфологически посуда представлена двумя типами: яйцевидной и круглодонной формы. Наибольший диаметр незначительно превышает диаметр горловины (редки сосуды с прямыми стенками), но он приходится на середину или нижнюю часть сосуда. Особенностью верхнеенисейской посуды является отогнутый наружу венчик. Он обычно утолщен и имеет прямой обрез. Все сосуды, по крайней мере стоянки Тоора-Даш, орнаментированы оттисками отступающей или «шагающей» гребенки. За редким исключением декор нанесен очень плотно. Соответственно, композиция воспринимается как сплошной единый узор. Только при выделении зоны венчика или дна она приобретает относительно усложненный вид (рис.-2–10). Статистически непреставительная серия керамической посуды не позволяет обозначить наиболее типичные орнаментальные мотивы. Можно отметить, что пояса оттисков «шагающей» гребенки расположены вертикально, а качалки – горизонтально. Некоторые сосуды украшены елочным мотивом. Нередко использовали горизонтальные линии для декора, а в единичном случае – диагональные. Примечательно то, что длина гребенчатого штампа до 6–7 см.

Вл.А. Семенов [2004, с. 86] датирует верхнеенисейскую культуру концом IV – началом III тыс. до н.э. Более того, ссылаясь на то, что в пещере Куйлуг-Хем слой с гребенчатой керамикой подстилает слой, в котором керамика отсутствует, он высказывает идею о том, что с верхнеенисейской культурой связан процесс возникновения неолита на территории Западных Саян. Истоки и происхождение этой культуры исследователь не рассматривает.

Характеристика керамических комплексов удаленных друг от друга регионов Сибири позволяет сделать вывод о том, что их отличает некоторое своеобразие в морфологии, в композиционном построении декора, но объединяют техника нанесения орнамента и орнаментальные мотивы. Керамических комплексов с идентичной орнаментацией нет в пределах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Усть-каренгскую керамику выделяет в этом пространстве остродонность. В неолитическое время такая посуда характерна для Западной Сибири, если ограничить круг аналогов территорией Северной Азии. В некоторых регионах и культурах яйцевидная форма посуды сохраняется в переходное время к палеометаллу и в период ранней бронзы. Например, большемысская культура лесостепного Алтая и афанасьевская культура Горного Алтая и Среднего Енисея. По морфологическим признакам верхнеенисейская керамика не имеет аналогов. Исключение составляет единственный сосуд яйцевидной формы. В совокупности с орнаментом в виде сплошных горизонтальных поясов оттисков гребенчатой качалки он идентичен посуде большемысской культуры [Кирюшин, 2002; Бобров, 2010]. Отметим также, что вертикальное заполнение поверхности сосуда оттисками «шагающей» гребенки напоминает орнамент на некоторых сосудах усть-тартаской культуры эпохи ранней бронзы Барабы [Молодин, 2005, с. 180–184].

Исключительность керамических комплексов неолитических культур Западных Саян и бассейна р. Витим достаточно очевидна на общем фоне развития орнаментальных традиций неолита Северной Азии [Бобров, 2015, с. 6–12]. Некоторое отличие на этом пространстве составляет неолит Западной Си-

бири, а точнее Зауралья. Для изучения древностей этого региона М.Ф. Косарев [1981] предложил подход, основанный на развитии орнаментальных традиций, среди которых он выделяет и гребенчатую. Гребенчатая техника, включая прием «шагания», известна в северных зауральских памятниках раннего неолита, таких как еттовский и амнинский типы, сумпаньинская культура [Косинская, 2010, с. 38–39, 42]. Но, как правило, она не самостоятельная, а в сочетании с накольчатой и прочерченной техникой. Небезынтересно отметить длинный многозубый гребенчатый штамп для орнаментации керамики еттовского типа. Абсолютные даты позволяют отнести наиболее ранние памятники неолита севера Западной Сибири к концу VII – 1-й половине VI тыс. до н.э. [Косинская, 2010, с. 43].

Районы распространения (1) и керамика верхнененеисейской (а, 1–10) и усть-каренгской (б, 11–17) культур:
1–10 – стоянка Тоора-Даш (10 – 1-й культурный горизонт, 8, 9 – 2-й к.г., 2–6 – 3-й к.г.) (по: [Семенов, 2004]);
11–17 – стоянка Усть-Каренга (по: [Ветров, 2008])

Таким образом, западносибирские неолитические комплексы не составляют полного тождества с орнаментальной традицией верхнеенисейской и усть-каренгской культурами. Прежде всего потому, что гребенчатую технику сопровождали другие способы нанесения орнамента.

В связи с поднятой в данной статье проблемой следует обратить внимание еще на один (?) регион с гребенчатой керамикой. На территории Южной Маньчжурии выделено несколько археологических культур со своеобразной орнаментацией [Алкин, 2007]. Особенность орнаментации керамики заключается в использовании гребенчатого штампа, как отмечают специалисты, зигзагообразные оттиски которого формировали горизонтальные или вертикальные пояса, покрывающие всю поверхность сосуда. Следует признать, что гребенчатая техника – не единственный способ декорирования керамической посуды южноманьчжурских неолитических культур. Тем не менее его доля в ряде культур достаточно высока. Например, в культуре хуншань. Более того, так называемый зигзаг, выполненный гребенчатым штампом, идентичен «шагающим» оттискам. Заметим, что размеры орнамента – 6–8 см. О значении гребенчатой традиции в виде зигзага свидетельствует то, что она явилась одним из главных объединяющих признаков южноманьчжурской неолитической общности [Алкин, 2007, с. 78]. Небезынтересна хронология неолитических культур Южной Маньчжурии. Наиболее ранняя из них – культура сунлунва, по данным на начало двадцатого столетия, существовала в промежутке с последней трети VII тыс. до н.э. до рубежа VI–V тыс. до н.э.; культура чжаобаогоу – в пределах конец VI – середина V тыс. до н.э. Хронологические границы культуры хуншань – середина V – середина III тыс. до н.э. [Алкин, 2007, с. 33, 41, 45].

Вышеизложенные археологические данные позволяют обозначить проблему феномена «гребенчатого» неолита, связанного с достаточно обширным географическим пространством. Кристаллизованная ее сущность будет сводиться к появлению и распространению орнаментального мотива в виде «шагающей» гребенки или зигзага. Происхождение этой орнаментальной традиции с точки зрения хронологии возможно только для неолита Западных Саян. Для южноманьчжурского и западносибирского неолита она появляется практически одновременно. Абсолютные даты выделяют только усть-каренгскую культуру бассейна р. Витима, как наиболее древнюю среди неолитических культур с гребенчатой орнаментацией на территории Северной и, насколько мне известно, Центральной Азии. Но невозможно не обратить внимания на то, что в ней эта традиция предстает в сформировавшемся, совершенном виде. Впрочем, в таком же виде она представлена и в других неолитических культурах. Пока нет оснований решить эту проблему с позиции происхождения керамического производства. В дальневосточном очаге возникновения керамической посуды пока отсутствуют признаки истоков гребенчатой орнаментации. При такой источниковой ситуации и современном уровне познания неолита невольно возникает идея о конвергентном происхождении гребенчатой техники орнаментации и «шагающего» мотива или зигзага. Побудительной причиной и исходной точкой могло стать использование естественных, природных орнаментов, дающих зубчатые отпечатки. Экспериментально установлено их бытование в среде древних этнокультурных образований Зауралья. Это основание предполагать логическую связь – от естественных к искусственным орнаментам в пределах данного географического пространства. В восточных регионах с гребенчатой орнаментацией идентичных исследований, насколько мне известно, не проводилось. Идею конвергентного происхождения гребенчатой традиции, впервые высказанную В.М. Ветровым, следует рассматривать как гипотезу, которая имеет достаточно зыбкую аргументацию. Вполне возможно, что она окажется несостоятельной в связи с доступными и новыми данными о неолитическом периоде северных и западных районов Китая, более углубленного изучения древнейшего дальневосточного керамического пласта. Но если гипотеза обретет хотя бы некоторые обоснованные черты, то возникнет необходимость внести коррективы в теоретические положения о значении керамики и ее орнаментации в этнокультурной диагностике. Решение рассматриваемого археологического феномена имеет первостепенное значение в связи с тем, что «шагающая» гребенка, формирующая горизонтальные, вертикальные, диагональные пояса и композиции, получила широкое распространение в период смены эпох от камня к палеометаллу и ранней бронзе, например, от Поволжья до Среднего Енисея.

Библиографический список

- Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск, 2007. 168 с.
- Бобров В.В. Большемысская культура // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 110–113.

- Бобров В.В. Тенденции развития орнамента и ритмы жизни (размышления о первобытном искусстве) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 3, №1 (61). С. 6–12.
- Ветров В.М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 123–129.
- Ветров В.М. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген, палеоантропология, геoarхеология, этнология Азии. Иркутск, 2008. С. 28–34.
- Ветров В.М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 37–44.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза лесостепи Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 280 с.
- Косинская Л.Л. Каменный век севера Западной Сибири // История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1, кн. 1. 416 с.
- Молодин В.И. Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 180–184.
- Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992. 136 с.
- Семенов Вл.А. К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 70–87.

УДК 902(571.1)

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

О КРИТЕРИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Статья посвящена вопросу о дифференциации ирменских древностей, исследованных на территории южной части Западной Сибири. Изучаемые материалы по-разному трактовались учеными. Восприятие их специалистами прошло долгий путь от карасукской культуры к вариантам карасукской эпохи, а затем и к самостоятельной ирменской культуре. Вместе с тем ирменские древности рассматривались и продолжают рассматриваться как составная часть некоего крупного территориального объединения (карасукско-киммерийского или межовско-ирменского). Да и сам статус ирменской культуры воспринимается сегодня учеными уже не так однозначно (магистральная культура экстраординарного типа или культурно-историческая общность). Причиной этому стали результаты исследований ученых, занимавшихся вопросами изучения материальной и духовной культуры ирменского населения различных территорий, металлообработки, палеоантропологии. Учитывая выводы специалистов, а также собственные наблюдения, ирменские древности лесостепной части Западной Сибири рассматриваются нами в рамках самостоятельной культурно-исторической общности.

Ключевые слова: ирменская культура, карасукская эпоха, историко-хронологический пласт, территориальные группы, локальные варианты.

S.A. Kovalevsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE CRITERIA OF DIFFERENTIATION OF THE IRMEN CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY

The article is devoted to the issue of differentiation of Irmen antiquities, studied in the southern part of Western Siberia. The materials studied were treated differently by scientists. Their perception by specialists has come a long way from the Karasuk culture to the variants of the Karasuk era, and then to the independent Irmenskaya culture. At the same time, the Irmen antiquities were and are considered as an integral part of some large territorial unification (Karasuk-Cimmerian or Mezhevsky-Irmenian). Moreover, the very status of the Irmenskaya culture is perceived today by scientists no longer so unambiguously (trunk culture of an extraordinary type or a cultural-historical community). The reason for this was the results of research by scientists who studied the material and spiritual culture of the Irmen population of various territories, metalworking, paleoanthropology. Taking into account the specialists' conclusions and our own observations, we consider Irmen antiquities of the forest-steppe part of Western Siberia within the framework of an independent cultural and historical community.

Key words: Irmenskaya culture, Karasuk era, historical and chronological formation, affinity groups, local options.

К настоящему времени специалистами выделено достаточно большое количество археологических культур. Не касаясь дискуссионного понятия «археологическая культура», стоит отметить, что сами эти культуры достаточно неоднородны и порой отличаются друг от друга по целому ряду параметров. Целью нашей работы стала попытка показать место ирменской археологической культуры (в нашем понимании культурно-исторической общности. – С.К.) в ряду других культурных образований, существовавших в эпоху поздней бронзы на территории лесостепной части Западной Сибири. Стоит

напомнить, что ирменская археологическая культура была выделена более 60 лет назад Н.Л. Членовой [1955] на основании немногочисленных тогда памятников. Сегодня таких объектов известно уже около 400. Изменились представления не только о количестве памятников, но и о территории распространения культуры, особенностях ее развития. Стало очевидным, что «ирмень» «переросла» границы локальной культуры. Даже при беглом сравнении с другими культурными образованиями эпохи поздней бронзы становится понятной особая роль ирменской культуры в исторических процессах, протекавших на территории лесостепной зоны Западной Сибири.

На это обращали внимание специалисты, стоявшие у истоков изучения западносибирских древностей позднего бронзового века. Стоит хотя бы вспомнить о трансформации понятия «карасукская культура», применявшегося начиная с конца 1920-х – 1-й половины 1930-х гг. по отношению к памятникам степной и лесостепной части Западной и Средней Сибири, в понятие «карасукская эпоха» или «карасукская общность», вошедшее в научный оборот в 1950-е гг. благодаря трудам М.П. Грязнова. Выделение им различных вариантов культуры карасукского типа [Грязнов, 1956, с. 26, 40–41] являлось попыткой выхода на уровень палеоэтнографической реконструкции социального устройства древнего населения эпохи поздней бронзы.

Среди специалистов, рассматривавших культурно-генетические процессы, протекавшие на территории юга Западной Сибири в русле концепции М.П. Грязнова, достаточно интересную идею высказала Т.Н. Троицкая, предложившая рассматривать понятия «карасукская эпоха» и «карасукская культура» как равноценные. По ее мнению, понятие «карасукская культура» аналогично термину «скифская культура», который шире понятия «скифы». При этом имеющиеся внутри подобной культуры различия в хозяйстве, погребальном обряде, керамике и даже этнической принадлежности носителей не приводят к изменению ее статуса [Троицкая, 1974, с. 45].

Несмотря на произошедший в 1970-е гг. отход большинства специалистов от рассмотрения памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири как карасукских древностей, эта идея продолжала существовать. Благодаря работам Н.Л. Членовой [1972, с. 131–135; 1974, с. 118; 1981, с. 18; 1984, с. 67–68] ирменские древности продолжали и в последующем восприниматься составной частью обширного карасукского или карасукско-киммерийского мира. Нам представляется, что такое понимание роли ирменских древностей следует рассматривать как развитие идей М.П. Грязнова.

Иное видение историко-культурной ситуации, сложившейся в эпоху поздней бронзы, было предложено М.Ф. Косаревым. Если в концепциях М.П. Грязнова и Н.Л. Членовой ирменская культура представляла как составная часть карасукского мира, то М.Ф. Косарев [1981, с. 162], выделив межовско-ирменский историко-хронологический пласт (ареал), фактически сместил внимание исследователей в сторону Зауралья и Западной Сибири. Именно эти территории было предложено рассматривать как самостоятельное историко-культурное пространство, обладающее собственными ресурсами развития и не являющееся составной частью более крупных территориальных объединений. Идею М.Ф. Косарева поддержало большинство специалистов, касавшихся в той или иной степени ирменской проблематики. Так, например, Й. Шнеевайс предложил рассматривать межовскую и ирменскую культуры в виде единой культурной общности [Schneeweiß, 2007, с. 271–272].

Не оспаривая тезиса о существовании межовско-ирменского историко-хронологического пласта, нам представляется, что корректировка должна быть внесена в его культурно-историческую составляющую. Ирменская культура, на наш взгляд, должна восприниматься как самостоятельная культурно-историческая общность, дифференцируемая не только на локальные варианты. Стоит сказать, что только признанных специалистами вариантов ирменской культуры насчитывается четыре (инской, алтайский, томский и среднеиртышский, или розановский). В свое время был выделен и новосибирский вариант тогда еще карасукской культуры. Целесообразным является рассмотрение вопроса об особой роли ирменских памятников Барабинской лесостепи, Среднего Притомья и Ачинско-Мариинской лесостепи. Возможно, и здесь можно говорить о существовании самостоятельных вариантов.

Вместе с тем «водораздел» в представлениях о дифференциации ирменских древностей касается не только окраинных вариантов, имевших свою специфику. Более глобальные различия прослеживаются между восточными и западными ирменскими памятниками. Еще в конце 1970-х гг. Д.Г. Савинов и В.В. Бобров предложили отказаться от понятия варианта культуры, взяв за основу территориального деления степень проявления тех или иных этнокультурных компонентов. В частности, по степени проявления карасукского компонента территория ирменской культуры была разделена исследователями на два ареала. В первый попала Верхняя Обь, южная часть Новосибирского Приобья и бассейн р. Иня. Здесь карасукское влияние, по мнению авторов, было более значительным. Второй же составили тер-

ритории Томского и северной части Новосибирского Приобья, где карасукское влияние было более слабым [Савинов, Бобров, 1978, с. 61]. Позднее В.В. Бобров [1991, с. 71–72; 1992, с. 17–30] предложил дифференцировать ирменскую культуру на две территориальные группы памятников: западную (Среднее Прииртышье и Барабинская лесостепь) и восточную (Верхнее Приобье и Кузнецкая котловина), обозначив их различия.

Существование этих двух территориальных групп было фактически подтверждено результатами анализов химического состава ирменского металла. Еще в 1970-е гг. на основании результатов спектрального анализа было установлено, что металл из ирменских памятников Томского Приобья демонстрирует сходство с карасукскими бронзами Минусы [Матюшенко, 1974, с. 51]. Близкие результаты были получены и Б.Н. Пяткиным [1978, с. 63–65] при анализе ирменского металла из Титовского могильника. Исследования, проведенные в 1990–2000-е гг., показали, что металл восточных ирменских памятников (Верхнее Приобье и Кузнецкая котловина) отличается неоднородным химическим составом. Здесь доминируют мышьяковые и сурьмяно-мышьяковые бронзы, что свидетельствует о связях с Саяно-Алтайской горно-металлургической областью. В западных же ирменских памятниках (лесостепное Прииртышье, Бараба) доминировали оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы, что говорит о снабжении этих районов металлом с территории горно-металлургических центров Рудного Алтая и Казахской горно-металлургической области [Бобров, Кузьминых, 1997, с. 11; Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997, с. 57–62, 68–72; Молодин и др., 2009, с. 207–211].

На основе анализа элементов погребального обряда Д.В. Степаненко также были выделены две территориальные группы в ирменском ареале: юго-западная (Омское Прииртышье, Барабинская лесостепь и Барнаульское Приобье) и северо-восточная (Томское и Новосибирское Приобье и Кузнецкая котловина). Их особенности специалист объясняет различиями природно-климатических зон, в пределах которых формировались эти территориальные группы [Степаненко, 2012, с. 30–31]. Дифференциация ирменской культуры на две крупные территориальные группы, обозначенная специалистами, очевидна. Вместе с тем нужно отметить особое место в данной схеме памятников алтайского варианта, материалы которого демонстрируют разнонаправленные тенденции, но в большей мере они тяготеют к памятникам Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины [Ковалевский, 2010, с. 140; 2017, с. 112].

Наличие в ареале ирменской культуры двух достаточно обширных территориальных групп, в составе которых выделяются локальные варианты, делает ее структуру более сложной, нетипичной. Да и сама эта культура выделяется на фоне своего окружения, приобретает особенный характер. Вследствие неравнозначности выделенных археологами культур эпохи поздней бронзы статус ирменской культуры, по нашему мнению, может считаться дискуссионным. Возникает вопрос либо о необходимости дифференциации археологических культур, либо о переводе отдельных выделенных ранее культур в иной статус.

Так, например, по первому пути пошла О.Н. Корочкова, дифференцировавшая археологические культуры позднего бронзового века по различным статусам. Ею были выделены узколокальные и гигантские, магистральные культуры. В качестве магистральной культуры (по терминологии А.В. Головной) О.Н. Корочкова рассматривает именно «ирмень». Магистральность данной культуры, по мнению специалиста, определяется не только гигантскими размерами, но и открытостью для разного рода связей и контактов, а также консолидирующей ролью данного образования по отношению к локальным культурам, попавшим в сферу ее влияния (на примере сузгунской культуры).

Именуя ирменскую культуру культурой экстраординарного типа, О.Н. Корочкова выделяет признаки, проявляющиеся в традициях металлообработки, развитой архитектуры, сформировавшейся погребальной обрядности, керамического производства, изготовления собственного этнического костюма и свидетельствующие о предцивилизационном уровне ее развития. Немаловажным основанием формирования такой магистральной культуры является и развитие скотоводства, приуроченного к лесостепным ландшафтам. Предполагается и наличие у ирменского населения собственных хозяйственно-культурных центров [Корочкова, 2011, с. 30].

Ранее идею о достижении ирменской и саргаринской культурами предцивилизационного уровня развития, а также наличия у них собственных хозяйственно-культурных центров высказал А.Б. Шамшин. Специалист полагает, что эти центры могли выступать в качестве своеобразных «торговых факторий», связывающих посредством транзитной караванной торговли население юга Средней Азии, Казахстана и юга Западной Сибири [Шамшин, 2004, с. 105; 2005, с. 149–155].

Нами было предложено [Ковалевский, 2011, с. 56–62; 2016, с. 29–36] рассматривать ирменские древности в рамках культурно-исторической общности, дифференцированной на две крупные тер-

риториальные группы (восточно- и западно-ирменскую), а также отдельные локальные варианты. Ее формирование связано с процессом расселения и оседания ирменских групп на обширной территории лесостепной части Западной Сибири, в ходе которого неизбежно накапливались изменения. Они были вызваны рядом факторов (отсутствие регулярных связей с другими ирменскими коллективами, особенно удаленными; взаимодействие с инокультурными группами; необходимость адаптироваться к различным природно-климатическим условиям, что приводило к изменениям в хозяйственной деятельности, домостроительстве и т.п.).

На наш взгляд, механическое объединение двух и более сходных между собою культур в единую культурную общность не всегда оправдано, так как не обязательно свидетельствует о существовавших между ними связях. Фиксируемая археологами общность происхождения подобных культур позволяет объединять их по генеалогическому принципу. Думается, что более удачным здесь является использование понятия «семья археологических культур», предложенного А.В. Матвеевым [2000]. Что же касается маркера действительно существовавшей культурно-исторической общности, то в качестве такового следует рассматривать археологически фиксируемое взаимопроникновение культурных традиций, а порой и симбиоз различных культур. Примером этого можно считать активное взаимодействие различных культурных традиций: ирменской и корчажкинской – в Алтайском Приобье, ирменской и сузгунской – в лесостепном Прииртышье, а также в северо-западных районах Барабы, ирменской и лугавской – в Ачинско-Мариинской лесостепи.

Учитывая эти особенности, «ирмень» выглядит уже не просто территориально протяженной культурой, а достаточно крупным образованием, состоящим из отдельных ядер или центров, каждое из которых демонстрирует свой путь развития и последующей трансформации в культуры переходного времени от бронзы к железу.

Библиографический список

- Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 60–72.
- Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
- Бобров В.В., Кузьминых С.В. Химический состав металла в аспекте локальной специфики развития ирменской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 9–12.
- Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово, 1997. 99 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. М.; Л., 1956. №48. 160 с.
- Ковалевский С.А. Традиции орнамента керамики из погребальных комплексов ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири (опыт сравнительного анализа) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 128–142.
- Ковалевский С.А. К вопросу об ирменской культурно-исторической общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14). С. 56–62.
- Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.
- Ковалевский С.А. Об алтайском варианте ирменской культурно-исторической общности (по материалам погребально-поминального обряда) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 109–114.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 37 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.
- Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 47 с.
- Матющенко В.И. Этапы развития бронзолитейного производства в лесостепном Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4. С. 47–54.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3. 248 с.
- Пяткин Б.Н. Результаты спектральных анализов бронзовых предметов из могильника Титово-1 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 63–65.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 47–62.
- Степаненко Д.В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 156 с.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4. С. 32–46.

Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. №23. С. 38–57.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.

Членова Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае в 1970 г. // Из истории Сибири. Вып. 15: Материалы по археологии Западной Сибири. Томск, 1974. С. 112–119.

Членова Н.Л. Карасукские культуры Сибири и Казахстана и их роль в киммерийско-карасукском мире (XIII–VII вв. до н.э.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 17–21.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. 98 с.

Шамшин А.Б. Микрорайоны эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье и Кулундинской степи // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 101–108.

Шамшин А.Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 149–155.

Schneeweiß J. Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe I. Untersuchungen zur spätbronze – bis frühelisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung, Archäologie in Eurasien 22. Verlag Philipp von Zabern – Mainz, 2007. 422 abb.

УДК 902(571.5)

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА УРОВНЕ ДРЕВНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ (на примере могильника Усть-Шилка-II на Среднем Енисее)

Рассматриваются приемы раскопок и фиксации грунтовых погребений, выполненных в обряде трупосожжения на стороне и устроенных на уровне древней поверхности. При разборе таких объектов рекомендуется учитывать степень воздействия на них естественных условий почвообразования в период археологизации: перемещение материала корнями деревьев, наличие ходов землеройных животных, изменение от лесных пожаров, талых вод и др. Фиксацию объектов обязательно проводить с момента разбора перекрывающего почвенно-растительного слоя. Конструктивные детали, а также форма, размеры устанавливаются по контурам пятен, почв разного состава, размещению углей и обгоревших плах, предметов и их обломков, фрагментов костей и т.д. Разбор проводится послойно, через 3 см с горизонтальной зачисткой. Объективность документирования подтверждается видео- и фотофиксацией с естественным дневным освещением, которое достигается затенением солнцезащитной ширмой. Представленные приемы изучения погребений апробированы на ряде могильников Восточной Сибири, в том числе на комплексе Усть-Шилка-II на Среднем Енисее.

Ключевые слова: методика полевой археологии, погребения, обряд, трупосожжения, Средний Енисей, ранний железный век, средневековье.

P.V. Mandryka

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

THE METHODS FOR THE STUDY OF BURIALS AT THE LEVEL OF THE ANCIENT LIVING SURFACE (on the example of the Ust-Shilka-II burial ground on the Middle Yenisei)

The article considers the methods of excavation and plotting of burials made by the burning on the side and arranged at the level of the ancient living surface. During the field recording of such objects it is recommended to take into account the degree of impact on them of natural conditions of soil formation in the period of archaeologisation: the movement of the material by roots of trees, the presence of burrowing animals, the change from forest fires and melt water, etc. Recording of the objects must be carried out from the moment of unearthing of the overlapping humic soil horizon. Structural details, the shape and dimensions are set by the contours of spots, soils of different composition, placement of coals and burnt wooden blocks, items and their fragments, bones fragments, etc. The unearthing is carried out layer by layer, in 3-cm with horizontal scraping. The objectivity of documentation is confirmed by video and photo recording with natural daylight, which is achieved by shading with the sun protecting screen. The presented methods of studying the burials were tested on a number of burial grounds in Eastern Siberia, including the Ust-Shilka-II complex on the Middle Yenisei.

Key words: methods of field archaeology, burial, rite of corpse burning, Middle Yenisei, early Iron Age, Middle Ages.

Среди погребальных памятников имеют место многочисленные примеры нахождения захоронений на уровне древней поверхности под курганный насыпью или под плитами перекрытия [Беликова, 1996, с. 105; Горбунов и др., 2015, с. 55; Ягодин и др., 2017, с. 365–367; и др.]. Широко распространен-

ная практика у кочевых народов – оставление трупа на поверхности земли [Семейная..., 1980; и др.] – фактически не фиксируется археологически. Выявить раскопками грунтовые погребальные комплексы, устроенные на древней поверхности без какого-либо сохранившегося намогильного сооружения, практически невозможно. Таких археологических объектов с обрядом трупоположения практически нет, так как труп в этом случае становится легкодоступным как для диких зверей, так и для глумления, а кости скелета, находясь на поверхности земли, практически не сохраняются. Чаще встречаются кремации, в силу лучшей сохранности (не растащены зверем или людьми) обгоревших и обожженных обломков костей. Кремации на стороне с помещением костей «плотной линзой» на древнюю поверхность грунтовых могильников изучали в европейской части России и Восточной Сибири. В Соколовой Пустыни [Сыроватко и др., 2015, с. 167, рис. 2] зафиксированы «рассеянные скопления кремированных человеческих останков на уровне древней поверхности». Погребения с подобной рассеянностью обломков костей отмечены на могильнике Усть-Зеленда-2 [Марченко и др., 2012, с. 456], на стоянке-могильнике Капонир (погребение №3) [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015, с. 294] и на ряде объектов, открытых автором – Проспихинская Шивера-IV (погребение №90), Усть-Шилка-II (погребения №7 и 9).

Методическим приемом полевого изучения скоплений обломков человеческих костей на уровне древней поверхности выступал разбор по «уровням графической фиксации погребения в процессе расчистки» [Потемкина и др., 2014, с. 58–59, рис. 1, 3] или, как ранее называли авторы, «уровням видимой поверхности костей». Кости в скоплениях при такой методике расчищаются насколько возможно, затем фиксируются и снимаются, после чего расчищаются следующие, лежащие ниже. Представленная методика была апробирована и расширена на памятниках таежной зоны Средней Сибири, чему и посвящена настоящая статья.

Изучая объекты раннего железного века и средних веков на территориях, покрытых лесом, исследователи сталкиваются с рядом проблем, касающихся степени воздействия на них естественных условий почвообразования в период археологизации. Залегая в современном мохово-дерновом или поддерновом слое, культурный слой, жилище, погребение и другие структуры памятника пронизаны корнями растений и деревьев, ходами землеройных животных, они подвержены воздействию от современных лесных пожаров и талых вод и др. Задокументировать форму, размеры, детали объекта возможно только после снятия мохово-дернового слоя. Однако уже в нем отмечаются признаки присутствия нижележащей структуры (угли, предметы и их обломки, фрагменты костей и т.д.), поэтому дерн обязательно разрывается на мелкие части, разрыхляется и просматривается. На первой горизонтальной зачистке под дерном (где корней становится значительно меньше) успешно применялись традиционные приемы фиксации с документированием цвета, плотности, состава почв, инородных в них включений, при этом все находки (твердые предметы, угли, труха, следы сгнившей органики) сохраняются на месте. Отработанная земля перебирается, просматривается, просеивается (промывается). На период долгого перерыва в рабочем процессе разбора объекта, на ночь и на время непогоды места размещения объекта закрываются полиэтиленовой пленкой, что предохраняет почву от высыхания и переувлажнения. Использование солнцезащитной ширмы способствует созданию благоприятных условий не только на период раскопок, но и во время фотофиксации.

Ключевым моментом в методике разбора грунтовых погребений, устроенных на древней поверхности, выступает фиксация послойной (через каждые 3 см) горизонтальной зачистки. Она проводится с использованием ножей, кисточек, небольших шпателей (мастихинов) и воздушной «груши» (спринцовки). Процесс изучения документируется видео- и фотосъемкой. При этом фиксируется каждая деталь, открывающаяся в ходе раскопок, и не только места скопления костей, но и примыкающего пространства. Детальная фиксация оправдывает себя и во время изучения заполнения могильной ямы, особенно если она заполнена кучей спрессованных обломков кальцинированных костей. Для объекта фиксируется планиграфия и разрезы, часто не однократно, что позволяет выявлять уровень древней поверхности и детали от перекрытия и устройства погребального комплекса. Фотосъемка сопровождается нивелировкой и зарисовкой на плане в масштабе не менее 1:5. Просмотренный грунт, образовавшийся при расчистке, промывается через мелкоячеистую сетку. При этом находки и обломки костей лучше снимать в «сухом» состоянии. Выявляемые в погребениях изделия из железа, кости, рога, стекла часто приходится закреплять и консервировать на месте, в полевых условиях. Для этого можно использовать раствор танина и спирта, поливинилбутерала и спирта. Обнаруженные вещи из органики снимаются с раскопа вместе с землей монолитом, упаковываются и транспортируются в реставрационную лабораторию, где с ними могут работать узкие специалисты.

Представленные приемы изучения погребений, устроенных на древней поверхности, апробированы на ряде могильников, материалы которых частично вводились в научный оборот [Мандрыка, Сено-турсова, 2018; Мандрыка, Фокин, 2005]. По такой же методике в 2005 г. было изучено погребение №9 VII–X вв. н.э. на комплексе Усть-Шилка-II в створе Казачинского порога на Енисее (рис. 1).

Погребение размещалось на естественном небольшом холмике, выражавшемся в рельефе мысовидным контуром на плавно покатом склоне террасы (рис. 2). Его размеры по основанию 3,4×3,6 м при высоте 0,2–0,3 м. По контрольному разрезу прослежено, что уровнем древней поверхности, на котором устраивалось погребение, выступала вершина древнего выворота (земляного бугра от упавшего с корнем дерева). На это указывали смешанный (перевернутый) характер материковой для погребения почвы, перекрытой слоями, сохранившими структуру естественного почвенного образования. Бугор не насыпался человеком, однако относительно правильная округлая его форма может указывать на искусственную его подправку.

Рис. 1. Этапы разбора погребения, устроенного на уровне древней поверхности

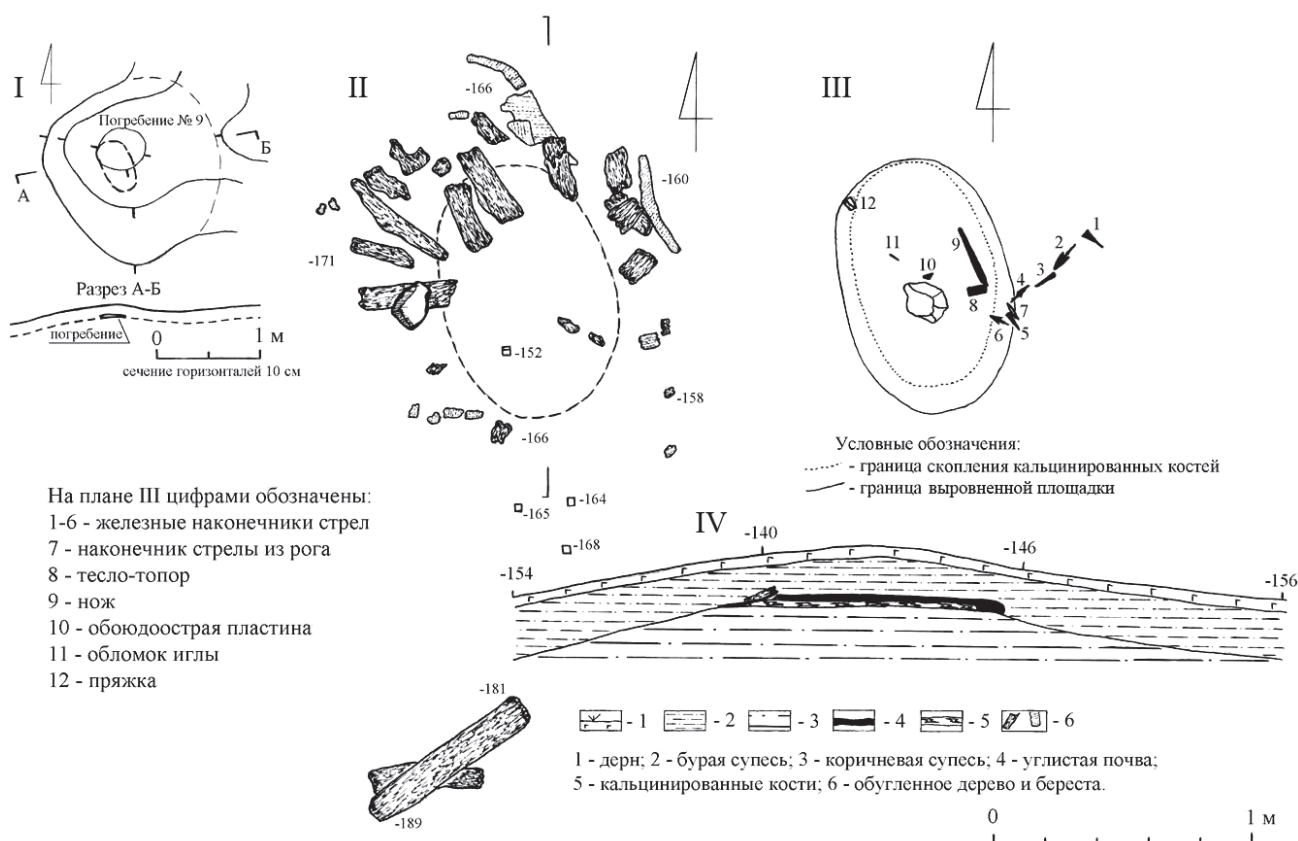

Рис. 2. Комплекс Усть-Шилка-II. Погребение №9: план дневной поверхности (I), план древней поверхности (II), план погребения (III), разрез (IV)

Скопление обломков кальцинированных костей человека залегало на уровне древней поверхности на глубине 20 см. «Целостность» погребения можно объяснить перекрытием его надмогильным сооружением с землей. От последнего сохранились обгоревшие плахи и фрагменты бересты (расстояние между крайними фрагментами 1,24 и 1,70 м), которые лежали в пятне прокаленной почвы мощностью 1 см вокруг и над скоплением костей в овальном контуре. В северной части объекта над скоплением костей и за пределами его края сохранились остатки плах длиной до 50 см. Плахи направлены к центру, их размеры в поперечнике от 4×5 до 4×10 см. Здесь же отмечены крупные лоскуты бересты, которые местами перекрывались фрагментами древесины. С южной стороны надмогильное сооружение не сохранилось, очевидно, обгоревшие плахи длиной 40 и 70 см отсюда были зафиксированы в 1 м южнее скопления обломков костей.

В почве, перекрывающей надмогильное сооружение (в 3–5 см выше уровня залегания плах), в восточной его части лежала массивная окатанная галька, а в центральной и южной части – четыре фрагмента горшка с ногтевым орнаментом (среди которых один венчик). Такая керамика на комплексе Усть-Шилка-II сопровождает культурный слой железоплавильной площадки, перекрывающий могильник. Отсюда можно сделать заключение о том, что отмеченные над погребением находки не связываются с захоронением и надмогильным сооружением, а были оставлены позднее. По составу формовочной массы, цвету, толщине стенок и орнаменту керамика сопоставляется с сосудами, встречающимися на енисейских поселениях лесососибирской культуры развитого и позднего средневековья.

В пределах овального контура выровненной на вершине бугра поверхности, размерами 64×100 см расчищено скопление обломков кальцинированных костей, залегавших в овальном контуре размерами 54×86 см (рис. 2). Здесь отмечены фрагменты черепа, ребер, конечностей, зубы и другие обломки костей человека, по нашему мнению, взрослого мужчины. Они размещались вперемешку, без сочленения и анатомического порядка. Кремация проводилась на стороне. В скоплении костей и рядом на уровне древней поверхности обнаружены предметы со следами пребывания в огне. Инвентарь погребения состоял из оружия, орудий и деталей одежды охотника-воина (рис. 3).

С восточной стороны в контуре выровненной площадки и рядом отмечены шесть железных и один роговой наконечник стрелы. Их острия направлены в разные стороны. В восточном секторе скопления раз-

мещался железный нож с наборным перекрестьем, рядом – железное тесло. В центре находился обломок оббитого камня размерами 14×18×7 см, рядом с ним – обоюдоострая железная пластина, а чуть в стороне – железная игла с обломанным острием. В северо-западном секторе зафиксирована железная пряжка.

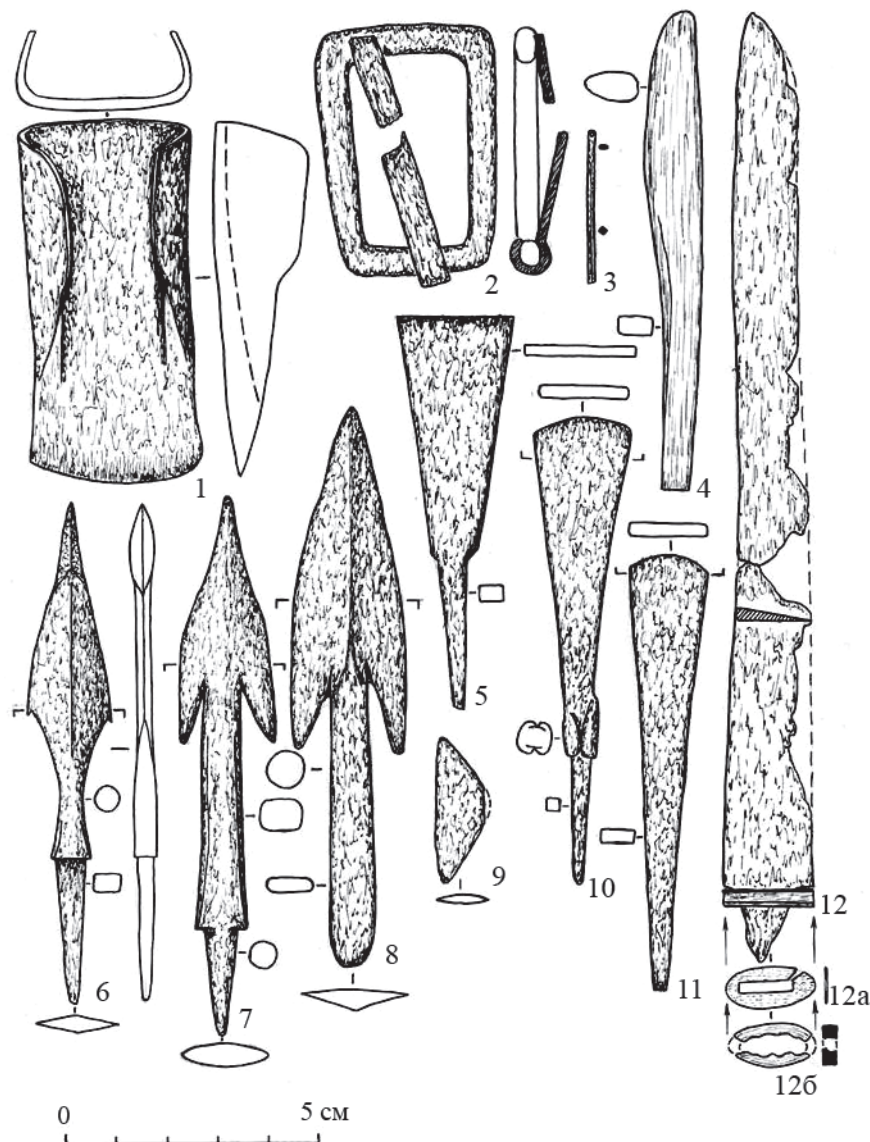

Рис. 3. Комплекс Усть-Шилка-II. Инвентарь погребения №9:
1–3, 5–11 – железо; 4 – рог; 12 – железо, медь, рог (12a – медь, 12b – рог)

Зафиксированная детализация устройства объекта позволяет провести реконструкцию внешнего вида могилы и обряда погребения. Труп сжигался вместе с вещами и, очевидно, в подпоясанной одежде на погребальном костре, устроенном за пределами территории могильника. Часть праха и вещи собирались в органическую емкость, переносились к месту захоронения и укладывались на подготовленную площадку – небольшой холм от выворота со сглаженной вершиной. Надмогильное сооружение в виде небольшого чума возводилось из деревянных плах, покрытых берестой и землей (дерном). В период археологизации конструкция сгорела, возможно, от лесного пожара. Позднее на месте некрополя была устроена металлургическая площадка с теплотехническими сооружениями по восстановлению рудных минералов в металлическое железо.

Библиографический список

- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.
Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. Новосибирск, 2015. 564 с. (Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1).

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин И.И., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования на памятниках Харганат-I и II в Ховдском аймаке Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Т. II: Гуманитарные и социальные науки: мат. XII междунар. науч. конф. Ховд; Томск, 2015. С. 53–57.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южно-таежной зоны Средней Сибири // Российская археология. 2018. №2. С. 84–98.

Мандрыка П.В., Фокин С.М. Погребение средневекового воина на северной периферии кочевого мира // Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 60–65.

Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Казакова Е.А. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 559–564.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Раскопки 2012 г. в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник? // Археология Подмоскovie: мат. науч. семинара. М., 2014. Вып. 10. С. 57–63.

Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. 240 с.

Сыроватко А.С., Потемкина О.Ю., Трошин А.А., Свиркина Н.Г. Новые данные о хронологии могильников щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 г. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 241. С. 165–172.

Ягодин В.Н., Китов Е.П., Ягодин В.В. Типология погребальных комплексов могильника Казыбаба-I во II–IV вв. н.э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного чинка Устюрта) // Stratum Plus Journal. 2017. Vol. 2017, Issue 4. P. 357–379.

УДК 392 (571.150)

И.И. Назаров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПО СЛЕДАМ САЯНО-АЛТАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ П.И. КАРАЛЬКИНА

В публикации рассматриваются сюжеты, связанные с полевым этнографическим изучением кумандинцев – тюркской группы населения, проживавшей в пределах Северного Алтая. Этнографическое изучение, предпринятое П.И. Каралькиным в 1951 г. в рамках Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР, позволило ввести в научный оборот уникальные сведения по этническому составу, истории и особенностям материальной культуры кумандинцев. Однако ряд сведений, собранных ученым, так и не был опубликован. В частности, оказались невостребованными уникальные сведения о религиозных верованиях кумандинцев в середине XX в. и о роли шаманов в их жизни. Предлагаемая публикация устраняет эти пробелы.

Ключевые слова: Саяно-Алтайская экспедиция, архивные материалы, П.И. Каралькин, этнографическое изучение, кумандинцы, шаманизм.

I.I. Nazarov

Altai State University, Barnaul, Russia

FOLLOWING THE SAYANO-ALTAI EXPEDITION: UPDATING OF SCIENTIFIC HERITAGE OF P.I. KARALKIN

The publication considers the plots connected with field ethnographic studying of the Kumandins – the Turkic group of the population who lived in the borders of Northern Altai. The ethnographic studying undertaken by P.I. Karalkin in 1951 within the Sayano-Altaysky expedition of Institute of Ethnography of Academy of Sciences of the USSR allowed introducing into the scientific use unique data on the ethnic composition, history and features of material culture of the Kumandins. However, a number of the data collected by the scientist has never been published. In particular, there were unclaimed unique data on religious beliefs of the Kumandins in the middle of the 20th century and about a role of shamans in their life. The offered publication eliminates these gaps.

Key words. Sayano-Altai expedition, archival materials, P.I. Karalkin, ethnographic studying, Kumandins, shamanism.

В 2018 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Петра Ивановича Каралькина (1908–1990) – этнографа, историка, музееведа и искусствоведа, знатока творчества Г.И. Гуркина. Одновременно с этим в 2018 г. исполняется 65 лет с момента выхода в свет статьи П.И. Каралькина [1953] «Кумандинцы», написанной им по результатам экспедиционной поездки к кумандинцам, проживавшим в Алтайском крае. Обозначенные выше даты являются, на наш взгляд, хорошим поводом для актуализации научного наследия П.И. Каралькина, которое в силу разных причин оказалось после смерти ученого рассредоточенным по разным архивам и музеям, и в полной мере еще не введено в научный оборот.

В связи с этим настоящая публикация имеет своей целью введение в научный оборот ранее не публиковавшихся сведений, собранных П.И. Каралькиным во время его экспедиционных работ в составе Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР (далее – Саяно-Алтайская экспедиция).

Жизненный и научный путь Петра Ивановича Каралькина еще не становился объектом полноценного исследования. Некоторые факты из биографии ученого, в том числе и сюжеты по экспедиционному изучению народов Сибири, изложены им в интервью Леониду Суртаеву. Текст этого интервью был нами опубликован в отдельной статье [Назаров, 2018]. Краткая биография П.И. Каралькина, анализ его вклада в этнографическое изучение народов Сибири, полная библиография его работ были представлены в специальных публикациях [Назаров, 2000; 2009; 2017].

В контексте рассматриваемой темы важно отметить, что Петр Иванович родился в 1908 г. в кумандинской семье в аиле Елтош Нижне-Кумандинской волости Бийского уезда Алтайского округа Томской губернии (в настоящее время территория Красногорского района Алтайского края). Детские и юношеские годы П.И. Каралькина прошли среди кумандинцев. Это определило знание им родного – кумандинского – языка, а также традиционного уклада жизни аборигенного населения Алтая. Умение вести беседу с представителями изучаемых тюркских народов Сибири на понятном и близком – кумандинском – языке стало в последующем залогом успешной полевой работы П.И. Каралькина.

Личные качества Петра Каралькина – ответственность, усердие, мобилизация всех сил для выполнения поставленных задач, заметно выделяли его среди кумандинской и русской молодежи, проживавшей в Елтоше и соседних населенных пунктах. Руководство Старо-Бардинского района уже в 1927 г. назначает П.И. Каралькина председателем Елтошинского сельсовета, затем делегирует на окружные и краевые съезды Советов и, наконец, направляет его на учебу на рабфак Томского университета. После рабфака П.И. Каралькин поступил в Институт народов Севера при ВЦИК СССР в Ленинграде.

По окончании вуза получил диплом преподавателя русского языка и литературы в национальных учебных заведениях, стал специалистом по вопросам письменности малых народов Сибири. После института Петра Ивановича направили на работу в Западно-Сибирский крайисполком, где он был устроен на должность инструктора отдела национальностей. В 1934–1936 гг. Каралькин принимал участие в разработке алфавита и букваря для кумандинцев и других коренных народов Алтая.

В 1936 г. П.И. Каралькин вернулся в Ленинград и поступил в аспирантуру. В 1939 г. Наркомпросс командировал его в Хакасию для организации в Абакане краеведческого музея. С августа 1939 по июнь 1941 г. Каралькин был директором этого музея. Летом 1941 г. Каралькина призвали в Красную армию. Он воевал в Маньчжурии, был замполитом. После войны вернулся в Ленинград и трудоустроился в Государственный музей этнографии народов СССР. За годы работы в этом музее Петр Иванович заведовал его архивом, руководил отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, являлся заместителем директора по научной работе. В 1974 г. он вышел на пенсию.

Научные интересы П.И. Каралькина касались в основном проблем музееведения и этнографии народов Сибири. Он совершил более двух десятков экспедиций для сбора нового материала, обследования слабо изученных территорий и пополнения фондов центральных этнографических музеев страны. В том числе пять поездок Петра Ивановича прошли в составе Саяно-Алтайской экспедиции, нацеленной на археологическое и этнографическое изучение Южной Сибири. При этом этнографический отряд экспедиции делал упор на изучение населения Горного Алтая, Шории, Хакасии и Тувы. В работе экспедиции принимали участие крупные ученые того времени. Так, например, в Хакасии П.И. Каралькин собирал материалы по этнографии населения Усть-Абаканского района вместе с Р.Ф. Итсом и Л.П. Потаповым [Левин, 1953].

В рамках Саяно-Алтайской экспедиции для сбора фактического материала по этнографии кумандинцев Петр Иванович в 1951 г. побывал в Старо-Бардинском и Солтонском районах Алтайского края. По итогам этой поездки и была опубликована в 1953 г. статья «Кумандинцы», где исследователь представил собранные им этнографические материалы, относящиеся к дореволюционному прошлому кумандинцев, а также сведения о современной жизни этого народа и произошедших в первой половине XX в. социалистических преобразованиях. В 2008 г., в год 100-летия со дня рождения П.И. Каралькина, статья «Кумандинцы», наряду с другими его материалами [2008], в том числе ранее не издававшимися, была опубликована в сборнике «Культура и традиции коренных народов Северного Алтая». Сборник размещен в сети Интернет и доступен для использования широкой аудитории. Данное обстоятельство делает возможным пропустить обзор рассматриваемой статьи «Кумандинцы». Обратим лишь внимание, что в ее заключительной части Петр Иванович уточнил, что в статье он изложил только часть собранного материала, «дальнейшая обработка и публикация которого позволит полнее осветить вопросы современной культуры и быта кумандинцев» [Каралькин, 2008, с. 230]. Таким образом, как следует из этого уточнения, собранные сведения не в полном объеме были отражены в этой публикации. В дальнейшем он, судя по всему, предполагал написать и иные работы по этнографии своего народа. Однако

этого, как известно, не произошло. Все сведения, собранные Петром Ивановичем в экспедиции 1951 г., так и остались неопубликованными, и в дальнейшем, как уже отмечалось выше, аккумулировались в разных архивах, в том числе и зарубежных. Данное обстоятельство в течение многих лет делало эти материалы недоступными для отечественных исследователей. Их введение в научный оборот позволит существенно дополнить представления об особенностях кумандинской культуры первой половины XX в., в частности традиционных религиозных верований и шаманизма.

В архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранится полевой дневник Петра Ивановича, который он вел во время поездки по Солтонскому и Старо-Бардинскому районам Алтайского края в 1951 г. [Архив МАЭ, К-1. Оп. 2. Д. 37]. Сопоставление полевых записей П.И. Каралькина с текстом опубликованной им в 1953 г. статьи «Кумандинцы» позволяет выявить круг тем, которые по разным причинам остались за рамками статьи. Между тем неопубликованные П.И. Каралькиным сведения представляют интерес с точки зрения истории этнографического изучения народов Алтая и дополняют научные представления о традиционных хозяйственных занятиях, об особенностях быта, родовой структуры и верованиях кумандинцев середины XX в.

Обратимся к этим неопубликованным экспедиционным материалам Каралькина. В дневнике содержатся сведения о сроках и маршруте поездки этнографа, которая длилась с 26 июля по 5 сентября 1951 г. Отправной точкой экспедиции являлся Бийск. Из него П.И. Каралькин проследовал по следующему маршруту: Бийск – Ненинка – Карабинка – Нижняя Ненинка – Солтон – Излап Второй – Половинка – Шатобал – Поперешка – Сатуга – Кичеково – Тостоково – Кубия – Пешпер – Кубия – Балыкса – Макарьевское – Старая Барда – Елтош – Чепша – Алешкино – Егона – Старая Барда – Быстрянка. Поездка завершилась в Горно-Алтайске. Во многих населенных пунктах, через которые пролегал путь этнографа, как следует из его дневниковых записей, им было встречено смешанное население. Так, например, в с. Излап Второй Каралькин застал только две семьи кумандинцев, остальные семьи были русскими или мордовскими. В с. Половинкино исследователь насчитал 20 дворов, из которых половина была кумандинскими, а остальные – русскими. В с. Егона из 30 хозяйств три были русскими, остальные – кумандинскими.

В полевом дневнике П.И. Каралькина упоминаются десять основных информантов из разных населенных пунктов, от которых этнограф записал сведения. В частности, от них исследователем были зафиксированы двойные названия поселков. Одно из названий воспринималось кумандинцами как русское, а второе – как собственное, кумандинское. Например, название с. Второй Излап имело кумандинский аналог «Чазлай», поселок «Караган» – «Уч таш», с. Алешкино – «Кужа пашижда» или «Кужа пажи», д. Бобровка – «Кумдусту аалы», д. Половинка – «Паштык аалы», с. Пешпер – «Тоныр», с. Карасево – «Шабыр», д. Пильно – «Шепше».

На территории Солтонского района П.И. Каралькин застал много охотников-кумандинцев, которые в основном промышляли пушного зверя. В с. Сатуга, как следует из дневниковых записей Каралькина, охотились на белку и горностая в период с декабря по январь. Большой интерес представляют записанные этнографом сведения об организации охотничьих коллективов. Кумандинцы на промысел ходили артелью, в которую объединялись от пяти до десяти охотников. В тайге они строили один общий шалаш (*отак*), в котором и жили сообща. Однако питались охотники на промысле отдельно, каждый готовил сам для себя. Пойманную добычу между собой не делили. При этом в артели был старший, который не только выполнял административные функции, но и соблюдал обряд трехкратного брызганья масла в огонь.

П.И. Каралькин сообщает, что охотники во время промысла передвигались на лыжах, обшитых конским камусом. За диким козлом кумандинцы также охотились в зимнее время, гоняясь за животным по снегу на лыжах. Загнанное животное из ружья не добивали (букв. *ок шыгдрбас* – пулю не выпускали), а забивали деревянной лопаткой. Такой же способ использовался и при охоте на рысь. На медведя же солтонские охотники предпочитали ставить настоженные ружья. С охотничьим промыслом было связано и приготовление кумандинцами особого блюда (*пиша*). В основе этого блюда были мелко порезанные внутренности животных, которыми набивался желудок сурка. Запечатанный желудок затем варился и подавался к столу. П.И. Каралькин сообщает, что такое блюдо обычно готовилось на охоте в день отъезда домой.

Один из собеседников П.И. Каралькина, Андрей Иванович Имеков из с. Солтон, оказался не только опытным охотником, но и знатоком кумандинских сказок (*чорчек*). Этнограф зафиксировал названия следующих сказок, которые А.И. Имеков рассказывал *теген*, т.е. без музыкального инструмента: «Алтын спех», «Алый Мамажай», «Караа нанынг углы», «Кара кабырга», «Отыг кос», «Чес Шубельдей», «Костенке и Паян». Из текста дневниковых записей неясно, были ли записаны П.И. Каралькиным тексты этих сказок от А.И. Имекова.

Значительный объем информации, собранный П.И. Каралькиным, но не включенный в статью, касался сохранившимся у кумандинцев к середине XX в. шаманским традициям. На страницах своего дневника исследователь упоминает о четырех действовавших в момент его путешествия шаманах: Поткай Емеков из с. Поперешка, Лабышев из а. Кубия, Сырга (Пелекова-?) из Алешкина, а также А.И. Имеков из Солтона. Все они камлали без бубна, так как боялись преследования со стороны властей. Вместо бубна кумандинские шаманы использовали во время камлания пучок березовых веток (*шырба*). Ритуальная шаманская одежда представляла собой белый холщовый халат (*ак кендрек*), подпоясанный шерстяным тканым поясом. На голову надевался белый холщовый колпак (*ак калтак*). Костюм Поткай Емекова был украшен разноцветными лентами красного, черного и белого цветов, которые крепились на макушке его колпака, на обоих плечах халата, а также привязывались к пучку березовых веток. Поткай признался П.И. Каралькину, что подумывает сделать бубен, но опасается, что за это его могут арестовать. Поэтому он пока обходился без бубна, а на время камлания пристегивал к своему поясу нож, который служил ему защитой от нападения других шаманов.

П.И. Каралькин в своем дневнике отметил существовавшее в момент его экспедиции большое недоверие населения к шаманам, к которым за помощью обращались лишь старики. Ироничное отношение население к шаманам этнограф в своем дневнике передал следующими фразами, записанными от кумандинцев: «...шаман едет к Эрлику на гусе, а возвращается на лягушке...», «шаман приходит к Эрлику и говорит: Здорово!».

Приведенный краткий обзор полевых материалов дополняет сложившиеся в науке представления о состоянии традиционной культуры кумандинцев середины XX в. и актуализирует необходимость введения в оборот научного наследия П.И. Каралькина.

Библиографический список

Каралькин П.И. Путевые заметки, сделанные во время поездки к кумандинцам Солтонского и Старо-Бардинского районов Алтайского края, июль–сентябрь 1951 г. // Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). К-1. Оп. 2. Д. 37.

Каралькин П.И. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1953. Т. XVIII. С. 53–38.

Каралькин П.И. Кумандинцы: (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2008. С. 219–230.

Левин М.Г. Полевые исследования Института этнографии в 1953 г. // Советская этнография. 1953. №2. С. 194–197.

Назаров И. Кумандинец Каралькин // Свободный курс. 2000. 23 ноября.

Назаров И.И. Петр Иванович Каралькин и его вклад в изучение народов Сибири // Краеведческие записки. Барнаул, 2009. Вып. 8. С. 4–8.

Назаров И.И. 110 лет со дня рождения этнографа, музееведа П.И. Каралькина (1908–1990) // Алтайский край, 2018 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2017. С. 8–13.

Назаров И.И. Этнографическое изучение народов Сибири и практика музейной работы в научном наследии П.И. Каралькина // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100). С. 130–135.

УДК 903'1:903.5(510)

Pan Ling

Jilin University, Changchun, China

A SUMMARY ON THE XIONGNU CULTURE ELEMENT OF XICHAGOU CEMETERY

Xichagou cemetery is located in the northern area of Liaoning province of northeast China. The date of Xichagou cemetery is through first half of West Han to middle stage of West Han, namely through 2 century B.C. to the first half of 1 century B.C. The artifacts of Xichagou cemetery reflect a lot of cultural elements. The main culture element of Xichagou cemetery is Hanshu Second Period culture, and only a little part is Xiongnu culture element which are reflected on the small bronze artifacts such as belt items, ornaments, harness and so on. These artifacts are mainly found in Xiongnu culture relics specially, only a little are not only distributed in Xiongnu area, but also can be found in the West Han tombs. Xichagou cemetery is located on the northern side of the military defense line of Liaodong county (辽东郡) of Han Dynasty and it is only about 40 kilometers far from the defence line. The main culture element of the cemetery is come down from Songnen plain (松嫩平原) area. Bases on comprehensive factors above mentioned, we can believe that the owner of Xichagou cemetery is Wuhuan (乌桓). The report book of the cemetery will be published in 2019.

Key words: Xichagou cemetery (西岔沟墓地), Xiongnu (匈奴), Hanshu Second Period culture (汉书二期文化), the first half and middle stage of West Han Dynasty (西汉前中期), military defence line of Liaodong county (辽东汉塞), Wuhuan (乌桓).

Пан Линь

Цзилиньский университет, Чанчунь, Китай

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРЫ СЮННУ НА ЗАХОРОНЕНИИ СИЧАГОУ

Захоронение Сичагоу (Xichagou) находится на севере провинции Ляонин (Северо-Восточный Китай). Захоронение датируется периодом с первой половины до середины Западной Хань (со II в. до н.э. до I в. н.э.). Специфика артефактов захоронения Сичагоу заключается в их соотношении с различными археологическими культурами. Основная часть находок захоронения Сичагоу относится к культуре Ханшу второго периода, и лишь небольшая часть изделий из бронзы (поясные бляхи, украшения, упряжь и т.д.) – к культуре Хунну (Сюнну). Эти артефакты в основном найдены в памятниках культуры Хунну (Сюнну), но они также обнаружены в гробницах периода Западной Хань. Захоронение Сичагоу расположено на северной стороне, в 40 км от оборонной линии округа Ляоду. Основной объект культуры найден в районе долины Сонгнен (Songnen). На основании вышеизложенных фактов можно предположить, что захоронение принадлежит народу Ухуань. Материалы о захоронении будут опубликованы в 2019 г.

Ключевые слова: захоронение Сичагоу, Хунну (Сюнну), культура Ханшу второго периода, первая половина и средняя стадия династии Западная Хань, военная линия обороны округа Ляодун (Ляодун Хансай), Ухуань.

The Xichagou cemetery is located on a small hill of the west of Zhizhong village (执中村), Leshan Xiang (乐善乡) of Xifeng county (西丰县), Liaoning province, facing a little river on the south side of the hill. The geographical coordinates of it is east longitude 142°7', north latitude 42°7'. The cemetery was seriously damaged during 1955–1956, and the archaeological team of Liaoning Province Museum excavated all the area of the cemetery, and excavated 63 damaged tombs and a lot of robbed pits. A lot of funeral objects were collected from farmers. The formal excavation report book of Xichagou cemetery will be published in 2019.

According to the characteristics of central plain style artifacts and other cultures found in Xichagou cemetery, we can date Xichagou cemetery precisely in the first and middle stage of West Han, namely, during 2 century BC to early stage of 1 century BC.

The materials of Xichagou cemetery are published only a very little part, so it is difficult to estimate which nation they belong to. First, the researcher believed that the Xichagou cemetery belonged to Xiongnu [Sun, 1960], then a scholar presented that it is the relics of Wuhuan (乌桓) [Zeng, 1961]. Twenty years later, some scholars believed it belonged to Fuyu (扶余) [Tian, 1984]. In 1998, professor Lin Yun presented that the artifacts of Xichagou cemetery reflect many cultural elements, and many of them are Hanshu Second Period culture artifacts, and we should estimate the their origin carefully [Lin, 1998]. In recent twenty years, scholars tended to believe that the main culture element of Xichagou cemetery is Hanshu Second Period culture, it came down to the northern part of Liaoning province from Songnen plain together with Xiongnu culture [Zheng, 1997; Pan, 2007].

I have been working on the report book of Xichagou cemetery for 5 years, and I know it is very clear that the main culture element of it is Hanshu Second Period culture, and includes other elements such as Baoshan culture, early Fuyu culture, Xiongnu culture and Han culture. The artifacts of Xiongnu culture are mainly bronze belt items and other ornaments which are wide spread within the areas of Xiongnu. The main part of these artifacts belong to Xiongnu culture specially, another little part of them can be found in Xiongnu relics and Han tombs at the same time. These artifacts were mainly collected from farmers living near the cemetery and we cannot define their original places in tombs as only a few were excavated from tombs.

1. Artifacts of Xiongnu Culture

(1) Hollowed-out belt plates

The plates are decorated hollowed-out animal patterns, staircase patterns, character scene patterns and most of them are of rectangular shape.

a) rectangle plates with animal-shaped pattern and human scene pattern

There are 6 totally. All the animal patterns can be found on other Xiongnu belt plates during 2 to 1 century B.C. (Fig. 1.-1–5).

b) ellipse-squared shape plate decorated with animal pattern

There is only 1 plate of this kind, the pattern of divine animal has a long month part (Fig. 1.-6).

c) P- shaped animal pattern plates

There are 5 plates. Four of them have classical P shape, one of patterns is Griefen biting beast, another pattern is similar to the former one, but the month of beast changes into hook form, and the Griefen changes into hollowed-out pattern and little animal. A plate is decorated with a character scene pattern (Fig. 1.-7–9).

The shape of a plate is close to P shape plate, and the pattern belongs to Xiongnu style, this kind of plate is seldom found in Xiongnu area (Fig. 1.-10).

d) Rectangular staircase pattern plate

There are 4 totally. 3 of them are decorated with water droplet form pattern on the rim (Fig. 1.-11, 12), one of them is decorated with six Griefen heads on the rim and with holes on each corner (Fig. 1.-13).

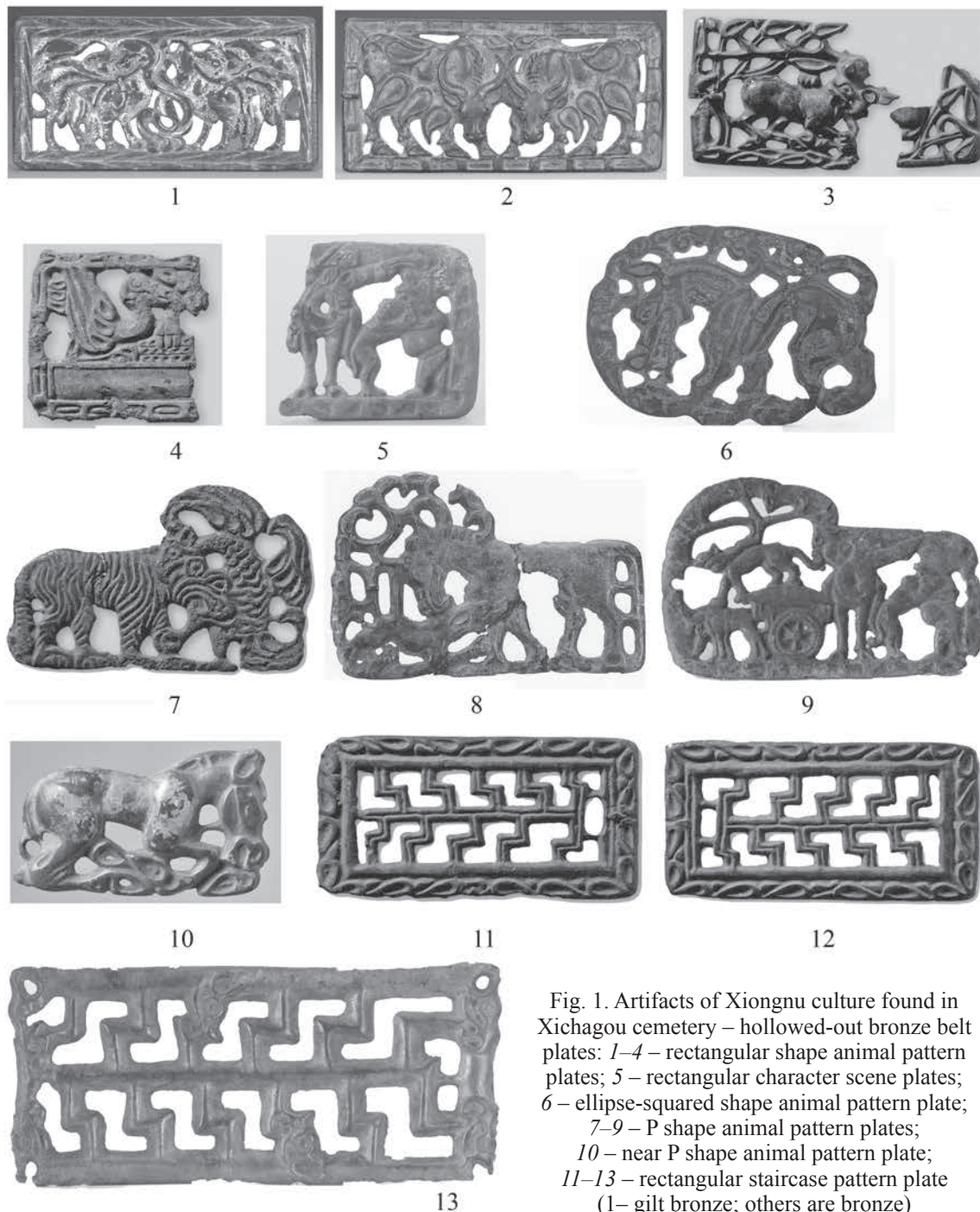

Fig. 1. Artifacts of Xiongnu culture found in Xichagou cemetery – hollowed-out bronze belt plates: 1-4 – rectangular shape animal pattern plates; 5 – rectangular character scene plates; 6 – ellipse-squared shape animal pattern plate; 7-9 – P shape animal pattern plates; 10 – near P shape animal pattern plate; 11-13 – rectangular staircase pattern plate (1- gilt bronze; others are bronze)

(2) Frame style buckle

There are 18 totally. The shapes of them are multiform, most of them are ellipse-squared shape, a few of them are rectangular or circle «shape». The size of them is mainly 4 to 6 centimeters long, only two of them are longer than 10 centimeters (Fig. 2.-5, 6). Five frame style belt buckles were excavated in one tomb, the biggest one near the grave, therefore it is a belt buckle (Fig. 2.-6), another 4 of them are not belt items (Fig. 2.-3, 7, 8, 9).

(3) Scoop shape band ornaments

There are 50 totally. Few of them were excavated from tombs, and the site of them in the tombs indicates that they are decorating items of leather band hanged under the belt. There are many kinds of patterns on the faces of them, and the patterns are all abstract animal heads, only a few of them are smooth with no decoration.

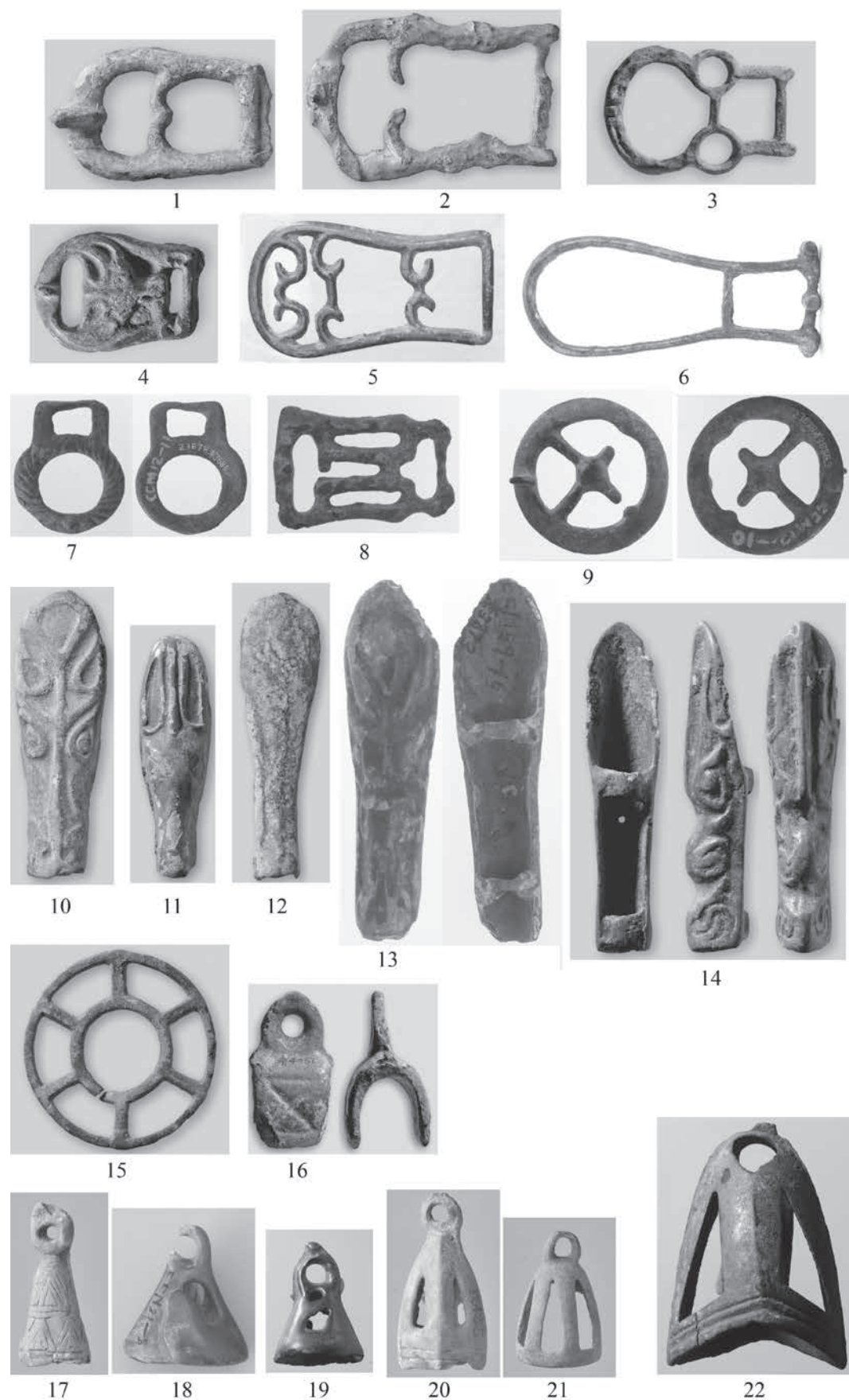

Fig. 2. Artifacts of Xiongnu culture found in Xichagou cemetery – belt buckle, scoop shape band ornament, bracket shape pendant ornament, wheel shape ornament, bell: 1–9 – belt buckle; 10–14 – scoop shape band ornament; 15 – wheel shape ornament; 16 – bracket shape pendant ornament; 17–22 – bell (all are bronze)

The kinds of patterns on scoop form band ornaments of Xichagou cemetery are more abundant than any other cemetery with Xiongnu culture element (Fig. 2.-10-14).

(4) *Wheel shape ornament*

There are 17 totally. There are two kinds of them, some of them have inner circle and outer circle, some of them have cross girder (Fig. 2.-15).

(5) *Bracket shape pendant ornament*

There are 21 totally, 11 of them are with smooth surface, and 10 of them have “五” form decoration (Fig. 2.-16).

(6) *Bell*

There are 48 totally. More than half of the bronze bells found in Xichagou cemetery are northern style which is common for Xiongnu relics. Most of them are very small and string together and were pendants under belts (Fig. 2.-17-21). A few of very big bells should be horse gear. There are irregular or triangle form with hollowed holes on many bells (Fig. 2.-22).

2. Artifacts which are only found in part of Xiongnu culture relics

They are not artifacts which belong to Xiongnu culture specially. Some of them are not distribute in the central area of Xiongnu, and some of them can be found in the central area of Xiongnu, but are wide distributed in the Han culture tombs at the same time.

(1) *Bas-relief plate with animal pattern*

There are 2 totally. They are all gilt plates, with double buttons on the back. The same kinds of plates can be found in the elitists tombs of West Han Dynasty (Fig. 3.-1, 3).

(2) *Bronze shell*

There are 21 totally. Most of them are gilt on the front and there is a saw tooth in the middle (Fig. 3.-2).

(3) *Button with bear pattern*

There are 7 totally. A few of them are gilt ones (Fig. 3.-4-6).

Fig. 3. Artifacts of Xiongnu cemetery which are only found in part of Xiongnu culture relics:
1, 2 – rectangular shape bas-relief plate with animal pattern; 2 – shell shape ornament;
4-6 – button with bear pattern (1, 3, 4 – gilt bronze, others are bronze)

3. On the national attribution of Xichagou cemetery

Even though there is not preserved human bone material, we can believe that Xichagou cemetery is not Xiongnu relics, it is belonged to a Chinese northeast nation which had accepted many Xiongnu culture elements. The main culture element is Hanshu Second Period culture coming down from Songnen plain, and the date of the cemetery is early and middle stage of West Han Dynasty. There is dense military feature on the relics, and the cemetery is located in the near north side of military defense line of Liaodong county (辽东郡) of West Han Dynasty. All above mentioned facts are most accorded with the nation of Wuhuan (乌桓) recorded in the Shiji (《史记》) and Hanshu (《汉书》). However, according to the artifacts found in the cemetery, we can believe that Wuhuan of this cemetery had intermingled with many east side culture elements coming from Changbaishan mountain land.

Bibliography

- Lin Yun, Xichagou Xing Tongbing Tiejian Yu Cailan Mudi de Zushu // Lin Yun Xueshu Wenji. Beijing, 1998. P. 352–367.
Pan Ling, Yiwoerjia Chegnzhi He Mudi Ji Xiangguan Xiongnu Kaogu Wenti Yanjiu. Beijing, 2007. P. 152–155.
Sun Shoudao, Xiongnu Xichagou Wenhua Gu Muqun De Faxian. Wenwu. 1960. №8/9. P. 25–32.
Tian Yun, Xichagou Gu Muqun Zushu Wenti Qianxi. Heilongjiang Wenwu Congkan. 1984. №1. P. 29–34.
Zeng Yong, Liaoning Xifeng Xichagou Gu Muqun Wei Wuhuan Wenhua Yiji Lun. Kaogu. 1961. №6. P. 334–336.
Zheng Junlei, Zhongguo Dongbei Diqu Hanmu Yanjiu. Changchun, 1997. P. 81–82.

The bibliography in Chinese is:

- 林云：《西岔沟型铜柄铁剑与彩岚墓地的族属》，《林云学术文集》，中国大百科全书出版社，1998年，352–367页。
潘玲：《伊沃尔加城址和墓地及相关匈奴考古问题研究》，科学出版社，2007年，152–155页。
孙守道：《“匈奴西岔沟文化”古墓群的发现》，《文物》1960年第8、9合期，25–32页。
田耘：《西岔沟古墓群族属问题浅析》，《黑龙江文物丛刊》1984年第1期，29–34期。
曾庸：《辽宁西丰西岔沟古墓群为乌桓文化遗迹论》，《考古》1961年第6期，334–336页。
郑君雷：《中国东北地区汉墓研究》，吉林大学1997年博士论文，81–82页。

УДК 902«653»(571.51/.52)

П.О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОЙ ТАЙГИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Теоретическое осмысление средневековых археологических материалов южной тайги Средней Сибири началось только в 80-е гг. XX в. Этот обширный регион исследован крайне неравномерно, большинство работ посвящено нижнему течению Ангары и бассейну Среднего Енисея. Основное внимание исследователей было направлено на разработку культурно-хронологических схем развития Средней Сибири в I–II тыс. н.э. Предложены две периодизации развития культуры населения Нижнего Приангарья. Анализировались особенности погребальной обрядности средневекового населения, влияние енисейских кыргызов на таежные племена. В 1990–2000-е гг. для бассейна Среднего Енисея выявлены керамические комплексы раннего и развитого средневековья. Расширение археологических исследований в регионе позволило выделить лесосибирскую культуру XI–XIV вв. Определенные успехи были достигнуты в вопросах изучения хозяйственного уклада средневекового населения, направления культурных связей. В целом теоретическое осмысление средневековых материалов южнотаежной зоны Средней Сибири находится в своей начальной стадии.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, южная тайга, Енисей, Ангара, историография, средневековье.

P.O. Senotrusova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

MEDIEVAL SITES OF THE SOUTH TAIGA ZONE OF MIDDLE SIBERIA: EXPERIENCE OF THEORETICAL UNDERSTANDING

The theoretical understanding of the archaeological material of the Middle Ages the South Taiga Zone of the Middle Siberia started in the 80th of the 20th century. This vast region has been studied extremely unevenly, most of the works are devoted to the lower reaches of the Angara and the Middle Yenisei basin. The main attention of researchers was directed to the development of cultural and chronological schemes for the development of Central Siberia in the 1st–2nd millennium AD. Two periods of development of culture of the population of the Lower Angara region are proposed. The features of the funeral rite of the medieval population, the influence of the Yenisei Kyrgyz on taiga tribes were analyzed. In the 1990–2000's ceramic complexes of the early and developed Middle Ages are revealed for the Middle Yenisei basin. Expansion of archaeological research in the region made it possible to identify the Siberian culture of the 11th–14th centuries. Some progress was made in the study of the economic structure of the medieval population, the direction of cultural ties. In general, the theoretical interpretation of medieval materials of the southern taiga zone of Central Siberia is in its initial stage.

Key words: middle Siberia, South Taiga Zone, Yenisei, Angara, historiography, Middle Ages.

Археологическое изучение средневековых памятников южнотаежной зоны Средней Сибири насчитывает более 120 лет. За этот период проведены многочисленные разведочные работы, стационарные раскопки, опубликованы результаты изучения могильников, городищ и поселений. В рамках данной статьи предполагается краткий обзор концепций и идей, которые были сформулированы исследователями на протяжении этого времени.

Обобщающих трудов по средневековой археологии южной тайги Средней Сибири немного, имеющаяся литература в большинстве случаев представлена краткими информационными статьями и тези-

сами. Несмотря на длительное изучение региона, осмысление средневековых материалов начинается только в последней трети XX в.

Особенностью археологии южной тайги Средней Сибири является неравномерная изученность региона, до сих пор многие районы продолжают оставаться «белым пятном». Наиболее полно исследовано нижнее течение Ангары и Енисейский бассейн, соответственно практически все работы посвящены этим территориям.

Одной из первых попыток обобщения материалов I–II тыс. н.э. Нижней Ангары стала диссертация А.В. Гладилина «Памятники железного века Северного Приангарья», которая была защищена в 1975 г. В исследовании автором обобщены и систематизированы материалы поселенческих комплексов, впервые получены радиоуглеродные даты для металлургических объектов, проведены археозоологические определения. На основании изменения конструкций горнов было выделено три этапа развития черной металлургии: ковинский (V–II вв. до н.э.), чадобецкий (I в. до н.э. – V в. н.э.), пашиновский (VI–XI вв. н.э.). На эти же этапы автором предложено разделить хронологию железного века Северного Приангарья, термин «средневековье» в диссертации не используется [Гладилин, 1985, с. 173]. Погребальные памятники и петроглифы в этом исследовании не анализировались. Предложенная концепция не получила в дальнейшем развернутого обоснования и не вошла в активный инструментарий научно-исследовательских работ.

В тезисной статье В.И. Привалихина «О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э.» впервые были обобщены материалы погребальных комплексов, изученных в 70-х–80-х гг. XX в. Основываясь на данных могильников Отика, Сергушкин, Чадобец, Кода, автор выделил следующие элементы погребальной обрядности населения Северного Приангарья в период развитого средневековья: трупосожжение на стороне, сжигание на погребальном костре сопроводительного инвентаря, помещение останков в грунтовые ямы различных размеров, отсутствие надмогильных конструкций. Распространение обычая кремации трупа на стороне В.И. Привалихин [1993, с. 103] связывает с включением территории нижнего течения Ангары в сферу влияния кыргызского каганата. Он отмечает, что местное население подверглось ассимиляции со стороны кыргызов, восприняло новый погребальный обряд, некоторые типы оружия и украшений [Привалихин, 1993, с. 103].

Идея присутствия енисейских кыргызов и их определяющего влияния на культуру местного населения звучит рефреном в большинстве исследований конца XX – начала XXI в. В том числе Д.Г. Савинов [1989, с. 148] отмечал, что в конце X в. происходит формирование красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов. Опираясь на свидетельства письменных источников, в частности на упоминание Рашид-Ад-Дином сведений о расположении самого северного кыргызского города Кикаса, он считал, что северная граница Кыргызского каганата доходила до ангарской стрелки и проходила по левому берегу Ангары [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 271]. К «кыргызским» комплексам исследователями были отнесены погребение на р. Чадобец [Леонтьев, 1985, с. 135], долоновское захоронение [Волокитин, Инешин, 1991, с. 146].

В 1999 г. В.П. Леонтьев подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Железный век Северного Приангарья», в которой обобщены накопленные к тому времени археологические материалы раннего железного века и средневековья, особое внимание уделено погребальным комплексам. В качестве опорных памятников выступили Усть-Ковинский могильник, погребения на стоянках Чадобец, Пашина, Сергушкин-III. Материалы поселений и петроглифов использовались в меньшей степени.

В.П. Леонтьев [1999, с. 17, 18] выделил два хронологических периода в развитии железного века Северного Приангарья: первый – VIII–II вв. до н.э., второй – II в. до н.э. – X в. н.э. При этом для второго периода было также выделено два этапа: II в. до н.э. – IV–V вв. н.э. и V–X вв. н.э.

Выделение этапов проводилось на основании изменения погребальной обрядности и эволюции отдельных категорий предметов. Для периода V–X вв. н.э. характерны керамика, орнаментированная обмазочными валиками, тесла с несомкнутой втулкой, ножи с кольцевыми и петлеобразными навершиями, разнотипные бронзовые накладки. В это время, по мнению В.П. Леонтьева, широкое распространение получил обряд кремации умерших на стороне, с последующим помещением праха в грунтовые ямы. Появление этого обряда, по мнению автора, следует связывать с проникновением на территорию Северного Приангарья представителей тюркоязычных народов [Леонтьев, 1999, с. 21].

В 1990–2000-е гг. происходило увеличение источниковой базы по средневековой археологии бассейна Среднего Енисея. Средневековые материалы были выявлены при изучении многослойных поселений Бобровка, Шилка-9, Усть-Шилка-2, городище Лесосибирское-1.

По итогам раскопок многослойного поселения Бобровка для бассейна Енисея были выделены керамические комплексы раннего, развитого и позднего средневековья [Археология..., 2003, с. 160–164].

Впоследствии аналогичные материалы зафиксированы на поселении Шилка-9 [Мандрыка, 2005]. Пока не выявлены группы керамики из закрытых средневековых комплексов, эти материалы продолжают выступать культурно-хронологическими маркерами для региона.

В 1998–1999 гг. П.В. Мандрыкой проводились раскопки городища Лесосибирское-1. На памятнике впервые изучены фортификационные сооружения, зафиксированы материалы начала II тыс. н.э., в том числе свидетельства железоделательного производства, железные ножи, керамика. Было высказано предположение, что городище принадлежало местному населению, испытывающему культурное влияние со стороны Кыргызского каганата [Мандрыка, 2003, с. 91].

При изучении городища выделена группа керамики с гребенчато-накольчатой орнаментацией, впоследствии аналогичные сосуды были зафиксированы и на других памятниках южной тайги, что позволило выделить лесосибирский тип керамики, характерный для южнотаежной зоны в начале II тыс. н.э. [Мандрыка и др., 2013].

В 2006 г. при публикации материалов погребения по обряду трупосожжения на стороне возле д. Каменск П.В. Мандрыкой [2006, с. 156] впервые высказана идея о формировании в начале II тыс. н.э. в южнотаежной зоне этноса, испытывающего влияние со стороны енисейских кыргызов, но сохраняющего и местные традиции. Отмечая сложность определения этнической принадлежности погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне, автор приводит сведения о народе бома, который локализуется некоторыми исследователями севернее кыргызского каганата [Мандрыка 2006, с. 157].

Отдельным направлением исследований стало изучение валиковой керамики, которая широко представлена на раннесредневековых памятниках южнотаежной зоны Средней Сибири. С.М. Фокин отмечает, что эта посуда демонстрирует широкое разнообразие в Приенисейской Сибири, им были выделены четыре группы валиковой керамики. Он подчеркивает, что она отличается от «...аналогичной керамики сопредельных территорий, что говорит об этнической самобытности древнего населения края» [Фокин, 2008, с. 214].

Впоследствии, на основании материалов поселения Проспихинская Шивера-I и могильника Усть-Кова, был выделен усть-ковинский тип валиковой керамики второй половины I тыс. н.э., была проведена корреляция этой посуды с некоторыми группами железных изделий и металлургических объектов [Мандрыка, Бирюлева, 2012]. В настоящее время работа по выделению культурно-хронологических групп валиковой посуды продолжается [Бирюлева, 2015].

Идея о близости развития культурных процессов в Красноярской лесостепи и Нижнем Приангарье в раннем средневековье была высказана П.В. Мандрыкой и Н.П. Макаровым [1994, с. 81] при публикации погребений боровского типа (IV–VII вв.).

Полевые работы в зоне затопления ложа Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре позволили расширить круг источников по средневековой археологии региона. Благодаря этому получили развитие новые направления исследований, появились свежие идеи и концепции.

При публикации материалов могильника Усть-Зелинда-2 исследователями были впервые проанализированы известные в Нижнем Приангарье средневековые погребения по обряду ингумации. Отмечена разительная вариабельность погребального обряда, высказано предположение, что подобные комплексы характерны в большей степени для I тыс. н.э. [Гришин и др., 2013, с. 91].

В последние годы большое внимание исследователей уделено проблеме развития в регионе черной металлургии. Помимо публикации новых материалов [Тимощенко и др., 2013; Абдулов и др., 2013; Макаров, 2013; Гришин и др., 2016], впервые был выделен комплекс каменных орудий, используемых при обработке металлов, предложена типология известных металлургических сооружений, появляются данные о рудных источниках, кузнечном деле [Князева, 2011; Senotrusova, Mandryka, 2015; Сенотрусова и др., 2016].

Изучение крупного некрополя Проспихинская Шивера-IV, ряда одиночных захоронений и поселений, позволило выделить лесосибирскую археологическую культуру, занимающую в XI–XIV вв. западную часть южнотаежной зоны Средней Сибири. В настоящее время проанализированы погребальный обряд, керамика, направления культурных связей, особенности хозяйства, орудийный набор и украшения носителей этой культурной традиции [Мандрыка, Сенотрусова, 2018].

Таким образом, обобщение и осмысление средневековых материалов южнотаежной зоны Средней Сибири началось только в 80-е гг. XX в. Основное внимание исследователей было направлено на разработку культурно-хронологических схем развития отдельных районов Средней Сибири в широких хронологических рамках железного века, куда входили и средневековые комплексы. Предложены две периодизации развития культуры населения Нижнего Приангарья. В основу первой легли изменения

металлургических сооружений (А.В. Гладилин), вторая обоснована изменениями керамики и инвентаря (В.П. Леонтьев). Обе схемы не получили развернутого обоснования и сейчас исследователями не используются.

Анализировались особенности погребальной обрядности средневекового населения, при этом особо подчеркивалось влияние енисейских кыргызов на культуру таежного населения Ангары. Эта идея продолжает встречаться в некоторых современных исследованиях.

В 1990–2000-е гг. для бассейна Среднего Енисея выявлены керамические комплексы раннего и развитого средневековья. Впоследствии, опираясь на эти разработки и привлекая материалы из Нижнего Приангарья, удалось выделить лесосибирскую археологическую культуру XI–XIV вв. Культурно-хронологические маркеры материалов раннего и развитого средневековья до сих пор четко не обозначены. Определенные успехи были достигнуты в вопросах изучения хозяйственного уклада средневекового населения, направления культурных связей.

Подводя итоги, нужно отметить, что район исследован неравномерно, многие материалы еще не опубликованы, большая часть средневековых находок залегает в компрессионных почвенных горизонтах. Тем не менее интенсивное накопление средневековых материалов позволяет ожидать расширения круга обобщающих исследований.

Библиографический список

- Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов В.В. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геoarхеологическом объекте Отико-II // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск, 2013. С. 7–18.
- Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Красноярск, 2003. 138 с.
- Бирюлева К.В. Тонковаликовая керамика Нижнего Приангарья: проблемы и перспективы изучения // *Международная полевая школа в Болгаре*. Казань; Болгар, 2015. С. 58–64.
- Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новые данные по железному веку Среднего Приангарья // *Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири*. Иркутск, 1991. С. 144–147.
- Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 192 л.
- Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. Metallургические объекты в устье р. Верхней Кежмы (Северное Приангарье): стоянка Пашина и поселение деревня Пашино // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск, 2016. №5. С. 210–217.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Средневековые погребения могильника Усть-Зелинда-2 (Северное Приангарье): к проблеме культурной дифференциации и хронологии // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск, 2013. С. 84–91.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Древней Евразии. СПб., 2005. 348 с.
- Князева Е.В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 108–116.
- Леонтьев В.П. К вопросу о проникновении тюркоязычных компонентов в Северное Приангарье // *Проблемы древних культур Сибири*. Новосибирск, 1985. С. 135–137.
- Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 25 с.
- Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // *Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий*. Красноярск, 2013. С. 130–175.
- Мандрыка П.В. Средневековое городище в енисейской тайге // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Археология и этнография*, 2003. Т. 2, вып. 3. С. 89–91.
- Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // *Известия Лаборатории древних технологий*. Иркутск, 2005. Вып. 3. С. 172–185.
- Мандрыка П.В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // *Енисейская провинция*. Красноярск, 2006. Вып. 2. С. 150–158.
- Мандрыка П.В., Бирюлева К.В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I // *Древности Приенисейской Сибири*. Красноярск, 2012. Вып. V. С. 43–49.
- Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // *Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: История*. 2013. №2. С. 67–71.
- Мандрыка П.В., Макаров Н.П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э.* Кемерово, 1994. С. 68–84.
- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южно-таежной зоны Средней Сибири // *Российская археология*. 2018. №2. С. 98–112.
- Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // *Культурогенетические процессы в Западной Сибири*. Томск, 1993. С. 101–103.

Савинов Д.Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 144–147.

Сенотрусова П.О., Самородский П.Н., Мандрыка П.В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, №5. С. 136–147.

Тимошенко А.А., Быкова М.В., Бочарова Е.Н. Новая металлургическая площадка в Северном Приангарье (по материалам ОАН о. Каменный (60 км) I) // Археология, этнология и антропология АТР: междисциплинарный аспект. Владивосток, 2013. С. 218–221.

Фокин С.М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 210–214.

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. Smith Craft of the People from the Lower Angara (based on materials of complex Prospikhinskaya Shivera-IV) // Ancient Metallurgy of the Sayn-Altai and Est Asia. Abakan, 2015. P. 137–144.

УДК 903.53«637»(4/5)

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ КОЛЬЦЕВОГО РВА В КУРГАНАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

В курганах эпохи бронзы евразийских степей получают распространение рвы, расположенные под насыпью или окружающие ее. Исследователи выделяют две основные функции рва – практическую и ритуально-символическую. В данной статье для интерпретации ритуального назначения кольцевого рва автор обращается к синташтинским и андроновским (алакульским) курганам. Привлекаются также материалы курганов ямной культуры, так как ряд исследователей считают, что на позднем этапе своего развития население ямной культуры степного Приуралья могло участвовать в формировании аркаим-синташтинского комплекса. На основании аналогий из этнографии высказано предположение, что в эпоху бронзы рвы вокруг курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц. Существование культовой практики, объединяющей кольцевой ров с образом птицы, подтверждается материалами алакульских погребальных сооружений из могильников с территории Казахстана, Большого Болдыревского кургана ямной культуры.

Ключевые слова: Южное Зауралье, степное Приуралье, Казахстан, эпоха бронзы, ямная культура, синташтинская культура, алакульская культура, курган, кольцевой ров.

S.V. Sotnikova

ООО “The Center of Archaeological Research”, Nadym, Russia

TO THE ISSUE OF THE RITUAL FUNCTION OF THE ANNULAR MOAT IN THE BRONZE AGE BARROWS IN THE EURASIAN STEPPES

In the barrows of the Bronze Age of the Eurasian steppes appear moats located under the earthen mound or surrounding it. The researchers distinguish two main functions of the moat – practical and ritual-symbolic. In this article, to interpret the ritual function of the annular moat, the author turns to Sintashta and Andronovo (Alakul) barrows. The article also illustrates the materials of the Yamnaya culture barrows, as a number of researchers believe that at a late stage of development the population of Yamnaya culture of the steppe Cisurals could participate in the formation of the Arkaim-Sintashta complex. Based on the analogies from ethnography, it is suggested that in the Bronze Age the moats around the barrows were built taking into account their use in cult practice. In spring, during the melting of snow and flood, the moats were filled with water. This attracted migratory waterfowl to the moats. The existence of the cult practice, which unites the annular moat with the image of the bird, is confirmed by the materials of the Alakul funeral constructions from the burial grounds from the territory of Kazakhstan, of the Bolshoy Boldyrevsky barrow of the Yamnaya culture.

Key words: Southern Trans-Urals, Cisurals steppes, Kazakhstan, the Bronze Age, Sintashtinskaya culture, Alaculskaya culture, barrow, annular moat.

На территории евразийских степей в курганах эпохи бронзы получают распространение рвы, расположенные под насыпью или окружающие ее. Исследователи выделяют два основных назначения рва – практическое и ритуально-символическое [Усманова, 2013а, с. 93, 95]. Для интерпретации ритуального назначения кольцевого рва обратимся к синташтинским и андроновским (алакульским) погребальным сооружениям. Однако прежде следует дать краткую характеристику курганов с кольцевым рвом более ранней ямной (древнеямной) культурно-исторической общности, учитывая, что некоторые исследователи предполагают возможное участие ямного населения (на позднем этапе своего развития) в сложении синташтинской культуры. Устройство кольцевых рвов в ямных курганах имело широкое распространение, но особенно часто они встречаются на Среднем Дону [Ляхов, Матюхин, 1992, с. 116].

С.В. Иванова по материалам ямных памятников Северо-Западного Причерноморья выделяет ряд особенностей курганов с кольцевым рвом. Традиционно рвы соотносятся с первой курганной насыпью, но есть случаи, когда они окружают вторую, третью и даже четвертую насыпь. Чаще ров кольцевой, реже с перемычками. Диаметр рвов в среднем находится в пределах 10–30 м, но есть исключения. Ширина – от 0,5 до 2,0–2,5 м, в нескольких случаях зафиксированы рвы шириной 5,0–7,0 м. Глубина чаще всего колеблется в пределах 0,5–1,5 м. С.В. Ивановой [2001, с. 38] отмечена следующая особенность: могилы с неординарным погребальным обрядом были окружены двойными рвами. Это – кенотаф из могильника Каланчак (3/9) и расчлененные погребения из могильника Тирасполь (3/12, 3/13).

Курганы с кольцевым рвом получили распространение также в ямных (древнеямных) памятниках степного Приуралья: могильник Пятилетка (курган №3; курган №5 основное погребение №2; курган №6 основное погребение №2); могильник Нижнепавловский (курган №1 основное погребение №2; курган №3 основное погребение №2) [Богданов и др., 1992, с. 80–83], Большой Болдыревский курган [Моргунова, 2000, с. 55] и т.д. Н.Л. Моргунова [2001, с. 98] считает, что на позднем этапе своего развития носители ямной культуры степного Приуралья могли участвовать в формировании аркаимо-синташтинского комплекса.

Относительно назначения кольцевого рва исследователями были высказаны различные точки зрения. К.Ф. Ковалева полагает, что необходимо обратиться к поиску объяснения формы курганной насыпи и окружающего ее рва, в большинстве своем представляющих в плане окружность. Опираясь на статью В.Н. Топорова и М.Б. Мейлах [1997, с. 18–19], посвященную семантике понятия «круг» в мифологической картине мира, она отмечает, что форма курганной насыпи и окружающего ее рва «выражает идею единства, бесконечности и одновременно законченности, поскольку “круг как фигура, образуемая правильной кривой линией без начала и конца, ориентирована в любой своей точке на некий невидимый центр, ...ограничивает внутреннее и конечное пространство, но круговое движение, образующее это пространство, потенциально бесконечно”. Во временном плане идея круга находит еще большее воплощение, знаменуя собой годовое и суточное движение солнца, объединяющего цикличность пространства с цикличностью времени, что получило воплощение в кромлехах, кольцевых рвах, круглой в плане форме курганных насыпей» [Ковалева, 1989, с. 36–37]. Насыпь воспринималась как аналог мировой горы, объединяющей небо и подземный мир, как граница освященного пространства, защищавшего умершего от действия вредоносных сил. Это действие усиливалось обведением насыпи рвом. Одновременно это была преграда между «тем» и «этим» мирами [Ковалева, 1989, с. 52].

С.В. Иванова высказала предположение, что среди покойных существовали лица, наделенные, по мнению окружающих, как положительной, так и отрицательной магической силой. Погребение последних требовало особых ритуалов для защиты социума от их воздействия – окружение захоронения магическим кругом (ров, кромлех, обкладка) [Иванова, 2001, с. 38].

Э.Р. Усманова на материалах андроновских (в основном, алакульских) могильников Лисаковской округи (Казахстан, Костанайская область) выделяет два основных назначения рва – практическое и ритуально-символическое. Практическое назначение рва проявляется, прежде всего, в том, что из него брался грунт для сооружения курганной насыпи. «Ров своей формой и вырытым объемом организовывал пространство – площадку – для совершения захоронения... Ров – это деталь конструкции всего погребального сооружения» [Усманова, 2013а, с. 93]. Ритуально-символическое значение рва проявлялось, по мнению Э.Р. Усмановой, в защитно-магической функции, что подчеркивалось различными ритуальными действиями, материализованные остатки которых находят в его заполнении. Это относится ко рвам крупных сооружений – курганов-оград. Скорее всего, некоторое время ров стоял открытым. Относительно большая глубина таких рвов позволяла людям заходить внутрь и совершать ритуалы. С этим, по-видимому, связано сооружение небольших уступов-ступеней, сделанных по стенкам больших рвов и облегчающих спуск. Кроме того, как полагает исследовательница, ров выполнял функцию границы между живыми и умершими [Усманова, 2013а, с. 93, 95]. Символическое значение рва также могло проявляться в следующем. Если учесть, что ров некоторое время оставался открытым, то в нем могла скапливаться вода. На этот факт указывают потеки и гумусированные слои почвы на дне. Это кольцо в конструкции кургана могло символизировать один из основных элементов мироздания – воду [Усманова, 2005, с. 76–77].

С целью ритуально-символической интерпретации назначения кольцевого рва обратимся к курганам синташтинской и алакульской культур эпохи бронзы, так как алакульское население генетически связано с синташтинским. Рассмотрим курганы, где фиксируются рвы, расположенные под насыпью или окружающие погребальную площадку. В могильнике Степное-1 (Южное Зауралье) синташтинский курган

№1 являлся одним из самых крупных, диаметр насыпи составлял около 26 м, высота – 0,2 м. В процессе исследования погребальной площадки в центральной части на уровне материка зафиксированы контуры трех центральных могил №1–3, жертвенной ямы №4 и кольцевого рва, опоясывающего центральные погребения. Диаметр рва составлял 24–25 м. В северо-западном секторе рва имеются две перемычки, в остальной части ров образуется цепью продолговатых углублений различной конфигурации. Глубина и ширина рва на разных участках сильно варьируют. Ширина в верхней части достигает 4 м, глубина – 1,2 м от уровня материка. Профилировка стенок плавная, покатая, дно округлое. Ров имеет неоднородное слоистое заполнение. В нижней части заполнения рва располагалось множество тонких перемежающихся слоев супеси различного цвета – от черного до желто-коричневого, образовывавшихся, как полагает Е.В. Куприянова [2016, с. 8–10], в процессе стекания в ров паводковых, дождевых вод.

Для интерпретации назначения рва, окружающего подкурганную площадку с могилами, представляется допустимым привести достаточно отдаленные аналогии, которые сохранились в японских письменных источниках. В «Кодзики» и «Нихон сёки» есть известная легенда о том, что душа отважного воителя Ямато-такэру после его погребения в кургане превратилась в большую белую птицу (лебедя). Сын Ямато-такэру, государь Тюай, повелел по всем провинциям страны изловить «белую птицу» и вскормить ее в пруду у гробницы отца. Для него изловили несколько птиц. Действительно, в японских дворцовых прудах и во рвах с водой, окружавших гигантские царские курганы, гнездились водоплавающие птицы, которых подкармливали, чтобы они не улетали далеко. Даже сейчас на гигантских «царских» курганах, где сохранилась хотя бы часть опоясывающих их рвов с водой, все еще гнездятся водоплавающие, в том числе белые птицы: лебеди, гуси, цапли, журавли, утки. В древности глиняные изображения (ханива) таких птиц изготавливали в массовом порядке и устанавливали непосредственно во рвах вокруг курганов или на их вершине [Бакшеев, 2004, с. 445–446].

Прямое перенесение этнографических данных на археологический материал невозможно. Однако вполне допустимо предположение, что весной во время таяния снега и паводка кольцевые рвы курганов наполнялись водой, что привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц – гусей, лебедей, уток. Возможным подтверждением данного предположения могут служить находки в ограде №2 Лисаковского-IV могильника, относящейся к эпохе бронзы [Усманова, 2013б, с. 68]. Ограда имела искусственную подсыпку высотой 0,1–0,2 м. После снятия грунта на уровне материка (–50 см) были отмечены очертания могильной ямы и двух полукольцевых ровиков, которые были вытянуты вдоль могилы по направлению 3–В. Ровик №1 располагался в южной половине конструкции. В плане имел выпукло-вогнутые очертания размерами 7,0×1,5 м, глубиной 0,2 м. Ровик №2 располагался в северной половине конструкции (–35 м), его глубина 0,2–0,3 м. Погребение находилось в центре сооружения и было сильно нарушено норами грызунов. Коридорообразные проходы нор фиксировались с разных сторон ямы. Могильная яма имела размеры 3,5×2,0×0,5 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Почти по центру очертаний ямы был обнаружен камень достаточно внушительных размеров 0,6×0,7×0,3 м, лежащий плашмя. Под ним обнаружена выкладка из костей человека (–100 см): кости таза, берцовые (малая и большая), несколько фаланг стопы. По мнению Э.Р. Усмановой, в погребение было совершено проникновение, кости были выложены подобным образом специально и закрыты большим камнем. Кроме того, в проходе норы с северной стороны найдена хорошо сохранившаяся скорлупа от четырех яиц. Э.Р. Усманова [2013б, с. 68] полагает, что они принадлежали утке (?), так как утки могут использовать норы грызунов для высидывания яиц. Значимым представляется то, что нора с гнездом утки находилась в пределах погребального сооружения эпохи бронзы, окруженного полукольцевыми ровиками.

Имеется также подтверждение того, что рвы вокруг курганов эпохи бронзы сооружались с учетом использования их в культовой практике, связанной с птицами. В Лисаковском-III могильнике на дне рва, окружавшего курган-ограду №7, было обнаружено «навершие» из пяточной кости лошади, длиной 105 мм, шириной 45 мм. У данного изделия, по описанию Э.Р. Усмановой [2013а, с. 126], «округлая суставная верхняя часть и нижняя часть с отростками горизонтально подрезаны. В нижней боковой части слегка обозначена выемка, внутри полости кости имеется дополнительное отверстие. Общим своим видом кость напоминает образ птицы. Найдена она на дне рва и, возможно, использовалась в качестве навершия в каких-то церемониях, происходивших во время совершения погребального обряда...» Ров кургана-ограды №7 представлял собой достаточно сложное сооружение. Он имел форму кольца с двумя проходами. Проходы располагались напротив друг друга по линии ЮЗ–СВ. Ширина рва варьирует от 1,5 до 2,0 м. Окончания рва имели овальную форму. В них на дне фиксировались дополнительно устроенные углубления или ямы. В северо-западном секторе, где было найдено «навершие», ров резко расширялся и своими очертаниями уходил за границы раскопа, образуя подобие площадки на

дне. Ее фиксируемая часть была овальной формы размерами 4,0×2,0 м. Кроме того, в юго-восточном секторе в заполнении рва обнаружены плиты и камни, уложенные плашмя в четыре выкладки. Все эти конструктивные детали, по мнению Э.Р. Усмановой [2013б, с. 61], могли быть связаны с ритуальной практикой. Керамика, происходящая из погребений Лисаковского-III могильника, – алакульская с влиянием федоровских традиций (амангельдинский тип) [Усманова, 2013а, с. 127, 129].

Становление культовой практики, объединяющей кольцевой ров с образом птицы, вероятно, происходит гораздо раньше, еще в период существования ямной культуры в степном Приуралье, что подтверждается материалами Большого Болдыревского кургана (№1). Курган составлял в диаметре 64 м и имел высоту 5–6 м. Ров опоясывал курган по всей окружности, достигал глубины 2,0–2,5 м от уровня древней поверхности до чистой глины. Его ширина составляла около 16 м. Могила располагалась в центре кургана. Размеры пятна – 3,3×3,0 м, вокруг него, на поверхности материка, прослежен настил из травы и коры с посыпкой охрой шириной 50–70 см. Глубина могилы – 2,5 м от уровня материка. В районе дна размеры ямы сократились до 2,5×1,6 м. На дне ямы обнаружено непотребоженное захоронение мужчины в возрасте 35–40 лет, на правом боку, в слабо скорченном положении, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, кости кистей рук были зажаты между костями ног. Перед захоронением труп, видимо, туго запеленали. Под костяком по всему дну прослеживалась подстилка, сплетенная из растительных волокон. Меньшую площадь, чем подстилка, занимало покрывало поверх скелета, также сплетенное из растительных волокон и накрытое, кроме того, слоем коры. Покрывало и подстилка имели черный цвет. Лицо погребенного было открыто, голова приподнята и покоилась на подушечке из куска глины. На лбу и вокруг черепа прослеживался венчик из коры белого цвета. Из такой же белой коры на покрывало, от плеч погребенного, была наложена аппликация в виде расправленных крыльев птицы. По краям «крылья» имели бортик высотой около 8 см. Весь скелет поверх покрывала был обильно посыпан порошком ярко-красной охры, особенно интенсивно в области черепа, тазовых костей и ступней. Погребенного сопровождал богатый инвентарь. У головы находился медный нож-кинжал. Напротив костей ног со стороны южной стенки был расположен целый комплекс предметов: крупная галька-терочник, 2 медных четырехгранных шила, медный наконечник копья в деревянном чехле, 3 куска сильно окисленного железа, видимо, бывших какими-то предметами. Все эти вещи находились под покрывалом и группировались вокруг диска из расплющенного железа, на который был положен кварцитовый скребок и небольшая чашечка из мела, заполненная порошком железной руды. Весь комплекс был обильно засыпан красной охрой. Перед животом погребенного, также под покрывалом, в интенсивном слое охры обнаружено биметаллическое орудие, основу которого составляла медная втулка с закрепленным в ней железным лезвием и деревянной рукоятью. Рядом находилась железная стамеска. Оба предмета изготовлены из метеоритного железа, взятого от двух разных метеоритов. Железная руда, которая находилась в чашечке из мела, происходит из месторождений на территории Оренбургской области. По мнению Н.Л. Моргуновой [2000, с. 55–58], человек, погребенный в кургане №1, имел высокий социальный статус и, возможно, сочетал при жизни две общественные функции – вождя племени (рода) и жреца.

Таким образом, на основании аналогий из этнографии можно высказать предположение, что в эпоху бронзы рвы вокруг курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц. Истоки этих ритуалов, вероятно, уходят в более глубокую древность, что подтверждается материалами ямной культуры Большого Болдыревского кургана, где умерший был накрыт покрывалом с аппликацией из коры белого цвета в виде расправленных крыльев птицы, отходящих от плеч погребенного. Ритуалы с участием образа водоплавающей птицы встречаются в курганах эпохи бронзы достаточно редко. Не исключено, что обряды, связанные с прилетом водоплавающих птиц, отправлялись не только на территории могильников, но и на поселениях или в специальных культовых местах.

Библиографический список

- Бакшеев Е.С. Небесные девы, пернатые одежды. Орнитологический код в традиционной японской культуре (на примере мотива «Хагоромо») // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004. С. 435–462.
- Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л. Курганы древнейшей культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 80–91.
- Иванова С.В. Ров как элемент курганный архитектуры в ямных памятниках Северо-Западного Причерноморья // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1: Археология. Донецк; Макеевка, 2001. С. 38–39.
- Ковалева И.В. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989. 89 с.

- Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск, 2016. 119 с.
- Ляхов С.В., Матюхин А.Д. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 108–139.
- Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. IV. С. 55–62.
- Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 97–98.
- Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 2. С. 18–19.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-1: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.
- Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Погребальный обряд: позиция и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда; Лисаковск, 2013а. С. 88–130.
- Усманова Э.Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи. Описание археологических объектов // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда; Лисаковск, 2013б. С. 20–87.

УДК 903.4(571.150)

Н.Ф. Степанова¹, А.А. Казаков²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИЯ НОВОЗЫКОВО-3 ИЗ ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ

Исследование проведено в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ (проект №33.867.2017/4.6 «Реконструкция технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

В работе представлены результаты изучения орнамента и технико-технологического анализа керамики поселения Новозыково-3 из предгорий Алтайского края. Обосновано выделение двух культурно-хронологических комплексов керамики, относящихся к раннему железному веку (быстринская культура) и раннему средневековью (майминская культура). Анализ исходного сырья и формовочных масс выявил девять рецептов формовочных масс (быстринской культуры – 3 и майминской культуры – 8), что свидетельствует о нескольких группах населения на памятнике в этот период. Отмечено смешение культурных традиций, что отражает контакты с представителями инокультурного населения, пришедшего не из горных районов. О связях населения майминской культуры на заключительных этапах ее существования с инокультурным населением свидетельствует и типологическое разделение керамического комплекса на три группы по орнаменту. Смешение культурных традиций местного и пришлого населения привело к трансформации майминской культуры в другие культурные образования.

Ключевые слова: археологическая культура, технико-технологический анализ, керамика, орнамент, традиция, исходное сырье, формовочная масса.

N.F. Stepanova¹, A.A. Kazakov²

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry, Barnaul, Russia

POTTERY FROM THE NOVOZYKOVO-3 SETTLEMENT OF THE ALTAI FOOTHILLS

The study was conducted in the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project No. 33.867.2017/4.6 “Reconstruction of Technological Techniques and Methods of Production of Ancient Societies in North Asia”)

The paper presents the results of studying ornament and technological analysis of ceramics of the Novozykovo 3 settlement from the foothills of the Altai Territory. The article explains singling out two cultural-chronological complexes of ceramics belonging to the early Iron Age (Bystryanskaya culture) and Early Middle Ages (Maiminskaya culture). Analysis of raw materials and pottery paste revealed 9 recipes of the pottery paste (3 of Bystryanskaya culture and 8 of Maiminskaya culture), which indicates that there were several groups of population at the site in that period. Mixture of cultural traditions has been marked, which reflects the contacts with representatives of other cultures who came not from the mountains. Relations of the Maiminskaya culture population with other cultures in the final stages of its existence have been evidenced by a typological division of the pottery into 3 groups according to the pattern. The mixing of cultural traditions between local and migrant population led to the transformation of the Maiminskaya culture into other cultural groupings.

Key words: archaeological culture, technical and technological analysis, pottery, ornament, tradition, raw material, pottery paste.

Поселение Новозыково-3, находящееся в предгорной зоне, хорошо известно [Абдулганеев, Пугачёв, Степанова, 2005; Абдулганеев, Папин, Семибратов, 1998; Абдулганеев, 2007; Казаков, Демин, 1992; Абдулганеев, Владимиров, 1997; и др.]. Однако его материалы до последнего времени представлены фрагментарно и не подвергались комплексным исследованиям. Задача настоящей работы – частичное устранение этого недостатка путем проведения изучения орнамента и технико-технологического анализа керамического комплекса и введения результатов в научный оборот.

В 1991 г. одним из авторов на поселении исследована площадь 408 кв. м. Основные находки с поселения представлены керамикой, которая типологически подразделяется на два культурно-хронологических комплекса. Первый относится к эпохе раннего железного века (быстрянская культура), второй – к периоду раннего средневековья (майминская культура). Количественно преобладает более ранняя керамика.

Учитывая слаборазработанную периодизацию памятников быстрянской культуры, ее последующую смену майминской культурой, один из авторов считает возможным верхнюю хронологическую границу существования быстрянской культуры, которая в настоящее время датируется различными исследователями в пределах VI–II вв. до н.э. [Абдулганеев, 2007, с. 245; Абдулганеев, Папин, Семибратов, 1998, с. 159; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 35; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 143 и др.], расширить до времени появления майминской археологической культуры, которую исследователи датируют с I в. до н.э. [Горбунов и др., 1997, с. 206; Абдулганеев, 1993, с. 3; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 55, 217; Соёнов и др., 2011, с. 41; и др.], и предложить более широкую датировку керамического комплекса, а следовательно, и всей быстрянской культуры в пределах VI–I вв. до н.э. Рассматривать более узкие хронологические рамки пока нет оснований. Майминский комплекс поселения Новозыково-3 датируется VI–VIII вв. [Казаков, Демин, 1992].

Комплекс *эпохи раннего железа* (рис. 1) представлен плоскодонными сосудами преимущественно баночной формы. Обнаружены два сосуда кувшиновидной формы и две корчаги. Венчики у большинства сосудов приостренной или округлой формы, срезаны внутрь. В некоторых случаях по срезу венчика наносился орнамент в виде насечек.

Элементы орнамента представлены ямками, жемчужником, отпечатком уголка лопаточки, крупнозубого гребенчатого штампа и насечками. Встречены как узкие, так и широкие насечки. Орнаментальная композиция достаточно проста. Самым распространенным расположением отпечатков при построении композиции являются горизонтальные ряды. Кроме них, встречаются ряды из комбинированных, наклонных и образующих елочку оттисков. Украшалась только верхняя треть сосуда. Основой построения орнаментальной композиции, как правило, является горизонтальный пояс из отпечатков ямок или жемчужника. Он зачастую использовался и как самостоятельный элемент орнамента, без сочетания с другими орнаментальными элементами. Подавляющее большинство чаш орнаментировано рядом ямок. Орнаментация банок более разнообразна. На сосудах этих форм пояс ямок или жемчужника без сочетания с другими элементами встречается редко. Наиболее распространенным элементом является жемчужник, вокруг пояса которого и формируется орнаментальная композиция. В большинстве случаев это жемчужник с разделителем, в роли которого выступают отпечаток уголка лопаточки, насечки различных форм, ямки. Сочетание более чем двух элементов орнамента не встречается. Композиция могла содержать до четырех орнаментальных строк, но в большинстве случаев это одна или две строки.

Удалось проследить последовательность нанесения орнаментальных элементов на сосуды. Первым наносился жемчужник, который формовался при помощи палочки выдавливанием с внутренней стороны сосуда. Причем ни ямки с внутренней стороны (оставшиеся при формовке жемчужин), ни жемчужины с внутренней стороны (образовавшиеся в результате нанесения ямок на поверхность сосуда) не заглаживались. После формовки жемчужника наносились уже другие элементы орнамента, о чем свидетельствует деформация жемчужин.

Керамика *майминской культуры* (рис. 2) разделяется на три подгруппы. Первая представлена в основном чашами и горшками с узким прямым устьем и шаровидным туловом. Венчики имеют профилировку, что позволяет говорить о горшковидной форме большинства сосудов. Сосуды в основном плоскодонные. Венчики у многих сосудов срезаны внутрь, прямые с округлым срезом, слабопрофилированные с округлым срезом, профилированные с горизонтальным срезом и др. Необходимо отметить крайне широкую вариативность форм венчиков. Срезы венчиков в подавляющем большинстве случаев украшались. Орнамент состоит из ямок, а также оттисков гладкого штампа, различающегося оформлением рабочего края, в том числе по размерам (широкий, узкий), некоторые отпечатки неправильной аморфной формы, другие свидетельствуют не только о различиях в оформлении орнамента, но и способах нанесения узора. Орнамент наносился небрежно. Учитывая особенности композиции, весь культурно-хронологически однородный комплекс майминской культуры подразделяется на три группы.

Первая группа характеризуется тем, что украшалась только верхняя часть изделий. На одном сосуде встречается от 1 до 3 орнаментальных строк. При декорировании одного сосуда не использовалось больше двух орнаментальных элементов. Центральной частью выступает ряд ямок или наколов по шейке сосуда, выше или ниже которого наносились другие элементы.

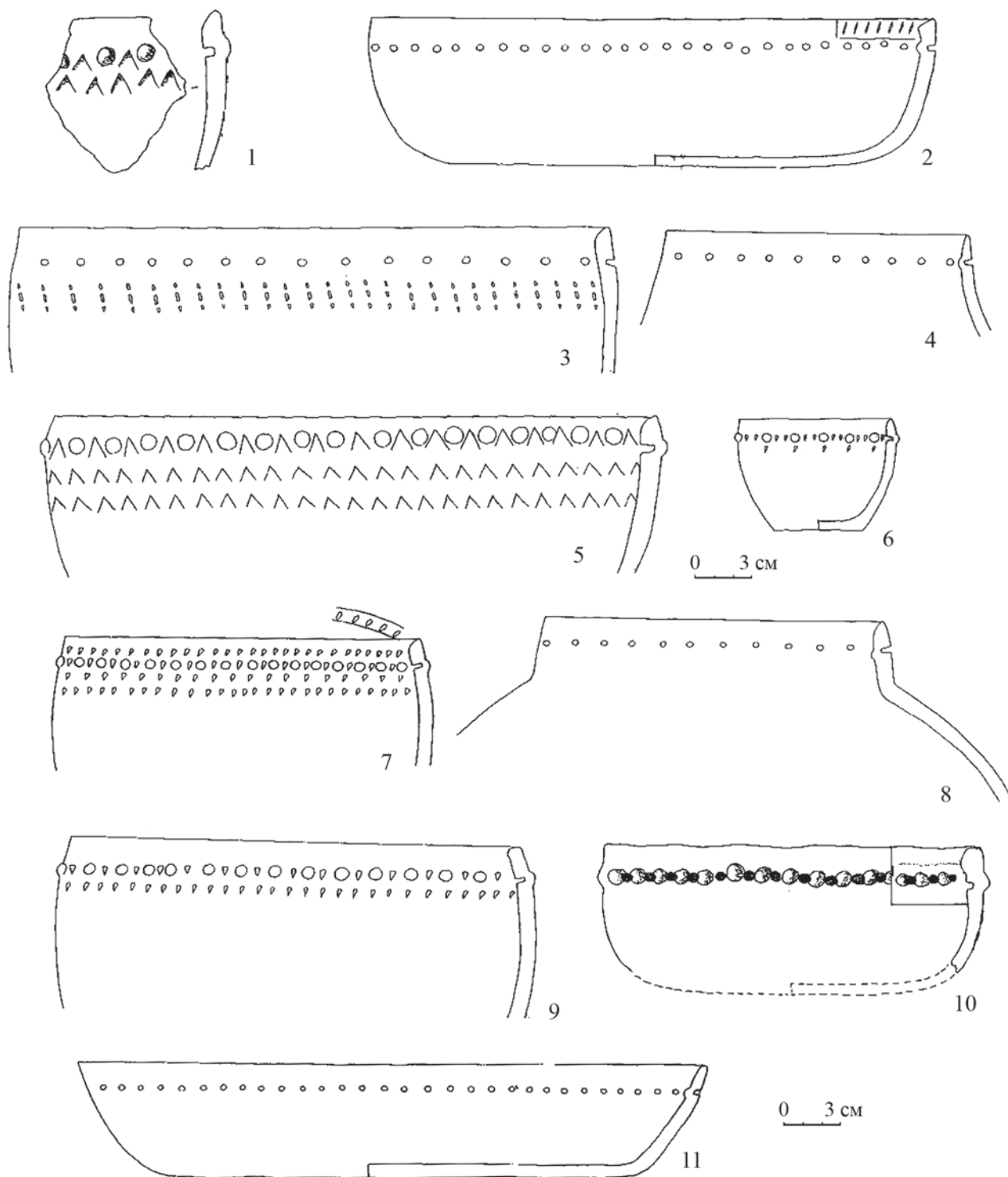

Рис. 1. Керамика быстрианской культуры с поселения Новозыково-3

Вторая группа представлена профилированными горшками с шаровидным туловом. К сожалению, ни одного сосуда этой группы полностью реконструировать не удалось, поэтому о форме дна можно говорить лишь гипотетично. На поселении встречено большое количество плоских днищ, однако учитывая, что в составе развалов этих сосудов фрагментов плоских днищ не встречено, можно с большой долей вероятности предположить, что они были круглодонные. Венчики сосудов этой группы срезаны внутрь или горизонтальные. В целом вариативность форм венчиков намного меньше, чем у сосудов описанной выше группы. Орнамент состоит из ямок, оттисков разнообразных гладких штампов, а также гребенчатого штампа, которые не встречаются на керамике первой группы. Следует отметить, что гладким и гребенчатым штампом один сосуд никогда не украшался. Орнаментальная композиция про-

ста, но сложнее, чем на керамике ранее описанной группы. Узор наносился только на верхнюю часть сосудов (венчик, шейку и плечико). Состоит из нескольких орнаментальных строк, расположенных параллельными рядами. На одном сосуде встречается от 1 до 4 таких строк. При декорировании одного сосуда не использовалось больше двух орнаментальных элементов. Центральной частью выступает ряд ямок или наколов по шейке сосуда, выше или ниже которого наносились другие элементы. Разделителя между ямками не встречено. Из сложных мотивов использовали елочку и зигзаг.

К третьей группе относится развал горшковидного сосуда с хорошо выраженной шейкой, шаровидным туловом, слабопрофилированным с округлым срезом и небольшим воротничком с внешней стороны венчиком, толстым плоским дном с намечающимся (исчезающим) поддоном. Следует отметить, что диаметр его тулова больше диаметра устья, а диаметр устья примерно в 2 раза больше диаметра дна. Высота сосуда больше диаметра устья.

Отличительным признаком сосудов этой группы является орнамент, нанесенный пальцем. Другого орнамента на этом сосуде нет. Несмотря на то, что узор состоит из отпечатков пальца, оттиски получались различными. Срез венчика украшен узкими ногтевыми вдавлениями, по шейке идут почти круглые более глубокие вдавления пальцем с хорошо различимыми отпечатками ногтя, ниже этого ряда мы встречаем орнамент, идентичный тому, которым украшен срез венчика.

Широко распространенные в предшествующей быстринской археологической культуре жемчужник и отпечаток уголка лопаточки на майминской керамике не встречаются.

Результаты технико-технологического анализа

С целью выявления специфики культурных традиций на таких ступенях производственного процесса, как отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс, сравнение полученных данных с результатами изучения форм сосудов и их орнаментации, проведен технико-технологический анализ 21 фрагмента керамики от разных сосудов в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [1978; 1999]. Рассматривались следующие вопросы: выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс; выявление местных и неместных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; определение признаков смешения традиций. Исследования проводились с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использование одной или двух глин. Все образцы были дополнительно нагреты в муфельной печи при температуре 850 °С.

Быстринская культура (7 экз.)

Исходное сырье. Все сосуды изготовлены из среднеожелезненного сырья, которое незначительно различается по цвету. Из них 86% из сырья, которое можно отнести к пластичному условно, так как имеются отдельные включения крупных естественных фракций, а остальные 14% изделий из средне- и низкопластичного сырья. Бурый железняк есть во всех образцах. Песок, характерный для горных районов, выявлен в 57% образцов.

Формовочные массы. Зафиксировано три рецепта составления формовочных масс: 1) глина + дресва (57%); 2) глина + дресва + шамот + органика (29%); 3) глина + органика (14%). Основной рецепт – глина + дресва. В формовочной массе сосудов прослежены остатки органики, но их недостаточно, чтобы определить их искусственный или естественный характер. Второе место занимает рецепт, отражающий смешение традиций в использовании минеральных примесей. Необходимо отметить, что в одном из образцов дресвы мало, но она есть в шамоте. Не исключено, что дресва попала в формовочную массу сосуда из шамота. К числу необычных относится рецепт глина + органика без искусственно введенных минеральных примесей.

Частицы дресвы различаются размерами: от менее 0,5 до 3 мм. Самые крупные из них зафиксированы в одном образце. Концентрация частиц 1:3–4 и 1:4. В смешанных рецептах дресвы меньше – до 1:4–5 и 1:5–6. Частицы шамота размерами до 2 и 3 мм, концентрация – 1:4. В одном случае шамот из неожелезненной глины, что не характерно для данной коллекции, и в целом в коллекциях с Алтая встречается не часто [Степанова, 2010; 2015]. В формовочную массу другого сосуда добавили шамот как минимум от двух сосудов, изготовленных из сырья, отличающегося по ожелезненности. В шамоте выявлены бурый железняк, дресва и шамот. В целом для быстринской керамики зафиксирована основная культурная традиция в использовании минеральных примесей – добавление дресвы (57%). Отмечено смешение навыков (дресва + шамот). Быстринские сосуды изготавливали не менее чем четыре группы гончаров.

Майминская культура

Тип 1 (9 экз.). *Исходное сырье*. Все образцы из ожелезненного сырья, в том числе 11% из слабо-ожелезненного, 55,5% из пластичного и условно пластичного, остальные из среднепластичного, 33% из сырья из горных районов, в 11% нет такой примеси, как бурый железняк.

Формовочные массы. Зафиксировано пять рецептов: глина + дресва + органика (33%), глина + дресва и глина + органика (по 22%), глина + дресва + шамот и глина + шамот + органика (по 11%). Незначительно преобладает первый, а суммарно первые два рецепта (с единственной минеральной примесью – дресва) составляют 55%. К числу необычных относятся рецепты с шамотом, а также глина + органика. При изготовлении посуды с последним рецептом использовано низкопластичное сырье из горных районов с большим содержанием крупных частиц минералов размерами до 3 мм. Частицы дресвы – размерами до 1–2 мм, а в одном сосуде – только до 1 мм, концентрация – 1:3 и 1:3–4. Частицы шамота – до 2 и 3 мм, концентрация – 1:4.

Тип 2 (4 экз.). Все сосуды из ожелезненного среднепластичного сырья. Размеры частиц естественных примесей достигают 1–3 мм. Зафиксировано три рецепта: глина без искусственно введенных примесей (50%); глина + органика; глина + песок + органика по 25%. Необходимо особо отметить, что в одном из образцов зафиксированы отпечатки зерна (рис. 2.-12).

Тип 3 (1 экз.). Изготовлен из среднеожелезненной среднепластичной глины с включениями минеральных примесей, характерных для горной местности, в которую введен шамот.

Для майминской керамики зафиксированы разные навыки в составлении формовочных масс и использовании исходного сырья, это связано с тем, что изготавливали ее гончары, представляющие разные группы населения. Смешение традиций по использованию минеральных примесей, отражающее смешение населения, зафиксировано в одном образце. Самый необычный рецепт глина + песок + органика. Аналогий ему на территории Алтая пока не известно. Керамика типа 3 по формовочной массе и исходному сырью может быть отнесена к неместной по использованию минеральных примесей, однако изготовлена она из сырья, характерного для горных районов.

Подводя итоги изучения исходного сырья и формовочной массы всей коллекции, отметим, что для керамики с Новозыково-3 характерны среднеожелезненные глины, лишь один сосуд изготовлен из слабоожелезненного сырья. Пластичные глины составляют 33%. Остальные относятся к условно пластичным, средне- и низкопластичным. В составе исходного сырья ряда сосудов выявлены примеси, характерные для залежей глин из горных районов. Для относительно небольшой коллекции зафиксировано значительное количество рецептов – 9, в том числе три для быстринской керамики и восемь – для майминской. Наиболее распространены глина + дресва и глина + дресва + органика (суммарно 43%), доля остальных ниже: глина + органика (19%), глина + дресва + шамот + органика и глина + дресва + шамот (14%), глина без искусственных примесей (9%), глина + шамот + органика, глина + шамот, глина + песок + органика (по 5%). Смешение культурных традиций зафиксировано для быстринской и майминской культуры (тип 1).

Традиция добавления дресвы характерна для предгорных районов и совпадает с ландшафтными особенностями территорий [Степанова, 2015, с. 93–94]. Такие рецепты, как глина + дресва + шамот + органика (29%), отражают смешение традиций лесостепного и предгорного населения в использовании минеральных примесей. Это свидетельствует о брачных контактах населения предгорий и лесостепи в раннем железном веке, быстринской, каменской и староалейской археологических культур, что подтверждает гипотезы исследователей [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 69; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 155]. К сожалению, отсутствие хорошо датирующего материала, хронологических маркеров не позволяет говорить о хронологических рамках этих контактов. Можно лишь отметить достаточно общую тенденцию, являющуюся, вероятнее всего, универсальной на всем протяжении существования культур раннего железного века, в том числе и быстринской, об интенсивном взаимодействии с соседями, что обусловило достаточно большую их схожесть и которое прослеживается в том числе и на традициях изготовления керамики.

Керамика майминской археологической культуры представлена поздним комплексом, характеризующим заключительный этап ее существования. Поэтому говорить о преемственности керамических традиций либо их отсутствии между предшествующей быстринской культурой и пришедшей ей на смену майминской было бы не корректно, так как для подобного сравнения необходимо привлекать смежные материалы заключительного этапа быстринской культуры и первого майминской. Результаты технико-технологического анализа говорят о том, что культурные связи населения майминской культу-

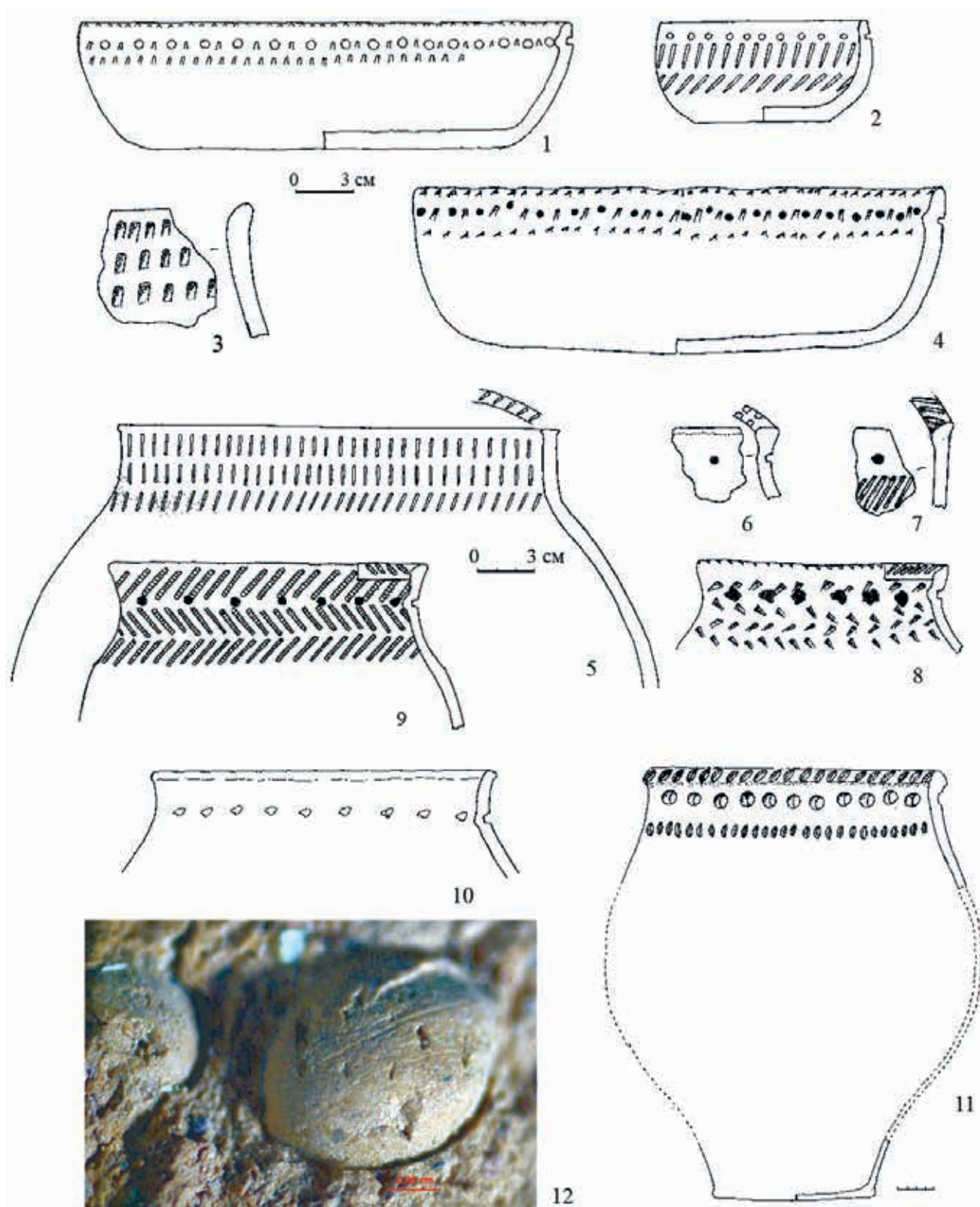

Рис. 2. Керамика майминской культуры с поселения Новозыково-3

ры на заключительных этапах ее существования с инокультурным населением были достаточно интенсивными. Об этом свидетельствует и типологическое разделение культурно-хронологического комплекса на три группы керамики. Так, для второй группы майминской керамики зафиксированы рецепты формовочных масс, такие как глина без искусственных примесей; глина + песок + органика, не встреченные ни в какой другой группе. На основании сходства этого типа майминской керамики с одинцовски-

ми комплексами можно предполагать привнесение этих традиций именно из ареала распространения одинцовской культуры.

В целом достаточно большое разнообразие рецептов формовочных масс свидетельствует об интенсивном взаимодействии населения майминской культуры на заключительном этапе ее существования с представителями других культурных традиций, что, возможно, и привело к ее исчезновению, трансформации в результате культурогенетических процессов. Можно предположить, что пришлое население с традицией использовать шамот появилось не из горных районов.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: тез. докл. конф. Томск, 1993. С. 3–5.
- Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. 16. С. 237–304.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 157–162.
- Абдулганеев М.Т., Пугачёв Д.А., Степанова Н.Ф. Исследования поселений эпохи железа у с. Карагуж на р. Иша (Северный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 51–64.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: колл. монография. Самара, 1999. С. 5–109.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. 1: Древний Алтай: учеб. пособие для общеобразовательных учебных заведений (10 кл.). Барнаул, 1997. 240 с.
- Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 70–71.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакоева Е.А., Соёнов Д.В. Чеповские городища. Горно-Алтайск, 2011. 228 с.
- Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 117–125.
- Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

УДК 903.5(571.1)

А.В. Фрибус¹, С.П. Грушин², В.О. Сайберт², Е.В. Трусова³

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В ЗАПАДНОМ ПРИСАЛАИРЬЕ

Работа выполнена в рамках проекта №33.2597.2017/ПЧ «Культура и искусство древних народов Сибири (исследование наименее изученных периодов, территорий и узловых дискуссионных проблем)» и при поддержке гранта РФФИ (проект №18-09-00779 «Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы»)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с хронологией древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекал в Западном Присалаирье. Комплексы эпохи бронзы и раннего железа датируются в рамках традиционно принятых в историографии датировок, что связано с небольшим количеством исследованных погребений и отсутствием узко датированных типов вещей. Хронология неолитических погребений базируется на серии радиоуглеродных дат, полученных по костям человека из четырех могил и определяется, с учетом калибровки, по 2-й сигме, концом VI – первой половиной V тыс. до н.э., что указывает на довольно раннюю позицию памятника и в определенной степени объясняет его специфику на фоне других могильников, исследованных в Верхнем Приобье. Предварительная хронология комплекса раннесредневековых погребений построена на анализе отдельных признаков в погребальном обряде (захоронения по обряду ингумации с конем) и основным

категориям вещевого комплекса. По комплексу признаков раннесредневековый комплекс некрополя демонстрирует сочетание самодийских и тюркских традиций (при преобладании первых) и может быть предварительно датирован в широком диапазоне: рубеж VI–VII – VIII вв. н.э. Уточнение этих данных возможно в ходе дальнейших исследований, в частности, в ходе детального анализа поясных наборов и бляшек геральдического стиля, а также радиоуглеродного датирования.

Ключевые слова: археология, погребальный комплекс, Присалаирье, Верхнее Приобье, неолит, раннее средневековье, верхнеобская культура, одинцовская культура, хронология.

A.V. Fribus¹, S.P. Grushin², V.O. Saibert², E.V. Trusova³

¹*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia;*

³*Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB of RAS, Kemerovo, Russia*

PROBLEMS OF CHRONOLOGY OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL COMPLEXES OF THE CHUMYSH-PEREKAT BURIAL MOUND AT THE WESTERN SALAIR RIDGE

The work was carried out within the framework of the project №33.2597.2017 / IF “Culture and Art of the Ancient Peoples of Siberia (study of the least studied periods, territories and key discussion problems)” and with the support of the RFBR grant (project No. 18-09-00779 “Anthropological and Archaeological Features of Ethnogenesis of the Population of the South of Western and Central Siberia in the Neolithic and Early Bronze Age”

The article deals with chronology of ancient and Middle Age burial associations of the Chumysh-Perecat site in Western Prislairye. The Bronze and early Iron Age complexes are dated within the framework of the traditionally accepted in historiography datings, which is associated with a small number of explored burials and absence of strictly dated sorts of the artefacts. The chronology of the Neolithic burials is based on the series of radiocarbon dates, deduced from the human bones from four graves and can be identified, taking into account the calibration according to the 2nd sigma, to the end of the 6th – the first half of the 5th millennium BC. The fact reveals early chronological position of the site, and explains the site specificity against other explored burials in the region of the Priobye Upper. The preliminary chronology of the early Middle Age complex is based on burial ritual attributes analysis (inhumation ritual burials with the horse) and main categories of objects. The complex of the necropolis features of the early medieval complex shows a combination of the Samodian and Turkic traditions (with the predominance of the Samodian) and can be preliminarily dated in a wide range: the boundary of the 6th–7th–8th centuries AD. The refinement of these data is possible in the course of further research, in particular in the course of a detailed analysis of the heraldic style belt plates radiocarbon dating.

Key words: archaeology, burial complex, Salair region, Upper Ob region, Neolithic, early Middle Ages, Upper Ob culture, Odintsovskaya culture, chronology.

Древний некрополь Чумыш-Перека... расположен на северо-востоке Алтайского края, в Западном Присалаирье, на границе лесостепной и таежной ландшафтных зон. Памятник разновременный, здесь зафиксированы погребения эпохи неолита, средней и поздней бронзы, скифского времени, эпохи раннего Средневековья [Фрибус, Грушин, 2015]. Одной из ключевых проблем на современном этапе исследования могильника является построение аргументированной хронологии внутри отдельных эпихально выделяемых комплексов погребений.

Неолитические погребения образуют на Чумыше-Перека... значительную серию: к настоящему времени к ней отнесено 11 из 28 исследованных могил. Планиграфия данного комплекса, особенности погребального обряда, аналогии в составе сопроводительного инвентаря и украшений костюма позволяют сопоставить его с синхронными памятниками, исследованными в Лесостепном и предгорном Алтае, Новосибирском Приобье, в Кузнецкой котловине.

Хронология рассматриваемых памятников дискуссионна [Марочкин, 2013, с. 84–90]. Датировка неолитических погребений Чумыша-Переката базируется на небольшой серии радиоуглеродных дат, полученных по костям человека из четырех погребений. С учетом калибровки, по 2-й сигме, они укладываются в конец VI – 1-ю половину V тыс. до н.э., что указывает на довольно раннюю позицию памятника и в определенной степени объясняет его специфику на фоне других могильников, исследованных в Верхнем Приобье и соседних регионах [Фрибус, Грушин, 2017, с. 188–192]. Уточнение хронологии неолитического комплекса возможно за счет перекрестного датирования разных материалов из погребения 13 (имеется дата по костям человека, а также образцы костей птиц и дерева, потенциально пригодные для AMS-датирования). Полученные даты помогут скорректировать имеющиеся данные с учетом возможных погрешностей, связанных с резервуарным эффектом. Кроме того, для уточнения внутренней хронологии комплекса запланировано датирование образцов из комплекса ярусных погребений 6–8, что позволит сопоставить результаты радиоуглеродного датирования с данными стратиграфии.

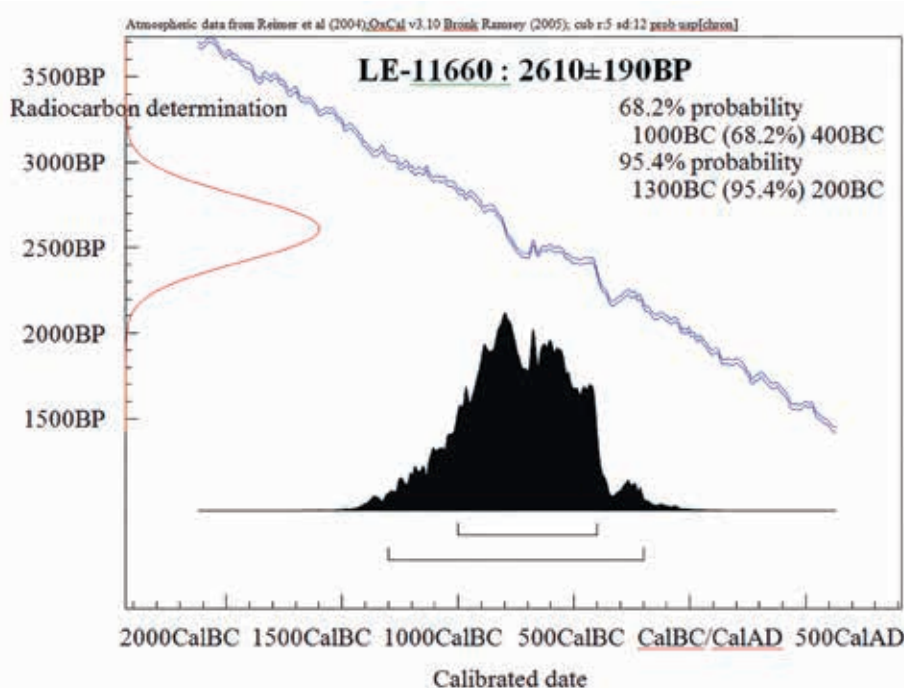
Для захоронений эпохи бронзы (андроновская и ирменская культуры) вопросы хронологии на данном этапе изучения решаются в рамках принятых в современной историографии датировок. Это обусловлено небольшим количеством исследованных погребений (2 детские андроновские могилы,

1 парная ирменская) и отсутствием в них узко датированных категорий сопроводительного инвентаря. Основные признаки погребального обряда также являются типичными. В рамках традиционной хронологии андроновская культура Алтая определяется в границах XIV–XII вв. до н.э. Радиоуглеродные даты указывают на более ранний период, в рамках XIX–XV вв. до н.э. Для ирменских комплексов по традиционной хронологии принят отрезок XII–IX вв. до н.э. и XIV–IX вв., соответственно, по радиоуглеродным данным.

Погребения раннего железного века представлены на могильнике тремя захоронениями, оставленными населением каменной культуры. Для погребений скифского времени есть основание сузить датировку до IV–III вв. до н.э., учитывая наличие отличных от «классических каменных» элементов погребального обряда (отсутствие надмогильных сооружений, использование бересты для устройства внутримогильных конструкций и ряд др.). Таким образом, погребения Чумыша относятся к развитой фазе в развитии каменной культуры, а их особенности объясняются периферийным положением могильника на границе лесостепи и Салаирской тайги [Фрибус, Грушин, Фролов, 2018, с. 194–202].

Кроме погребальных комплексов, на могильнике Чумыш-Перекут обнаружены жертвенники, в виде компактных скоплений черепов лошади и крупного рогатого скота. Планиграфические особенности их обнаружения и полное отсутствие предметов не позволили аргументированно связать их с известными комплексами. В этой ситуации один из путей решения вопроса о культурной принадлежности и хронологии был связан с радиоуглеродным датированием. Эта работа была выполнена в ИИМК РАН под руководством Г.И. Зайцевой.

Полученная дата **Le-11660** по костям лошади из жертвенника демонстрирует радиоуглеродный возраст 2610 ± 190 BP. Калибровка даты, выполненная по программе OxCal v 3.10, определяет период по 1д (sigma) (68,2%) 1000–400 BC; по 2д (sigma) (95,4%) – 1300–200 BC. Таким образом, радиоуглеродное датирование позволило соотнести жертвенные захоронения черепов животных с каменским погребальным комплексом раннего железного века.

Более сложным является вопрос о хронологии комплексов раннего средневековья. К настоящему времени на Чумыше-Перекуте исследовано 10 могил этого времени. Девять из них (№18, 20–26, 28) на основе анализа планиграфии можно отнести к единому взаимосвязанному комплексу. Центральным погребением, вероятно, является могила №25 (мужское погребение с конем). С востока к нему примыкают погребения женщин, детей и подростков. В 6 м к северо-востоку располагалось еще одно мужское погребение в сопровождении лошади (№28), мужское погребение №20 находилось в 3 м к северо-западу. Компактное расположение могил и общая планировка позволяют предполагать наличие курганной насыпи, однако следы ее не зафиксированы ни в одном из профилей раскопа. Этот факт косвенно подтверждает и стратиграфия ярусного погребения №23, которое было зафиксировано непосредственно под современным слоем дерна.

Несмотря на то, что все рассматриваемые погребения взаимосвязаны и, возможно, принадлежат обособленной социальной группе, все они имеют различия как в погребальном обряде, так и в составе сопроводительных наборов. В погребениях этой группы отражен симбиоз двух традиций – степной и таежной, тюркской и самодийской. Различные подходы к датировке отдельных элементов обряда и типов вещей, а также их сочетаний порождают сложности в определении хронологии комплекса в целом.

Элементом, безусловно связанным с миром кочевников Средней и Центральной Азии, является обряд погребения, предполагающий ингумацию человека с конем (или шкурой коня). Самые ранние памятники, совершенные по этому обряду, датируются на юге Западной Сибири 2-й половиной IV – V в. н.э. Они известны, в том числе на территории Лесостепного Алтая и в Барабе. С этого времени вещи тюркского облика начинают фиксироваться в погребениях самодийского населения, совершенных по традиционному обряду. Однако о массовом проникновении тюркского компонента в лесостепную зону можно говорить лишь с середины VIII в. н.э., когда количество погребений по обряду ингумации с конем значительно возрастает. Причиной этому могли послужить известные события, связанные с падением II Тюркского каганата [Бараба..., 1988, с. 3; Горбунов, 2003, с. 38–40; Кирюшин, Горбунов, 2007; и др.].

В Чумышском комплексе исследованы два погребения по обряду ингумации в сопровождении коня, они имеют ряд особенностей и отличаются деталями обряда. В центральном погребении №25 тюркский канон в общих чертах соблюден: погребенный располагался в восточной половине ямы, ориентирован головой на юг, конь был уложен у западной стенки, обращен черепом на север. Несколько нетрадиционна поза коня – он не был уложен на дно, а умерщвлен таким образом, что голова и передняя часть туловища находились на борту могильной ямы. Иными словами, в могилу была опущена на ноги туша предварительно убитого животного, но ее не стали укладывать на бок. Конь был взнуздан, присутствуют роговые псалии и железные удила, подпружная пряжка, а также одно стремя. Стремя петельчатое, плохой сохранности. Обнаруженные предметы конской упряжи были определены как однокольчатые удила, с одним внешним кольцом на каждом звене, широким, сомкнутым, для крепления ремня повода и двудырчатыми стержневыми псалиями для раздвоенного ремня оголовья. Такая форма удил и псалий использовалась у древних тюрков-туго в VI–X в., в Южной Сибири наиболее ранней формой псалий служили двудырчатые роговые – VI–VII вв., аналогичные предметы упряжи также зафиксированы на могильнике Кудыргэ [Гаврилова, 1965; Овчинникова, 1990]. Здесь же находят аналогии костяные пряжки [Гаврилова, 1965, с. 22, табл. VIII.-7; XXII.-11; XXIII.-3].

Второе погребение с конем также имело ряд особенностей. Человек был уложен в восточной половине ямы, головой ориентирован на север, костяк в полной анатомической сохранности. В западной части ямы были обнаружены два скопления перемешанных костей лошади и их обломков, из которых только часть сохранила анатомическую упорядоченность или целостность, что указывает на преднамеренное расчленение туши лошади и последующее размещение остатков в разных частях могильной ямы. Кроме того, на внутренней поверхности части костей была вырублена губчатая ткань, зафиксированы многочисленные следы от лезвия рубящего инструмента.

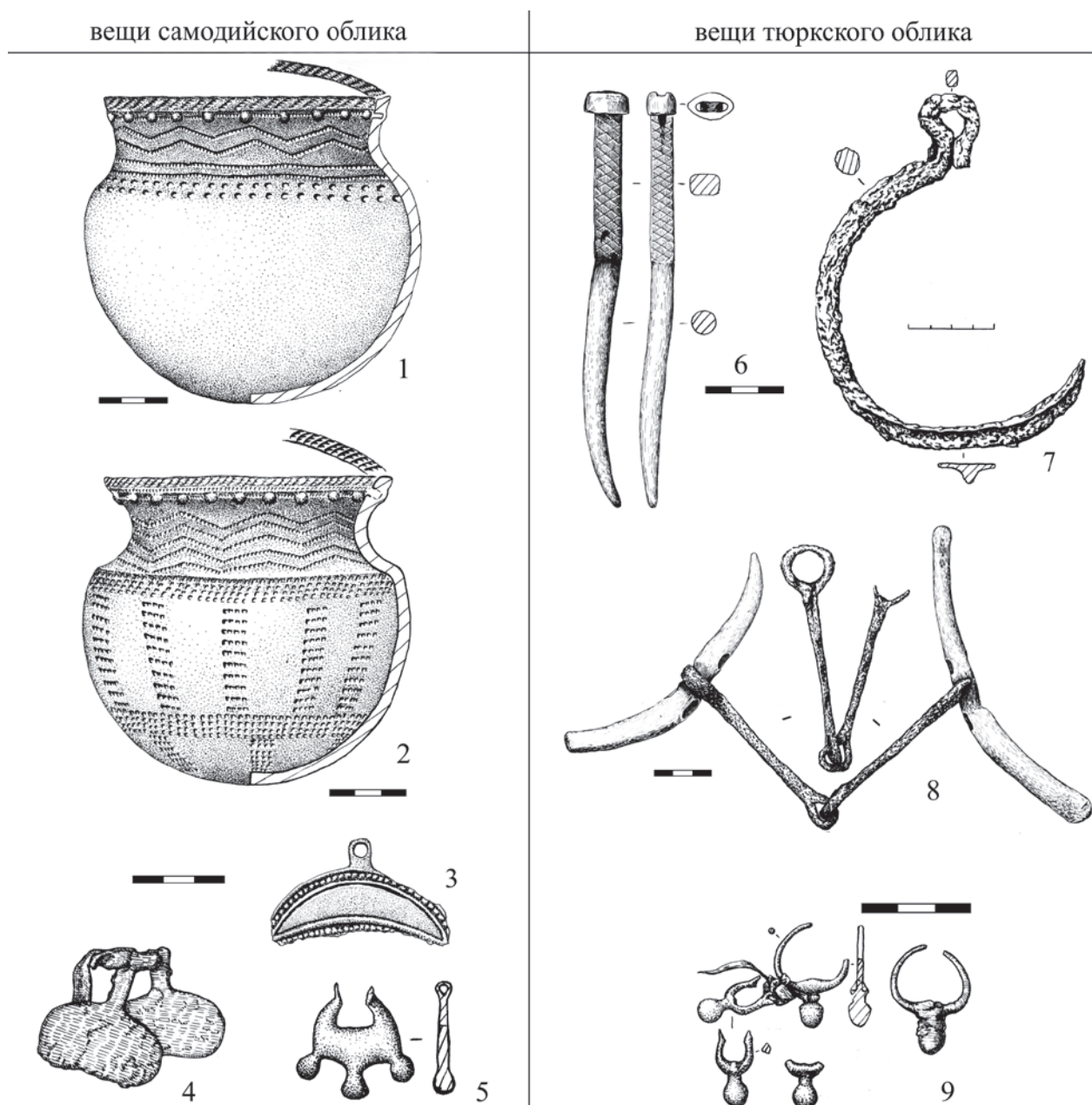
На дне могильной ямы и в заполнении встречены элементы конского снаряжения – однокольчатые удила, петельчатое стремя с подножкой и выраженным ребром жесткости (рис.-7). Стремя по морфологическим признакам относится к VI–VIII в. н.э. [Могильников, 1981, с. 37, 40]. Таким образом, анализ погребений с конем на Чумыше-Перекаате указывает на ранние этапы знакомства самодийского населения с канонами тюркской погребальной обрядности, прежде всего речь идет о нетрадиционном размещении лошадей в могилах. Аналогичная ситуация известна на могильнике Горный-10 в северных предгорьях Алтая, где лошади были помещены под погребенным [Абдулганеев, 2001, с. 128]. Кроме того, обращает на себя внимание традиция использования вещей тюркского облика не по первоначальному назначению. Так, например, в могиле 25 бронзовая ременная пряжка была использована в качестве подвески-амулета.

В двух раннесредневековых могилах на Чумыше обнаружены оригинальные предметы – орнаментированные роговые приспособления для развязывания узлов – кочедыки. Один из них был найден в погребении с конем (№28), второй в погребении пешего воина (№20), вооруженного ростовым луком (рис.-6). Аналогии подобным предметам известны в тюркских погребениях Горного Алтая, в частности курган №29, Юстыд-XII. По данным радиоуглеродного датирования, погребение относится к середине VII – середине VIII в. н.э. [Кубарев, 2005, с. 139, табл. 36.-4].

В средневековых могилах Чумыша-Перекаата найдено довольно большое количество украшений из цветных металлов. В комплексе представлены цилиндрические пронизки, бусы, серьги, кольца, под-

вески различных форм, головное украшение. Серьга из могилы №21 изготовлена из тонкой проволоки, диаметром 0,1–0,2 см, концы не сомкнуты. Серьга из ярусной могилы №23 (ск. 1) представляет собой изделие лапчатой формы, имеет ушки с отверстиями для крепления, может быть отнесена к угро-самодийским типам (рис.-5). Аналогии известны в Новосибирском Приобье и в Кузнецкой котловине [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16.-44; Бобров, 2002, рис. 1.-7–9]. В этой же могиле у второй погребенной зафиксированы две серьги с Y-образной душкой и напаянной подвеской-шариком. Вторая серьга крепилась к основной с помощью кожаного ремешка, завязанного узлом. Изделие из могилы №26 – литое в виде несомкнутого кольца с подвеской каплевидной формы (рис.-9). Подобные серьги, очевидно, связаны с кудыргинским предметным комплексом, появление которого на Северном Алтае (Осинкинский могильник) датируется не ранее конца VII – начала VIII в. н.э. [Савинов, 2000, с. 170–177; Савинов, Новиков, Росляков, 2008].

Чрезвычайно интересен комплекс украшений, происходящих из погребения №23, ск. 2. Здесь вместе с фрагментами органики был найден комплект подвесок, которые располагались слева от черепа в составе элементов прически. Подвеска-лунница серповидной формы снабжена петлей для подве-

Материалы раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Перекал:

1, 2 – сосуды; 3, 4 – подвески; 5 – серьга; 6 – кочедык; 7 – стремя; 8 – удила и псалии; 9 – серьги (1, 2 – керамика; 3–5, 9 – цветной металл; 6 – кость; 7 – железо; 8 – железо, кость)

шивания, по кромке всего изделия нанесен ряд орнамента ложной зерни (рис.-3). Бобовидные подвески представлены двумя экземплярами. Первый представляет собой плоскую в сечении подвеску без орнамента, с ножкой и отверстием для подвешивания. Второй – две подвески на кожаном ремешке, с выделенной невысокой ножкой (рис.-4). Здесь же обнаружены две подвески в виде лопаточек. Аналогичные подвески (прежде всего речь идет о лунницах) известны на памятниках Новосибирского Приобья (Умна-3, Красный Яр-I), Среднего Приобья (Рёлка), в Кузнецкой котловине (Лебединский клад) [Троицкая, Новиков, 1998; Бобров, 2002; и др.]. Большинство этих материалов датируется рубежом VI–VII – VIII вв. н.э. Анализируя состав Лебединского клада, с которым материалы Чумыша имеют много общего, В.В. Бобров [2002, с. 212] пришел к выводу о том, что предметы представляют собой элементы шаманского костюма, причем самодийского, а не угорского. Чумышские находки позволяют скорректировать эту точку зрения, поскольку найдены в совершенно определенном контексте. Большинство предметов – элементы украшения прически, причем довольно сложной. Это не отрицает особый статус погребенного, что подтверждается целым рядом особенностей в погребальном обряде ярусной могилы №23.

При определении хронологии рассматриваемых погребений необходимо учитывать и данные о керамическом комплексе. Из раннесредневековых погребений Чумыша-Перекал происходят пять сосудов. Все они круглодонные, украшены различными комбинациями рядов мелкозубого гребенчатого штампа (рис.-1, 2). Подобная посуда в целом характерна для памятников верхнеобской культуры на территории Приобья и Кузнецкой котловины. Интересно, что керамика отсутствует в погребениях, совершенных по обряду ингумации с конем. Таким образом, раннесредневековый комплекс некрополя демонстрирует сочетание самодийских и тюркских традиций (при преобладании первых) и может быть предварительно датирован в широком диапазоне: рубеж VI–VII – VIII в. н.э.

Уточнение этих данных возможно в ходе дальнейших исследований, в частности, в ходе детального анализа поясных наборов и бляшек геральдического стиля, а также радиоуглеродного датирования.

Дальнейшие исследования на могильнике Чумыш-Перекал позволят получить новые материалы для разработки локальной историко-культурной школы развития Западного Присалаирья.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: мат. XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск, 2001. С. 128–131.
- Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 177 с.
- Бобров В.В. Атрибуты шаманского костюма из клада у с. Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 206–212.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
- Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 37–42.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Начальные процессы тюркизации Западной Сибири по данным археологии // Средневековая археология евразийских степей: мат. Учредительного съезда Междунар. конгресса. Казань, 2007. Т. 1. С. 60–63.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Марочкин А.Г. Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970 – начала 2010-х гг. // Вестник ТГПУ. 2013. №7 (135). С. 84–90.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 29–43.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.
- Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 170–177.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.
- Фрибус А.В., Грушин С.П. Культурно-хронологические комплексы могильника Чумыш-Перекал: (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат. Всерос. конф. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 196–199.
- Фрибус А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перекал // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 188–192.
- Фрибус А.В., Грушин С.П., Фролов Я.В. Могильник Чумыш-Перекал – новый памятник скифского времени на границе Барнаульского Приобья и Присалаирья // Известия Алтайского гос. ун-та. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100). С. 194–202.

УДК 903.2:398.22(575.2)

Ю.С. Худяков¹, А.Ю. Борисенко²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ КЫРГЫЗСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ДЛЯ АНАЛИЗА ОРУЖЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ КЫРГЫЗСТАНА

Работа выполнена по проекту №0329-2016-0003

В статье исследуются информативные исторические и фольклорные сведения об использовании разных видов холодного и огнестрельного оружия кыргызскими воинами на Тянь-Шане в периоды позднего средневековья и Новое время. Рассмотрены основные события и результаты истории изучения кыргызского вооружения на территории Тянь-Шаня и Иссык-Кульской котловины российскими учеными в XIX в. Исследованы результаты изучения военного дела в кыргызских эпических источниках учеными из Кыргызстана и России. Проанализированы оружейные коллекции, содержащие разнообразные предметы вооружения кыргызских воинов, хранящиеся в коллекциях разных государственных, университетских, районных и частных музеев на территории Республики Кыргызстан. Среди них представлены наконечники стрел, копья, сабли, боевые топоры, булавы, кинжалы, боевые ножи и панцири. Результатом исследований стал вывод о том, что в течение Нового времени кыргызские воины освоили применение ручного огнестрельного оружия и артиллерии в боевых условиях.

Ключевые слова: кыргызские воины, Тянь-Шань, эпические сказания, огнестрельное оружие, артиллерия, военные действия.

Yu. S. Khudjakov, A.Yu. Borisenko

*Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Science;
Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia*

THE USE OF THE KYRGYZ HEROIC EPIC DATA FOR THE ANALYSIS OF WEAPON COLLECTIONS IN THE MUSEUMS OF KYRGYZSTAN

The work was carried out according to the project №0329-2016-0003

The article examines the information, historical and folklore sources about the use of different types of cold steel arms and fire-arms by the Kyrgyz warriors on the Tian Shan in the periods of the late Middle Ages and the New Time. The consideration is given to the primary events and results of history of studying of the Kyrgyz armament by the Russian scientists in the territory of the Tian Shan and the Issyk Kul Hollow in the 19th century. The research is done of the results of studying of military science in the Kyrgyz epical sources by the scientists from Kyrgyzstan and Russia. The analysis is given to the weapons collection, containing various objects of armament of the Kyrgyz warriors that are stored in the collections of different state, university, regional and private museums in the territory of the Kyrgyz Republic, including arrowheads, spears, sabers, battle axes, maces, daggers, combat knives and shells. The result of the research was the conclusion that during the New Time, Kyrgyz soldiers mastered the use of hand-held firearms and artillery in combat conditions.

Key words: Kyrgyz warriors, Tian Shan, epical legends, fire-arms, artillery, hostilities.

В коллекциях многих музеев на территории Кыргызской Республики хранится значительное количество предметов вооружения, которые относятся к культуре кыргызов позднего средневековья и Нового времени на Тянь-Шане.

Для определения хронологии и культурной принадлежности предметов вооружения, обнаруженных на поверхности местонахождений, могут быть привлечены описания и изобразительные материалы предшествующих научных экспедиций и сведения кыргызского героического эпоса.

Российские ученые и путешественники совершили несколько экспедиций на территорию современного Кыргызстана в середине XIX в. Во время своей поездки на оз. Иссык-Куль в 1856 г. российский казачий офицер, ставший впоследствии известным казахским ученым, Ч.Ч. Валиханов [1984, с. 330–331] описал и зарисовал на одной из могил на кыргызском кладбище на оз. Иссык-Куль оставленное соплеменниками оружие. В дальнейшем кыргызский могильник в долине р. Тюп на Иссык-Куле был осмотрен путешественником П.П. Семенов-Тянь-Шанским [1946, с. 182–183], который обратил внимание на изображение на куполе мавзолея кыргызского батыра Ногоя с копьем в руках. Один из участников этой экспедиции, И. Бардашов, отметил, что кыргызы были вооружены ружьями, изготовленными в Исфагане [История..., 1984, с. 611]. Экспедиционный художник П.М. Кошаров изобразил кыргызских всадников с копьями в руках. Он же зарисовал кыргызское ружье на сошках, копья и саблю [Абрамзон, 1953, с. 159, 161, 164]. Во время проведения своих экспедиций на Тянь-Шань в 1860-х гг. В.В. Радлов [1989, с. 350–352] записал и опубликовал некоторые фрагменты кыргызского героического эпоса. Он отметил особую воинственность кыргызов Тянь-Шаня, которую объяснил тем, что кыргызы, в отличие от других номадов, кочевали не семьями, а целыми родами, что позволяло им быстро собраться в поход, а стариков, женщин

и детей укрыть от возможного нападения врагов в горах. Согласно его наблюдениям, у кыргызов у каждой юрты было установлено копье, чего не наблюдалось у казахов. Воины были вооружены ружьями кокандского производства, а также копьями, палицами и секирами [Радлов, 1989, с. 348, 353–354].

В конце XIX – начале XX в. информативные сведения о военном деле кыргызов были собраны первым кыргызским историком Б. Солтоноевым. Он отметил, что кыргызские воины воевали только в конном строю. По его заключению, их основным оружием были копья, боевые топоры и булавы [Солтоноев, 1996, с. 402–404].

В середине и второй половине XX в. большой вклад в изучение военного дела кыргызов был внесен этнографом С.М. Абрамзоном. Он обратил внимание на особенности военного дела кыргызов, содержащиеся в кыргызском героическом эпосе «Манас». В дальнейшем он опубликовал рисунки кыргызских воинов художника П.М. Кошарова [Абрамзон, 1953, с. 153–154]. Позднее в своем обобщающем труде он высказал свои соображения о делении кыргызских войск по племенному и десятичному принципу. С.М. Абрамзон [1990, с. 178–180] считал, что ведущее место занимал профессиональный «воин-батыр», вокруг которых формировались дружины.

В сочинении исследователя эпического творчества кыргызов С. Мусаева перечислены разные виды оружия кыргызских воинов. Среди них отмечены гладкая пика, «живое ружье», богатырский панцирь «Акколпок», упомянуты боевые знамена белого и серого цвета [Мусаев, 1979, с. 159–161]. В одном из сочинений И.Б. Молдобаева [1989, с. 122–123] были названы кыргызские боевые топоры «ай-балта». В книге Р.С. Липец [1984, с. 66] рассказывается о поединках кыргызских всадников на пиках, описание которых содержится в эпосе «Манас». Особенности военной организации и вооружения кыргызских воинов по эпическим материалам были проанализированы З.Ч. Мамытбековым [1993, с. 154–182]. В статье Р.А. Бейбутовой [1995, с. 125–135] изучена кыргызская оружейная терминология.

В героическом эпосе «Манас» содержатся важные, информативные сведения о вооружении и особенностях военного искусства кыргызских воинов позднего средневековья и Нового времени. Кыргызское войско представляло собой ополчение. Во главе его избирался главный военный предводитель [Мамытбеков, 1993, с. 155, 157]. В эпических сказаниях есть упоминания о подготовке кыргызских воинов к выступлению в военные походы. При этом использовались такие выражения, как «сесть на коней» или «взять в руки копье», которые означали готовность к бою кыргызских воинов [Манас, 1988, с. 388]. В ходе подготовки к выступлению военачальник проводил смотр кыргызскому войску. Некоторые недостаточно боеспособные, больные и пожилые воины должны были остаться для того, чтобы охранять женщин и детей, которых доставляли в труднодоступные для врагов горные районы. Кыргызские воины подразделялись на военные отряды по десятичному принципу – на десятки, сотни, тысячи, а также по использовавшимся ими различными видами оружия – на лучников, ружейников, копейщиков [Мамытбеков, 1993, с. 163].

В качестве символа, объединяющего кыргызских воинов на поле во время сражения, в эпосе названо «алое знамя отцов», на полотнище которого был изображен полумесяц. Его должен был держать в руках специально выделенный знаменосец. В случае одержанной победы знаменосец должен был высоко поднять боевое знамя, чтобы затем воткнуть его нижним концом древка в землю и установить на поле боя так, чтобы его полотнище развевалось на ветру [Манас, 1988, с. 339]. Традиционным оружием кыргызских батыров, которое упоминается в эпических сказаниях, предназначенным для того, чтобы поражать противника в дистанционном бою, были луки и стрелы. Они имели на вооружении сложносоставные луки и свистящие стрелы [Мамытбеков, 1993, с. 167–168]. Однако значительно больше внимания в эпосе уделено ручному огнестрельному оружию. Некоторые ружья главных героев кыргызского эпоса получили собственные названия. «Живое ружье» главного кыргызского батыра и полководца Манаса носило название «Аккельте». Ружье военачальника Бакая называлось «Алмабаш» [Манас, 1988, с. 349–352]. В эпосе упоминается знаменитая пушка Манаса, которая называлась «Абзель». Во время походов это орудие перевозили на верблюде [Мамытбеков, 1993, с. 171]. Как отметили некоторые исследователи, во второй половине XIX в. кыргызские воины были вооружены ружьями иранского или кокандского производства. На вооружении у кыргызских воинов были и пушки. Вероятно, это были небольшие орудия, предназначенные для применения в условиях боев на открытой местности.

В кыргызских эпических сказаниях упоминаются различные виды оружия ближнего боя. Важнейшим видом среди них были копья с железными втульчатыми наконечниками. В героическом эпосе «Манас» кыргызские воины названы теми, кто «может сражаться копьем», – копьеносцами [Манас, 1988, с. 338]. В эпосе содержится описание боевого копья Манаса, которое имело восьмигранный железный наконечник и длинное древко, окрашенное двенадцатью разными цветами и обтянутое сухожилиями

[Манас, 1988, с. 494]. Данное «крашеное копье» для главного кыргызского героя и военачальника было изготовлено мастером по имени Саламат. Знаменитая «гладкая пика» батыра Манаса носила название «Сырнайза». Древковое колющее оружие активно использовалось кыргызскими воинами во время поединков всадников. В эпосе содержится описание такого поединка между главным героем Манасом и калмыцкой амазонкой Сайкал, в ходе которого противники атаковали друг друга копьями. Несмотря на то, что Сайкал смогла ранить Манаса, после его удара она была вынуждена покинуть поле боя и не решилась продолжить поединок [Манас, 1988, с. 368–369]. В кыргызской культуре копья служили своего рода символами кыргызских воинов. По некоторым сведениям, у юрты каждого кыргызского мужчины было установлено копье, чего не наблюдалось у других тюркских кочевых народов. По мнению В. Радлова [1989, с. 348], в этом обычае проявлялся более воинственный, по сравнению с другими кочевыми этносами, характер кыргызов. На рисунках художника П.М. Кошарова изображены копья кыргызских воинов с вытянутыми железными наконечниками удлиненно-ромбической и удлиненно-треугольной формы на длинных деревянных древках. Под наконечниками у данных копий показаны бунчуки – пучки конских волос [Абрамзон, 1953, с. 153–154]. По утверждению Р.А. Бейбутовой [1995, с. 130], традиционное для кыргызов название копья – «сунгу», было со временем вытеснено иранским термином «найза».

Важными видами вооружения ближнего боя у кыргызских воинов в эпоху позднего средневековья и Нового времени были мечи, палаши и сабли, известные под названием «кылыч» [Мамытбеков, 1993, с. 168–169]. В собрании музея «Раритет» хранится кыргызская сабля. Она имеет обоюдоострое острие, плавно изогнутый однолезвийный клинок с долами по обеим боковым граням клинка. У сабли напускное перекрестье с шаровидными окончаниями, ромбическим расширением в средней части и шиловидным выступом в сторону клинка. У данной сабли прямая рукоять с изогнутым в сторону лезвия окончанием, увенчанная шарообразным набалдашником. Данное оружие упоминается в описаниях боев, во время которых кыргызские батыры атакуют своих противников в сказаниях эпоса «Манас» [1988, с. 429–432].

Среди оружия ближнего боя кыргызских воинов важная роль принадлежала боевым топорам «айбалта». Они имели расширенные, закругленные лезвия с загнутыми концами. Секиры крепились на длинных деревянных рукоятях. В кыргызских эпических сказаниях отмечены воины, которые секирой «умело владеют» [Манас, 1988, с. 341].

Эффективным ударным оружием ближнего боя у кыргызских воинов были булавы. Они представляли собой железные боевые наконечники с выступающими ребрами или зубцами и сквозным отверстием, с помощью которого крепились на длинных деревянных древках [Худяков, Борисенко, 2015, с. 78]. В эпосе «Манас» содержатся описания боев, в ходе которых кыргызские воины используют различные виды оружия, в том числе булавы [Манас, 1988, с. 429, 435]. В условиях рукопашных схваток кыргызские воины могли наносить удары своим противникам кинжалами и боевыми ножами.

Для защиты от вражеских ударов кыргызские батыры использовали «стрелонепробиваемые» панцири, железные кольчуги, металлические шлемы и деревянные щиты. Некоторые воины защищали доспехами своих боевых коней. Отряды панцирной кавалерии были основой кыргызского войска, которая атаковала противника в решающий момент сражения, чтобы нанести вражескому войску поражение [Мамытбеков, 1993, с. 165]. Легковооруженные кыргызские воины обстреливали врагов с дистанции полета стрелы и преследовали вражеские отряды во время их бегства с поля боя. Со времени освоения кыргызами огнестрельного оружия и артиллерии они стали вести обстрел противника из ружей и пушек, а затем преследовали бегущих врагов.

Изучение описаний оружия и военного искусства кыргызов, содержащихся в эпосе «Манас», дает возможность для анализа комплекса вооружения кыргызских воинов позднего средневековья и Нового времени в музейных собраниях Кыргызстана.

Библиографический список

- Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1953 г.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. XIV. С. 148–180.
- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
- Бейбутова Р.А. К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 125–137.
- Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 306–357.
- История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984. Т. I. 798 с.

- Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 263 с.
Мамытбеков З.Ч. Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас». Бишкек, 1993. 186 с.
Манас: киргизский героический эпос. М., 1988. Кн. 2. 688 с.
Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе, 1989. 152 с.
Мусаев С. Эпос «Манас»: научно-популярный очерк. Фрунзе, 1979. 205 с.
Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 749 с.
Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946. 256 с.
Солтоноев Б. Из древней истории киргизов // Кыргызы: источники, история, этнография. Бишкек, 1996. С. 395–404.
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Железные булавы из Чуйской и Таласской долин Кыргызстана (из коллекций музеев «Манас-Ордо» и «Раритет») // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. 2015. С. 76–82.

УДК 902(571.1)

Ю.П. Чемякин¹, Е.А. Жирных²

¹Уральский государственный педагогический университет,
ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие», Екатеринбург, Россия;

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В 1973 г. на городище Барсов городок-I/4 в очаге был обнаружен почти целый сосуд. Внутри него находилась ошлакованная спекшаяся масса. Анализ показал значительное содержание в ней железа. Вероятно, в сосуде происходила варка железа. Подобный способ получения железа зафиксирован на памятниках дьяковской культуры. Он был известен также в Древней Руси. Городище Барсов городок-I/4 относится к кулайской культуре и датируется предварительно началом I тыс. н.э. Сосуд со следами плавки железа – пока самое раннее свидетельство собственной черной металлургии на севере Западной Сибири. Косвенным подтверждением наличия местной металлургии или металлообработки в это время является находка обломка кузнечного молотка на кулайском городище Барсов городок-I/20. Другие свидетельства железоделательного производства относятся к началу средневековья. Это остатки четырех кузниц на селищах Сартым-урий-16 и 17 и городище Сартым-урий-18 (карымский этап, III–IV – начало VI вв.); металлургические площадки в бассейне р. Конды с остатками горнов, самые ранние из которых также могут датироваться карымским временем (Ирия-II и Полуостров Дальний-I); два углубленных горна для варки железа из болотной руды на поселении Усть-Камчинское-2 (р. Малый Салым, VI в.).

Ключевые слова: черная металлургия, ранний железный век, раннее средневековье, Западная Сибирь.

Yu.P. Chemyakin¹, E.A. Zhirnykh²

¹Ural State Pedagogical University, ООО “AV COM-Heritage”, Yekaterinburg, Russia;

²Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ON THE QUESTION OF THE RISE OF BLACK METALLURGY IN THE NORTH OF WEST SIBERIA

In 1973, on the site of the ancient settlement of Barsov Gorodok-I/4, in the hearth, almost a whole ceramic pot was discovered. Inside there was a slagged mass. The analysis showed a significant content of iron in this mass. Most likely the pot was used to boil iron. A similar method of obtaining iron is found in the settlements of the Diakovskaya culture. It was also known in ancient Russia. The Barsov Gorodok-I/4 hillfort belongs to the Kulaiskaya culture and is dated to the beginning of the 1st millennium AD. This ceramic pot with traces of iron melting is still the earliest evidence of the local ferrous metallurgy in the North of Western Siberia. Indirect evidence of this metallurgy activity or metalworking at that time is the discovered fragment of blacksmith's hammer at the Kulaiskaya culture hillfort Barsov Gorodok-I/20. Another evidence of iron-making refers to the beginning of the Middle Ages. These are the remains of four smithies in the settlements of Sartim-urij-16 and 17 and the hillfort Sartim-urij-18 (the Karym stage, the 3rd–4th – the beginning of the 6th centuries); metallurgical sites with the remains of the furnaces in the basin of the Konda river. The earliest sites could be dated to Karym phase (Iriya-II and the Dalniy-I Peninsula). Other pieces of evidence would include two deepened furnaces for melting bog iron in the Ust-Kamchinskoye-2 settlement (Maly Salym river, 4th century).

Key words: ferrous metallurgy, early Iron Age, early Middle Ages, Western Siberia.

В 1973 г. при раскопках городища Барсов городок-I/4 был обнаружен почти целый, но растрескавшийся сосуд. В его верхней четверти изнутри по периметру наблюдался «бортик» из обожженной глины. При расчистке это оказалась сплошная ошлакованная спекшаяся масса, доходившая до дна.

Само городище расположено в урочище Барсова гора на правом коренном берегу Оби, в 5 км к западу от Сургута, напротив современного пос. Барсово. Оно находится на краю берега протоки Утоплой на высоте 19–21 м. Городище подпрямоугольное, с выступом-бастионом в западном конце, окружено валом высотой до 1–1,5 м, шириной 3–4 м и глубоким (1,5–2 м) рвом шириной от 2,5 до 8 м. Почти по-

середине северной стороны имеется хорошо выраженный выход в виде разрыва в оборонительной системе. На внутренней площадке находились три впадины. С внешней стороны городища слабо заметна еще одна, вероятно, оборонительная линия в виде цепочки ям со своеобразным выступом, или бастионом, внутри которого находится впадина. За ней фиксируется группа различных по величине впадин, образующих селище Барсова гора-I/4. Предположительно Ф.Р. Мартиным в 1891 г. на городище был заложен крестообразный раскоп. В 1972 г. оно было обследовано В.М. Морозовым, заложившим в западной части раскоп 1 площадью 54 кв. м. В 1973 г. Ю.П. Чемякиным раскопом 2 вскрыто 216 кв. м [Чемякин, Зыков, 2004, с. 15–16].

При раскопках зафиксированы неоднократные (минимум шесть) перестройки, а в основании культурного слоя были выявлены засыпанные рвы. Мощность слоя – от 0,6 до 2,0 м. Находки были представлены керамикой, в основном позднекулайского облика, тиглями, каменными, костяными, бронзовыми и железными изделиями, в том числе наконечниками стрел. Кроме того, были найдены несколько фрагментов энеолитической керамики, вероятно, связанных с расположенной рядом стоянкой Барсова гора-I/31а, обломки сосудов эпохи бронзы (кульганского культурного типа и атлымской культуры) и карымского типа начала средневековья. Основная часть городища исчезла в результате подмыва берега. Частично сохранился ряд жилищ вдоль вала. По результатам полевых исследований можно заключить, что они имели незначительно углубленные подпрямоугольные котлованы. За исключением постройки внутри «бастиона», от остальных осталось не более 3–5 м в длину. Но очевидно, что их размеры были больше.

В ходе раскопок в жилище 3 третьего строительного горизонта при расчистке очага в северо-западной части постройки в очажном слое был зафиксирован вертикально стоявший на дне сосуд с заполнением из песка и ошлакованной спекшейся массы. От жилища сохранились остатки котлована с северной и западной сторон; восточная часть была разрушена более поздней постройкой, а южная «сползла» под берег. Соответственно, ни форма его, ни размеры не определены, но последние были не менее 7×5 м. Глубина котлована около 0,2–0,3 м, точнее определить сложно из-за сползания слоев под обрыв и последующего перекрытия его объектами более поздних строительных горизонтов. Очаг находился в незначительном (до 0,2 м) углублении, заполненном бурой супесью с включениями органики (угольков, пережженных костей). Размеры очага – 2,3×1,9–2,0 м. В его южной части и был расчищен сосуд, горловина которого чуть возвышалась над очажным слоем (рис.-1). По форме и орнаментации он датирован, как и все городище, первой третью I тыс. н.э. [Чемякин, 2008, с. 91–92]. Однако учитывая, что над жилищем выявлены еще три кулайских строительных горизонта, вероятно, время функционирования жилища 3 будет ближе к самому началу I тыс. н.э. Рядом с очагом найден бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой «усть-полуйского» типа [Чемякин, 2008, рис. 77.-8], железные наконечники стрел происходили из раскопа 1 и заложенной рядом траншеи на селище Барсова гора-I/4 [Чемякин, 2008, рис. 77.-9].

Городище Барсов городок-I/4. Сосуд со следами плавки металла: 1 – *in situ* (фото 1973 г.); 2 – профиль вместе со шлаковым заполнением; 3 – общий вид горшка

В связи с возникшим уже тогда у исследователей предположением, что сосуд мог использоваться в металлургическом производстве, и для предотвращения его разрушения в процессе расчистки было принято решение законсервировать сосуд с помощью доступного на то время способа при помощи парафина и марли для дальнейшего его исследования в лабораторных условиях.

В 2016–2017 гг. реставратором Свердловского областного краеведческого музея М.Е. Тропиной* сосуд был расконсервирован, и его изучение продолжилось. Сосуд круглодонный, слабопрофилированный, тонкостенный, со скошенным внутрь венчиком, диаметром 18–20 см и высотой 15 см. Промес глины однородный, без крупных включений. На внутренней стороне сосуда видны горизонтальные расчесы от заглаживания гребенчатым штампом и тонкий, однородный слой нагара. Верхняя часть сосуда до половины высоты орнаментирована горизонтальными поясками, выполненными тремя видами штампов: гребенчатым, в виде «уточки» и «птички». В основании шейки поверх пояса из вертикальных оттисков «гребенки» был нанесен разделительный пояс из глубоких ямок, образующих с внутренней стороны ряд «жемчужин» (рис.-2, 3).

Также были проведены первоначальные анализы спекшегося содержимого сосуда. В частности, электронно-зондовый микроанализ показал значительное содержание железа в составе спекшейся массы, заполняющей сосуд. Необходимо отметить и то, что на сосуде присутствуют специфические трещины, начинающиеся от его дна, но не доходящие до венчика, заканчивающиеся чуть выше края спекшегося заполнения. Такое растрескивание могло произойти, если сосуд находился в вертикальном положении и подвергся термическому воздействию находящимся в нем составом. В пользу возможности вывода об использовании сосуда в металлургическом производстве может свидетельствовать и то, что он был обнаружен стоящим на дне непосредственно в очажном слое. Аналогии подобному способу производства или обработки металла известны, в том числе на раннедьяковском поселении IX–VII вв. до н.э., на древнерусских памятниках. Как писал Б.Н. Граков о железоделательном производстве, «простейший способ – это варка железа в горшках, когда печь представляет собой простую яму, в которую ставятся горшки, наполненные углем и рудой; кругом них зажигают костер, который стараются раздуть как можно сильнее, и в горшках происходит тот же процесс, который происходит внутри настоящего кричного горна» [Граков, 1977, с. 10; см. также: Перевошиков, 2002, с. 23].

К настоящему времени хронологически наиболее близкими подтверждениями существования на территории Северо-Западной Сибири в конце раннего железного века собственной черной металлургии являлась находка обломка кузнечного железного молотка в составе клада на городище Барсов городок-I/20 [Зыков, 2008, с. 11], хотя последний мог использоваться и при металлообработке, а также выявленные в ходе археологических раскопок селищ Сартым-урий-16 и Сартым-урий-17 и городища Сартым-урий-18 объекты, интерпретируемые как кузницы. Эта группа памятников, расположенная в бассейне р. Большой Юган (Сургутский район ХМАО-Югры вблизи пос. Угут), исследовалась на протяжении 2000–2012 гг. под руководством Ю.П. Чемякина и (в 2007–2008) Т.Ю. Фефиловой. Две кузницы были раскопаны на селище Сартым-урий-16, одна – на селище Сартым-урий-17, и одна – на городище Сартым-урий-18 [Чемякин, Борзунов, 2013].

На городище Сартым-урий-18 кузница была устроена в жилище 8. В ней сохранились следы небольшой печи (горна), ошлакованное сопло и большая гранитная плита-наковальня [Чемякин, 2006, с. 209–210, рис. 1]. За пределами постройки, напротив кузни, находилась яма диаметром 0,6 и глубиной 0,28–0,3 м, с углистым слоем на дне, кусками ошлакованной, спекшейся глины, шлака и окалина в заполнении. Кузница на селище Сартым-урий-17 представляла собой прямоугольную постройку размерами 3,5×2,1 м, углубленную на 0,1–0,12 м. Внутри объекта находилась печь (горн), в которой сохранилось ошлакованное сопло [Чемякин, 2006, с. 210–212, рис. 2].

Кузницы на селище Сартым-урий-16 представляли собой отдельные подпрямоугольные слабо углубленные в грунт постройки размерами 1,45×2,1 и 3,1×2,2 м [Чемякин, 2011; Чемякин, Борзунов, 2013, с. 66–67]. Внутри них обнаружены остатки кузнечных горнов в виде небольших ям, заполненных прокаленным грунтом, железные шлаки, уголь и окалина. В маленькой кузнице, кроме того, выявлена яма с древесным углем. Во второй кузнице зафиксирована перестройка горна, и в позднем горне расчищены остатки сосуда. Не исключено, что он, как и горшок на городище Барсов городок-I/4, мог использоваться для выплавки или науглероживания железа.

Все четыре исследованных кузницы относятся к карымскому периоду раннего средневековья (III–IV – начало VI в. н.э.). Уголь из ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий-18 дал возраст 1785 ± 30 BP (Ле-7710), что в калиброванных интервалах составляет 130–330 гг. н.э. (1 σ) и 130–340 гг. н.э. (2 σ). Уголь со дна кузни на селище Сартым-урий-17 датирован 1680 ± 90 BP (Ле-7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н.э. (1 σ) и 130–570 гг. н.э. (2 σ).

* Авторы благодарны М.Е. Тропиной за проведенную реставрацию и Л.В. Елохиной за первичный электронно-зондовый микроанализ шлака, выполненный в Институте физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН.

Кроме того, крупный рудно-металлургический район был выделен Н.М. Зиняковым в среднем течении Конды (Кондинский район ХМАО-Югры), где выявлено более 30 и изучено раскопками пять объектов, связанных с производством и обработкой железа, интерпретированных как металлургические площадки. Исследованные площадки локализовались у легкодоступных железорудных месторождений на размывах песчаных террас проточных Кондинских озер (Сатыгинский, Ягодный и Леушинский Туманы). Раскопками зафиксированы нижние «подземные» части сыродутных печей – шлаконакопители. На тех же памятниках обнаружены кострища для выжигания древесного угля и обжига руды [Зиняков, 1997, с. 28–29]. Смущает одно: в реконструкции Н.М. Зинякова толщина стенок надземной глиняной части печей составляла всего 1,5–2 см. Для сравнения: у зауральских иткульских домниц с остатками производства меди и железа (городища Красный Камень, Серный Ключ) глинобитные стенки в основании достигали 15–20 см [Борзунов, Чемякин, 2013, с. 53].

Собранная на кондинских производственных объектах керамика – ярсалинская, карымская, зеленогорская и «оронтуровская» (вернее, оронтурская, которая ныне определяется как вторая группа кучиминской посуды [Зыков, 2006, с. 111, 119]) – указывает на то, что данный металлургический центр функционировал на протяжении I – начала II тыс. н.э. Судя по опубликованным обломкам сосудов [Зиняков, 1997, рис. 3.-2-4, 6-9], к карымским или ярсалинско-карымским памятникам из этой группы, как минимум, можно отнести «металлургические рабочие площадки» Ирия-II и Полуостров Дальний-I.

Основания двух углубленных горнов для варки железа из болотной руды были вскрыты в 2001 г. Г.П. Визгаловым при раскопках поселения Усть-Камчинское-2 на р. Малый Салым. Их остатки находились рядом с котлованом жилища 1 и имели вид овальных ям размерами 0,93×0,84–0,96×0,23 и 1,8×1,44×0,27 м. В профиле они чашевидные с крутыми стенками и уплощенными днищами. В заполнении ям зафиксированы углистые и золистые слои, обломки глиняной посуды, кальцинированные косточки, железные шлаки, во второй яме – еще линзы прокалов. Фрагмент железной крицы обнаружен в самом жилище. Следы глинобитных куполов горнов в виде бесформенных кусков глины, обожженных и ошлакованных с одной стороны, найдены в ямах и рядом с ними. Горны, вероятно, были тигельными: шихта закладывалась в горшки или другие емкости, которые устанавливались на дно плавильной камеры, где их обкладывали углем. Наличие в горнах обожженных костей свидетельствует об использовании в процессе плавки руды кислого флюса. Воздух в топочную камеру нагнетался при помощи мехов – через глиняные сопла, вмазанные в стенки горнов. В местах установки воздухоподводящих устройств сохранились боковые каналы-канавки. По керамике данные сооружения датированы VI в.: концом карымского – началом зеленогорского этапа [Пархимович, 2013].

Таким образом, к настоящему времени на севере Западной Сибири исследован ряд объектов, доказывающих существование собственного железоделательного и железообрабатывающего производств:

- 1) сосуд со следами железоделательного производства на городище Барсов городок-I/4, датируемый началом I тыс. н.э. (кулайская культура);
- 2) хронологически и территориально наиболее близок к нему обломок кузнечного железного молотка из клада на городище Барсов городок-I/20 (II – начало III в.);
- 3) остатки четырех кузниц на селищах Сартым-урий-16 и 17 и городище Сартым-урий-18, относящихся к началу средневековья (карымский этап, III–IV – начало VI в.);
- 4) металлургические площадки в бассейне р. Конды с остатками горнов, наиболее ранние из которых также могут датироваться карымским временем (Ирия-II и Полуостров Дальний-I);
- 5) два углубленных горна для варки железа из болотной руды на поселении Усть-Камчинское-2 (р. Малый Салым), датируемые VI в.

Сосуд с городища Барсов городок-I/4 является самым ранним на сегодняшний день доказательством существования в рассматриваемом регионе зачатков собственной черной металлургии в конце раннего железного века (позднекулайское время).

Библиографический список

- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2 (21). С. 45–55.
- Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977. 232 с.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997. 368 с.
- Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006. С. 109–124.
- Зыков А.П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 23 с.

Пархимович С.Г. Поселение Усть-Камчинское-2 на р. Малый Салым (к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013. С. 94–115.

Первошиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху Средневековья: (технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.

Чемакин Ю.П. Раннесредневековые кузны на севере Западной Сибири // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: мат. темат. науч. конф. СПб., 2006. С. 207–213.

Чемакин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.

Чемакин Ю.П. Древнейшие кузны в таежном Приобье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 110–111.

Чемакин Ю.П., Борзунов В.А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013. С. 60–93.

Чемакин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004. 208 с.

УДК 902«637»(575)

A. Chan¹, H-Q Shao²

¹University of Geneva, Geneva, Switzerland; University of Pennsylvania, Philadelphia, USA;

²Jilin University, Changchun, China

THE ANDRONOVO ELEMENTS OF XINJIANG IN THE EURASIAN BRONZE AGE

Work is performed with support from the Tang Postdoctoral Research Award in Early China, Columbia University, and National Social Science Foundation of China (17ZDA221)

This paper assesses the corpus of materials from sites across western and northern Xinjiang attributed to the Andronovo culture or its influence. As one of the most extensively examined archaeological cultures in recent Central Asian scholarship, the Andronovo's dominion over Xinjiang, the purported eastern periphery, remains yet a perplexing phenomenon. The geography of Xinjiang shares many similarities with its adjacent regions; its mountain steppes and river basins constitute landscapes characteristic of environments in which elements of the Andronovan material culture thrived.

To address this eager inquiry into how and in what respects the archaeological record of Xinjiang was connected to the rest of Central Asia in the Bronze Age, this paper reviews a sizable corpus of excavated materials from local field research since the 1980s that however lacks synthesis and cross-examination. It considers the characteristics of these assemblages against the Andronovo's nomenclatural complexity and the history of its discourse in Eurasian archaeology. Specifically, we assess the critical physical and symbolic components of Andronovo culture in funerary, ritual and domestic contexts, and their variability in time and space. We propose a pluralist view of the Bronze Age of Xinjiang and the influence of the Andronovo. Through an integrated view of the evidence in hand, we seek to chart a more informative representation of the spatial reach of the "Andronovo" in Xinjiang and its implications in cultural terms based on substantive and systematic categories of evaluation that address rather than lean on differences in typology.

Key words: Xinjiang, Andronovo culture, Bronze Age, typology, Chinese archaeology, archaeology of Central Asia.

A. Чен,¹ Х.-Ц. Шао²

¹Женевский университет, Женева, Швейцария; Университет Пенсильвании, Филадельфия, США;

²Цзилинский университет, Чанчунь, Китай

ЭЛЕМЕНТЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СИНЬЦЗЯНА В ЕВРАЗИЙСКОМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке постдокторской премии в области науки, Колумбийский университет и Национальный фонд социальных наук Китая (17ZDA221)

В статье рассматривается состав материалов из памятников Западного и Северного Синьцзяна, связанных с андроновской культурой или ее влиянием. Андроновская культура является одной из наиболее хорошо изученных археологических культур в ближайшем среднеазиатском регионе, однако предполагаемая ее восточная периферия в Синьцзяне все еще остается неисследованной. География Синьцзяна имеет много общего с сопредельными территориями; его межгорные степи и бассейны рек представляют собой ландшафты, характерные для мест, в которых процветали элементы материальной культуры андроновской общности.

Чтобы обратиться к запланированному исследованию, в котором будут рассматриваться вопросы о том, как и в каком отношении археологические данные по эпохе бронзы, полученные в Синьцзяне, связаны с остальной частью Средней Азии, в настоящей публикации представлен значительный объем имеющихся материалов, добытых в ходе местных полевых работ с 1980-х гг., которые, однако, не имеют обобщений и не прошли перекрестную проверку. Демонстрируются особенности этих коллекций в соответствии со сложившимися представлениями об андроновской культуре и истории ее обсуждения в евразийской археологии. В частности, дается оценка основных физических и символических компонентов андроновской культуры в погребальных, ритуальных и бытовых контекстах, учитывая их изменчивость во времени и пространстве. Предлагается плюралистический взгляд на эпоху бронзы Синьцзяна и на влияние андроновской культуры. Используя комплексный подход при рассмотрении имеющихся доказательств, авторы стремятся наметить с помощью картирования более информативное

представление о пространственном распространении памятников андроновской культуры в Синьцзяне, обращая внимание на результаты изучения, основанные на оценках систематизации предметных категорий, а не на их типологическом различии.

Ключевые слова: Синьцзян, андроновская культура, эпоха бронзы, типология, китайская археология, археология Евразии.

The Bronze Age Andronovo Culture in what is today's Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China has largely been characterized and contextualized in the absence of a close scrutiny of the term's etymological and chronological complexities in its longstanding Eurasian discourse. Built on a tendency toward perfunctory intra-regional comparisons and arbitrary nomenclature, the classification and periodization of prehistoric materials from Xinjiang have therefore seen limited progress in spite of the exponential increase in archaeological findings as a result of more extensive fieldwork. Here below, we summarize a number of our key findings and propose steps toward a more substantive and explicative Andronovo schema for the purpose of studying materials discovered in Xinjiang. The full research will be published at a later date.

First, we note that "Andronovo" research in Xinjiang archaeology remains largely shaped by traditional methods of object classification. The identification and coining of local material cultures are often prioritized and overshadow the need to address research questions of analytical and theoretical value. The context of the findings is seldom addressed independent of their cultural designations; thus, interpretations are often based on the comparison of packaged "cultures" and their presumed distribution and chronology.

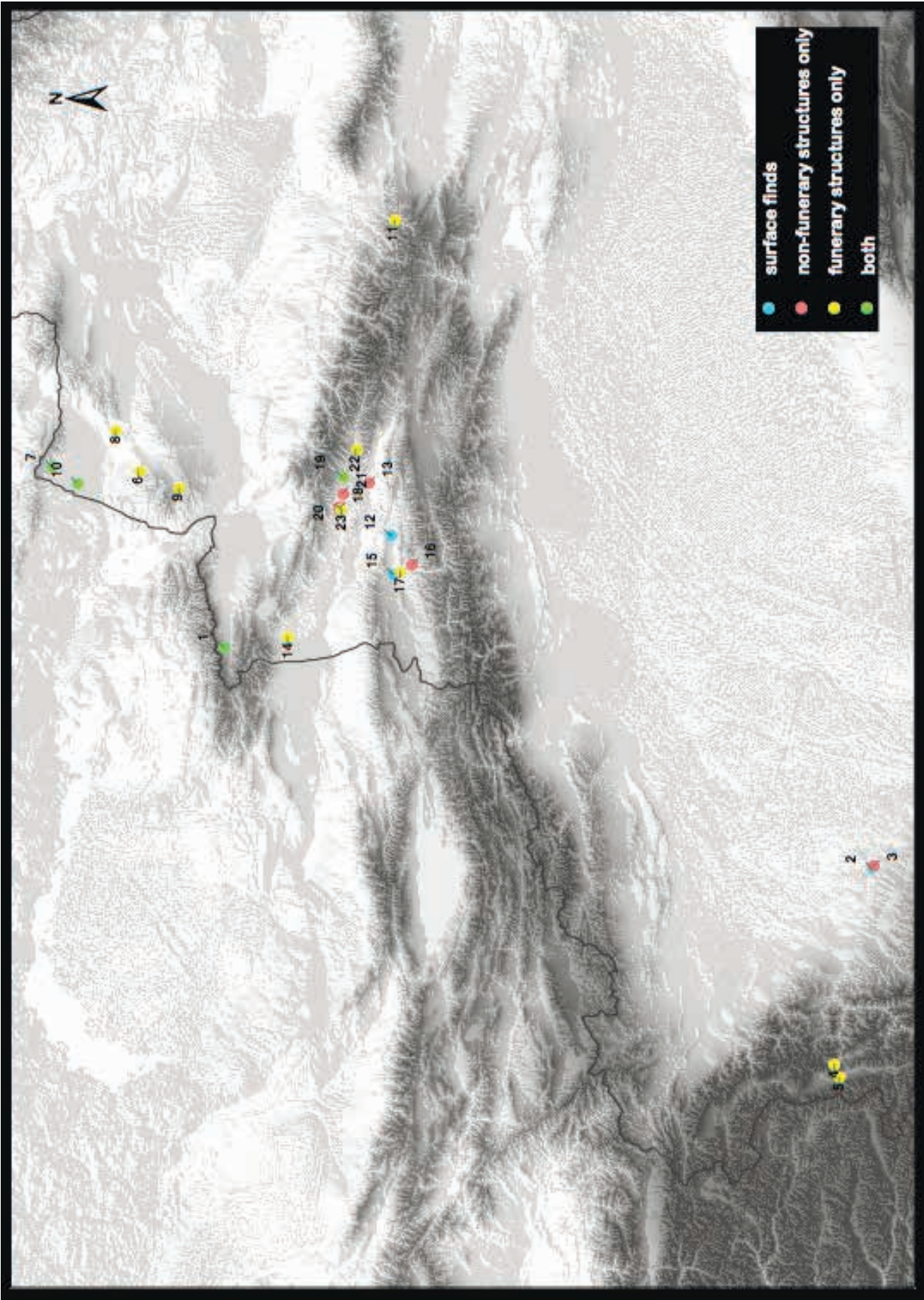
This adherence to object-centric typologies is also undergirded by a strong bias toward funerary structures, which have been the focus of most local archaeological projects that were carried out often in the interest of urban developmental and non-archaeological agendas. Furthermore, results of many archaeological expeditions remain unpublished or unavailable, inhibiting interpretations that can be made concerning the origin, regional variability and geographical extent of the Andronovo in Xinjiang. A fundamental objective of our research is, therefore, to collate and re-systematize existing materials available to address these questions at hand.

Second, the problem of characterizing the Andronovo Culture in Xinjiang can be understood from the perspective of its discourse. Metallurgy has been the predominant focus of research since the discovery of the Agarsheng bronze hoard in the 1980s, which was the herald of intensive research into the Bronze Age of Xinjiang. The identification of Andronovo bronze, an alloy containing 3–10% tin (Sn), was an important breakthrough, although the most diagnostic of these bronze finds are surface finds with no burial contexts. Specifically, the bronze objects discovered in burials are almost exclusively ornaments.

In light of the importance of ceramics in Andronovo periodization on a trans-continental scale, another interesting development in the Xinjiang Andronovo discourse is the lack of systematic investigation into ceramics until the recent decade. The most important conjecture made so far is the connection between the Ili River Valley and the Semirechye region on account of their comparable vessels with a footed base. These are vessels with the most prominent etched decorations, which render them promising material for establishing typology. For ceramic finds from other regions of Xinjiang (Tacheng, Pamir, Bortala), the research is less cohesive; researchers are confronted with the problem of data availability and condition of preservation. Entire vessels have only been recovered from burials; descriptions of ceramic fragments found at habitation sites are brief and not conducive to further interpretations.

Third, the relationship of the Andronovo to other Bronze/Iron Age cultures in Xinjiang is another subject of our investigation. The range of calibrated radiocarbon dates place it squarely in the second millennium BCE, with most dates in the later half of the millennium. The geography of their distributions is clear in that the edge of Tian Shan and the Dzungarian Basin mark respectively the eastern and northern limits of the Andronovo material culture, beyond which are archaeological remains attributed to the Qi'ermuqieke (Chermuchek), the Eastern Tian Shan painted pottery tradition, as well as necropolises in the Tarim Basin.

To identify the basis of what "Andronovo" presents in the Bronze Age archaeology of Xinjiang, we refer to the development of Andronovo studies that began during the time of the Soviet Union in the 1920s. We consider various schemas and schools of thought that were devised to organize and analyze materials discovered in regions extending from the Caucasus to southern Siberia. The Andronovo is represented by a complex lineage of local cultures and technological traditions from the Southern Urals, to the Minusinsk Basin, the Yenisei Valley, and the Semirich'ye, each characterized by a different trajectory of development that embodies regional characteristics as well as globalized traits, most notably in ceramics (e.g. of Alakul and Fedorovo). We argue that aligning this evolving understanding of the geography of the "Andronovo community", as is referred to in Russian literature, with materials from Xinjiang, has important implications for contextualizing Bronze Age Xinjiang on a regional scale. Specifically, we point out the importance of not confounding regional nomenclature with actual material traits, especially when the terms can subsume multiple elements of material culture that were of mixed local and foreign descent.

Sites in Xinjiang with finds attributed to the Andronovo or its influence

Памятники в Синцзяне с археологическими объектами, относимыми к андроновской культуре или связанными с ее влиянием

On the basis of a collective assessment of the corpus of archaeological material discovered in Xinjiang, our presentation will focus on 1) devising substantive criteria of assessment that enhance the analytical value of typologies for present and future research; and 2) clarifying diachronic and geographical patterns of variability and connectivity within the region of Xinjiang and with regard to the economic and sociocultural landscapes represented by other contemporaneous cultures in Central Asia.

Bibliography

- Bureau of Cultural Relics of Altay Prefecture, and Altay Prefectural Museum, eds. 2014. *Shoulie, youmu, huangjindao* 狩猎, 游牧, 黄金道 [Hunting, Herding, and the Golden Path]. Urumqi: Xinjiang Science and Technology Publishing House. [Proof copy].
- Chan A. *Out of Place: Stone Architecture and Pastoral Nomadism in Prehistoric Inner Asia*. PhD dissertation, University of Pennsylvania, Philadelphia. 2017.
- Chernykh E.N. "Kargaly: The Largest and Most Ancient Metallurgical Complex on the Border of Europe and Asia." In K. Linduff (ed.), *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River*. Lewiston, 2004. P. 223–237.
- Chernykh E.N. *Nomadic Cultures in the Mega-structure of the Eurasian World* (I. Savinetskaya and P.N. Hommel trans.). Brighton, MA, 2017.
- Doumani Paula N., Michael D. Frachetti, Rebecca Beardmore, Tekla M. Schmaus, Robert N. Spengler III, and Alexei N. Mar'yashev. "Burial Ritual, Agriculture, and Craft Production among Bronze Age Pastoralists at Tasbas (Kazakhstan)." *Archaeological Research in Asia* 2015. Vol. 1–2. P. 17–32.
- Gong, Guoqiang. "Xinjiang diqu zaoqi tongqi luelun 1 (A Brief Discussion of Early Bronze Finds from Xinjiang Uyghur Autonomous Region)." *Kaogu*. 1997. Vol. 9. P. 7–20.
- Guo Wu 郭物. *Xinjiang shiqian wanqi shehui de kaogu yanjiu* 新疆史前晚期社会的考古学研究 [The Archaeological Study of Late Prehistoric Societies in Xinjiang]. Shanghai Ancient Works Publishing House. 2011.
- Gryaznov M.P. *Древние культуры Алтая. Общество изучения Сибири*. [Ancient Cultures of the Altai. The Nature of the Study of Siberia]. Novosibirsk, 1930.
- Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences. *C14: Zhongguo kaoguxue zhong tanshi niandai shujuzi C14: (Radiocarbon Dates in Chinese Archaeology 1965–1991)*. Beijing: Wenwu Chubanshe, 1991.
- Kiryushin Yu.F., Papin D.V. and Fedoruk O.A. *Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов)* [Andronovo Culture in the Altai (based on materials from funerary complexes)]. Учебное пособие. Barnaul, 2015.
- Korochkova O.N. К обсуждению термина «андоновская общность» [Toward a Discussion of the Term "Andronovo Community"]. *Проблемы первобытной археологии Евразии* [The Problems of the Primitive Archaeology of Eurasia]. 2004. P. 202–211.
- Kuzmina E.E. *The Origins of the Indo-Iranians* (J.P. Mallory ed.). Leiden, Boston: Brill. 2007.
- Li Suoyuan 李溯源. Yili-hegu Agarshen leixing qingtongqi 伊犁河谷阿尕尔森类型青铜器 [Agarshen Bronzeware in the Ili River Valley]. *Research of China's Frontier Archaeology*. 2014. Vol. 16.
- Li Xiao 李肖 and Dang Tong 党彤. Zhunge'er pendi zhoubian diqu chutu tongqi chutan 准噶尔盆地周缘地区出土铜器初探 [Preliminary Exploration of Unearthed Copperware in the Peripheral Area of Junggar Basin]. *Xinjiang Wenwu*. 1995. Vol. 2.
- Lin Yun 林沅. "Silu kaitong yiqian Xijiang de jiaotong luxian (Routes of Transportation in Xinjiang before the Silk Routes)." *Caoyuan Wenwu*. 2011. Vol. 1. P. 55–64.
- Lin Yun 林沅. Silu kaitong yiqian Xinjiang de jiaotong luxian 丝路开通以前新疆的交通路线 [Routes of communication in Xinjiang before the Silk Roads]. *Caoyuan Wenwu*. 2014. Vol. 1. P. 55–64.
- Maksimenkov G.A. *Андроновская культура на Енисее* [Andronovskaya culture in the Yenisei]. Leningrad, 1978.
- Mei Jianjun 梅建军. "Early Metallurgy and Socio-Cultural Complexity: Archaeological Discoveries in Northwest China." In B.K. Hanks and K.M. Linduff (eds.) *Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals, and Mobility*. Cambridge, New York, 2009.
- Mei Jianjun 梅建军 and Colin Shell. The Existence of Andronovo Cultural Influence in Xinjiang during the Second Millennium BC. *Antiquity*. 1999. P. 570–578. Vol. 73 (281).
- Molodin V.I. and Komissarov S.A. "Recent Finds of Bronze Age Cultures in Xinjiang and their Siberian Affinities." In Chong Deng and Xingcan Chen (eds.), "Blossoming Peaches and Plums" *A Collection of Essays In Celebration of Professor An Zimin's Eightieth Birthday*, Hong Kong, 2004. P. 214–221.
- Outram Alan J., Natalie A Stear, Alexei Kasparov, Emma Usmanova, Victor Varfolomeev, and Richard P. Evershed. "Horses for the Dead: Funerary Foodways in Bronze Age Kazakhstan." *Antiquity*. 2011. Vol. 85. P. 116–128.
- PengKe 彭柯. The Andronovo Bronze Artifacts Discovered in Gongliu County in Yili, Xinjiang. In Victor H. Mair (ed.) *The Bronze Age and Early Peoples of Eastern Central Asia II*. 1998. P. 573–580.
- Polyakov A.V. Modern Chronology of Chalcolithic and Bronze Age Monuments in Minusinsk basin. In *Proceedings of the Russian-Mongol-Chinese Archaeology Forum. Rock Art in Central Asia and Northern China*. Ulaanbaatar, 2017. P. 197–211.
- Ruan Qiurong 阮秋荣. *Xinjiang faxian de Andeluoowu wenhua yichun yanjiu* 新疆发现的安德罗沃文化遗存研究 [Research of Findings of Andronovo Culture in Xinjiang], *Xibu kaogu* 西部考古 [The Archaeology of the Western Regions]. 2014. Vol. 7. Sanqin Publishing House.
- Rudkovsky I.V. Керамические маркеры контактов внутри андроновской культурно-исторической общности [Ceramic Markers of Contact within the Andronovo Community]. *Вестник ТГПУ* [TSPU Bulletin]. 2011. Vol. 11. P. 74–82.

Rudkovsky I.V. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов [Andronovo Ornamentation in the Context of System-Forming Invariants]. Almaty, 2013: Institute of Archaeology of O.H. Margulan, the Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Sal'nikov K.B. Древнейшие памятники истории Урала [Ancient Monuments in the History of the Urals]. Sverdlovsk State Publishing House, 1952.

Shao Huiqiu 邵會秋. Xinjiang diqu Andelunuwu wenhua xiangguan yicun tanxi 新疆地區安德羅諾沃文化相關遺存探析 [The Research of Andronovo Culture-related Archaeological Remains in the Area of Xinjiang]. *Research of China's Frontier Archaeology*. 2009. P. 1–14.

Shao Huiqiu 邵會秋. Yindu-Yilangren de qiyuan- pingjia 印度-伊朗人的起源: 評論 [Review of *The Origins of the Indo-Iranians*]. *Research of China's Frontier Archaeology*. 2014. Vol. 16.

Tan, Yuhua 譚玉華. Xinjiang Tashiku'ergan-xian Xiabandi AII mudi xinrenshi 新疆塔什庫爾干縣下坂地AII號墓地新認識 [New understanding of Xiabandi Cemetery AII in Tashkurgan County, Xinjiang Uyghur Autonomous Region]. *Xiyu yanjiu*. 2011. Vol. 3.

Teploukhov S.A. Опыт классификация древних металлических культур Минусинского края [An Exploratory Classification of Ancient Metal Cultures of the Minusinsk Territory]. *Материалы по этнографии* [Materials on Ethnography]. 1929. T. IV, vol. 2. P. 41–62.

Tishkin A.A. The Period Division of Eurasian History: Existing Problems and Possible Solutions. *Izvestiya of Altai State University Journal. Archaeology*. 2016. P. 260–267.

Wang Binghua 王炳華. Xinjiang diqu qingtong shidai kaogu wenhua shixi 新疆地區青銅時代考古文化試析 [An Analysis of Bronze Age Archaeological Cultures in Xinjiang]. *Xinjiang shehui kexue*. 1985. Vol. 4.

Wang Bo 王博. Xinjiang jinxieninan faxian de yixie tongqi 新疆近些年發現的一些銅器 [Recent Discoveries of Bronzewares in Xinjiang]. 1987. *Xinjiang wenwu* 1.

Wu Yong 吳勇. Lun Xinjiang Kashi Xiabandi qingtong shidai wenhua 論新疆喀什下坂地墓地青銅時代文化 [On the Bronze Age Culture of Xiabandi Cemetery in Kashi, Xinjiang]. 2012. *Xiyu yanjiu* 4.

Zdanovich G.B. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области [Bronze Age Ceramics in Northern Kazakhstan]. *Вопросы археологии Урала* [Research Problems in the Archaeology of the Urals]. 1973. Vol. 12. P. 21–43.

УДК 903(571.150)

А.В. Шмидт¹, А.Б. Шамшин²

¹Музей природы и человека, Ханты-Мансийск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОСТЮМА: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-ХІ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00779

«Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы»)

Грунтовый могильник Фирсово-ХІ расположен в лесостепной зоне Алтая, на правом коренном берегу Оби, напротив Барнаула. Всего здесь раскопано восемь неолитических (энеолитических?) захоронений. Погребальный обряд единообразен: ингумация в грунтовой яме вытянуто на спине, руки вдоль туловища либо кисти покоились на верхней части тазовых костей. В шести погребениях обнаружены просверленные в корне зубы животных (волка, оленя, медведя), служившие элементами декора одежды. Наиболее информативным было парное погребение №14. Анализ расположения нашивок позволил предположить, что костюм для усопших специально шили к траурной церемонии. Согласно представлению авторов, покойные похоронены в легкой одежде: короткие куртки с узким горлом, которые одевались через голову; штаны; обувь ниже колена; возможно, без головных уборов. Есть основания предполагать, что погребения осуществлялись в теплый период года.

Ключевые слова: неолит, Алтай, погребение, реконструкция костюма, ожерелья из зубов животных.

A.V. Shmidt¹, A. B. Shamshin²

¹Museum of Nature and Human, Khanty-Mansiysk, Russia;

²Altai State University, Barnaul, Russia

THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF A NEOLITHIC COSTUME: BASED ON THE MATERIALS OF THE FIRSOVO-XI BURIAL

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-09-00779

“Anthropological and Archaeological Facets of the Ethnogenesis of the Population of the South of Western and Central Siberia in the Neolithic and Early Bronze Age”)

Groundwater burial ground Firsovo-XI is located in the forest-steppe zone of Altai, on the right bank of the Ob river, opposite Barnaul. In total, eight Neolithic (Eneolithic?) burials have been excavated there. The funeral rite is uniform: the inhumation in the pit, the body is stretched out on the back, hands along the body or hands rest on the upper part of the pelvic bones. Six burials reveal the teeth of animals (wolf, deer, bear) drilled in the root, which served as ornamentation for clothes.

The most informative was twin burial no. 14. Analysis of the location of the patches allowed us to assume that the costume for the deceased was specially made for the funeral ceremony. According to the authors, the deceased are buried in light clothing: short jackets with a narrow throat, which were worn over the head; pants; shoes below the knee; possibly without headgear. There is reason to believe that burials were carried out in the warm season.

Key words: Neolithic, Altai, burial, costume reconstruction, necklaces made of animals' teeth.

Во что одевался человек в неолите? Как выглядел его костюм в те или иные периоды жизни? Сейчас уже невозможно достоверно ответить на эти вопросы. За несколько тысячелетий «время» безжалостно уничтожило большую часть материальной культуры этого периода. Анализируя коллекции погребальных комплексов в Верхнем Приобье, исследователи неоднократно предпринимали попытки реконструкции как костюма в целом, так и отдельных его элементов [Молодин, 1999; Кунгурова, 2005; Фрибус, Грушин, 2017]. Рассуждения специалистов выстроены на анализе расположения нашивок, изготовленных из зубов животных, кости и перламутра. По общему мнению, эти украшения крепились непосредственно к одежде. Учитывая накопленный опыт, в данной работе авторы обращаются к материалам могильника Фирсово-ХІ, на котором в 1993 и 1996 гг. ими раскопано восемь неолитических (энеолитических?) погребений.

Памятник расположен в лесостепной зоне Алтайского края, на правом коренном берегу Оби, напротив Барнаула. Погребальный обряд единообразен и в целом характерен для большинства синхронных памятников в Верхнем Приобье и далеко за его пределами: ингумация в грунтовой яме вытянуто на спине, руки вдоль туловища либо кисти покоились на верхней части тазовых костей. Единственное исключение – могила №18, где усопшего похоронили в сидячем положении.

Элементы декора одежды, которые могут дать представление о внешнем облике костюма неолитического населения, похороненном на данном могильнике, зафиксированы в шести из восьми погребений. В основном, это зубы животных, а также костяные подвески и другие украшения, представленные малочисленными сериями и единичными экземплярами. Объем данной публикации не позволяет привести детальный анализ всех шести погребений. Авторы предлагают подробно остановиться пока на одной могиле, которая по своему сопроводительному инвентарю дает наиболее полное представление о внешнем облике одежды погребенных. Остальные захоронения будут привлекаться для обоснования наших предположений.

Парное погребение №14 (здесь и далее приводится нумерация могил и костяков согласно полевой документации) – самое богатое захоронение данного некрополя (рис. 1). Сопроводительный инвентарь здесь представлен многочисленными костяными орудиями и их заготовками, а также изделиями из камня (два ножа различных типов и способов изготовления, долото, скребки, скобели и др.). Поражают своим обилием и разнообразием нашивки на одежде, образующие многочисленные ожерелья.

Скелет №1 (на иллюстрации справа):

- ожерелье №1. Состоит из пяти резцов волка (здесь и далее предварительные определения А.В. Гальченко, 1993 г.). Расчищено на левом плече возле ключицы с передней стороны скелета. Вероятнее всего, изначально зубы находились на шее, но сместились вследствие разложения тела;
- ожерелье №2. Состоит из девяти резцов лося. Располагалось с передней стороны костяка, в верхней части грудной клетки – от правой ключицы к левой подмышке;
- ожерелье №3. Состоит из 18 моляров и премоляров волка. Ожерелье опоясывало человека вокруг, проходя диагонально по дуге от левой подмышки к правому боку, на уровень пояса;
- ожерелье №4. Состоит из 31 резца волка. Ожерелье опоясывало человека вокруг, проходя диагонально по дуге от правой подмышки к нижней части грудной клетки на левом боку;
- ожерелье №5. Состоит из 38 резцов лося. Ожерелье опоясывало человека вокруг, проходя диагонально по дуге от правой подмышки к левому боку, на уровень пояса;
- ожерелье №6. Состоит из 28 резцов лося. Ожерелье шло вокруг человека на уровне пояса;
- ожерелье №7. Состоит из 20 моляров и премоляров медведя. Ожерелье опоясывало человека вокруг, проходя на уровне нижней части тазовых костей;
- ожерелье №8. Состоит из 13 резцов лося. Ожерелье располагалось чуть ниже тазовых костей и только на передней стороне скелета;
- ожерелье №9. Состоит из 6 резцов лося. Ожерелье располагалось вдоль левой бедренной кости с ее внешней стороны;
- ожерелье №10. Состоит из 5 резцов лося. Ожерелье располагалось вдоль левой бедренной кости с ее внутренней стороны;
- ожерелье №11. Состоит из 6 резцов лося. Ожерелье располагалось вдоль правой бедренной кости с ее внутренней стороны;

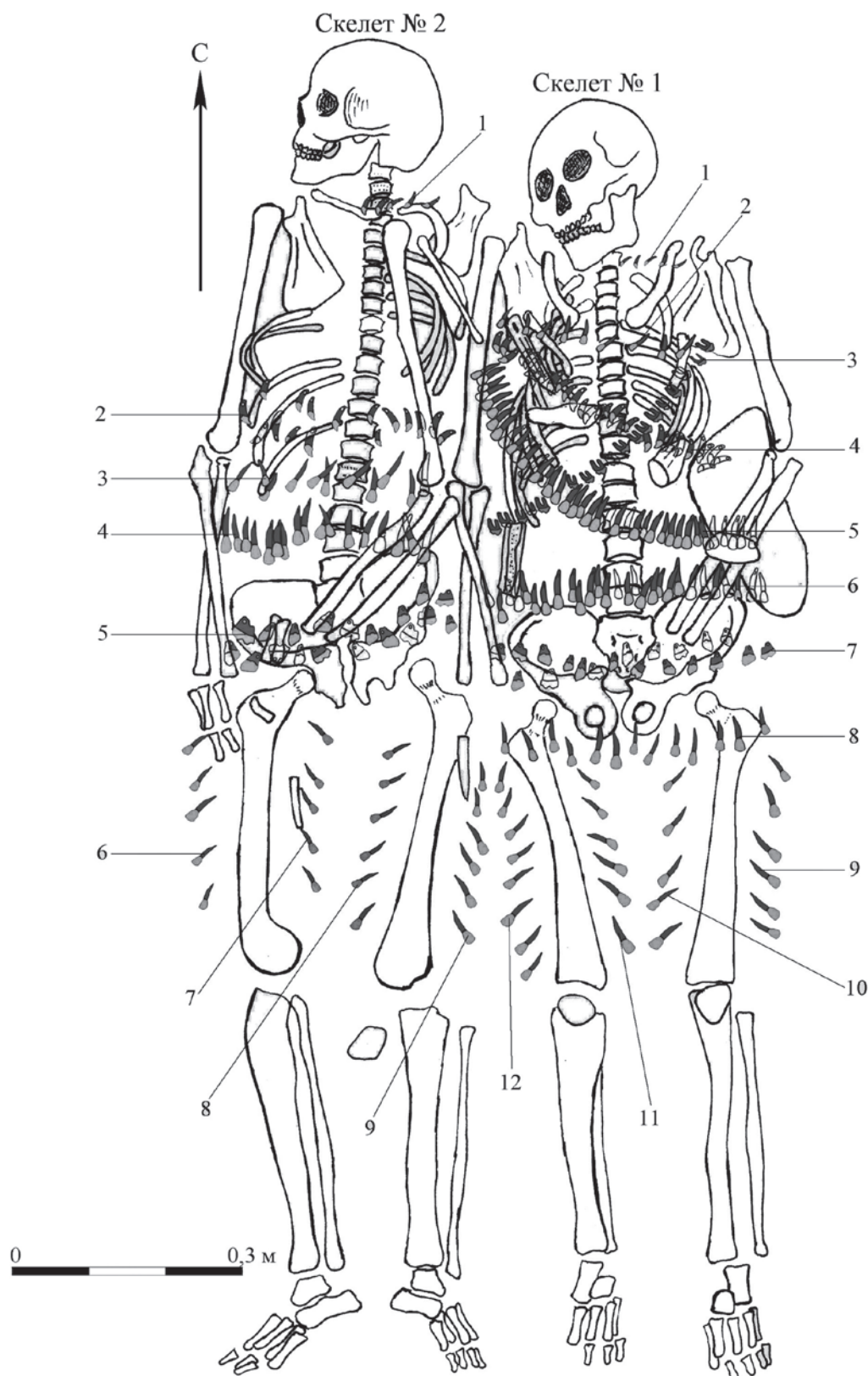

Рис. 1. Фирсово-ХІ. Парное захоронение №14 (1, 2, 3 ... – номера ожерелий)

- ожерелье №12. Состоит из 8 резцов лося. Ожерелье располагалось вдоль правой бедренной кости с ее внешней стороны.
Скелет №2 (на иллюстрации слева):
- ожерелье №1. Состоит из пяти резцов волка. Расчищено в районе шеи и левого плеча усопшего с передней стороны скелета;

- ожерелье №2. Состоит из 16 резцов волка. Ожерелье опоясывало человека вокруг, проходя горизонтально на уровне нижней части грудной клетки;
- ожерелье №3. Состоит из 11 резцов лося. Ожерелье шло вокруг человека, чуть выше уровня пояса;
- ожерелье №4. Состоит из 17 резцов лося. Ожерелье шло вокруг человека на уровне пояса, т.е. точно таким же образом, как ожерелье 6 у скелета №1;
- ожерелье №5. Состоит из 19 моляров и премоляров медведя. Ожерелье опоясывало человека вокруг, проходя на уровне нижней части тазовых костей – так же, как ожерелье 7 у скелета №1;
- ожерелье №6. Состоит из 5 резцов лося. Располагалось вдоль правой бедренной кости с ее внешней стороны, так же, как ожерелье 12 у скелета №1;
- ожерелье №7. Состоит из 5 резцов лося. Располагалось вдоль правой бедренной кости с ее внутренней стороны, так же, как ожерелье 11 у скелета №1;
- ожерелье №8. Состоит из 6 резцов лося. Располагалось вдоль левой бедренной кости с ее внутренней стороны, так же, как ожерелье 10 у скелета №1;
- ожерелье №9. Состоит из 6 резцов лося. Располагалось вдоль левой бедренной кости с ее внешней стороны, так же, как ожерелье №9 у скелета №1.

Несколько исследователей предварительно ознакомились с антропологическим материалом данного захоронения. Их выводы показали неоднозначность в решении вопроса о половозрастной принадлежности погребенных субъектов. Возможно, сказались относительно юный возраст усопших, а также плохая сохранность костей. Кроме этого, всегда есть риск столкнуться с таким явлением, как «мужеподобная женщина» и «женеподобный мужчина». Видимо, дополнительные исследования позволят точно решить вопрос о половой принадлежности индивидуумов из могилы №14.

На этом этапе изучения комплекса авторы склонны ориентироваться на сравнительный анализ сопроводительного инвентаря данного погребения с материалами других неолитических захоронений могильника Фирсово-ХІ. Так, ожерелья из зубов животных до этого момента фиксировались только в «стоцентных» мужских погребениях. Такую категорию орудий, как ножи-бифасы, также находили только с мужскими скелетами: могилы №16, 17, 42. Таким образом, авторы больше склоняются к версии, что захоронение №14 памятника Фирсово-ХІ является парным мужским погребением.

Все подвески из зубов животных, представленные в данной могиле, имели просверленное в корне отверстие, что позволяло крепить их к одежде (рис. 2.-2–4). Сразу оговоримся, чтобы обозначить основные принципы наших рассуждений: все нашивки – это украшения, которые выставлялись напоказ. Они должны быть хорошо видны, поэтому другие элементы одежды, не сохранившиеся с течением времени, не должны были их закрывать.

Судя по расположению ожерелий, верхней одеждой служили нераспашные куртки, которые одевались через голову. Ворот представлял достаточно узкое отверстие. Его границы у обоих субъектов маркирует ожерелье №1. Аналогичным образом располагалось ожерелье, также из пяти зубов, на мужском костяке могилы №42 (рис. 2.-5).

Куда сложнее вопрос относительно длины курток. Данные этнографии, а также реконструкции других специалистов указывают, что нижний край одежды, как правило, украшался орнаментальной полосой [Молодин, 1999; Кунгурова, 2005, с. 45; Фрибус, Грушин, 2017]. У скелета №2 такой нижней орнаментальной полосой служило ожерелье №5, выполненное из зубов медведя, которое проходило немного ниже пояса покойного. Нам видится, что это достаточно надежный маркер подола куртки. Расположенные вдоль бедренных костей вертикальные ожерелья №6–9, по всей очевидности, являлись украшениями штанов. Будь подол куртки длиннее, он наверняка бы закрыл данный элемент. На таком же уровне (нижняя часть тазовых костей) располагались ожерелья в мужских погребениях №16 и 17.

Исследователи допускают, что горизонтальные линии подвесок, располагавшиеся в районе таза, не просто орнаментальные линии нашивок на самой одежде, а самостоятельный элемент костюма – пояс [Кунгурова, 2005, рис. 47]. Но чтобы говорить об этом уверенно, нужны определенные маркеры. Это могут быть резцы крупных грызунов (бобер, сурок), которые могли использоваться в качестве застежек [Фрибус, Грушин, 2017, с. 24; Bobrov, 1988, fig. 6, 9]. Кроме того, ремень – это один из способов носить с собой необходимые вещи. Поэтому достаточно часто археологи находят сопроводительный инвентарь именно в районе пояса [Горюнова, Вебер, Новиков, 2012, с. 165]. Ни того, ни другого в материалах могильника Фирсово-ХІ мы не наблюдаем.

У скелета №1 (могила 14), как и у скелета №2, имеется ожерелье (№7) из зубов медведя, также проходящее по нижней части тазовых костей. Однако оно не является самым нижним среди горизонтальных рядов нашивок на теле усопшего. Еще ниже расположено ожерелье №8, пересекающее верхнюю

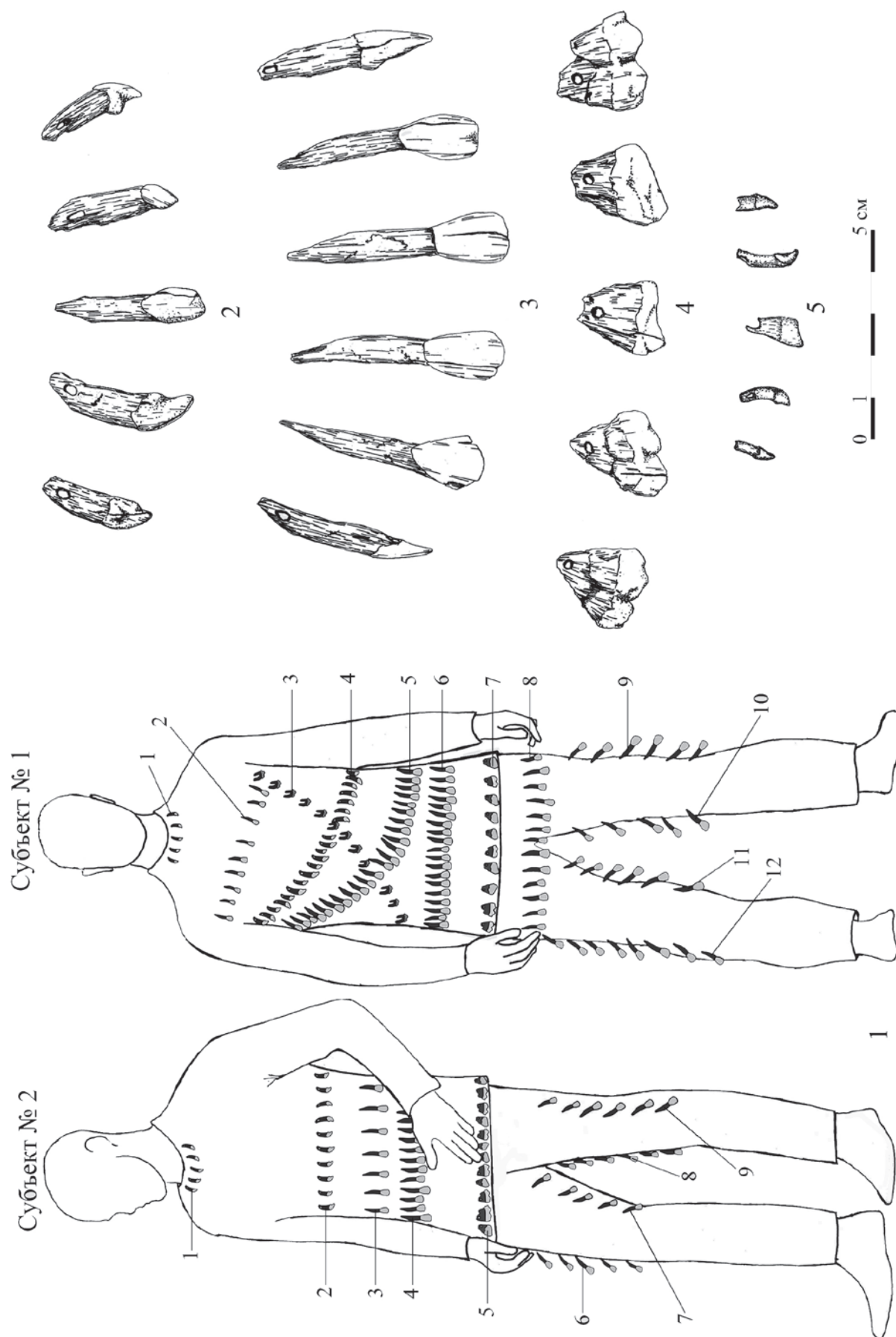

Рис. 2. 1 – могила 14, реконструкция погребального костюма (1, 2, 3 ... – номера ожерелья из резцов волка; 2 – фрагмент ожерелья из резцов волка; 3 – фрагмент ожерелья из резцов волка; 4 – фрагмент ожерелья из резцов волка; 5 – ожерелье из пяти зубов медведя; 6 – ожерелье из пяти зубов медведя; 7 – ожерелье из пяти зубов медведя; 8 – ожерелье из пяти зубов медведя; 9 – ожерелье из пяти зубов медведя; 10 – ожерелье из пяти зубов медведя; 11 – ожерелье из пяти зубов медведя; 12 – ожерелье из пяти зубов медведя)

часть бедренных костей и состоящее из резцов лося. Тем не менее авторы предполагают, что у скелета №1 именно ряд из зубов медведя обрамляет нижний край куртки. По нашему мнению, одежда обоих субъектов сшита по одному фасону, так как совпадают многие ключевые элементы. Расположение, вид, состав зубов ожерелий №1, 6 и 7 у скелета №1 полностью совпадает с ожерельями №1, 4, 5 у скелета №2. Отличается только количество нашивок. Видимо, различия между куртками проявляются только в орнаментальном оформлении верхней части одежды. У первого субъекта это взаимопроникающие диагональные цепочки нашивок. У второго – зубы животных образуют параллельные горизонтальные линии (рис. 2.-1).

То же самое можно сказать о штанах. Расположение ожерелий №9–12 скелета №1 полностью совпадает с расположением ожерелий №6–9 скелета №2. Все они выполнены из резцов лося и различаются только по количеству нашивок. Возвращаясь к ожерелью №8 скелета №1, отметим, что оно располагалось только с передней стороны и, по всей видимости, являлось украшением верхней части штанов.

К сожалению, мы ничего не можем сказать об обуви усопших, но маловероятно, чтобы она превышала уровень колен. Здесь хорошим маркером служат нашивки, украшавшие штаны и доходившие как раз до коленного сустава.

Ни в одном погребении могильника нет свидетельств наличия головного убора. Зубы животных, нашивки из кости и перламутра, которые исследователи находили в районе черепа при раскопках памятников Солонцы-5, Усть-Иша, Лебеди-II, Тузовские Бугры-1 и др., в материалах некрополя Фирсово-XI отсутствуют полностью.

По всей видимости, костюмы, в которых похоронили усопших из могилы №14, носили ритуальный характер. Возможно, что они были изготовлены специально к траурной церемонии. Видится маловероятным, чтобы одежду, украшенную крупными нашивками, использовали для повседневной носки. Резцы лося, располагавшиеся на штанах, можно было легко оборвать о кустарник или высокую траву. Зубы, зафиксированные на куртке, также сковывали движения, и их тоже можно было лишиться, просто совершая какую-либо работу руками.

Анализируя материалы всего некрополя, создается устойчивое впечатление, что одежда усопших была достаточно легкой (летней): короткие куртки, обувь ниже колена, вполне вероятное отсутствие головных уборов. Есть основания предполагать, что погребения осуществлялись в теплый период. В пользу этого предположения также свидетельствует наличие вторичных захоронений. Так, один из субъектов коллективной могилы №15 к моменту похорон сильно разложился и в буквальном смысле распадался на части. В результате костяк получил заметные анатомические нарушения.

Библиографический список

- Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма-XI. Иркутск, 2012. 271 с.
- Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 127 с.
- Молодин В.И. Неолитическое погребение на оз. Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири: мат. совещания. Кемерово, 1999. С. 36–57.
- Фрибус А.В., Грушин С.П. Перья птиц в системе оформления неолитического костюма (по материалам могильника Чумыш-Пережат на юге Западной Сибири) // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2017. №16. С. 20–34.
- Bobrov V.V. On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B.C. // Arctic anthropology. 1988. Vol. 25, No 2. Pp. 30–46.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902.01(470.24)

Е.Г. Вертман

ООО «Химико-аналитический центр «Плазма», Томск, Россия

МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСП-МС БРОНЗОВЫХ ХОРОСОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КИТОВРАСА

Работа выполнена в рамках Межмузейного социально-культурного проекта «Китоврас раскрывает сибирские тайны–2009». Руководители проекта – Е.Г. Вертман (Русское географическое общество, Томское отделение; ООО «Химико-аналитический центр «Плазма», Томск), А.И. Тощев («Музей вечной мерзлоты», Игарка Туруханского района Красноярского края)

Приведены результаты масс-спектрометрического с индуктивно связанной плазмой анализа ИСП-МС бронзовых хоро-сов из новгородских православных храмов XV–XVI вв. и медальонов с изображением Китовраса. Сравнение показало, что первичные по изготовлению медальоны и новгородские хоросы близки по химическому макросоставу, кроме содержаний олова, и различаются по микропримесям, в том числе золоту. Хоросы-паникадила изготовлены из латуни (Cu 78–86% + Zn 5–11% + Sn 0,4–4,0% + Pb 4–8% + Au 0,0003–0,0007%), первичные медальоны – из латуни (Cu 76–80% + Zn 3,6% + Sn 13–22% + Pb 0,6–3,5% + Au 0,001–0,0023%), вторичные медальоны – из вторичной бронзы различных типов.

Ключевые слова: масс-спектрометрический анализ ИСП-МС, бронза, хорос, паникадила, Китоврас, Новгород, Таймыр, XV–XVI вв.

E.G. Vertman

ООО “Chemical-Analytical Center “Plasma” Tomsk, Russia

ICP-MS MASS SPECTROMETER ANALYSIS OF BRONZE HOROSSES WITH THE IMAGE OF KITAVRAS

This article is performed within a framework of the joint socio-cultural project “Kitavras Reveals Siberien Secrets-2009”.

Project managers: E.G. Vertman (Russian geographical society, Tomsk branch; ООО “Chemical-Analytical Center “Plasma”, Tomsk), A.I. Toshev, (“Museum of Permafrost”, Igarka, Turukhansk Region, Krasnoyarsk Krai)

The article presents the results of the ICP-MS mass-spectrometric analysis with inductively coupled plasma bronze horoses (chandeliers) from Novgorod Orthodox churches of the 15th – 16th centuries and medallions with the image of kitavras. The comparison showed that the medallions, which were manufactured earlier, and Novgorod horoses are close in chemical macro-composition, except the content of tin, but differ in micro-impurities, including gold. Horoses are made of brass (Cu 78–86% + Zn 5–11% + Sn 0.4–4.0% + Pb 4–8% + Au 0.0003–0.0007%), primary brass medallions (Cu 76–80% + Zn 3.6% + Sn 13–22% + Pb 0.6–3.5% + Au 0.001–0.0023%), secondary medallions are produced of various types of bronze.

Key words: ICP-MS mass-spectrometric analysis, bronze, horos (corona lucis), centaur, Novgorod, Taimyr, 15th – 16th centuries.

Данная работа выполнена в рамках Межмузейного социально-культурного проекта «Китоврас раскрывает сибирские тайны–2009». Цель проекта – изучить бронзовые медальоны с изображением древнерусского божества Кентавра-Китовраса, находящиеся в музеях и частных коллекциях, чтобы выяснить: кто есть Китоврас, царь Лукоморский, изображенный на бронзовых литых медальонах из атрибутики шаманов Заполярной Сибири и описанный в древних сказаниях и мифах, начиная от царя Соломона [Вертман, 2010, с. 124–127; Тощев, 2014а–б; 2015а–в; Вертман, 2016].

Экспедиция «Сибирская прародина – Таймыр–2009» Томского отделения Русского географического общества обнаружила неожиданно для себя высокохудожественные бронзовые медальоны с изображением царственного крылатого Китовраса (рис. 1) в музеях Таймыра (Таймырский окружной краеведческий музей, Норильский краеведческий, частный Этнографический музей Таймыра О.Р. Крашевского на оз. Лама и Красноярский краевой краеведческий музей) и включила их в план исследования таймырской бронзы [Вертман, 2009, с. 18–23].

Дальнейшее изучение вопроса показало, что происхождение медальонов и самих Китоврасов является до настоящего времени белым пятном в науке. А.П. Окладников обнаружил аналогичный медальон на острове Фаддея в море Лаптевых у восточных берегов северного Таймыра во время первой «Арктической экспедиции Арктического института» в 1945 г. и глубоко вник в эту проблему [Окладников, 1950, Малоземова, 2000]. Этот медальон в настоящее время хранится в Музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге, где мы его сфотографировали (рис. 2.-3) и обмерили в ходе нашей Аркти-

ческой морской научно-поисковой самостоятельной экспедиции «Арктида–2014» под флагом Русского географического общества [Вертман, Сидоров, 2014]. Не получив разрешения на отбор пробы массой 50 мг для высокочувствительного мультиэлементного масс-спектрометрического с индуктивно связанной плазмой анализа ИСП-МС на 60 элементов, нам удалось сделать рентгенофлуоресцентный анализ РФА на спектрометре ArtTAX (Brüker) в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа (табл. №3840-МАС). Благодарим за оказанную помощь в работе заместителя директора музея М.В. Дукальскую и руководителя Отдела Эрмитажа С.В. Хаврина.

РФА количественно определил содержания всего лишь четырех элементов: меди, олова, свинца и железа, не дав результата анализа содержания цинка – важной примеси, определяющей тип сплава – латуни. Условно медный сплав медальона №3840-МАС можно определить как сурьмяно-свинцово-оловянистую бронзу Cu (76–78)% + Sn (20–22)% + Sb (0,1–0,4)% + Pb (0,6–1,0)%.

Рис. 1. Медальоны с Китоврасом: 1 – инв. № 6547/4 (Таймырский окружной музей, Дудинка); 2 – без инв. № (Музей этнографии Таймыра О.Р. Крашевского, турбаза «Бунисяк», оз. Лама)

Рис. 2. Медальоны с Китоврасом: 3 – «Звездный» (инв. №3840, вес = 268,37 г, диаметр наружный 110,6 мм. Остров Фаддея в море Лаптевых. Музей Арктики и Антарктики, СПб.); 4 – прорезной (без №. Фрагмент хороса, МБГУ Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

Этот медальон первого типа (по нашей классификации) оказался единственным по изображению Китовраса на фоне звезд и без клейма на конском крупе, за что он получил имя «Звездный Китоврас». Нам не удалось найти его копий-артефактов в различных российских и зарубежных музеях. Множество

изученных в дальнейшем медальонов были копиями медальона второго типа с изображением Китовраса на фоне растительного орнамента с тамгой сенмурва. Однако «Звездный Китоврас» оказался главной деталью и фигурой на церковных хоросах в православных храмах XV–XVI вв. Великого Новгорода (рис. 3, 4), Пскова, Сольвычегодска. Описание всех известных хоросов-паникадил такого типа воспроизводится в публикации [Декоративно-прикладное искусство..., 2008].

Хоросом называют центральный церковный светильник в виде люстры – круглого обода со свечами, подвешенного на цепях в центре православного храма, он имеет особый статус и символизирует древо жизни и света. Хоросы многоярусные называют паникадилами, от греч. *поликандилос* – много-свечник. Обычно хоросы собирают на заклепках из литых бронзовых деталей (рис. 3, 4).

Рассматривая вопрос происхождения медальонов с изображением Китовраса, А.П. Окладников называет его кентавром и обращается к хоросам-паникадилам, но решения не находит. Что же первично? Китоврас на медальоне или Китоврас на хоросах? А может быть, и медальоны, и хоросы изготавливались в одной мастерской по одному проекту и в одно время? Он отмечает: «Для нашей темы важно, что изображенные на паникадилах-хоросах XV–XVI вв. кентавры совершенно аналогичны не только в общих чертах, но и в мелких деталях, кентавру с о. Фаддея. Они имеют распростерты в стороны и опущенные вниз концами крылья. На головах их видны короны с зубцами. В правых руках у них жезлы, покоящиеся на плечах и завершенные шишкой-сферой на верхнем конце» [Окладников, 1950, с. 155–156]. Здесь следует отметить, что визуально «совершенно аналогичны» Китоврасу с о. Фаддея по качеству исполнения, композиции, размерам, деталям изображения только Китоврасы на хоросе-паникадиле «Деисус» из храма Пскова XVI в. (рис. 2.-4, 3). Мы решили проверить эту «аналогичность» по химическому составу металла изделий.

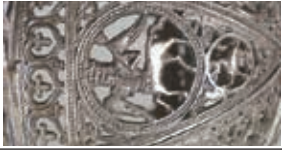

Рис. 3. Хорос-паникадило из православного храма Пскова XVI в. (МБГУ Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

Рис. 4. Хоросы «Деисус» (музей-заповедник, Кремль, Великий Новгород):
1 – правый Китоврас (КП 7641); 2 – левый Китоврас (КП-7640)

Масс-спектрометрический анализ ИСП-МС химического состава металла хорошев-паникадил с Китоврасом (Великий Новгород, Кремль, музей-заповедник) и бронзовых медальонов с Китоврасом выполнен в ООО «Химико-аналитический центр «Плазма», Томск. Аттестат аккредитации РОСС RU.0001.510078 в системе аккредитации аналитических лабораторий (центров). Рентгенофлюоресцентный анализ РФА медальона №3840-СПб выполнен в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург

Фото предметов и фрагментов											
Шифр пробы	Хорос КП-7640-2 Решётка по ободу	Хорос КП-7640-3 Обратная сторона решётки	Хорос КП-7640-4 Херувим по ободу	Хорос КП-7641-1 Обратная сторона решётки	Хорос КП-7641-2 Решётка по ободу	Хорос КП-7641-4 Херувим по ободу	Хорос КП-1718-1 Цепь	Китоврас Музей оз. Лама Таймыр	Китоврас №6547/4 Дудинка Таймыр	Китоврас Звёздный №3840-МАН СПб РФА	Китоврас с ушками ККМ-1531-1 Красноярск
Элемент	содержание, % масс										
Литий (Li)	0,00020	0,00085	0,00050	0,00023	0,00055	0,00045	0,00038	<0,00001	0,000089	<0,00001	<0,00001
Вериллий (Be)	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	0,000046	0,0001237	<0,000001	<0,000001
Натрий (Na)	0,0033	0,0066	0,0077	0,0063	0,0029	0,0065	0,0039	0,057	0,011	0,0027	0,0027
Магний (Mg)	0,0048	0,0069	0,0078	0,0091	0,0029	0,016	0,0032	0,0039	0,021	<0,001	<0,001
Алюминий (Al)	0,014	0,027	0,028	0,013	0,0064	0,026	0,0048	0,093	0,043	0,0025	0,0025
Фосфор (P)	<0,02	<0,02	<0,02	<0,02	<0,02	<0,02	<0,02	0,015	0,071	<0,01	<0,01
Калий (K)	0,0038	0,015	0,010	0,0091	0,0061	0,0070	0,010	0,021	0,034	<0,007	<0,007
Кальций (Ca)	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	0,18	0,23	<0,01	<0,01
Скандий (Sc)	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	0,00027	<0,00001	<0,0005	<0,0005
Титан (Ti)	0,0022	0,0027	0,0033	0,0081	0,0017	0,0027	<0,001	0,0021	0,0040	<0,001	<0,001
Хром (Cr)	0,00032	0,00079	0,00078	0,00034	0,00030	0,00038	0,00078	0,0023	0,012	<0,001	<0,001
Марганец (Mn)	0,00096	0,00079	0,0019	0,0014	0,00084	0,0010	0,00068	0,0023	0,0056	0,00011	0,00011
Железо (Fe)	0,67	0,67	0,74	1,11	0,39	0,35	1,27	0,78	0,25	< 0,25	0,010
Кобальт (Co)	0,0022	0,0018	0,0021	0,00074	0,0017	0,0076	0,00074	0,0024	0,0013	0,00066	0,00066
Никель (Ni)	0,25	0,25	0,26	0,28	0,38	0,64	0,28	0,026	0,013	следы	0,024
Медь (Cu)	79,90	81,23	77,89	83,09	82,83	85,51	82,37	78,99	84,61	76-78	92,41
Цинк (Zn)	9,66	10,5	10,1	11,0	9,86	5,05	11,0	3,61	0,072	0,18	0,18
Галлий (Ga)	0,00031	0,00035	0,00026	0,00011	0,00013	0,00015	0,00012	0,00025	0,000087	<0,00001	<0,00001
Германий (Ge)	0,000032	0,000061	0,000036	0,000015	0,00017	0,000069	0,000057	0,000026	0,000041	<0,00001	<0,00001
Мышьяк (As)	0,12	0,15	0,13	0,075	0,37	0,57	0,070	0,047	0,034	< 0,3	0,0084
Селен (Se)	0,0038	0,0032	0,0035	0,0038	0,0046	0,0051	0,0042	0,013	0,010	0,012	0,012

Рубидий (Rb)	0,000037	0,000076	0,000049	0,000020	0,000019	0,000023	0,000026	0,000040	0,000060		<0,00001
Стронций (Sr)	0,000070	0,00018	0,00020	0,000098	0,000077	0,00013	0,00015	0,00024	0,00076		0,000021
Иттрий (Y)	<0,00001	0,000010	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000012	0,000031		0,0000032
Цирконий (Zr)	0,000047	0,000068	0,000072	0,00012	0,000017	0,000096	0,000012	0,000028	0,00017		<0,00001
Ниобий (Nb)	0,000011	<0,00001	<0,00001	0,000021	<0,00001	0,000012	<0,00001	<0,00001	0,000023		<0,00001
Молибден (Mo)	0,000035	0,00011	0,000059	0,000098	0,000054	0,000041	0,00019	0,000031	0,00013		<0,00001
Рутений (Ru)	0,00017	0,00023	0,00022	0,00026	0,00016	0,00024	0,00035	0,00021	<0,000001		<0,00005
Серебро (Ag)	0,049	0,071	0,043	0,19	0,25	0,32	0,27	0,091	0,079	<0,3	0,081
Кадмий (Cd)	0,00012	<0,000005	0,000028	0,000033	<0,000005	<0,000005	<0,000005	0,00012	0,00018		<0,00001
Индий (In)	<0,0005	<0,0005	<0,0005	<0,0005	<0,0005	0,00051	<0,0005	0,0016	0,0021		0,00040
Олово (Sn)	4,01	4,02	4,43	0,45	1,53	1,48	0,41	13,06	10,20	20-22	0,82
Сурьма (Sb)	0,043	0,070	0,049	0,030	0,53	0,69	0,020	0,045	0,022	0.1-0.4	0,00050
Теллур (Te)	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	0,000076	0,000079		0,000026
Цезий (Cs)	0,000016	0,000015	0,000020	0,000028	0,0000060	0,0000086	0,000011	0,000036	0,000043		<0,000005
Барий (Ba)	0,00035	0,00073	0,0012	0,00084	0,00056	0,00050	0,0012	0,00068	0,0019		0,00069
Лантан (La)	0,000015	0,000020	0,000020	0,000023	0,000044	0,000079	0,000014	0,000029	0,000022		0,0000032
Церий (Ce)	0,000033	0,000029	0,000021	0,000045	0,000021	0,000038	0,000082	0,000044	0,000084		0,0000082
Празеодим (Pr)	0,0000038	0,0000050	0,0000037	<0,000002	<0,000002	0,0000031	<0,000002	0,000013	0,000019		0,0000014
Неодим (Nd)	<0,000005	0,000011	0,000013	0,0000060	0,0000072	0,000013	0,0000066	<0,000001	<0,000001		0,0000027
Самарий (Sm)	0,0000029	0,0000054	0,0000014	0,0000012	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000004	<0,000001		<0,000001
Европий (Eu)	0,0000032	0,0000034	0,0000039	<0,000001	0,0000013	0,0000016	<0,000001	0,000005	0,0000027		<0,000001
Гадолиний (Gd)	0,0000024	0,0000025	0,0000018	0,0000010	0,0000013	0,0000029	0,0000010	0,000004	0,0000052		<0,000001
Тербий (Tb)	<0,000001	<0,000001	0,0000011	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000003	0,0000026		<0,000001
Диспрозий (Dy)	0,0000012	0,0000028	0,0000030	0,0000012	0,0000010	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001		<0,000001
Гольмий (Ho)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000013		<0,000001
Эрбий (Er)	<0,000001	0,0000011	0,0000014	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001		<0,000001
Тулий (Tm)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000002	0,0000026		<0,000001
Иттербий (Yb)	<0,000002	<0,000002	<0,000002	<0,000002	<0,000002	<0,000002	<0,000002	<0,000001	<0,000001		<0,000001
Лютеций (Lu)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001		<0,000001
Гафний (Hf)	0,0000012	<0,000001	<0,000001	0,0000025	<0,000001	0,0000017	<0,000001	0,000004	0,0000074		<0,000001
Тантал (Ta)	0,0000047	0,000017	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000013	<0,000001	<0,000001	0,0000029		<0,000001
Вольфрам (W)	0,00021	0,00083	0,000073	0,00022	0,00010	0,00051	0,00026	0,000027	0,0026		<0,000001
Рений (Re)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001		<0,000001
Платина (Pt)	<0,00001	0,000012	0,000015	<0,000001	0,000010	<0,000001	0,000012	0,000002	<0,000001		<0,000001
Золото (Au)	0,00033	0,00038	0,00036	0,00029	0,00071	0,00060	0,00062	0,0023	0,0023		0,0015
Ртуть (Hg)	0,000015	0,000039	0,000032	0,000044	0,000065	0,000053	0,00012	0,000019	0,00010		0,000021
Таллий (Tl)	0,000015	0,0000086	0,000014	0,0000021	0,000024	0,0000035	0,0000033	0,000028	0,000066		0,000056
Свинец (Pb)	4,23	3,94	7,43	3,78	3,82	4,26	4,31	2,02	3,57	0.6-1.0	6,43
Висмут (Bi)	0,0087	0,011	0,0092	0,00099	0,012	0,021	0,00075	0,038	0,013		0,014
Торий (Th)	0,0000024	0,0000026	0,0000031	0,0000017	0,0000011	0,0000031	<0,000001	0,000010	0,0000098		<0,000001
Уран (U)	<0,000001	0,0000012	0,0000017	<0,000001	<0,000001	0,0000014	<0,000001	<0,000001	0,0000022		<0,000001

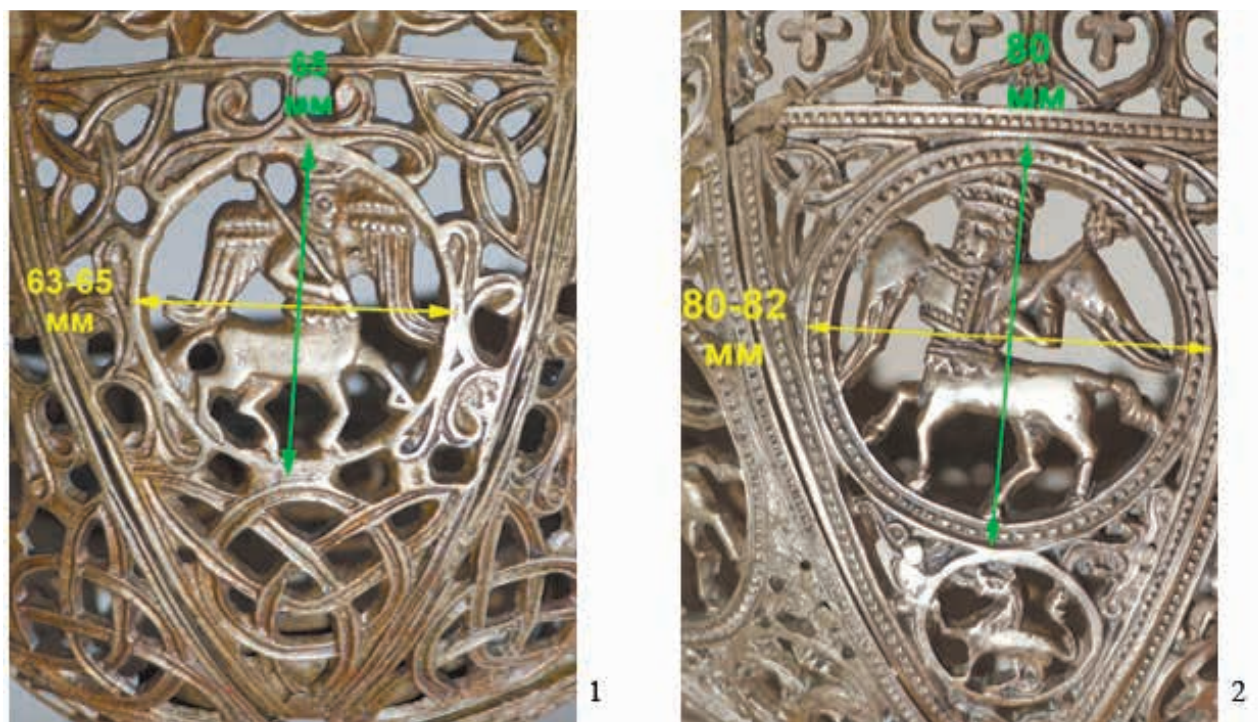

Рис. 5. Хоросы «Деисус», нижняя полусфера с Китоврасом (музей-заповедник, Кремль, Великий Новгород): 1 – правый Китоврас (КП-7641); 2 – левый Китоврас (КП-7640)

Наиболее детально, на 60 и более элементов, химический состав медных сплавов позволяет оценить применяемый нами масс-спектрометрический метод анализа с индукционно связанной плазмой ИСП-МС [Вертман, Федюнина, Тенякшева, 2009, с. 48–50; Методика анализа, 2009; Вертман, Васильев, Грушин, 2010, с. 71–77]. По северным медальонам мы имеем достаточно много результатов масс-спектрометрического ИСП-МС анализа [Вертман, 2015, с. 94–112]. Из хоросов нам удалось проанализировать только три. По три пробы из разных деталей конструкции хоросов «Деисус» (рис. 4.-1, 2; 5; 6) для ИСП-МС анализа нам смог любезно предоставить только один Музей-заповедник Кремля Великого Новгорода, за что мы весьма благодарны заместителю генерального директора Н.В. Горминой и сотруднику И.В. Приходько. Благодарим также за многолетнее сотрудничество в проведении ИСП-МС анализов Н.В. Федюнину – директора ООО «Химико-аналитического центра «Плазма».

Рис. 6. Цепь подвески хороса (КП 1718-1. Музей-заповедник, Кремль, Великий Новгород)

Таблица результатов ИСП-МС анализа дает картину химического состава металла из 62 элементов. Макроэлементы, содержание которых более 1% масс, определяют тип сплава всех хоросов как латунный, так как цинка содержится достаточно много 5–11% масс. По содержанию других легирующих элементов имеем олова 0,4–4,4% масс, свинца – 3,8–7,4% масс. Основа – медь 78–86%. Отсутствуют часто применяемые легирующие элементы: мышьяк, сурьма. Из микроэлементов-примесей интерес имеют благородные металлы как характерные добавки в медных сплавах древних бронз Ирана, Китая изделий, предназначенных для царских особ. В данном случае хоросы содержат обычное содержание, привносимое в сплав с медными рудами: золота – 0,0003–0,0007% масс, серебра – 0,05–0,32% масс.

Химический состав первичных (по изготовлению и отливке) медальонов трех типов (Звездный, Дудинский)

(табл.) и данных работы [Вертман, 2015, табл. 6, 7] отличается от такового для хоросов повышенным в 2–5 раз содержанием олова 10–22% масс и пониженным для свинца 0,8–3,6% масс, цинка – 0,07–3,6% масс, а в целом – значительным разбросом содержаний компонентов. Последнее говорит о множестве различных мастерских изготовления медальонов.

Редкоземельные элементы (или редкие земли) – группа из 17 элементов, включающая скандий (Sc), иттрий (Y), лантан (La) и лантоноиды: церий (Ce), празеодим (Pr), неодим (Nd), прометий (Pm), самарий (Sm), европий (Eu), гадолиний (Gd), тербий (Tb), диспрозий (Dy), гольмий (Ho), эрбий (Er), тулий (Tm), иттербий (Yb), лютеций (Lu). Все эти металлы серебристо-белого цвета, притом все имеют сходные химические свойства. В связи с этим их содержание в сплавах меди, как показал анализ множества проб, практически одинаково и равно 0,00001–0,000001% масс и менее. Количественное определение этих элементов позволяет контролировать стабильность химического состава медного сплава на уровне микросодержаний. Более высокие содержания редкоземельных элементов возможны в металлах и сплавах при специальном или случайном легировании добавками руд. В нашем случае содержание редкоземельных элементов в металле исследуемых хоросов и медальонов стабильно и не превышает вышеприведенного.

Другие определяемые нами микроэлементы позволяют контролировать и выявлять сплавы и изделия с уникальными содержаниями, отличающимися от типичных (в нашем случае таких нет).

По полученным данным сравнительного анализа химсоставов металла исследованных хоросов и медальонов с подобными и близкими изображениями Китовраса вышеотмеченной «аналогичности» не наблюдается.

При такой малой статистике банка анализов химсостава хоросов мы делаем предварительный вывод, что хоросы и медальоны с изображениями Китоврасов изготавливались в различных мастерских, в разное время и из разных медных сплавов. Приведенный химсостав медальона из Красноярского краевого краеведческого музея ККМ-1531-1 характерен для вторичных копий четвертого типа медальонов с ушками по внешнему ободу, изготовлен он из свинцовистой бронзы.

Выводы. Приведены результаты масс-спектрометрического с индуктивно связанной плазмой анализа ИСП-МС трех бронзовых хоросов из новгородских православных храмов XV–XVI вв. и бронзовых медальонов с изображением Китовраса. Сравнение показало, что первичные по изготовлению медальоны и новгородские хоросы близки по химическому макросоставу, кроме содержаний олова, и различаются по микропримесям, в том числе золота. Хоросы изготовлены из латуни (Cu 78–86% + Zn 5–11% + Sn 0,4–4,0% + Pb 4–8% + Au 0,0003–0,0007%), а первичные медальоны – из латуни со значительно большим содержанием олова (Cu 76–80% + Zn 3,6% + Sn 13–22% + Pb 0,6–3,5% + Au 0,001–0,0023%), вторичные медальоны отлиты из вторичной бронзы различных типов. Недостаточное количество опробованных хоросов не позволило определить возможность идентичности литья хоросов и медальонов с Китоврасами.

Выражаю огромную благодарность и почтение безвременно ушедшему Александру Игоревичу Тошеву, второму руководителю Межмузейного социально-культурного проекта «Китоврас раскрывает сибирские тайны–2009» за огромный вклад в организацию и научную разработку темы.

Библиографический список

Вертман Е.Г. Китоврасы в атрибутике шаманов Таймыра. Культура как система в историческом контексте: опыт зап.-сиб. арх.-этнограф. совещ.: мат. 15-й междунар. Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск, 2010. С. 124–127.

Вертман Е.Г. Масс-спектрометрический мультиэлементный анализ артефактов древнего бронзово-литейного центра и шаманской атрибутики Таймыра // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2015. №1 (11). С. 94–112.

Вертман Е.Г. Александр Тошев и Китоврас – предвестники новой эпохи Света. Игарка. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://igarka-permafrostmuseum.ru/index.php/component/content/article/274.html>.

Вертман Е.Г., Васильев Е.А., Грушин С.П. Масс-спектрометрический многоэлементный анализ древних бронз Томской области, Алтая и Таймыра // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2010. Т. XVI. С. 71–77.

Вертман Е.Г., Лавбин Ю.Д., Тошев А.И. Таймыр – Сибирская прародина. Научно-поисковая краеведческая экспедиция–2009 // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: мат. междунар. конф., посвящ. 75-летию Красноярского края: в 2-х т. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 18–23.

Вертман Е.Г., Федюнина Н.В., Тенякшева С.Е. Масс-спектрометрический анализ с индуктивно связанной плазмой и особенности его применения в археологии // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 48–50.

Вертман Е.Г., Сидоров Г.А. Арктическая морская научно-поисковая самодеятельная экспедиция «Арктида-2014». Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий: сб. мат. 14-й междунаро. науч.-практ. конф. Томск, 2014. С. 161–169.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: каталог / ВНИИИ; под ред. И.А. Стерлиговой. 2008.

Малоземова О.В. Традиционные «северные сюжеты» в интерпретации тобольских бронзолитейщиков // Русские старожилы: мат. III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 68–70.

Методика анализа металлов и сплавов масс-спектрометрическим методом с индуктивно связанной плазмой. МВИ №002-ХМС-2009 (ФР.1.31.2010.06997), Томск, 2009.

Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // Советская археология. 1950. Вып. XIII. С. 139–172.

Тошев А.И. Борей, Китоврас, Велес – северные корни. Игарка, 2014а. Ч. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igarka-permafrostmuseum.ru/index.php/puclics/-1.html>.

Тошев А.И. Борей, Китоврас, Велес – северные корни. Игарка, 2014б. Ч. 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igarka-permafrostmuseum.ru/index.php/puclics/boreas-2.html>.

Тошев А.И. Откуда пришел на Север Китоврас. Игарка, 2015а. Ч. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igarka-permafrostmuseum.ru/index.php/puclics.html>.

Тошев А.И. Откуда пришел на Север Китоврас. Игарка, 2015б. Ч. 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igarka-permafrostmuseum.ru/index.php/puclics/-ii.html>.

Тошев А.И. Откуда пришел на Север Китоврас. Игарка, 2015в. Ч. 3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.igarka-permafrostmuseum.ru/index.php/puclics/-ii/250-ii.html>.

УДК 902«638»(571.1)

П.В. Герман¹, С.С. Онищенко²

¹Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово, Россия;

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТАШТЫКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО РАЙОНА (по материалам могильника Шестаково-III)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта №18-49-420005

Зооархеологический анализ фаунистических коллекций отдельных памятников и систематизация ранее полученных данных являются одним из актуальных направлений междисциплинарных исследований в археологии. Изучение анатомо-видовых, половозрастных и пространственных особенностей организации зооархеологических комплексов поселений и могильников позволяет не только приблизиться к реконструкции отдельных аспектов систем жизнеобеспечения, но и установить дополнительные маркеры этнокультурного, хронологического и локального содержания для различных объектов. Памятники таштыкской культуры содержат разнообразный набор такой информации, заключенной в объектах разного типа – склепах, грунтовых могильниках, поминальниках. В настоящей статье, на примере анализа фаунистического материала погребально-поминального комплекса Шестаково-III, выделены характерные особенности зооархеологических комплексов северной и северо-западной периферии ареала таштыкской культуры, отмечена их очевидная преемственность от аналогичного позднетатарского компонента и последующее отражение в материалах раннесредневековой верхнеобской культуры.

Ключевые слова. Мариинская лесостепь, ранний железный век, таштыкская культура, татарская культура, верхнеобская культура, погребально-поминальный комплекс, зооархеология.

P.V. German¹, S.S. Onischenko²

¹Institute of Human Ecology FRC CCC SB RAS, Kemerovo, Russia;

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ZOOARCHAEOLOGICAL PECULIARITIES OF FUNERAL AND COMMEMORATIVE RITUALS OF TASHTYK POPULATION IN FOREST-STEPPE REGION (on the materials from Shestakovo-III burial mound)

The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research
and the government of the Kemerovo region, grant №18-49-420005

The zooarchaeological analysis of some sites collections and organizing of received data are one of the currently important branches in inter-disciplinary research in archaeology. Researching the anatomic, species, sex, age and spacial peculiarities of zooarchaeological settlements and burial mounds organization allows not only approaching the reconstruction of some aspects of life-support systems but also determining new additional ethno-cultural chronological and local markers for different sites. Tashtyk

culture sites contain a lot of information stored in different types of places – vaults, ground tombs, commemoration places. This article analyses the faunistic material from the Shestakovo-III funeral and commemorative complex, determines specific peculiarities of zooarchaeological complexes of Tashtykская culture of Northern and Northern-Western peripheries, demonstrates their succession from the similar late Tagar component and their further presence in materials of early Middle Ages of the Verkhneobskaya culture.

Key words. Mariinsk forest-steppe, Early Iron Age, Tashtyk Culture, Tagarskaya Culture, funeral and commemorative assemblages, zooarchaeology.

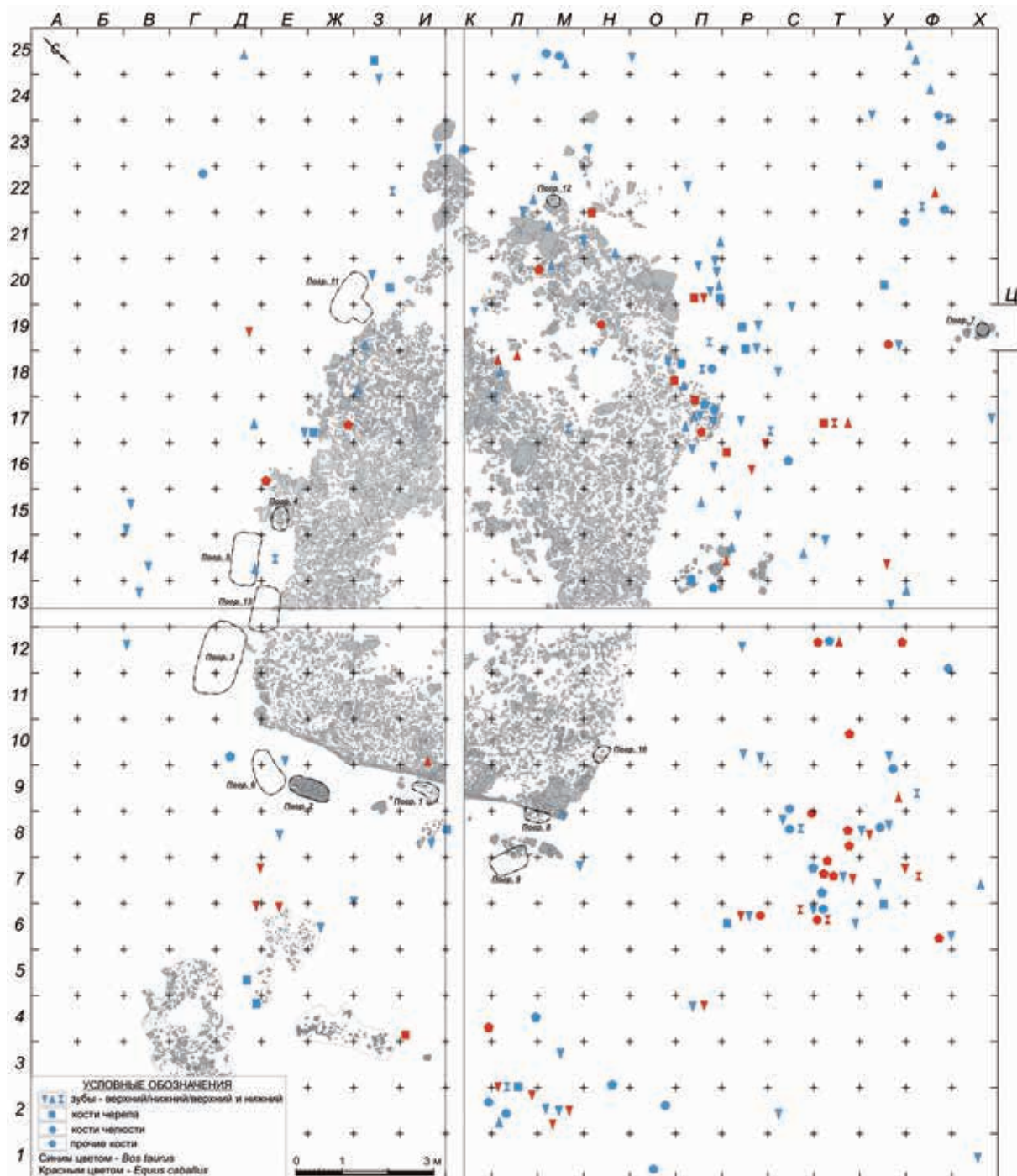
Одним из компонентов погребально-поминальных комплексов таштыкской культуры является присутствие остатков животных. Они встречаются в составе склепов, грунтовых могил, на поминальниках. Прослеживаются определенные анатомо-видовые особенности состава зооархеологических комплексов в зависимости от места их локализации на могильнике, типа погребения или устройства поминальника. Исходя из назначения отдельных объектов они квалифицируются как сопроводительная пища, жертвоприношения, тризна или инвентарь. Хорошо исследованными в этом отношении, благодаря работам Л.Р. Кызласова [1960], Э.Б. Вадецкой [1999] и А.И. Поселянина [Поселянин, 2009; Вадецкая, Поселянин, 2015], являются погребально-поминальные комплексы Минусинских котловин. По северо-западной периферии ареала таштыкской культуры (Мариинская лесостепь) исследований, сопоставимых по объему материала и уровню обобщений, до сих пор нет. На территории Мариинской лесостепи изучено 17 таштыкских склепов: 11 – Михайловка [Мартынова, 1985], 2 – Шестаково-I [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971], 4 – Шестаково-II [Кулемзин, 1980]. Все эти комплексы вместе с Михайловским поселением [Мартынова, 1985] составляют кийскую группу таштыкских памятников. Они локализованы на коренных берегах Кии и расположены друг напротив друга – Михайловка на левом берегу, шестаковские комплексы на правом – на расстоянии около 5 км. Кроме ранее исследованных, к таштыкскому времени относится погребально-поминальный комплекс Шестаково-III, расположенный в 4 км на юго-восток от д. Шестаково. Памятник исследовался в 2014 и 2015 гг. Мариинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ ФИЦ УУХ СО РАН. Краткие итоги первого года раскопок опубликованы [Герман, Савельева, Баштанник и др., 2014]. В данной работе рассматриваются особенности зооархеологического комплекса, которые имеют важное значение для понимания генезиса погребально-поминальной практики таштыкского населения лесостепного района.

Комплекс Шестаково-III включал в себя большой склеп, 11 детских погребений, 2 погребения по обряду кремации на стороне и поминальник. Исследованный склеп – самый крупный среди аналогичных объектов в северо-западном ареале таштыкской культуры. Площадь каменного сооружения над погребальной камерой – 92 кв. м, площадь погребальной камеры с входом – 40 кв. м. В склепе обнаружены кремнированные останки не менее 60 человек, столько же керамических сосудов разной сохранности, бронзовые пряжки и нашивки, обломки деревянных изделий, большое количество фрагментов гипсовых масок. К разряду уникальных находок относится обломок бронзовой пластинки с процарапанным изображением птицы. Предварительная датировка погребально-поминального комплекса Шестаково-III – V–VII вв. н.э.

В склепе и за его пределами – на уровне древнего горизонта и в «насыпи» – было обнаружено большое количество костей животных. Первоначально зафиксировано 4694 образца костей и зубов (в склепе – 575, в насыпи – 4119). В большинстве своем материал тафономически или пирогенно разрушен, отдельные скелетные структуры представлены в виде разрозненных остатков или скоплениями из множества разноразмерных фрагментов. После изучения анатомо-видового состава коллекции установлено, что она состоит из 815 экземпляров костей и зубов, из которых 243 были локализованы в склепе, а 572 – за его пределами. Фонowymi являются остатки быка домашнего (*Bos taurus*) – 242 экз., лошади (*Equus caballus*) – 133 экз., барана домашнего (*Ovis aries*) – 59 экз. В склепе и у его входа найдены несколько астрагалов косули сибирской (*Capreolus pygargus*) – один и пять, соответственно. В самом склепе обнаружен скелет лисицы (*Vulpes vulpes*) без черепа.

В костеносных отложениях на уровне древнего горизонта и в «насыпи» преобладают остатки *Bos taurus* (215 экз., или 37,3%) и *Equus caballus* (116 экз., или 20,1%). Большая часть материалов сосредоточена в западной половине комплекса, а в восточной и северо-восточной частях, т.е. там, где расположены грунтовые погребения, они крайне редки. По анатомическому составу около 60% – это зубы и их обломки, фрагменты мозговых черепов, зубные кости и их обломки. Обращает внимание малое количество элементов от «мясных» частей туш животных, в первую очередь костей конечностей, и полное отсутствие позвонков. За редким исключением посткраниальный скелет представлен мелкими разрозненными фрагментами ребер и неопределяемыми до анатомической принадлежности осколками компактной или губчатой кости. Немногие целые кости или их крупные фрагменты – это фаланги (первая и вторая) и примыкающие участки метаподий, кости запястья или плюсны, продольные осколки стенок длинных трубчатых костей конечностей, которые в основном принадлежат *Equus caballus*.

Большинство образцов имеют следы различного типа тафономических разрушений, характер которых и их стратиграфическое положение позволяют считать, что они экспонировались какое-то время на поверхности. Находки рассредоточены в виде рассеянных скоплений, локализованных у входа в склеп, вдоль западной стенки около юго-западного угла (в полосе шириной около 2 м), над входом, выше перекрытия. В западной части комплекса имеются три костеносных поля площадью 10–30 кв. м на удалении 4 или более м от склепа (в западном и северном секторах раскопа). Таким образом, пространство вокруг склепа обладает следующими зооархеологическими особенностями (рис.):

План распределения зооархеологических образцов *Bos taurus* и *Equus caballus* на уровне древнего горизонта и в «насыпи» погребально-поминального комплекса Шестаково-III

1) количественное преобладание разрозненных зубов в составе любого из костеносных скоплений, которые как бы «рассыпаны» по всей их площади, что особенно резко выделяется на фоне явного дефицита остатков от черепов;

2) ряд находок у входа в склеп: у южного угла (кв. К-23) целой левой зубной кости *Bos taurus* с искусственным округлым углублением на внутренней стороне восходящей ветви диаметром около 30 мм; разрушенной нисходящей ветви правой зубной кости *Bos taurus* в 2 м от входа; 4 астрагалов косули (кв. Л-21, М-19, Н-23), один из которых был с отверстием;

3) находки на удалении от склепа закладок отдельных зубных костей (или их остатков), реже крупных частей черепов, например, в юго-западном углу раскопа (кв. У-21, Ф-22, Ф-23) – разрушенных левых зубных костей *Bos taurus*, в кв. У-19 – правой зубной кости *Equus caballus*. Более насыщено ими северо-западное костеносное скопление. Здесь выявлены закладки зубных костей, в кв. С-6, С-8 – правых и в кв. У-9 – левой *Bos taurus*, в кв. Р-5 – левой *Ovis aries* и в кв. Т-6 – правой *Equus caballus*. В северной части (кв. Л-2) находился разбитый череп *Bos taurus*;

4) наличие наборов из трех и более зубов исключительно *Equus caballus*, что позволяет рассматривать их в качестве преднамеренных закладок. Они были локализованы в юго-западном секторе раскопа, в кв. Т-17 (9 левых и правых верхних щечных зубов принадлежали молодой особи около 2,5 лет), в западной части, в кв. Т-12 – резцы и клык от жеребца более 11–12 лет, в кв. Р-6 – 5 левых верхних зуба (от Pm2 до M2), в кв. М-2 и кв. Д-7 – по 3 правых верхних моляра взрослых лошадей.

Зооархеологический комплекс склепа менее разнообразен, более чем на 50% состоит из пирогенно и механически фрагментированных костей. Около 2/3 подобных остатков сосредоточено во входе и заполнении склепа. Особенностью материалов в камере склепа являются отсутствие зубов и наличие обломков длинных костей конечностей, лопаток, ребер, астрагалов. Преобладают астрагалы *Bos taurus*, разносторонние ребра, астрагалы и правые лопатки *Ovis aries*. Остатки *Equus caballus* не выявлены. В северо-восточном углу камеры под настилом найден посткраниальный скелет лисицы.

В целом видовой состав зооархеологического комплекса могильника Шестаково-III такой же, что и на других таштыкских памятниках, где чаще всего регистрируются остатки триады *Bos taurus*, *Equus caballus* и *Ovis aries*. Однако если в Минусинской котловине в качестве основного животного в погребально-поминальном ритуале выступает *Ovis aries* и *Bos taurus*, то в рассмотренном случае роль *Ovis aries* незначительна, а основным видом является *Bos taurus*. Вторым по массовости видом, особенно в отложениях за пределами склепа, является *Equus caballus*. Обратная ситуация с остатками *Ovis aries*, большинство из которых найдены в склепе.

При анализе пространственной структуры зооархеологического комплекса были выделены места локализации основной массы находок. Так, в насыпе они отложились у входа в склеп, по примыкающим к нему внешним стенкам склепа и в стороне от склепа в западной части подкурганного пространства. В самом склепе они сконцентрированы в тамбуре и на сопредельных к нему частях камеры. К специфике могильника Шестаково-III следует отнести отсутствие явных следов поминальников (ям с мясными частями животных, стел), что тем не менее не снимает вопрос об использовании площадки рядом со склепом для этой цели. Находки нижних челюстей животных, крупных частей мозгового черепа и наборов зубов следует расценивать в качестве маркеров особо значимых в ритуальном отношении мест.

Итак, специфической особенностью погребально-поминального комплекса Шестаково-III является массовость зубов *B. taurus* и *E. caballus*, «рассеянных» по древней дневной поверхности вблизи склепа. Аналогии данной ситуации известны и на других объектах кийской группы таштыкских некрополей. В расположенном поблизости могильнике Шестаково-II, при исследовании курганов №1 и 2, на уровне древнего горизонта рядом с каменными выкладками обнаружены кости нижних челюстей и зубы лошадей [Кулемзин, 1979]. Поскольку оба кургана были нарушены силосной траншеей, а в сам раскоп попали только конструкции склепа, информация об использовании прилегающего пространства далеко не полная. В публикации Михайловского курганного могильника на планах раскопок отмечены многочисленные находки костей животных, но сведения об анатомо-видовом составе отсутствуют [Мартынова, 1985, с. 4–31]. Весь остеологический материал памятника утрачен. Некоторую информацию удалось почерпнуть из полевых дневников раскопок Михайловского могильника, где в насыпи некоторых курганов обнаружены «зубы лошади» и «челюсти животных» [НА КМАЭЭ, №93]. В целом, несмотря на определенные недостатки источников для сравнения, следует отметить, что размещение на уровне древнего горизонта остатков животных, содержащих зубы, челюсти и черепа, представляется традиционным для данной локальной группы таштыкского населения.

Другой круг аналогий связан с таштыкскими склепами, грунтовыми могильниками и поминальниками, расположенными в восточной части Кия-Чулымского междуречья – в Назаровской котловине. Черепа, челюсти, отдельные зубы, преимущественно крупных копытных, встречены в ямах и на уровне древнего горизонта вблизи склепов, на перекрытии грунтовых могил. Например, вблизи склепов 1 и 2 могильника Соколовский разъезд под каменной выкладкой обнаружены челюсти коров, лошадей, овец

и медведя [Вадецкая, 1995а, с. 167; 1999, с. 205, 206], что, по мнению автора раскопок, свидетельствует о ритуале, связанном с «захоронением голов жертвенных животных» [Вадецкая, 1999, с. 208]. Черепа, челюсти и зубы лошадей, коров и овец зафиксированы на перекрытии или в заполнении погребений и ямах с тризнами грунтового могильника Красная Грива [Вадецкая, 1999, с. 209, 210]. Противоположный пример – памятники долины р. Абакан, где ни для склепов, ни для грунтовых могил и поминальников рассматриваемый анатомический состав жертвенных животных не характерен. Таким образом, данная обрядовая специфика характеризует комплексы северных территорий распространения таштыкских памятников [Вадецкая, 1999, с. 29], в том числе Мариинской лесостепи.

Наличие в заполнении грунтовых могил черепов и челюстей, по мнению Э.Б. Вадецкой [1999, с. 211], указывает на укладку шкур лошадей или коров «без копыт, но с головами». При интерпретации зооархеологической специфики комплекса Шестаково-III нельзя однозначно сказать: использовались ли отдельные черепа и нижние челюсти или здесь могли быть положены или развешаны шкуры. Против версии размещения шкур на отдельных участках могильника свидетельствует крайне незначительное количество фаланг и метаподий, редкие находки фрагментированных мозговых черепов и, с другой стороны, масса разрозненных зубов. Единственный случай, который позволяет предположить наличие шкуры – это совокупность остатков, включающих развалившуюся нижнюю челюсть, верхние и нижние зубы, фаланги и фрагменты метатарзалий и метатарзалий *E. caballus* в северо-западном скоплении в границах кв. С-6, Т-7, Т-8. В то же время при анализе более представительных скоплений остатков *B. taurus* такой ситуации не выявлено. Не исключено, что обнаруженные на Шестаково-III остатки животных представляли собой не шкуры, а иной тип поминальных подношений.

В совокупности наличие рассеянных скоплений зубов, закладок зубов и отдельных черепных структур на фоне дефицита остатков от посткраниальных структур и полном отсутствии элементов позвонков на подкурганной площади памятника аналогично ситуации, зафиксированной в предшествующих – позднетагарских – комплексах. Раннетагарская традиция размещения сопутствующей пищи в погребальной камере, претерпев значительные изменения на среднетагарском (сарагашенском) этапе, окончательно прерывается в позднетагарское время. Для лепешкинских и тесинских комплексов данная черта обрядовой практики не характерна. Вместо этого в насыпи и/или заполнении склепов встречаются зубы, челюсти и черепа крупных копытных, а также другие кости, количество которых незначительно. Подобную закономерность в анатомо-видовом составе зооархеологических материалов лепешкинских и тесинских склепов можно проследить на материалах всего ареала тагарской культуры – от южных могильников [Кузьмин, 2011, с. 78, 253, 254] до северных [Вадецкая, 1995б] и северо-западных пределов [Мартынов, 1974]. В том числе известно несколько случаев расположения на перекрытиях склепов шкур лошадей [Пшеницына, 1992, с. 228; Вадецкая, 1995б]. Перечисленные аналогии позволяют отметить преемственность зооархеологических особенностей в погребально-поминальной обрядности позднетагарского и таштыкского населения.

Другой блок аналогий, относящийся к более позднему времени, прослежен на некоторых ранне-средневековых погребальных памятниках верхнеобской археологической культуры, сооруженных угро-самодийскими группами населения Кузнецкой котловины. Так, на курганном могильнике Ваганово-I с кремированными погребениями, относящимися к IX в. н.э., были выявлены скопления разрозненных зубов лошадей, а также их кучек, имелись отдельно лежащие нижние челюсти или черепа [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010; Онищенко, Васютин, 2014]. Такое сопоставление в контексте анализа материалов могильника Шестаково-III представляется вполне уместным, поскольку, по данным этнографии, топонимики и антропологии, в составе населения таштыкской культуры весомую долю составлял самодийский компонент [Алексеев, 1989, с. 372; Вадецкая, 1999, с. 176–179].

Таким образом, анализ зооархеологического материала погребально-поминального комплекса Шестаково-III позволяет выявить одну из локальных особенностей памятников северо-западной периферии таштыкской культуры. Учитывая рассмотренные аналогии, следует отметить преемственность некоторых черт поминальной практики, связанной с использованием отдельных частей животных или шкур (?), с позднетагарскими комплексами и грунтовыми могильниками таштыкской культуры. Наличие более поздних аналогий в структуре погребально-поминальных объектов угро-самодийского населения Кузнецкой котловины представляется важным аргументом в реконструкции этнокультурной истории Южной Сибири второй половины I тыс. н.э.

Библиографический список

- НА КМАЭЭ. №93. «Дневники археологических экспедиций».
Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. 446 с.

- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово, 2010. 276 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкский могильник «Соколовский Разъезд» // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995а. С. 163–172.
- Вадецкая Э.Б. Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана №2 у деревни Береш) // Археологические вести. СПб., 1995б. Вып. 4. С. 96–122.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.
- Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр-3. Абакан, 2015. 210 с.
- Герман П.В., Савельева А.С., Баштанник С.В., Зимин А.А. Начало исследований на курганном могильнике Шестаково-3 // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2014 г. Кемерово, 2014. Вып. 6. С. 142–147.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб., 2011. 456 с.
- Кулемзин А.М. Отчет об археологических работах в 1976 г. Кемерово, 1979. 41 с.
- Кулемзин А.М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 95–106.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. 198 с.
- Мартынов А.И. Алчедатский курган // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 52–67.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 250 с.
- Мартынова Г.С. Таштыкские племена на Кизе. Красноярск, 1985. 112 с.
- Онищенко С.С., Васютин А.С. Особенности зооархеологических комплексов верхнеобских курганных могильников Кузнецкой котловины с разными вариантами погребений (IX – начало XI в. н.э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С. 529–532.
- Поселянин А.И. Поминальные комплексы позднего этапа таштыкской культуры: автореф. дис. канд. наук. Новосибирск, 2009. 25 с.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в гунно-сарматское время. М., 1992. С. 224–236.

УДК 903.53(5):549

В.В. Зайков¹, П.К. Дашковский², А.М. Юминов¹, Е.В. Зайкова¹

¹Институт минералогии УрО РАН, Миасс, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МИКРОВКЛЮЧЕНИЯ ПЛАТИНОИДОВ И ОКСИДОВ В ИЗДЕЛИЯХ ИЗ КУРГАНОВ АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания Минобрнауки РФ
(№33.264.2014; №0433-2015-0099) и РФФИ (проект №15-05-00311)

В статье представлены новые данные минералого-геохимических исследований микровключений платиноидов в археологическом золоте пазырыкской культуры (IV – начало III в.). На основании изучения в материале выделены три разновидности минералов платиновой группы: с преобладанием осмия; с преобладанием рутения; с преобладанием иридия. В отдельных образцах отмечены незначительные концентрации платины и родия. Присутствие платиноидов в сплаве свидетельствует о непосредственной связи сырьевых источников с золотоносными гипербазитами, а морфологические особенности включений говорят о добыче материала из аллювиальных (речных) россыпей. Это подтверждает и разнообразие химического состава отдельных зерен. Наличие вторичных микровключений платиноидов предполагает продолжительное и неоднократное воздействие на них золотого расплава.

Ключевые слова: минералого-геохимические исследования, Саяно-Алтайский регион, кочевники, металлические изделия, скифская эпоха.

V.V. Zaykov¹, P.K. Dashkovskiy², A.M. Uminov¹, E.V. Zaykov¹

¹Institute of Mineralogy of UB RAS, Miass, Russia;

²Altai State University, Barnaul, Russia

MICRO-INCLUSIONS OF PLATINUM GROUP METALS AND OXIDES IN THE PRODUCTS FROM THE MOUNDS OF THE ALTAI-SAYAN REGION

The work was supported by the state task of the Ministry of Education and Science
(№33.264.2014; №0433-2015-0099) and RFFR (project 15-05-00311)

The paper presents new data of mineralogical and geochemical studies of micro-inclusions of platinum group metals in the archaeological gold of the Pazyrykskaya culture (the 4th – beginning of the 3rd centuries). On the basis of the study, three varieties of platinum group minerals were identified in the material: with the predominance of osmium; with a predominance of ruthenium; with

a predominance of iridium. In some samples, low concentrations of platinum and rhodium were observed. The presence of platinum group metals in the alloy indicates a direct link of the raw material sources with the as goldbearing ultrabasite and morphological characteristics of the inclusions indicate the extraction of material from an alluvial (river) deposits. This is confirmed by the diversity of the chemical composition of individual grains. The presence of secondary micro-inclusions of platinum group metals supposes prolonged and repeated exposure to the gold fusion.

Key words: mineral and geochemical studies, Sayan-Altai region, nomads, metal products, Scythian era.

Минералого-геохимическое исследование – одно из перспективных направлений, которое активно развивается, в том числе и при изучении золотых изделий из курганов скифской эпохи, исследованных в степной полосе Евразии [Зайков и др., 2016]. Данная публикация посвящена предварительной характеристике микровключения платиноидов, выявленных в золотых изделиях из трех археологических памятников Южной Сибири: могильниках Ханкаринский дол и Инской дол Чинетинского археологического микрорайона (Алтай) и в царском кургане Аржан-2 (Тува) (табл.). Все они датируются скифской эпохой. Краткая характеристика микровключений дана в работах [Дашковский, Юминов, 2012; Зайков и др., 2015]. В представленной статье приведены новые материалы о составе микровключений платиноидов и впервые дана характеристика включений оксидов.

Состав микровключений платиноидов в золотых изделиях из курганов Южной Сибири

№ п/п	Могильник, курган	Изделие	Номер зерна	Кол-во анализов	Содержание, мас. %						Кристаллохимическая формула минерала
					Os	Ir	Ru	Rh	Pt	Fe	
1	Аржан-II	Инкрустация железного чекана	Ар-2-3-1	2	72,52	27,48	–	–	–	–	$\text{Os}_{0,73}\text{Ir}_{0,27}$
2	Ханкаринский дол, курган №15	Фольга обкладки гривны	Ха-15-1а	3	32,24	37,71	24,68	–	5,12	–	$\text{Ru}_{0,38}\text{Ir}_{0,31}\text{Os}_{0,27}\text{Pt}_{0,04}$
3			Ха-15-1б	3	42,12	46,71	10,68	–	–	–	$\text{Ir}_{0,43}\text{Os}_{0,39}\text{Ru}_{0,18}$
4		Аппликация с головного убора	XD-15-2-1	4	59,03	1,94	37,14	–	–	–	$\text{Ru}_{0,53}\text{Os}_{0,44}\text{Rh}_{0,02}\text{Ir}_{0,01}$
5			XD-15-2-2	5	39,84	34,47	22,19	1,09	2,15	–	$\text{Ru}_{0,35}\text{Os}_{0,33}\text{Ir}_{0,28}\text{Pt}_{0,02}\text{Rh}_{0,02}$
6			Ха-15-3-1	10	60,57	7,96	31,48	–	–	–	$\text{Os}_{0,47}\text{Ru}_{0,46}\text{Ir}_{0,06}$
7			Ха-15-3-2	11	38,88	19,69	41,43	–	–	–	$\text{Ru}_{0,57}\text{Os}_{0,2}\text{Ir}_{0,14}$
8		Фольга с окантовки головного убора	Ха-15-6	1	17,28	82,17	–	–	–	–	$\text{Ir}_{0,82}\text{Os}_{0,18}$
9			Ха-15-7	1	35,75	30,17	30,24	–	3,03	–	$\text{Ru}_{0,45}\text{Os}_{0,29}\text{Ir}_{0,24}\text{Pt}_{0,02}$
10		Золотая нашивка на воротник	Ха-15-8	1	45,71	39,83	9,65	–	4,41	–	$\text{Os}_{0,42}\text{Ir}_{0,37}\text{Ru}_{0,17}\text{Pt}_{0,04}$
11		Фольга с головного убора	Хп-11-2	5	62,09	31,87	5,25	0,09	0,00	0,28	$\text{Os}_{0,59}\text{Ir}_{0,30}\text{Ru}_{0,10}\text{Fe}_{0,01}$
12		То же	Хп-18	4	50,02	41,43	7,70	0,50	0,00	0,15	$\text{Os}_{0,47}\text{Ir}_{0,38}\text{Ru}_{0,14}\text{Rh}_{0,01}$
13	То же, курган №22	Фольга	Хп-25	3	65,79	26,07	7,42	0,29	0,00	0,16	$\text{Os}_{0,62}\text{Ir}_{0,24}\text{Ru}_{0,13}\text{Rh}_{0,01}$
14	Инской дол, курган №1	»	In-3-1	1	22,12	69,42	0,92	0,68	2,93	3,32	$\text{Ir}_{0,63}\text{Os}_{0,21}\text{Fe}_{0,10}\text{Pt}_{0,03}\text{Ru}_{0,02}\text{Rh}_{0,01}$
15			In-3-2	3	33,58	58,41	1,42	0,55	1,78	4,10	$\text{Ir}_{0,52}\text{Os}_{0,30}\text{Fe}_{0,13}\text{Ru}_{0,02}\text{Pt}_{0,02}\text{Rh}_{0,01}$
16			In-3-3	1	39,70	34,55	20,85	1,29	2,93	0,31	$\text{Os}_{0,33}\text{Ru}_{0,33}\text{Ir}_{0,29}\text{Pt}_{0,02}\text{Rh}_{0,02}\text{Fe}_{0,01}$
17	То же, курган №2	Фольга с головного убора	In-4	1	50,22	33,19	13,07	1,61	1,73	–	$\text{Os}_{0,45}\text{Ir}_{0,29}\text{Ru}_{0,22}\text{Rh}_{0,03}\text{Pt}_{0,01}$
18		Золотая нашивка	ID-5	6	51,74	37,47	8,63	0,81	0,81	0,26	$\text{Os}_{0,48}\text{Ir}_{0,34}\text{Ru}_{0,15}\text{Rh}_{0,02}\text{Pt}_{0,01}\text{Fe}_{0,01}$
19		То же	ID-8	1	51,92	38,76	7,86	0,39	–	–	$\text{Os}_{0,49}\text{Ir}_{0,36}\text{Ru}_{0,14}\text{Rh}_{0,01}$

Примечания: 1) предмет №1 из раскопок К.В. Чугунова, №2–19 – из раскопок П.К. Дашковского; 2) анализы выполнены в Южно-Уральском центре коллективного пользования на электронном микроскопе РЭММА-202М (аналитик – В.А. Котляров); 3) прочерк – содержание ниже предела чувствительности.

Могильник Ханкаринский дол, курган №15. При раскопках найдены предметы из золота: золотая обкладка гривны, зооморфные аппликации, нашивка и окантовка из фольги женского головного убора, восьмеркообразная проволоочная серьга [Дашковский, Юминов, 2012]. Курган относится к пазырыкской археологической культуре и датирован по признакам погребального обряда и инвентаря

IV – началом III в. до н.э. [Дашковский, Усова, 2011; Дашковский, 2016]. Археологическая датировка кургана совпадает с радиоуглеродным датированием всего могильника [Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015]. Золотые изделия имеют состав (мас. %): Au – 69,50–73,27; Ag – 23,71–26,25; Cu – 2,85–4,26.

При исследовании золотой фольги в пяти изделиях были выявлены двенадцать включений платиноидов размером от 2 до 20 мкм удлиненной и близкой к линзовидной форме (табл.). По атомному соотношению Os, Ru, Ir, Rh и Pt в кристаллохимических формулах выделяются три разновидности минерала:

1) с преобладанием осмия – осмий рутениево-иридиевый (Ха-15-3-1); осмий рутениево-иридиевый с небольшим количеством платины и родия (Ха-15-8; Хп-11-2; Хп-18; Хп-25);

2) с преобладанием рутения – рутений осмиево-иридиевый (Ха-15-3-2); рутений осмиево-иридиевый с небольшим количеством платины (Ха-15-1а); рутений иридиево-осмиевый и небольшим количеством платины и родия (ХД-15-2-1; Ха-15-2-2; Ха-15-7);

3) с преобладанием иридия – иридий осмиевый и рутениево-осмиевый (Ха-15-16; Ха-15-6).

Анализ типоморфизма микровключений платиноидов позволил выделить две основные группы частиц платиноидов: первичные и вторичные. Первые характеризуются относительно крупными размерами и встречаются в виде единичных зерен или небольших групп (не более 2–3 штук). Вторые обнаружены в образце Ха-15-3. Они сопровождают крупные первичные индивиды. Размеры вторичных включений колеблются от 0,00п до 1 мкм. Данные образования имеют крайне непостоянный химический состав и формируются из первичных при деформации, вызванной воздействием высокотемпературного золотого расплава. Данный процесс сопровождается диффузией и неравномерным выносом элементов, в первую очередь рутения и иридия [Зайков и др., 2016].

Еще одной особенностью золотых изделий Ханкаринского дола является присутствие ранее не отмеченных микровключений кислородных медисто-железистых соединений в пробе №Хп 19. Они имеют размер 20–250 мкм, овальную, треугольную и дугообразную форму, подвержены растрескиванию. Величина мелких блоков находится в пределах 10–60 мкм. Состав включений показан на рисунке. Судя по примеси Si, P, Ca, они могли возникнуть как технический продукт при воздействии золотого расплава на сульфиды железа и меди, присутствовавшие в россыпи. Такие соединения могли образоваться и при воздействии медного расплава на оксиды железа в процессе выплавки меди – легирующей добавки к золоту.

Могильник Инской дол по признакам погребального обряда и инвентаря также относится к пазырыкской культуре и датирован IV – началом III в. до н.э. [Дашковский, 2014а–б]. Однако в отличие от могильника Ханкаринский дол на данном некрополе были похоронены люди с более низким социальным статусом, что хорошо прослеживается по признакам погребального обряда и инвентаря. В определенной степени исключением являлся курган №16, который, правда, оказался ограбленным в древности, но тем не менее содержал социально диагностирующие признаки [Дашковский, Ожиганов, 2018].

В кургане №2 зафиксирована деревянная конструкция в виде перекрытия из плах. Рядом с погребенным находились керамический сосуд, железный нож, деревянная гривна, обложенная золотой фольгой, сильно корродированный железный предмет и многочисленные фрагменты золотой фольги от головного убора.

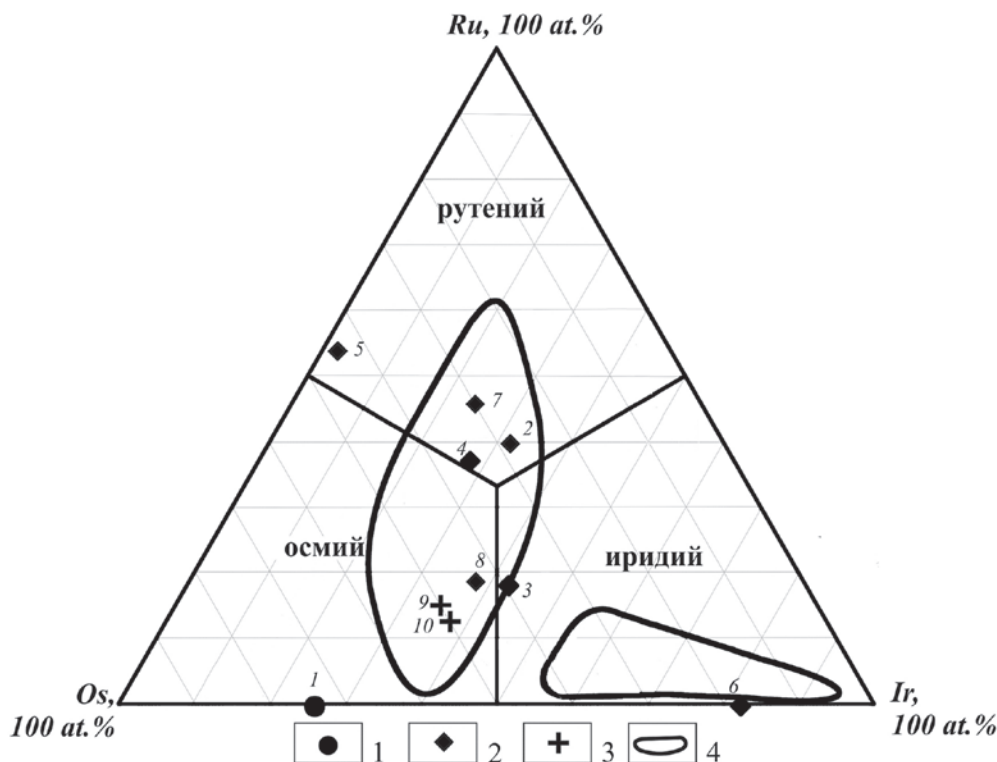
В золотой фольге (состав (мас. %): Au – 57–60; Ag – 36–39, Cu – 3) присутствуют овальные микровключения платиноидов размером от первых до 80×120 мкм. Среди них установлены минералы осмия и иридия:

– осмий иридиево-рутениевый с родием и платиной (In-3-3, In-4);

– иридий рутениево-осмиевый с небольшим количеством родия и платины (In-3-1, In-3-2).

В кургане №2 в золотой фольге найдены включения осмия рутениево-иридиевого с примесью родия и платины. Состав вмещающего золота (мас. %): Au – 61–64; Ag – 32–33; Cu – 3.

Царский курган Аржан-2 (Ар) находится в Туве. Под каменной насыпью кургана, по периметру которой располагалась крепида, вскрыто захоронение двух человек с золотыми украшениями. Памятник является погребением представителей элиты и датируется серединой – концом VII в. до н.э. [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017]. В кургане найдено значительное количество различных предметов, изготовленных из золота. Микронзондовый анализ показал, что изделия изготавливались из самородного золота средней пробы. В золотой инкрустации железного меча (состав (мас. %): Au – 89,72–92,21; Ag – 7,08–9,01; Cu – 0,67–0,89) обнаружено микровключение осмия иридиевого (Ар-2-3-1) размером 7×10 мкм, угловатой формы, слабоокатанное, разбитое сетью трещин.

Тройная диаграмма состава микровключений платиноидов из археологических памятников и месторождений Сибири: 1 – Аржан-2; 2 – могильник Ханкаринский дол, курган №15; 3 – могильник Инской дол, курганы №1 и 2; 4 – поле состава платиноидов из месторождений золота и платиноидов Сибири

По положению на классификационной диаграмме [Harris, Cabri, 1991] большинство фигуративных точек из материала алтайских курганов попадает в область рутениевого тренда и поля зерен платиноидов из россыпей (рис.). Химический состав золотой фольги соответствует самородному золоту. Присутствие платиноидов в сплаве свидетельствует о непосредственной связи сырьевых источников с золотоносными гипербазитами, а морфологические особенности включений говорят о добыче материала из аллювиальных (речных) россыпей. Это подтверждает и разнообразие химического состава отдельных зерен. В золотой фольге аппликации на головном уборе из могильника Ханкаринский дол наряду с первичными микровключениями платиноидов фиксируются и вторичные, что говорит о неоднократном продолжительном воздействии на них золотого расплава.

Библиографический список

- Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и байкальской Сибири. Кызыл, 2014а. С. 207–209.
- Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014б. Вып. VII. С. 46–62.
- Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. Вып. IX. С. 42–66.
- Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Завершение раскопок курганов скифской эпохи на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 83–88.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана №5 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2015. С. 119–125.
- Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 78–84.
- Дашковский П.К., Юминов А.М. Включения минералов платиновой группы в золотых изделиях из могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. 2012. С. 50–55.
- Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Юминов А.М., Котляров В.А. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Центральной Евразии. Челябинск, 2016. 320 с.

Зайков В.В., Чугунов К.В., Зайкова Е.В., Юминов А.М. Состав золотых изделий из погребально-поминального комплекса Аржан-2 (Тува) и вероятные источники металла // *Геоархеология и археологическая минералогия*–2015. Миасс, 2015. С. 142–149.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. СПб., 2007. С. 291–299.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск, 2017. 500 с.

Harris D., Cabri L. Nomenclature of Platinum-group-element Alloys: Review and Revision // *Canadian Mineralogist*. 1991. V. 29. P. 231–237.

УДК 902«637»(575.4)

В.В. Куфтерин

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ: ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-01-00288а
«Палеоантропологическое изучение памятника эпохи бронзы Гонур-Депе (Туркменистан)»)

В статье рассматриваются результаты палеодемографического, палеопатологического и палеоауксологического исследования выборки детей и подростков (215 индивидов) из раскопок крупного памятника Бактрийско-Маргианского археологического комплекса – Гонур-Депе (бронзовый век, Туркменистан). Делается вывод, что в структуре палеопатологического профиля изученной серии доминируют стоматологические заболевания, а также индикаторы анемичных состояний. Низкая остеологически фиксируемая частота инфекций, отсутствие случаев цинги, рахита и травм позволяют предполагать оптимальные условия существования популяции. К основным факторам, обусловившим особенности патологического статуса выборки неполовозрелых индивидов из Гонура, относятся предполагаемая высокая плотность населения и земледельческий тип хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: неполовозрелые индивиды, палеодемография, палеопатология, палеоауксология, эпоха бронзы, Гонур-Депе, Туркменистан.

V.V. Kufterin

Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

SUB-ADULT BURIALS FROM GONUR-DEPE: PALAEOECOLOGICAL ASPECTS

The work is performed with the financial support of RFBR (the project No. 16-01-00288a
“Palaeoanthropological Investigation of the Bronze Age Site Gonur-Depe (Turkmenistan)”)

The article outlines results of paleodemographic, paleopathological and paleoauxological analysis of the sub-adult sample (215 individuals) from Gonur-Depe – a large and famous Bactria-Margiana archaeological complex site (Bronze Age, Turkmenistan). It is concluded that among paleopathological conditions found in the studied sample dental diseases and indicators of anemic conditions predominate. Low frequency of osteologically identified infections, absence of cases of scurvy, rickets and trauma allow assuming optimal life conditions for this archaeological population. The main factors that determine the peculiarities of the pathological status of the studied sub-adult sample include high population density and agricultural type of economic activity.

Key words: sub-adults, paleodemography, paleopathology, paleoauxology, Bronze Age, Gonur-Depe, Turkmenistan.

В последние годы отечественные специалисты все большее внимание уделяют всестороннему анализу скелетных останков неполовозрелых индивидов, происходящих из археологических раскопок (см., например: [Куфтерин, 2016а; 2017; Перерва, 2016; 2017; Луайе, Шарапова, 2017; Медникова, 2017]). Это объясняется не только высоким потенциалом подобных данных при проведении биоархеологических и палеоэкологических реконструкций (дети – наиболее чувствительные в плане реакций на изменения окружающей среды и/или условий жизни представители «палеопопуляций»), но и находится в полном соответствии с возрастающим интересом к «биоархеологии детства» в мировой практике.

В настоящей работе представлены обобщенные результаты исследования выборки детей и подростков (215 индивидов) из Гонур-Депе (2008–2015 гг. раскопок) – широко известного памятника Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (культурной общности) в Южном Туркменистане (2300–1500 гг. до н.э.) [Сарианиди, 2002; 2005; 2008 и др.]. С целью изучения «палеоэкологических» особенностей «невзрослого» населения Гонура проанализированы демографические параметры суб-

адультной выборки, ее патологический статус и палеоауксологические характеристики (темпы продольного роста длинных костей). Полученные результаты в значительной степени дополняют сведения по палеоэкологии и особенностям адаптации населения данного протогородского центра Мургабского оазиса в целом [Куфтерин, 2016б].

Демографические особенности. Наибольшее количество детей исследованной выборки представляет первую возрастную когорту (0–4 года) – 116 (21,9% от всей серии, исследованной в 2008–2015 гг., или 54% от выборки детей и подростков). На втором месте представители когорты 5–9 лет – 67 индивидов (соответственно 12,6 или 31,2%). Меньше всего детей в возрасте 10–14 лет – 32 индивида (6% от всей серии и 14,8% от количества детей и подростков). Индекс PBD (смертность в первый год жизни) для группы в целом (530 индивидов) составил величину 10,75. Его величина для всех детей группы (0–15 лет) – 26,5%, а для детей первой возрастной когорты (0–4 года) – 49,1%. Таким образом, около половины всех детей в период раннего детства умерло в грудном возрасте. Отметим, что высокая детская смертность (в изученной выборке – 40,6%) для древнеземледельческих коллективов явление вполне обычное и «...служит подтверждением интенсивного естественного отбора, действовавшего в этот период (в неолите и в эпоху раннего металла. – В.К.) параллельно с изменением хозяйственного уклада людей на стадии раннего онтогенеза» [Медникова, 2017, с. 160].

Палеопатология. К заболеваниям, преобладающим в структуре палеопатологического профиля детской выборки из Гонур-Депе, относятся зубные патологии, а также индикаторы анемичных состояний. В частности, кариозные поражения в показателях индивидуального счета зафиксированы с частотой 5,5% (6 случаев из 110), зубной камень – у 21 индивида из 110 обследованных (19,1%). Стоит отметить, что речь идет и о проявлении данных стрессовых маркеров, в том числе на молочных зубах. Суммарная частота встречаемости остеологических индикаторов анемии составляет величину 23,9%. По всей видимости, к основным факторам, обуславливавшим особенности патологического статуса изученной серии, можно отнести предполагаемую высокую плотность населения и выраженную земледельческую ориентацию хозяйственной деятельности (подробнее см.: [Куфтерин, 2016а]). В то же время следует подчеркнуть очень низкую (остеологически фиксируемую) частоту встречаемости инфекционных заболеваний – следы неспецифических воспалительных процессов на черепе зафиксированы всего в четырех случаях (1,9%), на костях посткраниального скелета – в двух (0,9%). Индивидуальные патологические особенности детских и подростковых скелетов из Гонура представлены в таблице 1. Отметим, что ранее нами было констатируемо: «...отсутствие случаев цинги, рахита и травматических повреждений позволяет предполагать достаточно оптимальные условия существования гонурской популяции» [Куфтерин, 2016а, с. 97]. Подчеркнем, что такое положение было выдвинуто с опорой исключительно на макроморфологические показатели. Некоторые патологические состояния, например *cribra mandibularis* у ребенка из погребения 4279 (рис. 1), все же, по-видимому, можно трактовать как проявления бактериальной инфекции и/или витаминной недостаточности (см.: [Медникова, 2017, с. 87–89]). Но подобные патологические проявления в изученной выборке единичны.

Таблица 1

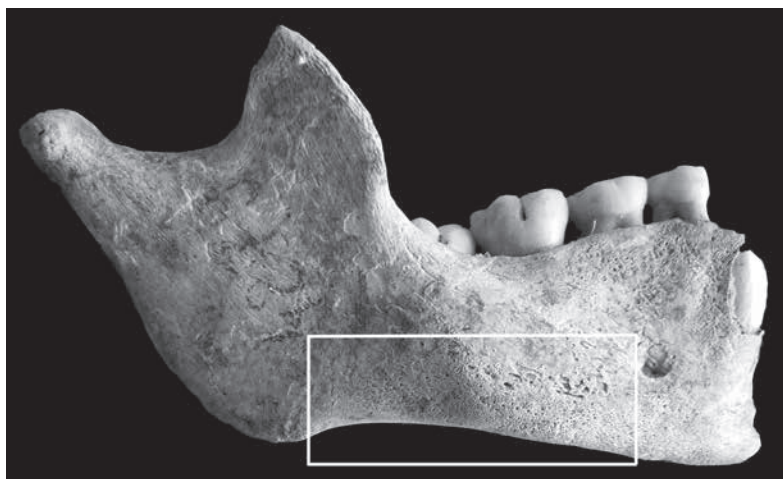
Индивидуальные патологические особенности детских и подростковых скелетов из Гонур-Депе (цит. по: [Куфтерин, 2016а, с. 96])

№ погр.	Возраст, лет	Патологии
3911	14–15	Конкремент округлой формы размерами 29×20 мм в области правой седалищной кости (уролитиаз)
4162	ок. 2	Признаки воспалительного процесса на стенках носовых пазух (синусит)
4166	ок. 2	Дефекты эмалевого покрова в виде глубокой горизонтальной борозды (лев. i ^{1,2}) и ямки округлой формы (пр. i ²) на вестибулярных поверхностях зубов
4208	0,5	Гипертрофия костной ткани в области <i>tuberositas glutealis</i> на бедренных костях (?); резкое уплощение диафизов малоберцовых костей (?)
4279	ок. 9	Периостальная реакция в области альвеолярных возвышений правых m ₁ –M ₂ и нижнего края нижней челюсти
4311	2–3	Признаки воспалительного процесса на стенках носовых пазух (синусит)
4340	ок. 7	Фистула (Ø 7 мм) на задней и слоистый периостит (балл 2) на переднелатеральной поверхностях диафиза правой плечевой кости (остеомиелит?)
4464(3)	ок. 3	Поротический гиперостоз (криброзообразные изменения) на супраорбитальном крае лобной кости (два участка – 25×15 мм и 14×11 мм)
35(G20)	1–1,5	Осseoфитные образования в ушных каналах (двусторонний отит?)
14(G21)	ок. 1,5	Выраженная периостальная реакция (балл 2) в области проксимальной 1/3 диафиза левой плечевой кости

Таблица 2

Средние отклонения (δl_m)
диафизарных длин костей
детей и подростков
из Гонур-Депе от возрастных
стандартов [Федосова, 2003]

Скелетный элемент	$\delta l_m = \frac{\sum \delta l_i}{n}$
Плечевая	0,84
Лучевая	0,85
Локтевая	0,86
Бедренная	0,82
Большая берцовая	0,83
Малая берцовая	0,81
Суммарно	0,83

Крибровые изменения (оссифицированные гематомы?)
на нижней челюсти ребенка в возрасте около 9 лет (погребение 4279)

Палеоауксология. Результаты исследования темпов продольного роста длинных костей не противоречат палеопатологическим данным и дают возможность отметить, что обследованная детско-подростковая выборка характеризуется довольно существенным отставанием скоростей роста длинных костей от стандартных размеров (размах индивидуальных вариаций при этом значителен). Наибольшее отставание в росте демонстрируют кости ног (особенно бедренная и малоберцовая), наименьшее – кости предплечья (табл. 2). Последнее подтверждается и рассмотрением данных по отношению продольных параметров детских костей к дефинитивным размерам во взрослой группе (подробнее см.: [Куфтерин, 2017]). В сравнении с современными стандартами наименьшее отставание в скоростях роста сегментов конечностей характерно для детей в возрасте от рождения до 2–3 лет. Данный факт объясняется не только оптимальным питанием (грудное вскармливание), но и устойчивой генетической детерминацией роста в этот период. Большее отставание в росте характерно для возрастных когорт, в которых чаще фиксировались индикаторы стресса (поротический гиперостоз, гипоплазия эмали). Ретардация скелетной зрелости в изученной популяции трактуется не как проявление дезадаптации, а как результат сложного процесса приспособления населения к воздействию комплекса факторов окружающей среды.

В заключение можно констатировать, что сопоставление данных палеодемографии, палеопатологии и палеоауксологических характеристик подтверждает выводы о хорошей адаптированности древнего населения Мургабского оазиса к среде обитания. В целом уровень жизни гонурских детей был значительно выше, чем представителей «невзрослой» части населения таких земледельческих центров, как Галаери в Закавказье или Телль Хазна в Северной Месопотамии [Медникова, 2017].

Библиографический список

- Куфтерин В.В. Палеопатология детей и подростков Гонур-Депе (Туркменистан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016а. №1 (32). С. 91–100. DOI 10.20874/2071-0437-2016-32-1-091-100.
- Куфтерин В.В. Особенности биологической и социальной адаптации населения страны Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6: Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2016б. С. 272–294.
- Куфтерин В.В. Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков для возрастной экспресс-диагностики (по материалам Гонур-Депе). М., 2017. 154 с.
- Луайе Ж., Шарапова С.В. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // Уральский исторический вестник. 2017. №1 (54). С. 103–112.
- Перерва Е.В. Патологические отклонения на костных останках детей из подкурганых захоронений эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья и Республики Калмыкия // Научный вестник ВФ РАНХиГС. 2016. №1. С. 67–78.
- Перерва Е.В. Детские и подростковые палеоантропологические материалы позднесарматского времени из могильников Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, №1. С. 83–108.
- Медникова М.Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М., 2017. 223 с.
- Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. 360 с.
- Сарияниди В.И. Гонур-Депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. 328 с.
- Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008. 344 с.
- Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М., 2003. С. 521–530.

УДК 903.5(571.1)+572(571.1)

Ж.В. Марченко¹, С. Райнхольд², В.И. Молодин¹, А.Е. Гришин¹,
Л.С. Кобелева¹, А.В. Зубова^{1,3}, Д.В. Поздняков¹, О.В. Батанина¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Германский археологический институт, Берлин, Германия;

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

**БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
АДАПТАЦИИ АНДРОНОВСКОГО И АНДРОНОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ
К УСЛОВИЯМ ЛЕСОСТЕПИ И ПОДТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ
(по материалам погребальных памятников)**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ-ННИО (проект №18-509-12067)

Распространение пастушеских коллективов андроновской культурно-исторической общности в первой половине II тыс. до н.э. охватило значительные пространства Северной и Центральной Азии, включающие разные ландшафтные зоны (степь, лесостепь, подтаежные области, сельскохозяйственные оазисы полупустыни, горные районы). Освоение новых ландшафтов, включение в новую социокультурную среду, по всей видимости, приводило к изменениям в образе жизни и экономике андроновцев. В подтаежной и лесостепной полосе Прииртышья, Барабы и Приобья известно сравнительно мало поселенческих объектов, еще меньше раскопано. Это не позволяет эффективно использовать поселенческие материалы для реконструкции моделей адаптации. Обширные антропологические коллекции, накопленные за последнее время, являются репрезентативным источником для реконструкции условий жизни, здоровья и диеты древнего населения. Биоархеологические подходы к исследованию химического состава костной ткани человека и животных из археологических объектов с использованием анализа стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$), азота ($\delta^{15}\text{N}$), кислорода ($\delta^{18}\text{O}$) и стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) дают информацию о диете и стратегиях продовольственного обеспечения. В сочетании с данными по палеозоологии, физической антропологии и палеопатологии (остеометрические и одонтологические исследования) этот биоархеологический подход позволит на качественно новом уровне решать вопросы миграции и мобильности населения, их хозяйственных занятий и палеодиеты. Ожидается, что использование данного набора методов прояснит специфику адаптации андроновских и андронидных коллективов к условиям лесостепи и подтаежной зоны Обь-Иртышья.

Ключевые слова: андроновская культурно-историческая общность, лесостепное и подтаежное Обь-Иртышье, могильники, палеодиета населения, миграции, мобильность, изотопные и антропологические анализы.

Z.V. Marchenko¹, S. Reinhold², V.I. Molodin¹, A.E. Grishin¹, L.S. Kobeleva¹,
A.V. Zubova^{1,3}, D.V. Pozdnyakov¹, O.V. Batanina¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²Germany Archaeological Institute, Berlin, Germany;

³Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography, (Kunstkamera) RAS, Sankt-Petersburg, Russia

**BIOARCHAEOLOGICAL APPROACHES TO EVALUATE THE ADAPTATION
OF ANDRONOVO AND ANDRONOVOID POPULATIONS TO FOREST-STEPPE
AND SUB-TAIGA ENVIRONMENTS OF THE OB-IRTYSH REGION (on the basis of the burials)**

The work is performed with financial support of RFBR-DFG №18-509-12067

The pastoral populations of the Andronovo cultural-historical community occupied extensive territories in Northern and Central Asia including different environmental zones (steppe, forest-steppe, sub-taiga, agricultural oasis, semi-deserts and mountain areas) during the first half of 2nd mil. BC. Their advance into new areas and their interaction with new socio-cultural communities of local communities can be expected to have changed their lifestyle and economy.

Only a few settlements are known in the sub-taiga and forest-steppe zones of the Irtysh, Baraba and Ob river basins, even fewer of them were excavated. Settlement material therefore cannot be an effective basis for the reconstruction of adaptation processes. The abundant skeletal material from burials excavated during the last decades however provides an excellent source of information about living conditions, health status and diet of ancient population. Bioarchaeological approaches investigating the bone chemistry of human and animal skeletal material from archaeological objects using stable isotope analysis of carbon ($\delta^{13}\text{C}$), nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$), oxygen ($\delta^{18}\text{O}$) and strontium ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) in bones (collagen) and teeth inform about diets and subsistence practices. Combined with palaeozoology, physical anthropology and paleopathology (osteometric and odontology studies) this bioarchaeological approach allows at a qualitatively new level evaluating issues of human's migration and mobility, people's economic activity and their palaeodiet. We can expected that using this set of methods will help to scrutinize the adaptation processes of Andronovo and Andronoid communities to the particularities of the forest-steppe and sub-taiga environment.

Key words: Andronovo cultural-historical community, forest-steppe and sub-taiga zones of Ob-Irtysh region, necropolis, human palaeodiet, migration and mobility, stable isotope analysis, anthropology, paleopathology.

Распространение культур андроновской культурно-исторической общности охватило в начале II тыс. до н.э. широкие пространства Евразии – от Урала на западе до Енисея на востоке, включая в первую очередь степную зону, а также прилегающие пространства – лесостепи и подтаежные тер-

ритории на севере, и сельскохозяйственные оазисы и полупустыни на юге [Теплоухов, 1929; Сальников, 1952; Грязнов, 1956; Маргулан и др., 1966; Кадырбаев, 1969; Матющенко, 1973; Максименков, 1978; Молодин, 1985; Потемкина, 1985; Кузьмина, 1986, 2008; Косарев, 1981, 1984; Кирюшин, Лузин, 1990; Бобров, 2013; и др.]. Практически общепринятой является точка зрения, основанная на археологических и палеозоологических данных, характеризующая андроновцев как пастушеские и даже пастушеско-земледельческие коллективы [Теплоухов, 1929; Сальников, 1952; Грязнов, 1956; Кузьмина, 1986; Косарев, 1984, 1987; Молодин, 1985; Зах, 1995]. Современные систематические исследования степных коллективов и одомашненных видов животных детализируют наши представления о хозяйственно-культурном облике этих скотоводческих групп [Ventresca Miller, Usmanova, Logvin et al., 2014a; Lightfoot, Motuzaite Matuzeviciute, O'Connell et al., 2015; Motuzaite Matuzeviciute, Kiryushin, Rakhimzhanova et al., 2016; Honeychurch, Makarewicz, 2016]. Но очевидно, что разные ландшафтно-географические зоны определяют различные варианты хозяйственной адаптации к природным условиям, которые можно реконструировать как по материалам поселений, так и могильников. Если андроновские могильники известны и изучены на всех основных территориях распространения культурно-исторической общности, то ситуация с поселениями представляется нам весьма различной.

Так, например, для западной части андроновской культурно-исторической общности (Зауралье, Казахстан) хорошо изучены два типа поселений – с полуземлянками (стационарные) и наземными конструкциями [Сальников, 1952, 1957; Кузьмина 1962, 1965; Корочкова, Стефанов, 1983; Потемкина, 1985; Зданович, 1988; Малютина, 1990, 1994; Лысенко, 2003; Древнее Устье..., 2013; и др.]. Постройки на стационарных поселениях, как правило, линейно вытянуты вдоль края речной или озерной террасы или расположены в пойме, довольно близко к речному руслу. Сами поселения иногда укреплены системой ров–вал. Жилища представлены в виде каркасно-столбовых полуземлянок площадью до 200 кв. м. Это показывает, что данное андроновское население практиковало менее мобильную форму скотоводства, которая вписывается в тенденцию, очевидную для западноевразийской степи и соседних территорий [Hoof, Dally, Schlöffel, 2013; Anthony, Brown, Khokhlov, et al., 2016; Reinhold, Belinskij, Korobov et al., 2017]. В то же время для лесостепного Обь-Иртышья поселенческие комплексы изучены слабо. В относительно большей степени изученности находятся андроновские поселения в Верхнем Приобье и Кулундинской степи [Кирюшин, Лузин, 1990; Удодов, 1994; Зах, 1997].

Лесостепная и подтаежная зоны Обь-Иртышья пока дают малое количество стационарных андроновских поселков с углубленными в грунт жилищами. Но при наличии больших андроновских и андронидных некрополей, известных здесь, нельзя объяснить этот факт только слабой степенью изученности территории, поскольку целенаправленное изучение памятников эпохи бронзы в этих районах проживания андроновцев насчитывает многолетнюю историю [Грязнов, 1956; Викторov, Борзунов, 1974; Матющенко, 1973; Молодин, 1985]. Традиции домостроительства, унаследованные из районов происхождения культур культурно-исторической общности – из Зауралья и Казахстана, а также природные условия лесостепного и подтаежного Обь-Иртышья (континентальный климат, продолжительные холодные зимы) должны были бы, казалось, способствовать появлению и здесь стационарных зимних поселений, включающих помещения для содержания домашних животных. Но это пока фиксируется здесь значительно слабее, чем на западе андроновского ареала.

Крупные поселенческие андроновские и андронидные комплексы в лесостепной зоне Обь-Иртышья исследованы на материалах городища Черноозерье-I [Викторov, Борзунов, 1974], отнесенного М.Ф. Косаревым [1987, с. 279–281] к черноозерско-томскому варианту андроновской культурно-исторической общности, а одним из авторов этой статьи – к позднекротовской (черноозерской) культуре [Молодин, 2014]. Памятник представлен остатками полностью изученных четырех котлованов и фортификационной системой ров–вал. Osteологический материал, изученный П.А. Косинцевым [1989], указывает на скотоводческую основу хозяйства населения городища. Пока, однако, это единственный пример исследованного городища на северной периферии изучаемого региона. В 1980-х гг. одним из авторов на существующем археологическом материале (культурные слои на поселениях Абрамово-5, Мартемьяновское поселение и Каргат-6) была предложена реконструкция хозяйства и быта для андроновцев центральной части Барабинской лесостепи [Молодин, 1985, с. 88–90]. На первых двух памятниках культурный слой был сильно разрушен, и материал представлен только сборами керамики. На многослойном поселении Каргат-6 были изучены остатки культурного слоя и хозяйственные ямы, содержащие андроновскую (федоровскую) керамику с osteологическими и ихтиологическими остатками [Молодин, Новиков, Софeyков, 2000]. Osteологический материал из хозяйственных комплексов позволил автору раскопок охарактеризовать экономику андроновцев как «выраженно производящую...

при главенствующей роли скотоводства». При этом теоретически допускалась практика иных отраслей хозяйства – «собираательства, земледелия, охоты и рыболовства» [Молодин, 1985, с. 114]. В Новосибирском Приобье был исследован участок котлована андроновского жилища со следами бронзолитейного производства на поселении Красный Яр-1 [Бородовский, 1997]. Исследования приобских поселений Ирмень-1 и Шляпово, к сожалению, не нашли подробной характеристики в публикациях М.П. Грязнова [1956, с. 17]. Из отчетных материалов памятника Шляпово-1 следует, что на вскрытой площади остатков жилых конструкций не встречено. Находки представлены андроновской (федоровской) керамикой, остеологическим материалом и предметами из металла, кости, камня, глины [Кирюшин, Грушин, Леонтьева, 2016, с. 45–46].

Достаточно представительные данные были получены В.А. Захом [1997] в правобережном Приобье на памятнике Куделька. Культурный слой памятника, расположенного в пойме, местами перекрыт аллювиальными суглинками. Исследован котлован жилища с колодцем, хозяйственные постройки и ямы. Комплекс содержал культурные остатки андроновской (федоровской) культуры. Поселение имело стационарный характер, а остеологические материалы свидетельствовали о занятиях населения скотоводством [Зах, 1997, с. 105]. На соседнем поселении Куделька-2 были обнаружены хозяйственные ямы, андроновская (федоровская) керамика и створка литейной формы [Зах, 1997, с. 42]. По-видимому, следует согласиться с В.А. Захом, который полагает, что слабая изученность андроновских (федоровских) поселений в Обь-Иртышье связана с их расположением в поймах, где культурный слой порой перекрывался аллювиальными осадками [Зах, 1997, с. 39]. Аналогичная ситуация прослеживается и для более западных памятников андроновской культурно-исторической общности [Потемкина, 1979; Евдокимов, 1979].

К настоящему моменту количество изученных поселенческих памятников в Барабе и лесостепном и предтаежном Прииртышье и Приобье принципиально не изменилось, хотя находки андроновской, явно поселенческой керамики периодически происходят (см., например: [Бородовский, 2002, с. 69]). Еще одна причина, по которой поиски жилищ андроновцев в Барабинской лесостепи остаются затруднительными, кроется в отсутствии глубоких котлованов и их наземном типе [Молодин, 1985, с. 114]. Этот тип жилищ, по мнению В.И. Молодина, соответствует подвижному образу жизни андроновцев, связанному с перекочевками и использованием колесного транспорта в поисках новых пастбищ.

Однако в лесостепной и предтаежной зоне Обь-Иртышья изучены довольно крупные могильники, содержащие значительные андроновские и андронидные массивы (Вахрушево, Черноозерье-1, Еловский II могильник, Тартас-1, Старый Тартас-4, Старый Сад, Преображенка-3) [Троицкая, 1969; Генинг, Стефанова, 1994; Матющенко, 2004; Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002; Молодин, Чикишева, 1988; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2016]. Поэтому логично предположить, что оставившее их население большую часть времени проживало в этом регионе. Конечно, нельзя оставлять попытки поиска и полевого исследования поселенческих андроновских памятников. Вместе с тем из-за практически полного отсутствия на данный момент материалов этого важнейшего археологического источника адаптационные стратегии пришлого скотоводческого населения к условиям лесостепи и подтаежной зоны Обь-Иртышья остаются малоисследованными. Механическая экстраполяция же палеоэкономических реконструкций из степной части андроновского мира привела бы, на наш взгляд, к искажению реальной картины адаптации. По нашему мнению, волны андроновцев-мигрантов были периодическими и происходили из разных точек ареала. Схемы взаимодействия с аборигенами на местах в разное время могли быть специфичными [Молодин, 2011].

Так, до сих пор открытыми остаются вопросы, связанные с образом жизни андроновцев на северной периферии их проживания, со степенью их подвижности (мобильности/миграции), с включением иных производящих и/или присваивающих отраслей в хозяйственный цикл, и соответственно – со значением продуктов скотоводства в диете населения и со стратегиями продовольственного обеспечения. Требуется дальнейшего изучения и вопрос о характере взаимодействия пастушеских племен с местным населением по мере их продвижения на новые территории, а также взаимообмен технологиями, продуктами производства и хозяйственно-бытовыми навыками адаптации к условиям природной среды. Необходим новый уровень анализа доступности сырьевых и пищевых ресурсов с использованием данных по палеоэкологии разных районов юга Западной Сибири [Орлова, 1990; Молодин, 2011; Krivonogov, Yamamuro, Tahara et al., 2012; Жилич, Рудая, Кривоногов, 2014, 2016; Рудая, Папин, 2013; Svyatko et al., 2013; Schalrotta, Weber, 2014; Motuzaitė Matuzeviciute et al., 2016].

Традиционно решение вопросов адаптации древнего человека к природной среде двигалось в трех основных направлениях. Во-первых, это – функциональный анализ орудий труда, спектр и особенности которых позволяют не только определить направления производственной деятельности (метал-

лургия, камнеобработка, кожевенное или косторезное производство и т.д.), но также реконструировать направления хозяйственной деятельности по обеспечению пищевыми ресурсами (собирательство, земледелие, скотоводство, рыболовство и пр.). Во-вторых, это – анализ остеологического материала, в первую очередь, из поселенческих комплексов, которые наиболее полно могут представить состав стада или промысловые виды фауны. В-третьих, анализ поселенческих сооружений и реконструкция домостроительных традиций, которые также отражают особенности использования населением ресурсов окружающей среды. Помимо перечисленных направлений изучение стратегий адаптации сейчас дополняется биохимическими подходами – химический анализ пригаров, изучение макроботанических и споро-пыльцевых остатков. Эти данные позволяют дополнить и уточнить представления об особенностях питания и хозяйственной деятельности населения.

Не все эти направления одинаково эффективны при отсутствии поселенческих материалов. Однако, пока не получены новые археологические данные по андроновским поселениям, перспективными для построения моделей адаптации могут стать новые методы работы с материалами некрополей. В последние двадцать лет в отечественной науке все большую актуальность набирает так называемая биоархеология, в основе которой лежит всестороннее исследование биологических остатков (в первую очередь, антропологического и остеологического материала) [Makarewicz, Saely, 2015; Shishlina, Kaverzneva, Fernandes et al., 2016; Knipper, Reinhold, Gresky et al., 2018].

Обширные антропологические и остеологические коллекции являются биологическими архивами для реконструкции условий жизни, мобильности, здоровья и диеты древнего населения. Они являются прямыми свидетельствами, отражающими жизнь индивидуума на разных его этапах, не искаженными ритуальной сущностью погребальных комплексов [Härke, 1993]. Это направление позволяет актуализировать фондовые, казалось бы, уже хорошо изученные материалы.

Биоархеологический подход, который предполагается применить для исследования археологических источников андроновского времени лесостепного и подтаежного Обь-Иртышья включает набор анализов: культурно-типологический, остеологический, изотопный, остеометрический и одонтологический. Основными объектами изучения являются крупнейшие могильники эпохи бронзы региона – Тартас-1, Черноозерье-1, Еловский II могильник, Старый Тартас-4, расположенные в разных ландшафтных зонах и связанные с андроновской колонизацией северных территорий. Эти памятники содержат ряд близких по времени культурных образований – собственно андроновский (федоровский) и андронидный (позднекротовский/черноозерский пласт и андроновско-еловский). Предметом исследования являются механизмы адаптации пришлого скотоводческого населения к природным условиям лесостепного и подтаежного Обь-Иртышья.

Традиционно андроновские племена исследователями описываются как пастушеские, хозяйство которых основано на разведении мелкого и крупного рогатого скота, при высокой роли коневодства и полном отсутствии свиноводства [Кузьмина, 1986, с. 37]. При этом «охота и рыболовство в степной и лесостепной зоне Западно-Сибирской равнины в это (андоновское. – *Прим. авт.*) время играли ничтожную роль» [Косарев, 1987, с. 279]. Е.Е. Кузьмина, изучая, в первую очередь, материалы Зауралья и Казахстана, пришла к выводу, что молоко, а также другие молочные продукты (сыр) были основной ежедневной пищей андроновцев. Мясо, по ее мнению, использовалось редко, преимущественно в периоды жертвоприношений [Кузьмина, 1986, с. 32–33]. Реконструируя тип хозяйства и образ жизни андроновцев, она пишет, что изначально андроновцы «жили оседло в стационарных поселках в больших жилищах. Их хозяйство было оседлым, комплексным, а скотоводство – придомным», и население по мере увеличения поголовья скота вынуждено было периодически искать новые пастбища, т.е. переходило к полукочевому (яйлажному скотоводству). В этом случае часть мужского населения вместе со скотом уходила в летний период на дальние пастбища (в некоторых случаях – в высокогорные районы) [Кузьмина, 1986, с. 37].

Исследования последних лет на могильнике Тартас-1, расположенном в северо-западной части Барабинской лесостепи, позволяют судить о более высоком значении, например, рыболовства в погребальной практике андроновского и андронидного населения [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2015]. Вместе с тем отражение рыбной пищи в погребальном ритуале не позволяет напрямую отождествлять результаты обрядовой деятельности с повседневным рационом людей. Кроме того, новые данные не могут ответить на вопрос о доле рыбной составляющей в традиционном питании андроновцев. Нельзя исключать половозрастные и культурные различия потребителей, оставивших этот могильник, которые также напрямую не транслируются через обрядовую пищу.

Для исследования механизмов адаптации андроновского населения в лесостепном и подтаежном Обь-Иртышье нами предлагается использовать три направления.

1. *Изучение особенностей рациона питания населения (палеодиеты) и характер использования пищевых ресурсов вмещающих ландшафтов.* Для изучения структуры питания, помимо анализа традиционных палеозоологических материалов, может быть использован анализ содержания изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костной ткани (коллагене) костей человека, животных и рыб. С их помощью можно определить происхождение основного источника пищи – наземные животные (мясо животных/молочные продукты) или пресноводная рыба. Анализ же изотопов углерода может являться маркером при выявлении потребления растений из засушливых районов или проса (растения с типом фотосинтеза C_4) [Pate, 1994; Richards, Hedges, 1999; Katzenberg, 2000].

Другое направление, дополняющее реконструкцию палеодиеты, – одонтологический анализ, связанный с изучением патологий зубов человека. Изучение патологий на эмали зубов позволяет, с одной стороны, определить основные компоненты структуры питания людей, а с другой – оценить в целом обеспеченность популяции пищевыми ресурсами и выявить периоды длительного голодания. Таким маркером пищевого стресса является гипоплазия эмали. Определенное сочетание заболеваний зубов и пародонта позволяет реконструировать структуру питания. Кроме того, кариозные поражения зубов, а также определенный характер стертости моляров позволяют оценить наличие растительной (углеводной) составляющей в диете, а также использование земледельческих продуктов в питании. Дополнительную информацию об особенностях питания людей несут сколы эмали на передних зубах [Goodman, Martin, Armelagos, 1984; Добровольская, 2005; Vantresca Miller et al., 2014b].

2. *Оценка мобильности населения и их миграций.* В связи с мигрантным происхождением андроновцев на юге Западной Сибири, а также учитывая теории как о яйлажном скотоводстве [Кузьмина, 1986], так и о большой подвижности населения в целом на территории Барабинской лесостепи, благодаря наличию колесного транспорта [Молодин, 1985], актуальным является поиск маркеров передвижения населения и животных. В качестве таковых предлагается использовать анализ содержания изотопов стронция и кислорода в зубной эмали людей и животных. Количественные показатели содержания стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ помогают выявить мигрантное происхождение или определить степень мобильности людей/животных в геологических неоднородных контрастных ландшафтах. Анализ содержания изотопов кислорода ($\delta^{18}\text{O}$) позволяет установить, из источников какого ландшафта организм получал воду – из обеспеченных водой территорий или из более засушливых областей [Scharlotta, Weber, 2014; Gerling, 2015; Scharlotta, 2016].

3. *Реконструкция особенностей образа жизни индивидуумов и их хозяйственной и производственной деятельности* основана на анализе антропологических данных. Оценить физические нагрузки на посткраниальный скелет можно с помощью маркеров особенностей повседневной (хозяйственной) деятельности, отразившихся на посткраниальном скелете. Данный подход основан на связи макроструктуры скелета (форма костей, уровень развития мест прикреплений мышц и связок – бугорков, гребней, шероховатостей) с функциональной гипертрофией мышц. Ранее в ходе изучения коллективов охотников и кочевников исследователями было установлено, что распределение нагрузок на мышцы и скелет происходит у данных групп по-разному [Mariotti, Facchini, Belcastro, 2004; Ражев, 2009].

Таким образом, комплексный биоархеологический подход позволит на базе уже известных источников на качественно новом уровне проанализировать вопросы, связанные с адаптацией андроновского населения к новым экологическим условиям, с реконструкцией их образа жизни, питания и хозяйственных занятий в лесостепном и подтаежном Обь-Иртыше, а также с адаптацией популяций, сложившихся на основе синтеза пришельцев и аборигенов.

Библиографический список

- Бобров В.В. Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Геохронология. Этнология. Антропология. 2013. №2(3). С. 84–92.
- Бородовский А.П. К вопросу об андроновских жилищах в Новосибирском Приобье (по материалам археологического комплекса Красный Яр-1) // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 17–20.
- Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002. 208 с.
- Викторов В.П., Борзунов В.А. Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше // Из Истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 19–23.
- Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005. 368 с.
- Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013. 482 с.

- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье-I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург, 1994. 67 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби: (материалы и исследования по археологии СССР). №48. М.; Л., 1956. 163 с.
- Евдокимов В.В. Топография поселений эпохи бронзы степного Приобья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 61–62.
- Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Природные условия обитания древнего человека в Барабинской лесостепи в эпоху бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 154–157.
- Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Изменения растительности и климата в районе оз. Малые Чаны в позднем голоцене // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. 2016. Т. 7, №1 (13). С. 68–75.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995. 96 с.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск, 1997. 130 с.
- Зданович Б.Г. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988. 184 с.
- Кадырбаев М.К. Акмола – памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 91–107.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Андроновское поселение Шляпово в Верхнем Приобье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №1(32). С. 44–54.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа, 1983. С. 143–151.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 282 с.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 242 с.
- Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андоновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 276–282.
- Косинцев П.А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 84–104.
- Кузьмина Е.Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 9–15.
- Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // Советская археология. 1965. №4. С. 40–51.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. 132 с.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008. 358 с.
- Лысенко Ю.А. Домостроительство андроновских племен Урало-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 25 с.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 190 с.
- Малютина Т.С. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 100–127.
- Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 25 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 11. 135 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая: Еловский-II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинской лесостепи // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 58–69.
- Молодин В.И. К вопросу о позднелесостепной (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1(57). С. 49–54.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №3 (43). С. 77–90.
- Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Андроновский (федоровский) комплекс на памятнике Старый Сад (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 15, №3: Археология и этнография. 2016. С. 63–86.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3 (11). С. 48–62.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2000. Вып. 4. 223 с.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Де-машина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 357–360.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 125–206.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы. Новосибирск, 1990. 128 с.

Потемкина Т.М. Топографическая и гидрографическая приуроченность поселений эпохи бронзы в Среднем Притоболье // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 61–62.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 376 с.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009. 491 с.

Рудая Н.А., Папин Д.В. Средний и поздний голоцен Кулунды (климат, растительность, человек) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 318–322.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. 116 с.

Сальников К.В. Кипельское селище // Советская археология. 1957. №27. С. 46–58.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Троицкая Т.Н. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции) // Научные труды НГПИ. Новосибирск, 1969. Вып. 31. С. 3–20.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Anthony D.W., Brown D.R., Khokhlov A.A., Kuznetsov P.F., Mochalov O.D. A Bronze Age Landscape in the Russian Steppe. The Samara Valley Project. Los Angeles, 2016. 513 p.

Gerling C. Prehistoric Mobility and Diet in the West Eurasian Steppes 3500 to 300 BC: an Isotopic Approach. Berlin/Boston, 2015. 402 p.

Goodman A.H., Martin D.I., Armelagos G.J. Indication of Stress from Bone and Teeth // Paleopathology at the Origin of Agriculture / Eds. M.N. Cohen, C.S. Armelagos. L.; Orlando, 1984. P. 13–44.

Härke H. Intentionelle und Funktionale Daten. Ein Beitrag zur Theorie und Methodik der Gräberarchäologie // Archäologisches Korrespondenzblatt. Num. 23. 1993. P. 141–146.

Honeychurch W., Makarewicz C.A. The Archaeology of Pastoral Nomadism // Annual Review of Anthropology. 2016. Vol. 45. P. 341–59.

Katzenberg M.A. Stable Isotope Analysis: A Tool for Studying Past Diet, Demography, and Life History // Biological Anthropology of the Human Skeleton. New York, 2000. P. 305–327.

Knipper C., Reinhold S., Gresky J., Belinskiy A., Alt K.W. Economic Strategies at Bronze Age and Early Iron Age Upland Sites in the North Caucasus: Archaeological and Stable Isotope Investigations // Isotopic Investigations of Pastoral Production: Innovative Approaches to Patterns of Mobility, Economy, and Exploitation. Abington, 2018. P. 123–140.

Krivonogov S.K., Yamamuro M., Takahara H., Kazansky A.Y., Klimin M.A., Bobrov V.A., Safonova I.Y., Phe-dorin M.A., Bortnikova S.V. An Abrupt Ecosystem Change in Lake Beloye, Southern Western Siberia: Palaeoclimate Versus Local Environment // Paleogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2012. №331–332. P. 194–206.

Lightfoot E., Motuzaite Matuzeviciute G., O'Connell T.C., Kukushkin I.A., Loman V., Varfolomeev V., Jones M., How 'Pastoral' is Pastoralism? Dietary Diversity in Bronze Age Communities in the Central Kazakhstan Steppes // Archaeometry. 2015. Vol. 57. P. 232–249.

Makarewicz C.A., Saely J. Dietary Reconstruction, Mobility, and the Analysis of Ancient Skeletal Tissues: Expanding the Prospects of Stable Isotope Research in Archaeology // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 56. P. 146–158. [dx.doi.org/10.1016/j.jas.2015.02.035](https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.02.035)

Motuzaite Matuzeviciute G., Kiryushin Y.F., Rakhimzhanova S.Zh., Svyatko S., Tishkin A.A. and O'Connell T.C., Climatic or Dietary Change? Stable Isotope Analysis of Neolithic-Bronze Age Populations from the Upper Ob and Tobol River Basins // The Holocene. 2016. Vol. 26(10). P. 1711–1721.

Mariotti V., Facchini F., Belcastro M.J. Enthesopathies – Proposal of a Standardized Scoring Method and Applications // Collegium Antropologicum. 2004. №28. P. 145–159.

Pate F.D. Bone Chemistry and Paleodiet // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 1, No. 2. 1994. P. 161–209.

Reinhold S., Belinskij A.B., Korobov D.S. Zwischen Mobilität und Sesshaftigkeit. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Archäologie in Eurasien. Band 38. Bonn, 2017.

Richards M.P., Hedges R.E.M. Stable Isotope Evidence for Similarities in the Types of Marine Foods Used By Late Mesolithic Humans at Sites Along the Atlantic Coast of Europe // Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26. P. 717–722.

Scharlotta I., Weber A. Mobility of Middle Holocene Foragers in the Cis-Baikal Region, Siberia: Individual Life History Approach, Strontium Ratios, Rare earth and Trace Elements // Quaternary International. 2014. Vol. 348. P. 37–65.

Scharlotta I., Differentiating Mobility and Migration in Middle Holocene Cis-Baikal, Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. May 2016. P. 920–931 [doi:10.1016/j.jasrep.2016.05.045](https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.05.045).

Shishlina N., Kaverzneva E., Fernandes R., Sevastyanov V., Roslyakova N., Gimranov D., Kuznetsova O. Subsistence Strategies of Meshchera Lowlands Populations During the Eneolithic Period – The Bronze Age: Results from a Multidisciplinary Approach // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2016. Vol. 10. Pp. 74–81.

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable Isotope Dietary Analysis of Prehistoric Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a New Chronological Framework for the Introduction of Millet to the Eastern Eurasian Steppe // *Journal of Archaeological Sciences*. 2013. Vol. 40. Pp. 3936–3945.

Van Hoof L., Dally O., Schlöföfel M. Staying Home or Staying with your Cattle? Different Reactions to Environmental Changes in the Late Bronze Age of the Lower Don Area (Southern Russia) // Bebermeier W., Hebenstreit R., Kaiser E., Krause J. (Eds.). *Landscape Archaeology. Conference (LAC 2012). e-TOPOI Journal of Ancient Studies*. 2013. Special Vol. 3. Pp. 71–75.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M. Subsistence and Social Change in Central Eurasia: Stable Isotope Analysis of Populations Spanning the Bronze Age Transition // *Journal of Archaeological Science*. 2014a. Vol. 42. Pp. 525–538.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A. Dental Health, Diet, and Social Transformations in the Bronze Age: Comparative Analysis of Pastoral Populations in Northern Kazakhstan // *Quaternary International*. 2014b. Vol. 348. Pp. 130–146.

УДК 903.5(470.6):550.3

Г. Парцингер¹, А. Гасс¹, Й. Фассбиндер²

¹Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия;

²Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА МОГИЛЬНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ПРИМЕНЕНИЕМ МАГНИТОМЕТРИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке научно-исследовательского центра Топой (Excellence Cluster TOPOI, Берлин), в рамках программ А-2-1 («Пасторализм в евразийских степях») и В-2-4 («Скифские гробницы – между монументальностью и гигантоманией»)

Исходя из действующего на сегодняшний день определения большого (или «царского») кургана скифского времени как архитектурной конструкции, состоящей не только из погребений, кладов, схронов, ритуальных комплексов и возведенного над ними сооружения кургана, но также и территории вокруг самого кургана – его околочурганного пространства, называемого также периферией, – авторы статьи при проведении полевых археолого-геофизических исследований могильников раннего железного века в степных регионах центрального Северного Предкавказья и Северо-Западного Кавказа уделяли особое внимание изучению именно периферии большого кургана, как одного из носителей информации о сложных и многосоставных культово-религиозных церемониях и обрядах древних кочевников раннего железного века I тыс. до н.э. Результаты работ на территории Ставропольского края и на Кубани показали значительное различие в принципах использования периферии курганов в ходе церемоний погребально-поминального цикла носителями скифской культуры по разным берегам среднего течения Кубани.

Ключевые слова: ранний железный век, курган, скифы, Северный Кавказ, Кубань, периферия кургана, геофизика, магнитометрия.

H. Parzinger¹, A. Gass¹, J.W.E. Fassbinder²

¹Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany;

²Ludwig Maximilian University of Munich, Munich, Germany

INVESTIGATING THE PERIPHERY OF SCYTHIAN KURGANS, BURIAL MOUNDS AND GRAVEYARDS BY MEANS OF MAGNETOMETER PROSPECTION

The work is performed with the financial support of Excellence Cluster TOPOI, Berlin (the project A-2-1, “Pastoralism on the Eurasian Steppes” and the project B-2-4, “Scythian Tombs – between Monumentality and Gigantomania”)

Proceeding from the current definition of a Great (or “Royal”) burial mound of the Scythian time as an architectural construction consisting not only of burials, offering pits, treasures, ritual complexes and the construction of a mound erected above them, but also the area around the burial mound – its near-mound space, also called the periphery, the authors of the article, carrying out field archaeological and geophysical studies of burial grounds of the early Iron Age in the steppe regions of the central North Caucasus and the North – West Caucasus paid particular attention to the study of the periphery of the large mound as one of the bearers of information on complex and multi-part cult-religious ceremonies and rites of the ancient nomads of the early Iron Age of the 1st millennium BC. The results of work in the territory of the Stavropol Territory and in the Kuban showed a significant difference in the principles of using the periphery of burial mounds during funeral-memorial cycle ceremonies by the carriers of Scythian culture along the opposite banks of the middle course of the Kuban.

Key words: early Iron Age, kurgan/burial mound, Scythes, Northern Caucasus, Kuban, kurgan periphery, archaeological geophysics, magnetometry.

На протяжении 2012–2016 гг. на степной территории центрального Северного Предкавказья (Ставропольский край) и Кубани (Краснодарский край и Республика Адыгея) проводились археолого-геофизические исследования околокурганного пространства, так называемой периферии, больших курганов скифского времени. Периферия изучалась с помощью цезиевого магнитометра Smartmag SM4G-Special. Цель российско-германских исследований – выявление наличия или отсутствия объектов периферии кургана, таких как рвы, валы, схроны, поминальники, захоронения или ямы различного характера за пределами курганов, как части многосоставного комплекса большого кургана раннего железного века [Nagler, 2013, S. 618–619]. Подобное целенаправленное изучение околокурганного пространства на территории Кавказа проводилось впервые.

Степные регионы Северного Кавказа представляют собой большой интерес и скрывают огромный научный потенциал. Такие памятники, как курганы могильника Красное Знамя [Петренко, 2006] на Ставрополье или Келермесский могильник [Веселовский, 1907; Галанина, 1997], а равно и Костромской курган [Веселовский, 1900; Galanina, 2007] на Кубани, прочно вошли в список выдающихся памятников скифской культуры, а материалы, найденные при их раскопках, свидетельствуют об уникальности и богатстве захоронений. Именно со степных районов Северного Предкавказья, согласно письменным источникам [Геродот, кн. I, §103–106, кн. IV, §1, 12, кн. VII, §20; Страбон, кн. XV, гл. 1, §6], начинались в VII в. до н.э. скифские завоевательные переднеазиатские походы. Таким образом, указанная территория являлась своеобразным плацдармом и важным стратегическим пунктом древних кочевников раннего железного века. На эти же земли скифы возвратились после переднеазиатских походов. Скорее всего, именно этим и объясняется большое количество предметов роскоши переднеазиатского происхождения, найденных в так называемых царских курганах VII–VI вв. до н.э. Примером этому могут послужить многочисленные находки из золота из курганов могильника Келермес, находящие свои параллели с объектами из Северного Ирана – «клад» из Зивие. Стиль исполнения орнаментации и самих золотых предметов из Келермеса позволяет предположить перенятие некоторых сюжетов и мотивов из ассирийско-мидийского художественного круга традиций [Parzinger, 2004, S. 118; ср.: Галанина, 1997, табл. 5, 8–11; Galanina, 2007, Abb. 5; Helwing, 2007, Abb. 3–5].

В связи с тем, что курганные могильники скифского времени на территории Ставропольского края исследовались лишь в малом количестве, большая часть выбранных нами некрополей изучалась впервые. Здесь для определения наиболее потенциально интересных участков могильников исследовательская группа опиралась либо на результаты раскопок, как это было в случае с Краснознаменским могильником (изучался В.Г. Петренко в 1970–1980-х гг. [Петренко, 2006; ср.: Гасс и др., 2014]), или предыдущих разведок (могильник Би-Тюбе [Крупнов, 1957, 164, прим. 2; 1961, рис. 1.-I; ср.: Gass, 2017, S. 85–87, Abb. 10–11]), либо, как в большинстве других случаев, на выдающиеся ландшафтные маркеры и размеры самих курганов (например, могильники Виноградный-1 [Белинский и др., 2014, с. 84–85, рис. 1], Виноградный-2 [Гасс и др., 2016, с. 39–41, рис. 2–3], Владимировка [Белинский и др., 2014, с. 85–87, рис. 2] или Зункар-2 [Парцингер и др., 2017]).

В отличие от памятников Ставропольского края, могильники Кубани изучаются с рубежа XIX–XX вв. Так, например, на могильнике Костромское/Разменные курганы (Краснодарский край), получившем свою известность благодаря работам Н.И. Веселовского [1900, с. 11–17; Galanina, 2007, S. 198–199], нами исследовалась западная, наиболее хорошо сохранившаяся часть некрополя. К тому же стоит отметить, что в восточной части могильника, где стояли курганы, раскопанные Н.И. Веселовским в 1897 г., в наши дни находится Краснодарский краевой радиотелевизионный передающий центр, вызывающий значительные помехи сигнала цезиевого магнитометра.

Результаты многолетних исследований могильника Келермес на территории республики Адыгея [Веселовский, 1907, с. 85–97; Галанина, 1997] позволили определить наиболее потенциально интересные участки – северо-западную оконечность некрополя и его центральную часть. Именно в северо-западной части могильника сосредоточивались курганы с «царскими» погребениями, а в его центре Келермесской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1981 г. удалось частично выявить грунтовый могильник [Галанина, 1997, с. 14, 30, рис. 5] с погребениями, вероятнее всего, непосредственных строителей «царских» курганов, не принадлежащих к высшей элите скифского общества. В связи с тем, что северо-западная оконечность могильника, вызывавшая большой интерес, находилась под посевами подсолнечника, что делало абсолютно невозможным проведение там геофизических измерений, было решено исследовать центральную часть некрополя, где располагался грунтовый могильник. Целью работы являлись доисследования периферии находящихся здесь ранее курганов больших размеров и попытка выявления локализации и четкой структуры грунтового могильника.

Для измерения могильников с большими курганами в степных регионах Евразии лучше всего подходит, с нашей точки зрения, цезиевый магнитометр Smartmag SM4G-Special. Данный прибор в конфигурации *total-field* в состоянии производить до 10 измерений сигнала в секунду при чувствительности в ± 10 пикотесла в сочетании с высоким пространственным разрешением порядка 25×25 см. При этом измеряется интенсивность и направление магнитного поля Земли приблизительно в 30 см над современной поверхностью. Сам цезиевый магнитометр не чувствителен к изменениям горизонта плоскости, т.е. качество сигнала и измерений не меняется с изменением поверхности от горизонтальной к наклонной и наоборот, чего не избежать при съемке пространства вокруг курганов, а затем как их пологих, так и крутых склонов. Применение на цезиевом магнитометре двойных сенсоров конфигурации вариометра позволяет охватывать и измерять большие площади на глубину до 2–3 м за относительно короткий срок с высокой точностью даже на пересеченной поверхности [Fassbinder, 2009, с. 13; Fassbinder et al., 2015, с. 82]. При составлении итоговой магнитограммы рассчитываются и вычитаются естественно-природные временные вариации актуального магнитного поля Земли и уровень сигнала коэффициента «шума» различных пород почвы. Графическая, визуализирующая обработка позволяет получить детальную информацию с относительно большой площади о структуре как около-курбанного пространства в частности, так и всего могильника в целом, в виде магнитограммы, которая является своего рода рентгеновым снимком измеряемой поверхности. Магнитограмма отображает все магнитные изменения почвы и охватывает все структуры размером более 25 см длиной сторон или диаметром. Железосодержащий мусор современного характера вызывает большие помехи качества сигнала магнитометра и на магнитограмме отражается большим пятном «пробела» белого цвета [Гасс и др., 2014, с. 139].

По итогам археолого-геофизических исследований хотелось бы наиболее подробно остановиться на результатах изучения двух памятников: могильника Виноградный-1 на Ставрополье и могильника Келермес на Кубани, как на наиболее характерных представителях разных регионов Северного Кавказа.

Курбанный могильник Виноградный-1, находящийся юго-западнее г. Буденновска, в степных районах восточной половины Северного Предкавказья, в 5–6 км западнее современного течения р. Кума на левом ее берегу, состоит из курбанных цепей, расположенных по оси СЗ–ЮВ. Самый большой курбан находился в юго-восточной части и достигал размеров 58 м в диаметре и 5,4 м в высоту. Вокруг этого курбана угадывались остатки рва, опоясывающего его. Курбаны могильника располагались в зоне активной современной распашки. Это привело к тому, что практически все курбаны малых размеров, общим количеством 14, были сильно распаханы и выглядели на поверхности как небольшие округлые возвышения. Часть курбанов малых размеров была полностью снесена плугом.

Магнитограмма могильника Виноградный-1 (рис. 1) показала, что вся территория некрополя интенсивно использовалась, о чем свидетельствовало довольно плотное расположение археологических объектов, как видимых на поверхности невооруженным глазом, так и выявленных магнитометром. Кроме четкой границы рва вокруг большого курбана также была установлена высокая концентрация малых курбанов, не видимых больше на современной поверхности (причем некоторые из этих курбанов также опоясывал ров), ям различного характера, пристроек к курбанам, округлых ровов и подковообразных конструкций, имеющих, скорее всего, ритуальный характер. Однако действительное значение объектов, предварительно интерпретируемых как ритуальные, основываясь лишь на данных магнитосъемки, определить невозможно, как нельзя было определить и их хронологическую взаимосвязь. Окончательное выявление характера конструкций и время их сооружения вероятно лишь после проведения раскопок и последующего анализа.

Подковообразная конструкция, расположенная практически в центре измеряемой площади, северо-северо-западнее от самого большого курбана, имела невероятно сильный магнитный сигнал. Данная конструкция была обозначена в рабочем порядке как объект 1. Подобная интенсивность сигнала может объясняться наличием материала в заполнении подковообразного рва, подверженного экстремальному термальному воздействию и, как следствие этого, усиленному намагничиванию. Возникновение подобного термального воздействия возможно лишь вследствие интенсивного горения. Таким образом, подковообразный ров, в котором, скорее всего, горел сильный огонь, можно интерпретировать как ритуальную конструкцию. Значительное количество встречаемых здесь фрагментов древесного угля лишь подтверждает выводы, сделанные на основе изучения магнитосъемки. Радиоуглеродный анализ этого угля из объекта 1 позволил датировать конструкцию VI–IV вв. до н.э. Таким образом, с большой долей вероятности можно хронологически сопоставить и обозначить как единовременные большой курбан и объект 1 (ритуальную конструкцию в виде подковообразного рва).

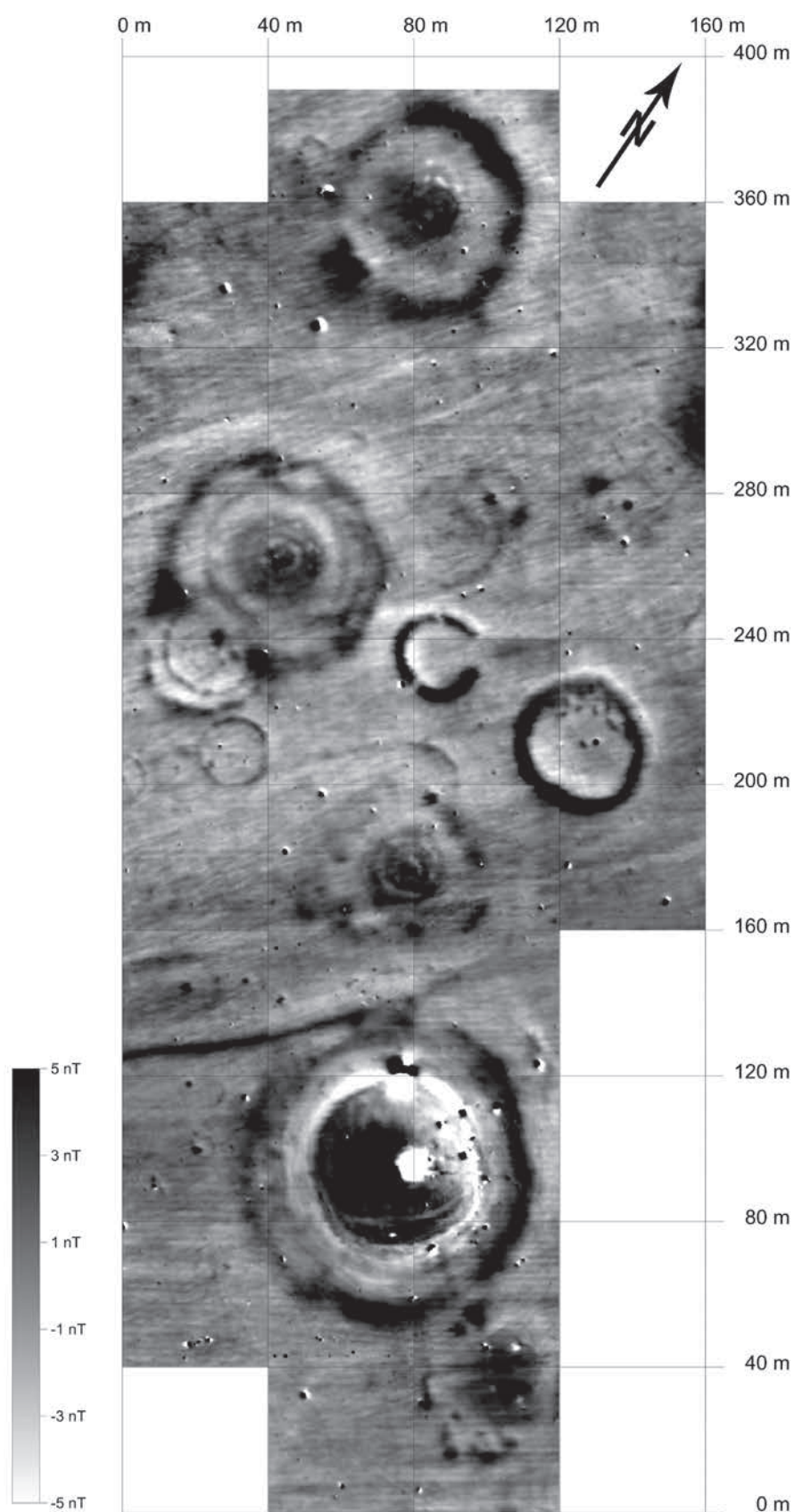

Рис. 1. Магнитограмма могильника Виноградный-1. Цезиевый магнитометр Scintrex Smartmag SM4G-Special чувствительность ± 10 пТл, конфигурация вариометра (двойной сенсор); размер сетки измерений 40×40 м с пространственным разрешением $50 \times 12,5$ см и интерполяцией до 25×25 см; уровень магнитного поля Земли на местности по данным на сентябрь 2012 г.: около 50.180 ± 40 нТл, динамика измерений ± 5 нТл, 256 оттенков серого от положительного (черный) до отрицательного (белый); обработанные восстановлением с квадратным средним значения (выполнено Й. Фассбиндер и И. Хофманн)

Необходимо упомянуть еще одну дату, полученную по кости человека из малого кургана с пристройкой, расположенного северо-западнее от большого кургана и западнее от подковообразной конструкции VI–IV вв. до н.э., в непосредственной близости от нее, – это конец IV тыс. до н.э. Столь значительный хронологический разрыв, подтверждаемый подъемным материалом майкопского времени, может свидетельствовать о длительной, скорее всего, прерывающейся традиции использования территории могильника носителями разных культур начиная с эпохи ранней бронзы, вплоть до раннего железного века, а возможно, и включая раннее средневековье. О последнем косвенно свидетельствовала аланская керамика, найденная на территории могильника, и часть структур, выявленных посредством геофизики в северо-восточном секторе Виноградного-1, напоминающих собой погребения аланского времени [Коробов и др., 2014, рис. 2–3].

Также длительное время использовалась и территория могильника Келермес на Кубани. Исследования Келермеса на протяжении XX в. показали, что курганы восточной половины были сооружены в эпоху бронзы, в то время как курганы западной половины соотносятся со скифским временем [Веселовский, 1907, с. 95–97; Галанина, 1997].

Некрополь Келермес располагается севернее Майкопа, в 7 км юго-восточнее станицы Келермесской и в 2,5 км восточнее с. Владимировское, на небольшой возвышенности (226,2 м над у.м.) вдоль правого, восточного берега речки Айрюм, впадающей в р. Улька.

Памятник представлял собой две курганные цепочки, вытянутые по оси СЗ–ЮВ, пролегающие почти параллельно, на расстоянии около 400 м друг от друга. При этом южная цепочка насчитывала до 31 кургана и была протянута в длину почти на 2 км. В это же время северная цепочка состояла лишь из двух курганов, стоящих друг от друга на расстоянии 150–200 м. Курганы Келермеса исследовались в 1903–1904 гг. Д.Г. Шульцем, в 1904 г. – Н.И. Веселовским. Исследователи курганы не рекультивировали, и по завершении работ на месте раскопов оставались ямы и воронки. В период 1981–1990 гг. изучением памятника занималась Келермесская археологическая экспедиция Эрмитажа под руководством Л.К. Галаниной [1997, с. 16–30], а позже А.Ю. Алексеева. Все повторно и вновь исследованные курганы передавались после завершения раскопок под пахотные земли и нивелировались. Таким образом, в наши дни на современной поверхности могильника Келермес фиксировалось лишь восемь курганов. За исключением одного, ранее не исследованного кургана, расположенного в юго-восточной части могильника, остальные семь, раскопанные в 1903–1904 гг., выглядели как ориентированные по линии СЗ–ЮВ низины, густо поросшие лесом и кустарником, расположенные посреди современной пашни и представляющие собой островки леса на поле.

По указанным выше причинам исследования проводились лишь в центральной части памятника между курганами №10 и 17 (рис. 2). Особый интерес вызывала территория, расположенная между двумя курганами эпохи бронзы (курганы №14 и 17), так как именно здесь в 1981 г. был выявлен грунтовый могильник, содержащий погребения раннего железного века [Галанина, 1997, с. 30]. Кроме этого, на площадь измерения попадали три кургана, раскопанные Д.Г. Шульцем или Н.И. Веселовским (курганы №10, 11 и 14), представлявшие собой густо поросшие лесом и кустарником низинки, из которых лишь курган №14 датировался эпохой бронзы.

Геофизическое изучение части могильника с применением цезиевого магнитометра позволило восстановить четкое месторасположение исследованных в 1981–1990 гг. Государственным Эрмитажем курганов №12, 13 и 17, которые после раскопок были полностью сnivelированы. Кроме этого, магнитограмма показала месторасположение уже раскопанного кургана №10, но изученного еще в 1903–1904 гг. Д.Г. Шульцем или Н.И. Веселовским. На современной поверхности курган №10 проявлялся как овальная возвышенность высотой около 0,3–0,4 м и, благодаря магнитному сигналу почвы, формирующей курган, фиксировался на магнитограмме как конструкция темно-серого цвета. Хорошо выделяется след исследовательского разреза правильной формы и более светлого серого оттенка, ведущий от южной полы кургана к центру. Вероятнее всего, данный разрез вел к погребению, которое полностью и перекрыл собою. Но на магнитограмме стало также видно, что к центральной части кургана прилегает с восточной стороны вторая конструкция. Возможно, весь курган №10 представлял собой спаренный курган или же насыпи двух расположенных близко друг к другу курганов со временем слились в одну. По периметру этого кургана были локализованы также четыре грунтовых могилы. В 1903–1904 гг. исследование кургана №10 завершилось, и конструкция считалась полностью изученной. Хотя на самом деле исследована была лишь его западная половина. Могильная яма или погребальная камера восточной части кургана достигала размера около 3×3 м и была ориентирована по сторонам света. На магнитограмме она четко проявляется как аномалия подквадратной формы темно-серого цвета. При этом

следы ограбления восточной камеры кургана №10 отсутствуют. Применение геофизической методики при исследовании курганов могильника Келермес позволило выявить ряд конструкций курганов, истинный характер которых определить можно лишь после проведения здесь раскопок.

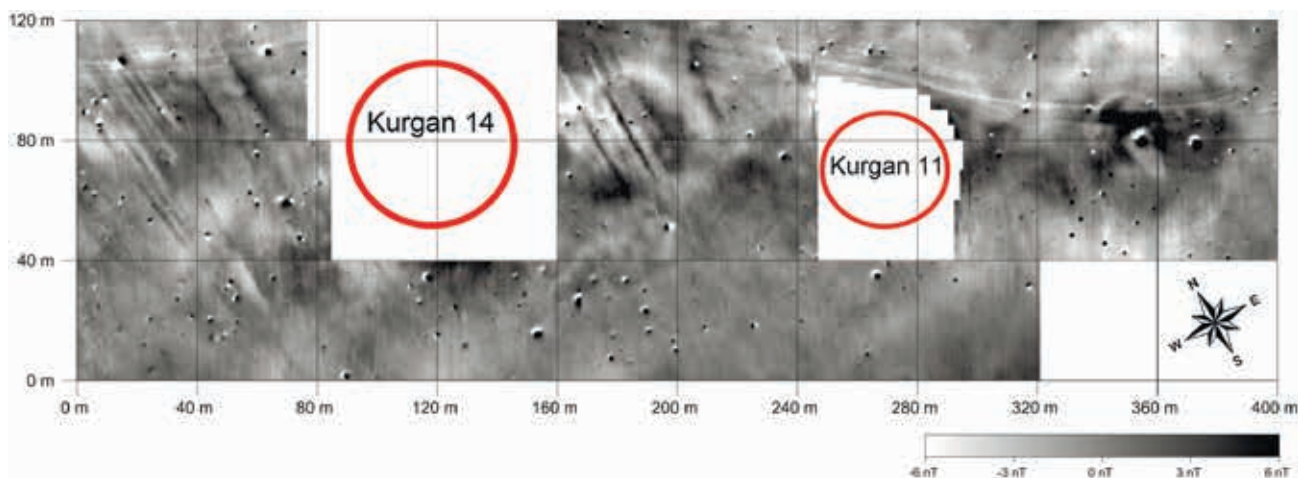

Рис. 2. Магнитограмма могильника Келермес. Слева направо располагаются курганы с №17 по 10, согласно нумерации Л.К. Галаниной [1997, рис. 2]; Цезиевый магнитометр Scintrex Smartmag SM4G-Special; чувствительность ± 10 пТл, конфигурация вариометра (двойной сенсор); размер сетки измерений 40×40 м с пространственным разрешением $50 \times 12,5$ см и интерполяцией до 25×25 см; уровень магнитного поля Земли на могильнике по данным на август 2016 г.: около 49.900 ± 30 нТл; динамика ± 6 нТл; 256 оттенков серого от положительного (черный) до отрицательного (белый); Обработанные восстановлением с квадратным средним значения (выполнено Й. Фассбиндером и К. Гайгером)

Кроме этого, между курганами №14 и 17, где располагался грунтовый могильник [Галанина, 1997, с. 14, 30, рис. 2, 5], удалось выявить еще около 13–14 грунтовых могил, расположенных на площади бессистемно. Общий ареал грунтового могильника выявить, к сожалению, не удалось. Три грунтовых погребения, располагающиеся юго-западнее кургана №14, были объединены ровиком или палисадом, значение которого однозначно определить, опираясь лишь на данные магнитограммы, невозможно.

Таким образом, в ходе доисследования могильника Келермес удалось четко выявить месторасположение ранее изученных и полностью раскопанных курганов, частично определить особенности внутренней конструкции некоторых из них и локализовать месторасположение грунтового могильника. Каких-либо дополнительных объектов периферии больших курганов, кроме грунтовых могил и соединяющего их ровика, обнаружить не удалось. Данный «отрицательный» результат исследований Келермеса повторял незастроенность и «пустоту» вокруг других курганов Кубани – например, такого могильника, как Костромские/Разменные курганы.

Подводя итог, можно сказать, что вновь полученные результаты исследования периферии больших курганов скифского времени Северного Кавказа внесли дополнительные черты в общую картину реконструкции скифской истории. Полученная информация способствовала расширению понимания и частичного дешифрирования сложного, многоступенчатого погребально-поминального ритуала и связанных с ним церемоний у древних кочевников.

По сравнению с периферией курганов центрального Северного Предкавказья (Ставропольский край), где встречались как разнообразные объекты периферии, так и различные принципы ее использования: от постоянного, практически непрерываемого до более редкого, точечного – периферия больших курганов Кубани раннего железного века для древних кочевников значительной роли не играла.

Различные принципы пространственного использования периферии курганов скифского времени – от «частой застройки» объектами периферии до практически полного ее игнорирования – можно гипотетически объяснить различным социальным статусом погребенных или же их половыми или возрастными различиями. Так как не все геофизически исследованные курганы археологически изучались, остаются открытыми вопросы их хронологических и даже культурных рамок.

Точечное, редкое культовое использование периферии некоторых курганов на территории Ставрополя или полнейшее ее игнорирование, за исключением нескольких грунтовых могил, при сооружении больших курганов Кубани не означает автоматически, что при погребальных церемониях пред-

ставителей правящей верхушки («царей/князей») и военной элиты древними кочевниками вообще не проводилось каких-либо культовых действий ритуального характера. Вероятно, подобные церемонии находили свое место не у подножия кургана, а где-то в другом месте. Таким образом, сам курган служил лишь последним пристанищем и выполнял функцию погребальной конструкции, практикующейся на всей территории распространения культур скифо-сакского исторического общества.

Яркое противопоставление использования периферии курганов: от активного и практически не прерываемого, как это было выявлено вокруг некоторых больших курганов Ставрополя, вплоть до ее полного игнорирования и не использования на Кубани – может свидетельствовать об определенных территориальных различиях погребальной практики у древних кочевников. В качестве основной линии разграничения нюансов церемоний погребально-поминального цикла, вероятно, выступала р. Кубань. Исследования некрополей западного, левого, побережья Кубани (Краснодарский край) не показали вообще каких-либо следов использования периферии курганов скифского времени, в то время как на правом, восточном, берегу (Ставропольский край) периферия курганов в той или иной степени интенсивности была застроена различными объектами: рвами, ритуальными площадками и остатками архитектурных конструкций периферии. Таким образом, р. Кубань представляла собой своеобразную границу использования различной практики погребально-поминальных церемоний и сопровождающих их культов. Факт выявления столь значительного различия в принципах использования периферии больших курганов древними кочевниками I тыс. до н.э. по разным берегам среднего течения Кубани может свидетельствовать как о разнице погребально-поминальной обрядности древних кочевников, так и о возможном различном этническом составе кочевого населения раннего железного века на современных территориях Краснодарского и Ставропольского краев.

Библиографический список

- Белинский А.Б., Парцингер Г., Гасс А., Фассбиндер Й. Исследования больших курганов эпохи раннего железного века Северного Кавказа и их периферии с применением магнитометрии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. 2. С. 83–87.
- Веселовский Н.И. Кубанская область // ОИАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 2–23.
- Веселовский Н.И. Кубанская область // ОИАК за 1904 г. СПб., 1907. С. 85–93.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии I. М., 1997. 317 с.
- Гасс А., Парцингер Г., Фассбиндер Й. Первые шаги исследований периферии больших курганов раннего железного века Северного Кавказа // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: мат. междунар. археол. конф. Краснодар, 2016. С. 38–48.
- Гасс А., Фассбиндер Й., Белинский А., Парцингер Г. Исследования периферии больших курганов раннего железного века Северного Кавказа с применением магнитометрии // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: мат. Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 139–142.
- Геродот. История / пер. Г.А. Стратановского. М., 2009. 672 с.
- Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский-1 близ Кисловодска // КСИА. 2014. №232. С. 120–135.
- Крупнов Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. №2. С. 154–173.
- Крупнов Е.И. За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности (по материалам Северо-Кавказской археологической экспедиции 1946–1955 гг.) // СА. 1961. №3. С. 3–13.
- Парцингер Г., Белинский А.Б., Фассбиндер Й.В.Е., Гасс А. Большие курганы раннего железного века и их периферия: результаты исследований северокавказских могильников с применением магнитометрии (на примере некрополя Зункарь-2) // Археология и геоинформатика. М., 2017. Вып. 8. (Издание на компакт-диске (DVD)).
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе // *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum I. Степные народы Евразии III*. М.; Берлин; Бордо, 2006. 305 с.
- Страбон. География: в 17 кн. / пер. Ф.Г. Мищенко. М., 1879. 856 с.
- Fassbinder J.W.E. Geophysikalische Prospektionsmethoden – Chancen für das archäologische Erbe // Toccare – Non Toccare. ICOMOS. Hefte des Deutschen Nationalkomitees. Vol. 47. München, 2009. S. 8–30.
- Fassbinder J.W.E., Gass A., Hofmann I., Belinskij A.B., Parzinger H. Early Iron Age Kurgans and Their Periphery: Latest Findings and Interpretations from the Northern Caucasus // Виртуальная археология (эффективность методов): мат. Второй Междунар. конф., состояв. в Государственном Эрмитаже 1–3 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 81–88.
- Galanina L.K. Die Fürstengräber von Kostromskaja und Kelermes // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 198–203.

Gass A. Das Land der sieben Flüsse im 2.-1. Jht. v. Chr. // eTOPOI. Journal for Ancient Studies. 2014. №3. S. 87–106.

Gass A. Die Skythen im Nordkaukasus: Die Forschungsergebnisse aus den Jahren 2012 bis 2016 // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 2017. №38. C. 73–101.

Helwing B. Der Fund von Ziwiye // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog. Berlin 6. Juli bis 1. Oktober 2007, München 26. Oktober 2007 bis 20. Januar 2008, Hamburg 15. Februar bis 25. Mai 2008. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 228–235.

Nagler A. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. II. Bochum, 2013. S. 609–620.

Parzinger H. Die Skythen. München, 2004. 128 S.

УДК 903.27«637»(571.151)

А.С. Пахунов¹, Е.Г. Дэвлет¹, М.Ю. Пресняков², Р.Д. Светогоров², Р.А. Сенин², Е.Б. Яцишина²

¹*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*

²*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия*

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИНХРОТРОННОГО ИЗЛУЧЕНИЯ И СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ПИГМЕНТОВ С КОСТЯКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КАРАКОЛА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04172

«Комплексное изучение древних пигментов и красок с привлечением рентгеновского излучения, электронной микроскопии и химико-аналитических методов»)

На Алтае, в каракольских захоронениях, помимо красочных росписей на стенках каменных ящиков, были обнаружены следы окраски на костяках, в том числе в погребениях без каменных конструкций. На черепках погребенных фиксировались краски двух цветов – черная серебристая, отличная от черного в росписях плит, и красная, тогда как остальные кости были окрашены только в красный цвет. С использованием сканирующей электронной микроскопии и порошковой рентгеновской дифракции на Курчатовском специализированном источнике синхротронного излучения (СИ) продемонстрировано, что серебристый пигмент в черной краске является крупнокристаллическим гематитом (спекулярит) с размером частиц до 60 мкм и более. Ввиду плоской формы и гладкой поверхности такие частицы хорошо отражают падающий свет, что придает краске характерный блеск. В образцах красных красок обнаружены субмикронные кристаллы гематита двух типов – в одних они имеют уплощенную форму, в других – округлую, что связано с разными условиями их формирования и, возможно, разными источниками сырья.

Ключевые слова: Алтай, эпоха бронзы, первобытное искусство, Каракол, пигменты, наскальные изображения.

A.S. Pakhunov¹, E.G. Devlet¹, M.Yu. Presniakov², R.D. Svetogorov², R.A. Senin², E.B. Yatsishina²

¹*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow;*

²*National Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow*

THE APPLICATION OF THE SYNCHROTRON RADIATION AND SCANNING ELECTRON MICROSCOPY FOR STUDYING PIGMENTS ON THE BONES FROM THE KARAKOL BURIALS: PRELIMINARY RESULTS

The reported study was funded by the Russian Foundation for basic research (the project №17-29-04172, “Versatile Study of Ancient Paintings Using X-Ray, Electron Microscopy and Methods of Analytical Chemistry”)

In the Karakol burials on the Altai, in addition to paintings on the walls of stone cists, traces of pigments were found on skeletons, including those buried without stone cists. On the skulls of the buried, paints of two colours were detected: specular black paint, different from the black in the paintings on stone slabs, and red paint. The rest of the bones were painted only in red. Scanning electron microscopy and powder X-ray diffraction on the dedicated Kurchatov synchrotron radiation source showed that the specular pigment is coarse-grained hematite (specularite) with a particle size of up to 60 µm and bigger. Owing to their flat shape and smooth surface, such particles reflect the incident light very well, thus giving a characteristic luster to the paint. In the samples of red paints, submicron hematite crystals of two types were found: in some they have a flattened shape, in others they are spherical. This is due to different conditions of their formation and, possibly, to different sources of raw materials.

Key words: Altai, prehistoric art, Bronze Age, Karakol, pigments, rock art.

В начале 1980-х гг. в с. Каракол в Алтайском крае при строительстве школы были выявлены подкурганные погребения, датирующиеся эпохой ранней бронзы (2-я половина III – начало II тыс. до н.э.). В 1985–1986 гг. В.Д. Кубарев [1988] осуществил раскопки захоронений и обнаружил, что многие из составлявших каменные ящики плит были декорированы. Некоторые человекоподобные существа изо-

бражены в странных головных уборах: в высоких петлеобразных или поднимающихся вверх парой длинных отростков с расходящимися концами. Головы других окружены веером лучей-перьев, иные завершаются длинными торчащими ушами. Одеты персонажи в различные затейливые костюмы, напоминающие или двуцветные облегающие комбинезоны, или широкоплечие халаты со спущенными удлиненными рукавами, часто снабженными V-образными низкими вырезами или нагрудниками. Весьма вероятно, что эти фигуры изображали костюмированных участников погребальных процессов.

Для декорирования погребальных сооружений в каракольской культуре применялись краски красного и черного цвета. В качестве красного пигмента использовались различные охры, черная краска была приготовлена из сажи, а белую заменяло выскабливание и процарапывание поверхности, в результате чего с поверхности удалялся слой выветривания [Пахунов и др., 2017]. На костях также обнаружено окрашивание в красный и черный цвета. «Черная серебристая краска» фиксировалась в области глазниц в погребениях 2 и 5, а также в погребениях 2 и 3 кургана №2 [Кубарев, 2009].

Материалы и методы. Для анализа были отобраны семь образцов пигментов, преимущественно с черепов. Для проведения аналитических исследований от каждого образца отделялся небольшой фрагмент, который в дальнейшем не использовался ввиду его загрязнения во время проведения работ.

Порошковая рентгеновская дифракция на источнике синхротронного излучения. Исследование фазового состава образцов проводилось с помощью метода порошковой рентгеновской дифракции (XRPD) на станциях «Белок» и «РСА» Курчатовского специализированного источника синхротронного излучения [Kheiker et al., 2007]. Использовалось монохроматическое синхротронное излучение с длиной волны $\lambda = 0.9752 \text{ \AA}$ (что соответствует энергии фотонного пучка 12714 эВ) с поперечным размером пучка $400 \times 400 \text{ мкм}^2$. Съемка дифракционных картин проводилась в геометрии Дебая–Шеррера (на пропускание) с помощью двумерного детектора MarCCD 165, располагавшегося перпендикулярно пучку СИ на расстоянии 100 мм. Образец помещался в криопетлю размером 300 мкм и в процессе измерения вращался вокруг горизонтальной оси, что позволило провести усреднение дифрактограмм по ориентациям образца. Время экспозиции составляло 3–5 мин. Для калибровки расстояния образец-детектор необходим поликристаллический стандарт с известным положением дифракционных пиков, в данной серии измерений использовался порошок $\text{Na}_2\text{Ca}_3\text{Al}_2\text{F}_{14}$ (NAC NIST SRM).

Получаемые на детекторе двумерные дифрактограммы в дальнейшем интегрировались, т.е. приводились к стандартному виду зависимости интенсивности от угла рассеяния $I(2\theta)$ в программе Fit2D и с использованием собственного программного обеспечения станции. Определение качественного и количественного фазового состава проводилось с помощью программы «Match!» с использованием порошковой базы данных PDF-4+ на основе метода корундовых чисел [Hubbard et al., 1976].

Использование большого двумерного детектора делает возможным исследование малых образцов (размером до $\sim 10\text{--}100 \text{ мкм}$), методически устранить как асимметрию линий, так и искажения их интенсивностей при малых и очень больших углах дифракции. При регистрации полных дифракционных колец снижается влияние крупнозернистости и текстурирования на качество рентгенограмм.

Еще одним преимуществом схемы измерения является конструкция оптической схемы станции, которая дополнительно фокусирует пучок синхротронного излучения и сильно увеличивает поток фотонов на образце. Это дает возможность сократить время эксперимента на несколько порядков – до единиц минут, и существенно улучшить статистику дифракционной картины, а также позволяет с высокой точностью оценивать малые концентрации примесных фаз, которые не фиксируются на лабораторном приборе.

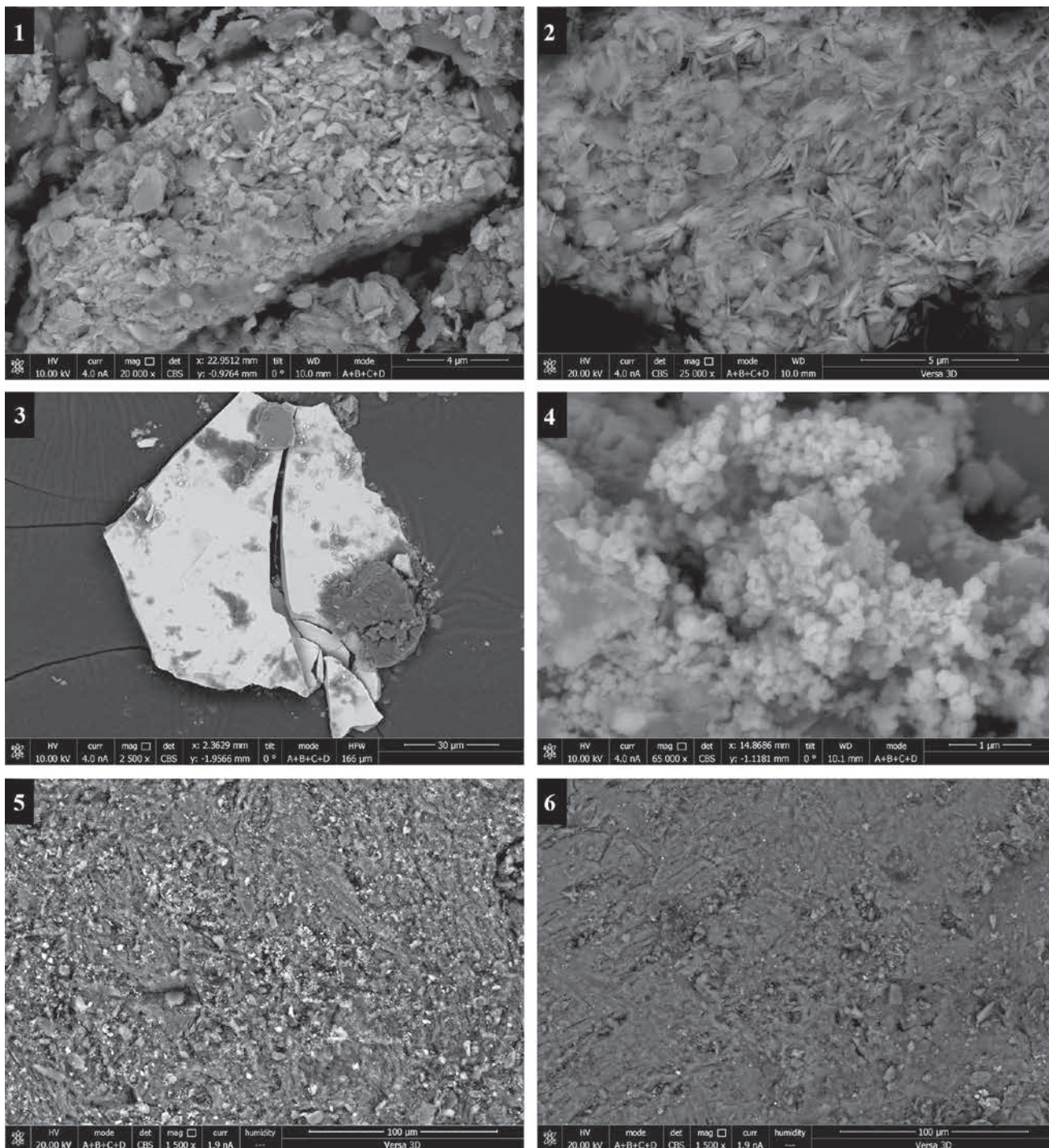
Сканирующая электронная микроскопия с рентгеновским микроанализом. В работе использовался электронный микроскоп Versa 3D с термополевой эмиссией и пространственным разрешением порядка 1 нм в режиме детектирования вторичных (SE) и обратноотраженных электронов (BSE).

Образцы для проведения исследований фиксировались на алюминиевом предметном столике посредством двустороннего электропроводящего углеродного скотча с последующим магнетронным запылением их наноразмерной островковой пленкой золота для обеспечения стока первичного заряда с диэлектрических участков объектов скальной породы и, соответственно, повышения пространственного разрешения конечных микрофотографий и карт микроанализа, снимаемых в условиях высокого ($2 \times 10^{-5} \text{ Па}$) вакуума.

Результаты и обсуждение. Не во всех каракольских погребениях красная краска использована лишь для изображений на стенках каменных ящиков. Так, в погребении 1 кургана №2 плиты с декором отсутствуют, но красная краска обнаружена на костяке. Следы краски только на костяке присутствуют также в погребении 4 кургана №2, тогда как плиты в данном захоронении красочных изображений не

содержат. Анализ образцов красок с костяков позволил дополнить базу данных по составам красок. Отметим, что краска на костяках слабо связана с поверхностью костей, что во многих случаях позволило отобрать чистые образцы пигмента без кости, состоящей в основном из гидроксиапатита, также этому способствовал малый размер пробы, необходимый для порошковой рентгеновской дифракции на СИ. Результаты фазового анализа представлены в таблице.

Для погребений с росписями было возможно провести сравнение состава красок с плит и костяков. Так, в погребении 5 и для декорирования плит, и для окрашивания черепа использовался одинако-

Изображения в обратнорассеянных электронах образцов пигментов с костяков и плит:
 1 – образец краски с плиты 1 из погребения 5; 2 – образец пигмента с черепа из погребения 5, идентичный образцу с плиты; 3 – частица гематита из «черной серебристой краски» с черепа из погребения 2 курган №2; 4 – гематит с черепа из погребения 1 курган №2; 5 и 6 – фрагмент окрашенной и неокрашенной кости из погребения 2 курган №2

вый пигмент (рис.-1 и -2). Однако если для получения детального изображения частиц пигмента с плиты потребовалось изготовление поперечного сечения образца, то пигменты с костей фиксируются без специальной подготовки, что характерно для всех образцов. Это может быть связано с применением замешанного на воде пигмента – сухой гематит или охра (гематит-содержащий пигмент, включающий в состав глинистые минералы), разведенные водой до густого состояния, он позволяет рисовать линии и остается на коже после высыхания.

Черной краской на черепах является крупнокристаллический гематит, частицы которого не содержат примесей более десятых процента и имеют размеры до 60 мкм (рис.-3). В зависимости от направления освещения пигмент выглядит черным или серебристым, при отражении падающего света в направлении наблюдателя. Гематит широко распространен на Алтае, а одним из наиболее крупных месторождений является Рудный Лог и Уландрык, расположенные в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 320 км по Чуйскому тракту от с. Каракол [Гусев, 2007а–б]. Однако минерал в виде отдельных выходов распространен на Алтае более широко, а различия в характере распределения в них редкоземельных элементов имеют потенциал для более точного определения источника сырья и условий формирования в них гематита [Кременецкий, Гусев, Говердовский, 2005].

Анализ красных красок позволил зафиксировать использование двух типов пигментов – в одних частицы гематита имеют уплощенную форму с характерным размером кристаллов 180–650 нм (рис.-2), в других – округлую с типичным диаметром частиц 70–230 нм (рис.-4). Спекулярит и гематит красного цвета (кравик) могли быть собраны в одних и тех же месторождениях, причем мелкокристаллический гематит распространен более широко, чем спекулярит. Присутствие на черепах красок двух цветов, а также то, что черная распределена специфическим образом, позволяет предположить окрашивание непосредственно лица умершего или использование погребальной маски.

Использование разных типов гематита было зафиксировано в красках на плитах каменных ящиков. В настоящей работе показано соответствие пигментов раскраски стенок и черепа в погребении 5. Сравнительный анализ красок для остальных погребений является перспективной задачей, решение которой требует разработки специальной методики пробоподготовки образцов с росписей.

Фазовый состав образцов

		Кальцит	Кварц	Гематит	Каолинит	Мусковит	Эринит/ коррентит	Апатит	AlPO ₄	Фенгит	Берлинит/ кварц
Погребение 5	K002	7,8	51,2	10,7	2,6	26	1,8				
Погребение 1 курган №2	K007		42,9	35,9						21,1	
Погребение 1 курган №2	K009		34,4	4,6	17,9		3,2			26,1	13,9
Погребение 2 курган №2	K004	0,5		86,3				6,4	7,3		
Погребение 2 курган №2	K005			24,3	35,2			24,1	16,4		
Погребение 2 курган №2	K022		44,7	27,9	9,2		0,6			14	3,5

Библиографический список

- Гусев А.И. Месторождения спекулярита Горного Алтая // Руды и металлы. 2007а. №2. С. 33–42.
 Гусев А.И. Геммология Алтая с основами геммотуризма. Бийск, 2007б. 188 с.
 Кременецкий А.А., Гусев А.И., Говердовский В.А. Геохимия спекулярита Горного Алтая // Природные ресурсы Горного Алтая: геология, геофизика, экология, минеральные, водные и лесные ресурсы Алтая. Горно-Алтайск, 2005. №2. С. 79–84.
 Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.
 Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.
 Пахунов А.С., Дэвлет Е.Г., Молодин В.И., Лазин Б.В., Каратеев И.А., Дороватовский П.В., Калоян А.А., Подурец К.М., Сенин Р.А., Благов А.Е., Яцишина Е.Б. Сравнительный анализ красок на плитах погребений каракольской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №3. С. 56–68.
 Hubbard C.R., Evans E.H., Smith D.K. The Reference Intensity Ratio, I/I_c, for Computer Simulated Powder Patterns // J. Appl. Crystallogr. 1976. Vol. 9, №2. Pp. 169–174.
 Kheiker D.M., Kovalchuk M.V., Korchuganov V.N., Shilin Y.N., Shishkov V.A., Sulyanov S.N., Dorovatovskii P.V., Rubinsky S.V., Rusakov A.A. “Station for X-ray Structural Analysis of Materials and Single Crystals (Including nanocrystals) on a Synchrotron Radiation Beam from the Wiggler at the Siberia-2 Storage Ring” // Crystallography Reports. 2007. Vol. 52, №6. Pp. 1108–1115.

УДК 903.5(470.311)+56:631.4(470.311)

А.А. Петросян¹, А.С. Сыроватко², Л.Н. Плеханова³,
Т.Н. Мякшина³, А.В. Потапова³, Н.Н. Каширская³

¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия;

²Коломенский археологический центр; Коломна, Россия;

³Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино, Россия

ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ НАЛИЧИЯ ШЕРСТЯНЫХ СУБСТРАТОВ В ПОГРЕБЕНИИ ПО ЧИСЛЕННОСТИ КЕРАТИНОЛИТИЧЕСКИХ МИКРООРГАНИЗМОВ

Раскопки проведены при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-06-00326 «Заселение левобережья Оки в “Темные века” (VIII–X вв.) в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене»).

Наличие шерстяных субстратов определено при поддержке РФФИ (проект №17-29-04257 офи_м «Археологическая микробиология: теория и практика выявления исходного присутствия органических материалов в археологических исследованиях»)

При проведении раскопок могильника у с. Кремень Московской области были обнаружены кремированные погребения, одновозрастные с курганом XII в. Была поставлена задача применить палеопочвенные подходы как к изучению палеопочвы кургана, так и адаптировать метод посева на чашечные среды и подсчета кератинолитических микроорганизмов к изучению кремированных захоронений, в частности, сделать попытку определения наличия шерстяных субстратов. Изучены почвогрунты канавки кремации. В канавке выявлено превышение численности кератинолитических микроорганизмов в двух секторах.

Ключевые слова: палеопочвы, кератинолитики, микробная биомасса, микроорганизмы.

A.A. Petrosyan¹, A.S. Syrovatko², L.N. Plekhanova³, T.N. Myakshina³, A.V. Potapova³, N.N. Kashirskaya³

¹Voronezh State University, Voronezh, Russia;

²Colomensky Archaeological Center; Kolomna, Russia;

³Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science,
Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia

APPROACHES TO ESTABLISHING WOOLEN SUBSTRATE IN THE BURIAL ON THE NUMBER OF KERATIN DECOMPOSITION MICROORGANISMS

The excavations were carried out with the financial support of the RFBR project №17-06-00326 "The Population of the Left Bank of the Oka in the "Dark Ages" (the 8th –10th centuries) in the Context of the Dynamics of the Landscape of the River Valley in the Late Holocene». The presence of wool substrates defined by RFBR project №17-29-04257 ofi_m "Archaeological Microbiology: Theory and Practice Identifying Initial Presence of Organic Materials in Archaeological Research»

During the excavation of the cemetery near the Kremen'e village of the Moscow region cremated burials the age of the mound of the 12th century were found. The task was set to apply paleo-soil approaches to the study of the paleo-soils of the barrow and to adapt the seeding on the calcine environments method and counting of keratinolytic microorganisms to study cremated burials. In particular, an attempt should be made to determine the presence of woollen substrates. The soils of the cremation groove were studied. In the ditch, the abundance of keratinolytic microorganisms in two sectors has been revealed.

Key words: paleosols, keratinolitics, microbial biomass, microorganisms.

Археологические объекты разных типов в последние десятилетия исследуются комплексом палеопочвенных методов, позволяющих решать задачи восстановления вековой динамики климатических колебаний [Демкин и др., 2012; Плеханова, 2017а; 2004; и др.]. Кроме палеопочвенных задач, уровень работ позволяет решать и вопросы археологии, в частности, выявлены превышения содержания фосфатов в культурных слоях, а по ним определяются границы древних поселений [Каширская и др., 2017; Плеханова, 2016; 2010]. Нарбатывается материал по характеристикам различных культурных слоев по времени бытования и регионам [Зданович и др., 2001; Плеханова, 2003; Плеханова, Журавлева, Ткачев, 2015; и др.]. Именно на культурных слоях разрабатываются фундаментальные проблемы почвоведения, такие как вопросы приуроченности ферментов к почвенным частицам или их связи и длительное слипание с клеточными стенками бактерий [Каширская и др., 2017]. Состав и динамика микробных сообществ изучаются как на подкурганных древних почвах, так и на культурных слоях. Показатели весьма разнятся, но в некоторых регионах сравнения с древними почвами используются даже при постановке задач комплексного мониторинга [Каширская, Плеханова, 2017; Плеханова, 2007; 2017б; Прохорова, Плеханова, 2016; Плеханова, Потапова, 2014] современных эталонных почв.

Курганный могильник Кременье в археологической литературе известен давно, после раскопок из группы шести курганов В.А. Городцовым [1928, с. 20–22] летом 1927 г. Материалы раскопок, помимо публикации В.А. Городцова, приведены также в первой, еще студенческой, публикации академика Б.А. Рыбакова [1928]. В 2013 г. в противопожарной распашке в межкурганном пространстве были обнаружены первые кремации, и с 2015 г. на памятнике проводятся стационарные раскопки (историю изучения памятника см. подробнее: [Сыроватко, Клещенко, 2017]). Главным их результатом следует считать сам факт столь удивительного сочетания архаичного погребального обряда (грунтовые кремации, помещенные в небольшие ямки или рассыпанные по древней поверхности) с поздней датой – не ранее середины XII в., т.е. «вятичского» времени. Особенно удивительна явная синхронность грунтовых кремаций курганной части могильника, это параллельно существовавшие кладбища, составлявшие единый комплекс, в глубине «вятичской» территории и с «вятичскими» вещами [Сыроватко, Фомченко, 2015; Сыроватко, Клещенко, 2017; Сыроватко, 2014]. К настоящему времени в грунтовой части могильника исследовано 10 погребений-кремаций на площади 210 кв. м. Очевидно, что это не рядовой археологический объект, требующий особенно тщательного изучения. Образцы для анализа были взяты из погребений-кремаций №5, 8–10. При этом из погребения №5 они отбирались из уникального объекта, вероятно, остатков кольцевой конструкции; в погребениях №8–10 образцы были взяты из участков контакта слоя кремации (темно-серого песка с углем и кальцинированными костями) с материковым светло-серым или светло-желтым песком. Коротко охарактеризуем погребение 5. Ярким отличием этого погребения стала кольцевая конструкция, открытая под скоплением костей. Сами кости при этом не были заглублены в материк, перекрывали следы конструкции, часть их обнаружена в ее заполнении. Максимальный размер пятна костей составлял примерно 1,9×1,7 м, но ядро скопления было около 1 м в диаметре. Скопление имело вид плоской линзы, не заглубленной в материк. Под скоплением костей на материковом песке открыта кольцевая канавка, овальной формы в плане, размерами по внешнему краю около 0,9×1,0 м. Ширина самой канавки колебалась в пределах 15–25 см, глубина от верха материка – 22–25 см. Верх ее заполнения – такой же черный углистый песок с кальцинированными костями, вероятно, просевший в заполнение после истлевания конструкции из органического материала (?). Часть заполнения – низ и вдоль внешнего края с восточной стороны – представляла собой желто-коричневый песок, почти не отличимый от материка, эта часть конструкции фиксировалась менее надежно. Как у большинства погребений этого могильника, в непосредственной близости от «основного» скопления была прослежена небольшая «дополнительная» ямка с темным углистым заполнением, размерами 33×38 см и глубиной 11–12 см.

Находок в этом погребении, по сравнению с остальными, довольно много, но выразительных всего две – литой однопрорезной бубенчик и биметаллическая пряжка. Большинство же составили неопознаваемые фрагменты изделий из медного сплава (15 шт., и только в одном угадывается сильно поврежденный огнем фрагмент бубенчика). Еще четыре предмета найдены вблизи скопления костей и могут быть с ним связаны и в любом случае имеют отношение к могильнику: фрагмент витого браслета или гривны, фрагмент литого бубенчика и неопределимые предметы, железный и из медного сплава.

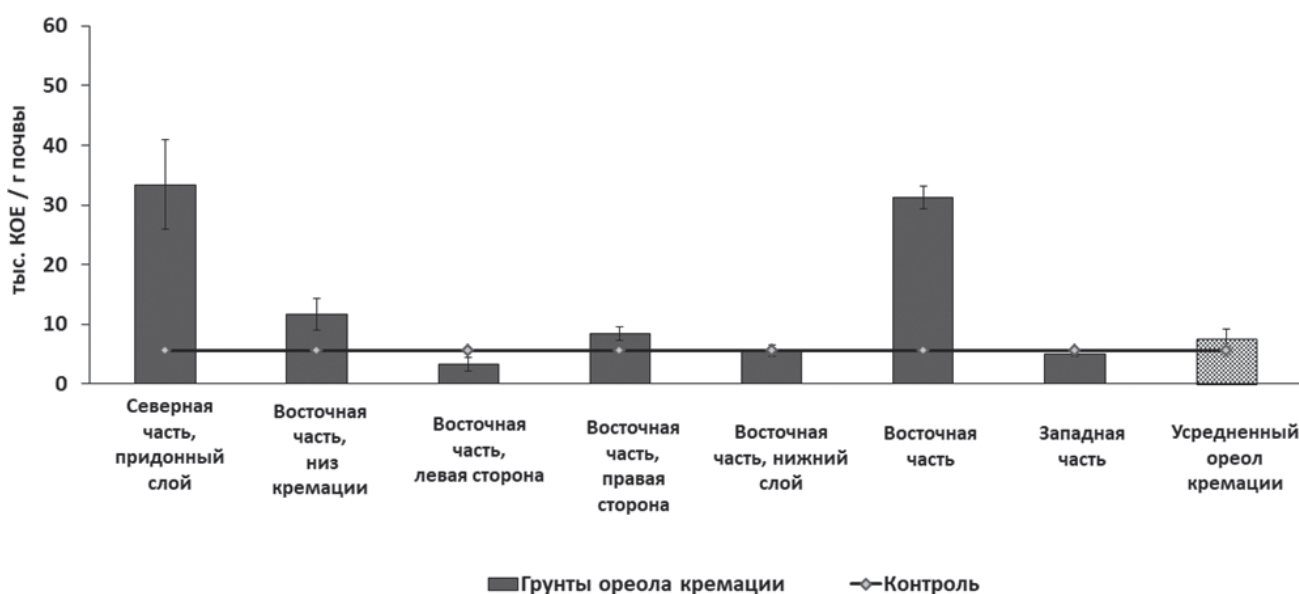
Для получения физико-химических характеристик почв и грунтов могильника были проведены анализы гранулометрического состава почв курганной насыпи и единовременных с ней кремированных погребений, определены pH, влажность, полная полевая влагемкость, общий углерод, гумус (по общепринятым методикам: [Аринушкина, 1970]), органические и минеральные фосфаты [Saunders and Williams, 1955], активность микробной биомассы, а также интенсивность базального и субстрат-индуцированного дыхания [Anderson and Domsh, 1980] для массива из 40 образцов. Результаты химических анализов позволяют сопоставлять свойства почво-грунтов кремаций, для которых фоновой почвой является насыпь кургана.

Были проведены эксперименты для адаптации методики и отработки ее на почво-грунтах исследуемого могильника. В первом эксперименте по проращиванию кератинолитических микроорганизмов сквозь шерстяные диски на среде Виноградского мы обрабатывали почвенную суспензию ультразвуком, как это принято в почвенной микробиологии при использовании методов учета численности КОЕ бактерий и актиномицетов на твердых питательных средах. Однако микробные колонии, прорастающие сквозь шерстяные диски, все без исключения оказались колониями кератинолитических грибов, тогда как колонии прокариот – бактерий и актиномицетов – на поверхности шерсти не были обнаружены ни в одном из случаев. В связи с этим был произведен повторный эксперимент, учитывающий особенности выращивания грибных колоний на твердых питательных средах. Известно, что после ультразвуковой обработки грибной мицелий разрушается и численность грибных КОЕ может быть

завышена в результате прорастания отдельных его фрагментов. В повторном эксперименте образцы погребального грунта доводили до пастообразного состояния и растирали в фарфоровой ступке с соблюдением условий стерильности. Для нанесения почвенной суспензии на среду Виноградского в повторном эксперименте использовали второе разведение суспензии, так же как и в первом эксперименте с ультразвуковой обработкой. В первом эксперименте подсчет колоний кератинолитических грибов последовательно проводился на 4, 7 и 14-е сутки после посева. В большей части случаев на 7-е сутки было отмечено увеличение данного показателя по сравнению с 4-ми сутками. Дальнейшее увеличение численности КОЕ кератинолитических грибов наблюдалось не всегда, более того, в некоторых образцах на 14-е сутки отдельные грибные колонии сливались, поэтому визуальное определение их численности было затруднено. В таких случаях создавалось впечатление, будто число колоний, подсчитываемых на 14-е сутки, становится несколько меньше.

По результатам посева кератинолитических грибов на шерстяные диски для двух экспериментов были рассчитаны средние величины данного показателя. При этом из отдельных повторностей первого эксперимента, где была использована ультразвуковая обработка, были взяты отдельные значения, сопоставимые с результатами второго эксперимента. По итоговым величинам численности кератинолитических грибов рассматривалась динамика данного показателя в грунтах, вмещающих кремнированные кости, или в образцах, взятых на контакте погребения и материка. В верхних слоях фоновой почвы величины численности кератинолитических грибов, полученные по итогам двух экспериментов, достоверно не различались. В горизонте А1 численность кератинолитических грибов варьировала в пределах 40–50 тыс. КОЕ/г почвы, а в поверхностном слое горизонта АВ она была в 2,5–4 раза меньше. В образцах фоновой почвы, отобранных из массива насыпи кургана, значения численности кератинолитических грибов после обработки ультразвуком, очевидно, были завышены вследствие дробления грибного мицелия, на что указывает достоверное уменьшение данного показателя в эксперименте без обработки ультразвуком. В нижней части горизонта АВ (38 см) численность кератинолитических грибов во втором эксперименте составляла около 3 тыс. КОЕ/г почвы, а в культурном слое с пещиной и горизонте В достигала 6–6,4 тыс. КОЕ/г почвы. Для образцов горизонта В на 75 см фоновой почвы результаты экспериментов с ультразвуковой обработкой и без ультразвуковой обработки достоверно не различались, оставаясь на низком уровне.

Максимальной численностью кератинолитических грибов характеризовался верхний горизонт фоновой почвы (10 см). В поверхностном слое горизонта АВ со средней глубиной 20 см величина данного показателя достоверно снижалась в 3,7 раза относительно верхнего горизонта А1. В более глубоком слое горизонта АВ (средняя глубина 38 см), а также в культурном слое с пещиной (60 см) и в горизонте В (75 см) значения численности кератинолитических грибов достоверно не различались и составляли в среднем около 5,7 тыс. КОЕ/г почвы. Средняя величина численности кератинолитических грибов в нижних слоях фоновой почвы (38–75 см) была принята в качестве контрольного уровня.

Численность кератинолитических грибов
в погребальной конструкции погребения 5 (раскоп 1, участок 8, погребение 5)

Грунты погребения 5 из кольцевой конструкции кремации характеризовались значительной изменчивостью численности кератинолитических грибов (рис.). Значения варьировали в пределах одного порядка: минимальная численность кератинолитических грибов была зафиксирована в восточной части канавки (в точке №2393)*, а максимальная – в придонном слое северной части канавки и в ее восточной части, в точке 2396 по тахеометру. Здесь численность кератинолитических грибов достоверно не различалась, составляла 31,21–33,42 тыс. КОЕ/г почвы и превышала контрольный уровень в 5,5–6 раз. Низ канавки в ее восточной части характеризовался двукратным превышением численности кератинолитических грибов относительно контрольного уровня. Кроме того, в восточной части кремации в точке 2394 по тахеометру было зафиксировано увеличение численности кератинолитических грибов в 1,5 раза по сравнению с контролем. В остальных образцах погребального грунта на границе с кремацией значения данного показателя не превышали контрольного уровня, варьировали от 3,35 до 5,53 тыс. КОЕ/г почвы и достоверно не различались. В усредненном образце погребального грунта на границе с кремацией численность кератинолитических грибов достоверно не превышала контрольный уровень, однако была отмечена тенденция к ее увеличению (на 36% относительно контроля).

В грунтах из погребения 5, отобранных на границе с кремацией в кольцевой конструкции, величины численности кератинолитических грибов по итогам первого и второго экспериментов достоверно не различались в большей части случаев. Исключение составляли грунт из придонного слоя, взятого в северной части, а также грунт из нижнего слоя в восточной части ореола кремации. Здесь было зафиксировано достоверное увеличение численности кератинолитических грибов по результатам эксперимента без ультразвуковой обработки – в 2–3 раза по сравнению с результатами эксперимента, где был использован ультразвук. По-видимому, в данном случае могла иметь место частичная гибель КОЕ кератинолитических грибов после ультразвуковой обработки почвенной суспензии.

В нижнем слое восточной части ореола кремации, в точке 2395 по тахеометру, где численность кератинолитических грибов была на порядок меньше по сравнению с вышеупомянутыми образцами, было отмечено достоверное снижение данного показателя в эксперименте без ультразвуковой обработки по сравнению с результатами предыдущего эксперимента, где был использован ультразвук. Подобная закономерность, связанная с дроблением грибного мицелия, уже была отмечена в горизонтах АВ фоновой почвы.

В погребальных грунтах, содержащих остатки кремаций, при высоких значениях численности кератинолитических грибов влияние ультразвука приводило к ее уменьшению вследствие частичной гибели грибных КОЕ, а при низких – увеличивало показатели вследствие дробления грибного мицелия. Высокая численность кератинолитических грибов в образцах грунта, взятого с определенных участков кольцевой канавки кремации, может свидетельствовать о наличии материалов животного происхождения (кожа, шерсть), по-видимому, применявшихся для транспортировки и захоронения кремированных останков человека и животных. Остается неясным, что представляет собой сама кольцевая канавка кремации, но поскольку в двух секторах имеются серьезные подозрения на наличие материалов животного происхождения, вероятно, возможно предполагать некий ритуал, при котором эти материалы сюда попали, либо строительный материал, из которого эта конструкция была сооружена.

Следовательно, установлено, что численность кератинолитических микроорганизмов в эксперименте с обработкой ультразвуком отражает дробление грибного мицелия и увеличение КОЕ, что зафиксировано в фоновой почве (горизонты В 38 см и КС 60 см), а также в нижнем слое восточной части кольцевой канавки под погребением. Без обработки ультразвуком в двух секторах ореола кремации погребения 5 было достоверно зафиксировано увеличение численности (в 2–3 раза), что отражает частичную гибель кератинолитических грибов после ультразвуковой обработки почвенной суспензии. При низких численностях кератинолитических грибов различий между типами обработки (с УЗ или без) не выявлено. По итоговым средним величинам численности кератинолитических грибов проведено сравнение в погребальных грунтах, содержащих кремированные остатки, или в грунтах на границе с кремациями.

1. Таким образом, впервые палеопочвенные подходы применены к грунтам кремированных захоронений, проведены адаптация к подобным объектам и разработка методов изучения ми-

* Фиксация всех объектов и костей в раскопе осуществлялась лазерным тахеометром. Приводимые в тексте полевые номера образцов соответствуют номерам, автоматически присвоенным тахеометром снятым точкам.

кробных сообществ, достоверно выявлено наличие органических материалов животного происхождения в ряде образцов.

2. Результаты исследований позволяют предположить наличие в кольцевой канавке под погребением материалов животного происхождения (кожи, шерсти), которые могли быть либо частью самой кольцевой конструкции, либо использовались в ходе совершения погребального ритуала.

Библиографический список

- Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М., 1970. 488 с.
- Городцов В.А. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах. М., 1928. 22 с.
- Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда Волго-Уральских степей в савроматско-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / Ин-т физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. Пушкино, 2012. 216 с.
- Зданович Г.Б., Иванов И.В., Плеханова Л.Н. Музей-заповедник «Аркаим» в Стране городов // Природа. 2001. №9. С. 50–58.
- Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Оценка почвенного загрязнения по микробиологическим показателям в культурных слоях археологических памятников Южного Урала // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика / под ред. А.В. Борисова, Л.Н. Плехановой, С.Н. Удальцова. Пушкино, 2017. С. 91–93.
- Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н., Удальцов С.Н., Чернышева Е.В., Борисов А.В. Механизмы и временной фактор функционирования ферментативной организации палеопочв // Биофизика. 2017. Т. 62, вып. 6. С. 1235–1244.
- Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Плеханова Л.Н., Борисов А.В. «Биологический» и минеральный фосфор в культурном слое // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика / под ред. А.В. Борисова, Л.Н. Плехановой, С.Н. Удальцова. Пушкино, 2017. С. 94–98.
- Плеханова Л.Н. Почвы Зауралья в древности и теперь // Природа. 2003. №12. С. 48–52.
- Плеханова Л.Н. Природно-антропогенная эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2004. 24 с.
- Плеханова Л.Н. Заповедные эталоны экосистем: охранять или использовать? Использование и охрана природных ресурсов в России. 2007. №4. С. 56–60.
- Плеханова Л.Н. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Природа. 2010. №3. С. 37–43.
- Плеханова Л.Н. Площадное распределение подвижных форм фосфора в культурных слоях некоторых поселений Зауралья // Динамика современных экосистем в голоцене: мат. IV Всерос. науч. конф. (с междунар. участием) / отв. ред. С.Н. Удальцов. 2016. С. 183–186.
- Плеханова Л.Н. Древние почвы археологических объектов как база палеоклиматических реконструкций второй половины голоцена: проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем // ПЭММЭ. Сер.: Фундаментальная и прикладная климатология. 2017а. Т. XXVIII, №3. С. 33–51.
- Плеханова Л.Н. Проблемы поиска эталонных почв степного Зауралья для создания Красной книги почв // Аридные экосистемы. 2017б. Т. 23, №3. С. 50–58.
- Плеханова Л.Н., Потапова (Прохорова) А.В. Мониторинг целлюлазной активности почв как биологического индикатора восстановления залежей степного Зауралья после введения заповедного режима // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Естественные и технические науки. 2014. Т. 19, вып. 5. С. 1335–1339.
- Плеханова Л.Н., Журавлева А.И., Ткачев В.В. Культурный слой и палеоурбаноземы эпохи бронзы поселения Ишкининское в Оренбургской области // Научное обозрение. 2015. №20. С. 62–74.
- Прохорова А.В., Плеханова Л.Н. Прогнозная оценка скорости восстановления залежных черноземов степного Зауралья при введении заповедного режима // Проблемы региональной экологии. 2016. №2. С. 67–71.
- Рыбаков Б.А. О раскопках вятических курганов в Мякинине и в Кременье в 1927 г. // Сборник Научно-археологического кружка 1-го МГУ. М., 1928.
- Сыроватко А.С. Могилиники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // Российская археология. 2014. №4. С. 48–61.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Грунтовые погребения-кремации XII в.: новые исследования курганного могильника Кременье // Археологические исследования в Подмосковье: мат. науч. семинара. М., 2017. Вып. 13. С. 45–56.
- Сыроватко А.С., Фомченко Э.Э. Курганная группа в Кременье – новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: мат. VII–VIII регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Э.Э. Фомченко. Ступино, 2015. С. 132–138.
- Anderson J.P.E. and Domsch K.H. Quantities of Plant Nutrients in the Microbial Biomass of Selected Soils. Soil Science: October 1980 (130). P. 211–216.
- Saunders W.M., Williams E.G. Observations on the Determination of Total Inorganic Phosphorus in Soils. J. Soil Science. 1955. 6. P. 254–267.

УДК 903:56.016.3(571.150)

Н.А. Пластеева^{1,2}, А.А. Тишкин², М.В. Саблин³

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

ЛОШАДИ ИЗ БОЛЬШОГО КАТАНДИНСКОГО КУРГАНА (Алтай)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФ (проект №16-18-10033

«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая

и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Впервые представлены результаты морфологического исследования костных остатков домашних лошадей из Большого Катандинского кургана. Данный объект входил в состав археологического комплекса Катанда-II, который расположен в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Курган был частично раскопан еще в 1865 г. В.В. Радловым. В настоящее время он датируется скифско-сакским временем и относится к пазырыкской культуре. В 1954 г. при доисследовании могильной ямы у северной стенки обнаружены сопроводительные захоронения лошадей. Зафиксированы 22 скелета. Животные были уложены в три ряда поверх друг друга и представлены только половозрелыми особями (взрослые и старые). Сохранность материала позволила установить пол для большей части особей. Все они оказались жеребцами. По высоте в холке лошадей можно отнести к трем группам: среднего роста, выше и ниже среднего роста. Среди захороненных коней преобладали полутонконогие особи. Морфометрическое изучение костей показало, что лошади из Большого Катандинского кургана по своим размерам близки таким же животным, которые были обнаружены при исследовании других памятников Алтая скифско-сакского времени (Пазырык, Шибе, Берель, Ак-Алаха, Кутургунтас и Уландрык).

Ключевые слова: Алтай, Большой Катандинский курган, скифско-сакское время, пазырыкская культура, сопроводительные захоронения, лошади, кости, морфологические исследования.

N.A. Plasteeva^{1,2}, A.A. Tishkin², M.V. Sablin³

¹Institute of Plant and Animal Ecology, RAS, Ural Branch, Yekaterinburg, Russia;

²Altai State University, Barnaul, Russia;

³Zoological Institute RAS, Saint-Petersburg, Russia

HORSES FROM THE LARGE KATANDA MOUND (Altai)

The work was carried out with partial financial support of the RNF (project No. 16-18-10033

“Formation and Evolution of Life Support Systems for Nomadic Societies of Altai

and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction”)

The article for the first time presents the results of a morphological study of bone remains of domestic horses from the Great Katanda mound. This object was a part of the Katanda-II archaeological complex which is located in the Ust-Koksinsky district of the Altai Republic. The burial mound was partially excavated in 1865 by V.V. Radlov. Currently, it dates from Scythian-Saka time and refers to Pazyrykskaya culture. In 1954, during the pre-examination of the grave pit near the northern wall, accompanying burials of horses were found. 22 skeletons are documented. The animals were placed in three rows on top of each other and represented only by sexually mature individuals (adults and the old). The safety of the material made it possible to establish gender for most of the individuals. All of them were stallions. The height at the withers of horses helps to differentiate three groups of animals: medium height, above and below average growth. Among the buried horses semi-thin-legged animals predominated. Morphometric examination of bones showed that the horses from the Great Katanda burial mound are similar in size to the same animals that were found during the study of other Altai sites of the Scythian-Saka time (Pazyryk, Shibe, Berel, Ak-Alaha, Kuturguntas and Ulandryk).

Key words: Altai, Great Katanda mound, Scythian-Saka time, Pazyrykskaya culture, accompanying burials, horses, bones, morphological studies.

Большой Катандинский курган располагался на Алтае, в окрестностях с. Катанда (ныне – Усть-Коксинский район Республики Алтай). В 1865 г. он частично раскапывался под руководством В.В. Радлова. Тогда рабочим удалось по грабительскому лазу, сделанному еще в древности, проникнуть в погребальную камеру, которая была сооружена из бревен. Полученные сведения и материалы в разном виде публиковались [Гаврилова, 1957; Руденко, 1960, с. 7–9; Радлов, 1989, с. 445–449]. Особое внимание уделялось сохранившейся одежде [Фирсов, Демиденко, Лантратова, 2008]. При этом следует указать, что детальное обобщение всех полученных данных об исследовании важного объекта пазырыкской культуры до сих пор не издано.

В 1925 г. на археологических памятниках около с. Катанды работал С.И. Руденко, который вскрыл несколько курганов, в том числе относящихся к скифо-сакскому времени [Гаврилова, 1957, с. 250–251; Руденко, 1960, с. 13–14]. В 1954 г. было предпринято доисследование Большого Катандинского кургана. Работы проводились Катандинским отрядом Горно-Алтайской экспедиции под руководством

С.И. Руденко. Результаты раскопок и сделанных наблюдений опубликованы А.А. Гавриловой [1957]. За памятником, на котором располагался исследованный курган, окончательно закрепилось обозначение Катанда-II [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 31]. Важным открытием стало обнаружение между северной стенкой погребальной камеры и северной стенкой могильной ямы сопроводительных захоронений лошадей. Зафиксированы останки от 22 особей. Животные лежали в три слоя. В нижнем лежали девять скелетов, в среднем – восемь, в верхнем – пять. Лошади были убиты ударом по черепу и располагались без определенного порядка, что не позволило установить точное положение каждого костяка [Гаврилова, 1957, с. 261]. Предметы конского снаряжения при них оказались немногочисленны [Гаврилова, 1957, с. 263].

В данной публикации представлены первые результаты морфологического исследования костных останков лошадей из Большого Катандинского кургана, которые хранятся в фондах Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге. Этот сохранившийся материал представлен целыми и фрагментированными черепами и нижними челюстями, целыми костями передних и задних конечностей. Часть костей оказалась разрушенной. В общей сложности изучены черепа и нижние челюсти от 17 особей и кости конечностей от 22 лошадей. Жеребцам принадлежит 14 черепов и 15 нижних челюстей. Пол остальных животных установить не удалось ввиду фрагментированности материала.

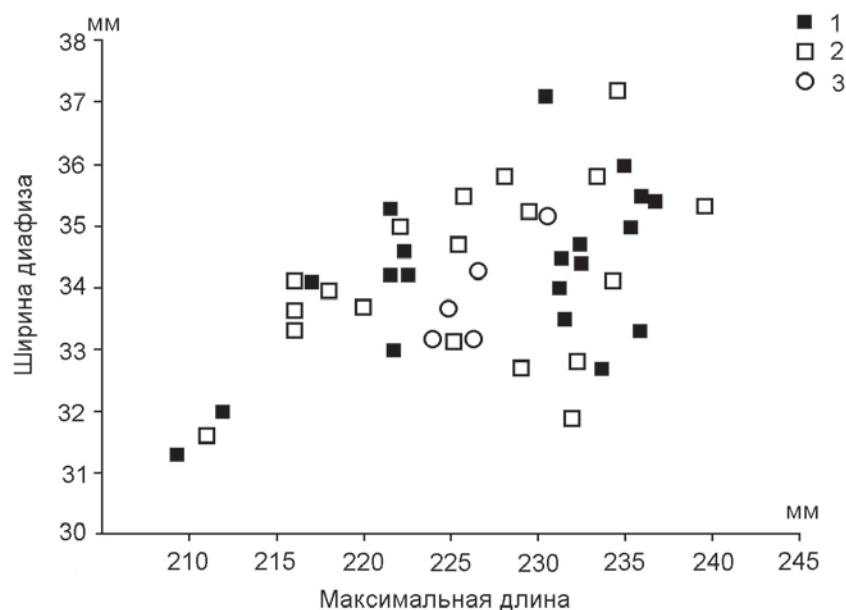
Индивидуальный возраст животных определен по степени стертости резцов и щечных зубов [Дюрст, 1936, с. 230–235]. Среди всех лошадей выявлены только половозрелые особи: взрослые (5–15 лет) и старые (более 15 лет). Молодых не оказалось. Соотношение возрастных групп отличает Большой Катандинский курган от крупных («царских») объектов памятников Берел [Косинцев, Самашев, 2014, с. 46–47], Пазырык и Шибе [Витт, 1952, с. 165], где находились животные разных возрастных групп, и сближает его с могильниками Ак-Алаха-I, Кутургунтас, Уландрык-I и II, в которых были погребены только взрослые и/или старые животные [Гребнев, Васильев, 1994, с. 108].

На основании размеров пястных костей высчитан рост животных в холке [Витт, 1952, с. 172–173]. Полученные данные позволяют отнести лошадей, захороненных в Большом Катандинском кургане, к группам выше среднего, среднего и ниже среднего роста. Преобладают особи среднего роста (60%), доли лошадей другого роста одинаковы (по 20%). По рассмотренному показателю лошади из Большого Катандинского кургана схожи с изученными особями из пазырыкских могильников Ак-Алаха-I и Кутургунтас-I, Уландрык-I и II [Гребнев, Васильев, 1994, с. 109]. Такие же животные, найденные в других памятниках Алтая скифо-сакского времени, несколько отличаются по росту в холке. Так среди лошадей из Пазырыкских курганов доля особей выше среднего роста сопоставима, а из могильника Берел крайне низка [Косинцев, Самашев, 2014, с. 46–47] по сравнению с особями, захороненными в Большом Катандинском кургане.

По признаку тонконогости [Браунер, 1916, с. 106] среди рассматриваемых лошадей преобладали полутонконогие особи (70%), встречаются тонконогие (10%) и средненогие (20%). Значение этого показателя сильно варьирует при изучении останков коней из разных погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры. В курганах памятников Пазырык и Шибе преобладали тонконогие и полутонконогие животные, а на могильнике Берел – полутонконогие и средненогие особи [Косинцев, Самашев, 2014, с. 46–48].

По размерам костей конечностей лошади из Большого Катандинского кургана соответствуют животным из могильников Берел, Ак-Алаха-I, Кутургунтас, а также близки лошадям из Уландрыка-I, II [Гребнев, Васильев, 1994, с. 108] и Пазырыка. Например, морфометрические признаки пястных костей лошадей из Большого Катандинского кургана, Пазырыкских курганов и объектов Берела полностью перекрываются (рис.), что указывает на сходство размеров рассматриваемых животных из перечисленных памятников.

В заключение стоит отметить, что более полные и развернутые характеристики, основанные на детальном анализе указанных материалов, будут представлены в отдельной работе. Кроме этого, планируется проведение молекулярно-генетических исследований лошадей из разных объектов пазырыкской культуры, раскопанных на Алтае. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в Большом Катандинском кургане обнаружено пока самое крупное число захороненных коней. Этот и некоторые другие показатели отличают рассмотренный комплекс от всех известных пазырыкских памятников. Что касается датировки рассматриваемого кургана, то для ее установления требуется отдельное исследование, в том числе с использованием современных естественнонаучных методов. В указанной статье А.А. Гавриловой [1957, с. 267] предложены такие хронологические рамки для доисследованного объекта – II–I вв. до н.э.

Сравнение лошадей из могильников скифско-сакского времени по размерам пястной кости:
1 – Большой Катандинский курган; 2 – Берел; 3 – Пазырыкские курганы

Однако они явно не соответствуют действительности, так как в указанный отрезок времени уже было установлено господство хуннской (сюннской) империи, а в могиле найдены материалы только скифо-сакского периода. В свое время Л.С. Марсадолов [1996, с. 56] предложил отнести курганы, раскопанные С.И. Руденко в 1925 г. на памятнике Катанда-II, к концу VI – V вв. до н.э. В данной ситуации имеющиеся костные останки лошадей могут способствовать решению проблемы датирования Большого Катандинского кургана при сплошном радиоуглеродном анализе образцов от максимального числа особей. Причем такую же работу можно провести и по всем сохранившимся костям животных из многих курганов пазырыкской культуры. Это даст возможность сравнения с данными, ранее полученными по другим материалам [Евразия..., 2005], и с уже предложенными культурно-хронологическими решениями [Тишкин, 2007, с. 123–157].

Библиографический список

- Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, кн. 1. 184 с.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. Вып. XVI. С. 163–205.
- Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. 1957. Вып. XXVII. С. 250–268.
- Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 106–111.
- Дюрст У. Экстерьер лошади. Л., 1936. 344 с.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др. СПб., 2005. 290 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Косинцев П.А., Самашев З. Берельские лошади: морфологическое исследование. Астана, 2014. 368 с.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). СПб., 1996. 100 с.
- Радлов В.В. Из Сибири: (страницы дневника). М., 1989. 718 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с. + CXXXVI табл.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Фирсов К.Б., Демиденко Ю.В., Лантратова О.Б. Уникальные одежды из Большого Катандинского кургана на Алтае: проблемы сохранения археологических памятников из собрания ГИМ // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 90–95.

УДК 902.01(571.1)

Л.М. Плетнева¹, Д.Ю. Рыбаков², Е.Г. Вертман³

¹*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия;*

²*Томский государственный университет, Томск, Россия;*

³*ООО «Химико-аналитический центр «Плазма» Томск, Россия*

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ БРОНЗЫ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТОМСКОГО И НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

Данное научное исследование (№8.1.41.2018) выполнено при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета

Изучен химический состав бронзы памятников шеломокской культуры в Томском Приобье и сменившей ее кулайской культурно-исторической общности в Томском и Нарымском Приобье. Приведены результаты масс-спектрометрического с индуктивно связанной плазмой анализа ИСП-МС 20 артефактов. По химическому составу выделено пять типов бронзы. Преобладают изделия, изготовленные из оловянистой бронзы. 50% культовых артефактов кулайских памятников изготовлены из нелегированной меди, предположительно, самородной.

Ключевые слова: масс-спектрометрический с индуктивно связанной плазмой анализ (ИСП-МС), медь, бронза, ранний железный век, шеломокская культура, кулайская культурно-историческая общность.

L.M. Pletneva¹, D.Yu. Rybakov², E.G. Vertman³

¹*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia;*

²*Tomsk State University, Tomsk, Russia;*

³*ООО "Chemical-Analytical Center "Plasma" Tomsk, Russia*

NEW DATA ON THE CHEMICAL COMPOSITION OF BRONZE IN SOME SITES OF THE EARLY IRON AGE IN TOMSK AND THE NARYM OB REGIONS

This study (research grant No (№8.1.41.2018) was supported by
Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme

The article researches the chemical composition of the bronze at the Shelomokskaya culture sites in the Tomsk Ob Region and the following Kulayskaya cultural and historical community of Tomsk and the Narym Ob Region. The results of mass-spectrometry with inductively coupled plasma analysis the ICP-MS of twenty artifacts are produced. According to the chemical composition, there are 5 types of bronze. The products made of tin bronze predominate. 50% of religious artifacts of Kulay sites are made of unalloyed copper, which is presumably self-originated.

Key words: mass spectrometry analysis with inductively coupled plasma (ICP-MS), copper, bronze, Early Iron Age, Shelomokskaya Culture, Kulay Cultural and Historical Community.

Современное развитие археологии немислимо без привлечения естественнонаучных методов исследования. В последнее время наибольшее развитие в этом направлении получили исследования в области технологий древних производств – гончарства и металлургии. Существует значительная литература по истории исследования состава сплавов на медной основе [Савельева, 2015, 2016]. В этих статьях подробно проанализирована история их изучения в основном на территории Южной Сибири. С 2009 г. появляются публикации по применению в археологии современного масс-спектрометрического анализа ИСП-МС. Метод показал, что появилась возможность достоверно изучить макро- и микросостав медных сплавов на 60 и более элементов [Вертман и др., 2009, 2010, 2012, 2015]. Всё это расширяет количество критериев идентификации артефактов по их химическому составу, что в свою очередь при наборе достаточно значительного массива анализов позволит не только выявить, из какого района поступал металл, но и определить место изготовления самих предметов.

Масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой сегодня является одним из наиболее универсальных методов анализа элементного состава различных веществ, в том числе и сплавов металлов. В аналитической химии он используется для быстрого, эффективного и высокочувствительного метода количественного определения многих элементов в широком диапазоне концентраций (100–0,000001% масс). Использование масс-спектрометра «ELAN 9000 ICP-MS» в Химико-аналитическом центре «Плазма» (Томск), аккредитованном на техническую компетентность и независимость в соответствии с требованиями ГОСТ-Р ИСО/МЭК 17025/2005, при наличии высокоточных государственных стандартных образцов (ГСО) и аттестованных внесенных в Госреестр методик анализа ИСП-МС позволяет определить количественно 63 элемента в медных сплавах [Вертман и др., 2009].

В статье приводятся данные о химическом составе цветного металла ряда памятников раннего железного века Томского и Нарымского Приобья, полученные с использованием масс-спектрометрического с индуктивно связанной плазмой анализа (ИСП-МС). Всего методом ИСП-МС было исследовано 20 предметов, включая культовую металлопластику, пластины и слитки (табл. 1, 2).

Поселения Шеломок-I (городище Шеломок) и Шеломок-II относятся к шеломокской культуре (конец VII – III в. до н.э.).

Поселение Шеломок-I (городище) расположено на останце правого коренного берега Томи, в 10 км выше Томска. С трех сторон памятник имеет крутые склоны, уходящие в глубокие овраги, с восточной стороны он защищен рвом и валом. Памятник исследовали И.М. Мягков (1927, 1929 гг.), Н.А. Чернышев (1938 г.), Г.В. Трухин (1946–1959 гг.), М.Ф. Косарев (1969 г.), Л.М. Плетнева (1975, 1976, 1981, 1982 гг.).

Поселение Шеломок-II. Расположено в 10 км к югу от Томска на правом берегу Томи, на гриве шириной 15–40 м и высотой 12–15 м от уреза воды. Поселение открыто Г.В. Трухиным в 1959 г. В 1971 г. обследование памятника было произведено Л.М. Плетневой. Ею же проведены раскопки в 1972, 1973, 1975, 1976, 2001 и 2002 гг. Общая площадь раскопов – 1024 кв. м [Плетнева, 2012, с. 183–184].

Масс-спектрометрическим методом ИСП-МС были изучены пять предметов и три слитка с поселений Шеломок-I и II (рис. 1; табл. 1).

По макросоставу элементов выделено четыре группы:

- металлургически чистая медь (Cu) (табл. 1.-3, 5);
- оловянистая бронза (Cu+Sn) (табл. 1.-2, 6, 8);
- мышьяковистая бронза (Cu+As) (табл. 1.-1);
- оловяно-свинцовистая бронза (Cu+Sn+Pb) (табл. 1.-4, 7).

При выделении группы мышьяковистых бронз в качестве границы археологами используются разные пороговые величины содержания мышьяка – от 0,1 до 1 и даже 5% масс [Авилова, 2008, с. 20]. Однако, на наш взгляд, принимая во внимание, что использование мышьяка в качестве добавки от 1,0% масс и более в конечном продукте увеличивает разрывную прочность меди, придает ей твердость и повышает коррозионную устойчивость, именно это значение следует принимать за нижнюю границу легированности металла.

Из зафиксированных визуально на поселении Шеломок-II 19 объектов исследовано девять. Только в объектах №8 и 15 не было ни предметов из цветного металла, ни следов литья. Большинство изделий из цветного металла происходит из объектов и значительно меньшая – из культурного слоя. Более 90% бронзовых предметов – это культовые предметы искусства. И только незначительная часть из них – бытовой инвентарь: ножи и их фрагменты, наконечники стрел [Плетнева, 2018]. Почему оставлены только культовые предметы? Можно высказать две версии.

С одной стороны, культурный слой равен 60–70 см. Он значительно насыщен находками, особенно керамикой. На раскопанной площади за все годы суммарное количество находок равно 8 тысячам. Это по 80 находок на 1 кв. м. При условии одновременного функционирования всех жилищ население поселка составляло 150–200 человек, а скорее всего, и меньше. Большое количество костей животных и рыб, находки курантов говорят о постоянном проживании. С другой стороны, можно предположить, что на этом месте во время сезонных плавов собирались литейщики, возможно, присутствовали служители культов с окрестных поселков и проводили ритуальные плавки. Однако не все культовые предметы местного литья.

Рис. 1. Изделия шеломокской культуры: 1 – поселение Шеломок-II (МАЭС ТГУ. Колл. №7107/2246); 2 – поселение Шеломок-I (МАЭС ТГУ. Колл. №6840/948)

Таблица 1
Масс-спектрометрический анализ ИСП-МС (% масс) химического состава бронзы памятников: Шеломок-I, Шеломок-II и Налимовка-II.
Музей археологии и этнографии Сибири (НИ ТГУ)

Предмет, место обнаружения	Слиток. Поселение Шеломок-II (ПШ-II-72). Землянка №6, Б-2, расчистка	Слиток зашлаков. Поселение Шеломок-II (ПШ-II) В-8-1	Слиток плотный. Поселение Шеломок-II (ПШ-II) Д-13-П	Пластина кованая. Поселение Шеломок-II (ПШ-II) Б-11-III	Пластина. Поселение Шеломок-II (ПШ-II) 7107-811	Птица полая. Поселение Шеломок-I (ПШ-I-82) 12650	Лошадки спаренные. Поселение Шеломок-II (ПШ-II) 2246	Зеркало с двумя козлами. Поселение Шеломок-I (ПШ-I) 6840-948	Медь самородная. Кемеровская область. Музей пос. Тэбе	Капля пос. на р. Тым. Налимовка-II
№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Элемент	содержание, % масс									
Литий (Li)	<0,00001	0,000010	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000071	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Бериллий (Be)	0,000007	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,000001
Натрий (Na)	0,0011	0,0026	<0,001	0,0024	0,0013	0,032	0,0099	0,0031	0,0029	0,00058
Магний (Mg)	<0,001	0,0018	<0,001	0,0033	<0,001	0,024	0,0063	<0,001	0,0024	0,00052
Алюминий (Al)	0,0022	0,0065	<0,001	0,010	0,0040	0,12	0,037	0,0029	0,019	0,00025
Кремний (Si)	<0,01	0,028	<0,01	0,13	0,016	0,51	0,24	0,061	0,040	<0,1
Фосфор (P)	0,017	0,062	0,014	0,61	0,0063	0,50	0,054	0,060	<0,001	0,00053
Калий (K)	0,0028	0,015	<0,001	<0,001	0,0010	0,047	<0,001	0,0049	0,013	0,00040
Скандий (Sc)	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,1
Титан (Ti)	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	0,0037	0,0023	<0,001	0,0027	<0,001
Хром (Cr)	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0008	<0,0001
Марганец (Mn)	0,00021	0,00045	<0,0001	0,00094	0,00015	0,0023	0,0014	0,00014	0,00097	0,00025
Железо (Fe)	<0,008	0,035	<0,008	<0,008	<0,008	0,50	0,14	<0,008	0,047	0,00022
Кобальт (Co)	0,0063	0,0038	0,0023	0,0055	0,00088	0,060	0,0072	0,0048	<0,00001	0,00044
Никель (Ni)	0,052	0,059	0,073	0,082	0,021	0,095	0,081	0,078	0,001	0,082
Медь (Cu)	98,2	98,2	99,0	87,8	99,9	90,0	90,9	93,3	99,8	99,41
Цинк (Zn)	0,0012	0,0031	0,00040	0,0041	0,00087	0,019	0,0018	0,010	0,036	0,00022
Галлий (Ga)	0,000029	0,000041	<0,00001	0,000010	<0,00001	0,00043	0,000044	<0,00001	0,000024	0,000021
Германий (Ge)	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	<0,00005	0,000044
Мышьяк (As)	1,33	0,22	0,43	0,87	0,044	0,49	0,26	0,48	<0,0001	0,071
Селен (Se)	0,0093	0,0048	0,0089	0,0046	0,015	0,018	0,0028	0,014	<0,0001	0,0014
Рубидий (Rb)	<0,00001	0,000015	<0,00001	<0,00001	0,000014	0,00011	0,000045	<0,00001	0,000013	0,0000015
Стронций (Sr)	0,000054	0,00010	0,000016	0,00049	0,000015	0,0032	0,00035	0,000092	0,000077	0,000083
Итрий (Y)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000045	<0,00001	0,000061	0,000033	<0,00001	<0,00001	0,0000052
Цирконий (Zr)	<0,00001	0,000022	<0,00001	<0,00001	0,000018	0,00013	0,00010	0,000043	0,000069	<0,00001
Ниобий (Nb)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000012	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Молибден (Mo)	0,000021	0,000010	<0,000001	0,0000080	0,000028	0,00014	0,000031	0,0000080	0,00018	0,0000042
Рутений (Ru)	0,000011	0,000024	<0,00001	0,000017	<0,00001	0,000047	<0,00001	0,000034	<0,00001	0,0000076
Серебро (Ag)	0,075	0,019	0,058	0,098	0,021	0,051	0,080	0,065	0,0037	0,020

Предмет, место обнаружения	Слиток. Поселение Шеломок-II (ППШ-II-72). Землянка №6, Б-2, расчистка	Слиток зашлаков. Поселение Шеломок-II (ППШ-II) В-8-1	Слиток плотный. Поселение Шеломок-II (ППШ-II) Д-13-П	Пластина кованая. Поселение Шеломок-II (ППШ-II) Б-11-III	Пластина. Поселение Шеломок-II (ППШ-II) 7107-811	Птица поляя. Поселение Шеломок-I (ППШ-I-82) 12650	Лошадки спаренные. Поселение Шеломок-II (ППШ-II) 2246	Зеркало с двумя козлами. Поселение Шеломок-I (ППШ-I) 6840-948	Медь самородная. Кемеровская область. Музей пос. Тэбе	Капля пос. Налимовка-II
№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кадмий (Cd)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,00017	<0,00001
Индий (In)	0,000084	0,00020	0,000026	0,00099	0,00053	0,00099	0,00061	0,00096	<0,00001	0,000041
Олово (Sn)	0,099	1,25	0,017	9,10	0,0023	7,22	5,73	5,09	0,00013	0,22
Сурьма (Sb)	0,11	0,019	0,051	0,15	0,010	0,073	0,061	0,054	0,000021	0,15
Теллур (Te)	0,0046	0,00099	0,0030	0,0023	0,0031	0,0037	0,00084	0,0028	<0,00001	0,00097
Цезий (Cs)	<0,00001	0,0000061	<0,00001	0,000055	<0,00001	0,000040	0,000022	0,000022	0,0000035	<0,00001
Барий (Ba)	0,00010	0,00032	<0,0001	0,0023	<0,0001	0,0047	0,00079	0,0019	0,0022	0,00015
Лантан (La)	0,0000066	0,000011	0,0000033	0,000083	<0,00001	0,000083	0,000050	0,000037	0,0000082	0,0000032
Церий (Ce)	0,0000016	0,0000057	0,0000041	0,000058	0,000025	0,000093	0,000067	0,000016	0,000027	0,0000047
Празеодим (Pr)	<0,00001	0,0000013	<0,00001	0,000017	<0,00001	0,000025	0,000011	0,000010	<0,00001	<0,00001
Неодим (Nd)	0,0000027	0,0000065	<0,00001	0,000028	0,000033	0,000035	0,000021	0,0000028	0,000013	<0,00001
Самарий (Sm)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000010	<0,00001	0,000040	0,000070	0,0000064	0,0000028	<0,00001
Европий (Eu)	<0,00001	0,0000032	<0,00001	0,000010	0,000014	<0,00001	0,0000076	0,0000022	0,0000014	<0,00001
Гадолиний (Gd)	<0,00001	0,0000023	<0,00001	0,0000065	<0,00001	<0,00001	0,0000061	0,0000012	0,0000011	<0,00001
Тербий (Tb)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000030	<0,00001	0,000078	0,0000018	0,0000014	<0,00001	<0,00001
Диспрозий (Dy)	<0,00001	0,0000019	0,0000011	0,0000092	<0,00001	0,000010	0,0000030	0,0000010	<0,00001	<0,00001
Гольмий (Ho)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000023	<0,00001	0,000010	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Эрбий (Er)	0,0000011	<0,00001	<0,00001	0,0000035	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Тулий (Tm)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000011	<0,00001	<0,00001
Иттербий (Yb)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000037	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Лютеций (Lu)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000035	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Гафний (Hf)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000036	<0,00001	0,0000017	<0,00001
Тантал (Ta)	0,0000014	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000035	0,0000049	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Вольфрам (W)	0,000013	0,000024	0,0000022	0,000022	0,0000036	0,00076	0,000074	0,0000038	<0,00001	<0,00001
Рений (Re)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Платина (Pt)	0,0000066	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000045
Золото (Au)	0,0060	0,00086	0,0037	0,0049	0,00052	0,0078	0,0015	0,0023	<0,00001	0,0016
Ртуть (Hg)	0,000042	0,000031	0,0000022	0,00020	0,00013	0,000084	0,000029	0,000034	0,000085	<0,00001
Таллий (Tl)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,0000018	<0,00001	<0,00001	0,0000060	<0,00001	0,0000027	<0,00001
Свинец (Pb)	0,073	0,065	0,31	1,09	0,0013	0,16	2,38	0,78	0,0021	0,030
Висмут (Bi)	0,0016	0,0026	0,0065	0,018	0,0016	0,0048	0,0025	0,011	0,000024	0,012
Торий (Th)	0,0000012	0,0000013	<0,00001	0,0000014	<0,00001	0,000016	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Уран (U)	<0,00001	0,0000016	<0,00001	0,0000030	<0,00001	0,0000034	0,0000022	<0,00001	0,0000091	<0,00001
№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Таблица 2

Масс-спектрометрический анализ ИСП-МС (% масс) химического состава бронзы памятников: Кулайское культовое место, поселение Самусь-IV, Саровское культовое место, поселение Степановка-II. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ)

Элемент	ТОКМ 3410-4444. Самусь-IV	ТОКМ 3410-4447. Самусь-IV	ТОКМ 3410-4461. Самусь-IV	ТОКМ 2281-11. Кулайка	ТОКМ 2281-12. Кулайка	ТОКМ 2281-81. Кулайка	ТОКМ 11756-28. Саровское КМ	ТОКМ 11756-68. Саровское КМ	ТОКМ 1493-94. Степа-новка-II	ТОКМ 1493-106. Степановка-II
Литий (Li)	0,00018	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,00025	<0,00001	9	10
Бериллий (Be)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,00024	0,00027	0,00032
Натрий (Na)	0,013	0,013	0,030	0,028	0,032	0,064	0,0049	0,0022	0,0016	0,0094
Магний (Mg)	0,0047	0,0045	<0,001	0,0045	0,011	0,0056	0,0020	0,0018	0,0025	0,0045
Алюминий (Al)	0,0061	0,0049	0,0123	0,0081	0,0065	0,015	0,0079	0,0058	0,0059	0,0084
Кремний (Si)	<0,001	<0,001	<0,001	0,028	0,38	0,044	<0,001	0,14	0,045	0,021
Фосфор (P)	0,0074	0,014	0,020	0,037	0,0191	0,025	0,024	0,028	0,037	0,017
Калий (K)	0,047	0,090	0,190	0,14	<0,001	0,39	0,088	0,041	0,017	0,072
Кальций (Ca)	<0,01	0,11	0,040	0,24	0,027	0,27	0,062	0,14	0,055	0,30
Титан (Ti)	0,00092	<0,00001	0,0029	0,00088	0,0017	0,0053	0,00097	0,0011	<0,00001	0,0025
Ванадий (V)	<0,001	<0,001	0,049	<0,001	0,0010	0,0039	0,0028	<0,001	<0,001	<0,001
Хром (Cr)	0,0021	0,012	0,00040	0,012	0,00070	<0,0001	0,0010	0,00081	0,0022	0,0022
Марганец (Mn)	0,00034	0,00064	0,00095	0,00067	0,00063	0,0016	0,00035	0,00042	0,00060	0,00063
Железо (Fe)	0,030	0,10	0,049	0,079	0,037	0,18	0,025	0,040	0,026	0,050
Кобальт (Co)	0,00055	0,0020	0,011	0,0027	0,013	0,0058	0,0017	0,00023	0,0020	0,0015
Никель (Ni)	0,087	0,062	0,092	0,094	0,072	0,14	0,050	0,063	0,10	0,032
Медь (Cu)	99,10	99,50	96,00	98,23	96,46	92,16	99,49	99,29	90,12	88,33
Цинк (Zn)	0,0050	0,0025	0,023	0,011	0,012	0,019	0,0042	0,0063	0,0062	0,0061
Галлий (Ga)	0,000017	<0,00001	0,000077	0,000031	0,000093	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,000042	<0,00001
Германий (Ge)	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001
Мышьяк (As)	0,28	0,086	0,20	0,21	0,05	1,13	0,055	0,11	0,57	0,39
Селен (Se)	0,0034	0,014	<0,0001	<0,0001	<0,0001	<0,0001	0,0084	0,0063	<0,0001	<0,0001
Рубидий (Rb)	<0,000001	0,000042	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000015	0,000017	0,000017	0,000013
Стронций (Sr)	0,00035	0,00026	0,00038	0,00039	0,00053	0,00017	0,00017	0,00041	0,00012	0,00015
Иттрий (Y)	0,0000022	0,000012	0,000011	0,000015	0,000019	0,000010	0,000012	0,0000088	0,000032	0,000016
Цирконий (Zr)	0,000094	0,000092	0,00025	0,00016	0,00052	0,00018	0,000090	0,00018	0,000092	0,00017
Ниобий (Nb)	0,000023	0,000042	0,000072	0,000048	0,000029	0,000050	0,000008	0,000032	0,000014	0,000017
Молибден (Mo)	0,00012	0,00011	0,00012	0,00010	0,00034	0,00030	0,000053	0,000060	0,000038	0,000022
Рутений (Ru)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000020	<0,000001	0,00016	0,0000082	0,000020	0,0000066	<0,000001

Элемент	ТОКМ 3410-4444. Самусь-IV	ТОКМ 3410-4447. Самусь-IV	ТОКМ 3410-4461. Самусь-IV	ТОКМ 2281-11. Кулайка	ТОКМ 2281-12. Кулайка	ТОКМ 2281-81. Кулайка	ТОКМ 11756-28. Саровское КМ	ТОКМ 11756-68. Саровское КМ	ТОКМ 1493-94. Степа-новка-II	ТОКМ 1493-106. Степановка-II
Палладий (Pd)	1 <0,000001	2 0,000023	3 0,000052	4 0,000014	5 <0,000001	6 0,00010	7 <0,000001	8 <0,000001	9 0,0000081	10 <0,000001
Серебро (Ag)	0,043	0,020	0,027	0,034	0,056	0,086	0,014	0,033	0,065	0,029
Кадмий (Cd)	0,00013	0,000084	0,00049	0,00011	0,000066	0,00015	0,00016	0,000054	0,000018	0,00013
Индий (In)	0,000049	0,000065	0,0093	0,0018	0,0043	0,0025	0,000063	0,000031	0,0090	0,022
Олово (Sn)	0,006	0,012	3,09	0,60	2,75	1,50	0,0082	0,0026	2,89	7,30
Сурьма (Sb)	0,19	0,054	0,12	0,13	0,049	3,14	0,087	0,032	0,074	0,026
Теллур (Te)	0,00093	0,00037	0,0011	0,00092	0,00072	0,00078	0,00076	0,0015	0,0019	0,00073
Цезий (Cs)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000068	<0,000001	0,000011	0,0000086	<0,000001	0,0000029	0,000016
Барий (Ba)	0,0016	0,0016	0,0041	0,0023	0,0025	0,0043	0,0017	0,0044	0,00079	0,0011
Лантан (La)	0,000017	0,000014	0,000025	0,000023	0,000031	0,000086	0,000015	0,000033	0,000051	0,000025
Церий (Ce)	0,000036	0,000011	0,000092	0,000056	0,00011	0,00037	0,000041	0,000020	0,000049	0,000053
Празеодим (Pr)	0,0000027	<0,000001	<0,000001	0,0000033	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000012	0,0000035
Неодим (Nd)	0,0000082	0,000018	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000062	0,000010	0,000017	0,0000090	<0,000001
Самарий (Sm)	<0,000001	0,0000056	<0,000001	<0,000001	0,0000198	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000070	<0,000001
Европий (Eu)	<0,000001	0,0000028	0,0000065	0,0000034	<0,000001	<0,000001	0,0000025	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Гадолиний (Gd)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000075	<0,000001	0,000025	<0,000001	<0,000001	0,0000044	0,0000046
Тербий (Tb)	<0,000001	0,0000014	<0,000001	0,0000017	0,0000022	<0,000001	0,0000025	<0,000001	0,0000029	0,0000012
Диспрозий (Dy)	<0,000001	0,0000050	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000010	<0,000001
Гольмий (Ho)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000017	<0,000001	0,0000062	0,0000025	<0,000001	0,0000010	0,0000023
Эрбий (Er)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Тулий (Tm)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000023	0,0000064	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Иттербий (Yb)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Лютеций (Lu)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000017	<0,000001	<0,000001	0,0000012	0,0000018	0,0000010	<0,000001
Гафний (Hf)	0,0000074	0,0000080	0,000014	0,0000074	0,0000097	0,000010	0,0000027	0,000014	0,0000023	0,000010
Тантал (Ta)	0,0000054	0,000033	0,000020	0,000013	0,000014	0,0000094	0,0000079	0,0000038	0,0000023	0,0000022
Вольфрам (W)	0,00013	0,000066	0,000083	0,000066	0,00037	0,00038	0,000042	0,00014	0,000081	0,000015
Рений (Re)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000029	<0,000001	0,0000031	<0,000001
Платина (Pt)	0,0000036	<0,000001	0,0000032	<0,000001	0,000020	0,000027	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Золото (Au)	0,0016	0,00069	0,0012	0,0028	0,058	0,0050	0,00083	0,0011	0,0043	0,0011
Ртуть (Hg)	<0,000001	<0,000001	0,000067	0,000088	0,00012	0,00014	0,000018	<0,000001	<0,000001	0,000017
Таллий (Tl)	0,000044	0,00025	0,00010	0,00048	0,00023	0,00021	0,000031	0,000042	0,000015	0,000017
Свинец (Pb)	0,047	0,023	0,11	0,023	0,015	0,64	0,010	0,0076	0,040	0,20
Висмут (Bi)	0,019	0,0045	0,011	0,014	0,0035	0,14	0,0046	0,0020	0,028	0,0024
Торий (Th)	0,0000042	0,0000021	<0,000001	<0,000001	0,0000034	<0,000001	0,0000076	<0,000001	0,0000030	0,0000036
Уран (U)	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000037	<0,000001	0,0000021	<0,000001	0,0000015	<0,000001
№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Поселение Шеломок-II – памятник уникальный. Здесь, в Томском Приобье, сходились пути-дороги с Запада и Востока. Замечательные фигурки двух коней, обращенных мордами и конечностями друг к другу, козлик с крылом (поселение Шеломок-I) – сюжеты с Ближнего Востока, горный козел с огромными рогами и птичьим клювом, скорее всего с Памира, сарматские бляшки в виде птичьих клювов с орнаментом (Степановская коллекция), есть подражания в местном литье тагарским и алтайским образцам.

Далее рассмотрим материалы, принадлежащие памятникам кулайской культурно-исторической общности (табл. 2).

Поселение Самусь-IV. Расположено в Томском Приобье, в правобережье нижнего течения Томи. Период бытования памятника относится к бронзовому веку. В 1969 г. при его раскопках было обнаружено шесть предметов культовой металлопластики кулайского облика [Сыркина, Матющенко, 1969, с. 48–51]. Три из них были исследованы при помощи масс-спектрометрического анализа ИСП-МС (рис. 2.-1–3; табл. 2.-1, 2, 3). Медь и сплавы на ее основе подразделяются на две металлургических группы:

- нелегированная медь (Cu) (табл. 2.-1, 2);
- оловянистая бронза (Cu + Sn) (табл. 2.-3).

Нарымское Приобье, в отличие от Томского, расположено на более северных территориях. Оно включает бассейны крупных речных притоков Оби: Парабели, Кети, Тыма, Васюгана, которые до сих пор слабо изучены в археологическом плане.

Кулайское культовое место. Расположено в Нарымском Приобье в правобережье р. Чая на возвышенности лёссового происхождения, носящей наименование «Гора Кулайка». В 1922 г. при распашке горы примерно в 150 м от края на небольшой глубине обнаружены бронзовые котлы скифского типа с серебряными и медно-бронзовыми изделиями. В 1928 г. исследования на Кулайке провел И.М. Мягков. В 1927, 1929 гг. он опубликовал общую сводку 111 кулайских предметов, справедливо объединив их в общую культуру эпохи раннего железа, позднее названную В.Н. Чернецовым кулайской [Мягков, 1927; 1929; Чернецов, 1953]. Анализ ИСП-МС подвергнуто три предмета (рис. 2.-4, 5; табл. 2.-4–6). Медь и сплавы на ее основе подразделяются на три металлургических группы:

- нелегированная медь (Cu) (табл. 2.-4);
- оловянистая бронза (Cu + Sn) (табл. 2.-5);
- мышьяково-сурьмянистая бронза (Cu + As + Sb) – (табл. 2.-6).

Саровское культовое место. Расположено в Нарымском Приобье на правобережной террасе речки Большая Саровка, правого притока Оби. В 1996 г. Я.А. Яковлев провел раскопки, в результате которых было получено 62 предмета кулайской культовой металлопластики и пять предметов вооружения. Памятник датируется II–I вв. до н.э. [Яковлев, 2001]. Анализ ИСП-МС подвергнуто два предмета культовой металлопластики (рис. 2.-6; табл. 2.-7, 8). Оба они изготовлены из нелегированной меди.

Степановское-II поселение. Расположено в Нарымском Приобье в правобережье среднего течения Васюгана. Раскопки на памятнике проводились в 1970-х гг. Л.А. Чиндиной. Поселение относится к кулайской культуре и датируется VI – концом III/II в. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 51]. Анализ ИСП-МС подвергнуто два предмета (рис. 2.-7; табл. 2.-9, 10). Все они изготовлены из оловянистой бронзы.

Поселение Налимовка-II. Расположено в Нарымском Приобье у мостика на старой дороге в поселок Молодежный на правом берегу речки Налимовка, которая впадает в старицу Муз реки Тым – правого притока Оби. Поселение находится на окруженном старыми соснами песчаном останце площадью 25×30 м и высотой 7–10 м от уровня воды. Его вершина делится на три части. Южная часть узкая и крутая. В средней части локализованы шесть западин. Северная часть подмывается речкой и заканчивается крутым обрывом, на осыпи которого обнаружено несколько капель бронзы и обломков керамики. Памятник открыт Е.Г. Вертманом в 2012 г. Коллекция хранится в МАЭС ТГУ [Верتمان, Сидоров, 2012]. Анализ ИСП-МС показал, что металл на 99,4% масс состоит из меди, а из примесей содержит более других элементов всего 0,022% масс олова (табл. 1.-10). Химический состав капли Налимовка-II и слитков и пластины Шеломок-II идентичен практически по всему спектру микро- и макроэлементов, что предполагает один источник поставки меди (табл. 1.-3, 5, 10).

На основании проведенного ИСП-МС анализа артефактов кулайских памятников можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие группы изделий, изготовленных из нелегированной меди: 5 из 10 изученных изделий Томского и Нарымского Приобья. Ряд исследователей считают, что в раннем железном веке на территории Западной Сибири из нелегированной меди преимущественно изготавливались орудия труда и оружие, в то время как оловянная

бронза использовалась для изготовления культовой металлопластики и украшений [Троицкая, Галибин, 1983, с. 37; Кузьминых, 2001, с. 147]. Применительно к Томскому и Нарымскому Приобью все исследованные нами предметы из нелегированной меди представлены в виде изделий культовой металлопластики. В целом же для кулайских изделий наряду с нелегированной медью используются

Рис. 2. Изделия культовой металлопластики кулайской КИО: 1–3 – находки с поселения Самусь-IV (ТОКМ. Колл. №3410/4444, 4447, 4461); 4, 5 – Кулайское культовое место (ТОКМ. Колл. №2281/11, 12); 6 – Саровское культовое место (ТОКМ. Колл. №11756/28); 7 – поселение Степановка-II (ТОКМ. Колл. №1493/106)

низколегированные оловянистые, оловяно-свинцовистые, и изредка мышьяково-сурьмянистые бронзы, характерные для минусинского металла из местной саяно-хакасской медной руды [Пяткин, 1977, с. 30–31; Хаврин, 2007, с. 115].

Особо следует отметить чистоту сплавов по данным масс-спектрометрического анализа ИСП-МС на 62 элемента двух проб из поселения Шеломок-II: слитка и пластины (табл. 1.-3, 5), где меди 99,0 и 99,9% масс соответственно, а также капли из пос. Налимовка-II (табл. 1.-10) с содержанием меди 99,41% масс. Химический состав этих проб и пробы самородной меди (табл. 1.-9) из Горной Шории Кемеровской области весьма близки. Это свидетельствует о том, что слиток и пластина были получены из чистой самородной меди. Следует отметить, что в других пробах из пос. Шеломок-I и II содержания микропримесей приближаются к таковым в самородной меди. Например, весьма низки содержания реперных элементов: серебро (0,019–0,098% масс); золото (0,00052–0,078% масс); цинк (0,0004–0,019% масс); висмут (0,0016–0,067% масс). Аналогичные результаты дает масс-спектрометрический анализ ИСП-МС изделий Кулайского и Саровского культовых мест, поселения Степановки-II, находок с Самусь-IV (табл. 2), поселения Чекист [Вертман и др., 2010, 2015]. Такая тенденция химического состава медных сплавов наблюдается для многих памятников Томской области. Поэтому можно сделать вывод, что, возможно, основой для изготовления изделий с данных памятников служила самородная медь из Кузнецкого Алатау и Горной Шории, месторождения которой территориально близки Томскому и отчасти Нарымскому Приобью.

Библиографический список

- Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока: Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М., 2008. 229 с.
- Вертман Е.Г. Масс-спектрометрический мультиэлементный анализ артефактов древнего бронзово-литейного центра и шаманской атрибутики Таймыра // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 94–112.
- Вертман Е.Г., Васильев Е.А., Грушин С.П. Масс-спектрометрический многоэлементный анализ древних бронз Томской области, Алтая и Таймыра // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2010. Т. XVI. С. 71–77.
- Вертман Е.Г., Сидоров Г.А. Тымские древние поселения. «Сибирь – моя Родина» – самодеятельная краеведческая экспедиция с международным участием: сб. XII межрегион. науч.-практ. конф. «Возможности развития туризма Сибирского региона и сопредельных территорий». Томск, 2012. С. 111–117.
- Вертман Е.Г., Федюнина Н.В., Тенякшева С.Е. Масс-спектрометрический анализ с индуктивно связанной плазмой и особенностями его применения в археологии // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях: сб. науч. тр. Барнаул, 2009. С. 48–50.
- Кузьминых С.В. Цветной металл холмогорской коллекции. Прил. 3 // Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. С. 146–150.
- Мягков И.М. Находки на горе Кулайке // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 65–69.
- Мягков И.М. Древности Нарымского края // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 51–86.
- Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск, 2012. 190 с.
- Плетнева Л.М. Расположение объектов бронзового литья и бронзовых предметов на поселении Шеломок-II // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 3 (192). С. 194–197.
- Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 22–34.
- Савельева А.С. Цветной металл тагарской культуры: история исследования состава сплавов на медной основе с 1860-х по 1950-е гг. // Вестник ТГУ. Сер.: История. 2015. №4 (36). С. 85–95.
- Савельева А.С. Цветной металл тагарской культуры: история исследования состава сплавов на медной основе с 1960-х по 2000-е гг. // Вестник ТГУ. 2016. №408. С. 125–133.
- Сыркина Л.М., Матющенко В.И. Раскопки поселения Самусь-IV // Из истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 2. С. 35–54.
- Троицкая Т.Н., Галибин В.А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 35–47.
- Хаврин С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии: сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 115–123.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. №35. С. 121–178.
- Чиндина Л.А. Орнамент керамики Степановских памятников // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984. С. 30–51.
- Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001. 274 с.

УДК 903.53(571.150)

В.Е. Приходько¹, М.В. Михаревич², Ю.А. Азаренко³,
М.Р. Шаяхметов³, В.В. Горбунов⁴, А.А. Тишкин⁴, Е.Г. Пивоварова⁵

¹Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино, Россия;

²Сибирский научно-исследовательский институт геологии,
геофизики и минерального сырья, Новосибирск, Россия;

³Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Омск, Россия;

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

⁵Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ НЕКРОПОЛЯ СРОСТКИ-I И РЕКОНСТРУКЦИЯ КЛИМАТА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА АЛТАЕ

Работа выполнена в рамках реализации Госзадания №АААА-А18-118013190175-5 «Развитие почв в условиях меняющегося климата и антропогенных воздействий» и проекта №17-05-01151 РФФИ (химические анализы), а также при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция» (полевые работы, анализы))

Курганы некрополя Сростки-I Алтайского края изучены археологическим, палинологическим, почвенными, геохимическими методами. Выявлены особенности локализации памятников сrostкинской культуры при использовании ГИС-технологий. Судя по палиноспектрам поверхностных проб палеопочв и придонного материала погребений, площадь сосново-березовых и прибрежных ивовых лесов была меньше, чем в настоящее время. К этому могли привести их вырубка, более холодные зимы с уменьшением осадков. Влагообеспеченность летом в средневековье была близка современной, так как мезофитное разнотравье преобладало над сухостепным, его было больше, чем сейчас; осоки доминировали на расширившихся болотах, возникших при высыхании мелких водоемов, при сокращении водоохранной роли лесов. Отмечено сходство морфологических свойств, реконструированного содержания гумуса и ряда коэффициентов выветривания древних и фоновых почв. Однако меньшая выщелоченность палеопочв от карбонатов и меньшие величины коэффициентов выветривания: CIA, $Al_2O_3 / CaO + MgO + Na_2O + K_2O$ и отношений Mn/Sr, Mn/Al, Mn/Fe, указывающих на биологическую активность, свидетельствуют, что почва раннего средневековья в фазу, предшествующую сооружению курганов, формировалась в более засушливом климате, чем сейчас, в фазу возведения курганов началось увеличение увлажненности.

Ключевые слова: палеопочвы, палинология, ГИС-технологии, геохимические отношения.

V.E. Prikhodko¹, M.V. Mikharevich², Yu.A. Azarenko³,
M.R. Shayakhmetov³, V.V. Gorbunov⁴, A.A. Tishkin⁴, E.G. Pivovarova⁵

¹Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science,
Russian Academy of Sciences, Pushchino, Moscow Region, Russia;

²Siberian Research Institute of Geology, Geophysics and Mineral Raw Materials, Novosibirsk, Russia;

³P.A. Stolypin Omsk State Agricultural University, Omsk, Russia;

⁴Altai State University; Barnaul, Russia;

⁵Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia

INTERDISCIPLINARY STUDIES OF THE ALTAI SROSTKI-I NECROPOLIS AND CLIMATE RECONSTRUCTION OF THE MEDIEVAL AGES

The work is carried out within the framework of the State assignment no. АААА-А18-118013190175-5 "Soil Development at a Changing Climate and Anthropogenic Influences" and RFBR (Projects 17-05-01151 (chemical analyzes) and RNF 16-18-10033, "Formation and Evolution of Life Support Systems among Nomadic Societies of Altai and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction" (field work, analysis)).

Mounds of the Srostki-1 necropolis of the Altai are studied by archaeological, palynological, pedological, geochemical methods. Localization features of the Srostki culture sites are revealed by the GIS technologies method. Judging by the palyno-spectra of the surface palaeosols and bottom material of Medieval Ages burials, the area of pine-birch and coastal willow forests was smaller in comparison with the present time. It could be result of deforestation, colder winters with less precipitation. Summer humidity in the Medieval Ages was close to modern, because mesotrophic herbage prevailed over dry steppe, and it was slightly larger than now; sedges dominated on the expanded marshes that arose when the small reservoirs dried up, while the water protection role of forests decreased.

The similarity of the morphological properties, reconstructed humus content and some weathering coefficients of ancient and background soils is noted. However, a lesser paleosols leaching from carbonates and smaller values of some weathering coefficients: CIA, $Al_2O_3 / CaO + MgO + Na_2O + K_2O$ and Mn /Sr, Mn/Al, Mn/Fe ratios, showing biological activity, indicate that the early Medieval Ages soil during mounds construction, was formed in a somewhat more dry climate in comparison with the present climate. In mounds erection began a tendency to increased humidity.

Key words: paleosols, palynology, GIS technologies, geochemical coefficients.

Введение. Междисциплинарное исследование археологических памятников является важным научным направлением. Однако такое изучение археологических памятников Алтая до настоящего времени проводилось мало. Данные реконструкции природной среды средневековья на основе комплексного изучения по литературным сведениям будут даны ниже.

Целью наших исследований стало проведение междисциплинарного изучения курганов некрополя раннего средневековья Сростки-I для реконструкции климата и ландшафтов в период его создания. Указанный археологический комплекс является одним из крупных на юге Западной Сибири. Он насчитывает 61 курган и датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. н.э. В ряде публикаций дана характеристика памятников сросткинской культуры [Грязнов, 1956; Горбунов, Тишкин, 2014; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016; и др.].

Объекты и методы. Исследуемые объекты располагаются на границе Предалтайской равнины и прилегающих низкогорий Северного Алтая, в правобережье Катунь, у с. Сростки Бийского района Алтайского края (85°42.876'E, 52°24.337'N, 255 м над ур. м.). Высота курганов – 0,4–1 м, диаметр – 7–19 м. В регионе средняя температура января составляет –13,9°С, июля – +20°С, годовая – +3,2°С, среднее годовое количество осадков достигает 548 мм, более половины из них выпадает в июле–августе (данные метеостанции Бийска).

Для палинологических исследований взяты поверхностная проба современной почвы и образцы двух курганов: три пробы – с поверхности подкурганных почв, пять – на дне погребения. Для извлечения палиноморф эти пробы обработаны по методике (с использованием растворов HCl, KOH, HF и KI+CdI₂), принятой в лаборатории СНИИГТиМС Новосибирска. Образцы фоновой и двух погребенных почв отобраны послойно через 10 см до глубины 1 м и через 20 см – из толщи 1–2,4 м. Основные почвенные показатели получены в ЦКП ИФХиБПП РАН следующими методами: органическое вещество (*C_{org}*) – по Тюрину; CO₂ карбонатов – титриметрически, гранулометрический состав почв – пирофосфатным методом, состав обменных катионов – по Шолленбергу [Воробьева, 1998]. Содержание макро- и микроэлементов в почвах определяли методом рентгенофлуоресцентного анализа на аппарате «СПЕКТРОСКАН МАКС-GV». Использовались геохимические коэффициенты, предложенные рядом исследователей [Калинин, Алексеев, 2011; Nesbitt, Young, 1982; Retallack, 2003; Лисецкий и др., 2017]. Датирование времени сооружения курганов осуществлялось радиоуглеродным методом по образцам в виде костных останков и древесины в Аналитическом центре Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (Томск). Определение содержания радиоуглерода осуществлялось жидкостно-сцинтилляционным методом на низкофоновом спектрометре-радиометре Quantulus 1220 Томского центра коллективного пользования СО РАН (руководитель работ и аналитик – канд. тех. наук Г.В. Симонова). Расчет радиоуглеродного возраста осуществлялся с помощью программы EasyView. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарные показатели производилась с помощью доступной программы OxCal 3. Кроме указанного, использовались методы ГИС-технологий, мультиспектральные космоснимки для выявления пространственного размещения памятников сросткинской культуры.

Растительный покров изученной территории представлен разнотравно-злаковыми луговыми степями (преимущественно распаханнами) и осиново-березовыми лесами. В понижениях и на склонах террас сохранились участки остепненных суходольных лугов, локально встречаются березовые и сосново-березовые кустарниково-травяные леса [Кумина, 1960]. Среди биоценозов мезофиты достигают 42%, ксерофиты – 17%, ксеромезофиты – 21%, мезогигрофиты – 10% и гигрофиты – 6% [Жихарева, 2004].

Результаты и обсуждение. ГИС-технологии и космоснимки применяются для выявления особенностей локализации памятников, управления культурными ресурсами и прогноза их местоположений [Гарбузов, 2003; Епимахов, Чуев, 2011; Зольников и др., 2013; Katsianis et al., 2008; Neubauer, 2014]. Использование ГИС-технологий, космоснимков и тематических карт (ландшафтной, почвенной, полезных ископаемых) показало, что памятники сросткинской культуры располагались на черноземах в пределах Западно-Сибирского подтаежно-лесостепного района. Поселения локализовались на выровненных площадках с небольшими перепадами высот вблизи озер и в поймах крупных рек (Обь, Бия, Алей) и широких долинах при слиянии рек; ряд поселений были в ~20–30 км от месторождений полезных ископаемых (медь, цинк, железо и др.).

Палинологическое изучение выявило, что в период раннего средневековья площадь кедрово-сосновых и прибрежных березово-ивовых лесов была меньше, чем в настоящее время. Это сокращение могло произойти за счет уменьшения количества зимних осадков и более суровых зим. Уменьшение

ареала ивовых прибрежных лесов, вероятно, является результатом их антропогенного сведения. Существенного сокращения летних осадков не происходило, так как в составе травостоя средневековья мезофитов было несколько больше, чем сейчас, и доля ксерофитов не превышала 20%. Доминировали осоки, распространившиеся на болотных ареалах, образовавшихся при высыхании небольших водоемов, обусловленные уменьшением водоохранной роли лесов из-за сокращения их площади. Дендрохронологическое изучение лиственницы Саяно-Алтайских гор выявило периоды летнего похолодания – 800–850 и 950 гг. и потепления – 850–900 и 950–1000 гг. [Мыглан и др., 2012].

Сравнение мощности гумусового профиля (гор. А1 + АВ) погребенных и фоновой почв свидетельствует о небольшом их различии. Палеопочвы отличаются от современных аналогов меньшей промытостью от карбонатов, линия вскипания от HCl находится на глубине 20–35 см, фоновой почве – 42–48 см. Содержание гумуса палеопочв меньше, чем фоновых, в результате его минерализации за длительное время при прекращении поступления опада. Ранее было показано, что в гумусовом горизонте погребенных почв через 2000 лет сохраняется ~50% [Иванов, 1992]. С учетом этого реконструированное содержание C_{org} слоя 0–50 см палеопочв приблизительно равно его количеству в фоновой почве, содержание C_{org} слоя 0–10 см палеопочв составляет 2,37, реконструированное – 5,6, фоновых почв – 5,68%.

Геохимические коэффициенты информативны для оценки климата, скорости почвообразования [Бикмулина и др., 2017; Калинин, Алексеев, 2011; Лисецкий и др., 2016; Nesbitt, Young, 1982; Retallack, 2003]. В палеопочве внутрипрофильное распределение большинства химических элементов, а также различные индексы близки к современному аналогу. Отмечена тенденция меньшей аккумуляции в верхних горизонтах подкурганной почвы P, S, Cr и Co по сравнению с фоновым аналогом. Это указывает на менее выраженную степень проявления биогенно-аккумулятивных процессов в подкурганной почве, чем в настоящее время. В палеопочве по сравнению с фоном глубже 50 см отмечаются накопление Ca и Mg и большая величина отношения $\text{CaO}+\text{MgO}/\text{Al}_2\text{O}_3$, отражающих возросшее концентрирование здесь кальцита. Это свидетельствует о меньшей степени промытости профиля подкурганной почвы от карбонатов, чем современных аналогов и меньшем количестве.

В подкурганной и фоновой почвах концентрирование Cd и P в несколько раз больше их кларкового значения в земной коре, содержание других элементов (Ba, Mn, S, Ti, As, Zr, Co, Ni, Zn) превышает кларк в 1,1–1,7 раза. Такое накопление в основном обусловлено локальными особенностями пород и не превышает допустимые нормы.

Подкурганная почва отличалась от фоновой меньшей величиной коэффициентов выветривания: $\text{CIA} = [(\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Al}_2\text{O}_3 + \text{CaO} + \text{Na}_2\text{O} + \text{K}_2\text{O})] \cdot 100$, $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{CaO} + \text{MgO} + \text{Na}_2\text{O} + \text{K}_2\text{O}$ и отношений Mn/Sr, Mn/Al, Mn/Fe, указывающих на степень биологической активности. Однако другие показатели процессов выветривания – Rb/Sr, выщелачивания – Ba/Sr, биологической активности и биопродуктивности – Mn/Fe, Mn/Al не различаются в изученных почвах.

Климат средневековья для близлежащих и отдаленных от Алтая территорий. На основе применения палинологического, диатомового и элементного анализов осадков (21 AMS-дата) оз. Манжерок (лесостепь предгорий Алтая) показано, что климат от теплого и сухого в период 650–800 гг. изменялся до холодного и влажного в интервале 900–1300 гг. (с сухим этапом в IX в.) [Blyakharchuk et al., 2017]. Выполненная реконструкция природных условий голоцена на основе исследования границ ледников, озер, динамики сейсмичности, дендрохронологии, свойств подкурганных палеопочв (54 радиоуглеродные даты по остаткам деревьев) склонов гор Алтая позволила утверждать, что в IX–XII вв. там росли леса на высотах современного расположения ледников; температуры воздуха летних месяцев были выше современных на 0,4° C [Галахов и др., 2010; Agatova et al., 2014].

В течение последних 2000 лет регистрировалось три климатических похолодания в горах Алтая: ~V в. (влажно), начало XIII в. (сухо) и после 1600 г. [Schlütz, Lehmkuhl, 2007]. Изучение спорово-пыльцевых спектров из отложений Телецкого озера (Северо-Восточный Алтай, таежная зона) показало наличие кратковременного в VI–VII вв., более длительного ~1100–1150 гг. и максимального похолодания в период 1450–1800 гг. [Rudaya et al., 2016].

Интервалам иссушения климата соответствуют маломощные прослои торфа, сформировавшиеся 830±50 и 1140±50 л.н. в отложениях озера долины р. Джазат Центрального Алтая, в период 990±40 л.н. было влажно [Ивановский и др., 1982]. Реконструкция климата голоцена разных регионов Алтая также выполнена по данным палинологических исследований [Blyakharchuk et al., 2004; Михаревич, Тишкин, 2017].

В лесостепи Новосибирской области, согласно палинологическим спектрам отложений оз. Большие Тороки, низкая июльская температура воздуха отмечалась в интервале 100–1000 гг., после 1000 г. н.э. она становится близка современной [Zhilich et al., 2017]. Изучение отложений оз. Чаны того же региона показало, что период 700–1220 гг. сопровождался регрессией озера и аридизацией климата [Орлова, 1990]. В центральной части Западной Сибири периодам 600–800 и 1200–1400 гг. соответствуют холодные условия с температурой июля и января ниже современной на 1,5° С и количеством осадков, близким современным; в интервале 1000–1100 л.н. среднегодовая температура была выше на 1–1,5° С и количество осадков – близко современным. Изучение подкурганных почв выявило, что в лесостепи Новосибирской области в период XI–XIII вв. климат был благоприятен для проживания людей [Подгорная, Дергачева, Захарова, 2009]. В степной зоне Западного Казахстана, в интервале 600–1300 гг. фиксировалось развевание песков, осушение и обмеление озер, регрессия Арала (на 14 м) [Орлова, 1990]. Составлены картосхемы увлажнения климата средневекового оптимума и Малого ледникового периода в аридных регионах Центральной Азии и Северо-Западного Китая [Chen et al., 2015].

Дендрологические данные Ямала за последние 2000 лет выявили теплые десятилетия, но отсутствует значительное потепление в средние века. Летние температуры ниже на 2,5° С эталонной отметки 1961–1990 гг. отмечены в 1005, 1300, 1455, 1530, 1810, 1880 гг. [Briffa et al., 2013]. Однако имеются дендрологические данные, указывающие на влажные и теплые летние месяцы в периоды римского и средневекового процветания общества в Горном Алтае и Италии [Büntgen et al., 2011].

В целом в Северном полушарии в последнее тысячелетие установлены климатический оптимум средневековья (950–1250 гг.) и Малая ледниковая фаза (1400–1700 гг.), согласно ледяным кернам, палинологическим диаграммам и приросту древесных колец [Mann et al., 2009; Eichler et al., 2011]. Применение модели CCSM4 в оценке изменения климата Китая по комплексным данным для периода 850–1850 AD выявило, что в динамике осадков преобладает непредсказуемая внутридекадная изменчивость, а вариабельность температуры зависит от медленно изменяющейся междекадной динамики факторов [Ying et al., 2018]. Согласно анализу 114 статей холодный климат в Северном полушарии был распространен в интервале 400–765 (509–865) гг. и связан с североатлантическим движением льда, Североатлантической осцилляцией и/или Эль-Ниньо-Южной осцилляцией. При этом в некоторых регионах климат был относительно влажным, а в Средиземноморье и Китае / Тибетском плато – засушливым [Helama et al., 2017].

Таким образом, меньшая выщелоченность изученных палеопочв от карбонатов, распределение элементов и меньшие величины ряда геохимических коэффициентов в их профиле свидетельствуют, что почва раннего средневековья на территории археологического памятника Сростки-I формировалась в несколько более засушливом климате до возведения курганов (и, возможно, с более суровыми зимами, судя по меньшей площади лесов) по сравнению с современностью, а затем началось увлажнение климата, судя по близости количества гумуса, большей насыщенности пылью мезофитной растительности древних, чем фоновых почв. Изменчивость палеоклимата средневековья разных районов Алтая свидетельствует о метакронности его динамики в пределах региона и других территорий.

Библиографический список

- Бикмулина Л.Р., Якимов А.С., Мосин В.С., Баженов А.И. Геохимические особенности почв и культурных слоев поселения неолита – энеолита Кочегарово-1 в лесостепной зоне Западной Сибири и их палеоэкологическая интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 45(2). С. 35–44. DOI: 10.17746/1563-0110.2017.45.2.035-044.
- Воробьева Л.А. Химический анализ почв. М., 1998. 272 с.
- Гарбузов Г.П. Археологические исследования и дистанционное зондирование Земли из космоса // Российская археология. 2003. №2. С. 45–55.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2014. №4/2 (84). С. 42–50. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4/2-07.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алт- гос- ун-та. 2016. №4 (92). С. 218–229. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-38.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М., Л., 1956. 163 с.
- Епимахов А.В., Чуев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2 (15). С. 47–56.

- Жихарева О.Н. Флора северных предгорий Алтая: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Барнаул, 2004. 21 с.
- Зольников И.Д., Постнов А.В., Лямина В.А., Славинский В.С., Чупина Д.А. ГИС-моделирование условий обитания, благоприятных для проживания древнего человека в горах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №3(55). С. 40–47.
- Иванов И.В. Эволюция почв в голоцене. М., 1992. 144 с.
- Ивановский Л.Н., Паныхев В.А., Орлова Л.А. Возраст конечных морен стадий «Актру» и «Исторической» ледников Алтая // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1982. С. 57–64.
- Калинин П.И., Алексеев А.О. Геохимическая характеристика лёссово-почвенных комплексов Терско-Кумской равнины и Азово-Кубанской низменности // Почвоведение. 2011. №12. С. 1436–1453.
- Куминова А.В. Растительный покров Алтая. Новосибирск, 1960. 450 с.
- Лисецкий Ф.Н., Смекалова Т.Н., Маринина О.А. Биогеохимические особенности разновременных залежей в степной зоне // Сибирский экологический журнал. 2016. №3. С. 436–448.
- Михаревич М.В., Тишкин А.А. Палинологические исследования на археологических комплексах горы Пикет в Алтайском крае // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. Пушино, 2017. С. 130–134.
- Мыглан В.С., Ойдуша О.Ч., Ваганов Е.А. Построение 2367-летней древесно-кольцевой хронологии для Алтая-Саянского региона (горный массив Монгун-Тайга) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3. С. 76–83.
- Орлова Л.А. Голоцен Барабы. Новосибирск, 1990. 128 с.
- Подгорная А.А., Дергачева М.И., Захарова Е.Г. Гумус палеопочв курганного могильника Санаторный-1 (Западная Сибирь) и реконструкция условий педогенеза на его основе // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Биология. 2009. №328. С. 198–201.
- Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late Glacial and Holocene Vegetational Changes on the Ulagan Highmountain Plateau, Altai Mountains, Southern Siberia // Palaeogeogr., Palaeoclimat., Palaeoecology. 2004. Vol. 209(1–4). P. 259–79.
- Briffa K.R., Osborn T.J., Hantemirov R.M., Kirdyanov A.V., Mazepa V.S., Shiyatov S.G., Esper J. Reassessing the Evidence for Tree-Growth and Inferred Temperature Change during the Common Era in Yamalia, Northwest Siberia // Quaternary Science Reviews. 2013. Vol. 72. P. 83–107.
- Büntgen U., Tegel W., Nicolussi K., McCormick M. URL: <http://science.sciencemag.org/content/331/6017/578-aff-5> et al. Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 CE // Nature Geoscience. 2016. Vol. 9.
- Chen J.H., Chen F.H., Feng S., Huang W., Liu J.B., Zhou A.F. Hydroclimatic Changes in China and Surroundings During the Medieval Climate Anomaly and Little Ice Age: Spatial Patterns and Possible Mechanisms // Quat. Sci. Rev. 2015. 107, 98–111.
- Eichler A., Tinner W., Brütisch S., Olivier S., Papina T., Schwikowski M. An Ice-Core Based History of Siberian Forest Fires Since AD 1250 // Quaternary Science Reviews. 2011. Vol. 30. Is. 9–10. P. 1027–1034.
- Helama S., Jones P.D., Briffa K.R. Dark Ages Cold Period: A Literature Review and Directions for Future Research // The Holocene. 2017. URL: <http://doi/10.1177/0959683617693898>.
- Katsianis M., Tsipidis S., Kotsakis K., Kousoulakou A. A 3D Digital Workflow for Archaeological Intra – Site Research Using GIS // J. of Archaeological Science. 2008. 35, 655–667.
- Mann M.E., Zhang Z., Rutherford S., Bradley R.S., Hughes M.K., Shindell D., Ammann C., Faluvegi G., Ni F. Global Signatures and Dynamical Origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly // Science. 2009. Vol. 326. P. 1256–1260. DOI: 10.1126/science.1177303.
- Nesbitt H.W., Young G.M. Early Proterozoic Climates and Plate Motions Inferred from Major Element Chemistry Oflutites // Nature. 1982. Vol. 299. P. 715–717.
- Neubauer W. GIS in Archaeology – the Interface Between Prospection and Excavation // Archaeological Prospection. 2014. Vol. 11(3). P. 159–166. DOI: 10.1002/arp.231.
- Retallack G.J. Soils and Global Change in the Carbon Cycle over Geological Time // Treatise on Geochemistry. 2003. P. 581–605.
- Rudaya N., Nazarova L., Novenko E., Andreev A., Kalugin I., Daryin A., Babich V., Li H-Ch., Shilov P. Quantitative Reconstructions of mid- to late Holocene Climate and Vegetation in the North-Eastern Altai Mountains Recorded in Lake Teletskoye // Global and Planetary Change. 2016. Vol. 141. P. 12–24.
- Schlütz F., Lehmkuhl F. Climatic Change in the Russian Altai, Southern Siberia, Based on Palynological and Geomorphological results, with Implications for Climatic Teleconnections and Human History since the Medieval Holocene // Vegetat. Hist. & Archaeobot. 2007. No 16. P. 101–118.
- Ying K., Frederiksen C.S., Zheng X., Zhao T. Variability and Predictability of Decadal Mean Temperature and Precipitation over China in the CCSM4 Last Millennium Simulation // Climate Dynamics. 2018. DOI: 10.1007/s00382-017-4060-8.
- Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L., Pozdnyakov D. Environmental Dynamics of the Baraba Forest-Steppe (Siberia) over the Last 8000 Years and Their Impact on the Types of Economic Life of the Population // Quaternary Science Reviews. 2017. Vol. 163. P. 152–161.

УДК 904(571.1)

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАДИОУГЛЕРОДНОМ ДАТИРОВАНИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Применение радиоуглеродного метода при датировке археологических объектов и находок уже прочно вошло в практику современных исследований. В настоящее время на территории Алтая и Верхнего Приобья экспедициями Алтайского государственного университета получены массовые материалы, позволившие сформировать культурно-хронологические схемы изучения истории древних и средневековых народов на основе типологического анализа предметного комплекса, а также учитывая все имеющиеся научные сведения. Планомерная работа по использованию радиоуглеродного датирования позволила соотнести полученные результаты с имеющимися хронологическими определениями традиционными археологическими методами. В ходе такого сопоставления обозначились проблемы и принимались решения, направленные на получение необходимой объективной информации. Данная практика продолжается на разных уровнях. В публикации представлены основные направления формирования новых данных по радиоуглеродному датированию и обозначены дальнейшие перспективы такой деятельности.

Ключевые слова: Алтай, Верхнее Приобье, археологические памятники, радиоуглеродный анализ, культурно-хронологическая схема.

A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

NEW DATA ON THE RADIO-CARBON DETAILS OF ANCIENT AND MEDDLE AGES SITES OF ALTAI AND THE SUPPER OB RUVER LAND

The work was carried out with the financial support of the RNF (project No. 16-18-10033
“Formation and Evolution of Life Support Systems for Nomadic Societies of Altai
and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction”)

The use of the radiocarbon method to date archaeological sites and finds has already become firmly established in the practice of modern research. At the present time, in the territory of the Altai and Upper Ob river land, the expeditions of Altai State University have received mass materials that have made it possible to form cultural and chronological schemes for studying the history of ancient and medieval peoples on the basis of the typological analysis of the object complex, and also taking into account all available scientific information. The planned work on the use of radiocarbon dating allowed correlating the results with the available chronological definitions using traditional archaeological methods. During such a comparison, problems were identified and decisions aimed at obtaining the necessary objective information were made. This practice continues at different levels. The publication presents the main directions for obtaining new data on radiocarbon dating and outlines further prospects for such activities.

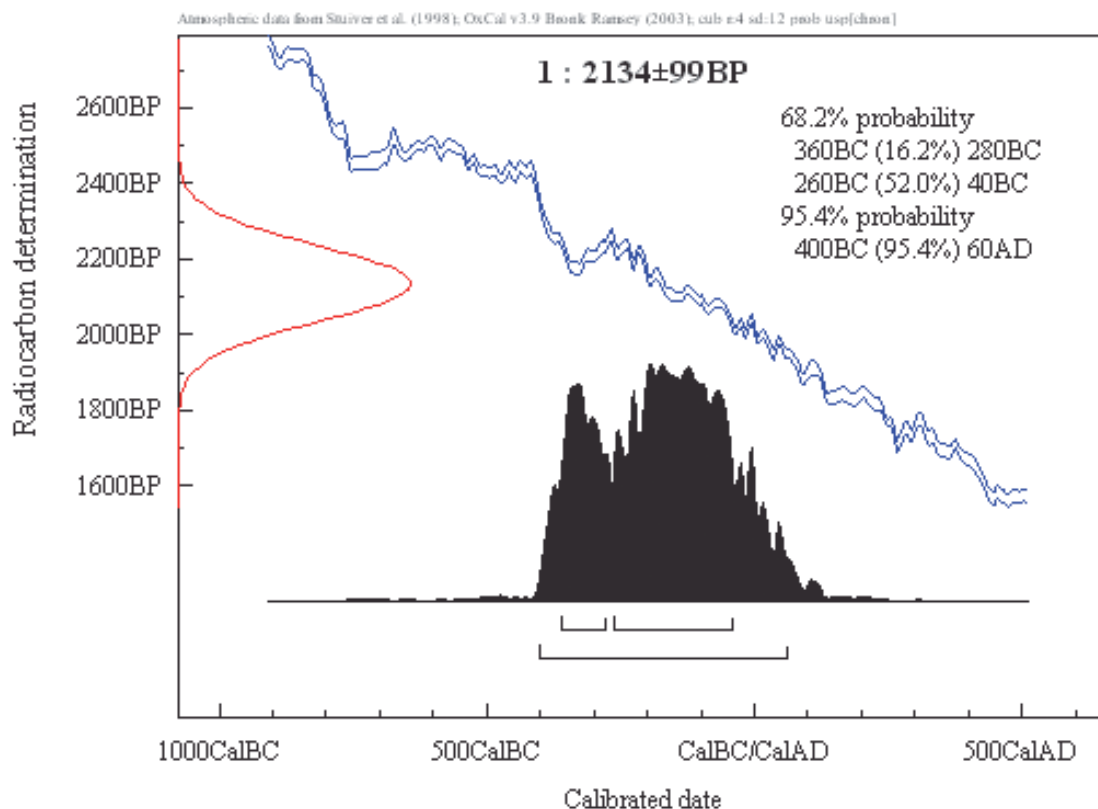
Key words: Altai, Upper Ob region, archaeological monuments, radiocarbon analysis, cultural-chronological scheme.

В ходе выполнения вышеуказанного проекта Российского научного фонда (РНФ) была запланирована и реализуется программа радиоуглеродного датирования древних и средневековых памятников Алтая и сопредельных территорий, а также отдельных объектов и находок, которые играли важную роль в системе жизнеобеспечения кочевых социумов. Первое направление такого исследования связано с необходимой корреляцией хронологических определений, сделанных на основе применения традиционных археологических методов, с результатами естественнонаучных заключений. Оно касается конкретных археологических комплексов, при раскопках которых были получены массовые и показательные материалы, отражающие выделенные этапы в рамках разработанной культурно-хронологической схемы изучения истории древних и средневековых кочевников Алтая [Тишкин, Горбунов, 2002б, 2005; Тишкин, 2007]. Второе направление решало проблемы абсолютного датирования костных останков таких животных, как лошади, овцы и собаки, игравшие важную роль в хозяйственной деятельности номадов. Формирующиеся результаты необходимы для осуществления археозоологических, молекулярно-генетических, изотопных и других исследований. Полученные серии хронологических показателей существенно способствуют выполнению задач и в рамках реализации первого направления. Третье направление, наряду с двумя предыдущими, связано с уточнением времени бытования отдельных категорий предметов, которые могут выступать в роли хроноиндикаторов, для установления срока их появления, периода распространения и времени исчезновения в материальной культуре.

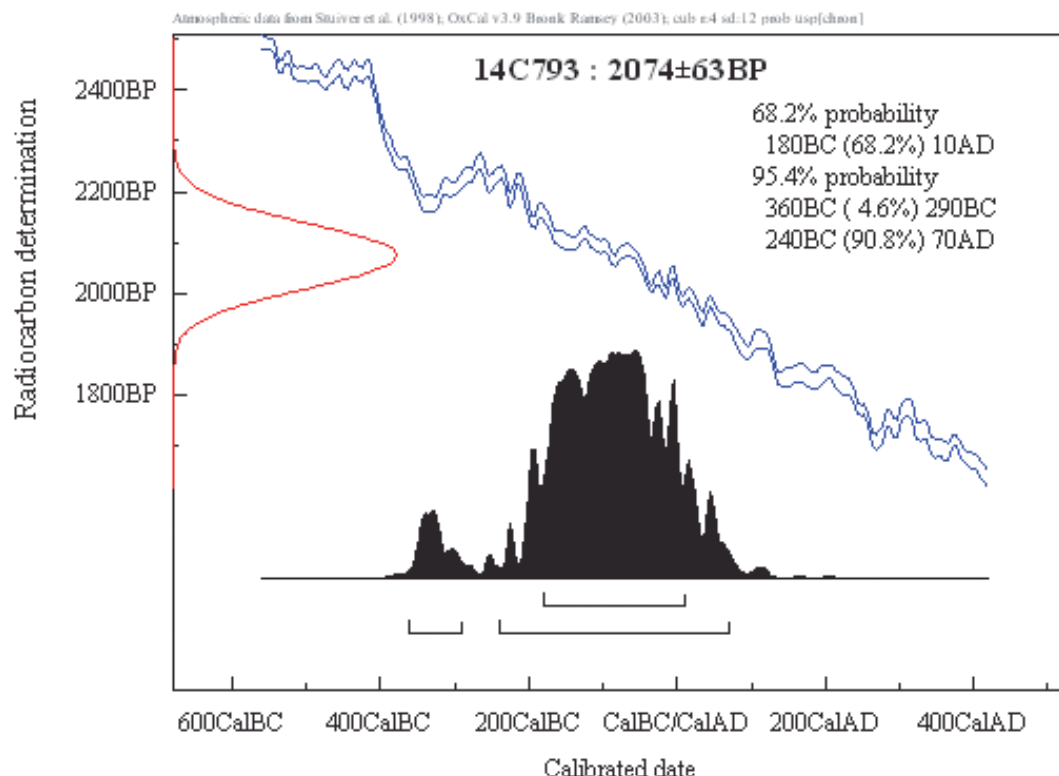
Часть новых сведений по радиоуглеродному датированию опубликована отдельно или вместе с имеющимися археологическими находками. Об этом будет изложено ниже. Однако ряд показателей еще не введен в научный оборот, что связано с продолжающимися аналитическими работами. Они будут обозначены лишь в качестве дальнейших и перспективных обобщений. Следует отметить, что раскопки археологических памятников на Алтае и сопредельных территориях продолжаются и сложившаяся система радиоуглеродного датирования будет реализовываться и далее. Для этого планируется направлять образцы в разные лаборатории, исходя из имеющихся материалов и финансовых возможностей. Калибровка полученных радиоуглеродных дат осуществляется с помощью доступных компьютерных программ, разработанных в зарубежных научных центрах. В рамках трех указанных направлений намеченная программа выполнялась с учетом изученности выделенных археологических культур, а также исходя из актуальности решаемых проблем. При этом учитывались ранее полученные данные.

В течение ряда лет анализу материалов памятника Яломан-II, относящихся к хуннускому (сюн-нускому) времени, уделяется специальное внимание. Этот комплекс, находящийся в Центральном Алтае, стал одним из базовых для обоснования усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2006]. Для установления его хронологии применялся типологический метод и была получена серия радиоуглеродных датировок по разным образцам из следующих курганов: №23а (СОАН-5499), №49 (СОАН-5500, 5501), №51 (СОАН-4982, Le-7433; GU-14916, 14923), №52 (СОАН-5048, 5502; Le-7434), №57 (GU-149168), №61 (GU-14924), №62 (GU-14919) [Тишкин, 2007, с. 264–268, 270–275]. Как видно из приведенного ряда, заключения были выполнены в трех лабораториях. Совсем недавно такая работа продолжилась в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (Томск). Радиоуглеродный анализ осуществлялся жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра «Quantulus» Томского центра коллективного пользования СО РАН. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарные показатели производилась с помощью программы OxCal 3 (аналитик – к.т.н. Г.В. Симонова).

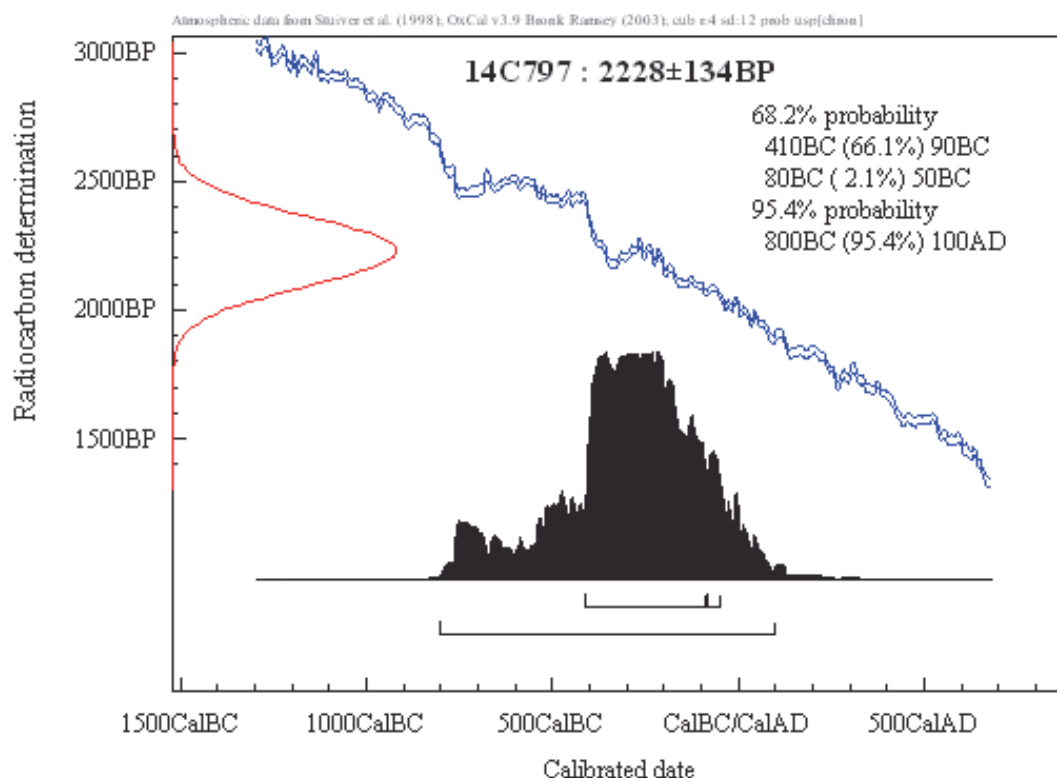
ИМКЭС-14С791. Яломан-II. Курган №51. Некондиционные кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 2134 ± 99 . Калибровочные данные: по 1σ (sigma) 360–280 BC, 260–40 BC; по 2σ (sigma) (95,4%) 400 BC – 60 AD.

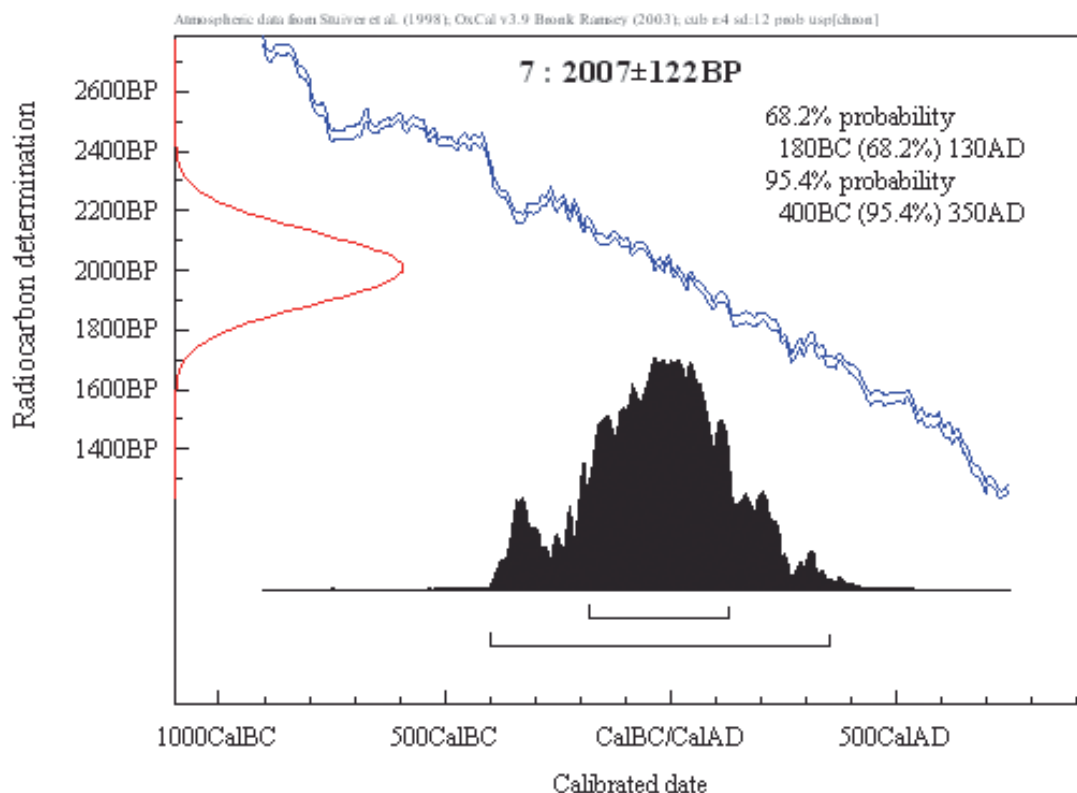
ИМКЭС-14С793. Яломан-II. Курган №44. Древесный уголь. Радиоуглеродный возраст – 2074±63. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 180 BC – 10 AD; по 2δ (sigma) (95,4%) 360–290 BC, 240 BC – 70 AD.

ИМКЭС-14С797. Яломан-II. Курган №23а. Органика неясного происхождения. Радиоуглеродный возраст – 2228±134 (большая погрешность измерения обусловлена тем, что выход бензола составил всего 0,4 мл). Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 410–50 BC, 80–50 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 800 BC – 100 AD.

ИМКЭС-14С799. Яломан-II. Курган №52. Некондиционные кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 2007 ± 122 (большая погрешность измерения обусловлена тем, что выход бензола составил всего 0,44 мл). Калибровочные данные: по 1σ (sigma) (68,2%) 180 BC – 130 AD; по 2σ (sigma) (95,4%) 400 BC – 350 AD.

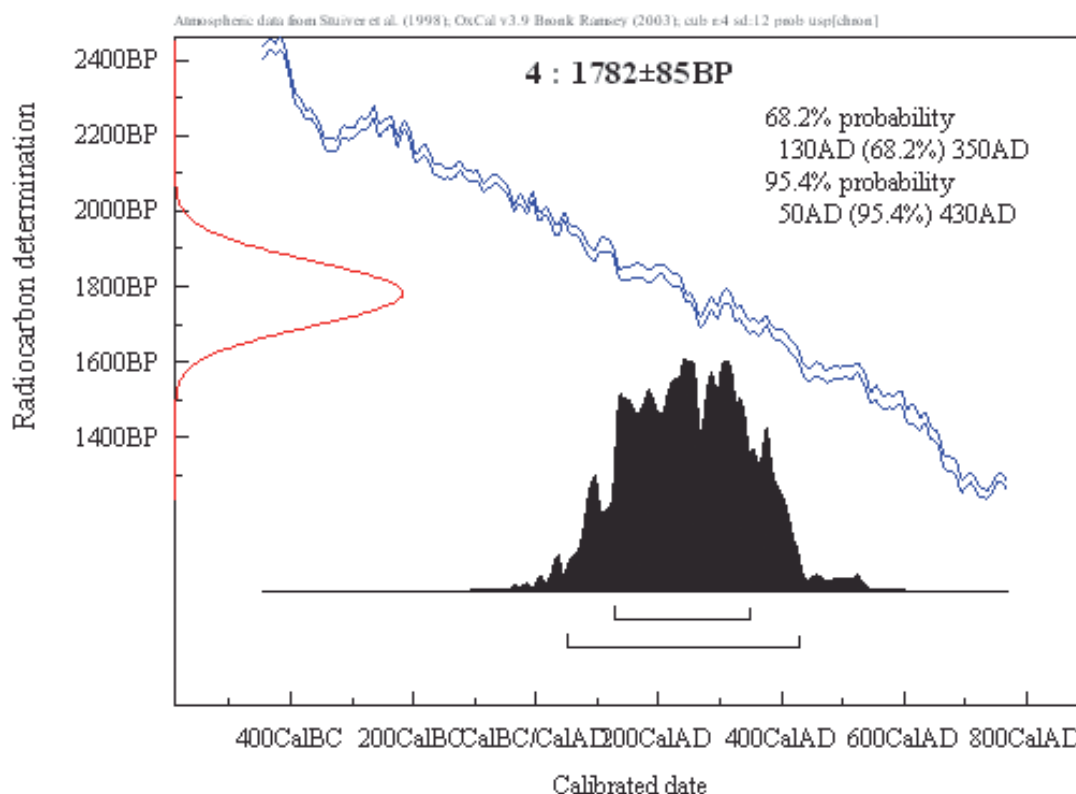

Совокупность всех полученных калиброванных показателей подтверждает указанные хронологические рамки для усть-эдиганского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры. При этом совершенно понятно, что небольшой могильник не мог существовать триста лет и требуется обозначение более узких хронологических рамок для каждого раскопанного объекта, а также возможное определение последовательности их сооружения. Данная задача, с одной стороны, решается за счет традиционных археологических методов и попыток синхронизации с реальными историческими событиями, зафиксированными в китайских письменных источниках. С другой стороны, обозначилась необходимость AMS-датирования максимального количества образцов из имеющихся материалов. Такое исследование может быть выполнено пока только в зарубежных лабораториях и при наличии существенных финансовых средств. Данная перспектива вполне реальна и может быть реализована в ближайшие годы.

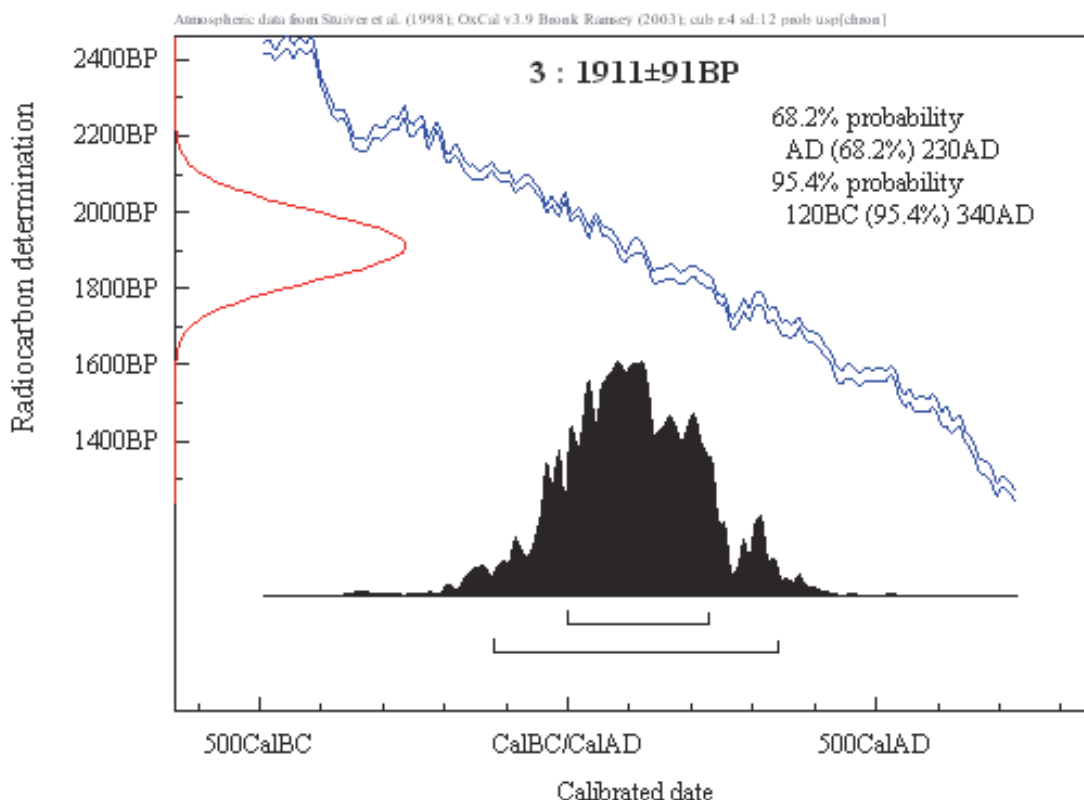
Второй памятник булан-кобинской культуры, материалы которого целенаправленно использовались для радиоуглеродного анализа, также находится в Центральном Алтае и обозначен как Степушка-I. Он датируется в рамках сяньбийско-жужанского времени, что подтверждается датами, полученными по шести курганам №5 (Le-9435), 11 (Le-9434), 13 (Le-9433), 17 (Le-9438), 19 (Le-9437) и 21 (Le-9436). Эти результаты полностью опубликованы [Тишкин, Матренин, 2013]. На основании сравнительного сопоставления археологического и радиоуглеродного датирования сделан вывод, что большинство погребений могильника Степушка-I относится к 1-й половине IV в. н.э. Самым поздним является курган №19, датированный в рамках 2-й половины IV – 1-й половины V в. н.э. Обнаруженные предметы материальной культуры и полученные хронологические определения позволяют выделить хроноиндикаторы для поздней стадии бело-бомского этапа булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, Матренин, 2013, с. 152].

Работа по получению радиоуглеродных датировок для обозначенного памятника была продолжена в вышеуказанном томском центре. Дополнительно получены два заключения, которые дополняют уже имеющиеся данные.

ИМКЭС-14С991. Степушка-І. Курган №7. Некондиционные кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1782 ± 85 . Калибровочные данные: по 1σ (sigma) (68,2%) 130–350 AD; по 2σ (sigma) (95,4%) 50–430 AD.

ИМКЭС-14С999. Степушка-І. Курган №5. Некондиционные кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1911 ± 91 . Калибровочные данные: по 1σ (sigma) (68,2%) 0–230 AD; по 2σ (sigma) (95,4%) 120 BC – 340 AD.

Следует отметить, что рассматриваемый памятник является частью одного большого могильника, который во время тендера на проведение аварийно-спасательных работ был разделен на две части: Степушка-I (восточная половина) и Степушка-2 (западная) [Кирюшин и др., 2011]. Результаты раскопок второго комплекса совсем недавно полностью введены в научный оборот. Для его датирования в трех российских лабораториях получены 13 радиоуглеродных показателей на основе использования разных материалов из семи объектов (№3, 9, 14, 26, 32, 46, 48). Опираясь на эти данные, а также привлекая другие результаты и археологические заключения, время сооружения курганов памятника Степушка-2 определено в пределах IV – 1-й половины V в. н.э. [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 59, прил. 5 и 7].

Полностью раскопанный некрополь Степушка является одним из базовых комплексов для дальнейшего изучения памятников развитого (бело-бомского) и позднего (верх-уймонского) этапов булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161]. Он позволяет приступить к выявлению более дробной хронологии каждого объекта с учетом имеющихся серийных находок и выявленных хроноиндикаторов.

Следует указать, что аналогичный памятник в настоящее время исследуется на территории Северного Алтая. Из раскопанных курганов сяньбийско-жужанского времени на хорошо известном археологическом объекте Чобурак-I [Серегин и др., 2018] отобраны образцы, которые анализируются в упомянутом томском центре (ИМКЭС-14C1300, 1387, 1390, 1391, 1443). Полученные результаты будут представлены в отдельной публикации.

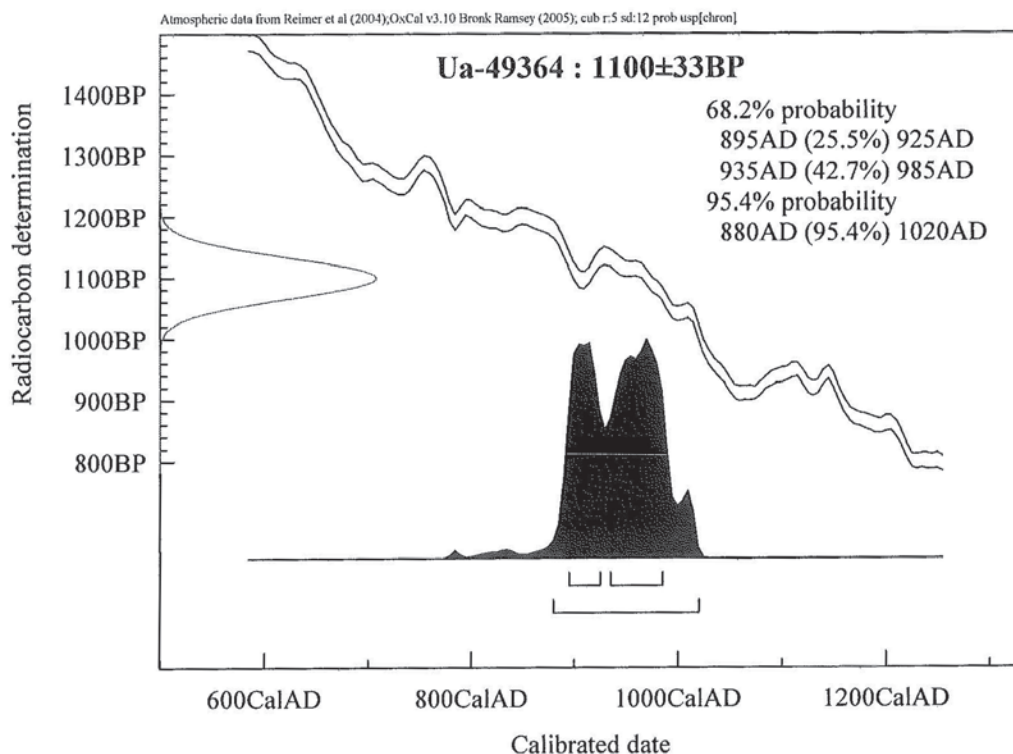
К верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры относится поздняя группа объектов на уже рассмотренном памятнике Яломан-II. По шести непотревоженным курганам получена серия из 12 радиоуглеродных дат, обобщение которых состоялось в прошлом году [Тишкин, 2017]. Одной из задач реализованной программы стало выяснение датировок курганов, в которых были найдены деревянные основы жестких седел без стремян. Для этого в лабораторию 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания) (14CHRONO Centre, Queens University, Belfast) были отправлены шесть образцов из двух объектов (№29 и 33). В ходе проведенного AMS-датирования зафиксированы результаты, позволяющие не только решать обозначенную проблему, но и наметить дальнейшие пути для эффективных исторических реконструкций [Тишкин, 2017].

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что в настоящее время по памятникам булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского («гунно-сарматского») времени получено существенное количество радиоуглеродных показателей, которые позволяют приступить к дробной хронологии внутри выделенных этапов, наметив стадии и фазы [Тишкин, 2014, с. 39–40; Tishkin, 2016, с. 256].

В ходе выполнения указанного проекта РНФ большое внимание уделялось памятникам сrostкин-ской культуры, в том числе эпонимному комплексу Сrostки-I. Полученные серии радиоуглеродных данных опубликованы [Тишкин и др., 2016; Тишкин, Горбунов, Серегин, 2018]. Однако на этом работа не закончена. В ходе выполнения исследований, связанных с изучением собак, кости которых обнаружены в курганах памятников Иня-1 и Успеновка-II, в лаборатории Уппсальского университета (Uppsala universitet, Швеция) исследовались отобранные образцы. Первый комплекс относится к раннему (ин-скому) этапу сrostкин-ской культуры и датируется в рамках 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2002б, с. 84; Горбунов, 2012]. Все имеющиеся материалы полностью еще не введены в научный оборот. По костям собак из раскопанных объектов впервые получены 11 радиоуглеродных дат (Ua-49352–49362). Они обозначили проблемы, которые предстоит рассмотреть в следующих публикациях, посвященных в том числе обнаруженным останкам собак. По кургану №3 памятника Успеновка-II, который датируется в пределах 2-й половины IX – 1-й половины XI в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2002а, с. 458–461], получена одна дата, которая хорошо укладывается в указанный хронологический диапазон.

Ua-49364. Успеновка-II. Курган №3. Кость собаки. Радиоуглеродный возраст – 1100 ± 33 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 895–925 AD, 935–985 AD; по 2δ (sigma) (95,4%) 880–1020 AD.

В заключение следует указать, что новые данные радиоуглеродного анализа также получены по материалам из памятников пазырыкской культуры. Кроме этого, в рамках формирования сравнительной базы осуществлено датирование костей животных из крупного комплекса Царам (Бурятия), относящегося к хуннускому (сюннускому) времени [Пластеева и др., 2017]. Существенная серия образцов из костей лошадей отобрана для проведения молекулярно-генетических исследований, в ходе которых

запланировано проведение AMS-датирования. Представленные результаты свидетельствуют о том, что необходимо учитывать разные специфические особенности радиоуглеродного метода и используемой аппаратуры [Кузьмин, 2017, с. 147–187]. Есть смысл осуществлять AMS-датирование, при котором статистическая ошибка измерения ($\pm$) существенно ниже, что, соответственно, сужает и хронологический интервал получаемых результатов.

Библиографический список

- Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 549–554.
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «Великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
- Кузьмин Я.В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск, 2017. 296 с.
- Пластеева Н.А., Миняев С.С., Тишкин А.А., Сахаровская Л.М. Костные остатки животных из погребального комплекса могильника сюнну Царам (Забайкалье) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №4 (20). С. 91–102. DOI: 10.14258/tpai(2017)4(20).-07.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 136–144.
- Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А. Периодизация евразийской истории: существующие проблемы и возможные решения // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: мат. Седьмой Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Барнаул, 2014. С. 25–43.
- Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. №49. С. 54–59. DOI: 10.17223/19988613/49/10.
- Тишкин А.А., Быков Н.И., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов из курганов раннесредневекового памятника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 191–196.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002а. Т. VIII. С. 456–461.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002б. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов из курганов ранне-средневекового памятника Сrostки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 165–173.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1(7). С. 147–153. DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-10.

Tishkin A.A. The Period Division of Eurasian History: Existing Problems and Possible Solutions // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. №2 (90). С. 260–267. DOI 10.14258/izvasu(2016)2-46.

УДК 903.4(571.150)

А.А. Тишкин¹, Л. Чжан², С.П. Грушин¹, А.А. Редников¹, Т. Шуй², Н.Н. Серегин¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Нанкинский университет, Нанкин, Китай

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СОВЕТСКИЙ ПУТЬ-1 В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Нанкинского университета (проект «Древняя металлургия Алтая»), а также в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, (проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Поселение Советский Путь-1 находится на левом берегу Алея, в 0,7 км к северо-востоку от одноименного села (Локтевский район Алтайского края). Комплекс был зафиксирован в 1994 г. В 1995–1999 гг. С.М. Ситников проводил раскопки памятника, материалы которого были отнесены к развитой и поздней бронзе. Работы были продолжены в 2016–2017 гг. российско-китайской археологической экспедицией, организованной сотрудниками Алтайского государственного и Нанкинского университетов. Полученные результаты потребовали формирования и реализации программы междисциплинарного изучения. В публикации представлены основные направления реализуемой исследовательской деятельности. Памятник зафиксирован с помощью тахеометрической съемки, проведены геофизические изыскания, начаты археозоологические определения, осуществляется рентгенофлюоресцентный анализ, получены радиоуглеродные датировки. Намечена дальнейшая реализация перспективных направлений изучения массовых находок. Особое внимание будет уделено обнаруженной керамике.

Ключевые слова: предгорья Алтай, поселение Советский Путь-1, междисциплинарное изучение, радиоуглеродное датирование, геофизические исследования, рентгенофлюоресцентный анализ, археозоологические определения, керамика, металлические предметы, руда, шлак.

A.A. Tishkin¹, L. Chzhang², S.P. Grushin¹, A.A. Rednikov¹, T. Shui², N.N. Seregin¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Nanjing University, Nanjing, China

RESEARCH PROGRAM OF THE INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE SOVETSKY PUT-1 SETTLEMENT OF THE BRONZE AGE IN THE ALTAI FOOTHILLS

The work was financially supported by the University of Nanking (the project “Ancient Metallurgy of Altai”), and in the framework of the grant of the Government of the Russian Federation (Resolution No. 220), received by the State Educational Establishment of Altai State University, contract No. 14. Z50.31.0010 “The Ancient Population of Siberia: the Formation and Dynamics of Cultures in the Territory of North Asia”)

The Sovetsky Put-1 settlement is located on the left bank of the Alei, 0.7 km to the northeast of the same village (Loktevsky district of the Altai Territory). The complex was recorded in 1994. In 1995–1999, S.M. Sitnikov conducted excavations of the site, with the materials attributed to the developed and late Bronze. The Russian-Chinese archaeological expedition, organized by the employees of Altai State University and Nanking University continued the work in 2016–2017. The results obtained required the formation and implementation of a program of interdisciplinary study. The publication presents the main directions of the research activity. The site was documented with the help of tacheometric filming; geophysical surveys were carried out, archaeozoological determinations were initiated, X-ray fluorescence analysis was performed, radiocarbon dates were obtained. Further implementation of promising areas for the study of mass finds is planned. Special attention will be paid to the discovered ceramics.

Key words: Altai foothills, Sovetsky Put-1 settlement, interdisciplinary study, radiocarbon dating, geophysical studies, X-ray fluorescence analysis, archaeozoological determinations, ceramics, metal objects, ore, slag.

В полевые сезоны 2016 и 2017 гг. российско-китайской экспедицией, организованной сотрудниками Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия) и Нанкинского университета (Нанкин, Китай), проводились исследования на археологическом комплексе Советский Путь-1 в Локтевском районе Алтайского края (рис. 1 и 2).

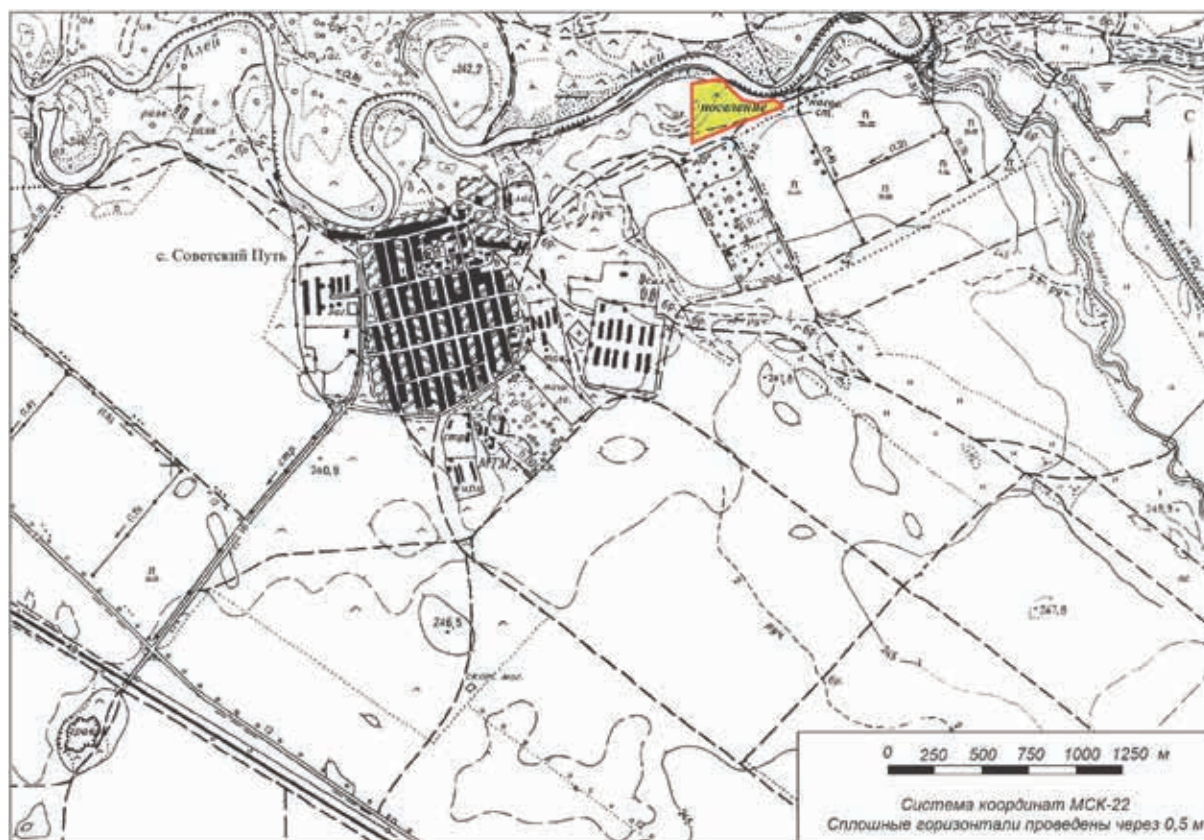

Рис. 1. Археологический комплекс Советский Путь-1. Ситуационный план

Рис. 2. Вид на месторасположение памятников с космоса

Указанный памятник состоит из поселения и могильника, которые были зафиксированы П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым в 1994 г. в ходе планового археологического обследования [Ситников, Шульга, 1995, с. 60; Ситников, 1998, с. 71]. Эти объекты находятся на левом берегу Алея, в 0,7 км к северо-востоку от одноименного села, к северу от бывшего совхозного сада и неподалеку от устья р. Золотушки [Ситников, 1998, с. 71]. В 1995–1999 гг. С.М. Ситников осуществлял раскопки поселения, материалы которого в основном относятся к развитой и поздней бронзе. Результаты полевых работ на рассматриваемом комплексе и их интерпретация последовательно вводились в научный оборот [Ситников, Шульга, 1995; Кунгурова, Ситников, 1999; Ситников, 1998; 2004; 2006; и др.], а также нашли отражение в изданной монографии [Ситников, 2015, с. 95–104].

В 2016 г. комплексные исследования на поселении Советский Путь-1 были продолжены в раскопе площадью 128 кв. м, который примыкал к ранее исследованному участку (рис. 3). За время работ удалось исследовать верхние горизонты, а также часть предполагаемого котлована жилища и зольник. Найденные материалы представлены большим количеством костей животных, фрагментами керамических сосудов, камнями, кусками шлака и руды, обломками глиняных «кирпичиков», а также медными, бронзовыми и другими изделиями [Тишкин и др., 2017].

В следующем году было решено расширить раскоп с целью охвата всего предполагаемого жилища. Для этого прирезалась линия квадратов 4×4 м с севера и две линии таких же квадратов с востока (рис. 4). В ходе вскрытия увеличившейся площади выявлен зольник, обнаружено существенное количество массовых археологических находок (кости, керамика, камни), получена достаточно обширная коллекция индивидуальных находок, среди которых резная кость, обработанный камень, бронзовые предметы. Однако полностью исследовать весь участок не удалось. Его пришлось законсервировать. Следует отметить, что работа также осуществлялась на дополнительном раскопе, который был разбит рядом с местом исследования могильника (рис. 3). В экспедиции принимали участие курсанты Барнаульского юридического института МВД России под руководством А.А. Казакова.

Для изучения поселения и полученных материалов была намечена исследовательская программа, основанная на междисциплинарном подходе. В нее входит несколько направлений и конкретных мероприятий (тахеометрическая съемка, геофизические изыскания, радиоуглеродный, изотопный и ренгенофлуоресцентный анализы, молекулярно-генетические исследования животных, изучение керамики и нагаров на ней, археозоологические определения и др.), которые стали реализовываться в первый год работы, продолжены в следующий и имеют дальнейшую перспективу для реализации.

Для получения тахеометрического плана археологического комплекса Советский Путь-I (поселение и могильник) использовалась следующая методика и технология выполнения работ. Сначала был проведен анализ имеющихся источников (научных отчетов о полевых исследованиях) и опубликованных работ. Это позволило оценить имеющиеся полуинструментальные топографические планы и выявить ранее не обозначенные детали. Затем изучались доступные фотоснимки, сделанные из космоса, а также осуществлялась фотофиксация местности с помощью летательного аппарата (рис. 4). Лишь потом приглашенными сотрудниками ООО «Топограф» проводилась тахеометрическая съемка по отработанному алгоритму и на основании официального свидетельства о разрешении такого рода деятельности.

Сначала спутниковым одночастотным GPS-прибором Trimble 4600S с пункта базовой GPS-сети, находящейся в с. Советский Путь, были определены две точки съемочного обоснования (S1 и S2). Точки закреплены на местности забитыми в землю металлическими штырями. Измерения выполнялись в режиме «Статика», время наблюдения базисных линий составило не менее 1 часа. Координаты точек съемочного обоснования определены из спутниковых наблюдений «полярным» способом с пункта базовой GPS-сети с точностью полигонометрии 1 разряда, высоты с точностью нивелирования IV класса.

Далее с точек съемочного обоснования электронным тахеометром Nikon NPL-332 выполнялась съемка в режиме измерения координат и высот пикетов с записью их в карту памяти прибора. Для обеспечения обмена данными между электронным тахеометром и компьютером использовался пакет программы Leica Geo Office. При выполнении съемки местности были составлены абрисы, на которые наносились и подписывались все станции, пикеты и ситуация, показывались стрелками направления скатов местности и схематическими горизонталями основные формы рельефа.

Топографические планы были созданы в электронном виде. Рисовка каждого плана с рельефом местности в принятых условных знаках выполнена по программе CREDO «Топоплан» по координатам и высотам пикетов контуров, элементов ситуации с использованием абрисов, составленных в поле. Затем файлы зарисованных планов экспортировались в программу AutoCAD 2012, где окон-

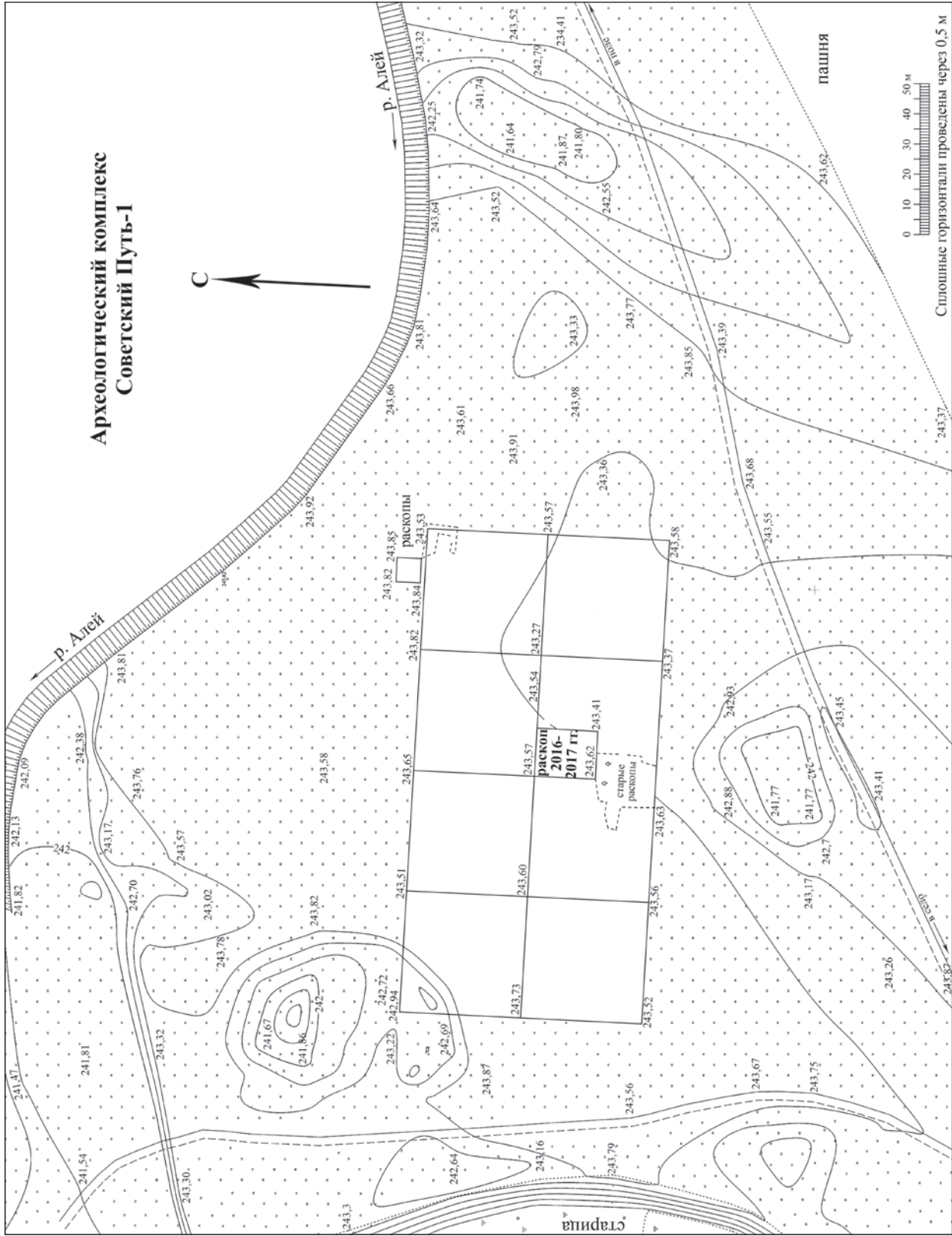

Рис. 3. Археологический комплекс Советский Путь-1. План (тахеометрическая съемка)

чительно оформлялись и распечатывались на бумаге (рис. 3). Точность положения на плане предметов и контуров относительно точек съемочного обоснования составляет 0,5 мм в масштабе плана, по высоте – 0,2 м. Основные горизонталы проведены через 0,5 м. На плане подписаны высоты характерных точек рельефа и высоты пикетов. Цифровые топографические планы ориентированы с юга на север. Метрологические поверки спутниковой системы и электронного тахеометра были выполнены в «ПО Инжгеодезия» в 2017 г.

Рис. 4. Раскоп 2016–2017 гг. на поселении Советский Путь-1

Проделанная работа позволила получить детальный план археологических памятников и имеющихся на них раскопов. Кроме этого, на плане отражен большой участок, на котором проводились геофизические изыскания (рис. 3), необходимые для планирования дальнейших работ на территории поселения и могильника. Геофизические исследования осуществлялись благодаря наличию в АлтГУ оборудования для магнитометрической съемки (магнитометр-градиентометр Foerster Ferex 4.032 DLG (производство Германия) в комплекте с КПК и специальными программами для визуализации и обработки данных). Полученные магнитограммы требуют специального анализа. Можно лишь отметить локализацию следов бронзолитейного производства к западу и югу от старого раскопа.

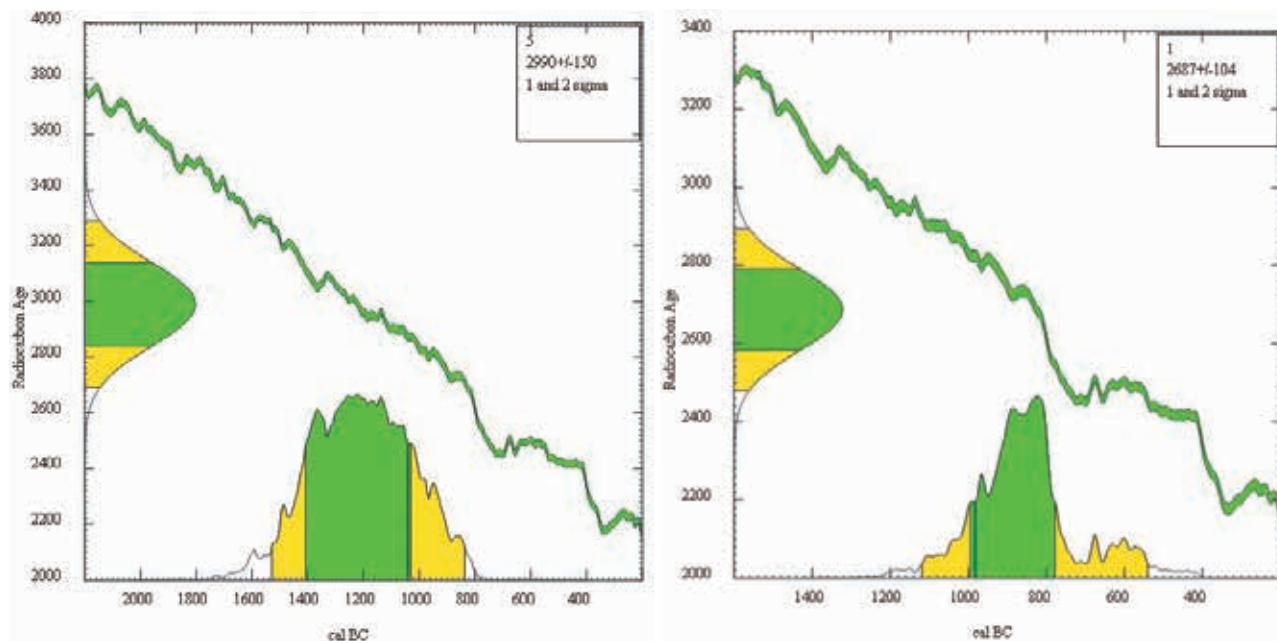
Именно на изучение металлургического производства в эпоху бронзы направлен совместно реализуемый проект. Для этого использовался портативный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с КПК (карманным переносным компьютером) и испытательным стендом. Данный приборный комплекс предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектрометрии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. Он позволяет проводить тестирование археологических находок с помощью двух компьютерных программ («Аналитическая» и «Горнорудная»). Первая программа обеспечила возможность получения количественных показателей о химическом составе 19 предметов, обнаруженных на поселении Советский Путь-1 в 2016 г. Вторая использовалась для выборочного изучения находок руды и шлака. Получена серия данных, которая нашла отражение в опубликованной статье и заложила фундамент для дальнейших емких интерпретаций [Тишкин и др., 2017]. Материалы, обнаруженные в 2017 г. и связанные с бронзолитейным производством, исследовались не только указанным портативным прибором, но и стационарными комплексами ArtTAX (фирмы Brüker) и X-Art M (производство ЗАО «Комита», Россия). Первый находится в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), а второй приобретен АлтГУ. Для фиксации результатов применялись адаптированные компьютерные программы. Получена серия данных о более 40 находках. Эти результаты планируется опубликовать от-

дельно. Они дополняют сведения, зафиксированные и опубликованные раньше. Среди всей этой массы стоит отметить предметы из свинца, два из которых сделаны в виде стерженьков. Обнаружены бронзовые слитки, целые изделия и обломки, а также находки, которые сопровождают бронзолитейный процесс (руда, сплески, шлак и т.д.).

Отдельная часть программы связана с радиоуглеродным датированием отобранных образцов из многочисленного остеологического материала. Основная сложность таких исследований заключается в том, что верхние слои поселения перемешаны. К настоящему времени в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (Томск) осуществлен радиоуглеродный анализ 10 проб жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus Томского центра коллективного пользования СО РАН (аналитик – к.т.н. Г.В. Симонова). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный выполнена с помощью доступной программы RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV7.1.0 (<http://calib.org/calib/>). В качестве примера есть смысл привести две даты, отражающие хронологию фиксируемых комплексов развитой и поздней бронзы.

ИМКЭС-14C1426. Поселение Советский Путь-1, слой 2. Некондиционные кости животных. Радиоуглеродный возраст – 2687 ± 104 . Калибровочные данные: по 1σ (sigma) (68,2%) 995–983 BC, 981–778 BC; по 2σ (sigma) (95,4%) 1119–540 BC.

ИМКЭС-14C1444. Поселение Советский Путь-1, слой 5. Некондиционные кости животных. Радиоуглеродный возраст – 2990 ± 150 . Калибровочные данные: по 1σ (sigma) (68,2%) 1405–1041 BC, 1038–1031 BC; по 2σ (sigma) (95,4%) 1528–837 BC.

Полученные результаты демонстрируют абсолютные хронологические показатели, которые позволяют определить время существования памятника по исследованным слоям. Так материалы слоя 2 относятся к периоду поздней бронзы, а слои с третьего и ниже – к периоду развитой бронзы (согласно региональной периодизации). Диапазон датировок составляет широкие хронологические рамки, если ориентироваться на 2σ (вероятность 95,4%), от 2114 до 540 г. до н.э. Более узкие интервалы определены по 1σ (вероятность 68,2%). Опираясь на них, можно обозначить такой период бытования поселения Советский Путь-1 в андроновское время: середина – вторая половина II тыс. до н.э. Этим же временем датируются многие древности андроновской археологической культуры юга Западной Сибири. Период поздней бронзы демонстрирует такой интервал: X–VIII вв. до н.э.

Указанными хронологическими рамками определяются обнаруженные материалы. В культурном отношении керамический комплекс составляет три группы, хотя стратиграфически и планиграфически они практически не разделяются. Первая группа – это керамика андроновского (федоровского) типа, вторая – саргаринско-алексеевского и третья – бегазы-дандыбаевского. Андроновские керамические сосуды четко делятся на две группы. Она представлена нарядно-ритуальной и хозяйственно-бытовой посудой, которая абсолютно преобладает во всем керамическом комплексе, представлена баночными

Рис. 5. Поселение Советский Путь-1.
Отдельные находки фрагментов керамической посуды

формами и горшками. Вторая группа (керамика саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типов) представлена горшечными формами. Этот позднебронзовый комплекс широко встречается в западных регионах Лесостепного Алтая, Восточном и Южном Казахстане. Изучение обнаруженной керамики (рис. 5) представляется в качестве одного из перспективных направлений. Это же можно сказать и об археозоологических исследованиях. Полученные обширные остеологические материалы хорошей сохранности позволяют сделать ряд важных заключений, а также способствовать проведению молекулярно-генетических исследований. Пока в этих направлениях сделаны лишь начальные шаги. Следует также отметить выполненные подготовительные работы для палинологических анализов.

Намеченная программа по изучению поселения Советский Путь-1 будет реализовываться. Совокупность перечисленных факторов делает этот памятник ключевым объектом для понимания культурно-исторических процессов, проходивших на юге Западной Сибири, в Казахстане и Средней Азии в периоды развитой и поздней бронзы.

Библиографический список

Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 46–53.

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 71–84.

Ситников С.М. Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 125–144.

Ситников С.М. К вопросу о горном деле и металлургическом производстве саргаринско-алексеевского населения Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 150–157.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 59–62.

Тишкин А.А., Редников А.А., Чжан Л., Шуй Т. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических находок, шлака и руды с поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 в предгорьях Алтая // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. №49. С. 26–31 DOI: 10.17223/19988613/49/5.

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 903.4(574.3)

А.З. Бейсенов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ТАСМОЛИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КЫЗЫЛ

Памятник находится в Центральном Казахстане, на территории Актогайского района Карагандинской области, расположен у подножья горы Бегазы, на правом берегу Каратала. На расстоянии 1,2 км к югу от него находится известный могильник Бегазы. Ранее были опубликованы материалы захоронений донгальского времени периода поздней бронзы, также изученные в составе могильника Кызыл. В настоящем сообщении приводятся данные раскопок курганов тасмолинской культуры. На основании особенностей наземных сооружений, погребального обряда и предметов инвентаря курганы №2–5 отнесены к раннесакскому времени. Из одного тасмолинского погребения получена радиоуглеродная дата в лаборатории Королевского университета Белфаста (Северная Ирландия, Великобритания). Исследованные курганы датированы периодом конца VIII – VII в. до н.э. В отличие от основной массы тасмолинских погребений, люди в курганах могильника Кызыл похоронены в полускорченном положении.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, раннесакское время, могильник, курганы, зеркало, радиоуглеродный анализ.

A.Z. Beisenov

A.H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

TASMOLA BURIALS OF THE KYZYL BURIAL GROUND

This site is located in Central Kazakhstan, in the territory of the Aktogay district of the Karaganda region. It is located on the slope of Mount Begazy, on the right bank of the river Karatal. At a distance of 1.2 km to the south is the famous burial ground of Begazy. Previously, materials were published on the burials of the Dongal period of the late Bronze Age, which were also researched as a part of the Kyzyl burial ground. The present report contains data on the excavation of the Tasmolinskaya culture barrows. Based on the characteristics of land structures, funeral rite and inventory items, barrows no. 2, 3, 4, and 5 refer to the Early Saka time. From the Tasmola burial, the laboratory of the Royal University of Belfast (Northern Ireland, Great Britain) received the radiocarbon date. The investigated barrows are dated by the period of the 8th – 7th centuries BC. Unlike the bulk of the Tasmola burials, people in barrows of the Kyzyl burial ground are buried in a crooked position.

Key words: Central Kazakhstan, Tasmola culture, Early Saka time, burial ground, barrows, mirror, radiocarbon analysis.

Могильник Кызыл (рис. 1) был открыт А.З. Бейсеновым в 2006 г. при обследовании ближних и дальних окрестностей известного могильника Бегазы в Центральном Казахстане. Исследование основной массы объектов на территории могильника проводились в полевых сезонах 2007–2008 гг., курган №5 был раскопан летом 2012 г. Первоначально зафиксированный как могильник Бегазы-3Б, он в дальнейшем, к моменту первой публикации, посвященной материалам донгальского времени, был переименован (подробности об этом см.: [Бейсенов, Солодовников, 2011, с. 208]).

На площади могильника Кызыл открыты и изучены восемь погребальных сооружений донгальского времени и семь курганов округлой, округло-овальной форм (рис. 2). В Центральном Казахстане это первый могильник, в составе которого раскопаны донгальские погребения. Известный казахский керамолог к.и.н. В.Г. Ломан (Караганда) исследовал сосуды из донгальских захоронений могильника Кызыл. Антропо-

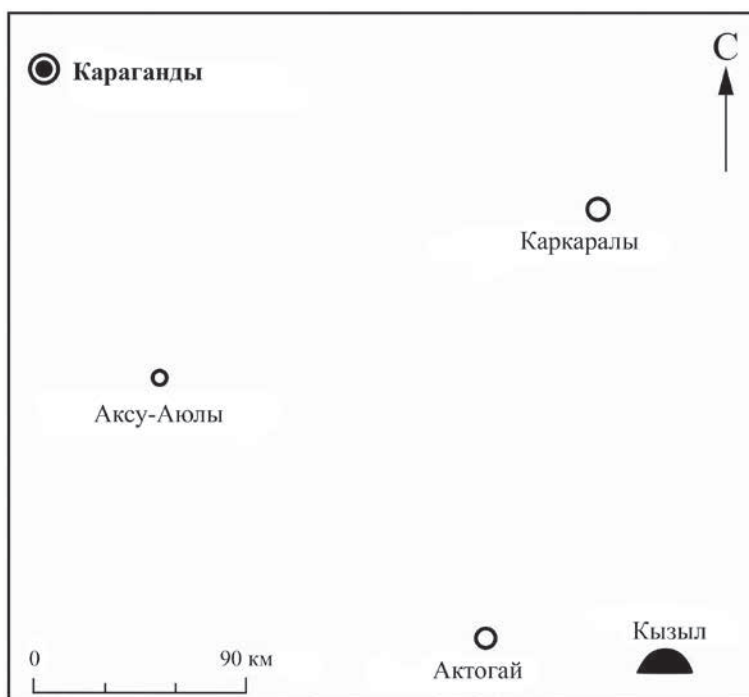

Рис. 1. Карта расположения могильника Кызыл

логом к.и.н. К.Н. Солодовниковым (Барнаул, Тюмень) были изучены палеоантропологические данные по донгальским погребениям, а антропологом к.и.н. Е.П. Китовым (Москва) – по сакским. Материалы и основные выводы по донгальским погребениям, а также антропологические данные из курганов сакского времени были опубликованы в двух статьях и одной коллективной монографии [Бейсенов, Солодовников, 2011; Бейсенов, Ломан, Касеналин, 2013; Бейсенов и др., 2015].

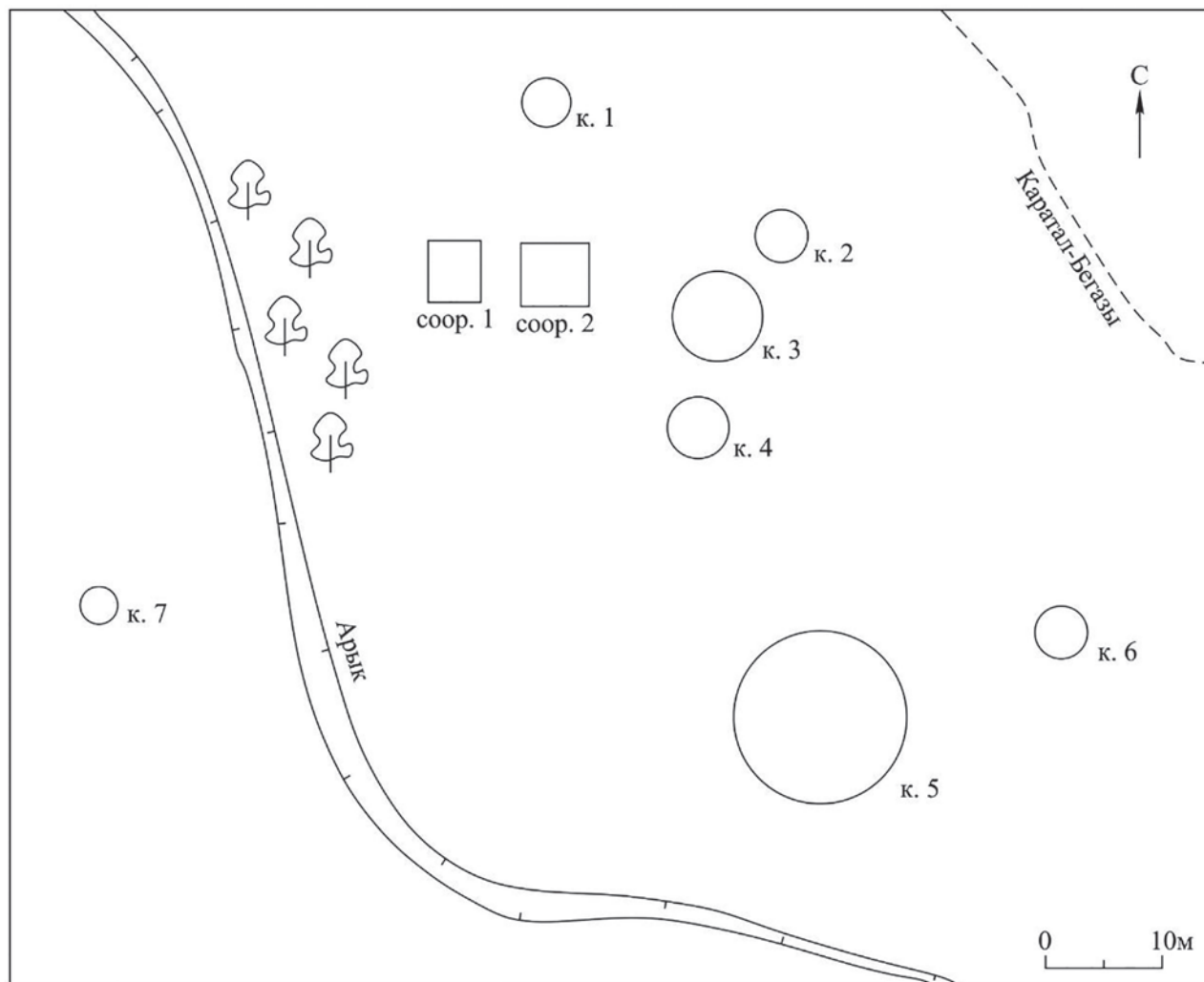

Рис. 2. План могильника Кызыл. Основные объекты, зафиксированные на поверхности

В отношении опубликованных антропологических материалов из курганов сакского времени автор просит читателей учесть следующее обстоятельство. В публикации 2015 г. вкралась досадная ошибка в нумерации объектов: «курган №3» следует считать курганом №4, а «курган №4» – курганом №2 [Бейсенов и др., 2015, с. 53, табл. 9; с. 54–56; прил. 1, с. 167, 169, 178]. По могильнику Кызыл А.З. Бейсеновым получены всего три радиоуглеродные даты – в лаборатории Королевского университета Белфаста (Северная Ирландия, Великобритания). В том числе по донгальскому периоду получены две даты из двух погребальных сооружений, которые недавно были опубликованы [Касеналин, 2017, с. 206, табл. 1], третья дата относится к тасмолинскому кургану (см. ниже).

Центральное положение в могильнике занимают погребения донгальского времени, прежде всего это два прямоугольных каменных сооружения. Первоначально именно они зафиксированы на общем плане могильника (рис. 2). В дальнейшем в ходе раскопок выявлены малые погребальные и поминальные сооружения, открывшиеся под дерновым слоем в непосредственной близости от указанных двух объектов (план донгальской части могильника см.: [Бейсенов, Ломан, Касеналин, 2013, рис. 2]). Курганы занимают преимущественно восточную часть могильника, обособленно от них, на юго-западной окраине расположен курган №7, заключавший погребение лошади и отнесенный к эпохе Средневековья. В районе кургана №6 фиксировались отдельные небольшие скопления камней. Для выяснения во-

проса наличия здесь каких-то конструкций, залегающих под дерном, необходимы шурфовка или более значительные вскрытия.

Курган №1 находится севернее донгальских сооружений 1 и 2. Он до раскопок имел вид округлой каменно-земляной насыпи диаметром около 5,5 м и высотой 0,3 м. После удаления слоя дерна и мелких камней наземная конструкция приобрела вид квадрата размерами около 4×4 м и высотой 0,2 м. Сплошная выкладка, довольно плотная, выложена из камней попеременно с землей. Разборка ее и последующая зачистка на материковом уровне показали отсутствие какой-либо ямы, пятен. Находок нет.

Курган №2 расположен в северо-восточной части могильника, в 20 м к юго-востоку от кургана №1. Южнее его расположены курганы №3–6. Насыпь кургана каменно-земляная, округло-овальной формы, размерами 8×7 м, высотой 0,25 м. Это не первоначальная высота насыпи, верх которой явно потревожен вследствие выборки камней, вероятно для строительных нужд. По основанию насыпи выложена крепида из округлых и продолговатых камней, диаметр ее 6,5 м, форма округлая. В ходе дальнейшего исследования было выявлено очертание могильного перекрытия. В центре подкурганной площадки пять узких, продолговатых каменных плит, длиной 0,4–1,9 м, шириной 0,2–0,3 м, лежали, образуя подпрямоугольную конструкцию (рис. 3.-1), ориентированную по линии ЮВ–СЗ и положенную, как показали дальнейшие работы, по периметру могильной ямы. Северо-восточная длинная сторона конструкции образована двумя плитами, в остальных трех сторонах задействовано по одной плите. Размеры конструкции по внешним стенкам – 2,35×1,4 м. Помимо них расчищены еще четыре плиты, которые лежали поперек могилы. При этом три из них, судя по размерам, не достигают ширины могилы. Они, возможно, разбиты в процессе ограбления или же укладывались в верхней части заполнения ямы, а сами плиты перекрытия в этом месте отсутствуют. Заполнение могилы – каменно-земляное.

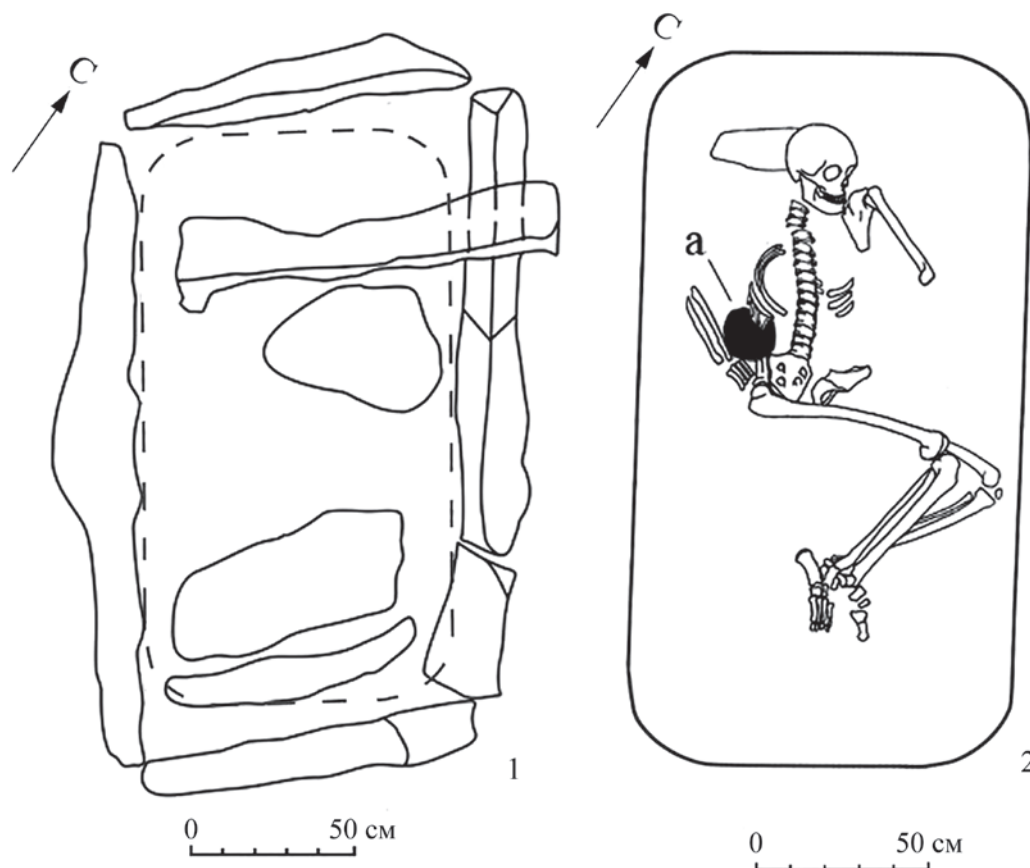

Рис. 3. Курган №2: 1 – план перекрытия могильной ямы; 2 – погребение, а – бронзовое зеркало

Длина подпрямоугольной могильной ямы – 2 м, ширина – 1,2 м, глубина – 1,1 м. Ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. На дне ямы был вскрыт костяк человека, ориентированный черепом на северо-запад (рис. 3.-2). Погребенный был уложен вполборота налево, с подогнутыми ногами (поза полускорченная). Под череп была подложена каменная «подушка». У скелета отсутствовали кости правой руки, а также и левой руки ниже локтевого сустава. Справа от таза костяка найде-

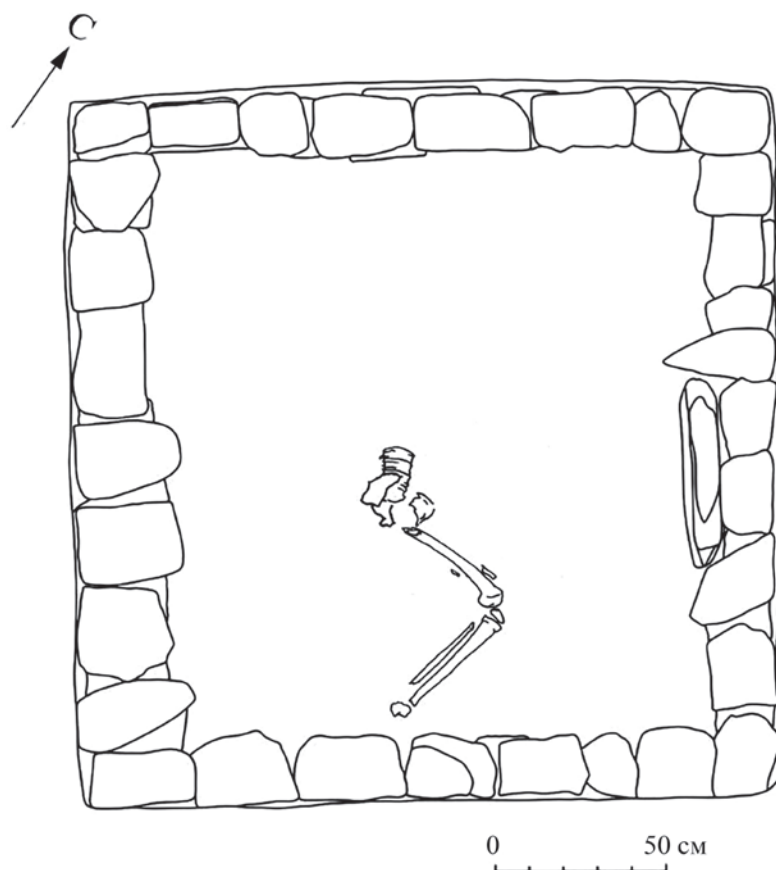

Рис. 4. Курган №3. Каменный ящик-циста

которой претерпели изменения вследствие выборки камней в позднее время. Как показали дальнейшие работы, сектор насыпи в этом месте значительно нарушен. После снятия верхнего каменно-земляного слоя выявились округлая внешняя ограда, выложенная из крупных плит, и такая же крепида, окаймляющая насыпь. Диаметр внешней ограды 8,6 м, крепиды – 7,2 м. Расстояние между этими конструкциями, уложенными как два концентрических кольца, варьирует в пределах 1,2–1,4 м. Крепида включает в себе довольно плотную округлую насыпь высотой в центральной части, несколько уплощенной, 0,35 м. В этом секторе плотность насыпи значительно нарушена, на округлом участке диаметром около 2 м фиксируются свободные от камней пространства. На южной и северо-восточной перифериях центрального сектора зафиксировано по одной крупной плите длиной 0,5–0,8 м.

В центральной части подкурганной площадки была обнаружена яма размерами 2×2 м, ориентированная углами по сторонам света, внутри которой сооружен, вплотную к ее стенкам, каменный ящик-циста (рис. 4). Общая глубина ямы – 0,65 м. Циста выложена довольно аккуратно из прямоугольных плит в один ряд, состоит из пяти слоев. Высота – 0,6 м. Вдоль северо-восточной стены цисты вкопана одна крупная плита высотой 0,5 м. Погребение сильно ограблено в древности. На дне могилы были найдены плохо сохранившиеся кости нижних конечностей человека, лежащие в анатомическом порядке, а также позвонки и фрагменты таза. Судя по этим костям, умерший был уложен головой на северо-запад, по-видимому, вполоборота налево, с согнутыми ногами (полускорченная поза). В заполнении и на дне могилы найдены три мелких, неорнаментированных фрагмента керамики.

Курган №4 (рис. 5; 6.-3, 4). Каменно-земляная насыпь округло-овальной формы, размерами 5,2×4 м. Высота насыпи, на поверхности которой имеются углубления от выборки камней, в момент раскопок была 0,35 м. Возможно, насыпь первоначально имела округлую форму. При разборке насыпи, в северо-западном секторе найдены фрагменты лепного баночного сосуда, в том числе один относительно крупный фрагмент (рис. 6.-3) и три мелких. На крупном фрагменте имеется орнамент в виде пальцевых вдавлений. В центральной части подкурганной площадки расчищено надмогильное сооружение – перекрытие могильной ямы, сложенное из крупных плит (рис. 5.-1). Сооружение, ориентированное по линии ЮВ–СЗ, имело размеры 2,5×1,6 м. Северо-западную половину конструкции занимают

но бронзовое дисковидное зеркало с бортиком (рис. 6.-1). Диаметр зеркала составляет 15,5 см. На тыльной стороне зеркала имеется дуговидная петелька высотой 0,8 см, длиной 2 см. На петельке – два параллельных желобка. Вместе с зеркалом была найдена цельнолитая бронзовая застежка (рис. 6.-2; 7) с треугольной стремечковидной петелькой и круглым грибовидным щитком на другом конце. Длина изделия – 4 см. Диаметр щитка – 1,6 см. Ширина основания петельки (рамки) – 1,4 см, ширина отверстия – 8 мм. Изделие, использовавшееся, по-видимому, в качестве застежки сумочки, лежало под зеркалом.

Курган №3. Насыпь округлой формы диаметром 9 м, высотой 0,4 м возведена из крупных камней и земли. На поверхности насыпи, как в центральной части, так и на перифериях, фиксируются округлые и вытянутые углубления, образованные вследствие выборки камней. Одно из них, в центре насыпи, овальной формы, размерами 1,2×0,7 м. Это западина от воронки древних грабителей, форма и размеры

четыре крупных плиты от перекрытия, длиной от 1,25–1,57 м, положенные поперек. В юго-восточной части конструкции три длинных плиты узкой, вытянутой формы уложены по периметру могильной ямы, сами плиты перекрытия здесь отсутствуют.

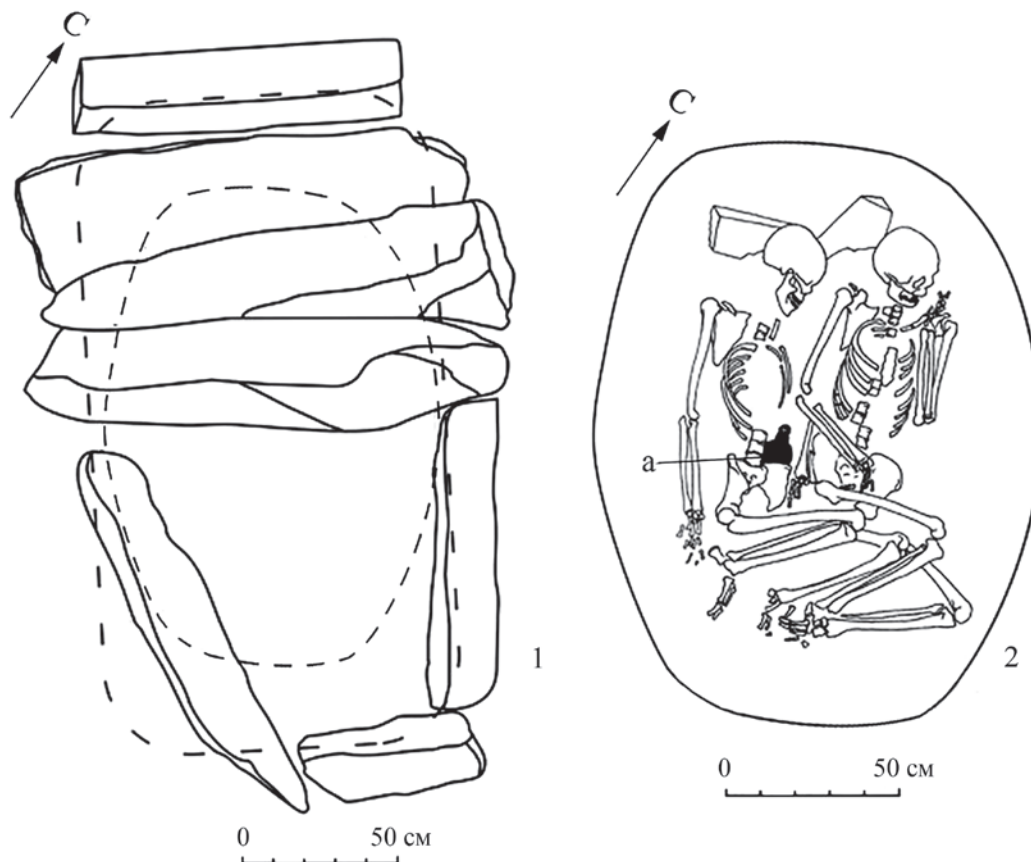

Рис. 5. Курган №4: 1 – план перекрытия могильной ямы; 2 – парное погребение, а – бронзовое зеркало

Подпрямоугольная могильная яма, имеющая на уровне материка размеры 2,3×1,28 м, ко дну сужается. На глубине 0,8 м она имеет овальные очертания и размеры 1,7×1,2 м. На этой глубине расчищены два человеческих скелета (рис. 5.-2). Умершие уложены вплотную друг к другу, вполоборота налево, с сильно подогнутыми ногами (поза полускорченная), головой на северо-запад. У левого костяка левая ключица и кости левого плечевого сустава, а также несколько спинных позвонков отсутствуют, слева у таза находилось бронзовое зеркало с боковой ручкой с фигурным окончанием (рис. 6.-4). Анатомический порядок костей скелетов не нарушен, хотя, судя по состоянию плит перекрытия, особенностям заполнения могилы, отсутствию некоторых костей у левого костяка, захоронение, видимо, потревожено в древности. Под черепами находятся каменные «подушки» в виде обломков плит продолговатой формы.

Курган №5. Значительная часть каменно-земляной насыпи выбрана для строительных нужд. Диаметр насыпи около 14 м, сохранившаяся в момент раскопок высота ее 0,6 м. Камни выбраны почти по всей площади насыпи, в том числе и в центре, поэтому первоначальная высота кургана остается неизвестной. Можно заключить, что диаметр округлой крепиды составлял 13 м. Курган сильно ограблен в древности, значительно разрушен центральный сектор. В ходе расчистки центрального сектора встречены позвонки, обломки трубчатых костей, ребра от человеческого скелета. Могильная яма расположена с небольшим смещением к югу от предполагаемого центра подкурганной площадки. Длина прямоугольной грунтовой ямы, ориентированной по линии ЮВ–СЗ, 2,2 м, ее ширина 1,3 м, глубина 1,35 м. При выборке заполнения могилы, на глубине 0,25 м от уровня материка в северо-восточном углу найден череп человека без нижней челюсти. В центральной части могилы, на глубине 0,55 м, найдены нижняя челюсть и крупный обломок от бедренной кости человека. В заполнении могилы обнаружены также разной сохранности кости животных, в том числе обломок челюсти лошади. Находок нет. На затылочной области черепа человека имеются 15 трепанационных отверстий (рис. 6.-5).

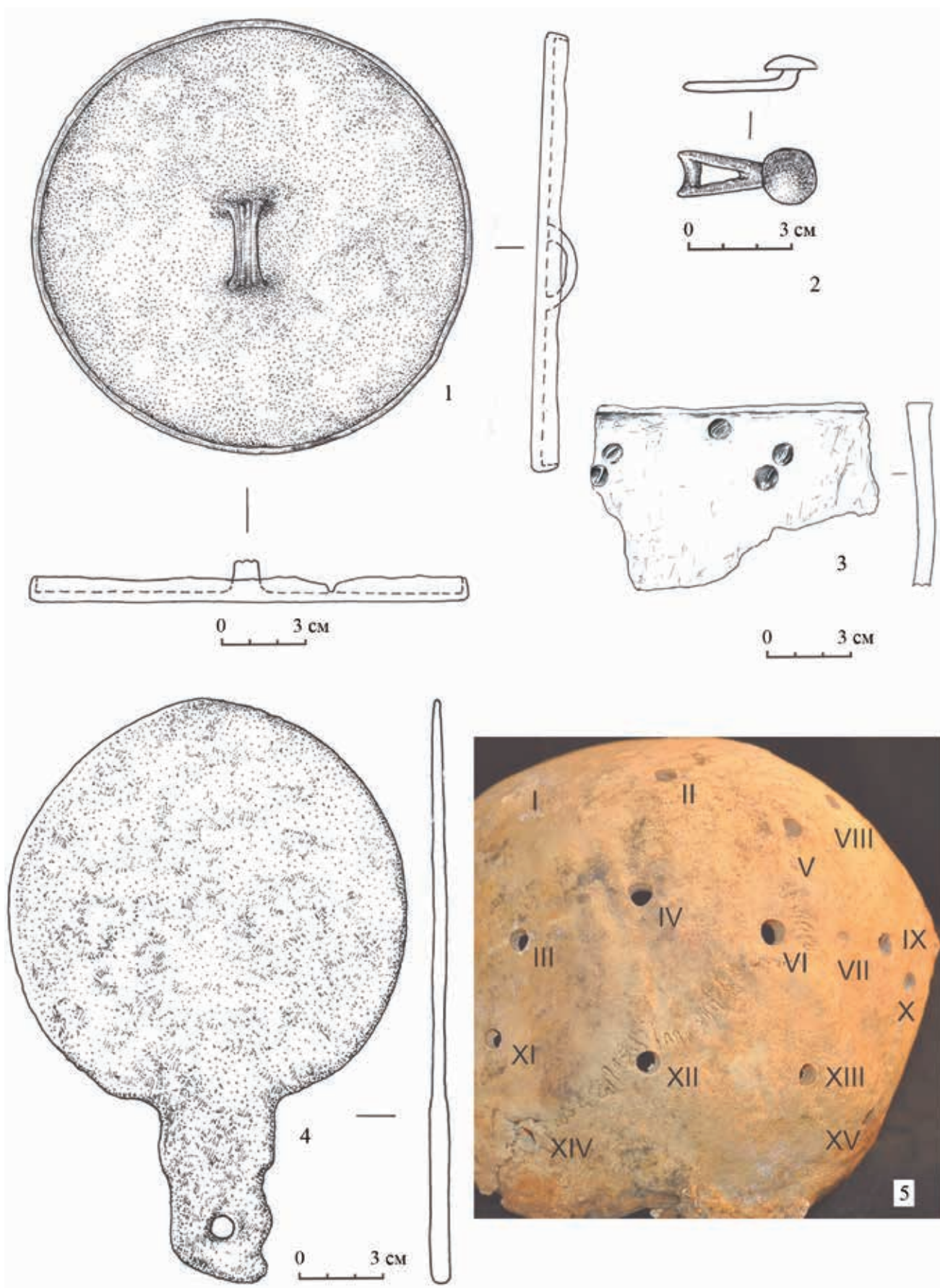

Рис. 6. Находки из курганов: 1, 4 – зеркало; 2 – застёжка (1, 2, 4 – бронза); 3 – керамика; 5 – трепанационные отверстия на черепе человека (фото) (1, 2 – курган №2; 3, 4 – курган №4; 5 – курган №5)

Курган №6. Данный объект назван курганом условно. Наземная часть памятника – это округлой формы выкладка (ограда) из разнотипных обломков плит, уложенных плашмя в один ряд и в один слой. Диаметр выкладки – 6 м. В центре, под слоем земли с небольшими камнями мощностью 0,20 м, вскрыто погребение в каменном ящике-цисте, ориентированном по линии ЮЗ–СВ. Циста прямоугольной формы, сооружена из продолговатых плит длиной 0,3–0,5 м вплотную к стенкам грунтовой ямы. Длина цисты 1,5 м, ширина – 0,8 м, высота – 0,5 м. На дне могилы расчищен костяк человека, уложенного скорченно на правый бок, головой на север–северо-восток (судя по длине, возможно, подростка или женщины). Кости скелета лежали в анатомическом порядке, но при этом череп отсутствовал. Отсутствие перекрытия цисты также указывает на ограбление. Находок нет.

Наземная часть данного памятника, представленная округлой оградой из плашмя положенных плит, резко отличает его из всей массы курганных захоронений тасмолинской культуры. Обычны такие наземные конструкции (наряду с оградой из вертикальных плит) для памятников андроновской эпохи и позднего бронзового века Центрального Казахстана. Ближайшим примером могут послужить аналогичные ограды в соседнем могильнике Бегазы. Как было указано, в районе кургана №6 на поверхности фиксировались отдельные скопления камней, рекогносцировочные раскопы на них не закладывались. Хронологию памятника однозначно определить нельзя, условно его можно отнести к периоду поздней бронзы. Курган №7 представлен невысокой каменно-земляной насыпью диаметром 4 м. В центре находилась грунтовая яма размерами 2×1,5 м, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. Глубина ямы – 1 м. На дне вскрыт костяк лошади, уложенной на живот с поджатыми ногами, головой на запад. Шея лошади повернута направо, так что голова животного была ориентирована мордой на восток. Находки отсутствуют.

Курганы №2–5 могильника Кызыл объединяются в одну группу. По костному образцу из кургана №4 была получена радиоуглеродная дата (табл.). По калибровочным значениям (сигма 1 и сигма 2) общий интервал дат укладывается в пределах периода середины VIII–VI до н.э. Данные погребального обряда, предметы инвентаря позволяют отнести эти погребения к раннесакскому этапу.

AMS ^{14}C даты проанализированного образца из кургана №4 могильника Кызыл. Центральный Казахстан. Тасмолинская культура. (Королевский университет Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания, исполнитель – С.В. Святко). Образец – кость от человеческого скелета

Шифр	Памятник	^{14}C ВР	Калиброванная дата (1 σ 68,3)	Калиброванная дата (2 σ 95,4)
UBA-25474	Кызыл, курган №4, левый скелет	2491±33	Cal BC 763–734 (0.176) 689–662 (0.171) 649–546 (0.653)	CalBC 786–507 (0.991) 500–490 (0.009)

Округлые, округло-овальные насыпи, внешняя ограда, крепиды, плиточное перекрытие, одиночные захоронения, северо-западная ориентировка умерших – черты тасмолинского обряда. Редким для Тасмолы является полускорченное положение костяка. Исключительная ограбленность основной массы исследованных погребений последних 15 лет, следствием чего является нарушенность положения костяков, не позволяет этот момент считать строго однозначным правилом, тем не менее по массовому материалу для Тасмолы характерна вытянутая поза умерших. В кургане №3 находилась циста квадратной формы. В тасмолинских материалах, полученных автором, каменные ящики, сложенные из горизонтальных плит на дне грунтовой ямы в виде цисты, редки, но имеются (вытянутые сдвоенные ящики 15 и 16 могильника Бирлик). Некоторый архаичный облик кызылскому погребению придают здесь квадратная форма камеры, а также небольшая глубина.

Во время работ М.К. Кадырбаева в Центральном Казахстане ему лишь один раз встретился случай наличия в грунтовой яме «цисты» – каменного ящика, сложенного путем кладки из обломков плит. Речь идет о кургане №6 могильника Талды-II, расположенного в бассейне р. Талдынура на территории Шетского района Карагандинской области*. Курган №6, диаметром 14 м и высотой 1 м, имел у основания крепиду из крупных камней. В центре вскрыта глубокая грунтовая яма, ориентированная в меридиональном направлении. До глубины 1,55 м заполнение ямы насыщено обломками плит. «На глубине 1,72 м выявилось каменное сооружение в виде цисты. Сверху она была покрыта массивными каменными плитами, однако сохранились две плиты: северная и южная. Циста сложена из отесанных каменных плит в четыре ряда. Сохранившаяся высота цисты 0,6 м» [Кадырбаев, 1969, с. 24–25]. Погребение сильно ограблено, по оставшимся костям и самой форме ящика, северная стена которого была на 0,3 м

* Не путать с могильником Талды-2 в Каркаралинском районе. – А.Б.

шире, чем южная, исследователь предположил северную ориентировку умершего. Находок в ящике не сохранилось, тем не менее М.К. Кадырбаев [1969, с. 25] этому погребению придавал особое значение, воспринимая его «как памятник, сочетающий в себе ярко выраженные черты переходного периода».

Раскопки М.К. Кадырбаева в бассейне Талдынуры, в том числе и данного памятника, проводились в середине 1960-х гг. Уже к этому времени в Центральном Казахстане были известны многочисленные погребения сакской эпохи (будущей тасмолинской культуры), в числе которых были и захоронения в каменном ящике, составленном из вертикальных плит. Наряду с ними, М.К. Кадырбаев особо архаичным элементом считал ящики-цисты. «Интересно, что все известные в Центральном Казахстане позднейшие (имеются в виду тасмолинские, в отличие от андроновских. – А.Б.) каменные ящики состояли из вертикально вкопанных каменных плит. Не менее важно и то, что они отличались от андроновских прототипов более примитивной выделкой. Это, например, видно по тем же погребениям из Карасая, Ботакары или Кииксу. Каждая стенка найденных там ящиков состояла не из цельной массивной плиты, а была собрана из мелких «разнокалиберных» обломков. Иное дело с цистой из могильника Талды-II. Техника кладки ее ничем не отличается от классических цист андроновского времени...» [Кадырбаев, 1969, с. 25]. В целом курган №6 могильника Талды-II исследователь отнес к концу VIII в. до н.э. [Кадырбаев, 1969, с. 26]. В наше время только лишь факт наличия цисты не должен служить веским основанием для сугубо ранней даты комплекса, необходимы дополнительные данные.

Долгое время считалось, что в тасмолинских курганах полностью отсутствует керамика. Такие мнения встречаются и в современных публикациях, в тех, авторы которых в своих работах ограничиваются изданными более полувека назад материалами (могильники на р. Шидерты [Кадырбаев, 1966], ряд отдельных курганов и в черте мелкосопочника). Сейчас это положение не может быть принято безоговорочно. Новые исследования памятников в черте Казахского мелкосопочника убеждают нас в том, что тасмолинцы один или несколько сосудов ставили в насыпи кургана.

Фрагменты керамики встречены, помимо рассматриваемых объектов могильника Кызыл, в курганах могильников Сати [Бейсенов, Ломан, 2008, с. 38–39], Нуркен-2 [Бейсенов, 2016, рис. 4.-6–8], Серекты-1, Бакыбулак, Карашоки, Кособа [Бейсенов, 2014, рис. 6], Акбеит, Акбеит-6 [Бейсенов, 2015, рис. 14.-2, 3] и др. Можно было бы рассмотреть мнение о том, что «тасмолинцы» оставляли в насыпи исключительно только фрагменты от преднамеренно разбитых сосудов, но это было бы опрометчиво. Чаще фрагменты керамики встречены в насыпи в том секторе, куда или попадает могильная яма, или от которого она находится в непосредственной близости. Практически это участки над могильной ямой или рядом с ней. В процессе ограбления сосуды разбиваются, их редкие обломки находят как здесь, в районе грабительского лаза, так и в заполнении и на дне могилы. Наряду с этим, возможно, в практике было и оставление частей сосудов в насыпи.

Не так давно, в ходе работ группы под руководством автора на могильнике Серекты-1, в центральном секторе кургана №11, сильно разрушенном грабителями, были найдены отдельные фрагменты от трех сосудов. На этом же могильнике М.К. Кадырбаев в 1979 г. вскрыл два объекта – курганы №7 и 8. При исследовании кургана №8, в центре насыпи, над могилой был найден сосуд в развале. По мнению исследователя, этот сосуд, неорнаментированный, со слегка выпуклым туловом, невысокой шейкой, был поставлен на верхний слой камней в заполнении могилы. Фрагменты от другого сосуда были найдены в восточной половине насыпи, в том числе и за крепидой [Кадырбаев, Курманкулов, Загородний, 1980]. Согласно описанию, курган неграбленный, поэтому сосуд и был найден в развале, но вот в восточной части кургана, по-видимому, преднамеренно оставлены лишь части от второго сосуда. Восточная часть тасмолинского кургана – сектор особый. При исследовании кургана №10 могильника Серекты-1, на восточной стороне насыпи, за ее пределами, в пространстве между крепидой и внешней оградой найдена донная часть плоскодонного сосуда [Бейсенов, 2016, с. 83, рис. 6], установленного в небольшой ямке. В момент раскопок сохранилось только дно с незначительными участками нижней части стенок, других фрагментов не обнаружено. Факт говорит о том, что здесь был оставлен сосуд, надо думать, с едой, в ходе ритуальных действий, возможно, уже после сооружения курганной насыпи. Именно в этом секторе, на востоке, в районе внешней ограды, был найден развал сосуда и при исследовании кургана №7 могильника Бегазы.

Еще один пример из Центрального Казахстана тоже наглядно иллюстрирует мысли о предполагаемом ритуале с сосудами, оставляемыми в насыпях тасмолинских курганов. Речь идет о кургане Жарта, исследованном в 2002 г. И.А. Кукушкиным и В.Г. Ломаном. Погребение женщины совершено в грунтовой яме, ориентированной по линии ЮВ–СЗ. Северо-западная, юго-западная и северо-восточная стенки ямы имеют сверху пологие заплечики, предназначенные, по мнению авторов, для перекрытия из органического материала. Костяк, уложенный на спину, ориентирован черепом на северо-запад.

В изголовье, на северо-западном краю могилы, на заплечике стоял небольшой плоскодонный горшок с округлыми боками. Умершую сопровождали бусы и бронзовое зеркало с боковой ручкой, на тыльной стороне которого имеется изображение свернувшегося кошачьего хищника. Исходя из особенностей зеркала и, в особенности, наличия сосуда, что считалось нехарактерным для памятников племен Центрального Казахстана, авторы предположили не местное происхождение кургана [Кукушкин, Ломан, 2004]. Сейчас это положение требует уточнения. Как было указано, в новых исследованиях накапливаются факты о наличии в тасмолинских курганах керамики. Женское погребение с зеркалом в данном случае действительно может указывать на этнокультурные контакты, об этом написано немало, но представленный обряд этого кургана, в том числе северо-западная ориентировка умершего, могила с заплечиками, сосуд на краю могилы, однозначно не противоречит тасмолинской традиции.

Курган №11 могильника Серекты-1, курганы №1 и 2 могильника Нуркен-2, а также ряд других курганов, где встречены фрагменты керамики в насыпи, относятся к памятникам элиты. Вместе с тем оба вышеописанных кургана, где найдены сосуды в районе могильной ямы, являются небольшими памятниками. Курган №8 могильника Серекты-1 имеет диаметр 6 м и высоту 0,15 м. Параметры кургана Жартас – соответственно 8 и 0,4 м. Это говорит о том, что в Центральном Казахстане ритуал оставления сосудов и их фрагментов в насыпях погребальных сооружений не зависел от социального ранга умершего, был общим для тасмолинских племен. Все это касается и курганов могильника Кызыл. В ареалах распространения скифо-сакских культур есть немало примеров оставления на перекрытиях могил, в насыпях, рвах курганов ритуальных предметов, подношений, еды. На подобную практику указывают и сосуды в насыпях курганов тасмолинской культуры.

В настоящее время на территории Центрального Казахстана известны многочисленные поселения сакского времени, имеющие общие признаки по топографии, планиграфии и другим особенностям. Керамика из поселений также обладает едиными признаками по форме, декору и технике изготовления [Бейсенов, Ломан, 2009; Бейсенов и др., 2018]. Устанавливается связь поселенческой керамики с керамикой из насыпей курганов.

Один относительно крупный фрагмент керамики из кургана №4 (рис. 6.-3) был исследован известным специалистом-керамологом В.Г. Ломаном в ходе работы над донгальскими сосудами. Общий вид фрагмента, в том числе форма венчика, наличие пальцевых защипов, сближает его с поселенческой керамикой. По мнению В.Г. Ломана, по технологии изготовления он также близок керамике из поселений (см. прил.).

Для полного исследования вопроса связи керамики из курганов и поселений необходима более представительная серия керамики из насыпей курганов. Эта работа только начинается, если учесть, что до сегодняшних дней сам факт наличия подобной керамики оставался неизвестным. Впрочем, это касается и поселенческой тематики. Уместно добавить также и некоторые, пока немногочисленные данные сравнения керамики из насыпей курганов и керамики из восточных сооружений (спутников) курганов с «усаами». В.Г. Ломаном в 2006–2007 гг. был проведен анализ серии сосудов, полученных в ходе исследований А.З. Бейсенова [Бейсенов, Ломан, 2008]. Погребальные сооружения были представлены четырьмя сосудами (фрагменты) из четырех курганов (Нуркен-2, курганы №1 и 2; Сати, курган №6; Бегазы, курган №7). 13 экземпляров составили группу из восьми курганов с «усаами», – все из восточных спутников. По одному сосуду из двух указанных групп оказалось не местного происхождения. Для всех остальных случаев технико-технологический анализ показал, что «...четкого разделения среди сосудов из двух типов курганов не выявлено» и «...вся посуда принадлежит одному культурному образованию» [Бейсенов, Ломан, 2008, с. 41].

В кургане №4 выявлено парное погребение мужчины и женщины, возраст каждого индивидуума 35–45 лет. Зеркало связано с женским скелетом [Бейсенов и др., 2015]. Для тасмолинской культуры все случаи совместных захоронений очень редки. Среди учтенных свыше 210 курганов (сводка неполная) совместные погребения встречены в семи объектах (3%), в том числе парные погребения мужчины и женщины – в трех курганах (Кызыл, курган №4; Нуркен-2, курган №6; Талды-2, курган №2). Эти данные являются приблизительными, так как во многих курганах, особенно элитных, вследствие их сильной ограбленности сохранность костных останков людей недостаточная. Тем не менее в общей массе тасмолинских материалов процент совместных погребений, в том числе и парных захоронений, в любом случае очень низок. Это, видимо, характерно и для других сакских культур Казахстана. Так, в 40 из 70 курганов Уйгарака сохранились кости людей, – в четырех из них найдены совместные погребения, в том числе в двух обнаружены парные погребения мужчины и женщины [Бейсенов, Базарбаева, 2017].

Одной из весомых черт тасмолинской погребально-поминальной традиции является трепанация головы в затылочной области. Обнаружены 13 черепов с трепанационными отверстиями, включая курган №5 могильника Кызыл. В том числе 11 черепов происходят из новых исследований, два найдены

Рис. 7. Бронзовая застежка из кургана №2

(Карабие, Сарша) в ранние периоды. Такого количества трепанированных черепов в других регионах распространения сакских культур нет. Некоторые данные имеются в материалах Тувы, впрочем, по мнению московского антрополога Е.П. Китова, они сближаются с казахстанскими материалами и по части техники выполнения отверстий. По всей видимости, эта традиция на территорию древней Тувы попала со стороны Казахстана. Предложено мнение, согласно которому трепанация головы умершего у тасмолинцев связана с необходимостью сохранения тела до момента погребения (подробнее см.: [Бейсенов и др., 2015]).

Зеркала таких типов, дисковидные с бортиком и без, а также с боковой ручкой, широко распространены в сакском мире. Новые данные показали, что не только первый тип, но и экземпляры с боковой прямой

ручкой или же с боковой ручкой с фигурными краями были распространены в раннесакское время (см.: [Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017, с. 230]).

Интересной, почти уникальной, впрочем, не только для Казахстана, но и всей восточной части степной Евразии является бронзовая застежка с петелькой в форме треугольного стремечка и грибовидным щитком на слабозагнутом, образующим стойку высотой всего около 4 мм, конце стержня (рис. 7). Изделие цельнолитое. Не исключен факт того, что для сумочки от зеркала этот предмет переиспользован, возможно, он первоначально был связан с конской уздой. Нелишним было бы предположение о том, что в Центральном Казахстане бытовали также и другие, неизвестные нам, типы таких предметов, имевших более крупные размеры и использовавшихся в лошадиной упряжи.

Так заставляют думать высказывания специалистов по поводу одной замечательной находки в составе вакулихинского клада из Алтайского края, – бронзовой пряжки схожей формы, но значительно крупной [Киришин, Тишкин, 1997, рис. 55; Бородаев, 1998, рис. 7.-13; Степанова, 2006, рис. 2.-2; Шульга, 2008, с. 102–103, 160–161, рис. 23.-14]. Опубликовавший материалы клада В.Б. Бородаев, отметив уникальность данного предмета для Саяно-Алтая и Казахстана, сразу указал на близкие типологические аналогии в материалах юга Восточной Европы [Бородаев, 1998, с. 58, 71, 73; Иессен, 1954]. Это положение в дальнейшем было развито в работах П.И. Шульги. Исследователь, ссылаясь на материалы В.Р. Эрлиха, А.И. Иванчика, В.Г. Петренко, сравнил пряжку из Вакулихи с муфтами, использовавшимися в упряжи колесниц новочеркасского времени. Впервые мнение о принадлежности муфт к деталям упряжи было высказано А.Н. Мелентьевым [1967], что впоследствии было особо отмечено в монографии В.Г. Петренко [2006, с. 69], посвященной Краснознаменскому могильнику. После А.Н. Мелентьева такие муфты* на большом фактическом материале были обстоятельно рассмотрены В.Р. Эрлихом [1994], в развернутой форме доказавшим связь их с упряжью. Еще раз отметив уникальность пряжки из Вакулихи, П.И. Шульга [2008, с. 49, прим 1], в свою очередь, тоже трактовал ее, в виде предположения, как предмет упряжи, при этом появление ее на Алтае связал с районами юга Восточной Европы [Шульга, 2008, с. 161]. Застежка из могильника Кызыл пока является единственной в своем роде в Казахстане и ее единственной ближайшей аналогией выступает пряжка из Алтайского края. Напрямую связывать эту застежку, т.е. ее происхождение, с новочеркасскими древностями нельзя. Скорее, следует ждать новых находок такого рода из памятников тасмолинской культуры, а возможно, и из памятников предыдущего этапа. По-видимому, застежку следует датировать в рамках периода конца VIII–VII вв. до н.э., как и сакские курганы могильника Кызыл в целом.

Приложение

В.Г. Ломан

Фрагменты керамики из насыпи кургана №4 могильника Кызыл

Фрагменты плоскодонного сосуда с уплощенным венчиком, под которым отмечаются пальцевые вдавления. Толщина шейки – 0,6 см, толщина стенок – 1,5 см, толщина днища – 1,8 см. Поверхность красных тонов, излом – трехцветный.

* В работах исследователей древностей юга Восточной Европы эти предметы носят разные названия: «подвижные муфты с пуговицей для пристегивания ремня», «пуговицы с муфтой», «кольца с подвесками от узды», «кольца с привесками», «кольца с подвижными муфтами».

Сосуд изготовлен из среднежелезненной глины с естественной примесью мелкого песка и обломочного бурого железняка. В качестве искусственных добавок к глине использовались крупная дресва в концентрации 1:5 и навоз. Начин – емкостный, полое тело – из лоскутов, накладывавшихся без системы (лоскутно-комковатый налп). Поверхности сосуда были заглажены кожей и травой.

Сосуд находит свои аналогии в материалах поселений сакского времени, исследованных А.З. Бейсеновым на территории Каркаралинского района Карагандинской области. Подобные формы имеются почти на всех поселениях, особенно на поселении Сарыбуйрат, что, возможно, объясняется большими размерами керамической коллекции последнего.

Дресва, обнаруженная в формовочной массе кызылского сосуда, находится на втором месте среди искусственных добавок формовочных масс поселенческой керамики, в то время как технологическая схема, по которой он был сконструирован (емкостный начин и лоскутно-комковатое полое тело), представлена лишь шестью сосудами из 49 изученных (1 сосуд из поселения Едирей-1 и 5 сосудов из поселения Сарыбуйрат).

Библиографический список

- Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 7–16.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы, 2015. С. 11–38.
- Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на р. Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. №3 (16). 2016. С. 77–86.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Совместные погребения сакской эпохи Центрального Казахстана // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: мат. междунар. конф., посвящ. 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной. Томск, 2017. С. 67–74.
- Бейсенов А.З., Гимранов Д.О., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Поселение сакского времени Абылай в Центральном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2 (22). С. 150–171.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. №3 (20). С. 227–231.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в 1 тыс. до н.э. Алматы, 2015. 188 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009. 176 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия Национальной академии наук РК. 2008. №1. С. 35–41.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е. Новое в археологии Сарыарки: донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы, 2013. С. 59–79.
- Бейсенов А.З., Солодовников К.Н. К характеристике донгальских погребений могильника Кызыл // Маргулановские чтения-2011: сб. мат. междунар. археол. конф. Астана, 2011. С. 208–211.
- Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.
- Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 112–131.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К. Древности восточных районов Сарыарка: (отчет). Алма-Ата, 1969 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2. Св. 70. Д. 1108.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., Загородний А.С. Отчет о работах ЦКАЭ за 1979 г. Алма-Ата, 1980 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2. Св. 125. Д. 1727.
- Касеналин А.Е. О хронологии и периодизации памятников переходного этапа Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. Т. 2. С. 203–208. (на каз. яз.).
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: илл.
- Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Курган Жартас // Известия Национальной академии наук РК. 2004. №1. С. 63–67.
- Мелентьев А.Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 38–44.
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы скифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006. 176 с., табл.
- Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. 2006. №13. С. 102–150.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1: Раннескифское время. Барнаул, 2008. 276 с.
- Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. 145 с.: илл.

УДК 903.2(5-191.2)

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНСКОГО ДОСПЕХА У КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Приводится краткий обзор использования средств защиты колесничих и верховых лошадей у различных народов во II тыс. до н.э. – I-й половине I тыс. н.э. Обобщаются данные вещественных, изобразительных и письменных источников о конском доспехе Центрально-Азиатского региона. Время появления здесь полной защиты верхового коня определяется началом IV в. Последовательно рассматриваются виды конского доспеха у кочевников сяньби, тюрков, киданей, монголов и ряда других племен. Характеризуются структура бронирования, покрой и детали оформления наголовий и попона. Для защиты тела лошади использовались гетерогенные – ламеллярные и ламинарные – покрытия, а защита ее головы чаще состояла из однородных масок. Отмечается, что доспех верхового коня, созданный сяньби, послужил основой, на которой в дальнейшем развивался средневековый конский доспех. Защитные средства лошади, используемые тюрками, а затем монголами, в значительной мере повлияли на усовершенствование конских доспехов в Западной Азии и Европе.

Ключевые слова: доспех, лошадь, попона, наголовье, номады, Центральная Азия, эпоха Средневековья.

V.V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

APPEARANCE AND DEVELOPMENT OF THE HORSE ARMOR AMONG THE NOMADS OF CENTRAL ASIA

The work is performed with financial support of RSF (the project No. 16-18-10033,
“Formation and Evolution of Life Support Systems in Nomadic Societies of Altai
and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction”)

The article provides a brief overview of the use of the means for protecting chariots and riding horses with different peoples in the 2nd millennium BC – 1st half of the 1st millennium AD. The data of material, graphical and written sources about the horse armor of the Central Asian region are summarized. The time of the appearance of complete protection of the horse is determined by the beginning of the 4th century. Consistent study is given to the types of horse armor the nomads of Xianbi, Turks, Khitans, Mongols and a number of other tribes. The article characterizes the structure of the armor, style and details of the design of headbands and horse-cloth. To protect the body of the horse heterogeneous coatings were used: lamellar and laminar, and the protection of its head often consisted of homogeneous masks. It is noted that the armor of the mounted horse, created by Xianbi, served as the basis for the development of the medieval horse armor. The horse's protective equipment used by the Turks and then the Mongols greatly influenced the improvement of horse armor in Western Asia and Europe.

Key words: armor, horse, horsecloth, headband, nomads, Central Asia, Middle Ages.

С началом регулярного использования лошади на полях сражений человек буквально сразу стал экспериментировать со средствами для ее защиты. Так во II тыс. до н.э. появляются бронированные покрытия для тела колесничих коней у гиксосов, хурритов, хеттов, египтян и ряда других народов Восточного Средиземноморья [Никоноров, 1985, с. 30; Нефедкин, 2001, с. 352–353; Горелик, 2003, с. 103–104, 115–116]. В I тыс. до н.э. со становлением нового рода войск – конницы, средства защиты начинают использоваться не только для колесничих, но и для верховых лошадей. Помимо уже известной попона, в это время распространяется защитное наголовье. Достаточно долго доспех верхового коня включал небольшие детали типа нагрудника и налобника. Они были особенно популярны у ассирийцев, скифов, персов, греков и италиков [Никоноров, 1985, с. 31; Горелик, 1995, с. 429; Нефедкин, 2001, с. 351–352]. Лишь в V в. до н.э. появляется полный конский доспех, состоящий из маски, закрывающей почти всю голову лошади, и многочастной попона, прикрывающей ее шею, грудь, бока и круп. Он известен по находкам в памятниках царства Чу, в Китае и предназначался для защиты колесничих коней [Бай Сунцзинь, 1989, с. 71–75]. Для самого Китая этот доспех остался локальным явлением, но его идея, видимо, была заимствована кочевниками-саками и применена для защиты верховой лошади в последней трети IV в. до н.э. [Горелик, 1987, с. 129, рис. 2.-5; Никоноров, 1994, с. 47–49]. Позднее полный конский доспех фиксируется у кушан, парфян и сарматов, выходцев из сакской среды, а также принимается на вооружение особых конных отрядов катафрактариев, катафрактов, клибанариев в армиях эллинистических государств, Римской империи и Сасанидского Ирана [Никоноров, 1985, с. 31–34; 1994, с. 50].

Несмотря на устойчивую традицию использования конского доспеха кочевыми народами Восточной Европы и Средней Азии, номады Центральной Азии, имевшие тесные военно-культурные контакты с западным ареалом, на протяжении длительного времени обходились лишь средствами защиты всадника. Предположение о существовании конского доспеха у хунну пока имеет под собой мало оснований [Горелик, 1993, с. 170; 1995, с. 428; Бобров, Худяков, 2005, с. 99]. Правда, в памятниках хунну I в. до н.э. – I в. н.э. и сяньби II–IV вв. встречены налобные пластины от конского снаряжения, но оружейеды обоснованно сомневаются в эффективности их защитных функций, полагая, что в первую очередь такие налобники служили в качестве украшения узды [Горелик, 1993, с. 167–170, рис. 11.-1; Рец, Юй Су-Хуа, 1999, с. 42–43, рис. 1.-3–9; Бобров, Худяков, 2005, с. 151–152].

Наиболее ранняя находка подлинной конской защиты была сделана на памятнике сяньби-муюнов в Шиэртай (граница Внутренней Монголии и Юго-Западной Маньчжурии), датируемом первой третью IV в. В этом богатом погребении обнаружен полный комплект оборонительных средств тяжеловооруженного всадника. Он включал шлем и панцирь для воина, маску и попону для коня. Его дополняют такие новинки конского снаряжения, как жесткое седло с высокими луками, окованными металлом, и стремя-подножка [Горбунов, 2015, с. 5–7, рис. 1.-6, 10, 11; 2.-1–11; 3.-1–7; 4.-1–9]. Комплекс из Шиэртай совпадает по времени с началом продвижения центральноазиатских кочевников на земли Северного Китая, где они для изготовления доспехов могли использовать развитую ремесленную базу. Здесь в памятниках различных династий (в основном сяньбийского происхождения) 2-й половины IV – VI в. известно много изображений бронированных коней [Горелик, 1993, с. 169, рис. 6; Бобров, Худяков, 2005, с. 85, 88–89, рис. 12, 14, 15]. О большом количестве лошадей, одетых в броню, в сяньбийских армиях свидетельствуют и письменные источники [Материалы..., 2012, с. 229].

Благодаря сочетанию вещественных и изобразительных данных можно достаточно подробно представить сяньбийский конский доспех. Для защиты головы лошади в IV–V вв. использовалась трехчастная маска из склепанных полос железа. Она имела налобник и два нащечника, крепящиеся к нему на шарнирах. Налобник дополнялся пластиной, прикрывающей верхнюю губу лошади, и гребнем, закрывающим уши (рис. 1.-1, 3). В VI в. получают распространение монолитные анатомические маски из одного листа железа или куска кожи с вырезами для глаз и иногда для ушей (рис. 1.-4–6). Тогда же появляются ламеллярные маски [Горелик, 1993, рис. 5.-9; 6.-5]. Попона изначально имела ламеллярную структуру и набиралась из железных пластин, более крупных, нежели панцирные (рис. 2.-2). Ее покрой включал нашейник, нагрудник, две боковины и накрупник (рис. 1.-3, 6). В VI в. появляется вариант из нашейника-нагрудника, двух боковин, накрупника и задника (рис. 1.-5), а также попона ламинарной структуры из двух частей: нашейника-нагрудника и накрупника-задника (рис. 1.-4). Железные наголовья и попоны должны были иметь подкладку из мягких органических материалов, но иногда они и сверху покрывались обычной и стеганой материей, а также шкурами животных [Бобров, Худяков, 2005, рис. 8.-1, 10, 11; 9.-1, 3, 5; 14.-8, 12, 15.-9, 10, 16].

Доспех верхового коня, созданный сяньби, оказал прямое влияние на появление аналогичных защитных средств в Южном Китае и Северной Корее и стал основой, на которой развивался средневековый конский доспех в целом. Несмотря на то, что сяньбийская тяжелая конница действовала главным образом в Китае, образцы ее вооружения достаточно рано (середина IV – начало VI в.) стали проникать и к другим кочевникам Центральной Азии. Так отдельные изображения бронированных лошадей встречаются в ареале булан-кобинской культуры Алтая и таштыкской культуры Минусы [Худяков, 1986, с. 103, рис. 43.-2; Горбунов, 1998, с. 122, рис. 1.-1, 2], а письменные источники сообщают о подарках северовэйского императора кагану жужаней, среди которых были латы на всадников и лошадей [Материалы..., 1984, с. 283]. Однако подлинными преемниками сяньбийской эстафеты в использовании тяжелой конницы становятся тюрки.

Тюркский конский доспех сейчас известен по серии наскальных рисунков с территории Алтая и остаткам двух попон из погребений Алтая и Тувы. Эти памятники в основном относятся к периоду 2-й половины V – 1-й половине VIII в., т.е. времени сложения тюркского этноса и существования его каганатов [Горбунов, 1998, с. 122–123; 2013, с. 24]. Есть упоминание о боевых конях, укрытых защитной попоной, и в рунических текстах тюрков [Тугушева, 2008, с. 44]. Судя по рисункам, попоны тюркских коней имели ламеллярную, ламинарную или комбинированную структуру. Ламеллярные части попоны набирались из железных пластин, по своим признакам аналогичных панцирным (рис. 2.-1, 2). По покрою выделяются попоны из одной части, обернутой вокруг шеи коня (рис. 2.-3, 5), и из нескольких частей, закрывающих шею, грудь, бока и круп лошади (рис. 2.-4, 6–11). Головы коней защищал доспех ламеллярной, ламинарной и цельносоставной структуры. Это – наголовья в виде полумаски (рис. 2.-4, 8) и маски (рис. 2.-3, 5–7).

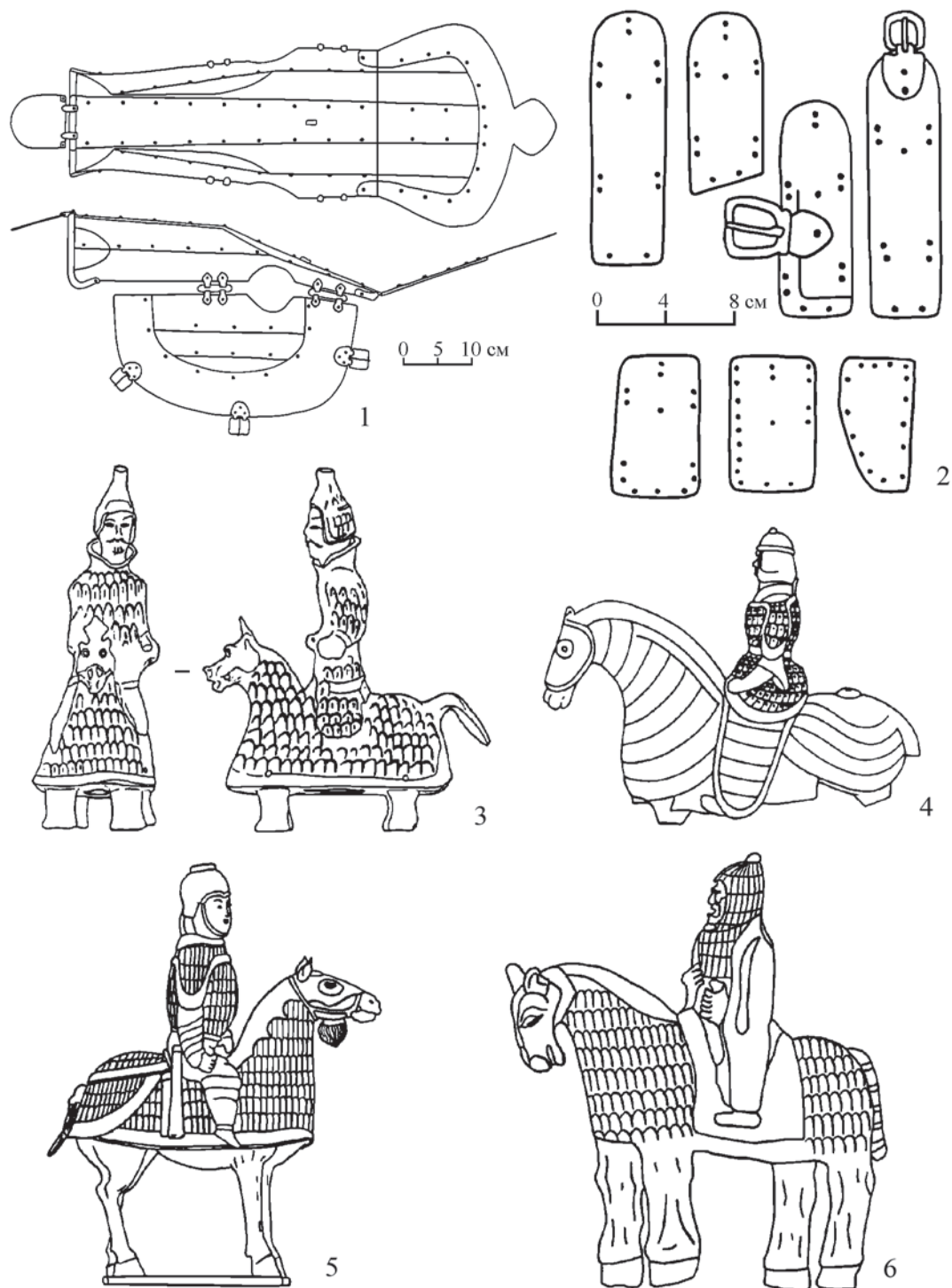

Рис. 1. Сяньбийский конский доспех: маска (1) и пластины попоны (2) из Шиэртай, 307–337 гг.; статуэтки из погребений в Сини (3), 386–395 гг., Бэйчень (4), 532 г., Тайюань (5), 550–577 гг., Гуянь (6), 572 г.

Тюрки наладили собственное производство конского доспеха, увеличив его массовость, в условиях кочевой экономики, за счет более широкого применения ламинарной брони, введения облегченного покроя типа нашейника и не всегда используя наголовья. Благодаря военной деятельности Тюркских каганатов восточные элементы конского доспеха были заимствованы персами, византийцами и арабами [Горбунов, 1998, с. 111, 119]. После падения власти тюркских каганов (744 г.) данные о конском доспехе в Центральной Азии крайне скудны. Отдельные изображения бронированных лошадей IX–X вв. связываются с кыргызами. На них показаны трехчастная маска с султанчиком для плюмажа, ламинарные нашейники и нагрудник, усиленный круглыми дисками. Такие диски-щитки в письменных источниках отмечаются у кыргызов в качестве деталей воинского доспеха [Худяков, 1980, с. 128, табл. LI–LII].

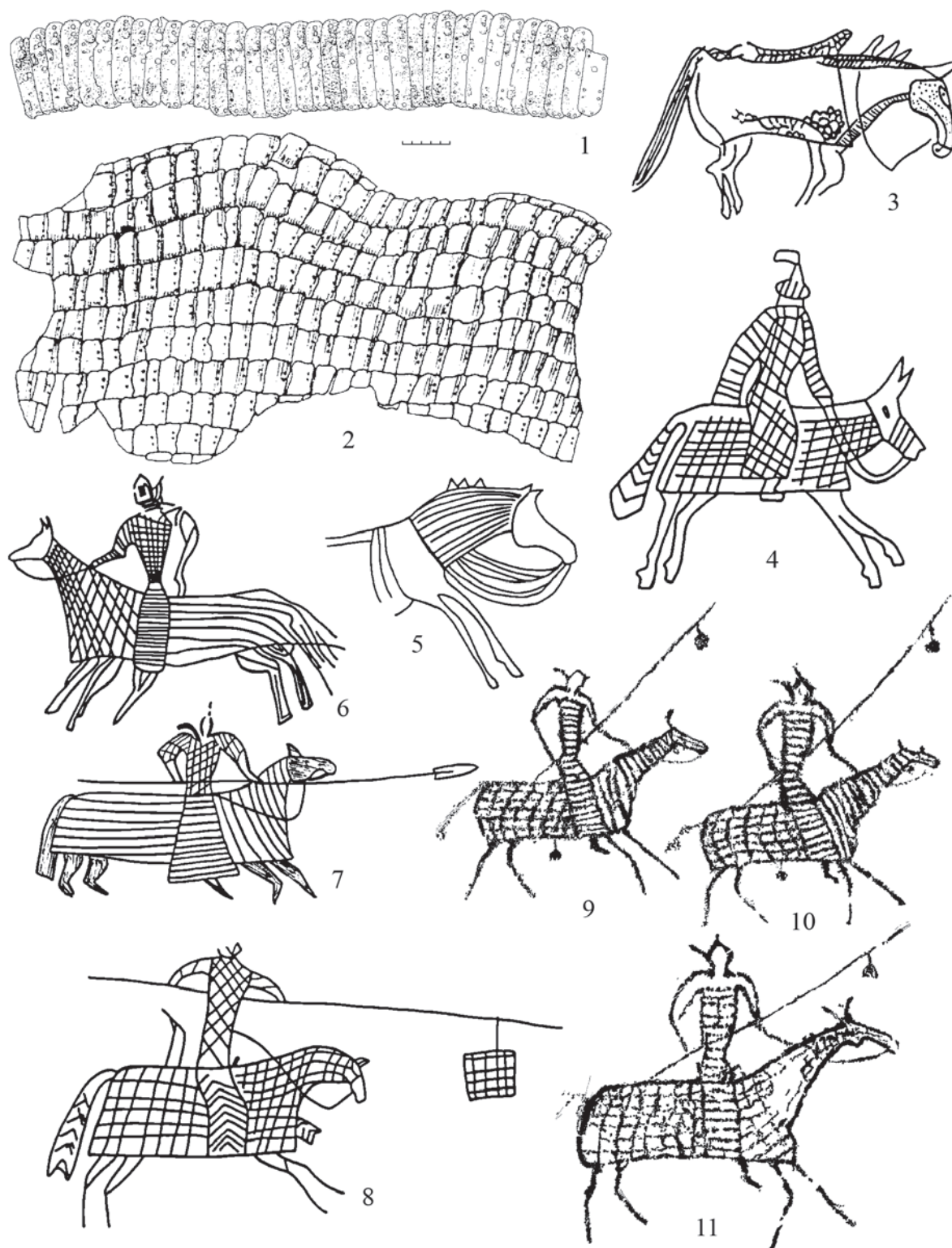

Рис. 2. Тюркский конский доспех: полоса от попоны (1), Урочище Балчигова-3, курган №7, 1-я половина VIII в.; ламеллярный нагрудник (2), Даг-Аразы-П, курган №6, 2-я половина VII – 1-я половина VIII в.; рисунки из Кудыргэ (3), Жалгыс-Тобе (4, 8), Шалкобы (5), Кара-Оюка (6), Шин-Оозы (7), Хар-Хада (9–11)

В X в. военное преобладание в Центральной Азии переходит к объединению киданей, которые активно используют тяжелую конницу. Киданьский конский доспех известен по изобразительным источникам. Судя по ним, кидани применяли ламеллярные попоны двух типов: из нашейника и нагрудника (рис. 3.-1), из нашейника-нагрудника, двух боковин и нагрудника-задника с отдельной лопастью под хвост и выступами внизу (рис. 3.-2, 3). Наголовье представлено трехчастной маской из фигурного цель-

ного налобника с гребнем из пяти узких пластин и ламеллярных нащечников (рис. 3.-2, 3). Оформление защиты киданьских лошадей своеобразно и в большей степени связано с Дальним Востоком и Китаем, где кидани противостояли империи Сун и чжурчжэням [Горелик, 2002, с. 55, 57].

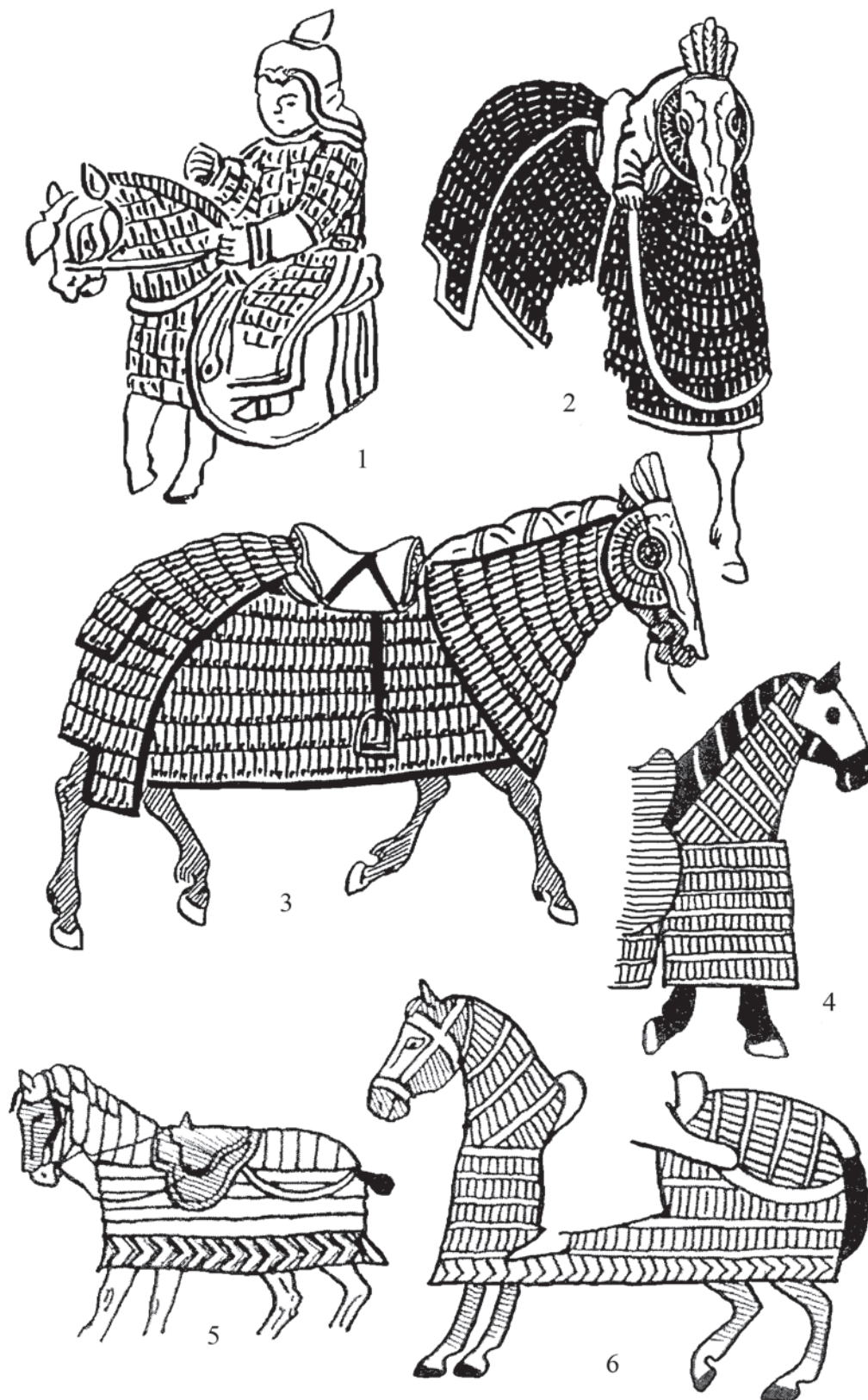

Рис. 3. Киданьский (1–3) и монгольский (4–6) конские доспехи (по: [Горелик, 2002]):
рельеф гробницы из провинции Ляонин (1); картина эпохи Сун (2–3),
копия 2-й половины XIII в.; багдадская (4) и ширазские (5–6) миниатюры 30–40-х гг. XIV в.

Начиная с XII в. в Центрально-Азиатском регионе идет процесс усиления монгольских племен, в 1206 г. создавших объединенную державу. Монголы уделяли достаточное внимание оснащению тяжелой конницы и защите лошадей. Подробное описание монгольского конского доспеха середины XIII в. оставлено легатом Плано Карпини [1997, с. 53–54]. К сожалению, на территории Центральной Азии пока не выявлено вещественных и изобразительных источников по конскому доспеху монгольского времени, но иллюстрации такого рода, относящиеся ко 2-й четверти XIV в., происходят из Улуса Хулагу. Их сравнительный анализ с текстом Плано Карпини позволяет выделить те типы конской защиты, которые использовались в Улусе Великого хана и, возможно, империи Юань. Монгольский конский доспех на востоке состоял из попон ламеллярной и ламинарной структуры и цельных наголовий. Попоны собирались из нескольких частей: нашейника, нагрудника, двух боковин (рис. 3.-4) и накрупника (рис. 3.-5, 6). Нашейник мог делаться из двух частей (рис. 3.-5), а боковины часто заменяли нагрудник (рис. 3.-6). Наголовья представляют собой маски, не закрывающие ноздри лошади, с вырезами для глаз и иногда для ушей (рис. 3.-4, 5). В западных владениях Чингизидов конский доспех был разнообразнее за счет внедрения попон кольчатой, пластинчато-кольчатой и стегано-матерчатой структуры [Горелик, 2002, с. 81]. В связи с монгольскими завоеваниями XIII в. можно говорить о второй волне проникновения центральноазиатских типов конского доспеха на запад, где они стимулировали развитие защитных средств лошади на мусульманском Востоке и в Европе.

Данные по конскому доспеху Центральной Азии эпохи позднего средневековья пока ограничены констатацией его применения представителями монгольской знати в письменных источниках [Бобров, Худяков, 2008, с. 515]. Тибетские маски и попоны, дожившие до XIX – начала XX в. [Бобров, Худяков, 2008, рис. 213–216], весьма специфичны и, кроме своих ламеллярных деталей, не связаны с предыдущими сяньбийско-тюрко-монгольскими традициями конской защиты.

Библиографический список

- Бай Сунцзинь. Анализ реконструкции конского панциря Чуской могилы в Баошань // Вэнь У. 1989. №3. С. 71–75. (на кит. яз.).
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 80–199.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.
- Горбунов В.В. Тяжелооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 102–128.
- Горбунов В.В. Пластины тюркского ламеллярного доспеха // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2013. С. 22–30.
- Горбунов В.В. Тяжелооруженная конница сяньби-мунгун // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2015. Ч. II. С. 3–20.
- Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 110–133.
- Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 149–179.
- Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 359–430.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. 84 с.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / пер. с кит., введ. и коммент. В.С. Таскина. М., 1984. 486 с.
- Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 4: Ди и цяны / пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М., 2012. 496 с.
- Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб., 2001. 528 с.
- Никоноров В.П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. 1985. №184. С. 30–35.
- Никоноров В.П. Среднеазиатские катафракты как продукт взаимодействия военных школ Запада и Востока // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб., 1994. С. 47–51.
- Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло / вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. 461 с.
- Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 42–55.
- Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М., 2008. 192 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

УДК 903.53«653»(574)

И.В. Грудочко

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

КУРГАНЫ С «УСАМИ»: ПАМЯТНИКИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки
Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

В статье обсуждается хронология курганов с «усами». Опубликованные на сегодняшний день радиоуглеродные даты (14 дат) указывают на время их традиции в пределах IV–VII вв. н.э. и подтверждают практику вторичного использования насыпей ранних эпох. В частности, разрыв между постройками большой и малой насыпи в двух комплексах составляет 700–800 лет. Типология инвентаря не противоречит данным ¹⁴C и сопоставима с ранее известными комплексами Зевакино и Канаттас. Нам кажется, что традиция курганов с «усами» возникает в Восточном и Центральном Казахстане и была связана с продвижением нового кочевого населения с востока.

Ключевые слова: курганы с «усами», хронология, радиоуглеродное датирование, урало-казахстанские степи, кочевники.

I.V. Grudochko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

BARROWS WITH «RIDGES»: THE MONUMENTS OF THE EARLY MIDDLE AGES URAL-KAZAKHSTAN STEPPES

South Ural State University is grateful for financial support of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation (grant No 33.5494.2017/BP)

The article discusses the chronology of the barrows with “ridges”. Published radiocarbon dates (14 samples) indicate the period of the tradition within the 4th–7th centuries AD, and confirm the practice of secondary use of barrows of the previous epochs. In particular, the chronological gap between the erection of large and small barrows in the two complexes was 700–800 years. The typology of artifacts does not contradict C14 dates and close to the well-known complexes Zevakino and Kanattas. In my opinion the tradition of barrows with “ridges” appeared in Eastern and Central Kazakhstan and indicates the migration of new wave of nomads from the East.

Key words: barrows with “ridges”, chronology, radiocarbon dating, Ural-Kazakhstan steppes, nomads.

Открытие и начало изучения курганов с «усами» началось в первой половине XX в. Они представляют собой довольно оригинальные ритуальные сооружения и занимают обширную территорию от Верхнего Иртыша до Северного Причерноморья, концентрируясь в урало-казахстанских степях. Несмотря на объемный корпус накопленных материалов [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006], до сих пор не сформировалось единого мнения об их хронологии и культурной принадлежности [Бейсенов, 1996; 2017; Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016; Боталов, Гуцалов, 2000; Боталов, 2009; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Грудочко, Епимахов, 2015; Курманкулов, Утубаев, Касенова, 2018; Хабдулина, 2007]. Причем речь идет не об уточнении в рамках одного-двух столетий, а о различных эпохах: раннего железного века и Великого переселения народов (и раннего средневековья). Не вдаваясь в историографию и детали дискуссий, которые подробно отражены в литературе (см. выше), нам хотелось бы обратить внимание на новые данные радиоуглеродного датирования, приближающие нас к решению этих вопросов.

Всего на сегодняшний день известно 14 дат из 11 памятников (табл. 1). Географически они распределяются по Южному Зауралью (6 комплексов) и Центральному Казахстану (5 комплексов). Большинство проб было получено из объектов центрального сооружения, в одном случае (Городищенское-IX) – из западного окончания северного «уса». Для комплекса Селенташ сделаны две даты из одного кургана, из которых было сформировано одно комбинированное значение [Грудочко, Епимахов, 2015, с. 535–536]. В качестве источников изотопов углерода использованы керамика (4), кость (9), уголь (1). Датирование образцов производилось в четырех лабораториях (Ki, Le, SPb, UBA). Для расчетов калибровочных интервалов использована программа OxCal 3.10 (калибровочная кривая 2013 г.); конвенционные даты приведены от 1950 г.

Суммирование вероятностей для курганов с «усами» Южного Зауралья сформировало следующие интервалы. При вероятности 68,2% – 420–620 гг. (с разрывом), при вероятности 95,4% – 380–670 гг. н.э. Последний вариант интервала позволяет утверждать с высокой степенью вероятности, что интересующие нас события произошли в промежутке от последних десятилетий IV в. н.э. до второй половины VII в. н.э. [Грудочко, Епимахов, 2015, с. 536].

Радиоуглеродная хронология курганов с «усами» Южного Зауралья и Центрального Казахстана

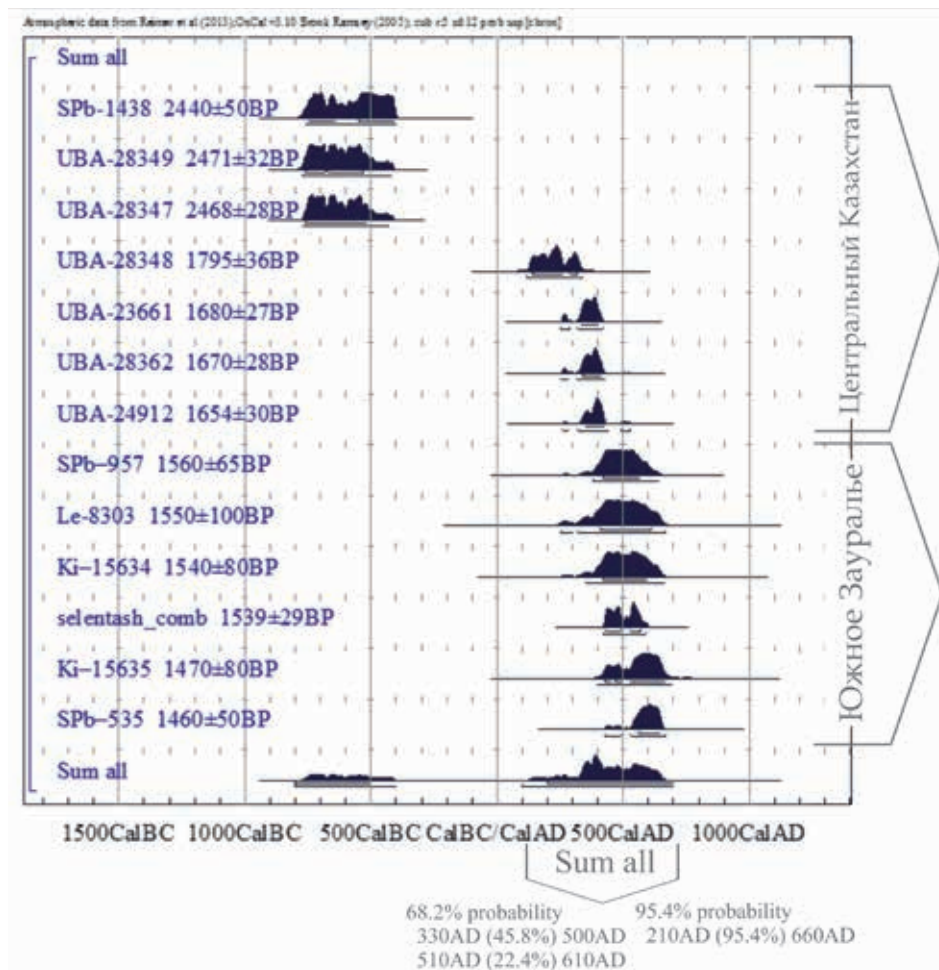
Памятник	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата	
					68,20%	95,40%
Сарбулат	курган №2	Ki-15634	керамика	1540±80	430–590AD (68.2%)	340–660AD (95.4%)
Суходол	курган №5	Le-8303	кость лошади	1550±100	410–610AD (68.2%)	250–300AD (3.2%)
						310–660AD (92.2%)
Кайнсai	курган №14	Ki-15635	керамика	1470±80	460–490AD (4.2%)	410–690AD (95.4%)
					530–660AD (64.0%)	
Городищенское-IX	северный «ус»	SPb-535	уголь	1460±50	560–645AD (68.2%)	430–490AD (5.0%)
						530–670AD (90.4%)
Рымникский		SPb-957	кость лошади	1560±65	420–570AD (68.2%)	380–640AD (95.4%)
Селенташ*	курган №5	Ki-17075	керамика	1760±150	80–430AD (68.2%)	100BC–650AD (95.4%)
Селенташ*	курган №5	SPb-958	керамика	1530±30	430–490AD (25.9%)	430–600AD (95.4%)
					530–580AD (42.3%)	
		*комбинированная дата		1539±29	430–490AD (41.7%)	420–590AD (95.4%)
					530–570AD (26.5%)	
Тандайлы-2	курган №2а (восточный)	UBA-28348	кость лошади (фр-т челюсти)	1795±36	300–320AD (6.2%)	120–340AD (95.4%)
					130–260AD (62.0%)	
Тандайлы-2	курган №2 (западный)	UBA-28347	кость человека	2468±28	670–610BC (14.4%)	470–410BC (8.7%)
					760–680BC (26.0%)	770–680BC (28.9%)
					600–510BC (27.7%)	670–480BC (57.8%)
Кырыкунгир		SPb-1438	кость лошади	2440±50	670–640BC (5.0%)	757–678BC (21.2%)
					750–680BC (16.9%)	670–400BC (74.2%)
					550–400BC (46.3%)	
Жамантас	восточный курган	UBA-24912	кость животного (лошади?)	1654±30	345–370AD (13.8%)	260–290AD (3.8%)
					375–430AD (54.4%)	480–540AD (6.9%)
						320–450AD (84.8%)
Жамантас	западный курган	UBA-28349	кость человека	2471±32	670–610BC (16.2%)	470–410BC (8.5%)
					760–680BC (25.0%)	770–480BC (86.9%)
					600–520BC (27.0%)	
Койтас	восточный курган	UBA-23661	кость лошади	1680±27	335–410AD (68.2%)	250–300AD (12.2%)
						320–430AD (83.2%)
Бесоба	восточный курган	UBA-28362	кость лошади	1670±28	340–415AD (68.2%)	250–300AD (8.6%)
						320–430AD (86.8%)

Отдельно рассмотрим памятники Центрального Казахстана и сравним их с южноуральскими. Комплексы Тандайлы-2 и Жамантас [Бейсенов и др., 2016; Бейсенов, Дуйсенбай, Святко, 2017] представляют собой модель кургана с «усами», в которых к большому погребальному сооружению был пристроен курган с «усами». Надо сказать, что это первый случай, когда радиоуглеродные даты получены со всех объектов центрального сооружения, закономерно указывающие на значительный интервал между их постройками. Даты из большого кургана относятся к раннему железному веку (2468±28 и 2471±32), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700–800 лет позже (1795±36 и 1654±30). Такая ситуация вполне согласуется с концепцией С.Г. Боталова, который около 20 лет назад предположил, что в Центральном Казахстане в середине I тыс. н.э. была развита традиция использования более древних насыпей для сооружения курганов с «усами» [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 197–198]. И сейчас данное положение находит независимое подтверждение в радиоуглеродных данных. Кроме того, в ранних погребальных сооружениях обнаружены могильные ямы с инвентарем раннесакского времени, соответствующие радиоуглеродным датам.

Комплексы Бесоба и Койтас [Бейсенов, 2017, с. 34] представляют собой аналогичные сооружения, однако пробы взяты только из малых курганов. Их даты имеют значительную зону совпадения (1680±27 и 1670±28) и сопоставимы с другими курганами с «усами».

Лишь одна дата из Кырыкунгира противоречит общей колонке. Памятник состоит из одной насыпи, от которой отходят гряды, и имеет все признаки подкурганного обряда курганов с «усами» (отсутствие ямы и фрагмент костяка лошади на древней поверхности) [Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016, с. 250–253]. Сама дата подтверждает раннесакскую концепцию, однако известны случаи вторичного использования раннего кургана (Джанайдар, Кайнсai, Крутая Гора). Одним из решений этой проблемы может быть получение дублирующих дат из того же комплекса.

Суммирование дат курганов с «усами» Центрального Казахстана и Южного Зауралья показывает интервалы 330–610 гг. (при вероятности 68,2%) и 210–660 гг. н.э. (при вероятности 95,4%) (рис. 1). Как мы видим, верхняя граница осталась практически неизменной, а нижняя опустилась до начала III в. Удревнение произошло за счет комплекса Тандайлы-2, который пока является самым ранним среди курганов с «усами» (по радиоуглеродным датировкам).

Сводная таблица калиброванных дат курганов с «усами» Южного Зауралья и Центрального Казахстана с указанием суммированных значений

Интервалы, полученные радиоуглеродным методом, не противоречат типологии инвентаря с подкурганной площадки ряда комплексов. В комплексе Городищенское-IX на древней поверхности лежали два наконечника стрел, датирующиеся не ранее V в. Причем наличие плоского наконечника может расширять верхнюю границу до VI в. [Засецкая, 1994, с. 184, 186, 187]. Кайнсай содержал разрушенное погребение эпохи ранних кочевников и фрагмент кушнаренковской керамики VII в. н.э. на древнем горизонте. Судя по всему, здесь фиксируется вторичное использование кургана ранней эпохи для ритуальной площадки кургана с «усами». В Селенташе проба получена с южного кургана, а в северном находилось два сосуда, один из которых, тоже кушнаренковский, датируется VI в. Центральноказакхстанские комплексы Тандайлы-2, Жамантас, Койтас и Бесоба тоже не содержали инвентарь, но сходство архитектуры и подкурганного обряда позволяет поставить их в один ряд с другими (Канаттас, Зевакино, Ижевский) [Арсланова, 1975; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 69, 70; 14], датирующимися в пределах IV–V вв. Совсем недавно исследован новый курган с «усами» Унирек. На подкурганной площадке обнаружен комплект вооружения, напоминающий кокпашский и булан-кобинский комплекс IV–V вв. н.э. [Курманкулов, Утубаев, Касенова, 2018, с. 294, рис. 2].

Таким образом, известные на сегодняшний день данные указывают на III/IV–VII вв. н.э. как на наиболее вероятное время сооружения курганов с «усами». Данная традиция формируется в Восточном и Центральном Казахстане примерно в III–IV вв., а с продвижением на запад – в конце IV – начале V в., сменяет гунно-сарматское население урало-ишимского междуречья. Осваивая степные простран-

ства, новые кочевники сооружали курганы с «усами» вблизи или на курганах более ранней эпохи, что, по нашему мнению, следует рассматривать как акт приобщения к древним сакральным площадкам. Такое расположение и сыграло роль в неверной интерпретации курганов с «усами» как памятников тасмолинской культурно-исторической общности.

Библиографический список

- Арсланова Ф.Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 116–129.
- Бейсенов А.З. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия Министерства науки АН РК. Сер.: Общест. науки. 1996. №2. С. 31–40.
- Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы, 2017. Т. 2. С. 31–37.
- Бейсенов, А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2016. С. 233–239.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курганы с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. №3(20). Т. 6. С. 227–231.
- Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сары-Арка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2016. С. 249–255.
- Боталов С.Г. Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и урало-казахстанских степях // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 128–138.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. 268 с.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006. 232 с.
- Грудочко И.В., Епимахов А.В. Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы, 2015. С. 534–541.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994. 224 с.
- Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р., Касенова А.Д. Археологические исследования «кургана с «усами» Унйрек-2 в Шетском районе // «Маргулановские чтения–2018. Духовная модернизация и археологическое наследие»: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. Алматы; Актобе, 2018. С. 291–294.
- Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. Вып. 7, №2. С. 181–194.

УДК 902(5-191.2)

С.С. Иванов

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Киргизия

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ САКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТЯНЬШАНЯ

Статья посвящена проблемам миграции сакских племен Притяньшанья в середине II – начале I в. до н.э. В результате разгрома политического объединения саков данного региона племенами юэчжей значительная часть сакского населения покидает регион и мигрирует первоначально в земледельческие области Маргианы и Дрангианы, откуда несколько позднее они продвигаются в Северную Индию, где создают ряд новых политических образований. В то же время другая часть саков подчиняется в Притяньшанье юэчжам, которые вскоре были вытеснены новой миграционной волной кочевников – племенами усуней. Часть сакских племен в составе объединения юэчжей мигрирует в Бактрию и принимает участие в создании Кушанского царства. В то же время какая-то часть прежнего сакского населения региона входит в состав государства усуней. В основном это была оседлая часть саков, которые практически не приняли участие в миграционных волнах кочевого населения Притяньшанья и в основной массе остались на старых местах обитания.

Ключевые слова: древность, ранние кочевники, сакские племена, Притяньшанье, миграции.

S.S. Ivanov

J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan

THE HISTORICAL FATE OF THE SAKA TRIBES OF THE TIEN SHAN REGION

The article is devoted to problems of migration of the Saka tribes of the Tien Shan region in the middle of the 2nd – early 1st centuries BC. After the defeat of the political union of Saka tribes by the Yuezhi, a significant part of the Saka tribes left the region and migrated in the sedentary areas of Margiana and Drangiana and later part of them moved to North India, where they created a few new independent kingdoms. At the same time another part of Sakas stayed in the Tien Shan region under the rule of Yuezhi, who

were soon displaced by a new migration wave of the nomadic tribes of Wusuns. Part of the Saka tribes within the Yuezhi tribal union occupied Bactria and took part in the creation of the Kushan Empire. At the same time some part of the former Saka population of the Tien Shan region became a part of Wusun the state. Basically it was a sedentary part of the Sakas, which generally did not take part in the migration of the nomads and remained in the old habitats.

Key words: antiquity, ancient nomads, Saka tribes, Tien Shan region, migrations.

Значительная часть Притяньшанья, включая прилегающие с северо-запада равнинные территории в бассейнах рек Чу, Или и Талас (Семиречье) на протяжении нескольких веков – с VI по первую половину II в. до н.э. – была занята самобытной кочевнической культурой. Ее носители в ахеменидский период, по-видимому, были известны под именем саков-тиграхауда [Акишев, 1963, с. 11–20; 1978, с. 61–63], а позднее историки времен походов Александра Македонского называют их «скифами» из-за Яксарта/Танаиса (Сырдарьи) [Щеглов, 2006, с. 278–279, 288–289]. В настоящей статье мы предлагаем на основе исторических и археологических данных проследить основные вехи исторических судеб сакского населения Притяньшанья с этнокультурной точки зрения.

Впрочем, в то же время необходимо отметить, что политическое объединение саков Притяньшанья занимало несколько большую территорию, чем ареал их расселения и, соответственно, распространения их культуры. Так, на протяжении большей части своей истории ему также подчинялись соседние оседло-земледельческие области Ферганской долины и Ташкентского оазиса. По этой причине мы также коснемся исторического места и судеб населения этих двух областей, поскольку оно было в значительной мере связано культурно и этнически с собственно сакскими племенами данного региона.

В течение нескольких веков политическое объединение саков Притяньшанье находилось в стадии глубокой внутренней стабилизации. Это хорошо прослеживается на основании того факта, что большая часть изученных погребальных памятников сакских племен в рассматриваемом регионе датируется V – I-й половиной II в. до н.э., периодом, когда местные кочевники создавали многочисленные курганные некрополи, насчитывающие от нескольких десятков до более сотни захоронений. При этом их концентрация в Притяньшанье крайне высока, так что во многих случаях они располагаются на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга – часто всего в 10–15 км. Подобная ситуация прослеживается даже во многих высокогорных районах рассматриваемого региона.

Это говорит в свою очередь о сравнительно высокой плотности населения Притяньшанья в раннем железном веке. Такого его роста и насыщенности можно было достигнуть только при сочетании различных форм хозяйственной деятельности. Разумеется, значительная часть сакского населения региона была вовлечена в ведение скотоводческого хозяйства. Однако, несмотря на устоявшиеся представления, что ведущим занятием в Притяньшанье на протяжении сакского периода было кочевое скотоводство (номадизм), по-видимому, это было не совсем так. Открытые и исследованные в последние несколько десятилетий поселения этого периода [Байпаков, 2012, с. 144–161], которые имели порой значительные размеры, показали, что основная часть населения Притяньшанья вела полукочевое хозяйство. Это позволяло сочетать перекочевки в летнее время на высокогорные пастбища Тянь-Шаня с зимовками на стационарных поселениях [Акишев, 2013, с. 25–26].

В то же время исследование поселенческих памятников сакского периода позволило выявить, что значительная часть их насельников занимались земледельческим хозяйством [Rosen, Chang, Grigoriev, 2000, p. 613–623]. Это, вне сомнений, предполагает наличие постоянного оседлого населения на них. На это также указывает и достаточно высокий уровень развития ремесел в сакском обществе, особенно керамического производства, который предполагает наличие заметной прослойки ремесленников, для продуктивной деятельности которых был необходим оседлый образ жизни на поселениях*.

Социальный статус и положение оседлого элемента при заметном доминировании полукочевого населения не совсем ясны. В этом отношении примечателен тот факт, что, к примеру, в Кетмень-Тюбинской долине на Западном Тянь-Шане фиксируется присутствие оседлого населения из Ферганской долины, по-видимому, специально перемещенного местными сакскими правителями для производства керамической посуды, занятия ремеслами и, вероятно, для ведения земледельческого хозяйства**. Последнее, скорее, может указывать на несколько подчиненное положение оседлого населения по отношению к кочевому.

* На развитие земледелия в среде усуней в сочетании с кочевым хозяйством, основываясь на археологических данных, обоснованно указывал К.А. Акишев [2013, с. 12–27]. Учитывая, что поселения раннего железного века в Притяньшанье плавно «переходят» из сакского периода в усуньский, то нет оснований предполагать, что хозяйственная специфика населения этих двух периодов в корне различалась.

** На это указывает открытие в этом районе характерных для эйлатано-актамской культуры Ферганы так называемых длинных курганов [Ташбаева, 2011, с. 38].

Таким образом, сочетание полукочевого скотоводства с оседлым хозяйством, позволявшим развивать земледелие и ремесла, при относительно стабильном политическом развитии объединения саков Притяньшанья стимулировало значительный рост населения и достаточно плотное обживание региона в V – 1-й половине II в. до н.э.

Впрочем, стоит отметить, что сакское население рассматриваемого региона не было полностью гомогенным с этнической точки зрения. На это указывает существование в рамках Притяньшанья трех основных вариантов сакской культуры – семиреченского, тяньшанского и верхнеилийского, обладающих заметной местной спецификой в погребальной обрядности, но при сохранении базовых ее признаков на всем протяжении общего культурного ареала, при этом каких-либо существенных различий в облике материальной культуры не выявлено. Это позволяет говорить о существовании в регионе единой устойчивой этнической общности саков Притяньшанья, но на локальном уровне распадающейся на несколько субэтнических групп, наличие которых устойчиво сохраняется на протяжении всего периода существования сакской культуры.

Подобная специфика на этнокультурном уровне у саков Притяньшанья, как можно предполагать, складывается по причине того, что с самого начала их общность формировалась на основе целого ряда этнических компонентов, волнообразно продвигавшихся на протяжении раннесакского периода с северо-востока и востока – с территории Алтая, Восточного Казахстана, Монголии и Синьцзяна. При последующем слиянии этих разнообразных групп населения на рубеже VII и VI вв. до н.э. происходит становление этнического и культурного пространства сакской культуры Притяньшанья при сохранении целого комплекса черт, которые им были свойственны прежде, несмотря на значительную унификацию в погребальной обрядности, а также материальной и духовной культуры.

Однако при всей устойчивости данные локальные варианты культуры не имели четких границ и демонстрируют плавный переход между собой. Отчасти это также достигалось за счет перемещения групп населения с территории одного локального варианта в ареалы соседних. Так, к примеру, фиксируется постепенная миграция носителей традиций подбоев с верхнего течения Или – вниз по бассейну данной реки и вплоть до Чуйской долины. Одновременно это также сопровождалось распространением традиций расписной керамики синьцзянского облика в сакской среде Притяньшанья, что только косвенно подтверждает указанную миграцию с востока на запад в ее границах. Одновременно прослеживается процесс проникновения в Семиречье групп населения с территории Внутреннего и Западного Тянь-Шаня, что маркируется спорадическим появлением здесь захоронений в грунтовых ямах со специальной нишей для установки керамической посуды с ритуальной пищей, которые характерны именно для горных районов Притяньшанья.

Все это показывает сложные процессы перемещения групп населения в рамках сакской культуры этого региона. При этом не совсем ясно, каким образом и по каким причинам происходили подобные миграции. Но учитывая, что они носили вполне значительный характер, можно предполагать, что на новые территории обитания переходили целые родовые коллективы.

Сложный состав населения региона в VI – 1-й половине II в. до н.э. подтверждается также и антропологическими исследованиями, которые в этот период при всей относительной близости фиксируют его значительную пестроту на микролокальном уровне, когда коллективы двух смежных горных речных долин могли иметь заметную специфику по краниологическим показателям [Тур, 1997, с. 10–12, 21–22]. Это служит дополнительным подтверждением существования в сакской среде Притяньшанья устойчивых родо-племенных групп, сохранявшихся на протяжении относительно длительного времени.

Таким образом, сакская этнокультурная общность Притяньшанья составляла сложный организм, где переплетались полукочевой и оседлый компоненты, каждый из которых занимал не только собственную экологическую нишу, но и, по-видимому, социальную.

В этом отношении интересно положение земледельческого населения Ферганской долины (эйлатано-актамская культура) и Ташкентского оазиса (бургулюкская культура), длительное время входившего в состав политического объединения саков Притяньшанья. Однако оно обладало собственными яркими культурными особенностями. При определенном родстве с сакскими племенами Притяньшанья, что фиксируется на уровне сходства погребальной обрядности и отчасти материальной культуры, оно все же составляло самостоятельные этнические образования. К тому же, как можно предполагать, оседло-земледельческое население Ферганы и Ташкентского оазиса занимало подчиненное положение по отношению собственно к сакскому населению региона. На это может указывать уже упоминавшийся нами факт перемещения части древних ферганцев на Западный Тянь-Шань для обеспечения нужд в продуктах оседлого хозяйства местных сакских номадов.

Учитывая это, можно констатировать, что сакское политическое объединение Притяньшанья имело достаточно сложный состав населения, которое на его юго-западных сельскохозяйственных окраинах также было и полиэтническим. Данный фактор наложил значительный отпечаток на последующие судьбы как кочевого, так и оседлого населения этого региона.

Из отрывочных и скудных известий античных и древнекитайских письменных источников нам известно, что во II в. до н.э. в азиатских степях начинаются масштабные перемещения кочевников, вызванные военной активностью хуннов. Одним из эпизодов в цепи этих событий стала миграция около 160 г. до н.э. в Притяньшанье юэчжей, незадолго до этого разбитых хуннами и вынужденных двинуться на запад. В результате сакское объединение было разгромлено [Pulleyblank, 1970, p. 154–160; Боровкова, 2005, с. 16–21, 45–47], и значительная часть его населения мигрирует на юго-запад – в сельскохозяйственные области Средней Азии. Вскоре мигрирующие сакские племена оседают в Дрангиане, и эта область получает новое название – Сакастан или «страна саков» (совр. Систан). Видимо, в это же время они появляются и в соседней Арахосии [Масон, Ромодин, 1964, с. 135–136, 138–139; Дибвойз, 2008, с. 54, 69–70]. Впрочем, часть из них ненадолго задерживается в этих областях и уже в начале I в. до н.э. под давлением усилившегося Парфянского царства продолжает экспансию на восток и достигает Северной Индии, где саки создают несколько государственных образований, известных как индо-сакские царства, крупнейшим и влиятельнейшим из которых становится царство Мауэса [Масон, Ромодин, 1964, с. 141–146; Бонгард-Левин, Ильин, 2001, с. 391–392; Puri, 1996, p. 191–196].

При изучении процессов миграции саков Притяньшанья после разгрома их объединения юэчжами многие исследователи на основании сведений древнекитайской хроники «Ханьшу» полагают, что их исход из региона проходил через территорию Памира в Северную Индию. Примечательно, что в данном источнике касательно этих событий сообщается, что «...юэчжи, разгромленные суннами, на западе напали на правителя [царства] сэ (саки. – С.И.), и он, двинувшись на юг, переселился [с народом] в дальние страны»*. Из чего следует, что первоначально китайские авторы не знали, куда именно мигрировали притяньшанские саки. Однако дальше, при описании Северной Индии, куда китайские посольства стали проникать после 60 г. до н.э., эта же хроника дает следующие сведения: «Большое юэчжи завладело Дася (Бактрией. – С.И.), а правитель сэ (саков) на юге завладел Цзибином (Кашмиром. – С.И.). Народ сэ разделился и рассеялся, по пути следования создал несколько царств»**. И несколько ниже добавляется, что саки попали сюда, когда «на юге перешли Сяньду (Висячий переход)», т.е. через высокогорные перевалы где-то на северо-востоке Кашмира [Боровкова, 2005, с. 105–106]. Но, как известно, саки появляются в северной части Индии только в первой половине I в. до н.э. [Масон, Ромодин, 1964, с. 141–143; Puri, 1996, p. 192–193; Frye, 1983, p. 195], поэтому они никак не могли создать государства ранее этого времени и, соответственно, их миграция проходила сюда иными путями, чем указывает «Ханьшу». Да и сами высокогорья Восточного Памира для перемещения столь масштабных масс людей не слишком удобны и безопасны. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что саки продвинулись в Северную Индию непосредственно из Притяньшанья. А отрывочные сведения китайской хроники представляют собой просто искусственный логический конструкт, призванный объяснить наличие в северной части Индии сакских государств, основатели которых были исторически связаны с Притяньшаньем***.

Древнекитайские авторы приводят крайне упрощенные сведения о миграции притяньшанских саков, так как не были непосредственными свидетелями этих событий и узнали о них только через два-три десятилетия. В то же время античные письменные источники приводят гораздо более сложную схему миграции различных групп кочевников во 2-й половине II – начале I в. до н.э., суммируя которые, мы можем проследить основной путь миграции притяньшанских саков, который первоначально пролегал через Ферганскую долину, после чего они перешли Сырдарью и обрушились на Согдиану. В последней саки, впрочем, не задержались надолго и в скором времени под давлением юэчжей, двигавшихся аналогичным путем – через Фергану и Согдиану в Бактрию [Заднепровский, 1997, с. 78–79; Боровкова, 2001, с. 113; 2005, с. 32–33], устремляются дальше на юго-запад, в восточную часть Парфянского царства – Маргиану и немного позднее уже оттуда в – Дрангиану (Сакастан), Арахосию и северную часть Индии [Дибвойз, 2008, с. 54, 69–70; Frye, 1983, p. 193].

Уход большей части саков с территории Притяньшанья подтверждается также и археологическими данными. Так, подавляющая часть могильников сакского облика прекращает свое существование

* Цит. по: Боровкова, 2001. С. 108.

** Цит. по: Боровкова, 2005. С. 105–106.

*** Стоит оговориться, что в данном случае не учитываются возможные более ранние перемещения в Северную Индию саков Припамирья, известных также как «саки-хаумаварга», имевших давние культурные и торговые связи с этим районом [Литвинский, 1972, с. 173–174, 177–178]. В настоящей статье речь идет только о саках Притяньшанья.

именно к середине II в. до н.э. Поэтому данная миграция, без сомнения, носила массовый характер, если учесть густонаселенность рассматриваемого региона в IV – I-й половине II вв. до н.э., о чем мы упоминали выше.

Впрочем, далеко не все сакское население оставляет Притяньшанье после разгрома их политического объединения юэчжами, которые, впрочем, сами вскоре, около 140 г. до н.э., покидают этот регион под военным нажимом новой волны мигрантов с востока – усуней. При этом часть саков, оставшихся под властью юэчжей и покинувших вместе с ними данный регион, принимают последующее участие в разгроме Греко-Бактрии.

Свидетельством данного события стали материалы группы могильников Ксиро-I–V в Дангаринской долине (Юго-Западный Таджикистан), что находит полное соответствие в памятниках завершающего этапа сакской культуры Притяньшанья, которые, впрочем, достоверно датируются в рамках конца II в. до н.э. – II в. до н.э. [Денисов, 1984, с. 131–134; 1987, с. 138–147; 2007, с. 174–177]. Находясь на территории северной части Бактрии, где оседают выбитые из Притяньшанья усунями племена юэчжей, данные могильники выступают важным свидетельством, что часть сакских племен не только подчинилась последним, но и также приняла участие в создании и раннем развитии могущественного Кушанского царства [Иванов, 2016, с. 261–267].

Интересно также то, что, судя по материалам могильников группы Ксиров, в миграционном потоке юэчжей приняла участие та часть саков, которая прежде была связана с семиреченским и, возможно, в меньшей мере с верхнеилийским вариантами сакской культуры Притяньшанья, что четко фиксируется по наличию в данных некрополях захоронений в подбоях, характерных, как упоминалось выше, именно для Семиречья и бассейна верхней Или.

В то же время часть сакского населения осталась в регионе после формирования здесь государства усуней. На это прямо указывается в древнекитайских источниках, отмечающих, что в вместе с усунями в Притяньшанье проживали отдельные группы саков и юэчжей. В то же время не совсем ясно, какое соотношение было между этими тремя этническими группами. Учитывая, что население государства усуней оценивается древними китайскими авторами в 630 тыс. человек в I в. до н.э., что на протяжении II в. до н.э. усунь понесли значительные людские потери в череде военных конфликтов, а также принимая во внимание характерные для древнекитайских исторических источников преувеличения при подсчете жителей упоминаемых ими владений и государств, то все же получается, что процент оставшегося в регионе сакского населения был достаточно высок [Боровкова, 2001, с. 247–249].

При этом необходимо, на наш взгляд, учитывать, что различные группы саков Притяньшанья, по-видимому, в неодинаковой степени принимали участие в затронувших их миграционных процессах. В первую очередь со своих мест обитания сдвигается полукочевая часть сакских племен Притяньшанья, в то время как значительная часть оседлого населения осталась на своих местах. В пользу этого говорит хронология целого ряда хорошо исследованных оседлых поселений в Семиречье, которая показывает, что в период с IV в. до н.э. по I в. н.э., а в некоторых случаях и даже позднее жизнь на них не прерывалась и последовательно продолжалась [Байпаков, 2012, с. 144–161]. Это указывает на то, что они плавно переходят из сакского политического объединения в государство усуней. Поэтому есть все основания утверждать, что оседло-земледельческое население Притяньшанья подчиняется новым властям региона и в целом остается на прежних местах.

Впрочем, осталась также некоторая часть сакских родо-племенных коллективов, которые вели полукочевой образ жизни. Так, к настоящему времени только начинает выделяться группа курганных захоронений в Притяньшанье, обладающая основными чертами сакского погребального обряда, но которая достоверно датируется рубежом эр, т.е. уже периодом существования здесь государства усуней.

К числу подобных захоронений, к примеру, можно отнести ряд погребальных объектов из могильников Куренкей-I и II на Внутреннем Тянь-Шане. В них были обнаружены небольшие железные пряжки округлой формы с подвижными язычками [Абетеков, 1988, с. 10–12, рис. 59]. Последние находят широкие аналогии в степной части Евразии в самом конце I тыс. до н.э. [Мандельштам, 1975, с. 115, табл. XIV.-11–12, XXXI.-3, 8, 9, XXXII.-2; Миняев, 2007, с. 38, табл. 23.-10–11, 56.-3; Мошкова, 1963, с. 40, табл. 25.-31–32].

Все это показывает, что часть сакского кочевого и оседлого населения Притяньшанья не были вовлечены в значительный по своим масштабам миграционный поток в середине II в. до н.э. и остались на прежних местах, признав власть новых правителей.

Сходная ситуация сложилась также с Ферганской долиной, длительное время входившей в состав сакского политического объединения. Здесь на протяжении III–I вв. до н.э. прослеживается непрерыв-

ное развитие шурабашатской культуры [Заднепровский, 1985, с. 306–311], что также указывает на то, что основная часть оседло-земледельческого населения Ферганы осталась на старых местах своего проживания и практически не была вовлечена в миграционные процессы середины II в. до н.э.

Итак, исторические судьбы сакских племен Притяньшанья в результате политических событий середины II в. до н.э. сложились по-разному. По-видимому, основная их часть покидает территорию региона. При этом саки принимают участие, как минимум, в двух миграционных волнах: в основной – непосредственно после разгрома юэчжами в период между 160 и 140 гг. до н.э., и около 140 г. до н.э. уже в составе переформировавшегося на территории Притяньшанья объединения юэчжей. Однако исторические судьбы этих двух групп населения были совершенно различными.

Основная волна сакских мигрантов первоначально движется на территорию Согдианы, но вскоре вынуждена была ее покинуть под давлением юэчжей, выбитых из Притяньшанья племенами усуней. После этого происходит их дальнейшее дробление: часть оседает в Маргиане, другая движется дальше и расселяется в Дрангиане (Сакастане) и Арахосии. И уже оттуда саки под давлением парфян продвигаются в Северную Индию и создают там несколько независимых царств. И, если в Индии сакские государства просуществуют еще несколько столетий, то сакские государственные образования в Маргиане, Сакастане и Арахосии в первой трети I в. до н.э. попадают под власть Парфянского царства [Frye, 1983, p. 194]. Причем в последнем известно несколько знатных родов из Сакастана, занявших заметное место среди парфянской аристократии, самым известным и могущественным из которых был род Суренов [Масон, Ромодин, 1964, с. 137]. И, таким образом, сакские мигранты из Притяньшанья интегрируются в состав правящих элит Кушанского и Парфянского царств, также имевших кочевое происхождение.

Таким образом, исторические судьбы сакского населения Притяньшанья на протяжении 2-й половины II – I в. до н.э. оказались совершенно различны. Часть его остается в данном регионе, подчиняясь новым правителям, другая же несколькими волнами рассеивается на огромных территориях от Бактрии до Восточного Ирана и Северной Индии.

Библиографический список

- Абетеков А.К. Полевой отчет Шамшинского археологического отряда Киргизской историко-археологической экспедиции за 1987–1988 гг. Фрунзе, 1988 // Личный архив А.К. Абетекова. 25 с.
- Акишев К.А. Культура саков долины р. Или (VII–IV вв. до н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины р.Или. Алма-Ата, 1963. С. 9–136.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 132 с.
- Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана. Алматы, 2013. 192 с.
- Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012. 390 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. СПб., 2001. 813 с.
- Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II–I вв. до н.э. М., 2001. 368 с.
- Боровкова Л.А. Кушанское царство. М., 2005. 315 с.
- Денисов Е.П. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1984. Вып. XVIII. С. 131–138.
- Денисов Е.П. Исследования могильников на р. Ксиров (Саргазон) в Дангаринском районе в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XX. Душанбе, 1987. С. 138–147.
- Денисов Е.П. Датировка раннекушанского могильника кочевников Ксиров (Дангаринский район, Южный Таджикистан) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. 2007. С. 174–177.
- Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008. 831 с.
- Заднепровский Ю.А. Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. С. 304–316.
- Заднепровский Ю.А. Путь миграции юэчжей по новым археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. СПб., 1997. С. 73–79.
- Иванов С.С. Участвовали ли саки Притяньшанья в создании Кушанского царства? // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 262–269.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. 272 с.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. 230 с.
- Масон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. I: С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964. 464 с.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб, 2007. 233 с.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д1-10. 55 с.
- Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек, 2011. 274 с.
- Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 с.
- Щеглов Д.А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Македонского // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб., 2006. Т. II (XXVII). С. 276–316.

Frye R.N. History of Ancient Iran. München, 1983. 420 p.

Pulleyblank E.G. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih Migration // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1970. Vol. 33, №1. Pp. 154–160.

Puri B.N. The Sakas and Indo-Parthians // History and Civilizations of Central Asia. Vol. 2: The Development of Sedentary Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris, 1996. Pp. 191–208.

Rosen A.M., Chang C., Grigoriev F.P. Palaeoenvironments and Economy of Iron Age Saka-Wusun Agro-Pastoralists in Southeastern Kazakhstan // Antiquity. 2000. №74. Pp. 611–623.

УДК 902«653»(571.1)

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У КОЧЕВНИКОВ
РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ
(элементы, признаки и их интерпретация)**

В работе обобщаются результаты исследования погребального обряда кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины. На основании созданного банка данных классифицированных элементов и признаков погребального обряда выделяются общие и индивидуальные черты культуры. Отдельные элементы подвергаются культурно-исторической интерпретации с использованием широкого круга аналогий по культуре кочевников степной Евразии.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, развитое средневековье, кочевники, погребальный обряд.

A.M. Ilyushin

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

**FUNERAL RITE OF NOMADS OF THE DEVELOPED
MIDDLE AGES IN THE KUZNETSK DEPRESSION
(elements, signs and their interpretation)**

The work summarizes the results of research of a funeral rite of nomads of the developed Middle Ages of the Kuznetsk Depression. On the basis of the created databank of the classified elements and signs of a funeral rite, the common and individual traits of culture are allocated. Separate elements are exposed to cultural and historical interpretation with use of a wide range of analogies on culture of nomads of steppe Eurasia.

Key words: Kuznetsk Depression, developed Middle Ages, nomads, a funeral rite.

Для исследования погребального обряда кочевников развитого средневековья наиболее эффективной методикой признана классификация его элементов, их статистический анализ и дальнейшая интерпретация полученных результатов, апробированная Г.А. Федоровым-Давыдовым [1966, с. 120–165] в 1966 г. Основные принципы создания банка данных по классифицированным элементам погребального обряда средневекового населения Кузнецкой котловины и суммарная характеристика систематизированных данных на 2005 г. были нами изложены на «Сибирских чтениях» в 2007 г. [Илюшин, 2009а, с. 176–182; 2009б, с. 182–187]. Однако за прошедший период в результате полевых исследований сотрудников Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) и работы с материалами раскопок других авторов в этом регионе значительно был пополнен банк данных, и прежде всего, за счет новой информации о погребальных памятниках кочевников развитого средневековья (XI–XIV вв.). Систематизация источников этого периода предоставила возможность перейти от количественных показателей к новому качеству интерпретации источников и сделать вывод о том, что в этом регионе проживали многочисленные этнические группы, а территория и население Кузнецкой котловины были составной частью Восточного Дешт-и-Кыпчак. Новые материалы позволяют обобщать и интерпретировать результаты сравнительного анализа элементов (типов) погребального обряда по трем информационным уровням (классам) – памятник, курган с сопутствующими сооружениями (курганно-ритуальный комплекс) и погребение (могила) для того, чтобы через статистические данные выявить общие и индивидуальные черты культуры. Цель настоящей работы – выявление и характеристика как общих элементов погребального обряда, так и специфических особенностей для отдельных групп памятников у кочевников развитого средневековья на территории Кузнецкой котловины.

К периоду развитого средневековья относятся 36 погребальных археологических памятников, исследованных на территории Кузнецкой котловины. Из них 14 объектов интерпретированы как курганные могильники, 16 – как курганные группы, 4 – как одиночные курганы и 2 – как впускные захоро-

нения в насыпях более древних курганов. На больших погребальных памятниках курганные земляные насыпи, как правило, располагаются цепочками или рядами. По ландшафтному расположению погребальные памятники находятся преимущественно на небольших возвышениях пойменных террас и за отдельными исключениями на высоких надпойменных террасах, доминирующих над окружающим пространством.

Количественное преобладание курганных групп в виде цепочек, ориентированных по линии ЮЮВ–ССЗ, из 2–5 курганов, как правило, указывает на факт, что этническая группа кочевников (семья или большая семья, сеок или курень) проживала на месте сооружения этих объектов не более 2–5 поколений (50–125 лет). На этот же временной интервал указывают ряды из цепочек курганных земляных насыпей на могильниках, где они стоят обособленно и подчеркивают свою индивидуальность. На пришлый характер и недолговременный период проживания кочевников на разных участках Кузнецкой котловины указывает наличие впускных захоронений в насыпях более древних курганов и присутствие так называемых одиночных курганов. Расположение курганных групп, как правило, маркирует привязанную к определенному водоему территорию проживания конкретной этнической группы, где она в полном объеме осуществляет свой хозяйственный круглогодичный цикл проживания. Курганные могильники тоже формируются близ водоемов, но, вероятно, преимущественно близ больших мест проживания, имеющих статус административных или этнических центров. К числу таких памятников сегодня можно отнести скопление курганов близ деревень Ур-Бедари и Усть-Канда в долине среднего течения р. Ур, курганные могильники Новокамышенка на стрелке рек Камышенка и Иня, Торопово-1 в долине среднего течения Касьмы и Городок на берегу среднего течения Томи.

По габаритам преобладают большие округлые земляные курганные насыпи диаметром более 12 м. На отдельных памятниках в составе цепочек размеры насыпей превышают 20 м и более, что косвенно указывает на высокий социальный статус погребенных в нем членов кочевого общества. На 19 погребальных памятниках были зафиксированы специфические околочурганые объекты – рвы, которые окружали земляные насыпи со всех сторон и ограничивали внутреннее сакральное пространство. Выявленные на 75 раскопанных объектах рвы по конструкции представлены четырьмя типами. Наиболее распространенными (34 экз.) являются рвы округлой или овальной формы, вплотную подступающие к полам курганной насыпи. Чуть уступают им (28 экз.) рвы подчетыреугольной формы, длинной осью вытянутые по линии З–В со смещением длинной оси на ЮЗ–СВ, с ритуальной площадкой в восточной части от насыпи. В единичных случаях фиксируются рвы овальной (10 экз.) и трапециевидной (3 экз.) формы, длинной осью вытянутые по линии З–В со смещением длинной оси на ЮЗ–СВ, с ритуальной площадкой в восточной части от насыпи. Традиция сооружения рва вокруг курганной насыпи была принесена в Кузнецкую котловину кочевниками в развитом средневековье. До этого на этой территории она не существовала [Илюшин, 1994, с. 103–111]. Сооружение рва с насыпью внутри него и ритуальной площадкой превращало всю конструкцию в семейный погребально-поминальный комплекс, где циклично совершались обрядовые действия поминовения усопших предков.

Среди конструкций в курганных насыпях количественно преобладают деревянные столбы, которые, как правило, устанавливались в восточной части насыпи и были привязаны к грунтовым могилам, располагаясь от них на расстоянии 1–5 м по их длинной оси. Эти артефакты прежде интерпретировались нами как сэргэ (коновязь), связывающая Нижний, Средний и Верхний миры [Илюшин, 1999, с. 8]. Однако факт наличия реальной коновязи при раскопках могилы 4 кургана №1 на могильнике Торопово-1 [Илюшин, 1999, с. 8, рис. 4.-Б] и фиксация остатков каменного и, вероятно, деревянного изваяния при раскопках кургана №4 на курганной группе Мусохраново-1 [Илюшин, Бутьян, 2010, с. 176] позволяют ставить вопрос о необходимости дифференцированного отношения к этим объектам при их интерпретации. Не исключено, что ранее интерпретированные нами деревянные столбы в насыпях курганов как сэргэ могли быть остатками деревянных скульптур погребенных кочевников. Можно к этому вспомнить, что Рашид-ад-Дин [1952, с. 122–123] относил местные племена к группе лесных народов, где дерево играло важную роль в их повседневной жизнедеятельности. Кроме этого, известны находки сохранившихся деревянных изваяний XII–XIII вв. в южнорусских степях. Эти обстоятельства косвенно подтверждают гипотезу о том, что в восточной части насыпи курганов кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины могли устанавливаться деревянные изваяния, которые являлись составной частью погребально-поминального комплекса.

Важным и интересным является факт обнаружения под 17 курганными земляными насыпями деревянных срубов из бревен и полубревен, сооруженных в 1–6 венцов на уровне древней дневной поверхности, внутри которых располагались могилы кочевников. По своим габаритам и форме они

напоминают несущую конструкцию для крыши традиционной полуземлянки. В таких жилищах проживали кочевники развитого средневековья в долине р. Касьмы [Борисов, Илюшин, Онищенко, 2017, с. 54–60; Илюшин, Онищенко, 2016, с. 245–250; 2016, с. 55–65]. Все эти срубы, за одним исключением, были подвергнуты сожжению и засыпанию грунтом в процессе горения, что, вероятно, было связано с ритуалом очищения огнем в ходе сооружения земляной курганной насыпи [Илюшин, 2009в, с. 71–82]. В связи с этим можно вспомнить, что четырехугольное жилище в культуре кочевников Центральной Азии своими истоками уходит в древность, а в развитом средневековье было характерно для культуры монголов [Кубарев, 2009, с. 62–66]. В нашем случае наблюдаемое явление можно характеризовать как специфический этнографический признак для этнической группы кочевников, проживающей непродолжительный промежуток времени в развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины. Можно отметить уникальность того случая, когда сооруженный сруб не был подвергнут сожжению. Этот факт был зафиксирован при раскопках кургана №4 на Мусохраново-1, где сруб-жилище окружала изгородь из опорных столбов, на которые крепились плетенная из крупных прутьев дерева ограда, что тоже является уникальным сооружением для культуры кочевников Евразии [Илюшин, 2011, с. 267–271; Илюшин, Бутян, 2010, с. 176–177, рис. 1].

Под 18 курганными насыпями были зафиксированы грунтовые ямы различных размеров. В отдельных из них находились кости животных (преимущественно лошади) – остатки заупокойной или поминальной трапезы.

При исследовании погребального обряда кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины для отождествления конкретных объектов с культурой Восточного Дешт-и-Кыпчак, кроме наличия специфического набора артефактов и курганной насыпи, необходим факт захоронения всадника с конем или его шкурой (манекеном). В 2006 г. при исследовании совокупности данных по погребальному обряду тюркских памятников развитого средневековья Кузнецкой котловины нами были выделены три этнокультурных компонента, этническими маркерами между которыми выступают особенности их способа захоронения. Эти три компонента ассоциировались со способом захоронения по обряду ингумации человека и коня в соседних грунтовых могильных ямах, захоронением человека и коня в одной грунтовой яме и захоронением человека со шкурой коня в одной грунтовой яме [Илюшин, 2006, с. 33–35]. Необходимо отметить, что количество одиночных погребений взрослых членов общества и детей под курганными насыпями в несколько раз превышает число погребенных с конем или его шкурой (манекеном). Последнее позволяет говорить о наличии еще одного этнокультурного компонента, который изначально не был связан с кочевым обществом, но волею судеб оказался в его составе.

Еще одной отличительной чертой погребального обряда кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине являются установленные факты сооружения кенотафов и полукенотафов [Илюшин, 2009г, с. 32–36; 2015, с. 29–34]. Последние, вероятно, были вызваны бедностью населения, которое имитировало погребение лошади рядом с всадником, но сохраняли ей жизнь и использовали в повседневной хозяйственной деятельности.

Под курганными насыпями кочевников по способу захоронения по-прежнему фиксируется наличие трех устойчивых археолого-этнографических комплексов: погребенные по обряду ингумации, погребенные по обряду трупобожжения на месте захоронения и погребенные по обряду кремации на стороне. Это обстоятельство дополнительно указывает на полиэтничность населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье и на происходящие процессы взаимной аккультурации различных этнических групп, проживавших в этом регионе.

Захоронения совершались в грунтовых ямах овальной и подчетырёхугольной формы, преимущественно без дополнительных конструкций. Но даже среди грунтовых ям зафиксированы такие вариации, как ступени (ниши), подбой в одной или нескольких стенках, ступень (ниша) и подбой одновременно. В одном случае была зафиксирована грунтовая катакомба [Илюшин, 2012, с. 11–12, рис. 11]. Наличие ниш и подбоев в стенках погребальных грунтовых ям ранее на территории Кузнецкой котловины не фиксировалось. Они считаются специфическими этнокультурными маркерами среди кочевых культур Центральной Азии и требуют специального исследования на историческую ретроспективу [Серегин, 2012, с. 134–142]. Из внутримогильных конструкций и сооружений количественно преобладает подстилка из бересты (иногда уложенная на траву). Необходимо отметить такую специфическую погребальную конструкцию, как берестяной кокон (чехол), устойчиво используемый кочевниками развитого средневековья Кузнецкой котловины для погребения своих родственников. Последнее указывает на особую сакральную роль березы и ее коры в культуре этого населения.

Среди грунтовых могил преобладает ориентация по оси З–В и отклонения от этой оси на ЮЗ–СВ. Можно отметить наличие грунтовых могил, ориентированных по оси Ю–С с небольшими отклонени-

ями от нее, которые составляют порядка 15% от всех грунтовых могил, что косвенно указывает на их этнокультурную специфику. Погребенные в грунтовых могилах люди, как правило, были ориентированы головой на восток или юг (с отклонениями). В случае погребения всадников с конем или его шкурой захоронения совершались по антитезе – всадник ориентирован головой на восток или юг (с отклонениями), а конь или его шкура – в противоположном направлении.

На кочевой характер культуры указывает наличие костей животных в могилах в качестве заупокойной пищи погребенных. Среди них в количественном отношении преобладают кости барана (овцы) и лошади. На специфический лесной характер культуры кочевников указывают в единичном числе найденные в могилах кедровые орешки.

В целом погребальный обряд кочевников периода развитого средневековья Кузнецкой котловины свидетельствует о большом типологическом разнообразии классифицированных элементов и признаков. Каждый из 36 погребальных памятников является уникальным по этим показателям. Дальнейшее исследование по этой теме является перспективным, так как позволяет более широко и глубоко проводить сравнительный анализ источников и более качественно их интерпретировать.

Библиографический список

Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С. Средневековое жилище в раскопе №10 на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 54–60.

Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 103–111.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI–XIV вв. на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 33–35.

Илюшин А.М. Археологическая классификация элементов погребального обряда средневекового населения Кузнецкой котловины // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009а. Кн. 1. С. 176–182.

Илюшин А.М. Суммарная характеристика результатов археологической классификации элементов погребального обряда у средневекового населения Кузнецкой котловины // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009б. Кн. 1. С. 182–187.

Илюшин А.М. Об использовании огня в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // Известия Алт. гос. ун-та. 2009в. №4/2. С. 71–82.

Илюшин А.М. К вопросу о кенотафах в культуре средневекового населения Саяно-Алтая // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография): сб. науч. тр. посвящ. 10-летию кафедры археологии, этнологии и источниковедения ГАГУ. Горно-Алтайск, 2009г. С. 32–36.

Илюшин А.М. Новые сведения о погребальном обряде восточных кипчаков // Маргулановские чтения–2011: мат. междунар. археол. конф. Астана, 2011. С. 267–271.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 2012. Т. 4. 188 с.

Илюшин А.М. Кенотафы и полукенотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015. Вып. VIII. С. 29–34.

Илюшин А.М., Бутяня В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 г. на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского гос. техн. ун-та. 2010. №4. С. 175–184.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Результаты исследования жилища кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2016. №5. С. 245–250.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии: электронный журнал. 2016. №1. С. 55–65. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-32-1-055-065.

Кубарев В.Д. Изображения жилищ – погребальных сооружений древних кочевников в петроглифах Монгольского Алтая // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 1. С. 162–166.

Серегин Н.Н. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник НГУ. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. Сер.: История, филология. 2012. С. 134–142.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 274 с.

УДК 903.5(571.1)+572(571.1)

М.С. Кишкурно¹, А.Е. Гришин¹, Ж.В. Марченко¹, Г.И. Галямина², Л.В. Назарова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Дом детского творчества «Центральный», Новосибирск, Россия

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ МОГИЛЬНИКА КРОХАЛЕВКА-5

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №14-50-00036

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

На курганном могильнике Крохалевка-5 (Новосибирское Приобье) в погребении №27 обнаружены импортные вещи, связанные с монгольским влиянием XIII–XIV вв. – остатки берестяного головного убора «бокка» и шелковой одежды. Проведен краниологический анализ всей доступной антропологической коллекции могильника (8 черепов) с целью обозначить специфику «крохалевской» популяции на фоне синхронных памятников региона (Басандайский могильник, Санаторный-1, Ташара-Карьер-2, Телеутский Взвоз-1). Выборка сильно ограничена сохранностью антропологических материалов и нарушенностью погребальных комплексов. Установлено, что изученная группа имеет смешанный антропологический состав. При общей принадлежности всех индивидов к монголоидному расовому стволу зафиксировано мозаичное сочетание черт, свойственных различным малым расам, выделяемым в составе большой монголоидной расы. В составе краниологической серии зафиксированы компоненты, относящиеся к центральноазиатскому и байкальскому расовому типу. Череп погребенной из могилы №27 только по ряду показателей тяготеет к центральноазиатскому типу. Более определенные выводы требуют увеличения антропологической и археологической источниковой базы.

Ключевые слова: монгольское время, Новосибирское Приобье, курганный могильник, краниометрия, центральноазиатский расовый тип, западносибирская раса.

M.S. Kishkurno¹, A.E. Grishin¹, Z.V. Marchenko¹, G.I. Galyamina², L.V. Nazarova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²The House of Arts and Crafts for Children "Tsentral'nyi", Novosibirsk, Russia

NEW SOURCES OF MONGOLIAN TIME FROM NOVOSIBIRSK OB RIVER VALLEY: ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL EVIDENCES FROM THE KROKHALEVKA-5 BURIAL MOUND

The work is performed with financial support of RSF (the project No. 14-50-00036

"Multidisciplinary Research in Archaeology and Ethnography of Northern and Central Asia")

The imported things (remains of birch bark headdress "bokka" and silk clothes) associated with the Mongolian influence (13th–14th centuries) were found in female burial no. 27 on the Krokhaevka-5 burial mound (Novosibirsk Ob River valley). Craniological analysis was performed on the anthropological collection of the necropolis (8 skulls). The goal was to identify the specifics of this population against the other synchronous necropolises in the region (Basandayka, Sanatornyi-1, Tashara-Karier-2, Teleutskii Vzvoz-1 sites). Our sample list was limited by the degree of preservation of anthropological materials and the disrupted funerary complexes. The studied group has a mixed anthropological composition. With the common affiliation of all individuals to the Mongoloid race, a mosaic combination of traits characteristic of various small races distinguished in the composition of a large Mongoloid race is recorded. The craniological series includes components associated to the Central Asian and Baikal racial types. The skull from burial no. 27 is related to the Central Asian type only on the some indicators. It is necessary to increase the anthropological and archaeological source base for more precise conclusions.

Key words: Mongolian Time, Novosibirsk Ob River valley, burial mound, craniometry, Central Asian racial type and West Siberian race.

Крупный курганный средневековый могильник Крохалёвка-5 попал в поле зрения ученых еще в первой половине 1970-х гг. и сообщения о нем были впервые опубликованы в первом сводке сведений об археологических памятниках Новосибирской области [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 69]. Он представляет собой компактное скопление 107 насыпей на кромке Кудряшовского бора, на берегу старого рукава Оби, чуть севернее Новосибирска. В ходе цикла спасательных работ в 1980–1990-х гг. Г.И. Галяминой [1987] была подтверждена принадлежность большинства насыпей к развитому средневековью (XIII–XV вв.), были обнаружены комплексы других эпох и культур. В 2014–2017 гг. осуществлен новый цикл полевого исследования, давший серию уникальных средневековых комплексов, позволивших выделить в южной части некрополя захоронения с более узкой датировкой – XIII–XIV вв. [Марченко, Гришин, Понедельченко, 2017]. В первую очередь на это указывал импортный инвентарь явно южного происхождения, связанный с монгольской экспансией на пространствах Евразии – остатки берестяного головного убора (бокки) и шелковой одежды в погребении женщины №27 [Марченко и др., 2015]. Остальные предметы и черты погребальной практики мало отличались от реалий других средневековых могильников лесостепного и лесного Приобья как монгольского, так и домонгольского времени [Дульзон, 1947; Плетнева, 1997; Адамов, 2000; Верхнее Приобье..., 2008]. Отметим только,

что в материалах могильника Басандайка были распознаны фрагменты аналогичного головного убора [Пилюпенко, 2003]. Нами была поставлена задача поиска возможных следов взаимодействия популяции, оставившей могильник Крохалевка-5, с южным степным населением методами физической антропологии, путем анализа всей доступной и пригодной для изучения краниологической серии*, включающей и череп из погребения №27.

Материалы и методы

В целом за период 1987–2017 гг. авторами на некрополе изучены 23 средневековые могилы (в том числе шесть детских погребений)**. Большинство из них происходит из южной части могильника, шесть – из его северо-восточной части и одна – из восточной периферии. Подавляющее большинство комплексов с останками взрослых людей (14 из 17) имели следы проникновения, затронувшего, в первую очередь, верхнюю часть скелета. На количество материала, доступного для анализа, также повлияла плохая сохранность костной ткани, что не позволило полноценно изучить даже все имеющиеся в нашем распоряжении антропологические материалы некрополя. Таким образом, изучаемая краниологическая серия включает в себя черепа только восьми взрослых индивидов, в том числе шести мужчин и двух женщин (табл. 1, 2). Поэтому сразу подчеркнем, что полученные выводы о таксономическом статусе изученной популяции носят очень общий и предварительный характер. Также отметим, что один череп из данной выборки происходит из могилы в северо-восточной части памятника (курган №69), один – из погребения восточного края курганного поля (курган №83); остальные шесть – из южной части. Такая рассеянность части выборки в рамках планиграфии крупного средневекового могильника, несомненно, имевшего сложную культурно-хронологическую динамику, также снижает эффективность обобщения исследуемой серии.

Пол погребенных определялся на основании морфологии черепа и тазовых костей, возраст – по степени облитерации швов эндокрана и степени изношенности зубных коронок. Измерительные данные получены при помощи стандартной краниометрической программы, разработанной В.П. Алексеевым и Г.Ф. Дебецем [1964].

Краниологическая характеристика серии

Суммарно мужская краниологическая серия характеризуется очень малыми размерами продольного и поперечного диаметров, мезокранией и средневысоким сводом (табл. 1). Следует отметить, что встречены также мезо-брахикранный череп с очень низким сводом (курган №83 на восточной периферии) и мезо-долихокранный невысокий череп (погребение №1 кургана №125). Также суммарно серия характеризуется средней длиной основания черепа. Лобная кость умеренно широкая, очень слабо изогнутая и слабо выпуклая в сагиттальной плоскости. Размеры назомалярного угла варьируют от умеренных до очень больших значений. Размеры зигомаксиллярного угла имеют большие или очень большие значения во всей серии.

Из всех мужских черепов полные параметры лицевого отдела удалось измерить лишь у тех же упомянутых двух индивидов из кургана №83 и 125 (погр. №1). При незначительных различиях в строении мозгового отдела у них наблюдаются значимые отличия в размерах лицевого, поэтому ниже приводятся индивидуальные описания параметров лица для каждого. Индивид из кургана №83 характеризуется крайне малой шириной и высотой лица, сильной уплощенностью по углам горизонтальной профилировки. В вертикальной профилировке лицо прогнатное. Орбиты неширокие и невысокие, мезоконхные по пропорциям. Носовое отверстие узкое и невысокое, по пропорциям – мезоринное. Угол выступания носа крайне большой. По симотическому и дакриальному указателям переносье имеет средние размеры. Глубина клыковой ямки очень маленькая. У индивида из погребения №1 кургана №125 лицо среднеширокое и высокое, умеренно уплощенное на орбитальном уровне, и значительно – на зигомаксиллярном. По значению углов горизонтальной профилировки фиксируется прогнатность лица, приближающаяся к мезогнатности. Орбиты среднеширокие и высокие, гипсиконхные по пропорциям. Носовое отверстие среднеширокое и умеренно высокое, по пропорциям – лепторинное. Угол выступания носа малый. По симотическому указателю переносье имеет большие размеры. Глубина клыковой ямки маленькая.

Женская краниологическая серия представлена двумя черепами очень плохой сохранности и неполной комплектности. К сожалению, мозговые отделы черепов представлены фрагментарно, поэтому их параметры измерить не удалось (табл. 2).

Индивид из погребения №27 характеризуется очень узким, слабоизогнутым и невыпуклым лбом. Лицо высокое, сильно уплощенное на орбитальном уровне. Орбиты очень широкие и невысокие, мезо-

* Авторы благодарят за консультации и помощь д-ра ист. наук Т.А. Чикишеву, канд. ист. наук Д.В. Позднякова и канд. ист. наук А.В. Зубову.

** Вся антропологическая коллекция из раскопок авторов хранится в фондах ИАЭТ СО РАН.

конхные по пропорциям. Носовое отверстие среднеширокое и высокое, по пропорциям – мезоринное. Угол выступления носа малый. По симотическому и дакриальному указателям переносье имеет большие размеры. Глубина клыковой ямки небольшая. Индивид из погребения №45 характеризуется сильно изогнутым выпуклым лбом, средневысокими и среднеширокими орбитами, мезоконхными по указателю, а также умеренной уплощенностью на орбитальном уровне.

Таблица 1

Индивидуальные краниометрические характеристики мужской серии
из могильника Крохалевка-5 (1-я половина II тыс. н.э.)

Место находки	Курган №69	Курган №83	Курган №125, погр. №1	Курган №130, погр. №1 (инд. 1)	Курган №130, погр. №1 (инд. 2)	Погр. №25
Мужчины						
1. Продольный диаметр	–	171,00	176,00	171,00	178,00	–
8. Поперечный диаметр	–	138,00	132,00	–	138,00	–
8:1. Черепной указатель	–	80,70	75,00	–	78,00	–
17. Высотный диаметр	–	117,00	127,00	–	137,00	–
5. Длина основания черепа	–	95,00	104,00	–	104,00	–
9. Наименьшая ширина лба	99,00	94,00	91,00	101,00	96,00	93,00
Высота изгиба лба	21,70	18,60	20,90	24,70	20,00	–
Указатель выпуклости лба	19,72	18,41	20,49	21,85	17,54	–
40. Длина основания лица	–	106,00	103,00	–	–	–
45. Скуловой диаметр	–	124,00	134,00	–	–	–
48. Верхняя высота лица	–	63,00	79,00	–	–	–
51. Ширина орбиты от mf.	–	40,90	41,60	–	–	–
52. Высота орбиты	–	32,20	36,20	–	–	–
54. Ширина носа	–	24,50	24,50	26,60	–	–
55. Высота носа	–	48,20	53,10	–	–	–
DS. Дакриальная высота	–	8,50	–	–	–	–
DC. Дакриальная ширина	–	18,40	–	–	–	–
SS. Симотическая высота	–	3,10	4,80	–	–	–
SC. Симотическая ширина	–	7,60	9,00	–	–	–
FC. Глубина клыковой ямки	–	1,30	3,60	4,50	–	–
32. Угол профиля лба	–	75,00	73,00	–	–	–
77. Назомалярный угол	137,80	155,40	142,00	145,30	145,80	153,20
Zm. Зигомаксиллярный угол	–	140,40	139,80	146,60	–	–
72. Общий лицевой угол	–	74,00	79,00	–	–	–
75(1). Угол выступления носа	–	36,00	19,00	–	–	–

Таким образом, изученная группа имеет смешанный антропологический состав. При общей принадлежности всех индивидов к монголоидному расовому стволу зафиксировано мозаичное сочетание черт, свойственных различным малым расам, выделяемым в составе большой монголоидной. Так, например, по значениям указателей горизонтальной уплощенности лицевого скелета в сочетании со слабым выступанием носовых костей часть черепов (в том числе череп женщины с боккой из погребения №27) тяготеет к центральноазиатскому расовому типу [Гохман, 1980]. Но в то же время фиксирующаяся на этих черепах мезокrania и низкая высота свода черепа не позволяет в полной мере говорить о принадлежности к указанному типу. Следует особенно отметить череп из кургана №83, находящегося в восточной периферии памятника, у которого значения указателей горизонтальной уплощенности лица соответствуют типичным значениям представителей байкальского расового типа [Дебеч, 1948], но степень угла выступления носа входит в категорию абсолютно европеоидных форм.

В качестве предположения манифестацию центральноазиатских монголоидных черт в составе изучаемого населения можно объяснить возможным опосредованным или прямым взаимодействием рассматриваемой группы и монгольских племен. Дело в том, что центральноазиатский расовый комплекс присутствует в составе некоторых синхронных популяций Верхнего Приобья. Так, например, в качестве одного из компонентов он явно выражен в составе серии из могильника Телеутский Взвоз-I с сопредельной территории Барнаульско-Бийского Приобья, относящегося к периоду первой половины II тыс. н.э. [Поздняков, 2006, с. 51, 52, 58]. Появление центральноазиатского компонента у населения этой части

Таблица 2

Индивидуальные краниометрические характеристики женской серии из могильника Крохалевка-5 (1-я половина II тыс. н.э.)

Место находки	Погр. №27	Погр. №45
Женщины		
1. Продольный диаметр	—	—
8. Поперечный диаметр	—	—
8:1. Черепной указатель	—	—
17. Высотный диаметр	—	—
5. Длина основания черепа	—	—
9. Наименьшая ширина лба	87,00	—
Высота изгиба лба	20,20	26,50
Указатель выпуклости лба	19,61	24,76
40. Длина основания лица	—	—
45. Скуловой диаметр	—	—
48. Верхняя высота лица	70,00	—
51. Ширина орбиты от mf.	43,20	40,00
52. Высота орбиты	33,80	33,80
54. Ширина носа	23,70	—
55. Высота носа	49,70	—
DS. Дакриальная высота	12,70	—
DC. Дакриальная ширина	20,70	—
SS. Симогическая высота	3,70	—
SC. Симогическая ширина	6,90	—
FC. Глубина клыковой ямки	4,00	—
32. Угол профиля лба	—	—
77. Назомалярный угол	147,70	139,60
Zm. Зигомаксиллярный угол	—	—
72. Общий лицевой угол	—	—
75(1). Угол выступания носа	15,00	—

Верхнего Приобья усиливает гипотезу о прямой экспансии монгольских племен в регион [Там же]. Соответственно, этот процесс опосредованно мог оказать влияние и на популяции Новосибирского Приобья, что и фиксируется нами по археологическим находкам средневекового некрополя Крохалевка-5 [Марченко и др., 2017] и что менее определенно отразилось в краниологической серии памятника. Также следует отметить, что в составе синхронного населения с территории Притомья и непосредственно Новосибирского Приобья (могильники Басандайский, Санаторный-1, Ташара-Карьер-2) преобладает иной, таежный компонент, тяготеющий к западносибирской расе [Поздняков, 2006, с. 37–38; 2008, с. 361, 362]. Это может свидетельствовать о различных приоритетных направлениях биологических связей групп монгольского времени на территории Новосибирского Приобья. Повторим, что выводы по крохалевской серии монгольского времени носят предварительный характер. Дальнейшее накопление археологических и антропологических материалов этого периода с территории Новосибирского Приобья и их изучение смогут значительно расширить и дополнить картину этногенетических и культурных процессов, а также уточнить таксономический статус группы из могильника Крохалевка-5.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. 256 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. М., 1964. 129 с.
- Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Новосибирск, 2008. 424 с.
- Галямина Г.И. Отчет о работах Коченёвского отряда на памятнике курганный могильник Крохалёвка-5 в Коченёвском районе (1987 г.) // Архив ИА РАН, д. 12429.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. С. 6–34.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. IV. 392 с.
- Дульзон А.П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 98: Басандайка. Томск, 1947. С. 67–115.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 297–302.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Понедельченко Л.О. Погребальные комплексы монгольского времени на памятнике Крохалевка-5 (работы 2014–2018 гг. в Новосибирском Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. С. 349–353.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.

Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 156–162.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи Средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск, 2006. 136 с.

Поздняков Д.В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. до н.э. // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Новосибирск, 2008. 424 с.

УДК 902(574)

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

НАХОДКА ПОГРЕБЕНИЯ С ЗЕРКАЛОМ НА МОГИЛЬНИКЕ СЕНКИБАЙ-2 (Центральный Казахстан)

Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК (проект AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы»)

В 2017 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е.А. Букетова проводились исследования могильника Сенкибай-2. В ходе работ на кургане №24 в центральной погребальной камере было выявлено погребение женщины, уложенной на спине в вытянутом положении. Погребальный инвентарь представлен каменным алтариком, костяными бусами и металлическим зеркалом.

Ближайшие аналогии зеркалам с плоским диском и дуговидной петелькой на обороте зафиксированы в могильниках тасмолинской культуры раннего железного века: Тасмола-VI, Жолкудук, Бектениз, Майкубен-1, 2, Борлы.

Совместное нахождение зеркала и алтарика с достаточно большим основанием может указывать на то, что данное захоронение принадлежит женщине, связанной с культовой практикой и, возможно, исполнявшей жреческие функции в обществе.

В культурно-хронологическом плане вещевой инвентарь и погребальный обряд имеют широкий круг аналогий в культурах скифо-сакского круга. Приведенные аналогии металлическому зеркалу позволяют датировать захоронение в рамках VII–V вв. до н.э. и отнести его к тасмолинским памятникам Центрального Казахстана.

Ключевые слова: ранний железный век, тасмолинская культура, зеркало.

I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev

Saryarka Archaeological Institute of the Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

THE FIND OF THE BURIAL WITH A MIRROR ON THE SENKIBAY-2 BURIAL GROUND (Central Kazakhstan)

The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (project AP05131774, “Study of Ethno-Cultural Processes in the Territory of Saryarka and Adjacent Regions in the Bronze Age”)

In 2017, the expedition of the Buketov Saryarka Archaeological Institute at the KarSU conducted a study of the Senkibay-2 burial ground. During the work on barrow no. 24, in the central burial chamber a burial of a woman lying on her back in an extended position was revealed. The funeral inventory is represented by a stone altar, bone beads and a metal mirror.

The closest analogies to mirrors with a flat disk and an arcuate loop on the back are documented in the cemeteries of the Tasmolinskaya culture of the Early Iron Age: Tasmola-VI, Zholkuduk, Bekteniz, Maikuben-1, 2, Borly. The joint finds of a mirror and an altar may indicate that the burial belongs to a woman who was associated with the cult practice and, who might have performed priestly functions in the society.

In cultural and chronological terms, the inventory and burial rite have a wide range of analogies in the cultures of the Scythian-Saka circle. The above mentioned to the metallic mirror allow dating the burial within the framework of the 7th–5th centuries BC and attributed to Tasmola sites in Central Kazakhstan.

Key words: Early Iron Age, Tasmolinskaya culture, mirror.

В 2017 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е.А. Букетова проводились исследования могильника Сенкибай-2. Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области, в 90 км юго-восточнее г. Караганды, в 6 км восточнее пос. Талды, в 1,8 км к восто-

ку–северо-востоку от мавзолея Сенкибай-батыра. Погребальное поле устроено на относительно ровной площадке левобережья Талды и насчитывает 42 визуально фиксируемых сооружения в виде оград и курганов. Основная масса построек относится к эпохе бронзы (№10–42), однако комплексы №1–9, вытянутые двумя цепочками в широтном направлении, расположены на отдалении и, вероятно, возведены в более позднее время.

В качестве объектов исследований выбраны сооружения №16, 24, 26. В рамках данной статьи предлагается обратиться к работам на кургане №24, который до раскопок представлял собой оплывший земляной холм, диаметром 8 м, высотой до 0,35 м, на вершине которого визуальнo зафиксированы плашмя уложенные плиты. После снятия насыпи на подкурганной площадке, по периметру окаймленной кольцевым рвом, характерных плит ограждения обнаружено не было. В центральной части сооружения было расчищено скопление, размерами 1,8×1,5 м, состоящее из плашмя уложенных плит, являвшихся перекрытием погребальной камеры (рис. 1).

К северу от него зафиксирован жертвенник №1, состоящий из керамического сосуда, покрытого геометрическим орнаментом, черепа и двух конечностей лошади. В 0,5 м южнее плит перекрытия обнаружен жертвенник №2 в виде двух скрещивающихся нижних конечностей лошади, направленных на юг.

С юго-запада к основному раскопу была сделана прирезка, охватившая пристройку с детским погребением петровского времени.

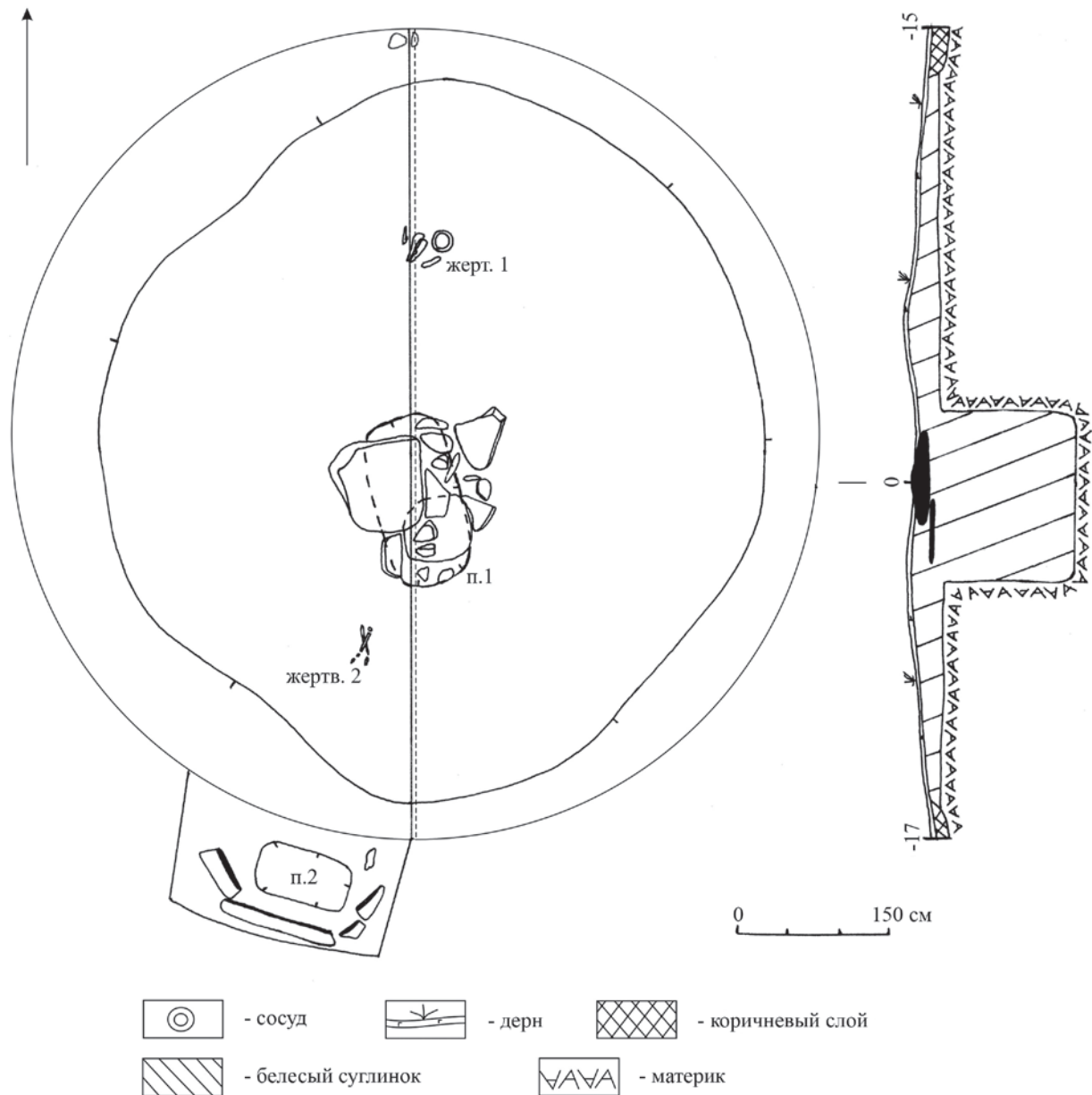

Рис. 1. Могильник Сенкибай-2. Кургan №24. План и профиль сооружения

В центральной части сооружения под плитами выявлены границы погребальной камеры, представляющей собой грунтовую яму, размерами 1,63×0,72 м, ориентированную по линии ССЗ–ЮЮВ. Глубина могилы – 1,25 м. На дне был расчищен костяк человека в анатомическом порядке (рис. 2). Умерший уложен в вытянутом положении, головой на север–северо-запад, кости рук располагались вытянуто вдоль тела, ноги были сведены коленными суставами друг к другу, с некоторым наклоном вправо. Под черепом находился каменный жертвенник. Слева, параллельно шейным позвонкам, были расчищены костяные бусы, расположенные несколькими низками – по три экземпляра в каждой, вероятно, вплетавшиеся в волосы. Под правым предплечьем и костями таза обнаружено металлическое зеркало, находившееся в сильно выгнившей кожаной оболочке (сумочке?). Причем предмет был уложен лицевой стороной вниз. На тазовых костях зафиксирована крупная кость мелкого рогатого скота (рис. 2.-4).

Каменный жертвенник – подтреугольной в плане формы, ладьевидный в сечении, с хорошо выделенными бортиками. Все стороны изделия хорошо обработаны, подтесаны и отшлифованы. Длина изделия составляет 13,3 см, максимальная ширина – 8 см, толщина (с учетом бортов) – 1,9 см, высота бортов составила около 0,9 см (рис. 2.-1).

Металлическое зеркало – округлой в плане формы, с ровным диском, диаметром 9,2–9,4 см, толщиной 0,2–0,3 см. С тыльной стороны имеет дуговидную петельку (рис. 2.-3).

Костяные бусы (12 шт.) – основная их часть (11 шт.) изготовлена из полых трубчатых костей, вероятно, птицы, длиной от 0,8 см до 1,2 см, с диаметром сечения до 0,35 см. Одна бусина, в виде пуговицы, округлой в плане формы, диаметром 1,1 см, шестигранная в сечении, толщиной 0,45 см, имеет отверстие в центральной части (рис. 2.-2).

У стенок могилы зафиксированы разрозненные кости человека, не принадлежащие вышеописанному индивиду. Расширение краев погребения дало новые фрагменты костей, пастовые бусы, а также фрагмент металлического желобчатого браслета.

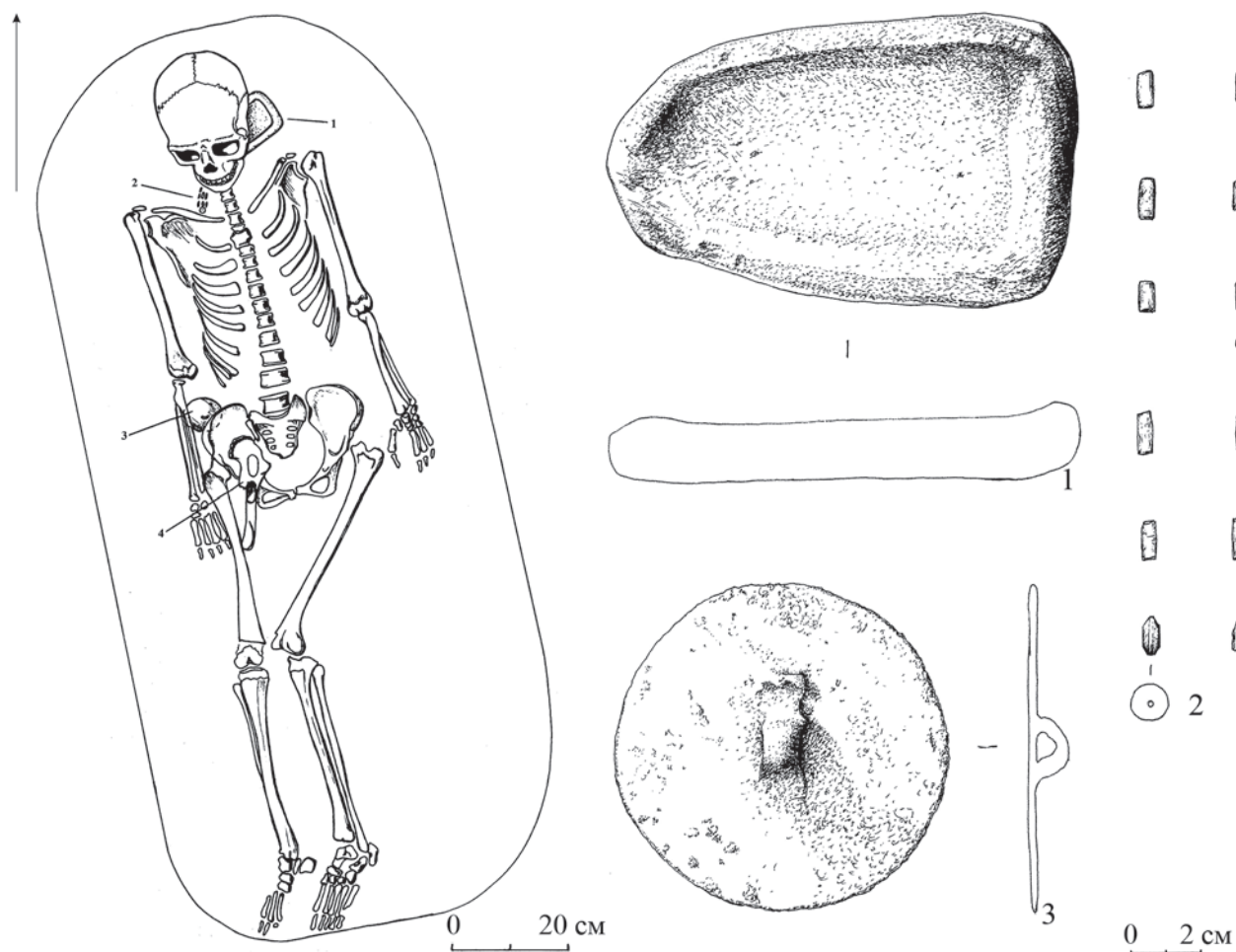

Рис. 2. Могильник Сенкибай-2. Курган №24. План погребения и обнаруженный инвентарь:
1 – камень; 2, 4 – кость; 3 – цветной металл

В ходе исследований было установлено, что сооружение №24 представляет собой разновременный погребальный комплекс. Первоначально был устроен курган бронзового века, о чем свидетельствует обнаруженный в жертвеннике №1 керамический сосуд, который по формально-типологическим признакам принадлежит к петровской – раннеалакульской культурной традиции. Культурно-хронологическую принадлежность жертвенника №2 и его сопряженность с тем или иным временем установить довольно проблематично. Погребальная камера, вероятно, была первоначально ориентирована в широтном направлении. В нее был помещен умерший по обряду трупоположения, о чем свидетельствуют отдельные разрозненные кости в засыпке и на дне могилы. Не исключено, что курган ранее имел каменное ограждение, разрушенное при устройстве вторичного захоронения (плиты перекрытия, зафиксированные над могилой), что, вероятно, объясняется стремлением «подогнать» надмогильную конструкцию к стандартам погребальной обрядности племен раннего железного века.

Повторное использование погребальных комплексов бронзового века для поздних подзахоронений имеет в Центральном Казахстане достаточно много примеров (могильники Шаймерден-2 [Кукушкин, Дмитриев, 2015, с. 501–502], Нураталды-1 [Кукушкин и др., 2016, с. 86], Шерубай-1 и др.). Данное обстоятельство может быть объяснено как временными ограничениями, так и вероятным стремлением закрепить за собой вновь освоенные земли, с помощью устройства родовых кладбищ на некрополях более раннего времени с целью демонстрации преемственности населения.

Для установления культурно-хронологической принадлежности исследованного захоронения большое значение имеют обнаруженные в погребении металлическое зеркало и миниатюрный каменный алтарь.

Ближайшие аналогии зеркалам с плоским диском и дуговидной петелькой на обороте зафиксированы на могильниках Тасмола-VI [Кадырбаев, 1966, рис. 26.-3], Жолкудук [Кадырбаев, 1966, рис. 66.-53], Бектениз [Хабдулина, 1994, табл. 17.-1], Майкубень-1, 2 [Бейсенов, 2001, рис. 3.-3–4; 5.-5], Борлы [Кукушкин, Ломан, 2013, рис. 2.-2]. Все они обнаружены в тасмолинских памятниках раннего железного века.

Аналогичные экземпляры с территории Верхнего Приобья (подтип 2.2.1) датированы в рамках VI–V вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 81]. Анализ форм зеркал позволил предположить, что этот тип мог быть как местного происхождения, так и попасть от носителей тагарской культуры [Могильников, 1997, с. 87], для которых они являются характерными [Степная полоса..., 1992, с. 216]. Параметры зеркал с плоским диском и петлей на обороте у тагарцев оказались подвержены хронологическим изменениям. Наиболее массивные изделия (диаметром 8–11 см) датированы VII–VI вв. до н.э., однако к V–IV вв. до н.э. происходит уменьшение размеров этих предметов [Степная полоса..., 1992, с. 216]. Данная тенденция была использована для установления возраста погребения с зеркалом на могильнике Борлы, которое датировано VII в. до н.э. [Кукушкин, Ломан, 2013, с. 192]. В целом этому не противоречит и хронологическая позиция серии опубликованных зеркал (VI–V вв. до н.э., староалейская культура) в коллекции Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ [Тишкин, Серегин, 2011, табл. IV, VIII, XIII, с. 29, 33, 38].

Первые прототипы плоских зеркал с дуговидной петлей зафиксированы в предскифское время в культурах бронзового века Казахстана и Средней Азии [Тишкин, Серегин, 2013, рис. 1.-2, 5]. Представленные изделия в работе А.А. Тишкина и Н.Н. Серегина можно дополнить находками из андроновских памятников Бугулы-I (Центральный Казахстан) [Маргулан, 1966, табл. XII.-1] и Шербай-3 (Южный Казахстан) [Смагулов, Баратов, 2004, с. 81, рис. 9.-11].

В этом аспекте довольно интересно мнение Н.Л. Членовой [1967, с. 89–90], которая считала родиной зеркал Двуречье и Северный Иран.

Одним из характерных атрибутов погребений раннего железного века являются так называемые каменные жертвенники/алтарики. В настоящее время их насчитывается довольно значительное количество, что избавляет от необходимости упоминать в рамках данной статьи все известные аналогии. В свое время М.К. Кадырбаевым было отмечено, что данные изделия часто встречаются в женских захоронениях и располагаются, как правило, у изголовья или в верхней части туловища. Исследователь предполагал, что жертвенники тасмолинской культуры в функциональном плане могут являться аналогами алтарей савроматского времени, подчеркивающими роль женщины как жрицы домашнего очага или огня [Кадырбаев, 1966, с. 391–392]. Именно каменные алтари признаются основным атрибутом захоронений женщин на Алтае, связанных с культовой практикой (они не встречаются в мужских скифских погребениях) [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 182–183].

Думается, с учетом вышеизложенных фактов, а также учитывая округлую форму таза погребенного, захоронение в кургане №24 могильника Сенкибай-2 можно признать женским. Это демонстрируют и обнаруженные костяные бусы, являющиеся, судя по расположению (три низкими, компактно, в районе шейных позвонков), наконечниками украшений, а также металлическое зеркало – атрибут преимущественно женских погребений.

Совместное нахождение зеркала и алтарика с достаточным основанием указывает на то, что данное захоронение принадлежит женщине, связанной с обрядовой сферой и, возможно, исполнявшей жреческие функции в обществе, что в целом согласуется с мнением по аналогичному набору сопроводительного инвентаря в подобных погребениях [Моги́льников, 1997, с. 80; Шульга, 2003, с. 94–95]. Причем предполагается, что магическая сила зеркал была больше других атрибутов, что обусловило их помещение в могилу лицевой – отражающей – стороной вниз [Шульга, 1999, с. 89–90].

Обнаруженную кость барана на тазовых костях умершей следует, видимо, трактовать в качестве ритуального предмета или напутственной пищи, что неоднократно отмечалось в погребениях тасмолинской культуры [Таиров, 2007, с. 11–13].

Таким образом, исследованное захоронение в кургане №24 моги́льника Сенкибай-2 принадлежит женщине, видимо, тесно связанной с культовой практикой. В культурно-хронологическом плане вещевой инвентарь и погребальный обряд имеют широкий круг аналогий в культурах скифо-сакского круга. Приведенные аналогии металлическому зеркалу позволяют датировать захоронение в рамках VII–V вв. до н.э. и отнести его к тасмолинским памятникам Центрального Казахстана.

Библиографический список

- Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н.э. в Центральном Казахстане // Известия МОН-НАН РК. Сер. общественных наук. 2001. №1. С. 66–71.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.
- Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Археологические исследования на моги́льнике Шаймерден-2 // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Кустанай; Алматы, 2015. С. 497–507.
- Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Курган Борлы // Археологические исследования степной Евразии. Караганда, 2013. С. 192–195.
- Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Погребение с металлическим сосудом в моги́льнике Нураталды-I (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. Челябинск, 2016. №4 (53). С. 85–92.
- Маргулан А.Х. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 6–302.
- Моги́льников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Смагулов Е.А., Баратов С.Р. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан (Археологические работы в 2000 г. на моги́льнике Шербай) // Отан тарихи. 2004. №3–4. С. 75–88.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала из памятников эпохи бронзы Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. №2 (22). С. 116–119.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
- Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4, С. 82–91.
- Шульга П.И. Моги́льник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

УДК 902.3(571.150)

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МОГИ́ЛЬНИК 2 АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА МГК-1 В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ (по раскопкам 1988 г.)

Представлены результаты изучения материалов поселения раннего железного века, расположенного в правобережье Оби напротив Барнаула (Первомайский район Алтайского края). Аварийные раскопки памятника проводились А.Л. Кунгуровым в 1988 г. в связи с планируемым отводом участка под резерв грунта для строительства дороги. Всего было вскрыто 1722 кв. м площади памятника. Кроме поселенческого комплекса, обнаружены пять погребений различных эпох, получивших наименование Моги́льник 2 МГК-1. Настоящая работа посвящена их публикации и интерпретации.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, большебереченская культура, ранний железный век, староалейская культура, каменная культура, периодизация, датировка, погребение, украшение.

A.L. Kungurov
Altai State University, Barnaul, Russia

**BURIAL GROUND 2 OF THE MGK-1 ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN
THE BARNAUL PRIOBYE (based on excavations in 1988)**

The article presents the research results of materials of the early Iron Age settlement, located on the right bank of the Ob River opposite the city of Barnaul (the Pervomaisky district of the Altai Region). Emergency excavation of the site was conducted by A.L. Kungurov in 1988 in connection with the planned using of the land area for the road construction soil reserve. A total of 1722 square kilometers of the monument area were exposed. Besides the settlement complex, there have been discovered five burials of different periods, which got the name the Cemetery 2 of MGK-1. The present study is devoted to their publication and interpretation.

Key words: the Upper Priobye, Bolsherechenskaya culture, early Iron Age, Staroaleyskaya culture, Kamenskaya culture, periodization, dating, burial, decoration.

Малый Гоньбинский Кордон относится к крупным останцам, образовавшимся на оконечности стыка водно-эоловых обширных многокилометровых дуг, расположенных западнее и восточнее. Останец был отрезан от террасы протокой Оби, которая сейчас представлена отрезком низкой поймы шириной около 1,5 км. МГК сохранил подтреугольную форму мыса, ориентированную острым углом на юг (рис. 1). По зонально-провинциальному делению растительного покрова Западно-Сибирской равнины Барнаульское Приобье относится к Верхнеобской правобережной подпровинции северной и средней лесостепи Западно-Сибирской лесостепной провинции [Растительный покров..., 1985; Алтайский край..., 1978]. Для территории наибольшую выраженность имеют растительные сообщества, характеризующиеся сочетанием степных (лугово-степных) и лесных фитоценозов.

Останец Малый Гоньбинский Кордон-1 расположен в месте наименьшей ширины поймы на этом отрезке обской долины (именно поэтому здесь проходила паромная переправа Московского тракта). По прямой от с. Гоньба до оконечности останца – около 3 км (рис. 1). В нескольких километрах западнее или восточнее указанное расстояние увеличивается до 6–7 км, в некоторых местах достигает 10–15 км. В пределах прямой видимости с останца (и, соответственно наоборот) находятся несколько крупных левобережных памятников бронзового и железного века: поселения Турина Гора-1 и 2, разновременные погребальные и поселенческие объекты около с. Казенная Заимка, курганные группы и поселения около с. Гоньба и пос. Научный Городок. С останца четко просматривается высокий левобережный обрыв Приобского плато на расстояние 20 км. В 6 км северо-восточнее МГК в крупную обскую протоку впадает р. Кислуха, в 3 км дальше – р. Повалиха. Долины этих рек представляют собой древнюю лесостепную полосу, разрывающую массив приобского бора. В целом можно сказать то, что район расположения останца для барнаульского отрезка долины Оби имеет ключевое стратегическое значение. Именно поэтому здесь расположено такое количество разновременных городищ, поселений и могильников, маркирующих наивысшие точки лево- и правобережья. Останец Малый Гоньбинский Кордон расположен в 1,5 км южнее выступа коренного берега и отделен от него заболоченной низиной. Практически со всех сторон елбан окружен крупными непроходимыми протоками и болотами. Размеры останца, имеющего подтреугольную форму, ориентированную острым углом на юг, 1×0,5–0,7 км. Высота южной оконечности достигает 16 м, к северу она снижается до уровня поймы. Поперек останца вытянуты гривы (запад–восток), разделенные лощинами. На останце МГК-1 на настоящий день зафиксировано 10 памятников. Наиболее высокой частью останца является его южная оконечность, на которой расположено Поселение 1, Могильники 1, 2, 3 и 4 [Кунгуров, 1998; 2006; 2010; Горбунов, Кунгуров, 2018]. Этот участок МГК-1 наиболее сильно пострадал от природного и антропогенного воздействия. Южная кромка на протяжении многих лет осыпается и разрушается ветром.

Могила 1. Квадраты УФ / 34, 35 раскопа 2. Яма овальной формы, размерами 1,4×0,85 м и глубиной 1,15 м от материка, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Ко дну яма сужается до ширины 0,4 м (рис. 2.-1–3). В заполнении темно-серого цвета встречены древесные угли. На дне прослежены остатки деревянной конструкции: две продольные плахи, перекрытые одним рядом поперечных досок или горбылей. Точное количество элементов погребального сооружения неизвестно, так как могила ограблена и частично разрушена осыпью. В северо-западной части ямы обнаружен череп, в юго-восточной, под сохранившимся перекрытием (поперечным настилом), находились берцовые кости и стопы в анатомическом порядке. Судя по ним, умерший был уложен на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на северо-запад. Остальные кости скелета располагались случайным скоплением посередине могильной ямы. Находок не обнаружено. Возможная датировка: раннескифская эпоха (VI в. до н.э.).

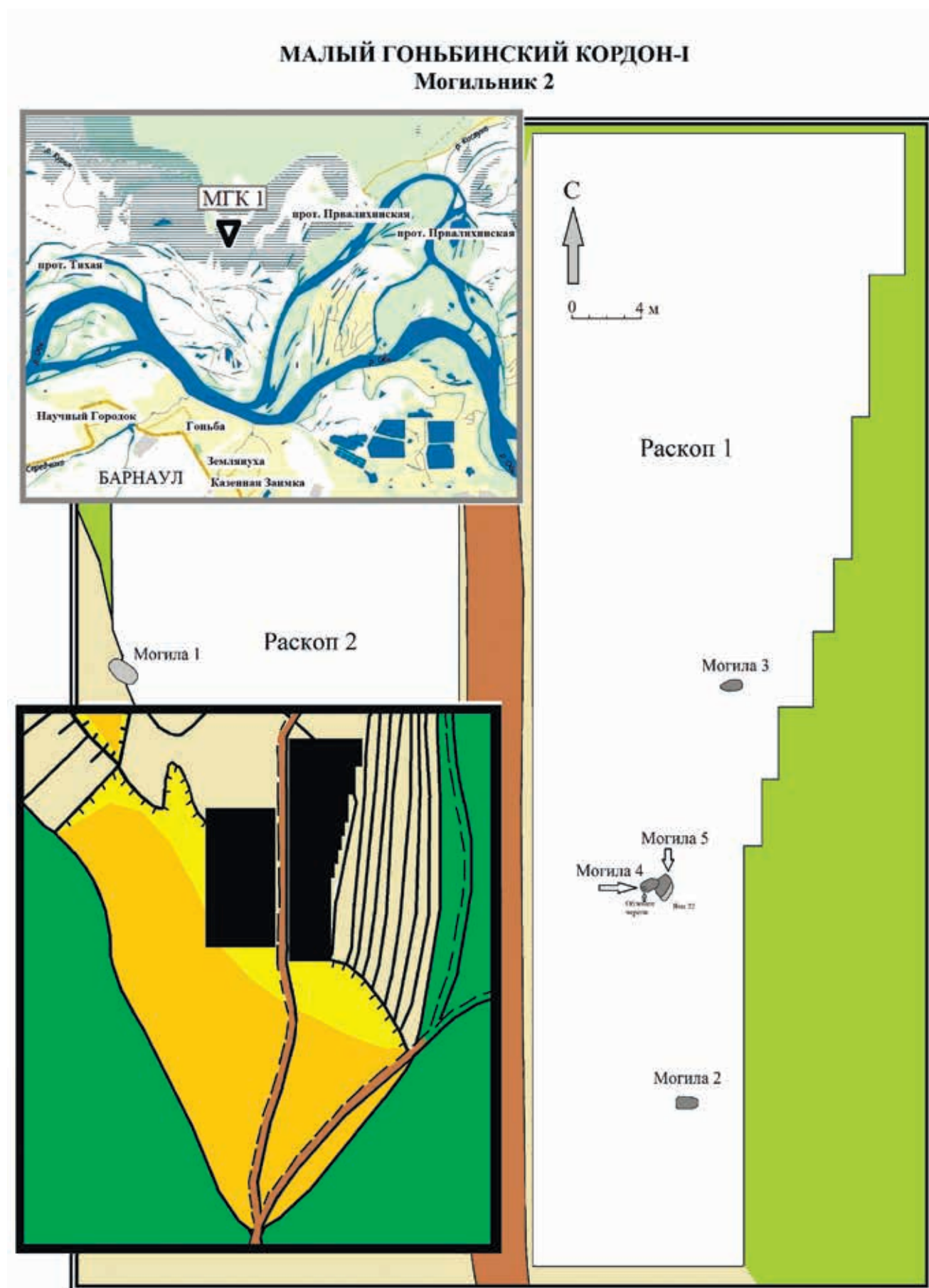

Рис. 1. Расположение и характер Могильника 2 МГК-I

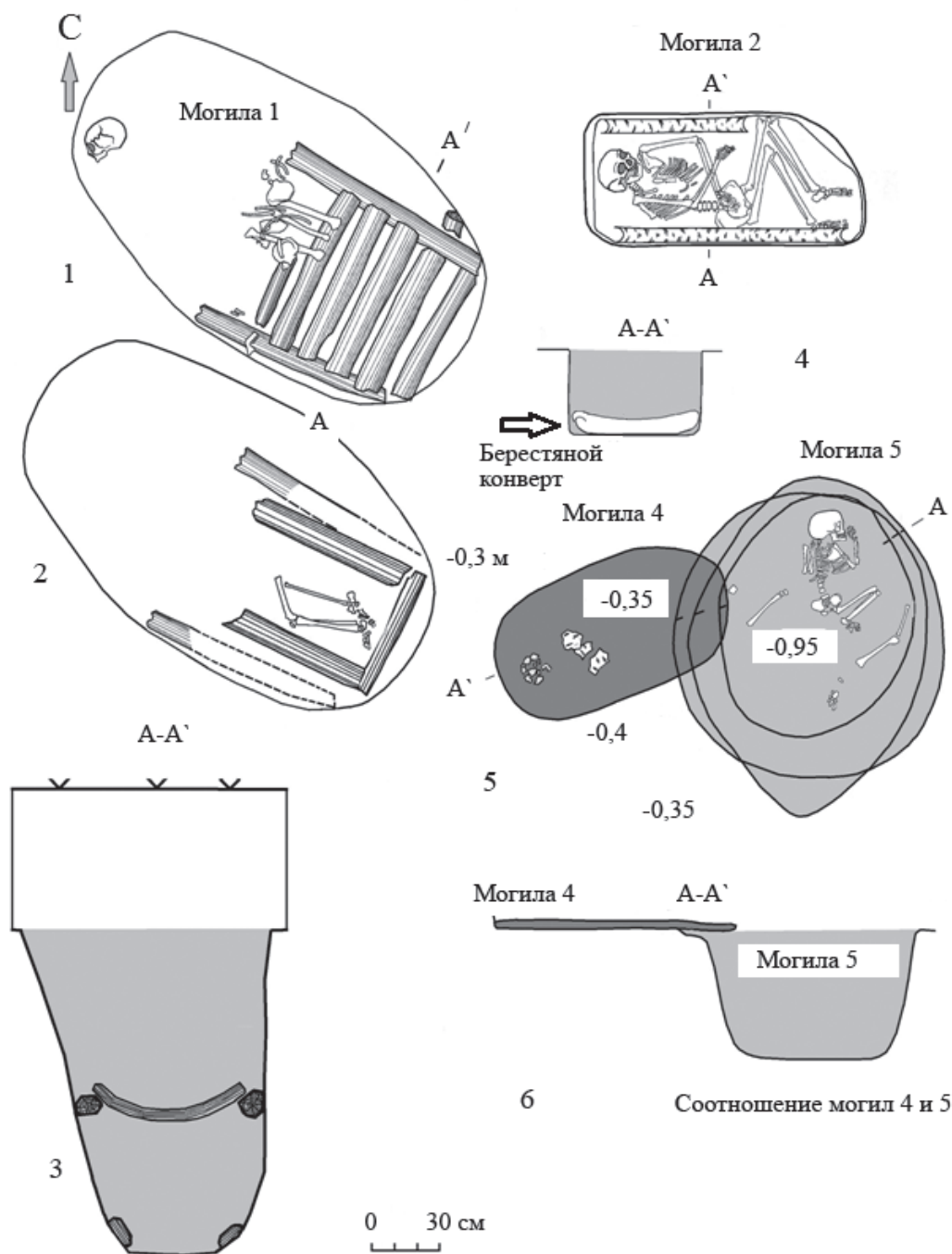

Рис. 2. Планы и разрезы могил 1, 2, 4, 5

Могила 2. Квадраты Г, Д/10 раскопа 1. Яма, размерами 1,35×0,65 и глубиной 0,45 м от уровня материка, ориентирована по оси З–В (рис. 2.-4). В заполнении темно-серого цвета встречены древесные угли. Погребальная конструкция представлена конвертом из нескольких кусков бересты. Умерший уложен на левом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на запад. Руки скрещены в районе живота (рис. 2.-4). Находок нет, возможная датировка: переходное от бронзы к железу время.

Могила 3. Квадраты Б, В/34 раскопа 1. Яма подтрапцевидной формы со скругленными углами, размерами 2×0,67 м и глубиной 0,2 м от уровня материка, ориентирована по оси З–В (рис. 3.-1). Западная часть расширяется, там прослежен уступ шириной 0,35 м, расположенный на 0,1 м выше уровня дна (рис. 3.-2). Погребение нарушено в восточной части, видимо, большой кротовиной или барсучьей норой, каких достаточно много расположено по краям останца. Сохранились остатки погребальной конструкции: конверт из сшитых между собой кусков бересты (стежки сохранились на южном крае), перекрытый поперечными (четыре) и продольными (две) плашками. В конверте на дне ямы вытянуто

на спине, головой на запад, лежал скелет ребенка. Отсутствовали кости таза, ног, левой руки (рис. 3). Справа от черепа найдены бусина из просверленного посередине рыбьего позвонка и бронзовая серьга (рис. 3.-3). Украшение изготовлено из толстой проволоки изогнутой петлей (для вдевания в мочку уха), от которой отходит вниз прямой стержень, обмотанный отрезком плоской (прокованной) проволоки. Навершием украшения служит бронзовый шарик. Подобные серьги характерны для одинцовской культуры эпохи раннего средневековья [Горбунов, Кунгуров, 2018].

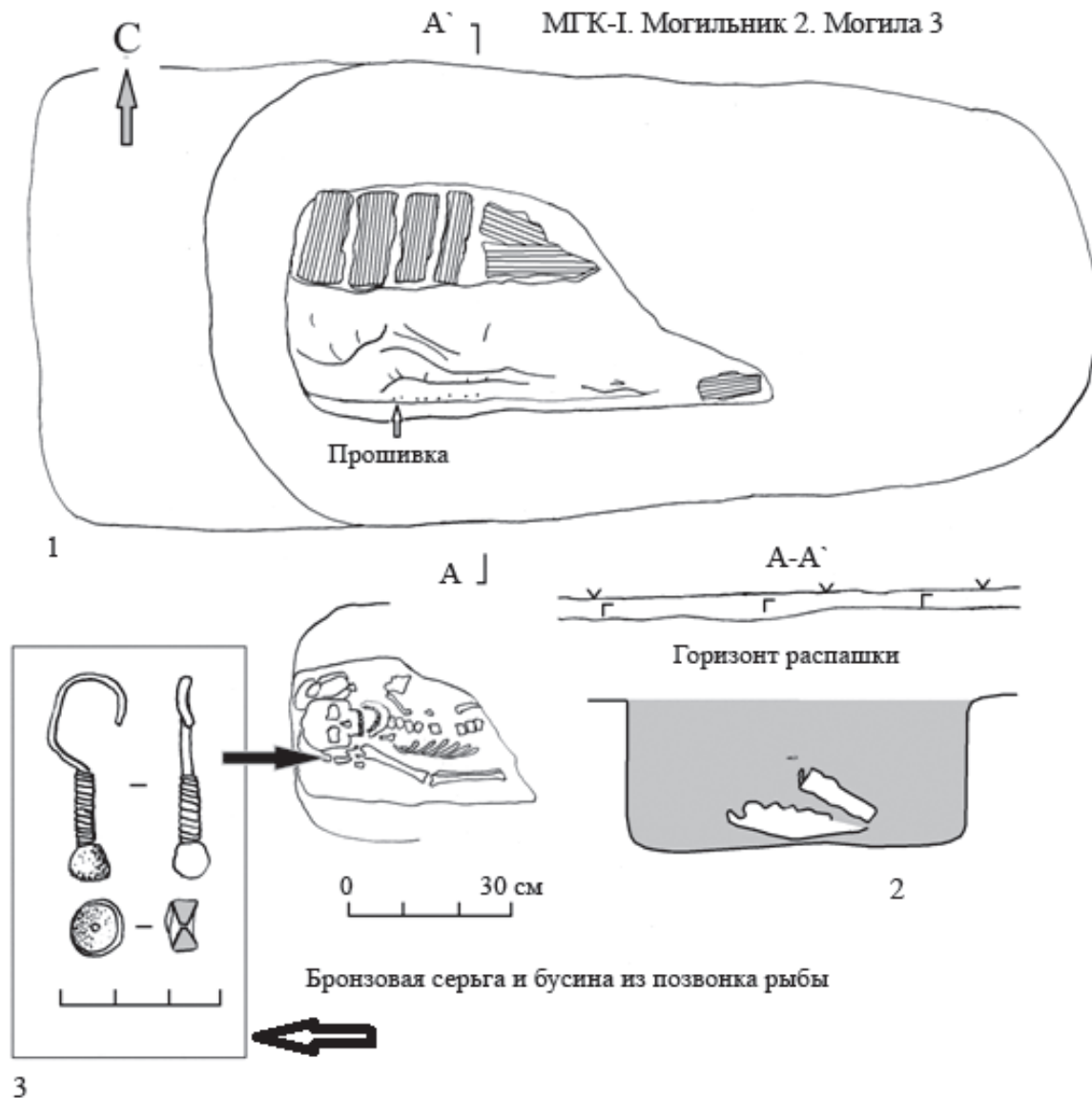

Рис. 3. Планы и разрезы могилы 3

Могила 4. Квадраты Е, Ж/22, 23 раскопа 1. Яма неправильной формы, размерами 1,1×0,65 м и глубиной 0,01 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Перекрывала могилу 5 (рис. 2.-5). Погребение представлено обломками черепа ребенка и обрывками бересты. Положение умершего и более четкие контуры погребения установить не удалось, так как могила не выделялась на фоне гумусового горизонта и, видимо, пострадала в процессе функционирования поселения 1 МГК-1. Судя по расположению обломков черепа, ориентация скелета была головой на юго-запад. Находок нет, возможная датировка: поздний бронзовый век – переходное время от бронзового к железному веку (рис. 2.-6).

Могила 5. Квадраты Е, Ж/22, 23. Яма округлой формы, размерами 1,3×1,2 м и глубиной 0,4 м от уровня материка, ко дну сужалась до размеров 1,05×0,85 м. Заполнение – темно-серая углистая супесь. На дне скорченно на левом боку, головой на юго-восток, лежал скелет ребенка. Руки согнуты в локтях, правая кисть у основания черепа, левая – перед лицом. Кости правой ноги разбросаны грызунами по дну могилы (рис. 2.-5, 6). Находок нет, возможная датировка: переходное от бронзы к железу время.

Могильник 2, расположенный на площади Поселения 1, также может сохраняться под оставшейся площадью памятника, однако, на наш взгляд, его основной комплекс находился как раз на исчезнувшей оконечности останца, а при раскопках были исследованы периферийные погребения (пять – на 1722 кв. м) (рис. 1).

Библиографический список

- Алтайский край: атлас. М.; Барнаул, 1978. Т. 1. 222 с.
Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Памятники первой половины I тыс. н.э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Известия АлтГУ. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100). С. 150–157.
Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-1 // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 267–272.
Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 327–385.
Кунгуров А.Л. Природные особенности и биоресурсы «останцовых» археологических памятников правобережья Верхней Оби // Природно-ресурсный и экологический потенциал Сибири. Барнаул, 2010. С. 109–113.
Растительный покров Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1985. 250 с.

УДК 903'1(571)

О.С. Лихачева

Музей археологии и этнографии Алтая при Алтайском государственном университете, Барнаул, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВООРУЖЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ И БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУР

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В конце I тыс. до н.э. в Центральной Азии хунну создают обширную кочевую державу. Это приводит к значительным этнокультурным изменениям во всех регионах, попавших под их влияние. Так, в Горном Алтае происходит вытеснение племен пазырыкской культуры, на смену которым приходят носители булан-кобинской культуры. Несомненно, что решающим фактором в превосходстве одних над другими стал уровень вооруженности противоборствующих сторон, поскольку именно он в наибольшей степени определял жизнеспособность отдельного социума в тот период. В рамках этой статьи нами проводится сравнительный анализ комплексов вооружения двух данных культур. В ходе работы привлекаются материалы этапов, на которых они могли непосредственно взаимодействовать друг с другом. Это шибинский этап для пазырыкской культуры и усть-эдиганский для булан-кобинской. Дается подробное описание видового состава каждого комплекса и типового набора внутри каждого вида. Проведенный анализ позволил наглядно показать объективное превосходство носителей булан-кобинской культуры в области военного дела, что стало одной из причин успешного завоевания ими племен пазырыкской культуры.

Ключевые слова: военное дело, комплекс вооружения, пазырыкская культура, булан-кобинская культура.

O.S. Likhacheva

Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University, Barnaul, Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARMAMENT OF PAZYRYKSKAYA AND BULAN-KOBINSKAYA CULTURES

Work is performed with financial support of RSF (the project No. 16-18-10033,
“Formation and Evolution of Life Support Systems at Nomadic Societies of Altai
and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction”)

At the end of the 1st millennium BC. in Central Asia, the Huns create an extensive nomadic power. This leads to significant ethno-cultural changes in all regions affected by them. Thus, in the Altai Mountains, the tribes of the Pazyrykskaya culture are replaced by the bearers of the Bulan-Kobinskaya culture. Undoubtedly, the decisive factor in the superiority of some over the others was the level of the armed forces of the opposing sides, since it determined the viability of a particular society during this period. Within the framework of this article we carry out a comparative analysis of the armament complexes of these two cultures. In the course of the work, the materials of the stages are involved, on which they could interact directly with each other. This is the Shiba stage for the Pazyrykskaya culture and the Ust-Edigan stage for the Bulan-Kobinskaya culture. A detailed description of the species composition of each complex is given. The analysis made it possible to demonstrate, as clearly as possible, the objective superiority of the bearers of the Bulan-Kobinskaya culture in the field of military affairs.

Key words: warfare, armament complex, Pazyrykskaya culture, Bulan-Kobinskaya culture.

Конец I тыс. до н.э. стал значимым этапом в развитии народов, населявших пояс Евразийских степей и примыкающих к нему регионов. На политическую арену Центральной Азии выходит новый народ – хунну, который создает обширную кочевую державу [Гумилев, 1993, с. 52–53, 69–76]. Горный Алтай также оказывается в сфере их влияния, что приводит к изменению этнокультурной ситуации на данной территории: происходит вытеснение племен пазырыкской культуры носителями булан-кобинской культуры [Тишкин, 2007, с. 151]. Несомненно, что решающим фактором в превосходстве одних над другими стал уровень вооруженности противоборствующих сторон, поскольку именно он в наибольшей степени определял жизнеспособность отдельного социума в тот период. Для бесписьменных культур данный показатель демонстрируют, прежде всего, вещественные источники, происходящие из памятников [Лихачева, 2017, с. 114]. Ранее сравнительный анализ комплексов вооружения племен Горного Алтая конца I тыс. до н.э. проводился Ю.С. Худяковым [1999, с. 89–104], но на материалах лишь одного памятника. Цель нашей работы наиболее полно осветить данную проблему, полностью проанализировав видовой состав комплексов вооружения, а также типовой набор внутри каждого отдельного вида.

Кратко остановимся на методических вопросах. Рассматриваемая подборка включает в себя предметы вооружения, происходящие из памятников шибинского этапа пазырыкской культуры (последняя четверть IV – III в. до н.э.) и комплексов усть-эдиганского этапа (II–I вв. до н.э.) булан-кобинской [Тишкин, 2007, с. 151, 174; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160]. Таким образом, сопоставляются средства защиты и нападения того времени, когда представители этих племен могли непосредственно взаимодействовать друг с другом. Для пазырыкской культуры привлекаются также случайные находки, типологически датируемые данным временем. Это связано с тем, что большая часть предметов вооружения в памятниках шибинского этапа является вотивом [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 104.-3, 4; Кубарев, 1987, табл. XLVI.-12; Худяков, 1999, с. 92]. Следовательно, они позволяют судить лишь о видовом составе комплекса, но не о конструктивных особенностях самих изделий. По этой же причине нами не приводится количественное сопоставление вооружения, так как в данной ситуации оно будет не корректно.

На шибинском этапе комплекс вооружения пазырыкской культуры, судя по материалам памятников, включал оружие дальнего и ближнего боя, а также доспех (рис. 1.-1–8) [Горбунов, 1999, рис. 1.-13–14; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 104.-3, 4; Кочеев, 1990, рис. 4.-4, 7; 8.-2; 10.-3; Кубарев, 1987, табл. XLVI.-12; XLVIII.-7, 8; Худяков, 1999, рис. 3]. Стрелковый комплекс фиксируется в памятниках по отдельным его элементам: наконечникам стрел, колчанным крюкам и колчанам [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 20; Кочеев, 1990, рис. 4.-4, 7; Худяков, 1999, рис. 3.-3–5, 8–9]. Наконечники стрел изготовлены из кости [Кочеев, 1990, рис. 4.-7; Худяков, 1999, рис. 3.-3–5]. Как отмечают исследователи, использование этого материала для боевых образцов является отличительной чертой пазырыкской культуры [Кочеев, 1999, с. 80]. Все они имеют черешковый способ насада и трехгранное перо подтреугольного абриса (рис. 1.-6). В памятниках конца IV–III вв. до н.э. остатки луков не фиксируются, но, судя по материалам предшествующих периодов, большая их часть относилась к сложносоставным лукам так называемого *скифского* типа, хотя выделяются также не рефлексирующие экземпляры [Кочеев, 1997, с. 214–215]. Луки «скифского» типа, судя по сохранившимся образцам, имели длину от 70 до 100 см [Мелюкова, 1964, с. 14; Шульга, 2010, с. 79–80, рис. 38.-2; 42.-7–9; 48.-7]. Абрис их кибити был близок к М-видному (рис. 1.-1).

Наступательное вооружение представлено короткоклиновым – кинжалы, и древковым – чеканы [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 104.-3, 4; Кубарев, 1987, табл. XLVI.-12; XLVIII.-8; Худяков, 1999, рис. 3.-1, 2]. Боевые кинжалы изготавливались преимущественно из железа и лишь незначительная часть была из бронзы [Кочеев, 1999, с. 81]. Форма их наверший и перекрестий характерна для клинкового оружия IV–III вв. до н.э.: навершия – брусковидные, дисковидные, волутообразные; перекрестия – бабочковидные, брусковидные (рис. 1.-2–3) [Горбунов, Тишкин, 2001, с. 165, рис. 2.-4; Кочеев, 1995, рис. 1, 2; 1999, рис. 5; Кубарев, 1987, XLVIII.-8; Савинов, 1978, рис. 1.-17].

Все боевые образцы чеканов позднего этапа пазырыкской культуры выполнены из железа. Они проушного способа насада, с бойком стержневидной формы, обух выделенный, трапециевидного или подовального абриса (рис. 1.-4–5) [Кочеев, 1999, рис. 4; Кубарев, 1987, XLVIII.-7; Савинов, 1978, рис. 1.-5, 6]. Древки в памятниках шибинского этапа не сохранились, но по более ранним материалам установлено, что их длина могла быть 60–80 см [Кочеев, 1999, с. 81]. В.А. Кочеев [1999, с. 81] отмечает, что на позднем этапе «роль чеканов, как оружия ближнего боя, постепенно сходит на нет». Несмотря на то, что большая их часть представлена в погребениях вотивными образцами или даже имитацией, когда в древко перпендикулярно воткнут бронзовый нож или вотивный же кинжал, они встречаются в погребениях значительно чаще, чем короткоклиновое оружие: на 12 чеканов приходится шесть кин-

жалов. На наш взгляд, ведущая роль древкового оружия у носителей пазырыкской культуры вполне объективна, поскольку при отсутствии длинноклинка оружия, это единственный вид наступательного вооружения, удобный для ближнего конного боя [Лихачева, 2013, с. 52–53].

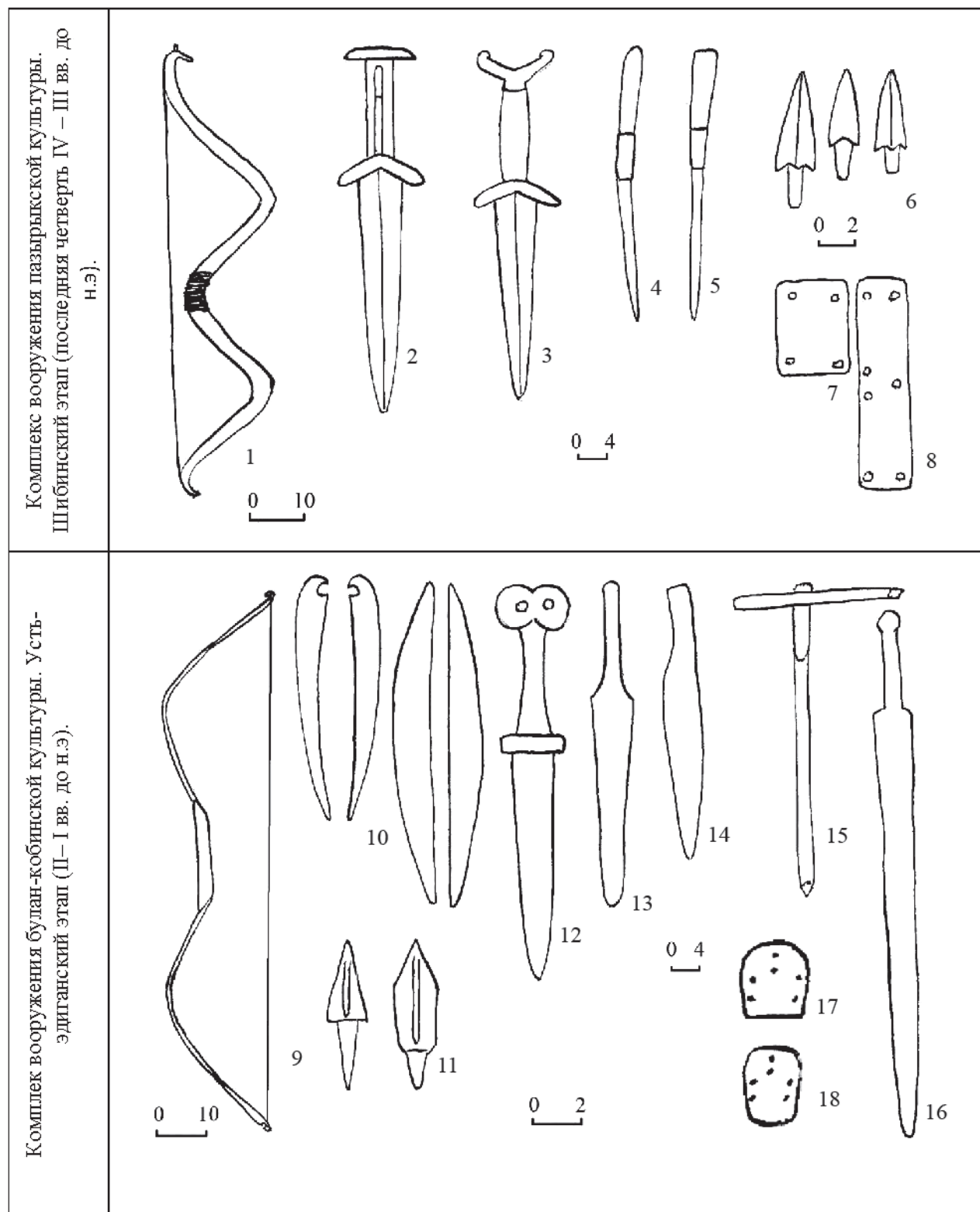

Рис. 1. Сравнительная таблица комплексов вооружения пазырыкской и булан-кобинской культур:
 1 – лук «скифского» типа; 2–3, 12–13 – кинжалы; 4–5 – чеканы; 6, 11 – наконечники стрел;
 7–8, 17–18 – панцирные пластины; 9 – лук хуннского типа; 10 – накладки на лук хуннского типа; 14 – боевой нож; 15 – копия чекана; 16 – меч (2, 7 – бронза; 6, 8, 10 – кость; 15 – дерево; 3–5, 11–14, 16–18 – железо. 16 – без масштаба)

О наличии доспеха можно судить лишь по двум панцирным пластинам. Одна изготовлена из кости, вторая – из бронзы. Обе прямоугольного абриса. Изделие из кости снабжено семью отверстиями, бронзовое – четырьмя (рис. 1.-7–8). Они относятся к ламеллярному способу бронирования и могли использоваться как самостоятельно (при таком варианте наиболее оптимальным будет покроем «кираса»), так и комбинироваться. При втором варианте возможен вариант покроя «халат». При нем корпус набирался из более мелких бронзовых пластин, а подол – из костяных [Горбунов, 1999, с. 49, 54–55, рис. 2.-8]. На предшествующем этапе важным элементом защиты у племен пазырыкской культуры были щиты. Их основу составляли прутья, продетые в кусок кожи и дополнительно закрепленные горизонтальными планками [Горелик, 1987, с. 126, рис. 7.-1–5; 2003, с. 176]. Возможно, они применялись и на шибинском этапе, но по вещественным источникам это пока не фиксируется. Не известно в рассматриваемой культуре и боевых оголовий из твердых материалов.

Судя по комплексу вооружения, основу войска у носителей пазырыкской культуры могла составлять легкая конница, на что указывает помещение в воинское погребение коня в полном снаряжении или отдельных элементов последнего. Комплект легковооруженного всадника включал стрелковый комплекс, который дополнялся чеканом и кинжалом. Наличие панцирей указывает на присутствие в составе войска средневооруженных всадников, но вряд ли они составляли многочисленные отряды. Скорее всего, это были отдельные наиболее состоятельные представители воинской элиты (рис. 2).

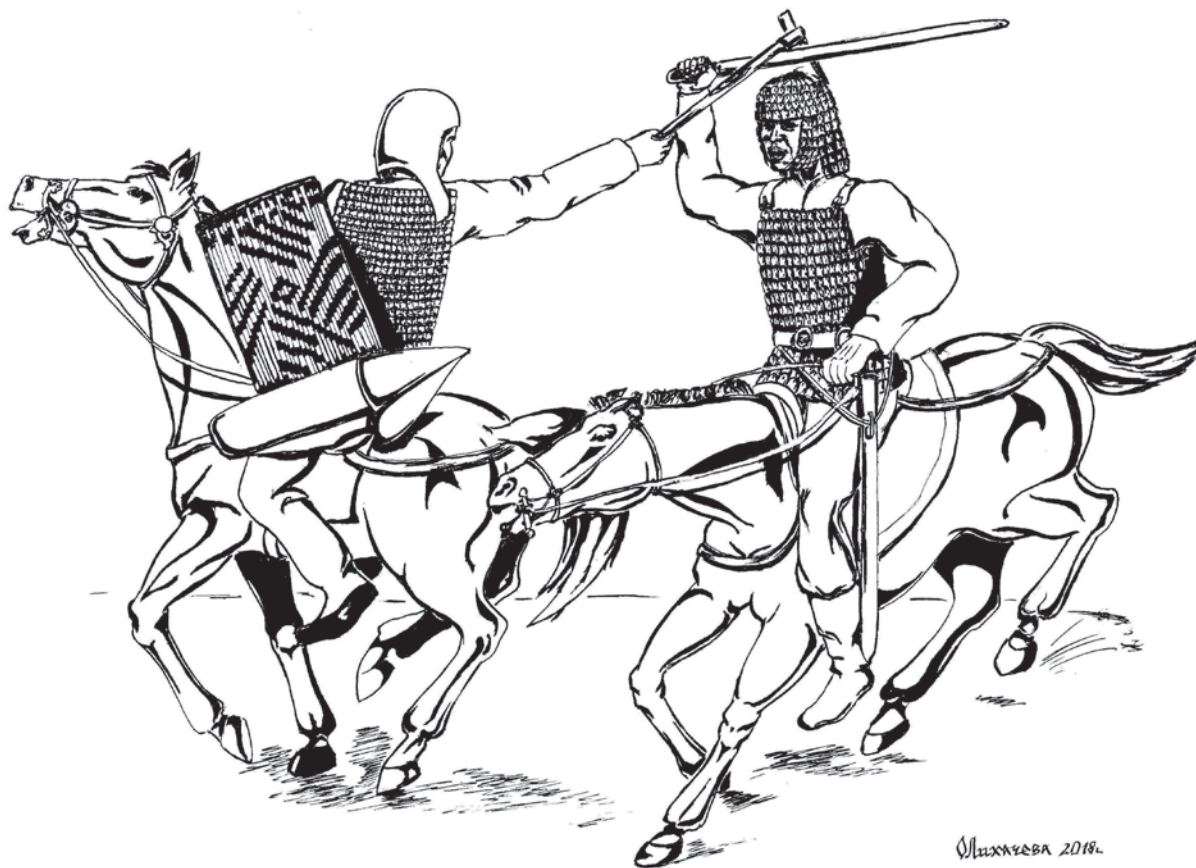

Рис. 2. Реконструкция воинов пазырыкской и булан-кобинской культур (III–I вв. до н.э.)

Комплекс вооружения булан-кобинской культуры на усть-эдиганском этапе представлен средствами нападения и защиты (рис. 1.-9–18) [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 79–84; Соенов, 1999, рис. 6.-1–3; 8.-1–4; 13.-6; 14.-1–6; 15.-1–4; Сорокин, 1977, рис. 10.-2–8; Тишкин, Горбунов, 2007; Худяков, 1997, с. 49–53, рис. 1–3; 1999, рис. 6]. Первые включали оружие для ведения боя на дальней и ближней дистанции. Стрелковый комплекс, как и у племен пазырыкской культуры, состоял из лука и стрел. Отличие заключается в конструктивных особенностях этих видов. Носители булан-кобинской культуры использовали более мощные луки хуннского типа, снабженные концевыми и срединными накладками (рис. 1.-9–10) [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 79–81, рис. 1.-1–6; 2; Соенов, 1999, рис. 6.-1–3; 8.-1–4; 14.-1–6; Сорокин, 1977, рис. 10.-2–8; Худяков, 1999, рис. 6.-1–4, 10–12; 15–17]. Их размер составлял от 110 до 150 см [Гор-

бунов, Тишкин, 2006, с. 80; Никоноров, Худяков, 2004, с. 46, 51]. Такие значительные размеры, а также расширение зон упругости и жесткости на кибиты делали эти луки более дальнобойными и точными, чем луки «скифского» типа, что давало возможность использовать более крупные железные наконечники стрел (рис. 1.-11) [Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995, с. 67; Худяков, 1986, с. 30]. Они имели трехлопастное или ромбическое сечение и подтреугольный или асимметрично-ромбический абрис пера [Соенов, 1999, рис. 15.-1-4; Худяков, 1990, с. 179-180; 1999, рис. 6.-9]. Нельзя не упомянуть и так называемые свистунки, которыми снабжали стрелы. Издаваемый ими звук оказывал психологическое воздействие на противника и пугал его лошадей [Никоноров, Худяков, 2004, с. 55; Соенов, 1999, рис. 13.-1].

Весьма разнообразно оружие ближнего боя. По материалам памятников II-I вв. до н.э. фиксируются мечи, кинжалы и ножи [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 82-83, рис. 10.-9-15]. Кроме того, в комплексе Яломан-II была найдена деревянная модель чекана [Горбунов, Тишкин, 2006, рис. 7.-1]. Он проушного способа насада со стержневидным бойком (рис. 1.-15). По всей вероятности, этот вид древкового оружия также использовался булан-кобинскими воинами, но уже не играл значительной роли в комплексе вооружения. Не вполне ясен остается материал, из которого изготавливались чеканы, так как боевых образцов усть-эдиганского этапа пока не известно. Видимо, это было железо, так как у рассматриваемых племен уже только оно использовалось для изготовления оружия.

Мечи снабжены клинком килевидного абриса (рис. 1.-16). Такие детали, как навершие и перекрестие, на усть-эдиганском этапе не применялись у длинноклинового оружия [Худяков, 1990, с. 181]. Отсутствовали они и у части кинжалов (рис. 1.-13) [Худяков, 1999, рис. 6.-13-14]. Образцы же, у которых имеются навершие и перекрестие, схожи с некоторыми пазырыкскими типами, так как имеют брусковидное перекрестие и волутообразное навершие, но, в отличие от рассмотренных выше образцов, волуты сомкнуты (рис. 1.-12) [Горбунов, Тишкин, 2006, рис. 5.-1; Соенов, 1999, рис. 13.-6]. Боевые ножи достаточно простых форм: спинка и лезвия прямые, черен расположен под небольшим углом к клинку (рис. 1.-14) [Горбунов, Тишкин, 2006, рис. 10.-12].

Защитное вооружение племен булан-кобинской культуры представлено в погребениях усть-эдиганского этапа панцирными пластинами. Они изготовлены из железа, имеют овально-прямоугольный абрис и относятся к ламеллярной структуре бронирования (рис. 1.-17-18) [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83, рис. 9]. Размеры их невелики: длина и ширина составляют порядка 3 см. Наиболее вероятно, что покрой панцирей был «кираса». Помимо защиты корпуса, носители хуннской военной традиции применяли, по всей вероятности, и шлемы. Об этом свидетельствуют размер и форма пластин, которые могли использоваться как для защиты корпуса, так и для изготовления боевых оголовий. На это указывают находки шлемов из Китая, состоящие из пластин, аналогичных рассматриваемым. Купол таких шлемов был закрытым, дополнительно они снабжались нащечниками и назатыльником [Бай Жонцзинь, 1998, табл. I-2; Реставрация..., 1987, рис. 16; 17].

Исходя из видового разнообразия, состав войска племен булан-кобинской культуры был схож с пазырыкским. Его основой была легкая конница, вооруженная стрелковым комплексом. Дополнением к нему могли быть ножи и кинжалы, реже мечи и чеканы [Горбунов, 2007, с. 157-158]. Наличие же панцирных пластин свидетельствует о существовании средних всадников (рис. 2) [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 84].

Из вышесказанного видно, что комплекс вооружения булан-кобинской культуры объективно превосходил пазырыкский по ряду показателей. Прежде всего, он имел более разнообразный видовой состав оружия ближнего боя и, помимо кинжалов и чеканов, включал боевые ножи и мечи. Но если наличие боевых ножей дополнительно к кинжалам, вероятно, не имело принципиального значения для кочевников, поскольку они являлись не основным, а вспомогательным оружием, то длинные всаднические мечи давали значительное тактическое преимущество в ближнем конном бою. Совершеннее в техническом плане был стрелковый комплекс. Более мощные луки хуннского типа превосходили «скифские» по дальности стрельбы. Следовательно, воины булан-кобинской культуры могли поражать своего противника, сами не попадая под обстрел. Это весьма важный момент, поскольку, как и у большинства кочевников, обстрел противника с дальней дистанции был основным тактическим приемом у носителей рассматриваемых культур и играл решающее значение. Но даже при попадании костяные наконечники стрел вряд ли были способны пробить железный доспех, которыми были снабжены некоторые воины. Колчаный же набор племен булан-кобинской культуры состоял, в свою очередь, из стрел только с железными наконечниками и достаточно крупных размеров.

В целом дисбаланс в развитии военного дела, несомненно, стал одним из основных факторов быстрого завоевания Горного Алтая носителями булан-кобинской культуры и исчезновения пазырыкской культуры на данной территории.

Библиографический список

- Бай Жонцзинь. Реконструкция комплекта железных доспехов из ханьской гробницы в северных окрестностях Сианя // Каогу. 1998. №3. С. 79–89 (на кит. яз.).
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск, 1995. 236 с.
- Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 47–55.
- Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 157–163.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 160–165.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4(28). С. 79–85.
- Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 110–133.
- Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993. 224 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катун. Барнаул, 2004. 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 83–84.
- Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 209–215.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 79–82.
- Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 210–224.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 150 с.
- Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // КСИА. М., 2013. Вып. 231. С. 49–59.
- Лихачева О.С. Общее и особенное в развитии вооружения населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. Ч. III. С. 114–132.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. М., 1964. 64 с.
- Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» и «марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2004. 320 с.
- Реставрация железных доспехов из гробницы принца Ци династии Западная Хань (Муниципальный музей Цзыбо, Шаньдун и др.) // Каогу. 1987. №11. С. 1032–1046 (на кит. яз.).
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 58–54.
- Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 134–152.
- Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57–67.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 164–172.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннуского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №3. С. 97–112.
- Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннуского времени в Горном Алтае // Древности Алтая (известия лаборатории археологии). Горно-Алтайск, 1999. №3. С. 89–104.
- Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 177–185.
- Шульга П.И. Синцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы хронология и периодизация). Барнаул, 2010. 238 с.

УДК 904(571.150)

С.С. Матренин

*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

**ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ
КОЧЕВНИКОВ СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ
(по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры Алтая)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00536а

Работа вводит в научный оборот результаты хронологического изучения снаряжения верхового коня сяньбийско-жужанского времени из погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая. Анализируются археологические материалы из могильников Берель, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Кок-Паш, Степушка-I, II, Улита, Усть-Бийке-III, Яломан-II. Автором обосновывается датировка удила, псалиев, уздечных блях, пряжек, седел, застёжек и других изделий на основе аналогий из памятников разных регионов Евразии. Рассматривается центрально-азиатское влияние на формирование снаряжения верхового коня населения Алтая, проводится сравнение отдельных категорий предметов с амуницией тюрков, аргументируется генетическая преемственность седел и подпругных пряжек булан-кобинской и тюркской культур. Акцентируется внимание на выделение хронологических индикаторов раннежужанского периода (2-я половина IV – V в. н.э.). Продемонстрированы возможности использования исследованных предметов для реконструкции процессов этнического и межкультурного взаимодействия населения Алтая с народами других регионов. Публикуемые материалы расширяют корпус археологических источников для типологии снаряжения верхового коня кочевников Северной и Центральной Азии во II–V вв. н.э.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийско-жужанское время, булан-кобинская культура, снаряжение верхового коня, хронологические индикаторы, аналогии, датировка.

S.S. Matrenin

*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia*

**CHRONOLOGICAL INDICATORS OF THE HORSE EQUIPMENT
OF NOMADS IN ALTAI IN THE XIANBEI-ZHOUZHAN PERIOD
(from the burial complexes of the Bulan-Kobinskaya culture)**

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-09-00536a

The paper introduces into scientific circulation the results of the chronological study of the riding horse equipment of the Xianbei-Zhouzhan period from the Bulan-Kobinskaya culture burial complexes in Altai. The archaeological materials from the Berel, Bulan-Koby-IV, Verkh-Uimon, Dyalyan, Kok-Pash, Stepushka-I, II, Ulita, Ust-Bike-III, Yaloman-II necropolis are analyzed. The author justifies the dating of bits, psalies, bridles, buckles, saddles, buckles and other items based on the analogies from the sites of different regions of Eurasia. The Central Asian influence on the horse equipment in Altai is considered; the comparison of certain categories of items with the ammunition of the Turks is conducted, the genetic continuity of the saddles and crotch buckles of the Bulan-Kobinskaya and Turkic cultures is argued. Attention is focused on the selection of chronological indicators of the Early Zhouzhan period (the second half of the 4th–5th centuries AD). The possibilities of using the studied objects for reconstructing the processes of ethnic and cultural interaction of the Altai population with the peoples of other regions are demonstrated. The published materials expand the corpus of archaeological sources for the typology of the horse equipment of nomads of North and Central Asia in the 2nd–5th centuries AD.

Key words: Altai, Xianbei-Zhouzhan period, Bulan-Kobinskaya culture, horse equipment, chronological indicators, analogies, dating.

Снаряжение верхового коня является одним из важнейших источников для разработки периодизации материальной культуры многих народов Евразии эпохи поздней древности и средневековья. На сегодняшний день данный вид экипировки кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) включает многочисленную коллекцию изделий функционального и декоративного назначения, обнаруженных в некрополях булан-кобинской культуры: Белый-Бом-II, Берель, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Кок-Паш, Степушка-I, II, Улита, Усть-Бийке-III, Яломан-II. В проанализированном нами комплексе артефактов имеются предметы, которые можно рассматривать в качестве хронологических индикаторов для определения археологического возраста памятников.

В составе уздечного снаряжения присутствуют соединеннокрюковые удила с малокрючными окончаниями звеньев (15 экз.) (рис. 1.-I–9). В Азиатском регионе они встречаются достаточно редко и в эволюционном отношении являются более поздними, чем модификации с петельчатыми окончаниями* [Кызласов, 1983, с. 57]. Ближайшие в территориальном отношении аналогии им зафиксированы

* Удила с крюковым соединением и петельчатыми окончаниями звеньев в Центральной Азии широко распространяются с раннесяньбийского периода (II–III вв. н.э.) [Яремчук, 2005, рис. 107.-3; 110.-6, 8, 9; 111.-3, 5; 113.-3; Борисенко, Худяков, Юй

в Верхнем Приобье в позднефоминских (конец III – 1-я половина IV в. н.э.), одинцовских (2-я половина IV – V в. н.э.) и темирязевских комплексах (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.) (обзор аналогий по: [Матренин, Тишкин, 2015, с. 118–119]). Похожие образцы найдены в Семиречье в Кенкольском могильнике, датирующемся не ранее III в. н.э. [Заднепровский, 1992, табл. 31.-9]. На территории Среднего Енисея модели удила с малокрючными окончаниями связаны с таштыкскими склепами IV–VI вв. н.э. [Тетерин, 2007, рис. 18.-2]. Для сравнения: в европейской части России удила такой конструкции массово представлены в степной полосе в позднесарматских комплексах со 2-й половины II в. н.э., а также в лесном Приуралье с III в. н.э. [Останина, 1997, рис. 16.-4; 18.-3; 20.-3, 6; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 5.-26, 29; 13.-19, 17.-23; 18.-36, 39; 30.-5, 38; Малашев, 2000, рис. 3А.-2, 9А.-21; Голдина, Бернц, 2010, табл. 247, 248]. На Алтае малокрючные удила использовались в сочетании с железными гладкими однокольчатыми псалиями небольшого диаметра (22 экз. от 12 наборов), снабженными металлическими зажимами и без таковых (рис. 1.-1–6). Данные экземпляры существенно отличаются от булан-кобинских большекольчатых псалиев хуннского времени [Тишкин, Матренин, 2017, рис. 1] и обнаруживают ближайшие аналогии в материалах Верхнего Приобья конца III – начала IV в. н.э., 2-й половины IV – V в. н.э., 2-й половины VI – 1-й половины VII в. н.э. [Ширин, 2003, табл. XXXVI.-1; Егоров, 1993, рис. 1.-6; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 24.-5]. Начальный период бытования малокрючных удила с небольшими круглыми псалиями на Алтае предварительно определяется нами в рамках 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э. Рассматриваемые уздечные конструкции существуют до конца булан-кобинской культуры. Отдельного внимания заслуживает пара поздних (V в. н.э.) большекольчатых псалиев из могильника Берель (рис. 1.-9). Их можно сопоставить с псалиями ранних тюрков с той разницей, что берельские экземпляры выполнены из гладкого прута и не имеют восьмерковидных петель* [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1.-10–12, с. 16–18].

Показательными являются металлические уздечные пряжки с подвижным язычком и щитком в виде пластины полуобоймы (9 экз.) (рис. 2.-1–5). На Алтае они распространяются под влиянием традиций позднехуннской – раннесяньбийской материальной культуры. Широкую популярность данные модификации получают с конца II – III в. н.э. и будут применяться до финала существования булан-кобинской общности. Опираясь на сравнение с поясными пряжками, можно констатировать, что щитки средних и удлиненных пропорций преобладают в IV–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 47–48]. Единственная серебряная пряжка с подвижным язычком из могильника Берель (рис. 2.-5), по-видимому, имела фасетированный щиток. Она обнаруживает поразительное сходство с экземпляром из погребения середины – 2-й половины III в. н.э. могильника Покровка-10 (Южное Приуралье) и фасетированными ременными гарнитурами Прикамья III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, рис. 203.-5, с. 52–55].

Важным хронологическим индикатором выступают уздечные бляхи [Матренин, Тишкин, 2016а]. Бронзовые полусферические изделия с шпильковым креплением (71 экз. от четырех наборов) (рис. 1.-10–14, 16–23, 29–41) имеют хорошо датированные аналогии в конском снаряжении кочевников Северного Китая 2-й половины IV – V в. н.э. [Yu Junyu, 1997, fig. 3.-6; Chen Shan, 2003, fig. 1–10; Гао Фэн, 2006, рис. 33.-1; 36.-3, 4, 10]. Вещественные находки из Алтайской лесостепи также относятся ко 2-й половине IV – V в. н.э. [Грязнов, 1956, табл. XXXII.-20]. Похожие уздечные украшения просматриваются на деревянных скульптурах из погребального комплекса таштыкской культуры Сырского чаа-таса IV–VI вв. н.э. (Минусинская котловина) [Кызласов, 1960, с. 132, рис. 50.-2, 3]. У носителей булан-кобинской культуры круглые бляхи-накладки появляются, по-видимому, в середине – 2-й половине IV в. н.э. под влиянием центрально-азиатской моды декорирования уздечных и седельных гарнитур в жузжанское время. Верхний хронологический горизонт активного использования таких уздечных блях у кочевников Алтая демонстрируют материалы тюркской культуры 2-й половины VI – 1-й половины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, с. 22–23, табл. VII.-2; XIV.-8; Горбунова, 2010, с. 64, рис. 29; с. 65, рис. 31]. Данные экземпляры могли повлиять на генезис блях с блюдцевидным корпусом (1 экз.) (рис. 1.-52). Железные и серебряные бляхи с полусферическим и усеченно-коническим корпусом (141 экз. от четырех наборов) (рис. 1.-24, 25, 42–57) можно датировать с учетом выкладок, сделанных для похожих бронзовых предметов.

Су-Хуа, 2006]. Начальный этап использования таких удила населением Алтая определяется пока условно в рамках I–II вв. н.э. Они встречаются до финала существования булан-кобинской общности. Экземпляры IV–V вв. н.э. часто имеют добавочные петли восьмерковидной формы.

* Опубликованная информация не позволяет точно сказать, какими (малокрючным или петельчатым) были окончания грызл берельских удила [Гаврилова, 1965, с. 80, 84; Сорокин, 1969, рис. 23]. В данном контексте важно заметить, что ранне-тюркские удила с кольчатыми псалиями часто отличают петельчатые окончания и соединения.

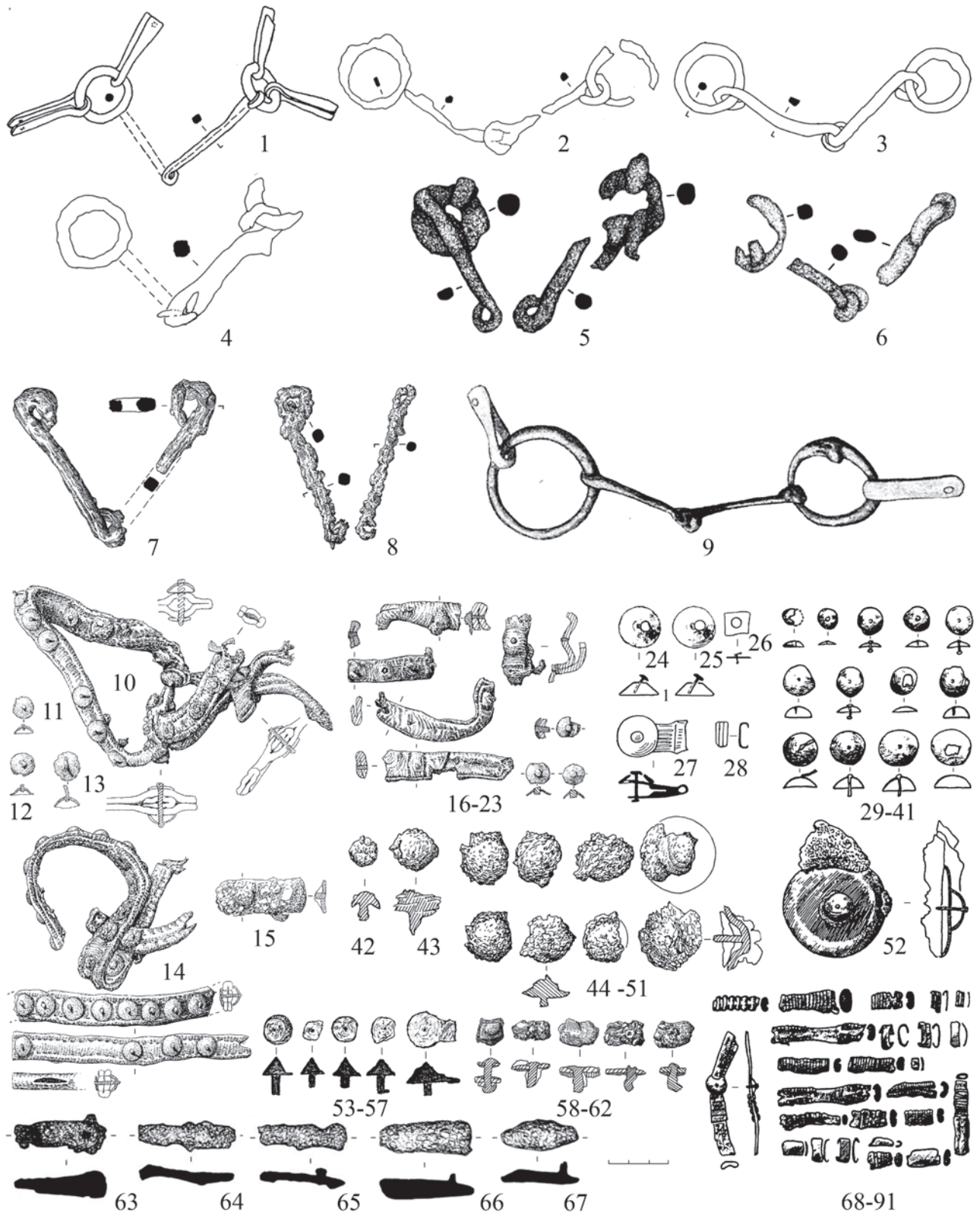

Рис. 1. Удила и уздечные бляхи из памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени. Берель – курган №3 (9) (по: [Гаврилова, 1965]); Верх-Уймон, курганы №11 (1), №14 (2), №15 (3), №20 (4) (по: [Соенов, 1998]); Кок-Паш, курган №35 (29–41, 52, 68–91) (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003]); Степушка-I, курганы №7 (7), №17 (58–62) (по: [Матренин, Тишкин, 2015]); Степушка-II – объекты №3 (5, 63–65), №26 (14, 66–67) (по: [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]); Усть-Бийке-III – курган №4 (8) (по: [Тишкин, Горбунов, 2005]); Яломан-II, курганы №29 (16–23), №30 (10–15), №32 (42, 43), №33, п. 1 (44–51) (по: [Матренин, Тишкин, 2016a]) (1–8, 15, 42–67 – железо; 9 – железо, серебро; 10–12, 21–23, 29–41, 71, 72, 85–90 – бронза; 13, 14, 16–20, 52, 68–70, 73–84, 91 – бронза, кожа; 24–28 – серебро)

Уздечные бронзовые и серебряные бляхи-зажимы в виде скобообразно изогнутых пластин вытянуто-прямоугольной формы (не менее 148 экз. от двух наборов) (рис. 1.-28, 68–91) происходят от аналогичных железных поясных блях, зафиксированных в Восточном Забайкалье в позднесяньбийском могильнике Дурой-I (2-я половина III – начало IV в. н.э.) и комплексах бурхотуйской культуры Улан-Хода, Дворцы-I и др. (IV–VI вв. н.э.), а на Алтае – в булан-кобинских погребениях позднесяньбийского-раннежужанского времени на памятниках Кок-Паш, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Степушка-I, II [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXI.-24; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015, с. 128; Матренин, 2017, с. 66, 76, рис. 17.-7–13]. Подобные изделия представлены в Томском Приобье в материалах V – середины VI в. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-4; 11.-5; 13.-12]. Аналогичные бронзовые бляхи применялись для декорирования браслетов «бурхотуйцами» Восточного Забайкалья (IV–VI вв. н.э.) и мохэ Среднего Амура (V в. н.э.) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXVII.-12; Деревянко, 1975, табл. L]. В качестве уздечных украшений они зафиксированы на Алтае на памятнике Кудыргэ в раннетюркской ограде 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э., а также в погребении дарасунской культуры Восточного Забайкалья VI в. н.э.* [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 56.-5, 8]. Известные нам археологические источники указывают в пользу датировки бронзовых и серебряных уздечных блях-зажимов булан-кобинской культуры в рамках IV–V вв. н.э.

Железные уздечные бляхи с шпеньковым креплением в виде прямой пластины прямоугольной, подквадратной, вогнуто-прямоугольной формы (13 экз. от шести наборов) (рис. 1.-15, 58–67) у населения булан-кобинской культуры могли быть заимствованы из конструкции местных наборных поясов II–IV вв. н.э. [Матренин, 2017, рис. 14.-1–3, 5, 6, 12, 13; 15.-1–15]. Оригинальная серебряная бляха-полуобойма прямоугольной формы (рис. 1.-27) напоминает собой ременные наконечники, популярные у поздних сарматов (2-я половина II – IV в. н.э.), гуннов (конец IV – V в. н.э.), народов Среднего Прикамья (рубеж III–IV вв. н.э.) и редко встречающиеся у населения Верхнего Приобья (не ранее II в. н.э.), «кокэльцев» Тувы (не ранее III в. н.э.), кочевых народов Северного Китая (конец IV – 1-я треть VI в. н.э.), населения Кореи (IV–V вв. н.э.) (обзор аналогий по: [Матренин, 2017, с. 88]). Наличие валикообразного расширения сближает булан-кобинский экземпляр с «западными» образцами IV–V вв. н.э.

В конской амунии кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени иногда встречаются наконечники и распределители ремней. В могильнике Яломан-II железный наконечник плохой сохранности зафиксирован при расчистке металлических гарнитур на черепе лошади в кургане №32. Наконечник в виде прямой пластины с овально-прямоугольным абрисом фиксировался к ремню с помощью шпеньков [Тишкин, Горбунова, 2005, с. 121]. Данное изделие находит подобия в поясной гарнитуре булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. [Матренин, 2012, с. 161–162, 164]. Серебряный двусоставный наконечник из могильника Берель (рис. 2.-8) обнаруживает ранние параллели в позднесарматских памятниках 2-й половины II – III в. н.э. Восточной Европы, поздние, но более актуальные – в конском снаряжении сяньби-мужунов 2-й половины IV в. н.э. Северо-Восточного Китая [Archaeological Team..., 1984, p. 44; Дун Гао, 1995, с. 35; Wang Wei, 1997, fig. 4.-2, 5; Малашев, 2000, с. рис. 2, 3]. Два железных распределителя ремня с Т-образной центральной частью и одной подвижной лопастью в виде пластины-полуобоймы (рис. 2.-6, 7) можно датировать по аналогии с поясными распределителями в рамках III–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 92–93].

Маркером относительной хронологии являются роговые (костяные) подпружные пряжки с подвижным язычком на вставной металлической вертлюге. В сопроводительном инвентаре булан-кобинской культуры нами учтено 15 таких предметов в памятниках Белый Бом-II, Верх-Уймон, Дялян, Степушка-I, II, Яломан-II (рис. 2.-9–16). Появление пряжек данной конструкции на территории Алтая и в некоторых других регионах Северной Азии происходит под влиянием материальной культуры сяньби. Начальный период их существования в булан-кобинской культуре приходится, по-видимому, на рубеж III–IV вв. н.э. Наиболее многочисленными они становятся во 2-й половине IV – V в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2010, с. 225–226; Матренин, Тишкин, 2015, с. 121]. В эволюционном отношении данные модификации являются связующим звеном между пряжками сяньбийской и тюркской традиций. Сходство булан-кобинских и тюркских пряжек отражает их генетическую преемственность, обусловленную развитием данной категории снаряжения под влиянием общего центрально-азиатского импульса развития материальной культуры в период существования Жужанского каганата, включавшего в свой состав до 552 гг. земли Алтая.

* Выражаем признательность Е.В. Ковычеву за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раннего средневековья Восточного Забайкалья.

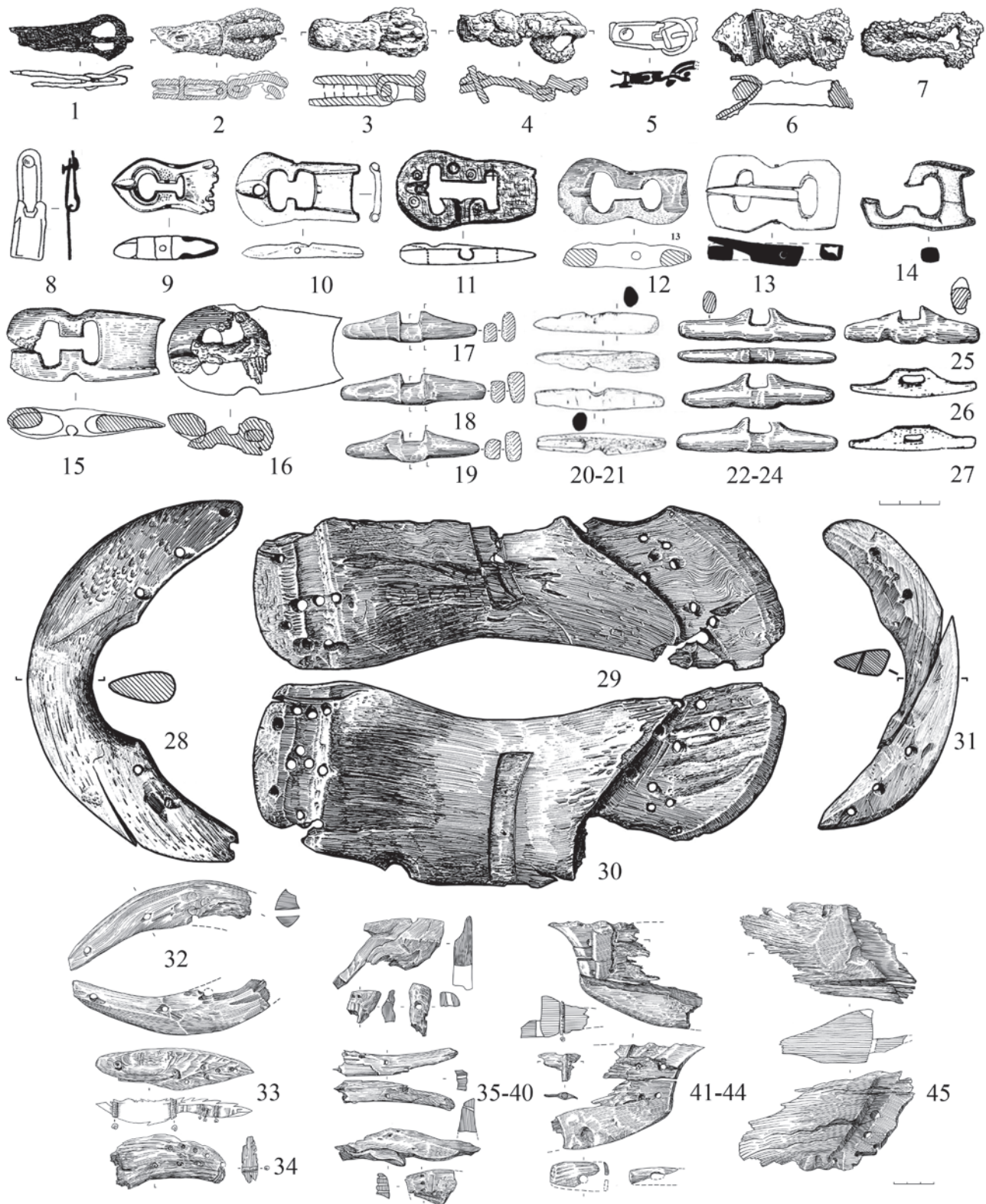

Рис. 2. Уздечные и подпругные пряжки, наконечник и распределители ремней, цурки, жесткая основа седел из памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени. Берель, курган №3 (5, 8) (по: [Гаврилова, 1965]); Белый-Бом-II, курганы №25, п. 2 (9), №26 (10) (по: [Мамадаков, 1990]); Верх-Уймон, курганы №27 (16), №30 (1) (по: [Соенов, 2000]); Кок-Паш, курган №7 (26, 27) (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003]); Степушка-I, курган №19 (12, 17-19) (по: [Матренин, Тишкин, 2015]); Степушка-II, объекты №3 (20, 21), №4 (13), №40 (14) (по: [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018]); Яломан-II, курганы №29 (32-44), №30 (2, 45), №31 (3, 22-24), №32 (4, 16, 25), №33, п. 1 (6, 7, 28-31), п. 2 (15) (по: [Тишкин, Матренин, 2010; Матренин, Тишкин, 2016б; Тишкин, Мыльников, 2016б]) (1-7 – железо; 8 – серебро; 9-27 – рог (кость); 28-45 – дерево)

В элитном погребальном комплексе некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) были обнаружены остатки трех «твердых» седел с деревянными «полукруглыми» (дуговидными) луками (высокой передней и пологой задней) и полками (рис. 2.-28–45). Эти уникальные по сохранности изделия практически стали объектом междисциплинарного изучения с привлечением специалистов по деревообработке, дендрохронологии, ксилотомии [Тишкин, 2011; Тишкин, Мыльников, 2016а; 2016б, с. 48–51]. На сегодняшний день они являются самой ранней археологической находкой «степного» седла с жестким каркасом без стремян на территории Северной Азии, датирующейся по результатам радиоуглеродного анализа 2-й половиной IV – началом V в. н.э. [Тишкин, 2017, с. 55–57]. Об использовании седел с жестким каркасом другими поздними группами населения булан-кобинской культуры Алтая можно говорить гипотетически по обнаружению роговых кантов.

Ближайшие аналогии яломанским седлам обнаружены в Восточном Туркестане в погребениях (М 122, М 133) третьего периода культуры могильника Чжангуньлук, относящихся, судя по найденному в них инвентарю, к IV–V вв. н.э., а также на территории Монголии в скальном захоронении середины I тыс. н.э. [Раскопки погребений..., 2003, рис. 2.-8; 10.-1, 2; 15.-2; Тувшинжаргал, Баярсайхан, 2017]. Все данные экземпляры принадлежат к одной традиции. Носителями ее могли быть жужани и другие кочевые народы (в том числе племенной конфедерации во главе с родом Ашина), проживавшие во владениях Жужанского каганата. Вопрос только остается в том, что являлось исходной базой для изобретения такой совершенной модификации седла. В процессе его формирования большую роль, по-видимому, сыграло военное противостояние жужаней с империей Тоба Вэй (конец IV – начало V в. н.э.), в ходе которого сложились условия межкультурного контакта (обмена, заимствований) и формирования новых эффективных средств для ведения конного боя*. Седла этой традиции стали исходным прототипом для «классического» кочевнического седла со стремянами, широко распространившегося во многих областях Евразии с середины VI в. н.э. посредством тюрок**.

В материалах булан-кобинской культуры нами зафиксировано 25 роговых (костяных) цурок в могильниках Степушка-I, II, Дялян, Яломан-II***, Верх-Уймон, Кок-Паш. Большинство экземпляров имеют форму трапеции с широким основанием, плавно изогнутыми боковыми сторонами, скругленными углами и не сомкнутую прорезь для ремня (рис. 2.-17–25). Похожие застежки от пут зафиксированы в Восточном Туркестане и Восточном Приаралье в памятниках середины IV – V в. н.э., а также в раннесредневековых комплексах (2-я половина V – VI в.) курумчинской культуры Прибайкалья [Левина, 1996, рис. 94.-4; Раскопки погребений..., 2003, рис. 2.-2; 8.-10, 11; Дашибалов, 2011, с. 26, рис. 58.-7]. Аналогии цуркам с несомкнутой прорезью с территории Восточной Европы относятся к гуннскому времени и раннему средневековью [Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 1.-1; Обломский, 2013, с. 212–214, рис. 11.-9]. Данные застежки выступают хроноиндикатором снаряжения кочевников Алтая 2-й половины IV – V в. н.э. На их основе разрабатываются цурки с сомкнутой петлей, ранние образцы которых найдены в могильнике Кок-Паш (рис. 2.-26, 27), а также в тюркских памятниках 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175, рис. 4; 6.-8, 9; Тишкин, Сергин, 2011, рис. 3.-28–31].

В заключение необходимо отметить, что представленный опыт исследования снаряжения кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени расширяет источниковую базу для сравнительного анализа данного элемента материальной культуры народов Евразии II–V вв. н.э. и обогащает изыскания в области хронологической интерпретации разных категорий уздечной и седельной экипировки. Некоторые полученные выводы не являются бесспорными, что обусловлено наличием неопубликованных археологических материалов из памятников других регионов Северной и Центральной Азии.

* В ранней истории седел с жесткими деталями остова сохраняется много сложных моментов, касающихся в том числе атрибуции разных типов по вещественным и изобразительным источникам. В этом контексте следует заметить, что отсутствие в погребении деревянных полок, которые могли не сохраниться, может быть принято в равной степени как основание интерпретации «жесткого» седла, как «полужесткого» и наоборот. В качестве яркого примера такой ситуации можно привести реконструкцию седла из богатого сяньбийского погребения начала IV в. н.э. в Аньяне провинции Хэнань [Вайнштейн, Крюков, 1984, рис. 9; Вайнштейн, 1991, рис. 97.-2], которая, по мнению, Е.В. Степановой [2015, с. 411–416] «не имеет никакой археологической основы – в погребении были найдены только П-образные луки».

** Поразительное сходство булан-кобинских и тюркских седел ввело в заблуждение Е.В. Степанову, которая ошибочно отнесла яломанские находки к VI–VII вв. н.э.

*** Автор благодарит А.А. Тишкина за разрешение использовать при подготовке таблиц неопубликованные материалы памятника Яломан-II.

Библиографический список

- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. 201 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. 243 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003. 224 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Особенности конского снаряжения сяньби // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. II. С. 280–285.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. 267 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // Советская этнография. 1984. №6. С. 114–130.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. 296 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Гао Фэн. Северо-вэйские погребения на шоссе в городе Датун провинции Шанси // Вэнь. 2006. №10. С. 51–71 (на кит. яз.).
- Голдина Р.Д., Бернц А.В. Тураевский-1 могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск, 2010. 499 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17).
- Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул, 2010. 136 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 163 с. (МИА №48).
- Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011. 174 с.
- Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975. 250 с.
- Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. №4. С. 212–229.
- Дун Гао. Сравнительное изучение мужунсяньбэйской, когуреской, корейской, японской конской амуниции III–VI вв. н.э. // Каогу. 1997. №12. С. 66–84 (на кит. яз.).
- Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
- Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 73–87 (Археология СССР).
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 128 с. (САИ. Вып. Е3-18).
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1960. 198 с.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1996. 396 с.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов на/Д., 2000. С. 194–232.
- Малашев Ю.В., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М., 2008. 365 с.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Матренин С.С. Наконечники ремней кочевников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) // Известия Алт. гос. ун-та. 2012. №4/1 (76). С. 159–168.
- Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск, 2017. 142 с.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I // Известия Алт. гос. ун-та. 2015. Т. 2. №4 (88). С. 116–124.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алт. гос. ун-та. 2016а. №2 (90). С. 220–228.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. 2016б. №2 (14). С. 48–66.
- Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V вв. н.э.) // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 194–257.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. 326 с.
- Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагунылука в 1998 г. / Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баиньгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиемоского округа // Синьцзянское культурное наследие. 2003. №1. С. 1–19 (на кит. яз.).
- Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 93–98.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 г. // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 48–62.

- Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. X. С. 208–236.
- Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб., 2015. С. 389–425.
- Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 62–88.
- Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 165–176, 209.
- Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2017. №49. С. 54–59.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам могильника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 118–122.
- Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и жужанского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Известия Алт. гос. ун-та. 2010. №4/2 (68). С. 220–229.
- Тишкин А.А., Матренин С.С. Детали конской узды из курганов хуннского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай): хронологический аспект // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. II. С. 60–65.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. 2015. №1. С. 121–135.
- Тишкин А.А., Мыльников В.П. Жесткие деревянные основы седел с памятника Яломан-II на Алтае: междисциплинарный анализ // Археология, этнография, антропология Евразии. 2016а. №3 (44). С. 47–55.
- Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул, 2016б. 192 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.
- Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.
- Archaeological Team of Liaoning Provincial Museum and Others: The Eastern Jin Tomb with wall Paintings at Yuantaizi, Chaojang // Wenwu. 1984. №6. P. 29–45 (на кит. яз.).
- Chen Shan Newly Discjvered Horse Fittings of San Yan at Beipiao // Wenwu. 2003. №3. P. 52–58 (на кит. яз.).
- Wang Wei Exchanges between the East Asian Countries in the 3rd–6th Centuries in the Light of Unearthed Harness // Kaogu. 1997. №12. P. 66–84 (на кит. яз.).
- Yu Junyu Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. №11. P. 42–48 (на кит. яз.).
- Тувшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан үнээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн түүхэн хөгжлийн асуудал // Нуудэлчдийн өв судлал. 2017. Т. XVIII. Т. 79–93 (на монг. яз.).

УДК 903.22:39

О.А. Митько

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ (IX–XIV вв.): ПОПЫТКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Исследование проведено в рамках государственного задания
в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/8.9)

Одной из особенностей погребальной обрядности енисейских кыргызов IX–XIV вв. является помещение вместе с останками кремаций преднамеренно поврежденного длинноклинкового оружия, имеющего различные формы деформации. Его изучение дает основание не только для оценки военного дела и социального положения погребенных, но и изучения воинской культуры и мужского ритуального поведения. При объяснении символики деформированного оружия кыргызов выдвигаются различные гипотезы. Из них четыре гипотезы рассматриваются как основные: обезопасить живых от оружия умершего; «умертвить» клинок вместе с владельцем; деформация клинка продиктована необходимостью его помещения в небольшую по

размерам могильную яму и отсутствие «наследника». Аналогии данному ритуалу встречаются как на востоке, так и на западе евразийского континента и связаны они, как правило, с обрядом кремации погибших воинов. Также отмечается, что проявление в погребальной обрядности ритуального отношения к длинноклиновому оружию приходится на период экономического, социального и военного подъема, развития металлургии и кузнечного производства культуры енисейских кыргызов.

Ключевые слова: согнутое оружие, енисейские кыргызы, курган, кремация, палаш, сабля.

O.A. Mitko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

SWORDS AND SABERS IN THE BURIALS OF THE YENISEI KYRGYZ (the 9th –14th centuries): ATTEMPTS OF THE SEMANTIC ANALYSIS OF RITUAL ACTIONS

The study was carried out within the framework of the state task
in the field of scientific activity (project No. 33.5677.2017 / 8.9)

One of the features of the funeral rites of the Yenisei Kyrgyz in the 9th–14th centuries is the placement together with the remains of cremations, of deliberately damaged long-blade weapons, which have various forms of deformation. Its research gives grounds not only for assessing the military affairs and social situation of the buried, but also studying the military culture and male ritual behavior. Various hypotheses are put forward when explaining the symbols of the deformed weapons of Kyrgyz. The article considers four main hypotheses: to save the living from the weapons of the deceased; to “kill” the blade with its owner; the deformation of the blade is dictated by the necessity of placing it in a small pit of the grave size; the absence of an “heir” from the deceased warrior.

Analogies of this ritual are found in the east and west of the Eurasian continent and they are associated, as a rule, with the cremation rite of the dead. It is also noted that the emergence of ritual attitude to long-blade weapons falls on the period of economic, social and military upsurge, development of metallurgy and blacksmith production of the Yenisei Kyrgyz culture.

Key words: bent weapons, Yenisei Kyrgyz, mound, cremation, sword, saber.

В археологии Южной Сибири одной из ведущих тем является военное дело енисейских кыргызов. Начиная с середины 70-х гг. прошлого века Ю.С. Худякову [1976а–б; 1977; 1978; 1980; 1986; 1991; 1997] удалось разработать классификационные схемы различных видов их вооружения, рассмотреть вопросы стратегии и тактики, провести сравнительный анализ с военным делом соседних народов. Помимо оружеведческого направления, ориентированного на анализ прямого функционального назначения оружия, в археологическом материале содержится информация, позволяющая изучать вопросы социального характера, а также культы и обряды, отражающие воинскую культуру.

Поминально-погребальная обрядность енисейских кыргызов имеет сложную и разветвленную структуру. Рассмотрение ее отдельных элементов позволило выделить две диалектически взаимосвязанные сферы: религиозно-идеологическую, представляющую собой систему норм и предписаний, регламентирующих процесс захоронения умерших; и практическую сферу, объединяющую ряд реальных действий, осуществляемых при погребении. Опираясь на результаты исследований средневековых погребальных памятников кыргызов и историко-этнографические аналогии, мы можем выделить последовательность действий, совершаемых при подготовке тела к погребению и в процессе самого погребения. В ряде случаев удается реконструировать погребальные устройства и последующие поминальные действия, а также всего того, что связано с ними: траурных установок, запретов, даров и ритуалов [Митько, 1995; 2003; Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 126–163]. Однако за пределами чисто археологического исследования остается вербальная часть обряда трупосожжения, присущего средневековым кыргызам. Также недостаточно разработаны хронологические и локальные изменения способов захоронения, состав и семантическая значимость предметных комплексов, а для ряда категорий погребального инвентаря объяснение смыслового содержания возможно лишь на уровне гипотез. К числу подобных явлений относятся сопровождающие кыргызские кремации находки длинноклинового оружия, в отношении ритуальной символики которого выдвигаются различные гипотезы.

Среди всего комплекса вооружения длинноклиновое оружие выступало как одно из самых ярких культурно-семантических явлений вещного мира. Они служили выражением мужества, славы, богатства и свободы, родовым и личным оберегом, социального положения в обществе [Дмитриев, 2001]. В раннем средневековье в среде евразийских кочевников мечи и сабли были исключительно дорогим и престижным оружием и в погребениях 2-й половины IX – 1-й половины XI в. встречаются редко. По мнению А.В. Евглевского [2002, с. 316], на рубеже тысячелетий они воспринимались восточноевропейскими кочевниками как относительно «новые» вещи, которые еще не заняли достаточно значимого места в символическо-семантической сфере культуры.

При объяснении малочисленности находок длинноклинового оружия в погребениях исследователи ссылаются на историческое свидетельство, относящееся уже к монгольскому времени. В «Золотом сказании» сообщается, что монголы никогда не бросали на поле битвы металлических доспехов,

как и вообще оружия (за что полагалась смертная казнь), а собирали их и распределяли между воинами [Лубсан Донзан, 1973, с. 122]. В научной литературе это известие подается в интерпретируемом виде и без учета культурно-исторической специфики переносится на более раннее время. Замечание М.В. Горелика [1979, с. 93] относительно монголов, которые в случае смерти сородича старались передавать его оружие по наследству и лишь в исключительных случаях предавали земле вместе с умершим, зачастую распространяется и на обычаи тюрков.

Из общевразийской картины выделяется ситуация с енисейскими кыргызами, у которых с середины IX в. среди погребального инвентаря начинает встречаться целенаправленно поврежденное длинноклинковое оружие. Считается, что до этого времени его редко помещали в могилу воинов. Чаще клали пустые ножны, от которых в курганах находят такие металлические детали, как «обивки низа и петли-пробой» для крепления портупей [Кызласов, 1980, с. 145].

Одно из первых археологических открытий было сделано Г.П. Сосновским в 1929 г. в ходе раскопок кургана №12 на могильнике Черновая. Вместе с предметами конского снаряжения и наконечниками стрел была найдена согнутая в два раза сабля (определение по И.Л. Кызласову [1983, с. 38], который отметил, что все традиционно называемые палаши в действительности могут являться слабо-изогнутыми саблями). К настоящему времени из хорошо датированных закрытых комплексов Среднего Енисея и Тувы IX–XIV вв. найдено не более полутора десятков палашей и сабель, имеющих различные формы деформации. Примерно столько же приходится на депаспортизированные находки, количество которых с каждым годом увеличивается за счет подпольного рынка антиквариата.

Одним из первых исследователей реконструкцию действий, производимых с кыргызскими саблями и палашами, предложил Л.Р. Кызласов [1969, с. 196]: «...после пребывания с остатками сжигаемого воина на погребальном кострище их сгибали вдвое и в таком виде помещали в могилу». Несмотря на возможность альтернативных вариантов, эта точка зрения не вызвала возражений и учитывалась при описательных реконструкциях погребального обряда енисейских кыргызов. Однако эксперименты с моделями длинноклинкового оружия показывают, что палаши и сабли, изготовленные из низко- и среднеуглеродистой стали, клинки могли быть согнуты как до помещения их на погребальный костер, так и после.

На территории Евразии традицию, связанную с преднамеренной порчей боевого оружия, можно проследить начиная с эпохи ранней бронзы. Археологически она выделяется по находкам клинкового оружия (ножей и кинжалов) с согнутым лезвием и наконечникам стрел с обломанным острием. Исследователями предлагаются самые различные объяснения. Наиболее распространенной является точка зрения о существовании представлений о «нижнем мире», где все «наоборот»: «мертвое там живое, а поврежденное – невредимое», поэтому вещи должны быть приведены в соответствие с закономерностями нижнего мира.

Нельзя исключить и страх живых перед вооруженными мертвыми, боязнь их возможного возвращения вызывает подобные ритуальные действия. В скифских памятниках встречаются находки кожаных ножен, изготовленных таким способом, что они тщательно зашиты и кинжал из них невозможно извлечь. Такие ножны считаются специальными футлярами, чтобы покойник не мог повредить живым, или для того, чтобы он не потерял кинжал во время дальней дороги в загробный мир [Кубарев, 1981, с. 48]. Однако при всех возможных вариантах ответов ни один не отвечает на вопрос, почему портятся не все вещи из состава погребального инвентаря, а лишь отдельные его категории.

Что касается длинноклинкового оружия, то наиболее раннее проявление ритуала его преднамеренного повреждения прослеживается в Западной и Восточной Европе в могильниках латенской культуры. Так, в Богемии зафиксированы погребения знатных воинов в сопровождении богатого погребального инвентаря, включающего в себя щит, поясной ремень, копье и меч, который загибался в «восьмерку» или спираль. Считается, что после V в. до н.э. меч перестал быть достоянием только элитных групп общества, вместо него в погребения стали помещать намеренно сломанные наконечники копий.

Оружие разрушалось не только при погребальном обряде. На святилище кельтского поселения Гурне-Сюр-Аронд было найдено около трехсот комплектов поврежденного вооружения, которое было сброшено в защитный ров. Также в расположенном рядом погребении III–I вв. до н.э. находился согнутый в трех местах меч, который мог принадлежать знатному воину или «богатому простолюдину». Серия находок поврежденных мечей происходит из погребальных памятников норманнов VIII–IX вв., расположенных практически по всей территории Северной и Центральной Европы. Согнутые и сломанные клинки эпохи викингов отражают ритуал «перехода» меча в загробный мир вместе с хозяином.

В восточной части Евразийского континента ритуал преднамеренной порчи длинноклинкового оружия отмечен у чжурчженей, хоронивших своих умерших, как и кыргызы, по обряду трупосожже-

ния. Чжурчжэньские палаши, как правило, согнуты в два раза [Медведев, 1977, с. 224]. Схожий ритуал прослеживается и у бохайцев, их мечи не гнулись, а ломались. Возможно, это делалось намеренно, но нельзя исключить, что к этому могло привести качество металла.

В западной части евразийского континента выделяется восточно-причерноморский регион, где в погребениях с кремациями на могильнике Дюрсо наряду с целым оружием помещали и согнутый [Дмитриев, 2003, табл. 87.-1-4; 90.-35].

При объяснении семантически насыщенного ритуала преднамеренной порчи клинкового оружия у енисейских кыргызов выдвигались четыре основные версии, которые можно рассматривать на уровне рабочих гипотез: обезопасить живых от оружия умершего; «умертвить» клинок вместе с владельцем; деформация клинка продиктована необходимостью его помещения в небольшую по размерам могильную яму; отсутствие «наследника» у погибшего воина.

При описании находки кыргызского согнутого палаша из кыргызского могильника близ железнодорожной станции Минусинска Р.В. Николаев [1972, с. 201] заметил, что клинок ритуально «убивался» вместе с хозяином. Несколько вариантов семантического прочтения предложил Ю.С. Худяков. По его мнению, чтобы обеспечить проникновение вслед за умершим его оружия в иной мир, оно подвергалось обрядовой порче; возможно, таким образом пытались не только исключить «опасность» со стороны вооруженного покойника, но и уберечь могилы от ограбления. «Важно отметить, что если в предшествующий период у мечей надламывалось острие, то в IX–XII вв. в обрядовых целях наряду с надламыванием острия деформировалась полоса». Оружие енисейские кыргызы могли сгибать в том случае, если была необходимость защиты живых от мертвого. Также ритуал, возможно, проводился для того, чтобы «убить» клинок; сделать громоздкий клинок более портативным; клинковое оружие помещали в могилу только тех воинов, у которых не было прямых наследников мужского пола [Худяков, 1980, с. 36, 49–50; 2014, с. 301; Скобелев, Худяков, Выборнов, 2014, с. 271].

При рассмотрении версий следует учитывать, что присутствие в погребении длинноклинкового оружия могло реализовать собой сразу несколько концепций мироздания. Как отметил А.В. Евглевский, сопровождение умершего саблей могло одновременно покрывать несколько семантических полей, например, защитное, медиативное, сакрализации пространства, а возможно, и другие. Наличие сабли отражало как общекультурные идеи, так и индивидуальные особенности, связанные со многими обстоятельствами, характерными для умершего, в том числе нюансами его смерти [Евглевский, 2002, с. 322].

Археологические источники, даже такие яркие, как находки в погребальных комплексах преднамеренно согнутого клинкового оружия, не содержат в себе прямого ответа на вопрос, с какими религиозно-мифологическими представлениями связано изменение функции оружия. Рассмотрение исторического развития ритуала в синхронно-диахронном аспекте показывает, что в различные хронологические периоды и в рамках разнообразных культурных традиций меняются семантические и смысловые конструкции и происходит переосмысление перехода оружия из «мира живых в «мир мертвых».

Помещение в курганы ценных и престижных вещей может свидетельствовать не только о вере в «одинаковость» «загробной» и «земной» жизни, но и о преобладании иррационального мышления над рациональным. При этом у енисейских кыргызов «необходимое» для воина длинноклинковое оружие не просто сопровождало умершего, но и преднамеренно разрушалось, что позволяет предполагать присутствие в их мировоззрении очень значимых мотивировок, не всегда явных и понятных для стороннего наблюдателя. Для павшего в бою и заслужившего посмертную надпись-эпитафию обряд перехода связан с такими абстрактными понятиями, как «не насладился» и «отделился», а место, в которое «отделился герой», скрывается за лишенной конкретности художественной метафорой («Голубое небо», «Золотая степь», «Обитель предков») [Савинов, 1993]. Среди перечисленного родового богатства и даров умершему оружие не упоминается. Даже в надписи на стеле у именного кургана «героя» Багыра, в котором была обнаружена сабля из дамасской стали с куфическими письменами, о столь ценном для кыргызского воина оружии не сообщается. Не прослеживается мотив ритуально сломанного оружия и в фольклоре хакасов, освещающем период позднего средневековья [Бутанаев, 1981].

В обсуждении длинноклинкового оружия из погребений по обряду трупосожжения встает вопрос о помещении на погребальный костер не боевого оружия, а его облегченной копии. Вопрос вполне уместный, поскольку в это же время в Европе стоимость хорошо сработанного меча с дамаскатурой составляла целое состояние, на которое можно было купить поместье [Кардини, 2000, с. 94]. На кыргызских клинках следы боевого применения часто не заметны, что в основном связано с коррозией острия лезвия. Лишь трасологический анализ палаша из могильника Коя-2 выявил небольшие повреждения, обработанные абразивным инструментом, что может служить аргументом в пользу боевого характера оружия.

По мнению С.В. Киселева, для таштыкского периода был характерен обычай замены предметов погребального инвентаря вотивными копиями, и начало этому было положено еще в сарагашенскую эпоху. Он считал, что появление вотивов могло быть связано со страхом перед умершим и убеждением в том, что, будучи «вооружен», он способен причинить вред живым. На это указывают находки нарочно сломанного лука и древков стрел, с которых заранее были сняты втульчатые наконечники [Киселев, 1949, с. 239].

В то же время в таштыкской культуре мы не находим того, что можно было бы трактовать как проявление «культа меча», одного из важных и самобытных культов в религиозной практике предшествующего скифского времени [Прокопенко, 2011]. Погребальный обряд таштыкцев пронизан свидетельствами сложной и напряженной духовной жизни, и, в соответствии с ее установками, отношение к оружию, представленному не реальными образцами, а их копиями – деревянными моделями и вотивами, было сакрализовано.

Обращает на себя внимание то, что согнутое длинноклинковое оружие встречается в погребениях с сожжениями. Именно обряд трупосожжения служит благодатной почвой для возникновения представлений о «восставшем из огня мертвец». Среди различных форм таштыкских погребений также встречаются атипичные захоронения, совершенные по обряду трупоположения со следами нарушения опорно-двигательного аппарата. Характер повреждений указывает на наличие страха, скорее, не перед смертью, а перед мертвым. Это связывает их с распространенными в фольклоре и мифологии многих народов представлениями о «заложном» покойнике, вера в которого уходит своими корнями в глубь тысячелетий [Еремина, 1991, с. 40–41].

Стоит отметить, что оружие в массовом количестве появляется в захоронениях енисейских кыргызов в то время, когда конструкции их погребальных сооружений кардинально изменились. В отличие от таштыкских склепов и курганов типа чаатас, которые в течение длительного времени могли иметь перекрытия из легких материалов и не засыпались землей, курганы «эпохи Великодержавия» и «эпохи сууктэр» относятся к погребальным конструкциям с единовременными захоронениями. Не исключено, что появление курганов именно «закрытого» типа связано с «ритуальной некрофобией», сформировавшейся к IX в. у кыргызов.

Семантически насыщенный ритуал повреждения престижного, культурно-статусного «оружия храбрых» существовал довольно продолжительное время на обширной территории, населенной представителями разных археологических культур и этнических групп, практически не связанных между собой. Общее, что их объединяет, это обряд сожжения тел умерших и социально-экономический подъем, который они пережили. Ритуал, связанный с магией длинноклинкового оружия, появляется во время экономического, социального и военного расцвета, развития металлургии и кузнечного производства, показателем которого становится массовое присутствие в погребениях оружия, прежде всего наконечников стрел и конского снаряжения. Для кельтов он в основном приходится на латенскую культуру, у норманнов – во времена пика их экспансии, у енисейских кыргызов формируется в эпоху «Великодержавия» и бытует довольно продолжительное время, у чжурчжэней прослеживается во времена империи Цзинь. Исчезает ритуал уничтожения длинноклинкового оружия также на определенном историческом этапе вместе с социально-экономическими изменениями, повлиявшими не только на статус боевого оружия, но и на духовную жизнь, с ее традициями, обрядами и ритуалами.

Библиографический список

- Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–197.
- Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Уланбаатар, 1979. Т. I. С. 90–101.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М., 2003. С. 200–206.
- Дмитриев С.В. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 234–237.
- Евглевский А.В. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде: (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й половины IX – XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. С. 291–336.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000. С. 361.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. №9. 364 с.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.

- Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 135–164.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып. ЕЗ-18. 128 с.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Памятники письменности Востока. М., 1973. 440 с.
- Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей, конец X – XI в.: по материалам грунтовых могильников. Новосибирск, 1977. 224 с.
- Митько О.А. Возможности реконструкции погребальной обрядности енисейских кыргызов // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1995. С. 56–58.
- Митько О.А. Особенности погребальной обрядности енисейских кыргызов в контексте индоевропейской культурной традиции // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 3, вып. 2. Археология и этнография. 2003. С. 64–74.
- Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами. Бишкек, 1996. С. 126–163.
- Николаев Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // Советская археология. 1972. №2. С. 198–205.
- Прокопенко Ю.А. О культовом назначении оружия в подкурганных и грунтовых погребальных комплексах Центрального Предкавказья III–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы и исследования по археологии юга России. Ростов/Д, 2011. Вып. III. С. 407–417.
- Савинов Д.Г. Темы «перехода» из мира живых в мир мертвых в древнетюркских рунических текстах // Жизнь. Смерть. Бессмертие. СПб., 1993. С. 6–9.
- Скобелев С.Г., Худяков Ю.С., Выборнов А.В. Средневековый могильник Унюк (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 270–272.
- Худяков Ю.С. Военное искусство енисейских кыргызов IX–X вв. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976а. С. 98–105.
- Худяков Ю.С. Структура военной организации у кыргызов // Из истории Сибири. Томск, 1976б. Вып. 21. С. 207–213.
- Худяков Ю.С. Кыргызско-уйгурская война IX в. // Бахрушинские чтения 1977. Новосибирск, 1977. С. 127–132.
- Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука енисейских кыргызов (VI–XII вв.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1978. Вып. 4. С. 127–134.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 189 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.
- Худяков Ю.С. Кыргызская сабля из могильника у железнодорожной станции Минусинск // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 299–301.

УДК 903.5(574.4)

Г.К. Омаров, Б.Б. Бесетаев, С.Т. Сагындыкова
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА МОГИЛЬНИКЕ АЯН-I В 2018 г.

Работа выполнена при поддержке гранта Комитета науки МОН РК «Сакральное пространство и погребально-поминальные обряды населения Казахского Алтая от древности до средневековья»

В статье публикуются новые материалы раскопок 2018 г. на могильнике Аян-I, расположенном в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области. Могильник состоит из более 50 разновременных курганных сооружений. В полевом сезоне было исследовано три объекта, относящихся к раннему железному веку и тюркскому времени. Особый интерес представляет собой курган-ограда, подквадратная в плане формы с центральным каменным ящиком. Можно предположить, судя по найденным артефактам, что погребение относится к особой группе знатных женщин, возможно, возглавлявших определенные религиозные обряды. Полученные материалы из кургана свидетельствуют о наличии своеобразных этнографических черт этой группы населения, входившей в сложное полиэтническое объединение древних тюрков.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, могильник Аян-I, ранний железный век, древнетюркское время, курган-ограда.

G.K. Omarov, B.B. Besetayev, S.T. Sagyndykova
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE AYAN-I BURIAL IN 2018

The work was supported by a grant from the Science Committee of the Ministry of Education and Science
“Sacral Space and Burial-Funeral Rites of the Population of the Kazakh Altai from Antiquity to the Middle Ages”

The article publishes new materials of excavations in 2018 at the Ayan-I burial ground, located in the Kurchum district of the East Kazakhstan region. The burial ground consists of more than 50 different mound structures. During the field season, three objects of the early Iron Age and Turkic time were investigated. The mound fence is of particular interest: it is sub quad shaped with a central stone box. Judging by the found artifacts, the burial is assumed to belong to a special group of noble women, who possibly led certain religious rites. The obtained materials from the barrow testify to the existence of peculiar ethnographic features of this group of the population, which was part of the complex polytechnics association of ancient Turks.

Key words: East Kazakhstan, Ayan-I burial, early Iron Age, ancient Turkic time, mound.

На сегодняшний день на территории Восточного Казахстана сделано немало открытий, в том числе археологических, которые внесли существенные коррективы в ранее сложившиеся представления о возникновении и развитии кочевнического общества. На востоке и западе страны, в Семиречье, а также в пределах Казахского мелкосопочника открыты яркие и перспективные памятники, которые существенно расширяют наши представления о хронологических рамках функционирования различных культур. Сформировался значительный объем новой информации, которая требует качественного оформления полученных знаний в рамках изучения как отдельных регионов, так и на более широком территориальном уровне.

Исследуемый регион Юго-Западного Алтая, занимающий в горно-долинном и степном поясе Евразии ключевую позицию в физико-географическом и политико-административном отношении в древности и в современности, является объектом пристального внимания со стороны ученых нескольких стран. Новые археологические открытия, сделанные в последние годы на территории Восточного Казахстана и азиатской части Евразии, в целом обострили дискуссию по проблеме места и времени формирования скотоводческих культур. Поэтому исследование эпохи становления мощных протогосударственных образований является наиболее перспективным, особенно на материале памятников Казахского Алтая.

Могильник Аян расположен на территории Курчумского района Восточно-Казахстанской области, в 18 км от с. Каратагай. Памятник возведен в долине, на южных предгорьях Курчумского хребта в юго-западной части Алтайской горной системы. К югу от могильника на расстоянии 4 км расположено с. Енбек. Могильник насчитывает более 50 разновременных памятников погребально-поминального характера. Объекты в плане расположены в три ряда цепочкой, ориентированы длинной осью по линии С–Ю, с небольшими отклонениями по сторонам света. Некоторые объекты расположены бессистемно.

Первые исследования на данном могильнике проводились в 2005 г. сотрудниками Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, выполнившими работы в основном рекогносцировочного характера [Свод..., 2006].

В 2015 г. под руководством Г.К. Омарова производились разведочные и топографические работы [Омаров и др., 2018, с. 133–142].

В 2016 г. на этом могильнике были исследованы два кургана (курганы №1, 2), относящиеся к раннему железному веку и тюркскому времени [Омаров и др., 2016, с. 194–199].

В полевом сезоне 2018 г. для изучения нами были выбраны три объекта.

Курган-ограда №3 расположена у подножья горной гряды, обособленно от цепочки курганов в западной части долины. Вокруг памятника на современной поверхности другие объекты визуально не фиксируются. Изначально курган фиксировался как каменная насыпь прямоугольной, почти подквадратной формы, высотой около 1 м, края сильно задернованы. Насыпь возведена из горного плитняка с небольшой долей окатанных камней гранитного происхождения. Панцирный слой состоит из мелкого плитняка, по краям просматривались вертикально врытые плитки разных форм, которые впоследствии оказались стеной сооружения. Прямоугольная форма отчетливо фиксируется в западной части объекта (рис. 1).

После удаления дерна, грунта и сползших камней конструкция представляла собой ограду размером 5×5 м, высотой около 0,7 м, в плане прямоугольной формы с выраженными углами, стенки ориентированы по сторонам света. Ограда возведена из плит разных форм, в основном прямоугольных, кладка – в три-четыре плиты. Толщина стенки – 0,4–0,5 м. Некоторые плиты поставлены ребром. Про-

странство внутри стенки было заполнено мелкими и средними плитняками и грунтом. В западной части среди заполнения были зафиксированы кости и зубы лошади. В центральной части ограда расположен «ящик», сооруженный из четырех поставленных на ребро каменных плит размерами $2,3 \times 1,1$ м, длиной осью по линии З–В (рис. 2). Погребение наземное. С восточной стороны внутри ящика фиксируется

Рис. 1. Могильник Аян-І. Курган-ограда №3 с центральным каменным ящиком (фото авторов)

Рис. 2. Могильник Аян-І. Курган-ограда №3. Сопроводительное захоронение лошади (фото авторов)

Рис. 3. Могильник Аян-І. Вещи из кургана-ограды №3: 1 – бронзовый браслет; 2 – детали женского пояса (железо); 3 – накладная бронзовая бляшка с железным шпеньком (деталь конского снаряжения); 4 – железные детали конского снаряжения (фото авторов)

Рис. 4. Могильник Аян-І. Курган №4

Рис. 5. Могильник Аян-І. Курган №4. Могильная яма с каменным ящиком на дне

Рис. 6. Могильник Аян-І. Курган №5. Каменная забутовка могильной ямы

вертикально стоящая плита, видимо, изначально служившая перекрытием (крышкой) «ящика». При расчистке каменного ящика в северо-восточной части был обнаружен бронзовый браслет, железные детали пояса (рис. 3.-1, 2). Погребение было разграблено, из остатков костей человека зафиксированы фрагменты ребер, фаланги. Среди человеческих костей были разбросаны зубы лошади.

Внутри ограды, смыкаясь к южной стенке ящика, на глубине 0,2 м сопогребена лошадь. Отсек для погребенной лошади тоже был потревожен грабителями (рис. 2). Судя по положению зафиксированных *in situ* костей, череп лошади был направлен на восток, как и голова погребенной женщины (?). При зачистке были найдены детали конского снаряжения (рис. 3.-3, 4).

Подобного типа каменные «ящики» были зафиксированы в погребениях IV – начала V в. н.э. в Зевакинском могильнике [Арсланова, Самашев, 1987, с. 122–133]. Однако изученный нами объект отличается и по устройству наземного погребения в каменном ящике, и по найденному инвентарю. Прямых аналогий пока не известно. Можно предположить, судя по найденным артефактам, что погребение относится к особой группе знатных женщин, возможно, возглавлявших определенные религиозные обряды.

Полученные материалы из кургана свидетельствуют о наличии своеобразных этнографических черт этой группы населения, входившей в сложное полиэтническое объединение древних тюрков. Для окончательного решения проблем хронологической и этнической атрибуции памятников раннетюркского времени, выяснения социально-политической ситуации в этом регионе необходимо расширить историковедческую базу с последующим анализом собранного материала.

Предварительно памятник датируется нами IV–V вв. н.э.

Курган №4 расположен в середине первой цепочки, в плане округлый, представляет собой небольшую каменную насыпь высотой 0,3 м, диаметром 8,5×9 м (рис. 4). При расчистке зафиксировано могильное пятно, длиной осью по линии СЗ–ЮВ, размерами 2,4×1,2 м. На глубине 1,5–1,7 м были зафиксированы разбросанные человеческие кости. Погребение разграблено. Все кости были собраны в кучу, кроме бедренной (левой) и берцовых костей. Череп отсутствовал. Погребенный лежал в каменном ящике, размерами 2,1×1 м, на спине, головой ориентирован на северо-запад (рис. 5). Вещей в погребении не обнаружено.

Курган №5 расположен западнее от кургана №4, представляет собой небольшую насыпь из камней, высотой 0,2 м, диаметром 5,3×4,4 м. В центральной части, где расположена могильная яма, зафиксирована каменная забутовка. Размеры могильной ямы 2,3×1,3 м, длинной осью – по линии СЗ–ЮВ. При расчистке могильной ямы, на глубине 0,8 м, были обнаружены фрагменты черепа и золотая нашивка диаметром 1 см; по форме круглая, с петелькой на тыльной стороне. На глубине 1,2 м были зафиксированы хаотично разбросанные кости человека. Объект оказался разграбленным.

Курганы №4 и 5 предварительно датируются нами III–I вв. до н.э.

Библиографический список

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 122–133.

Омаров Г.К., Тишкин А.А., Бесетаев Б.Б., Серегин Н.Н., Сапатаев С.А., Сагындыкова С.Т. Предварительные результаты археологических раскопок на могильнике Аян // Алтай – золотая колыбель тюркского мира: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2016. С. 194–199.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Сапатаев С.А., Сагындыкова С.Т. ШҚО Күршім ауданының археологиялық ескерткіштерінің тізімі. Алматы, 2018. 174 б.

Свод археологических памятников Восточно-Казахстанской области. Усть-Каменогорск, 2006. 264 с.

УДК 902(470.40/.43)

К.А. Руденко

Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРИСУТСТВИЯ КОЧЕВНИКОВ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В X – НАЧАЛЕ XIII в.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с темой кочевников в процессе формирования и развития государства Волжская Булгария. Автор считает, что этой теме в историографии было уделено мало внимания. Это произошло из-за того, что волжских булгар считали народом земледельцев. Ранняя часть их истории, связанная с кочевым образом жизни, завершилась к X столетию, поэтому в дальнейшем они практически не контактировали с кочевниками. Анализ археологических данных позволяет считать, что в IX – начале XIII в. волжские булгары были связаны с соседними кочевыми племенами. Это –

гузы, печенеги и половцы. Встречаются артефакты, характерные для этих народов. Особенно выделяются находки подвесок, выполненных из лазурита, характерных для половцев. С кочевниками связано и распространение у болгар отдельных типов металлических зеркал, деталей конского снаряжения и, вероятно, вооружения. Автор высказал гипотезу, что ряд захоронений без вещей, ориентированных на запад, может быть не только мусульманским, но и принадлежать кочевникам, проживавшим в Волжской Булгарии. В эпоху Золотой Орды на территории Булгарской области проживало немало кочевников. От них остались некрополи, характерный набор артефактов и сообщения русских летописей.

Ключевые слова: Волжская Булгария, кочевники, археология, гузы, кыпчаки, печенеги, болгары, Танкеевский могильник.

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

ARCHAEOLOGICAL DATA ON THE PRESENCE OF NOMADS IN THE VOLGA BULGARIA IN THE 10TH–13TH CENTURIES

The article deals with issues related to the nomads in the process of formation and development of the Volga Bulgaria state. The author believes that little attention has been paid to this topic in historiography. This was due to the fact that the Volga Bulgars were considered to have been farmers. The early part of their history, connected with the nomadic way of life, was completed by the 10th century, therefore in the future they practically did not contact with the nomads. The analysis of archaeological data allows us to consider that in the 9th – early 13th century the Volga Bulgars were related with neighboring nomadic tribes. They were the Guz, Pechenegs and Kypchaks. There are artifacts characteristic of those peoples. Especially distinguished are the finds of pendants made of lapis lazuli, characteristic of the Kypchaks. With the nomads, the distribution of certain types of metal mirrors, details of horse equipment and, probably, armament is also associated with the Bulgars. The author hypothesized that a number of graves without items oriented to the West, could not only be Muslim, but also belong to the nomads who lived in the Volga Bulgaria. In the period of the Golden Horde, a lot of nomads lived in the territory of the Volga Bulgaria region. There are remains of necropolises, a characteristic set of artifacts and reports of Russian chronicles.

Key words: Volga Bulgaria, nomads, archaeology, Guz, Kypchaks, Pechenegs, Bulgars, Tankeyevsky burial ground.

Тема кочевников в древностях Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды до недавнего времени практически не рассматривалась, в силу убежденности большинства исследователей в нескольких постулатах, истинность которых не подвергалась сомнению. Первый: волжские болгары – народ земледельческий и стадия кочевания для них завершилась еще до создания государства на Волге. Второй: соседи-кочевники (печенеги, гузы, половцы) в Булгарии не жили и, следовательно, тесных контактов с ними не было, а если и были, то они не имели существенного значения. Третий: монгольское нашествие земледельческий характер булгарских занятий не изменило и монгольско-кыпчакское воздействие на болгар в этнокультурном отношении было минимальным. Способствовало утверждению этих положений и то, что активное изучение средневековых кочевников Восточной Европы, Сибири и Алтая развернулось только во второй половине XX в., а в отдельных регионах в начале XXI в., что в то время не давало возможности проводить сравнительный анализ.

Тезис о земледельческом характере булгарского общества сформировался не сразу: в историографии до 1960-х гг. господствовало мнение, что пришедшие на Волгу немногочисленные болгары были в основном кочевниками, завоевавшими оседлое местное население, которое собственно и занималось земледелием, а болгары стали правящим классом, сохранив некоторые обычаи из прошлой жизни.

Эти взгляды были наследием «доархеологической стадии» булгаристики и булгароведения, когда не были известны булгарские памятники ранее X в., самих артефактов было немного и не было опыта их анализа. С открытием и началом масштабных исследований археологических памятников ранних булгар на Волге – Большетарханского и Танкеевского могильников в первой половине 1960-х гг. появились новые гипотезы, непосредственно касающиеся этой темы.

В начале 1960-х гг. А.Х. Халиков и В.Ф. Генинг выдвинули положение, поддержанное их учениками, что этно- и культурогенез булгар на Волге на начальной стадии – во 2-й половине VIII – 1-й половине IX в. не был связан с местным населением, которое на момент прихода булгар, по их мнению, покинуло территорию Среднего Поволжья [Генинг, Халиков, 1964]. Этот взгляд в казанской археологии по сути сохраняется и по сей день [Казаков, 1992, с. 232]. Но в этой концепции переход булгар от кочевания к земледелию объяснен не был.

Е.П. Казаков, в 1960–1970-х гг. поддерживавший эту идею, в начале 1980-х гг. обосновал собственную гипотезу о догосударственном периоде в истории булгар на Волге, который охватывал, по его мнению, 2-ю половину VIII – 1–2-ю четверти X в. Для него, как считал ученый, были характерны архаичные черты культуры доисламского периода – преобладание языческих верований, непостоянная оседлость, скотоводство как основной вид хозяйственных занятий. Следовательно, болгары до середины X в., по его мнению, вели преимущественно кочевой образ жизни, а оседлое земледельческое население появилось здесь в результате новой волны мигрантов [Казаков, 1992, с. 304].

Е.П. Казаков [1997, с. 64–65, рис. 4; 2007, с. 70–73] по материалам Танкеевского могильника отметил проникновение в болгарский этнос в IX – начале X в. небольших групп печенегов и гузов, а также включение в него угорязычного кочевого и полукочевого населения. Исследуя древности золотоордынского периода, Е.П. Казаков [1997, с. 67] пришел к выводу, что на болгарских землях в этот период проживала какая-то часть поздних тюркоязычных кочевников.

Н.А. Кокорина [2002, с. 33], специалист по керамике волжских болгар, утверждала, что керамика типа «джукетау» XIII этнокультурной группы, встречающаяся на многих памятниках Волжской Булгарии XI–XII вв., связана с «гузами-куманами», тем самым поддерживая в какой-то мере позицию Е.П. Казакова о присутствии кочевников в Булгарии. Однако ее точка зрения не была подкреплена археологическим контекстом привлеченных ею для анализа памятников.

Взгляды Е.П. Казакова, в ряде важных моментов отличавшиеся от принятой точки зрения на средневековую болгарскую археологию и историю, с 1980-х гг. подверглись серьезной критике. Так, с характеристикой и хронологическими рамками раннеболгарского этапа не был согласен лидер казанской археологии конца 1960-х – начала 1990-х гг. – А.Х. Халиков и его ученик – Ф.Ш. Хузин. Последний последовательно пытался опровергать ключевые постулаты гипотезы Е.П. Казакова [Хузин, 2011, с. 32–33]. Идеи В.Ф. Генинга об угро-самодийском компоненте в этнической картине Предуралья в I – начале II тыс. н.э., получившие продолжение в исследованиях Е.П. Казакова, были оспорены крупнейшим специалистом в области раннесредневековой археологии Предуралья – Р.Д. Голдиной [2015, с. 80–81] и ее учеником – И.Ю. Пастушенко [2011, с. 145–146], а также рядом других исследователей. Тем не менее высказанные Е.П. Казаковым идеи стали основной для корректировки версии Халикова–Генинга по взаимоотношениям болгар и их ближайших кочевых соседей.

Показательно, что тема золотоордынских кочевников в Булгарии практически никем из коллег Евгения Петровича, в том числе и кочевникововедами, не рассматривалась. Эта позиция, на наш взгляд, объясняется тоже силой традиции, берущей свое начало с публикации Г.А. Федорова-Давыдова [1966, с. 264, №993–997] о кочевниках эпохи Золотой Орды, где он отметил единственный известный на тот момент кочевнический могильник у с. Балымери, предположив, что он оставлен едва ли не монголами и в силу этого к золотоордынским древностям Булгарской области Золотой Орды прямого отношения не имеет. В данном случае Г.А. Федоров-Давыдов следовал идеям своего учителя, известного болгароведа А.П. Смирнова [1951, с. 4], считавшего, что монгольское нашествие решающего влияния на волжских болгар не оказало. Тем не менее именно тема золотоордынских кочевников оказалась к началу второго десятилетия XXI в. наиболее обеспеченной источниками и изученной [Руденко, 2002, с. 154–165; 2013, с. 189–211; 2015, с. 344–353; 2016, с. 125–127].

Древности домонгольского периода Волжской Булгарии демонстрируют устойчивые признаки государственной во многом унифицированной материальной культуры, но с ясно читающимися маркерами различных этнокультурных компонентов. Картина, которая нам известна сейчас в отношении кочевого населения, определяется так: после X в. могильники населения с непостоянной оседлостью на территории болгарского государства полностью исчезают. Курганы гузов или печенегов, а позже кипчаков-половцев из исследованных на сегодняшний день севернее р. Сок не известны, точнее курганы от р. Сок и до бассейна Большого Черемшана еще не изучены. Небольшие анклавные полукочевого чияликского населения зафиксированы к востоку от болгарских земель в бассейне р. Ик и Белая.

Е.П. Казаков утверждает, что на Танкеевском могильнике IX–X вв. исследовано одно печенежское захоронение (№623). Судя по публикациям исследователя, оно представляет собой погребение индивидума, лежащего вытянуто на спине (?), ориентированного головой на северо-восток, в широкой могильной яме. Рядом с ним на одном уровне находились остатки чучела лошади (череп и кости ног) с деталями от седла на месте спины [Казаков, 1991, с. 170, рис. 52; 1997, с. 64–65, рис. 4]. У северной стенки котлована могильной ямы был сделан узкий уступ, вероятно, для деревянного перекрытия. К сожалению, сохранность антропологического материала в этом захоронении очень плохая, поэтому судить о его нюансах нет возможности. Но стоит отметить, что в изголовье погребенного находился круговой салтовский кувшин со сливом, украшенный сетчатым лощением по тулову. Инвентарь небогат: железные детали от седла, подпружная пряжка и трубочка от трута, что затрудняет датировку и интерпретацию захоронения.

Исходя из приведенных данных, насколько точно можно связать погребение 623 именно с печенегами – вопрос спорный. Начнем с того, что С.А. Плетнева [1990, с. 96] отмечала, что для Саркельского могильника отделить черты печенежского и гузского погребальных обрядов затруднительно. Инвентарь, зафиксированный в танкеевском погребении, не может быть соотнесен с какой-либо этнокуль-

турной традицией, в том числе гузской или печенежской [Круглов, 2001, с. 398–400, рис. 2; 3]. Более того, круговые салтовские кувшины и вовсе в печенежско-гузских погребениях не встречаются. Правда, Е.П. Казаков [1991, с. 172, рис. 52.-б] отмечает некоторые особенности этого сосуда, в частности, насечки на ручке, но это ситуации не меняет. Да и северо-восточная ориентировка танкеевского захоронения отличается от традиционной западной с сезонными отклонениями к югу или, реже, к северу у печенегов и гузов [Плетнева, 1990, с. 11, 30, рис. 11; Круглов, 2001, с. 395], что, впрочем, характерно для общей массы захоронений языческой части Танкеевского могильника [Казаков, 1992, с. 93]. Скорее всего, танкеевское захоронение является свидетельством процесса смешения разнокультурных этнических групп (в данном случае – гузско-печенежских и булгарских), составлявших в 1-й половине X в. этнос волжско-камских булгар.

Интересно, что случаев непосредственно кочевнических захоронений IX–X вв. на булгарских кладбищах торгово-ремесленных и сельских поселений, а также ранних городских центров не известно, что, несомненно, имело бы место, если бы переход к оседлости шел тем путем, который характерен для населения салтово-маяцкой культуры в целом [Федоров-Давыдов, 1966, с. 203; Плетнева, 1967, с. 94–96]. В связи с этим стоит отметить значительное число миниатюрных (вотивных) бронзовых зеркал (рис.-1, 2) с Булгарского городища, обнаруженных в конце XIX в. Они датированы IX в. и часто встречаются в салтовских захоронениях. Не исключено, что они связаны с разрушенными захоронениями этого времени, поскольку местоположение некрополя раннего Булгара нам не известно, а поиски его пока не увенчались успехом.

Е.А. Халикова [1986, с. 51], занимавшаяся погребальным обрядом волжских булгар, пытаясь объяснить данную ситуацию, предположила, что она была следствием быстрой мусульманизации булгар с начала X в., что проявлялось, по ее мнению, уже в Танкеевском и Тетюшском могильниках IX–X в. Единства взглядов по этому вопросу нет и поныне. Исследовательница исходила из идеи о господствующей и, как ей казалось, единственной конфессии в Волжской Булгарии домонгольского времени – исламе. Так, впрочем, считали и считают многие отечественные и зарубежные ученые [Хузин, 2011, с. 43–45; Мако, 2011, р. 199–223]. Однако ни один из письменных источников, написанных в те времена и дошедших до наших дней, сведения о том, что все булгары мусульмане в том понимании и значении, как это предполагает гипотеза Е.А. Халиковой, не содержит.

Отметим, что грань различий в положении погребенного в мусульманских, христианских и даже кочевнических без инвентаря захоронениях, фиксирующаяся археологическими методами, проходит только по одному признаку, как это определила Е.А. Халикова [1986, с. 45–46], – поворот тела покойного на правый бок с ориентировкой лица на юг. Причем это правило, судя по опубликованным ею данным, даже в Волжской Булгарии XI–XII вв. соблюдалось далеко не всегда [Халикова, 1986, с. 81]. На этом фоне, казалось бы, кочевнические погребения выявить не составит труда, но на городских и сельских кладбищах домонгольского времени они не были обнаружены*.

Тем не менее находки на булгарских поселениях конца X – XII в. демонстрируют присутствие украшений гузского круга [Руденко, 2000, с. 94, рис. 18.-1б]. Правда, они малочисленны, и это, казалось бы, говорит о том, что присутствие их этнических носителей в Булгарии было невелико или вовсе случайно. Однако, если мы обратимся к опубликованным материалам Самосдельского городища в Астраханской области [Самосдельское..., 2011], которое связывается исследователями с городом Саксином [Васильев, 2012, с. 182–193], по свидетельству современников, городом гузов, то обнаружим достаточно яркую материальную культуру, мало напоминающую культуру кочевников, и очень близкую по отдельным категориям находок, например, круговой керамике, – булгарской XI–XII вв.

Помимо этого, стоит вспомнить, что, по сведениям Ибн Фадлана, булгарские эльтеберы были в родстве с предводителями гузских кланов, по крайней мере, по линии Джафара-Микаила, первых представителей династии Джаффаринов в первой половине X в. Учитывая, тот факт, что часть гузских племен еще в X в. приняла ислам, не изменив кочевой образ жизни, то, может быть, степень присутствия гузов, как и печенегов в Волжской Булгарии, стоит оценивать по-другому.

Отметим, что с XI в. на поселениях низовий Камы, как и на исследованных городищах (например, Булгарском, Билярском), фиксируется рост числа находок, связанных с конским снаряжением, в первую очередь арочных стремян с килевидным завершением и узким путилицем [Казаков, 1991, с. 106, рис. 37.-б]. Некоторые из них инкрустированы цветным металлом [Руденко, 2000, с. 90, рис. 14.-2, 12]. Такой тип стремян характерен для древностей XI–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья и не-

* Курганы, возможно средневекового времени, зафиксированные в бассейне р. Большой и Малый Черемшан, не раскапывались.

Находки с болгарских памятников, связанные с миром кочевой культуры XI – начала XIII в.:
 1, 2 – Булгарское городище; 3–10, 12–14 – Билярское городище; 11 – Змеевское городище.
 1, 2 – бронзовые зеркала; 3–9 – подвески из лазурита; 10 – колчанная костяная петля;
 11 – бронзовый идол; 12, 14 – бронзовые рукояти плеток; 13 – костяная рукоять плетки

редко встречается в погребениях кочевников восточноевропейской степи этого времени [Армарчук, 2006, с. 172, 174, рис. 8; 10]. Сопутствуют ему бронзовые бубенчики и привески, использовавшиеся в конской упряжи и известные в болгарских древностях [Армарчук, 2006, с. 193, рис. 29; Казаков, 1991, с. 115, рис. 40.-35, 36, 45, 56–58].

Также обращает на себя внимание и распространение в конце X – XI в. на болгарских поселениях (городища: Билярское, Булгарское, Муромский городок; селища: Остолоповское, Семеновское) костяных петлей от колчанов и налучий (рис. 1.-10), характерных форм рукоятей (затыльников) от плетей с боковым выступом из рога или металла (рис. 1.-12, 14), орнаментированных псалий [Флерова, 2001, рис. 12–13; 20; 22.-3], сходных с теми, что были распространены в Саркеле и в гузско-печенежско-половецких захоронениях в степи в X–XII вв.

Вместе с тем портупейная и уздечная гарнитура, сделанная из железа, появившаяся во второй половине XI в. на болгарских поселениях, не была связана с этим предметным комплексом (в кочевнических захоронениях XI–XII в. ее не выявлено) и имеет иную культурную традицию (аскизская культура Южной Сибири).

Непросто определить и присутствие половецкого компонента в Волжской Булгарии и в Булгарской области Золотой Орды. Находки с Билярского, Джукетаусского городищ, Казанского кремля лазуритовых подвесок (рис. 1.-3–9) – характерных женских украшений кипчаков-половцев, являются самым весомым аргументом в пользу этого присутствия [Руденко, 2014, с. 224–244]. Датируются они по аналогиям и стратиграфическим данным XII – началом XIII в. или только 1-й половиной XIII в. Вместе с этими украшениями получили распространение у болгар и металлические зеркала определенных типов*, например, неорнаментированные без ручки или с трапециевидной миниатюрной ручкой [Руденко, 2004, с. 143, рис. 8.-6, 9–11].

Еще один интересный факт – наличие в древностях Билярского городища и ряда других памятников своеобразных небольших бронзовых литых фигурок так называемых уродцев (рис. 1.-11), имеющих аналогии в древностях кочевников восточноевропейских степей [Давыденко, Гриб, 2009, с. 187–206]. Датируются они в Биляре не ранее XII в. [Руденко, 2017, с. 166]. Однако принадлежали ли они именно кочевому населению, проживавшему в этой части Волжской Булгарии, не ясно.

Таким образом, присутствие кочевников в Волжской Булгарии с момента ее формирования в недрах Хазарского каганата – с IX в. было постоянным, только в разной степени представительства и участия в процессах этно- и культурогенеза. Вместе с тем попытки вычленив из общего массива находок с болгарских памятников X–XII вв. чистую компоненту, связанную с ближайшими соседями болгар – гузами или печенегами, скорее всего, будут безуспешными. Можно лишь зафиксировать отдельные следы их присутствия в разных категориях артефактов, как, например, в случае с подвесками из лазурита. Булгарское государство в той или иной степени нивелировало элементы традиционной культуры проживавших в нем народов, особенно в городах и поселениях, близких к ним территориально. Отрыв от традиционных способов ведения хозяйства заставлял кочевников в Волжской Булгарии быстрее принимать новые обычаи в бытовой сфере и духовной жизни, тем самым делая «невидимыми» их археологические признаки в общем массиве болгарских материалов. Вместе с тем поиски их имеют перспективы при использовании комплексного анализа серий предметов разных категорий.

Библиографический список

- Армарчук Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М., 2006. 226 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964. 200 с.
- Голдина Р.Д. К дискуссии об исторических судьбах пермских народов и роли археологии в их изучении // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 75–85.
- Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии (постановка проблемы) // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: мат. Междунар. науч. конф. Астрахань, 2012. С. 182–193.
- Давыденко В.В., Гриб В.К. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: типология и семантика // Хазарское время. Донецк, 2009. С. 187–206.
- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992. 335 с.
- Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. 1997. №1. С. 61–77.

* Более подробно эти зеркала будут рассмотрены в отдельной статье.

- Казаков Е.П. Волжские булгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. 208 с.
- Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань, 2002. 283 с.
- Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX – 1-й половины XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 395–446.
- Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 144–150.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967. 209 с.
- Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М., 1990. 104 с.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. 2000. №1–2 (6–7). С. 42–102.
- Руденко К.А. «Татарская земля»: археологические памятники XIV– начала XV в. в Среднем Поволжье // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. С. 154–165.
- Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.
- Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2. С. 189–211.
- Руденко К.А. Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. №7(19). С. 224–244.
- Руденко К.А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев, 2015. С. 255–364.
- Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV в.: историко-археологический очерк // *Rex Mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV вв. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2016. С. 107–149.
- Руденко К.А. Идол из села Змеево: датировка, интерпретация и аналогии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Пермь, 2017. С. 161–173.
- Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. 170 с.
- Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. 295 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические источники. М., 1966. 276 с.
- Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв.: Искусство и ремесло (по материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб., 2001. 352 с.
- Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986. 160 с.
- Хузин Ф.Ш. Исследования по булгаро-татарской археологии. Казань, 2011. 468 с.
- Mako G. The Islamization of the Volga Bulgars: a Question Reconsidered // *Archivum Eurasiae Medii Aevi* / ed. Th.T. Allsen, P.B. Golden, R.K. Kovalev and A.P. Martinez. Harrassowitz Verlag; Wiesbaden. 2011. №18. Pp. 199–223.

УДК 903.53(571.150)

А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}, В.П. Семибратов¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПАМЯТНИКА БИКЕ-IV НА АЛТАЕ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033

«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая
и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Процесс накопления материалов аржано-майэмирского времени существенно замедлился на Алтае в конце 1990-х гг., что было связано с целым рядом причин. Попытка возобновления строительства гидроэлектростанции в долине Нижней Катуни обозначила необходимость проведения археологических работ, в ходе которых исследовались разновременные объекты на уже известных и новых памятниках. Среди них обнаружались комплексы бийкенской культуры (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.). При раскопках характерных курганов №3 и 4 на памятнике, получившем обозначение Бике-IV, найдены предметы, о которых речь пойдет в данном сообщении. Особое внимание будет уделено двум трехдырчатым псалям, сделанным из рога и представляющим единый комплект для управления лошадью без металлических удиц. Кроме них, обнаружен роговой блок, а также плохо сохранившаяся бронзовая серьга. Представленный материал дополняют имеющиеся сведения о важном периоде формирования на Алтае культуры ранних кочевников.

Ключевые слова: Алтай, аржано-майэмирское время, бийкенская культура, конское снаряжение, изделия из рога, серьга, рентгенофлюоресцентный анализ.

A.A. Tishkin¹, S.S. Matrenin^{1,2}, V.P. Semibratov¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia*

SUBJECT COMPLEX OF ARZHANO-MAYEMIR TIME FROM THE BIKE-IV SITE IN ALTAI

The work was carried out with partial financial support of the RNF (project No. 16-18-10033
“Formation and Evolution of Life Support Systems for Nomadic Societies of Altai
and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction”)

The process of accumulation of materials from the Arzano-Mayemir time slowed down significantly in Altai in the late 1990s, which was due to a number of reasons. An attempt to resume the construction of a hydroelectric power station in the Lower Katun valley marked the need for carrying out archaeological work. During this work research was done of different time objects on the already known and new sites. Among them, there were complexes of Biyenskaya culture (end of the 9th – 2–3 quarter of the 6th centuries BC). When excavating characteristic burial mounds no. 3 and 4 on the sites designated as Bike-IV, objects were found, which will be discussed in this article. Particular attention will be paid to two three-holed psalies made of horn and representing a single set for driving a horse without metal bits. In addition to them, a horn block was found, and a poorly preserved bronze earring. The presented material complements the available information on the important period of formation of the culture of early nomads in Altai.

Key words: Altai, Arzhano-Mayemir time, Biyenskaya culture, horse equipment, horn items, earring, X-ray fluorescence analysis.

В период строительства на Алтае Катунской ГЭС проводились масштабные археологические раскопки в предполагаемой зоне затопления и на месте возведения плотины. В то время были получены значительные по объему материалы, свидетельствующие о древнейшей, древней и средневековой истории разного населения, проживавшего на территории Нижней Катуни. Среди исследованных объектов своими каменными конструкциями, погребальным обрядом и обнаруженными предметами выделялись курганы, которые были датированы концом IX – 2–3-й четвертью VI в. до н.э. и объединены в бийкенскую археологическую культуру [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159; Тишкин, 2011]. В связи с прекращением планировавшего строительства гидроэлектростанции, а также с существенным сокращением археологической деятельности на Алтае (в силу разных причин) к концу 1990-х гг. процесс накопления сведений об аржано-майэмирском времени практически прекратился. Однако произошло обобщение имевшихся данных, а работа по их осмыслению была продолжена. Активное внедрение в археологические исследования междисциплинарного подхода обеспечило дополнительную объективную информацию. В результате получены радиоуглеродные датировки по бийкенским материалам, осуществлены археозоологические определения, сделаны заключения об элементном составе изделий из цветных металлов и др.

Попытка возобновить проект строительства гидроэлектростанции обозначила необходимость продолжения раскопок. В процессе непродолжительной археологической деятельности (2006–2007 гг.) удалось провести работы на нескольких известных и вновь выявленных памятниках [Кирюшин и др., 2007]. Среди них оказался комплекс Бике-IV, располагающийся на правом берегу Катуни, в 1,5 км ниже устья р. Бийке (географические координаты, полученные при помощи GPS-приемника, такие: N – 51°10'09"; E – 86°07'65"). При раскопках там курганов №2–4 бийкенской культуры был получен небольшой, но показательный предметный комплекс. О нем речь пойдет в данной публикации.

В самом начале есть смысл представить комплект предметов конского снаряжения, происходящий из кургана №4, который оказался наиболее крупным сооружением на памятнике. До раскопок он представлял собой плоскую каменную насыпь диаметром около 14,5 м и высотой до 0,3 м. В процессе зачистки установлено, что по внешнему контуру наброски прослеживалась кольцевая выкладка-стенка диаметром 13,5 м из двух-трех слоев плоских плит. После вскрытия восточной половины кургана (близко к центру) зафиксирована выкладка из массивных необработанных камней, установленных на уровень древнего горизонта. Сооружение (размерами 2,83×2,74 м и высотой 0,57–0,8 м) было ориентировано длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Внутри выкладки обнаружены три каменные стелы, характерные для памятников бийкенской культуры [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 31]. В границах представленной конструкции оказалась яма размерами 1,87×1,63 м и глубиной 0,6 м от уровня древнего горизонта. В ней обнаружены кости от двух лошадей, черепа которых были направлены на северо-запад. Там же при зачистке зафиксированы изделия, изготовленные из рога (рис. 1.-1–3; 2).

Первый трехдырчатый псалий – округлый в поперечном сечении, слегка согнут в центре, без каких-либо выделяющихся и функционально значимых деталей, с тремя отверстиями, расположенными по тулову параллельно условно рассматриваемой плоскости (рис. 1.-1; 2.-1), что соответствует ранее

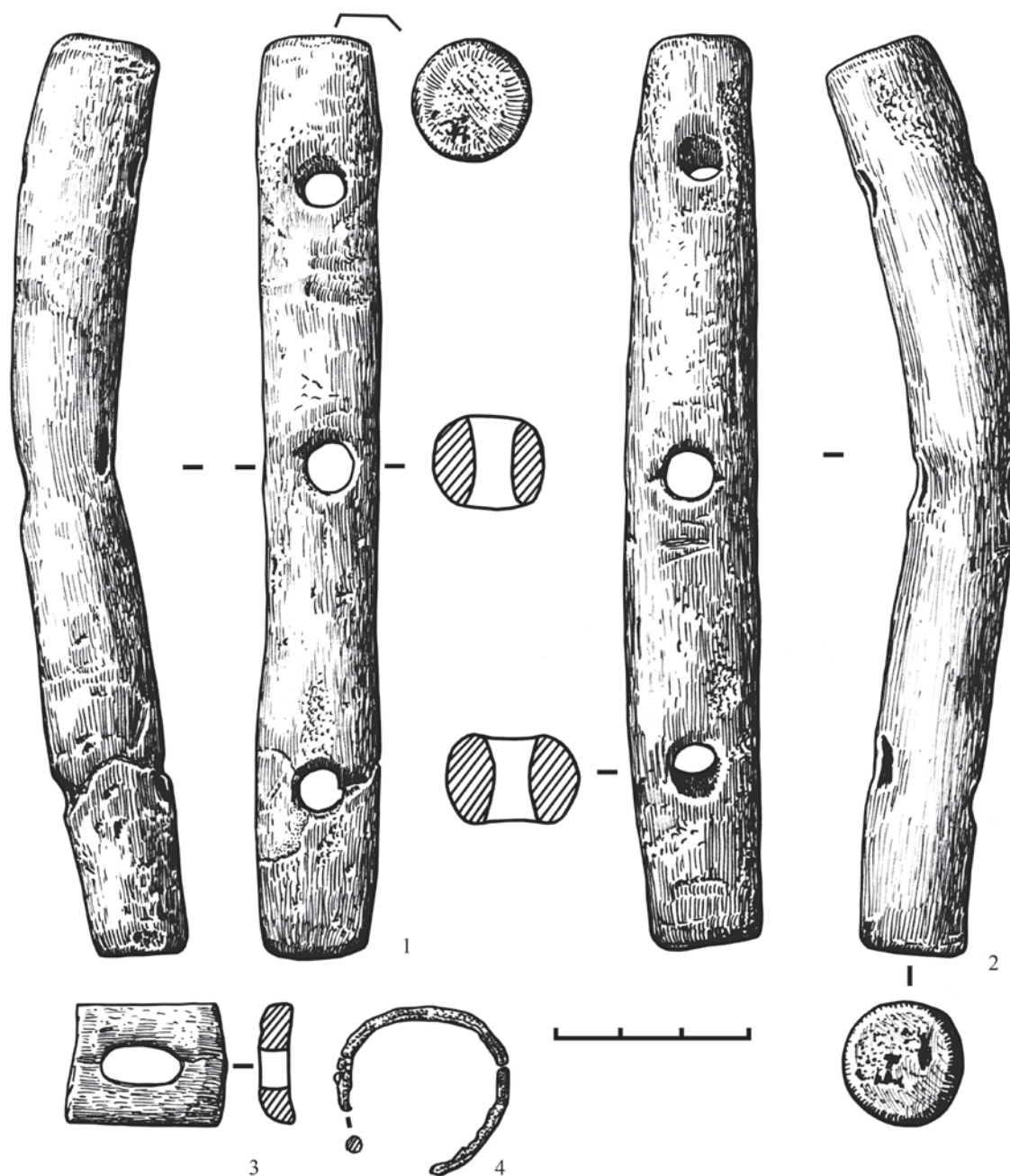

Рис. 1. Предметный комплекс, обнаруженный при раскопках курганов №3 и 4 памятника Бике-IV: 1-3 – рог, 4 – бронза

выделенному типу таких изделий [Киришин, Тишкин, 1997, с. 65]. Его длина – 14,7 см. Диаметр в верхней части – около 1,75 см, в средней – 1,9×1,5 см, в нижней – 1,7×1,5 см. Расстояния между отверстиями такие: от среднего до верхнего – 3,8 см (с внешней стороны), от среднего до нижнего – 4,35 см. Это свидетельствует о том, что они располагаются не на равном расстоянии друг от друга, но распределены по всему тулову. Диаметр верхнего отверстия составляет до 0,8 см, среднего – до 0,9 см (с внешней стороны хорошо видны следы изношенности), нижнего – до 0,85 см (параметры фиксировались с выпуклой стороны). Судя по этим данным, функциональные отверстия делались в одно и то же время, одним и тем же инструментом. Условно нижняя часть позже лопнула по отверстию, возможно, от постоянных нагрузок. Торцевые стороны псаля хорошо обработаны, острые края аккуратно срезаны и заглажены. В центральной части с одной стороны имеется небольшая выемка.

Второй псалий аналогичен предыдущему (рис. 1.-2; 2.-2). Его максимальная длина также составляет 14,7 см. Это указывает на то, что явно комплект для управления лошастью без металлических удил делался одним мастером из одного и того же типа рогов. У рассматриваемого изделия изгиб немного

Рис. 2. Предметы конского снаряжения из кургана №4 памятника Бике-IV

Рис. 3. Погребение в кургане №3 памятника Бике-IV

больше. Отверстия расположены практически идентично, как у первого псаля, на том же расстоянии, с тем же диаметром, что еще раз подтверждает одновременность изготовления двух элементов, формировавших узду из кожаных ремней. Диаметры второго рогового стержня: в верхней части – $1,75 \times 1,7$ см, в средней – $1,9 \times 1,65$ см, в нижней – $1,8 \times 1,7$ см. Получается, что в центре толщина меньше, а ширина больше, что может отражать характер сработанности во время длительного применения. Торцевые стороны заглажены, но просматривается пористая структура рога.

Следующее изделие представляет собой блок, тоже сделанный из аналогичного материала (рис. 1.-3; 2.-3). Предмет подпрямоугольной формы, слегка выгнутый (см. разрез на рисунке 1.-3). В центре – овальное отверстие размерами $1,2 \times 0,6$ см. С внутренней стороны видна структура рога, а внешняя часть и края заглажены. Длина изделия – 2,5 см, ширина – 1,95 см, толщина – до 0,65 см.

Псаля из рога, аналогичные представленным, обнаружены на ближайших памятниках Нижней Катуни: Бийке [Тишкин, 1996, рис. 12.-1; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 70.-11] и Элекмонар-II [Степанова, 1996, рис. 3.-1, 3]. Они характерны для семисартского этапа бийкенской археологической культуры и датируются в рамках 2-й половины VIII – 1-й половины VII в. до н.э. [Тишкин, 2007, с. 149, 152, рис. 2]. В связи с упоминанием материалов конского снаряжения, обнаруженных одним из авторов статьи на памятнике Бийке, необходимо заметить, что в монографии П.И. Шульги [2008, с. 185, рис. 44] они переопубликованы с ошибкой (перепутаны номера курганов). К сожалению, это не единственный такой момент. Поэтому при работе с указанной (в целом полезной) книгой есть смысл обращаться к первоисточникам и оригиналам.

В кургане №3 памятника Бике-IV обнаружено еще одно представляемое изделие – металлическая серьга. Исследованный объект имел плоскую насыпь овальной формы размерами $7,4 \times 5,7$ м, высотой 0,1 м от современной поверхности (0,35 м от уровня древнего горизонта). Он был сооружен из рваных камней в 2–3 слоя с хорошо фиксируемой выкладкой-крепидой. До раскопок стало ясно, что курган был потревожен. На что указывали разрушение части выкладки и грабительский выброс в восточной части насыпи. Данное предположение подтвердилось после того, как на уровне древнего горизонта была выявлена обкладка из крупных рваных камней, внутри которой зафиксированы остатки сопроводительного захоронения лошади. Под западной половиной насыпи обнаружена могильная яма размерами $1,5 \times 1,2$ м, в которой на глубине 0,3 м от уровня древнего горизонта находилось не потревоженное погребение взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой ориентированного на север–северо-запад (рис. 3). Сохранность скелета хорошая, благодаря чему установлено, что у покойного отсутствовали кисти обеих рук. Под черепом лежала бронзовая кольцевая серьга, зафиксированная в виде обломков и окислов. Судя по сохранившимся фрагментам, диаметр изделия был около 2,2 см (рис. 1.-4). Толщина проволоки, из которой сделано украшение, фиксируется в пределах 1–1,5 мм.

С помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) удалось определить поэлементный состав металла, использованного для изготовления серьги. Сначала тестировалась самая крупная часть предмета. С нее по возможности слегка удалялись поверхностные окислы на одном из участков у слома. Полученные результаты свидетельствуют о бронзовом сплаве: Cu (медь) – 90,54%; Sn (олово) – 8,84%; Fe (железо) – 0,46%; Pb (свинец) – 0,16%. Исследование меньшего фрагмента по слою позволило зафиксировать аналогичные результаты: Cu – 92,17%; Sn – 7,38%; Fe – 0,3%; Pb – 0,15%.

Ближайшими аналогиями найденного украшения могут быть серьги, обнаруженные на хорошо изученном археологическом комплексе Тыткескень-VI, также при раскопках кургана бийкенской культуры [Кирюшин и др., 2006, с. 356, рис. 1.-17–18]. Более широкую демонстрацию кольцевидных серёжек можно увидеть на «оленных» камнях, но их чаще всего изображали по два экземпляра, а в кургане №3 памятника Бике-IV обнаружено лишь одно такое изделие.

Рассмотренный комплекс артефактов из двух курганов Алтая аржано-майэмирского времени дополняет материалы, ранее полученные при изучении памятников бийкенской археологической культуры. Возобновившиеся раскопки на территории Нижней Катуни позволят расширить наши знания об этом периоде древней истории.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 353–357.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 273–277.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: ил.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54–69.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 146–158.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Новосибирск, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Шульга П.И. снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008. 276 с.

УДК 902.2(571.52)

Д.К. Тулуш

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований, Кызыл, Россия*

БУЛУН-ТЕРЕК – НОВОЕ ГОРОДИЩЕ УЙГУРСКОГО ВРЕМЕНИ В ТУВЕ

В статье представлены результаты археологической разведки на территории Республики Тыва в 2017 г. В ходе анализа данных спутниковой съемки на территории Чаа-Хольского района было выявлено городище, предварительно датированное хуннским временем. Результаты полевых исследований археологического отряда ТИГПИ и находки фрагментов керамики с орнаментацией позволили предположить периодом строительства памятника уйгурское время. В настоящее время необходимо дополнительное исследование для окончательной датировки городища Булун-Терек.

Ключевые слова: Тува, городище, Чаа-Хольский район, Булун-Терек, Уйгурский каганат, орнаментированная керамика.

D.K. Tulush

Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Kyzyl, Russia

BULUN-TEREK – THE NEW ANCIENT SETTLEMENT OF UYGHUR KAGANATE PERIOD IN TUVA

The article presents the results of archaeological reconnaissance in Tuva in 2017. The analysis of satellite recording in the Chaa-Khol district territory reveals ancient settlement previously dated to the Xiongnu period, however the results of fieldworks of archaeological group of Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics and the finds of ornamented ceramic pottery fragments allow attributing the building of these archaeological sites to the Uyghur period. At present, the final dating of the Bulun-Terek settlement requires additional research.

Key words: Tuva, ancient settlement, Chaa-Khol district, Bulun-Terek, Uyghur kaganate, ornamented ceramics.

В летний полевой сезон 2017 г. археологическим отрядом Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований был обнаружен новый, ранее никем не исследованный фортификационный памятник близ с. Булун-Терек Чаа-Хольского района Республики Тыва. Вместе с новым памятником городища с укрепленными стенами и валами на территории Тувы стало насчитываться 21 – и это только памятники, которые были точно зафиксированы, по которым имеются планы и материалы обследования.

Городище, названное в соответствии с требованиями «Положения о порядке производства археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» по ближайшему населенному пункту – Булун-Терек, было выявлено на территории Чаа-Хольского района, привлекавшего внимание археологов с самого начала изучения древней истории Тувы и тщательно обследованного в связи с подготовкой ложа водохранилища будущей Саяно-Шушенской ГЭС в 1960–1970-х гг.

Археологическое исследование Тувы началось еще в XIX в. В это время здесь побывала финская экспедиция И.Р. Аспелина, собравшего сведения о рунических надписях, каменных изваяниях и петроглифах. В конце XIX – начале XX в. начали свою работу русские археологи – Д.А. Клеменц,

А.В. Адрианов, С.А. Теплоухов, С.Р. Минцлов. После 1917 г. С.А. Теплоухов еще несколько раз посещал Танну-Тувинскую республику, но советские археологи не работали в Туве вплоть до ее вхождения в состав СССР в 1944 г. Первая полноценная археологическая разведка в Советской Туве была проведена на Саяно-Алтайской экспедицией под руководством чл.-корр. АН СССР С.В. Киселева в 1946–1947 гг., при участии Л.А. Евтюховой и Л.Р. Кызласова [1965].

В 1950–1970-х гг. в Туве работала экспедиция МГУ под руководством Л.Р. Кызласова, экспедиция Тувинского научно-исследовательского института истории языка и литературы (ТНИИЯЛИ), которую возглавлял С.И. Вайнштейн, а затем М.Х. Маннай-оол, и экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Л.П. Потапова.

В первую очередь перед археологами этого поколения стояли задачи создания истории тувинского народа, исследования этногенеза тувинцев, изучение тюркских рунических надписей. Большое внимание было уделено исследованию цепочки уйгурских крепостей, протянувшейся по левому берегу Улуг-Хема от устья р. Элегест до Хемчика.

В 1957 г. С.И. Вайнштейном было открыто городище Бажын-Алаак в Чаа-Хольском районе. Выявленный культурный слой в виде орнаментированной керамики позволил ему датировать памятник VIII–IX вв. В 1967–1969 и 1975–1978 гг. исследования Бажын-Алаака производились отрядами Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР (СТЭАН).

Длительное время после СТЭАН исследованием городищ почти не занимались. Раскопки крепости Пор-Бажын, проведенные в 2007–2008 гг. совместной экспедицией ИА РАН, ИАЭ РАН, ИИМК РАН, Музея истории народов Востока, Эрмитажа и ряда ведущих вузов страны, стали первыми в постсоветской истории Тувы работами в данном направлении. Они показали влияние и роль культурных и экономических связей между древними уйгурами и Танским Китаем, так как при постройке крепости была применена древнекитайская технология глинобитного строительства «хан-ту». В настоящее время наличие этой технологии является основным для датировки древнеуйгурских городищ, которые чаще всего не имеют следов внутренних построек или находок предметов на поверхности.

С 2011 г. археологический отряд ТИГИ (ныне – ТИГПИ) ведет археологические разведки по выявлению и изучению древних городищ Тувы. Разведки 2013–2016 гг. позволили локализовать местоположение ряда известных ранее, но не изученных памятников – Сенек, Чоон-Терек, Баян-Тала, а также выявить новое городище Кара-Шанчуг, расположенное в Дзун-Хемчикском районе на берегу р. Хемчик. Не последнюю роль в процессе поиска новых памятников играют современные технологии, в частности, метод дистанционного зондирования Земли [Тулуш, 2014].

Накопленный материал по двум десяткам памятников позволил разработать гипотезу, согласно которой в Туве городища строили не только в уйгурское, но и хуннское время, на 700 лет раньше. Так, около половины всех городищ Тувы не имеют высоких стен – они сильно разрушены временем, и высота их не превышает 1 м, тогда как выстроенные по технологии «хан-ту» крепости уйгуров имеют минимальную высоту 2 м, хорошо просматриваются на поверхности и расположены стратегически продуманно вдоль Енисея, выполняя функцию пограничной или оборонительной линии против енисейских кыргызов.

В 2017 г. также посредством методики дистанционного зондирования Земли на территории Чаа-Хольского района к северу от с. Булун-Терек был выявлен искусственный объект (рис. 1). В ходе археологической разведки на местности было зафиксировано городище с размерами сторон до 160 м и многочисленными находками фрагментов керамики на поверхности. Остатки фортификационных сооружений – сильно обвалованных стен высотой менее 50 см, и множество рвов изначально позволяли предположить, что это памятник хуннского времени (III в. до н.э. – I в. н.э.).

Памятник расположен в долине р. Чаа-Холь в 2 км от с. Булун-Терек и в 5,5 км с. Чаа-Холь, на пологом степном участке межгорной котловины долины р. Чаа-Холь, и представляет собой подквадратный вал, ограничивающий площадку 150×150 м. Местность, на которой расположено городище, с середины XX в., а возможно и ранее, осваивалось под пахотное земледелие, в связи с чем вся территория памятника полностью распаханна. Несмотря на это, на поверхности можно увидеть едва просматриваемые очертания валов, высота которых составила менее 0,5 м, а ширина – до 10 м. На некоторых участках стен зафиксированы плавные понижения, позволяющие предположить наличие нескольких ворот шириной до 6–8 м. По всей площади городища были собраны фрагменты керамики: неорнаментированные, с орнаментом и налепными валиками, венчики сосудов, в том числе с налепами (рис. 2).

Значительное число керамики на поверхности может объясняться только активной распашкой данной территории, в связи с чем культурный слой полностью был уничтожен, а предметы оказались на поверхности. Для подтверждения наличия или полного разрушения культурного слоя требуются раскопки на большей площади. Следует отметить, что обследование прилегающей к городищу территории дало значительно меньшее количество керамики, а на расстоянии более 10 м от предполагаемых границ не было найдено ни одного фрагмента.

Рис. 1. Спутниковый снимок местоположения городища Булун-Терек

Городище Булун-Терек было возведено на левом берегу Чаа-Холь на ровном степном участке в некотором удалении от русла реки. Сильное разрушение стен, из-за которых памятник практически не был виден на поверхности, предполагало отсутствие применения технологии «хан-ту», и, соответственно, позволяло датировать его хуннским временем. В то же время на поверхности было собрано значительное количество фрагментов керамики, орнаментация которой (ромбический и квадратный штамп, треугольники, налепы и защипы вдоль венчика и горловины сосудов, поверхностные неглубокие бороздки) находит прямые аналогии с уйгурской керамикой, в частности с городища Бажын-2 [Щетенко, 1983; Кызласов, 1959]. Изучение литературы показало, что практически идентичный керамический комплекс ранее был выявлен на поселении Усть-Илим, открытом А.П. Окладниковым в 1937 г. на р. Илим, притоке Ангары [Березин, 1990, с. 18–20]. В данном случае керамика была датирована ранним железным веком (VIII–II вв. до н.э.).

Находки орнаментированных фрагментов керамики периода Уйгурского каганата свидетельствуют о предпочтительности датировки городища Булун-Терек уйгурским временем, тем более что совсем рядом, в нескольких километрах к северу было расположено древнеуйгурское городище Бажын-Алаак-2, ныне затопленное водами Саяно-Шушенского водохранилища. Наличие отдельных фрагментов с налепными элементами, схожими с неолитическими комплексами Саяно-Алтайского региона, дает нам еще одну версию – более раннее возникновение памятника, но подтвердить данный факт могут только более крупные раскопки и выявление иных, кроме керамического комплекса, артефактов.

Главная причина возникновения подобных случаев – антропогенный фактор, который пагубно влияет на большинство объектов культурного наследия. Многолетняя распашка долины р. Чаа-Холь, прокладка оросительных каналов по нему и регулярный выпас скота оказали сильный деструктивный

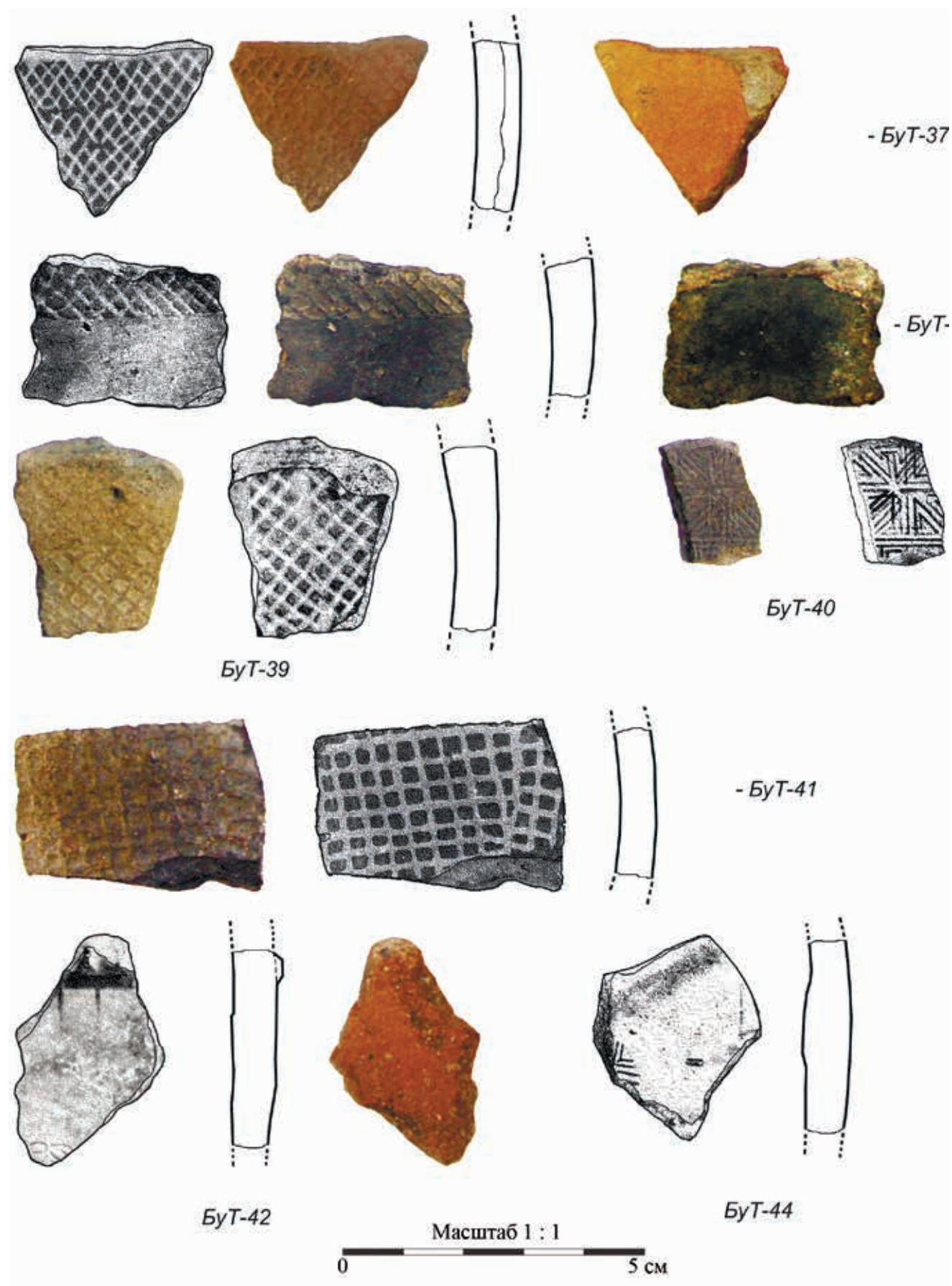

Рис. 2. Фрагменты керамики с поверхности городища Булун-Терек

эффект. Вероятно, городище с невысокими стенами не заметили при освоении целинных и залежных земель, а в ходе обследования этих территорий позже, в период подготовки ложа Саяно-Шушенского водохранилища, уже не могли разглядеть среди пашенных угодий стены городища. И только современные технологии позволили увидеть со спутниковых снимков очертания древней ставки или дворца, некогда являвшегося центром Чаа-Хольской долины. На данный вывод наталкивают расположение в равном удалении от невысоких гор, наличие источника воды, а также большое количество орнаментированной керамики.

В настоящее время с учетом современного аварийного состояния памятника, вызванного регулярной распашкой и повреждением поверхностного покрова, городище Булун-Терек требует полномасштабного изучения в связи с угрозой полной утраты его для будущих поколений.

Библиографический список

- Березин Д.Ю. Визуальная характеристика керамики поселения Усть-Илим // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 18–38.
- Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. №3. С. 66–80.
- Кызласов Л.Р. Краткая история археологического изучения Тувы // Вестник МГУ. 1965. С. 52–70.
- Тулуш Д.К. Археологическая разведка фортификационных памятников Тувы в 2013 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 264–269.
- Щетенко А.Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1983. С. 45–47.

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ (по материалам изучения археологических памятников)

УДК 902(470.5)

Н.Б. Крыласова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

ХОЗЯЙСТВО И СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДУРАЛЬЯ (проблемы реконструкции)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-46-590780
«Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья: комплексное исследование»)

При недостаточности данных археологии, что объясняется объективными проблемами сохранности следов человеческой жизнедеятельности, для решения задач реконструкции отдельных сфер жизни древних обществ могут быть использованы подходы, разработанные этнологами. Из таких подходов в среде археологов наибольшую популярность получили концепции хозяйственно-культурных типов и системы жизнеобеспечения, необходимые при изучении культурной адаптации древних сообществ к условиям окружающей физико-географической и социально-культурной среды. Выстраивание археологических данных в определенной системе позволяет не только систематизировать имеющийся материал и сделать необходимые обобщения, но и выявить не изученные моменты, попытаться восполнить их путем аналогий, гипотетических предположений или дополнительных археологических изысканий. При реконструкции системы жизнеобеспечения средневекового Пермского Предуралья возник ряд вопросов, связанных с хозяйством («первичным производством» в понимании этнологов). Наиболее изучено земледелие, но и здесь остаются не ясными вопросы, связанные с его продуктивностью и способностью обеспечить необходимую потребность населения в зерне, с особенностями уборки урожая. В области животноводства отсутствуют данные об особенностях зимнего содержания скота и о заготовке кормов. Присваивающие отрасли хозяйства изучены в наименьшей степени. Решить многие задачи возможно на основе современных комплексных подходов с использованием естественнонаучных методов.

Ключевые слова: эпоха Средневековья, Пермское Предуралье, система жизнеобеспечения, хозяйство, хозяйственно-культурный тип.

N.B. Krylasova

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

ECONOMY AND LIFE SUSTENANCE SYSTEM OF THE CIS-URALS MEDIEVAL POPULATION (problems of reconstruction)

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research
(project No. 17-46-590780 “Economic and Cultural Image of the Medieval Cis-Urals: A Complex Study”)

Archaeological data may be insufficient for the reconstruction of certain spheres of human activities in ancient societies as traces of human life may objectively be not well preserved, hence ethnological approaches can be used to achieve research goals. The most popular among archaeologists are the conceptions of economic and cultural types and life sustenance system, which are used for studying cultural adaptation of ancient communities to the conditions of physical geographic and socio-cultural environment. Organizing archaeological data in the framework of a certain system allows not only systematizing the existing material and making necessary generalizations, but also revealing the unexplored moments, and trying to fill them up by analogies, hypothetical assumptions or additional archaeological research. During the reconstruction of the life sustenance system of the medieval Perm Cis-Urals, a number of issues related to the economy (or “primary production” according to the ethnologists) arose. Agriculture is the most researched sphere, but even here some questions remain unanswered in relation to agricultural productivity and the ability to provide the demand of the population for grain, especially in connection with the specificity of harvesting. The sphere of cattle breeding lacks data on the characteristics of cattle wintering and storing up fodder. The appropriating sectors of economy are studied to the least extent. Many tasks can be solved by using contemporary complex approaches including methods of natural sciences.

Key words: Middle Ages, Perm Cis-Urals, life sustenance system, economy, economic and cultural type.

Археологи имеют в своем распоряжении уникальные источники – конкретные материальные свидетельства жизнедеятельности людей в разные исторические эпохи (будь то отдельные артефакты, остатки сооружений или просто особенности культурного слоя). Эти источники предельно объективны, но проблема заключается в том, что они представляют собой лишь разрозненные «кусочки мозаики», не позволяющие, как бы нам этого ни хотелось, в полной мере восстановить утраченную картину прошлого.

Этнографические источники в этом плане являются более полноценными. Не случайно археологи, испытывая недостаток данных, вынуждены обращаться к этнографическим параллелям.

Восполнить недостатки археологического источника позволяет выстраивание данных в определенную систему, недостающие звенья которой можно восстановить путем гипотетических предположений, использования аналогий или, по возможности, путем дополнительных целенаправленных археологических исследований.

Примером использования такого подхода стал опыт реконструкции костюма средневековых жителей Пермского Предуралья: на основе наиболее полно сохранившихся погребальных комплексов с остатками костяков (что для средневековых могильников Пермского края – редкость) была выработана система, в которой определено место каждого элемента в костюме; на основе этнографических данных установлено смысловое значение этих элементов, обусловившее их присутствие именно в этом месте, и связь с определенными половозрастными и социальными категориями населения. Затем на основе этой системы были обобщены материалы погребений, не содержащих, по разным причинам, всей полноты данных [Крыласова, 2000; 2001]. Полученные результаты успешно используются для решения разных исследовательских задач, продуктивно применяются в процессе полевых исследований средневековых могильников, поскольку позволяют интерпретировать обнаруженные артефакты еще в процессе раскопок, обращая внимание на малейшие детали взаиморасположения предметов, наличие органических остатков и прочие нюансы, ранее ускользавшие из поля зрения исследователей.

Второй опыт построения системы предпринят при обобщении материалов, связанных с бытом средневекового населения Пермского Предуралья [Крыласова, 2007; 2008]. До этого бытовой культуре исследователями уделялось очень мало внимания, отдельное исследование было посвящено лишь характеристике жилищ [Черных, 1992; 2010]. При отсутствии методологической основы для изучения бытовой культуры в археологии построение системы опиралось на этнологический подход С.А. Арутюнова, основанный на разделении многообразия духовных и материальных явлений, составляющих систему традиционной культуры этноса, на подсистемы (культура первичного производства, жизнеобеспечения, соционормативная и гуманитарная), выполняющие существенно разные функции. Культура жизнеобеспечения понимается при этом как совокупность поселения, жилища, одежды и пищи и входит в принятую в этнографии традиционную типологическую категорию «материальная культура» [Арутюнов, 2000, с. 322–323]. Она отражает «процесс экологической адаптации общества к природной среде», выполняя важнейшие адаптивные функции «обеспечения людей первично необходимыми средствами поддержания их жизни» [Арутюнов, 1989, с. 202, 204], поэтому именно с нее желательно начинать изучение культуры той или иной этнической группы. В таком понимании «культура жизнеобеспечения» как нельзя лучше соотносится с археологическими материалами.

Выстроенные в определенную систему данные позволили выявить противоречия в понимании отдельных процессов, выделить недостаточно изученные моменты и наметить перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Исследования продолжились в рамках проекта РФФИ «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде», направленного на решение проблемы хозяйственной и биосоциальной адаптации населения в условиях южно-таежного Предуралья.

Одной из задач исследования стало выявление адаптивных признаков на человеческих костных останках путем антропологического анализа и изотопно-геохимических методов. Ранее на основе археологических данных был определен ассортимент используемых продуктов, анализ кухонной и столовой утвари позволил сделать предположение о возможных видах блюд. На основе полученных результатов могло бы возникнуть представление о богатстве рациона и высоком качестве питания, чего в реальности не было [Крыласова, 2007, с. 13–26]. Этнографические данные показывают наличие значительных сезонных колебаний в питании, обусловленных особенностями ведения хозяйства: относительно сытые осень и зима, когда употреблялись основные запасы растительной и животной пищи, сменялись голодной весной, когда они кончались, и довольно скудным летом, когда употреблялась, в основном, дикорастущая растительная пища. Надо учитывать и такие факторы, как зависимость скотоводства и земледелия от климатических условий, несовершенство способов хранения продовольствия, и многое другое.

Для уточнения системы питания средневекового населения Пермского Предуралья был проведен анализ биоантропологических данных из девяти могильников о состоянии зубочелюстной системы и морфофизиологических характеристик черепов. Все серии показали схожие черты биологической адаптации и общие показатели состояния здоровья. Для выборок характерен высокий процент механических травм зубных коронок и связанные с этим случаи кариеса, потери зубов и прикорневого воспаления, отмечается широкое распространение зубного камня, пародонтоза и эмалевого гипоплазии. Напротив, фиксируется небольшая доля черепов со следами анемии. Эти факторы свидетельствуют, что в рационе питания преобладала белковая пища при незначительной доле растительной составляющей; прослеживаются сезонные периоды недостаточного обеспечения пищей. При сравнении степени адап-

тации между группами, оставившими разные могильники, как более неблагополучные выделены серии ранних некрополей (IV–IX вв. н.э.). Но в целом все выборки имеют одинаковые адаптивные тенденции, что обусловлено общей хозяйственно-экономической основой [Брюхова, 2015; 2016].

Для определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни получены показатели изотопного содержания углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) костных образцов из 15 погребений четырех могильников. Показания по углероду и азоту указывают на проживание людей в климате с холодными зимами и умеренно теплым летом, на смешанный рацион питания с употреблением наземных травоядных и водных продуктов и участием растений умеренного пояса с малой долей зерновых культур. Различия в распределении пищи по половому признаку незначительны. Значимых различий в диете в разные периоды (VI–XV вв.) не наблюдается [Krylasova, Bryukhova, Bugova, 2016; Крыласова и др., 2016].

В целом средневековое население Пермского края в полной мере использовало продуктовые ресурсы территории. Основные отрасли хозяйства, как производящего, так и присваивающего, были нацелены, главным образом, на добычу пищи. Комплексное хозяйство обеспечивало население достаточно широким ассортиментом продуктов животного и растительного происхождения и определяло смешанный характер питания. Но в течение года оно было неравномерным, и население испытывало пищевые стрессы. Исследованы были преимущественно материалы из могильников, относящихся к периоду, когда господствовало мотыжное земледелие. Выводы, полученные в результате антропологического и изотопного анализов, вполне согласуются с представлением о том, что этот вид земледелия был малопродуктивным, зерновые культуры занимали незначительное место в рационе, преобладала белковая пища.

Задачей исследования являлось также определение хозяйственно-культурного типа, выявление инноваций, их адаптации к местным природно-климатическим реалиям и хозяйственным стереотипам автохтонного населения, влияния на эволюцию системы жизнеобеспечения.

К периоду раннего средневековья (до конца XI в., ломоватовская археологическая культура) относится тип ручного мотыжного земледелия. Он был малопродуктивным, основная роль в обеспечении людей продуктами питания отводилась другим отраслям хозяйства. О низкой продуктивности земледелия свидетельствует факт хранения зерна в керамических сосудах в ямах-кладовках внутри жилищ. Учитывая, что часть этого зерна нужно было оставить для посева, для употребления в пищу оставалось совсем незначительное количество. Судя по имеющимся данным, зерно добавляли в различные блюда типа похлебок кашеобразной консистенции.

В рамках проекта впервые для Пермского Предуралья проведен карпологический анализ проб с селища Запоселье и Рождественского городища, полученных методом флотации [Лебедева, 2014; Трофимова, Крыласова и др., 2016; Трофимова, Лаптева и др., 2016]. Преобладающими культурами были ячмень и пшеница при незначительной доли других злаков (овса, полбы, ржи) и гороха. В обоих случаях, кроме проб из слоя, исследованы пробы из ям-кладовок позднеломоватовского времени (XI в.), показавшие высокую степень очистки зерна – т.е. оно было приготовлено для употребления в пищу. По данным Е.Ю. Лебедевой [2014, с. 521], 10–15% в пробе из ямы составляли так называемые *оплавленные* обломки зерен злаков, свидетельствующие, что земледельческая продукция была представлена здесь не только цельным, но и дробленным зерном, – крупой для приготовления каш.

На рубеже XI–XII вв. в Пермском Предуралье появилось пашенное земледелие, следствием чего стало увеличение его продуктивности, расширение ассортимента возделываемых культур, изменение рациона питания. В обиходе появились жернова для помола зерна; о начале выпечки хлеба достоверно свидетельствуют находки обугленных кусков хлеба на городище Анюшкар в слое XII в. [Крыласова, 2007, с. 21]. Тем не менее, как показали результаты радиоизотопного исследования, доля зерновых в питании оставалась низкой. С этого же времени фиксируются первые факты использования в пищу молока (появление специализированной посуды для приготовления молочных продуктов, изменение возраста забиваемых животных). Обе инновации привнесенные, но если пашенное земледелие могло быть заимствованным, то употребление молока генетически обусловлено [Козлов и др., 2008, с. 209–212], и распространение молочного животноводства можно связывать только с появлением мигрантов [Крыласова и др., 2016].

Эти и многие другие инновации привели к смене ломоватовской археологической культуры на родоновскую. Это произошло в конце XI в., а не в IX, как принято считать, когда никаких существенных изменений в хозяйстве, материальной и духовной культуре не прослеживается [Белавин, Крыласова, 2016].

Отметим, что позиции С.А. Арутюнова, положенные в основу реконструкции средневековой системы жизнеобеспечения Пермского Предуралья, неоднозначно оцениваются в сообществе этнологов, по мнению которых лучше начинать исследования культуры с хозяйства (способов обеспечения сред-

ствами существования), а не с пищи – одежды – жилища – поселения. По мнению А.Н. Ямскова [2004, с. 39–40], в единый ряд экологических функций обеспечения и регулирования энергетических связей организма человека с окружающей средой, выполняемых пищей, одеждой и жилищем, не вписывается поселение, которое логичнее рассматривать в качестве составной части «культуры природопользования и расселения», близкой по содержанию «культуре первичного производства» и объединяющей в себе хозяйственную деятельность и систему расселения. На наш взгляд, споры эти равнозначны спорам о том, «что первично – курица или яйцо». В зависимости от конкретных исследовательских задач и особенностей источников можно рассматривать в качестве первичного как жизнеобеспечение, так и хозяйство. К слову, термин «первичное производство», используемый этнологами, не вполне согласуется с археологическими представлениями о хозяйстве. Во-первых, сам термин как будто исключает из рассмотрения непродуцирующие отрасли хозяйства (охоту, рыболовство, собирательства), имевшие для древних сообществ важное значение. Во-вторых, отрасли хозяйства далеко не всегда ориентированы только на жизнеобеспечение. Если получение кости, кожи, шкур, шерсти, сухожилий, рыбьего клея и пр., служивших сырьем для домашнего производства и ремесла, еще можно связать с жизнеобеспечением, учитывая, что из этого сырья производили детали одежды и разнообразную утварь, то, к примеру, промысловая пушная охота была ориентирована на получение экспортного товара для международной торговли. Торговля влияла на общий уровень экономики, отражалась на уровне жизни, но напрямую с жизнеобеспечением не связана. А занятие пушным промыслом в немалой степени влияло на особенности расселения в местах, богатых зверем, пусть даже возле болот, где неудобно заниматься сельским хозяйством. Определяющим фактором при расселении могли быть и месторождения полезных ископаемых. В частности, в Пермском крае в местах выходов пермских медистых песчаников выделяются кусты неукрепленных ремесленных поселений, специализирующихся на металлургии [Белавин, 1987]. Разумеется, значительная часть добываемого металла использовалась для местных нужд и в том числе для жизнеобеспечения (например, детали костюма), но немалая часть товарного металла в виде слитков поставлялась на экспорт.

Исследование продолжено в рамках гранта РФФИ «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)». В этом проекте предполагается при помощи методов естественнонаучных дисциплин исследовать особенности климата и окружающего ландшафта, состав выращиваемого зерна, состав стада и объектов присваивающего хозяйства и т.п., которые невозможно получить, основываясь на традиционных методах археологии. Одной из задач является изучение системы расселения и исследование хозяйственно-культурного облика средневекового Пермского Предуралья при помощи геоинформационных систем (ГИС). Задел для этих исследований имеется. Наиболее изученной отраслью хозяйства является земледелие [Сарапулов, 2015], но и здесь остаются не ясными вопросы, связанные с его продуктивностью и способностью обеспечить необходимую потребность населения в зерне, с особенностями уборки урожая. Результатом длительного сотрудничества с палеозоологами являются четкие представления о доле домашних и диких животных в питании, о видовом составе животных, об изменениях в составе стада в разные хронологические периоды. Но обычно палеозоологи ограничиваются только видовыми определениями, в то время как определения половозрастного состава забитых животных тоже имеют немаловажное значение для решения вопросов о направлениях животноводства (мясное, молочное или комплексное), об использовании животных в хозяйственных целях (например, лошадей и быков как транспортных животных) и т.п. Совсем отсутствуют представления о породах домашних животных. В области животноводства отсутствуют данные об особенностях зимнего содержания скота и о заготовке кормов. Этот вопрос можно решить с помощью целенаправленных археологических исследований и проведения химического анализа культурного слоя на предмет выделения мест содержания скота. Что касается охоты, то, вероятно, неразрешимым останется вопрос о доле добываемых пушных и мясных животных, поскольку пушные животные (за исключением бобра) в пищу не употреблялись, и их кости на поселениях почти отсутствуют (за исключением амулетов из нижней челюсти куниц и лисы, манков и игольников из бедренных костей куницы).

В целом продолжение изучения жизнеобеспечения и палеоэкономики возможно лишь на основе современных комплексных подходов с использованием естественнонаучных методов. Следует отметить, что проведение разного рода анализов требует определенных материальных затрат и возможно только при наличии дополнительных источников финансирования, среди которых первое место занимают гранты. Но они, как правило, рассчитаны на непродолжительный период, не позволяющий осуществлять исследования, требующие длительной системной работы. Проблемой является и малое количество специалистов естественнонаучных направлений, сотрудничающих с археологами, которые порой просто физически не успевают решить все поставленные перед ними задачи. Выходом могли бы стать совместные академические программы, которые в равной степени отвечали научным интересам обеих сторон.

Библиографический список

- Арутюнов С.А. Народы и культуры. М., 1989. 247 с.
- Арутюнов С.А. Cultures, traditions and their development and interaction. Lampeter, 2000. 386 с.
- Белавин А.М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987. С. 117–130.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. №1 (32). С. 28–41.
- Брюхова Н.Г. Система питания средневекового населения Пермского Предуралья как индикатор биологической и социальной адаптации (по данным антропологии) // Вестник Пермского научного центра. Пермь, 2015. №4. С. 42–47.
- Брюхова Н.Г. Особенности процессов адаптации средневекового населения Пермского Предуралья: антропологический подход // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. №3. С. 48–55.
- Козлов А.И., Боринская С.А., Санина Е.Д., Лисицина Д.В., Вершубская Г.Г. Отражается ли характер традиционного питания пермских и волжских финнов в их генофонде? // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2008. Вып. V. С. 206–212.
- Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья, VII–XI вв.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 188 с.
- Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001. 259 с.
- Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007. 352 с.
- Крыласова Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 410 с.
- Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г., Корчагин П.А. Основные результаты проекта «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде» // Вестник ПНИЦ. 2016. №4. С. 33–37.
- Лебедева Е.Ю. Археоботаническая коллекция из селища ломоватовской культуры Запоселье-I в Пермском крае // Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь, 2014. С. 513–523.
- Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь, 2015. 170 с.
- Трофимова С.С., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Археоботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) // Вестник ПНИЦ. 2016. №3. С. 23–29.
- Трофимова С.С., Лаптева Е.Г., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Палеоботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) // Экология древних и средневековых обществ: мат. V междунар. науч. конф.: в 2 ч. Тюмень, 2016. Вып. 5, ч. 1. С. 154–157.
- Черных Е.М. Жилища племен Прикамья (I тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.
- Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск, 2010. 159 с.
- Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования: сб. ст. к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова / под ред. Н.А. Дубова, Н.И. Григулевич и др. М., 2004. С. 39–60.
- Krylasova N.B., Brykhova N.G., Burova N.D. The Role of Nutrition in the Biological Adaptation of the Medieval Population of the Cis-Ural Perm Region (Archeological and Anthropological evidence) // International Journal of Environmental & Science Education. 2016. Vol. 11, №11. P. 4812–4824.

УДК 902(571.1)+39(571.1)

И.Е. Максимова¹, А.И. Боброва²

¹Томский государственный университет, Томск, Россия;

²Томский областной краеведческий музей Томск, Россия

ПРОБЛЕМА ПОИСКА СЛЕДОВ ТАЕЖНЫХ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР (этноархеологический аспект)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №17-11-70003
«Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы»)

Исследователи датируют проникновение эвенков на территорию Западной Сибири периодом с IX до конца XVII в. В силу ряда причин (специфика хозяйственного уклада, административная привязка к определенным населенным пунктам, сознательное уклонение от контактов) их присутствие в данном регионе до начала XX в. фиксируется благодаря косвенным данным. Они содержатся в следующих источниках: официальные документы; свидетельства путешественников и исследователей XVIII–XIX вв.; этнографические материалы; топонимика, археологические находки.

Анализ показывает, что эвенки в XVII–XVIII вв. свободно передвигались по Обь-Енисейскому междуречью и к концу XVIII в. проникли на территорию левобережья Оби, а в конце XIX в. – в район р. Демьянки. Основными центрами их пребывания были верховья рек Тым и Сым; Кетско-Тымское и Кетско-Чулымское междуречье, район среднего течения Кети, Васюганские болота, где они налаживали постоянные контакты с кетским, селькупским и русским старожильческим населением. Значительное количество примеров взаимовлияния этих культур в данном регионе позволяет трактовать ряд археологических находок как оставленных тунгусами.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, таежная зона, эвенки, этнография, этнокультурная история.

I.E. Maksimova¹, A.I. Bobrova²

¹*Tomsk State University;*

²*M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum*

THE PROBLEM OF SEARCHING TRACES OF TAIGA NOMADIC CULTURES (ethno-archaeological aspect)

The work is funded by the grant of the RHSF No. 17-11-70003 –
“The Evenks of the South of Western Siberia: Creation of Complex Source Base”

Researchers date the penetration of Evenks into territory of the Western Siberia from the 9th to the end of the 17th centuries. For a number of reasons (the specificity of the economic structure, the administrative link to certain settlements, and conscious deviation of contacts) the Evenks' presence in this region is recorded until the beginning of the 20th century thanks to indirect data. The information is contained in the following sources: official documents; evidence of travelers and researchers of the 18th–19th centuries; ethnographic materials; toponymy, archaeological finds.

The analysis shows that the Evenks in the 17th–18th centuries were freely moving between the Ob and Yenisei rivers, by the end of the 18th century they penetrated into territory of the Ob River's left bank, and at the end of the 19th century – in the district of the Demiyanka River. The main centers of their stay are the upper course of the Tym and Sym rivers; the Ket and Tym rivers' interfluvium, the Ket' and Chulym rivers' interfluvium, the area of the middle reach of the Ket' River, the Vasyugan Swamp where they established regular contacts with the Ket, Selkup and Russian old population. Many examples of mutual influence of these cultures in this region allow us to interpret a number of archaeological finds as the ones left by the Tungus.

Key words: archaeology, Western Siberia, taiga zone, Evenki, ethnography, ethnocultural history.

Проблема освоения тунгусоязычными этносами Западно-Сибирского региона и механизм их взаимодействия с местными этносами до сих пор остается одной из наименее разработанных и в то же время актуальных, так как напрямую связана с идентификацией культурной принадлежности ряда археологических объектов. Поиск археологических следов эвенков и сбор источников по данной проблеме был предпринят авторами в начале 1990-х гг. [Боброва, Максимова, 1992а–в], в настоящее время он продолжается.

В начале 1930-х гг. Г.М. Василевич на основании изучения родословных эвенкийских родов высказала утверждение о том, что «...переход тунгусов на запад от Енисея относится к большой давности. Движение шло двумя путями: северным – с Нижней Тунгуски на Елогуй; позже разделившимся на две ветви, одна отошла на северо-запад к Обдорску, другая – на юг через Дубчес и Сым на Кеть; второй путь пролегал через Пит на притоки Кети и, возможно, южнее по направлению к Чулыму» [Отчет о командировке..., л. 6]. В дальнейшем она конкретизировала датировку, отнеся выход тунгусов на Обь-Енисейский водораздел к XVII в., а продвижение в Васюганье – к концу XIX – началу XX в. [Василевич, 1969, с. 5–6].

Б.О. Долгих [1960, с. 177], основываясь на изучении архивных документов и материалов Приполярной переписи, больше склонялся к версии единичных выходов отдельных тунгусов на левобережье Енисея в XVII–XVIII вв., чем к варианту их постоянного кочевания в этом районе.

В противовес этой точке зрения, В.А. Туголуков [1985, с. 267] утверждал, что «тунгусы появились на территории Обь-Енисейского региона задолго до XVII в.»; в частности, проникновение сюда рода Кима он относит к IX–XII вв. Несмотря на спорность его трактовок имен собственных и определенной им численности тунгусского населения, выводы заслуживают самого серьезного отношения, так как они были сделаны в результате обработки значительного массива архивных материалов. В.Н. Скалон [1998, с. 7], опираясь на близкое знакомство с бытом и приемами ориентации западносибирских эвенков, также настаивал на раннем освоении тунгусами лево- и правобережья Оби, хотя и не конкретизировал дату.

Наибольшую проблему в решении вопроса о датировке этого события представляет тот факт, что официальные данные переписей населения и метрических книг не фиксируют пребывание эвенков на территории Томской губернии до начала XX в., в то время как многочисленные свидетельства очевидцев описывают их как постоянных обитателей этих мест. Разрешить это противоречие может помочь анализ комплекса источников, которые могут быть объединены в несколько групп.

1. Официальные документы (ревизские сказки, материалы переписей населения, данные метрических книг и т.п.). В XVII в. тунгусы восприняли продвижение русских к Енисею как вторжение в свою «зону влияния», а строительство в 1618 г. Маковского (Намацкого) острога имело целью защиту остяков от нападений именно тунгусов [Кытманов, 2016, с. 5, 8–9; Фишер, 1774, с. 272]. Согласно исповедным росписям конца XVIII в., тунгусы Делицыны относились к Маковской церкви [Исповедальные росписи..., 1789, л. 38об.–39].

В результате объяснения все тунгусские роды, кочующие на обоих берегах Енисея, к XVIII в. были приписаны к Енисейской губернии. При этом конкретные населенные пункты, в которые они были обязаны выходить на суглан (например, Ярцево), могли географически относиться к Западной Сибири. То есть официальное отсутствие тунгусов в пределах Томской губернии не означало их отсутствия на левобережье Енисея. В то же время фактически они могли кочевать далеко от места приписки и выходить туда только в назначенное время либо отправлять туда сородичей для решения формальных вопросов.

Еще в 1817 г. Нарымским судом в адрес Парабельского волостного правления был направлен указ «О высылке назад в Енисейскую округу обитающим в здешнем округе по р. Васюгану и Тыму тунгусов из Енисейской волости» [1817, л. 27]. Священник с. Кетного (Максимкин Яр) в рапорте 1875 г. докладывает, что «кочующие народы тунгусы шаманской веры», приписанные к Анциферовской волости Енисейской губернии, уже второй раз обращаются к нему с просьбой о крещении [Рапорт священника..., 1875–1876, л. 1]. Для обращения с подобным рапортом нужно было быть уверенным в регулярности посещения данного прихода тунгусами, а не в эпизодичности их визитов в этот населенный пункт.

Характеризуя статистические данные на 1897 г., С. Патканов [1906, с. 156] отмечал: «Перепись, по-видимому, не захватила всех тунгусов данного округа, а лишь большую их часть, именно тех из них, которые случайно прибыли на сугланы для платежа ясака, а также тех, о которых их старшины могли сообщить требуемые сведения. Кроме того, места кочевий местных тунгусов в переписных листах почти нигде не показаны...» Причины «ухода» от пункта приписки могли быть различными. В XVII–XVIII вв. это были чаще всего конфликты с местной администрацией. В 1682 г. в Туруханском уезде сборщик ясака «...требовал от тунгусов, прежде чем они уплатят ясак, дать ему соболей, притеснял их, заставлял их бить батогами, грозил повесить» [Кытманов, 2016, с. 63–65]. «Вахтер с Сыма» при выдаче муки записывал несуществующих лиц с псевдотунгусскими именами, которые якобы получали в Ярцевском хлебозапасном магазине товар. Плату за фиктивную выдачу продуктов он требовал со старейшин: «Исправник писарю говорит: ну, принеси! Писарь принес. Вот рядом кладет с книгой, как книга лежала. Потом читать стал, нет и нет настоящих имен. Нет, одного имени нет. Одного человека как-то угадал имя и то умершего старика» [Хойонское наречие..., л. 202–204].

В XIX в. причинами были исчезновение копытного зверя [Скалон, 1998, с. 9]; поиски новых, лучших мест охоты; болезни [Отчет о командировке..., 1930, л. 6]; более выгодные условия закупок товаров.

Переход тунгусского рода из одной волости в другую необходимо было оформлять официально, что требовало определенных бюрократических усилий. Поэтому ревизские сказки, метрические книги и материалы переписей обычно фиксировали отсутствие тунгусов в местах их приписки, но никак не отмечали их присутствие в реальных местах кочевания.

2. Сведения путешественников и исследователей XVII–XIX вв. свидетельствуют о пребывании тунгусов на территории Западной Сибири с начала XVII в. Так, в письмах Джосиаса Логана к мистеру Гэклюйту от 24 июня и 16 августа 1611 г. прямо говорится о том, что тунгусы, страна которых «находится за реками Обью и Тазом», выходят в Пустозерск [Сибирь в известиях..., 2006, с. 183]. М.П. Алексеев высказывал предположение, что под р. Geta, упомянутой у Р. Финча (начало XVII в.) как «земля тунгусов», можно понимать р. Кеть [Сибирь в известиях..., с. 197]. М. Кастрен [1860, с. 287, 296] в 1840 г. встречал тунгусов по всему Нарымскому Приобью (в частности, в Молчаново), при этом он отмечал, что «несколько тунгусских семейств с р. Пит переселилось на Кеть, хотя и до сих пор еще продолжают платить подать в Енисейске. Кроме того, утверждают, что тунгузы всегда кочевали по обской стороне...» И. Завалишин [1862, с. 347], характеризуя население Васюганья, говорит о «470 душ обоего пола остяков нарымских и тунгусов енисейских».

Иными словами, пребывание тунгусов в таежной зоне Западной Сибири в 1-й половине XIX в. воспринималось как естественное явление, но в то же время их считали административно не принадлежащими к Томской губернии, что полностью соотносится с приведенными выше официальными сведениями.

3. Этнографические данные, полученные у западносибирских эвенков. По данным родословных, записанных Г.М. Василевич [Родословные сымских тунгусов..., 1930, л. 1–23], эвенки обживали Обь-Енисейское междуречье как минимум с конца XVII в., при этом брали жен из кетов (дюкун), а сами отдава-

ли девушек в жены «обским осяткам» (дяндры). Тунгусский род турумбил (Дороховы), согласно этим родословным, является «обским» и проживает там минимум с 1800 г.

Эти сведения коррелируют с материалами К. Рычкова: «Сперва род Кимол с родом Кемол пришли, Танинмал, потом Чомбал, потом уже Байкил сзади (после)» [Хойонское наречие..., л. 211]. В его же записях, сделанных на р. Чулым, есть многочисленные рассказы тунгусов о событиях, происходивших на Васюгане: о голоде среди остяков [Хойонское наречие..., л. 200–201], развлечениях на ярмарках, употреблении местными осятками мухоморов [л. 181–182]. Вероятно, чулымские тунгусы, кочевавшие на тот момент в бассейне р. Кемчуг, либо регулярно посещали р. Васюган, либо контактировали с группами, совершавшими подобные перекочевки. В силу того, что тунгусов интересовали, прежде всего, боры-беломошники, а местных остяков – рыболовные угодья, проникновение тунгусов на остяцкие территории не приводило к конфликтам [Тунгусы и остяки..., 1928, л. 2], и подобные передвижения по «заселенным» территориям были вполне осуществимыми.

Накопленные данные позволяют утверждать, что на начало XX в. основными центрами тяготения тунгусов в пределах таежного Приобья были районы, богатые копытным зверем и, соответственно, кормом для оленей. К ним относились:

– верховья Тыма и Сыма. При этом нижнее и среднее течение Тыма считалось непривлекательным, так как там было мало лося. Зафиксированы единичные посещения р. Вах. Из этих мест тунгусы выходили обычно за товаром в Ярцево;

– Сымско-елогуйское междуречье. Место выхода – Ярцево;

– Кетско-тымско-сымское междуречье в среднем течении Кети, включая район Обь-Енисейского канала. Места выхода – Максимкин Яр, Нарым, Ярцево;

– Кетско-чулымское междуречье. Место выхода – Максимкин Яр, Ярцево, Молчаново (Тунгусово);

– бассейн Кемчуга. Место выхода – Маковское, Назимова, Енисейск;

– бассейн Васюгана. Место выхода – Нарым, Молчаново (Тунгусово);

– бассейн Демьянки.

Известны единичные посещения Томска.

Эти районы были связаны между собой «тунгусскими тропами», хорошо известными местным жителям.

4. Этнографические данные, полученные у представителей соседних групп. Практически у всех этносов исследуемого региона имеются многочисленные упоминания о контактах с тунгусами, причем встреча с ними не описывалась как нечто, выходящее за рамки обыденности. В то же время эти контакты зачастую приводили к совместным бракам и культурным заимствованиям.

По данным ревизских сказок конца XVIII в., в состав «тунгусов» входили фамилии, которые в XIX–XX вв. принято относить к осяткам (селькупам). Например, Алексей Карелин назван «тунгусом» в документах 1789 г. [Исповедальные росписи прихожан..., 1789, л. 38об.–40], Евстрат Карелин – 1851 г. [Ревизские сказки на тунгусов..., 1852, с. 2об.–3]. Шаман Леонтий Белозеров, который «раньше жил оседло, теперь живет как тунгус и из разговоров с ним... не допускает мысли возвращаться к жизни в избе» [Тунгусы и остяки..., 1928, л. 5].

Выше уже упоминалось о смешанных тунгусско-селькупских браках. В.А. Туголуков [1985, с. 239] даже высказывал предположение, что пумпокольцы были смешанной селькупо-тунгусской группой.

Зафиксированы многочисленные примеры идентичности селькупских и тунгусских шаманских атрибутов, бытование тунгусских «шаманских сказок» среди васюганских селькупов [Пелих, 1972, с. 322–323].

Аналогичная ситуация сложилась и при контактах с кетами. Ряд фамилий, которые в XVIII – начале XIX в. значились «осятками» (например, Толстых, Чипкановы), в XX в. оказались приписаны к «тунгусам». В фольклоре западносибирских эвенков много сюжетов, сходных с кетскими, включая запрет рассказывать сказки о животных летом.

Тунгусско-русские браки зафиксированы не ранее середины XX в., однако культурные связи со старожильским населением, включая передачу оленей в стада эвенков для совместного выпаса [Казакевич, 2010, с. 345–347], были гораздо более древними. Обычно все эвенки имели среди русских особого «товарища», у которого останавливались при выходе в поселки. Поскольку тунгусы считались «богатыми», такая дружба, включая обязанность быть крестным, была для русских по-своему престижной и однозначно выгодной.

В эвенкийскую культуру от русских вошли многие бытовые предметы (фарфоровая посуда, ткани и т.п.), оружие, своеобразное пристрастие к роскоши (хороший чай, табак и пр.), а также архаичные фольклорные сюжеты и песни. В частности, К. Рычков записал у сымских эвенков рассказ «про Ермака», который «плавал по Кети» [Баргаганское наречие..., л. 21–22, 25–26]. Фактически это достаточно

полный, хотя и вольный пересказ былины «Ермак взял Сибирь» из сборника Кирши Данилова [Древние российские стихотворения..., 1958, с. 86–90]. У чулымских эвенков он же записал песню «Веселый разговор» [Рычков, 1922, с. 77] в варианте, который в наше время бытует в фольклоре казаков с. Тулата Чарышского района Алтайского края.

Географический разброс упоминаний о встречах с тунгусами не только позволяет судить о степени освоения ими изучаемого региона, но и ставит ряд вопросов. Например, о кочевках эвенков в районе с. Тунгусово вплоть до 1920-х гг. известно только по воспоминаниям местных жителей [Все память сердца сохранил... // <http://www.tsp.tomskinvest.ru/>]. Эта информация нуждается в перепроверке. 85-летний информатор, вспоминая о р. Кия, говорил о тунгусах как о «нашем народе» [Этнографическая экспедиция..., 1965, с. 37], однако эта территория находится далеко за пределами традиционного ареала обитания эвенков.

5. Данные топонимики. Практически на всей территории таежной зоны Западной Сибири встречаются топонимы с определением «тунгусский». На официальных географических картах есть тунгусские озера в верховьях р. Васюган, на Кенге, р. Тунгусская в Васюганье, реч. Тунгуска в бассейне Кети, Тунгузка в бассейнах Васюгана и Иртыша. В местной топонимике отмечены «тунгусские» боры, мысы, тропы, «могилы» и т.п. Широко известны «Тунгусские камни» в бассейне р. Чулым [Марков, 1953]. Отдельный вопрос – топонимы, происходящие из тунгусских языков. На настоящий момент таковые зафиксированы только в кетско-тымском междуречье и бассейне р. Сым.

6. Археологические данные. По сравнению с остальными группами источников эти данные минимальны. В «Археологической карте Томской области» упоминается лишь один памятник на р. Васюган – Тунгусский могильник, но и он был к моменту обнаружения разрушен при строительстве [Чиндина и др., 1990].

Таким образом, представляется очевидным, что территория таежной зоны Западной Сибири была освоена эвенками максимально полно. Это не были кратковременные «заходы» отдельных искателей охотничьих угодий, а именно полноценное обживание подходящих земель, налаживание всесторонних этнокультурных связей. Маловероятно, чтобы это могло быть сделано за 150–200 лет.

Тем не менее вопрос нельзя считать полностью решенным. Для аргументированной датировки необходимо тщательное картографирование всех упоминаний о контактах с тунгусским населением на территории Западной Сибири, сбор и картографирование народной топонимики, сопоставление этих данных с картами боров-беломошников как наиболее привлекательных мест для кочевков, выявление «тунгусских троп». Подобная карта может стать базой для атрибуции позднесредневековых археологических объектов и памятников. Поиск археологических следов эвенков в Нарымском регионе давно назрел и нуждается в целенаправленных и планомерных исследованиях.

Библиографический список

Источники

- Все память сердца сохранил: воспоминания старожилов с. Тунгусово. URL: <http://www.tsp.tomskinvest.ru/>
Исповедальные росписи прихожан Маковской Покровской, Усть-Кемской, Спасской церквей. 1789. 80 л. // ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 7.
Марков И.М. К вопросу о «Тунгусских камнях» в Асиновском районе. Томск, 1953 // Архив ТОКМ. Ф.Р.-1630. Оп. 1. Д. 198. 7 л.
О высылке назад в Енисейскую округу обитающим в здешнем округе по р. Васюгану и Тыму тунгусов из Енисейской волости: Указ из Нарымского суда Парабельскому волостному правлению. 1817 // ГАТО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.
Отчет о командировке к сымским тунгусам Туруханского края. Системы рек Сыма и Дубчеса / Г.М. Василевич. 1930 // Архив АН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 76. 66 л.
Рапорт священника Николаевской церкви с. Кетного В. Курбаковского о крещении тунгусов. 31.01.1875 – 12.01.1876 // ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1377. 2 л.
Ревизские сказки на тунгусов Вехнечумской управы Анциферовской волости Енисейского округа Енисейской губернии. 1852 // ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 542.
Родословные сымских тунгусов. Туруханский край / Г.М. Василевич. 1930 // Архив МАЭ. Ф. 22. Оп. 2. Д. 17. 27 л.
Рычков К. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени (барханское наречие) // Архив ИВР. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6а. 531 л.
Рычков К. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени (хожонское наречие) // Архив ИВР. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6б. 276 л.
Тунгусы и остяки бассейна р. Кеть Нарымского края: доклад врача Гришина. 1928 // ГАНО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 229. 9 л.
Этнографическая экспедиция по Среднему Чулыму. 1965 // Архив МАЭС. Д. №285.

Литература

- Боброва А.И., Максимова И.Е. К вопросу об участии эвенкийского компонента в формировании культур западносибирских этносов // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992а. Ч. 2. С. 54–56.
- Боброва А.И., Максимова И.Е. К вопросу о поисках возможных археологических следов эвенков // Проблемы археологии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992б. Т. 2. С. 85–87.
- Боброва А.И., Максимова И.Е. Об одном элементе культуры квелей у сымско-кетских эвенков // Сибирские чтения: К 90-летию со дня рождения А.А. Попова: тез. докл. СПб., 1992в. С. 49–50.
- Василевич Г.М. Эвенки: ист.-этнограф. очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969. 305 с.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав населения Сибири в XVI в. // ТИЭ. М.; Л., 1960. Т. IV. 622 с.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1958. 667 с. (Лит. памятники).
- Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. 417 с.
- Казакевич О.А. Традиционная культура эвенков глазами старообрядческого населения Сыма // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Междунар. Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск, 2010. С. 344–347.
- Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т. 6, ч. 2.
- Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893. Красноярск, 2016. 888 с.
- Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Зап. РГО по отделению этнографии. Т. 31, ч. 1, вып. 1: Тунгусы собственно. СПб., 1906. 177 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.
- Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Земледелие. 1922. Кн. 3–4. С. 69–149.
- Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. / введ., тексты и коммент. М.П. Алексеева. Новосибирск, 2006. LXXII, 504 с.
- Скалон В.Н. О былой жизни эвенков в доенисейской тайге // Тальцы. 1998. №2 (4). С. 7–16.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 284 с.
- Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом Санкт-Петербургской академии наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб., 1774. 631 с.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. 338 с.

УДК 903.2

Ю.И. Ожередов

Музей истории Томска, Томск, Россия

ХУННУСКИЙ ЧАЙНИК: ФОРМАЛЬНОЕ И ХИМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В работе вводится в научный оборот достаточно редкий образец хуннуского чайника, найденного в Минусинской котловине Южной Сибири. Исследование показывает в сравнительном плане несколько вариантов чайников из хуннуских памятников, их основные характеристики, сходство и различие. В результате предлагается версия побудительной причины появления чайников у хунну. С целью проведения дальнейших сравнительных аналитических исследований в работе приводятся результаты анализа химического состава сырья, послужившего для отливки данного изделия. Установлено, что использовался медный сплав с высоким содержанием мышьяка, сурьмы, свинца и никеля, каждый из которых, в определенной форме, улучшал качество металла.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, хуннуский чайник, форма, минусинский тип, химический состав медного сплава.

Yu.I. Ozheredov

Museum of the History of Tomsk, Tomsk, Russia

XIONGNU TEAPOTS: FORMAL AND CHEMICAL CONTENTS

The work introduces a fairly rare specimen of the Xiongnu teapot found in the Minusinsk province of Southern Siberia. The study shows in the comparative plan several variants of teapots from Xiongnu sites, gives their main characteristics, similarities and differences. As a result, a version of the incentive for the appearance of teapots of the “Minusinsk” type is proposed. To carry out further comparative analytical studies, the article presents the results of analysis of the chemical composition of the raw material used for the casting of this product. The analysis showed that a copper alloy was used with a high content of arsenic, antimony, lead and nickel. Each component in some form improved the quality of the alloy.

Key words: Southern Siberia, Minusa, Xiongnu teapot, form, Minusinsk type, chemical composition of copper alloy.

Настоящая работа является определенной рефлексией на три практически одновременные (2011 г.) публикации в российском, немецком и монгольском научных изданиях «бронзового чайника с поддоном» и двумя вертикальными ручками на верхней половине тулова (рис.-1). Находка из элитного кургана хунну Хух удзуурийн-II-1 в Булган сомоне Ховдского аймака стала предметом изучения интернационального коллектива исследователей [Ковалёв, Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2011, с. 336–337, рис. 3; Kovalev, Erdenebaatar, Tömör-Ochir, 2011]; и индивидуального монгольского автора [Yeguul-Erdene, 2011, с. 166, рис. 237].

Наиболее близким аналогом хухудзууринскому чайнику группа авторов посчитала «скифский» котел с носиком из Нижнего Притомья (малокиргизский), хранящийся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (рис.-2)*. В публикации 1999 г. котел был датирован в широком диапазоне скифского и постскифского времени с уточнением вероятной верхней даты в пределах середины III в. до н.э. [Плетнёва, Мец, 1999, с. 20–23, 25, рис. 2, фото 1]. Со ссылкой на данные С.В. Демиденко, интернациональный коллектив утвердился во мнении, что изделия с носиками, отлитыми в «китайской традиции»**, в евразийских степях появляются лишь со II в. до н.э. Тем самым хронологические и культурные рамки бытования изученного предмета были значительно сужены [Демиденко, 2008, с. 24–26; Ковалев, Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2011, с. 336].

Вместе с тем, находки, которые авторы сравнивают в своем исследовании, относятся к разным, а потому, не сопоставимым категориям. При внешнем сходстве, обусловленном наличием конического поддона, носика (трубки) для слива и высоких ручек, существует ряд деталей, дистанцирующих данные предметы между собой в «видовом» отношении. Монгольский образец, в отличие от томского, имеет шаровидное тулово, полузакрытое устье с вертикальным венчиком и иное размещение ручек. По формальным признакам томский образец является котлом, а монгольский тяготеет к чайникам.

Находки в степной и лесостепной зоне Евразии сосудов из категории чайников привлекли внимание ученых еще в XIX – начале XX в., когда они были обобщенно причислены к инвентарю скифского круга. При этом уже на раннем этапе изучения их начинают связывать с восточными регионами. А.А. Спицын опубликовал два интересующих нас образца, поступивших в музеи Саратова и Самары под наименованием «котелки «минусинского» типа». Отличительным признаком «типа» стал, прежде всего, слив-носик в форме трубочки под верхним обрезом тулова. Чайник, найденный у с. Ахинка Царевского уезда Астраханской губернии (Саратовский музей), имел диаметр 26 см и высоту 16 см. Сверху по сторонам напротив друг друга располагались две горизонтальные ручки. А.А. Спицын [1915, с. 8, рис. 18] первый экземпляр описал следующим образом: «16. Бронзовый (?) двуручный котелок минусинского типа из Саратовского музея (рис. 18). Две большие ручки, носок, высота 16 сант., ширина 26 сант. Котелок весьма любопытен по вылитой на нем фигуре лежащего оленя». Второй экземпляр в работе описан так: «24. Небольшой медный котел из Самарской губ. (рис. 32). Почти в виде шара, на высокой ножке: ушко и носок. Высота 21,25 сант., отверстие 12 сант. Саратовский музей. Время – не старше Дмитриевских курганов. Происходит, вероятнее всего, из раскопанного кургана» [Спицын, 1915, с. 14, рис. 32]***.

Полным соответствием «минусинскому» типу является чайник в собрании МАЭС Томского государственного университета (рис.-3)****. По месту нахождения он, определенно, минусинский, что вполне оправдывает тип, к которому принадлежит в соответствии с классификацией А.А. Спицина. А наличием «ушка и носка» сближается с самарской находкой. Оценивая данный экземпляр в сравнительном контексте с хухудзууринским чайником, находим как очевидные сходства, так и различия. Первое вполне убедительно проявляется в общности технологии литья, сохраняющей на поверхности следы сложносоставной формы, и в некоторых формальных деталях: наличие полузакрытого устья, вертикального венчика по его краю, поддона, носика-трубочки и ручек на тулове.

* Котел найден Л.М. Плетневой при раскопках святилища в устье р. Малая Киргизка (правый приток Томи) в 10 км от Томска. Служил сосудом для принятия приношений. Внутри находились бронзовые предметы II тыс. до н.э. [Плетнева, Мец, 1999, с. 10, 13, 20, рис. 3, 4, фото 1 на вкладке].

** Отливки в глиняной форме, разделенной на две половины по вертикали, характерны для хунну и сяньби [Демиденко, 2008, с. 42–43].

*** Первый сосуд на фото стоит на округлом днище, второй – на коническом поддоне.

**** №4404. «Бронзовый сосуд в виде криночки, но с поддоном, как у скифских котлов». Коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского из «Минусинского округа», XIX в. Высота без поддона 11 см, высота поддона 7 см [1888, с. 345]. Современная высота чайника (без поддона) – 10,4 см, т.е. в сборе – 17,4–18 см. Максимальный диаметр тулова 12 см. Слив (1,7×1,4 см) выполнен в форме овального в сечении носика-трубки, длиной 1,8–2 см. Толщина стенок: устье поддона – 2 мм, горловина – 2,4–3,4 мм. Вес чайника без поддона – 670 г. Петлевидная ручка на тыльной стороне в верхней части тулова, изначально, правильное кольцо, разломлена и сплюснута в овал 2,8×2,2 см. Судя по однородной патине на днище и месте слома, поддон был в отделенном состоянии уже на момент поступления в музей. Случаи находки фрагментированных котлов достаточно хорошо известны, в том числе среди образцов в собрании МАЭС ТГУ.

1 – «чайник» из кургана Хух удзуурийн II-1; 2 – котел из Нижнего Притомья; 3 – «чайник» из Минусы (МАЭС ТГУ); 4 – «чайник» из погребения 2 Тахилтын хотгор, сомона Манхан Ховдского аймака

Однако обнаруживаются и серьезные отличия (рис.-3). Так, например, боковые ручки на туловище томского образца практически отсутствуют. На их месте фиксируются лишь небольшие отростки-основания, не имеющие продолжения. В то же время отсутствуют следы явных повреждений (сломов), их поверхность и кромки тщательно заглажены. А равномерная патина соответствующей расцветки и глубины насыщенности указывает на синхронность окисления изделия по всей площади, включая и отростки, символизирующие ручки. Судя по отмеченным деталям, данные элементы конструкции лишь отметили функционально неотребовавшие здесь ручки, отдавая дань традиции предшествующего скифского стиля.

Ориентация ложных ручек и наличие вертикальной кольцевой ручки томского чайника на тыльной стороне напротив носика указывают на принципиально новую конструкцию, обусловленную, очевидно, иной формой эксплуатации. Вполне очевидно, что при таком устройстве и небольших габаритах чайник можно было удерживать уже не двумя, а одной рукой за кольцо-ручку сзади. Для равновесия, возможно, требовалось лишь придерживать спереди другой рукой, точно так же, как при пользовании

современными чайниками. Изменение конструкции и способа применения определенно указывает и на типологическое различие монгольского и томского чайников. Если первый еще сохраняет архаичные «скифские» черты в виде ручек с «гвоздями», то второй их уже не имеет.

На основании литературных данных и образцов музейных собраний сегодня очевидно, что в ряду чайников хуннуского времени существовало типологическое разнообразие, обусловленное, очевидно, хронологической и культурологической сменяемостью типов. Вероятным итогом данного процесса стали, например, экземпляры с крышками на шарнирах из хуннуских захоронений в Монголии*.

В Национальном музее Монголии демонстрируются два самобытных чайника на высоких поддонах и с откидными крышками на шарнире, стилистически отличающиеся от обычной посуды скифского типа (рис.-4). Помимо конструкции и декоративного оформления («китайский» стиль), их особенностью является единственная ручка, расположенная с тыльной стороны, напротив слива. К ручке сверху припаяна вогнутая пластинка, служившая для упора большим пальцем (рис.-4). На связь чайника с хунну однозначно указывают накладные декоративные детали на тулове и крышке, отлитые в зверином стиле, присущем хуннуским изделиям [Yeruul-Erdene, 2011, с. 168, 169, рис. 239].

Сходным образом выглядит и второй чайник из собрания монгольского музея. Его единственная ручка точно так же расположена с тыльной стороны и оснащена выгнутой пластиной-опорой для опорного пальца. Но, в отличие от первого экземпляра, здесь тулово декорировано лишь рельефными кольцами, при отсутствии декоративных накладок. Простота этого чайника, возможно, подчеркивает его принадлежность к повседневной посуде. Важно отметить, что данные образцы – именно чайники, а не котлы, предметы с совершенно иными функциональными качествами и задачами. При этом они, как заведено в традиционных обществах, делятся на парадные и обыденные варианты.

Вероятно, подобный тип сосудов, более приближенный по форме и габаритам к заварочным чайникам, нежели к котлам, имел у хунну и другое назначение. На китайский манер, они служили для приготовления и розлива чая в современном его понимании, тогда как для молочных напитков традиционно употребляли котлы. В таком случае, вполне объяснимы и архаичные формы ручек, пережившие свое время, и выше отмеченные детали, отличающие чайники от котлов.

Логическим выводом в таком случае является предположение, что чайники с носиками-трубочками и одной ручкой на тыльной стороне маркируют появление в кочевой среде, наравне с молочными напитками, нового жидкого продукта, требовавшего специальной посуды. А учитывая вероятность проникновения данного вида посуды из китайских пределов, можно предположить, что у хуннуской знати становится популярным «китайский чай» и его атрибуты.

Причастность посуды с одной ручкой к хуннуской культуре косвенно подтверждает керамика хунну, для которой также свойственна кольцевидная ручка под венчиком [Цэвэндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008, рис. 60]. Впоследствии такая манера оформления посуды получила развитие у тюрков, во многом унаследовавших традиции хунну.

Как можно понять из географии распространения находок, чайники «китайского» типа тяготеют к хуннуской территории Центральной Азии (Монголия), а чайники «минусинского» типа – к Южной Сибири (Минуса) и западным территориям, удаленным от стен Китая и исконных пределов хунну. Таким образом, фиксируется форма, стремящаяся к упрощению с удалением от металлургических центров, подверженных влиянию Китая. Насколько данное предположение верно, способно оценить изучение артефактов с участием естественнонаучных методов. Наиболее эффективным из них сегодня является анализ химического состава сырья, позволяющий провести качественное и количественное сравнение образцов. В рамках поставленной задачи проведены аппаратные исследования металла томского чайника**, данные которого становятся источником для дальнейшего сравнительного анализа.

Предшествующий анализ материала серии котлов скифского типа показал, что наиболее близкое сходство с томским чайником по количеству мышьяка (0,27 %) обнаруживают фрагменты котлов из разрушенного кургана близ г. Ховда, образцы с хакасско-алтайской территории и сплав упомянутого котла из Притомья (Малая Киргизка). Первые его содержат 0,15 и 0,42%, вторые – 0,1–0,3%, а последний – 0,44%. Это весьма высокое содержание на фоне других предметов, где его содержание на порядок ниже. Анализ отдельных находок с Алтая также указывает на присутствие относительно большой доли мышьяка. Таким образом, исследованный чайник принадлежит к группе артефактов из мышьяковистой меди, полученной из рудных источников Саяно-Алтайской горной провинции.

* Находка в погребении 2 из сомона Манхан в Западной Монголии [Yeruul-Erdene, 2011, p. 166, рис. 237].

** Анализ артефактов проведен с применением аттестованных и внесенных в Госреестр методик ИСП-МС, например, МВИ №002-ХМС-2009 ФР.1.31.2010.06998 III категории точности, разработанной в аккредитованном ООО «Химико-аналитическом центре «Плазма» на масс-спектрометре ELAN DRC-E фирмы «PerkinElmer Instruments LLS» (Свидетельство..., 2009).

Химический состав чайника по данным масс-спектрометрического анализа
(ООО Химико-аналитический центр «Плазма», Томск)

Элемент	Содержание, %	Элемент	Содержание, %	Элемент	Содержание, %	Элемент	Содержание, %
Li	<0,00001	Zn	0,0032	Sn	0,065	Tm	<0,000001
Be	<0,000001	Ga	<0,00001	Sb	1,11	Yb	<0,000001
Na	0,0061	Ge	0,00028	Te	0,0019	Lu	<0,000001
Mg	0,0022	As	0,27	Cs	<0,000001	Hf	<0,000001
Al	0,0037	Se	0,0055	Ba	0,00011	Ta	<0,000001
Si	<0,1	Rb	0,000024	La	0,00015	W	0,000012
P	0,0040	Sr	0,000061	Ce	0,000011	Re	<0,000001
K	0,0052	Y	0,0000069	Pr	0,0000029	Pt	0,000035
Ca	<0,1	Zr	0,000067	Nd	0,0000035	Au	0,0015
Ti	<0,001	Nb	0,000011	Sm	<0,000001	Hg	0,00040
Cr	<0,005	Mo	0,000032	Eu	<0,000001	Tl	0,0000013
Mn	0,00012	Ru	0,000023	Gd	0,0000014	Pb	0,35
Fe	0,0095	Pd	0,0000080	Tb	<0,000001	Bi	0,059
Co	0,032	Ag	0,042	Dy	<0,000001	Th	<0,000001
Ni	1,11	Cd	<0,000001	Ho	0,0000051	U	0,0000037
Cu	96,9	In	0,00025	Er	<0,000001		

Помимо мышьяка, в составе металла томского чайника присутствуют сурьма, свинец и никель, которые выводят на иные рубежи металлургического опыта. По мнению специалистов, сплавы с содержанием данных элементов появляются вслед за получением мышьяковистых соединений в III тыс. до н.э. В частности, к этому времени относятся первые комбинации мышьяка с никелем. Но вот комбинация с участием сурьмы и свинца добавляет новый аспект и требует дополнительного изучения. Доподлинно известно, что сурьма придавала изделиям серебристый оттенок, а расплаву – повышенную текучесть, что требовалось при отливке сложных художественных изделий. Свинец, в свою очередь, не только улучшал литейные качества сплава, но и повышал ковкость выработанных из него орудий [Черных, 1972, с. 162]. Роль никеля в составе бронзы предстоит еще изучить, поэтому ограничимся только лишь констатацией его повышенного содержания.

Изучение частного вопроса, связанного с химическим составом «томского» чайника, неизбежно требует аналогичного изучения химического состава чайника из хуннуского кургана, а также серии изделий, определенно принадлежащих памятникам хунну. Исследование подобного рода позволит провести уже прямые сравнения химического состава и с большей степенью вероятности судить о появления в хуннское время нового типа посуды, обусловленной, возможно, внедрением в кочевой рацион напитка, идентичного или сходного по способу приготовления и применения тому, который позже стал известен под наименованием «китайский чай».

Библиографический список

- Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III н.э.). М., 2008. 328 с.
- Ковалёв А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О. Элитный хуннуский курган Хух удзурийн дугуй-II-1 и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. междунар. науч. конф. Иркутск, 2011. С. 329–355.
- Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов: материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск, 1999. С. 10–25.
- Свидетельство аттестации №224.03.12.001/2010. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. МВИ №002-ХМС-2009. Методика выполнения измерений массовых долей 62 элементов в почвах, донных отложениях, горных породах и сплавах цветных металлов методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой / Химико-аналитический центр «Плазма». Томск, 2009.
- Спицин А.А. Археологический альбом // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1915. Т. XI. С. 1–26.
- Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 155 с.
- Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар. 2008. 239 с.
- Черных Е.Н. Металл–человек–время. М., 1972. 208 с.
- Yeruul-Erdene Ch. Bronze spouted pots // Treasures of the xiongnu. Ulaanbaatar, 2011. P. 166–169.
- Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Tömör-Ochir I. Fn unlooted elte xiongnu barrow at khökh üzüürin dugui-II, Bulgan sum, Khovd aimag, Mongolia: Relative Chronology Dating and ins Significance for the Study of Xiongnu Burial Rites. Preliminary Report. // Xiongnu Archaeology / Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 291–302.

УДК 903.3

Л.В. Татаурова

Лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН, Омск, Россия

ЖИЛИЩЕ РУССКИХ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XVII–XVIII вв. КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

В системе жизнеобеспечения жилище – один из основных элементов. Однако оно само представляет взаимосвязанную структуру, предназначенную для защиты человека от неблагоприятных воздействий природной среды и обеспечения благоприятных биологических и социальных условий жизни. Русские принесли в Сибирь традиционный вид жилища, сложившиеся приемы и навыки в домостроении и оформлении внутреннего пространства. Раскопки сельских поселений XVII–XVIII вв. в Омском Прииртышье и изучение десяти жилищных комплексов позволили выделить несколько типов жилищ, проследить особенности их конструкции, размеры жилой площади. Кроме того, появилась возможность реконструировать жилище как систему, включающую мировоззренческие, основанные на традициях, представления о выборе места под постройку; использование определенных строительных материалов, приемов и инструментов; организацию внутренних планировочных структур; выделить комплексы домашней утвари, необходимой для проживания, рассмотреть вопросы, связанные с отоплением и освещением.

Ключевые слова: культура русских Сибири, жилище, система, реконструкции.

L.V. Tataurova

Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute
of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russia

DWELLINGS OF THE RUSSIANS OF THE OMSK IRTUSH LAND IN THE 17th–18th CENTURIES AS THE ELEMENT OF THE LIFE-SUPPORT SYSTEM

Dwelling is one of the main elements of life-support system. Dwelling is an interconnected structure, with the main goal to protect people from the adverse effects of the natural environment and to ensure favorable biological and social conditions of life. The Russians brought to Siberia traditional form of houses, techniques and skills in the construction and decoration of the interior space. As result of excavations of rural settlements of the 17th–18th centuries in Omsk Irtush land, ten dwelling complexes were investigated. This research allowed identifying several types of housing and tracing the features of their design, the size of the living area. In addition, it became possible to reconstruct the dwelling as a system that includes traditional worldview, ideas about the choice of the construction place and the principles of using of certain building materials, techniques and tools; the organization of internal planning structures. It became possible to allocate some complexes of household utensils necessary for living, and consider issues related to heating and lighting.

Key word: culture of the Russians of Siberia, dwelling, system, reconstructions.

Жилищные комплексы, являющиеся одним из основных элементов системы жизнеобеспечения, имеют свою внутреннюю структуру, содержащую компоненты для обеспечения витальных потребностей их обитателей. Это – защита от неблагоприятных природных явлений, наличие теплотехнического устройства, нужного для приготовления пищи и создания температурного режима для поддержания жизни человека, и др.

Развитие археологии Нового времени в последние двадцать лет способствовало появлению не только статейных, но и монографических работ, посвященных изучению и реконструкции русского жилища Западной Сибири XVII–XVIII вв. Одной из них является публикация и реконструкция жилищных комплексов г. Мангазеи, в которой сделан историографический обзор археологического изучения русских жилищ на территории региона [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 10–27].

В Омском Прииртышье археологическое исследование сельских поселений, основанных русскими переселенцами в XVII в., позволило получить разнообразные сведения не только о типах жилищ, их планиграфии, площади, строительных приемах, но и проанализировать обоснованность выбора места под постройку дома и входящих в него составляющих (сеней, подполов, крылец), соотнести планиграфию жилого и хозяйственного комплексов. Археологический инвентарь, относящийся к жилищам, способствовал реконструкции деталей обустройства жилого пространства, эффективности использования осветительных приборов, ассортимента домашней посуды и утвари и т.д., всего того, что делает жилище одним из основных элементов в системе жизнеобеспечения.

Базовыми стали памятники Ананьино-I и Изюк-I (Тарский и Большереченский районы Омской области). Деревни Ананьино и Изюк основаны в начале – середине XVII в. На поселениях изучено 10 жилищ, в основном избы-связи, однако есть пятистенки с прирубом и изба [Татаурова и др., 2014, с. 175–178].

Обе деревни имели схожие ландшафтные условия, построены на правом берегу Иртыша: Изюк – на пойменном останце в 500 м от реки и в километре от одноименного озера; Ананьино – в 2 км от Иртыша, на берегу оз. Ананьино. Близлежащие водоемы определили планиграфию поселений, повлиявшую и на устройство жилищ.

Улица, часть которой (4 жилища) раскопана на Изюке, была вытянута по линии СВ–ЮЗ, параллельно Иртышу. Археологические наблюдения показывают, что все четыре жилища фасадной стороной выходили к реке, соответственно, на западную сторону. Такая ориентация подчинена не только окружающему ландшафту, но и соответствовала мировоззренческим установкам поселенцев, основанных на православных традициях. Это подтверждается и структурой погребального комплекса, расположенного рядом – все погребения ориентированы СВ–ЮЗ, головой – на юго-запад [Татаурова, 2010]. Фасадная часть представлена короткой стороной дома, что позволяло уменьшить неблагоприятные воздействия господствующих западных ветров с Иртыша. Положительным в таком расположении жилища было то, что остальные его стороны в разное время суток хорошо освещались солнцем. Жилой, по наличию печей, и самой светлой была юго-западная часть построек.

Из четырех жилищ, составляющих часть раскопанной улицы, три – трехчастные избы-связи и один пятистенник с прирубом. Одна связь состояла из двух клеток: жилой с печью и холодной с подполом. Две другие связи не имели подполов и, вероятно, состояли из клетки с печью и холодной горницы. Пятистенник был жилым помещением с печью, к нему пристроен прируб: две стены методом набирки, третья в паз. В прирубе, который имел два входа, о чем свидетельствуют крыльца, устроен подпол. Один вход с юго-востока, вероятно, вел в жилище, другой с северо-востока – в прируб и подпол. Жилища на Изюке, несмотря на ограниченность территории поселения, имели большие по площади размеры [Татаурова и др., 2014, с. 175–178]. На противоположной стороне улицы раскопана одностопная изба с печью справа от входа и сенями.

Планиграфия жилых построек дер. Ананьино приурочена к одноименному озеру, на берегу которого она располагалась. Улица вытянута вдоль берега по направлению СВ–ЮЗ. С юго-западного ее края раскопано пять жилищ, представленных избами-связями. Дома стояли фасадами к озеру и ориентированы СЗ–ЮВ. Как и на Изюке, фасадная сторона домов короткая, у жилищ с юго-западного края улицы она утеплена завалинками, так как господствующие ветра дули с озера, т.е. с севера – северо-запада.

Планиграфически можно выделить юго-западный жилой комплекс из четырех связей и северо-восточный жилой «массив», на данный момент состоящий из двух домов [Быков и др., 2016, с. 185–192].

Одна связь в северо-восточной части представляет самостоятельный объект, отделенный от других с двух сторон проходами и оградами: с юго-запада – частоколом, с северо-востока – заплотом, ограничивающим пространство, которое использовалось для содержания скота. Связь имела крытый двор, вымощенный деревянными плахами, который отгораживал жилище от хозяйственного двора. Вход в усадьбу устроен со стороны озера, куда выходила фасадная часть жилища, через крыльцо и небольшую дверь у заплота. В границах усадьбы с южной стороны дома зафиксированы остатки летней кухни с печью и хозяйственная яма, в которой найдена монета 2-й половины XVIII в. У юго-западной стены жилища росло дерево. Судя по размерам (около 30 кв. м), северо-западная часть жилища была горницей и отапливалась печью, в холодной клетке, расположенной за сенями, устроен подпол. Такая планиграфия жилища и усадьбы обеспечивала комфортное проживание не только людям, но и домашним животным – дом, крытый двор и заплот прикрывали их от господствующих с озера ветров. Вторая постройка в северо-восточном «массиве» до конца не изучена.

Все строения юго-западного комплекса представлены связями. По расположению печей, жилой была северо-западная половина. Как и на Изюке, площадь жилищ составляла в среднем около 60 кв. м. Одна связь состояла из клеток: жилой – северо-западной, с печью, и холодной – юго-восточной, с подполом. Три остальных – с жилыми клетками, с печью и горницами. В двух случаях горницы тоже отапливались.

Жилища-связи на обоих памятниках построены в разных техниках: венцами в паз, рубленными в чашку, в набирку, зафиксированы сочетания венца и набирки. Чаще клетки и горницы строили венцами в паз, сени между ними – в набирку. Но есть и различные варианты совмещения строительных техник. Строительные инструменты найдены на обоих памятниках, это топоры, скобели, стамески, тесло, несколько видов черты для разметки продольных пазов, коловорот. В качестве строительного материала использовали сосну [Сидорова и др., 2018].

Археологические материалы позволили проследить способы оформления оконных проемов: по находкам слюдяных пластин видно, что оконницы были сшивными и вставлялись в небольшие рамы, на Ананьино, кроме слюдяных оконных пластин, найден фрагмент деревянного резного наличника [Татауров и др., 2018, с. 136, 137, рис. 1.-1–3, 9].

Во всех изученных жилищах теплотехнические устройства представлены глинобитными печами, возможно, с глиняными трубами, так как в культурном слое встречено много так называемой обмазки – бесформенных, слабообожженных фрагментов глины. Такие трубы использовали в домах еще в прошлом веке в Восточной Сибири [Аболина, 2014, с. 156]. Наличие трубы является предположением, потому что счита-

ется, что печи по-белому с трубами появляются в XVIII в. сначала в городских жилищах. Но если учесть, что население изучаемых деревень преимущественно составляли служилые люди из Тары, то вполне возможно, что этот прогрессивный элемент быстро внедрился и в деревенскую среду. В планиграфии жилищ печи расположены преимущественно справа от входа, что соответствует северо-русской традиции.

Как правило, в развалах печей зафиксированы многочисленные развалы керамических сосудов, предназначенных для приготовления пищи и хранения продуктов. Это горшки разных размеров, корчаги, латки, сковороды, миски, сливочки. Кроме глиняной, использовали деревянную и металлическую посуду и, как показатель статуса служилого населения, китайскую фарфоровую, из которой пили чай [Татауров, 2017].

Для освещения жилищ использовали разные приспособления, но наиболее распространенной была лучина, которую вставляли в светец. Так как размеры жилых помещений были большими по площади, на обоих памятниках преобладают четырехпружинные светцы, на Изюке найден глиняный светильник. Использование светца, в который можно вставить четыре лучины, позволяло получать освещение, примерно такое же, как от электрической лампочки в 150–200 Ватт [Татаурова, 2017, с. 167–170].

Из сказанного можно заключить, что жилище сибиряков XVII–XVIII вв. выступало как устойчивая и развитая структура, состоящая из традиционных элементов русской культуры, хотя даже в пределах одного памятника оно представлено в разных вариантах. Однако каждый из них обеспечивал комфортные условия для проживания и являлся одним из основных компонентов системы жизнеобеспечения.

Библиографический список

- Аболина Л.А. Ленские избы, печи и другие характерные детали времени (период с конца XIX – по конец XX в.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 151–159.
- Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестник Омского гос. аграрного ун-та. 2016. №3 (23). С. 185–192.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазя: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2017. 360 с.
- Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Мыглан В.С. Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. 2018. №4.
- Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII вв.: археологические реконструкции // Уральский исторический вестник. 2018. №2 (59). С. 135–142. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-135-142.
- Татауров Ф.С. Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань; Кишинев, 2017. С. 835–841.
- Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв.: по материалам комплекса Изюк-I. Омск, 2010. 284 с.
- Татаурова Л.В. «В горнице моей светло»: осветительные приборы в русских жилищах (по материалам археологических комплексов XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 167–171.
- Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 374 с.

УДК 903.21(571.150)

А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ОРУДИЯ ТРУДА КАК ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам памятника Степушка-I)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033

«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая

и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В статье публикуется коллекция орудий труда, обнаруженных при раскопках могильника сяньбийско-жужанского времени Степушка-I в Онгудайском районе Республики Алтай (Россия). Рассматриваются орудийные наборы, связанные с дистанционной охотой. Представлены специализированные инструменты для деревообработки и универсальные изделия, которые применялись в ходе использования органических материалов (кожа, рог и др.), а также при решении повседневных бытовых задач. Анализируемый корпус вещественных находок представлен луками, костяными наконечниками стрел, железными теслами, стамеской, ножами, шильями и некоторыми другими изделиями. Приводятся сравнительные аналогии данным арте-

фактам из разных памятников булан-кобинской культуры Алтая, а также из археологических комплексов соседних регионов. Большинство орудий труда имеют широкую датировку в рамках II–V вв. н.э. Имеющиеся материалы расширяют источниковую базу для проведения междисциплинарного изучения орудий труда как важных элементов в системе жизнеобеспечения кочевых социумов Алтая в период поздней древности.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийско-жужанское время, булан-кобинская культура, орудия труда, инструменты, датировка.

A.A. Tishkin¹, S.S. Matrenin^{1,2}

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia*

LABOR TOOLS AS THE ELEMENTS OF THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE POPULATION OF ALTAI IN THE XIANBEI-ZHOZHAN TIME (based on the Stepushka-I site)

The work was carried out with the financial support of the RNF (project No. 16-18-10033
“Formation and Evolution of Life Support Systems of Nomadic Societies of Altai
and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction”)

The article publishes a collection of tools found during the excavation of the Xianbei-Zhouzhan time burial ground Stepushka-I situated in the Ongudai district of the Altai Republic (Russia). The tool sets associated with remote hunting are considered. Specialized tools for woodworking and universal products, which were used during the use of organic materials (leather, horn, etc.), as well as in solving everyday household tasks are presented. The analyzed corpus of material finds is represented by bows, bony arrowheads, iron tacks, chisels, knives, awls and some other products. The authors present comparative analogies of these artifacts from different sites of the Bulan-Cobinskaya culture of Altai, and from archaeological complexes of neighboring regions. Most of the tools have a wide dating within the 2nd–5th centuries AD. The available materials expand the source base for conducting interdisciplinary study of tools as important elements in the life support system of nomadic societies of Altai in the late antiquity.

Key words: Altai, Xianbei-Zhouzhan period, Bulan-Cobinskaya culture, tools, tools, dating.

Важными элементами системы жизнеобеспечения древнего, средневекового и современного населения являются орудия труда, под которыми понимается комплекс полифункциональных и узкоспециализированных предметов, предназначенных для производственной деятельности разного уровня. На сегодняшний день проблемы атрибуции и системного анализа орудий труда у животноводов Алтая поздней древности наиболее обстоятельно рассмотрены по археологическим материалам скифо-сакского времени из памятников пазырыкской культуры (середина VI – III в. до н.э.). Изучение рассматриваемой категории находок хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) существенно уступает по глубине научного осмысления. Это в значительной степени обусловлено пока небольшим количеством качественно опубликованных источников.

Представляется важным введение в научный оборот орудийного комплекса булан-кобинской культуры из полностью раскопанного погребального памятника Степушка-I. Данная курганный группа располагалась в Онгудайском районе Республики Алтай в долине р. Урсул и попадала в зону строительства автомобильной дороги. Могильник сяньбийско-жужанского времени исследован экспедицией Алтайского государственного университета в 2010 г. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013]. Полученные вещественные материалы сейчас хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая указанного высшего учебного заведения (коллекции №682, 683) и готовятся к монографическому изданию.

В составе обнаруженного сопроводительного инвентаря зафиксирована представительная серия предметов, которые могут быть связаны с осуществлением охотничьей деятельности: остатки луков и стрел с костяными (роговыми) наконечниками*. Луки найдены в девяти мужских захоронениях, а также в могиле подростка (рис. 1). Они принадлежат к сложносоставным модификациям с С–М-образной длинной (140–150 см) кибитью, усиленной семью или шестью роговыми накладками [Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014, с. 155–158]. Полученные образцы являются местными (булан-кобинскими) разработками луков хуннуской традиции и датируются II–V вв. н.э. (со срединными боковыми накладками дуговидной формы) и III–V вв. н.э. (со срединными боковыми накладками трапецевидной формы).

Костяные наконечники стрел присутствовали в семи погребениях (шесть мужских, одно захоронение подростка). Коллекция включает 15 экз. преимущественно хорошей и удовлетворительной сохранности (рис. 2.-1-15). Несмотря на немногочисленность, данные изделия достаточно разнообразны.

* Относительно сложносоставных луков стоит заметить, что они главным образом создавались для использования в военных целях, но могли применяться и на охоте. Это же касается и стрел с роговыми или костяными наконечниками. Так, на антропологических материалах погребальных комплексов Степушка-I и Степушка-II зафиксированы реальные факты их боевого применения [Матренин, 2013; Соенов, Константинов, 2014, с. 246–247].

Среди них 11 предметов могут быть классифицированы и датированы. **Втульчатые** наконечники – трехгранный, с вытянуто-треугольным пером, имеющим прямоугольный переход в выступающую втулку бочонковидной формы с встроеной (цельной) свистункой (рис. 2.-1); ромбовидный, с пятиугольным пером, имеющим прямоугольный переход в выступающую втулку цилиндрической формы без свистунки (рис. 2.-2); три круглых, с килевидным пером, плавно переходящим в скрытую втулку без свистунки (рис. 2.-3–5). **Зажимные** наконечники – трехгранный, с пятиугольным пером, имеющим остроугольный переход выступающих концов раздвоенного насада (рис. 2.-6); два ромбовидных, с треугольным и вытянуто-треугольным пером, имеющим прямоугольный переход выступающих концов раздвоенного насада (рис. 2.-7, 8); три ромбовидных, с пятиугольным пером, имеющим прямоугольный переход выступающих концов раздвоенного насада (рис. 2.-9, 11, 12).

Наконечники с выделенной бочонковидной втулкой-свистункой отсутствуют в памятниках Алтая скифо-сакского времени и ранних булан-кобинских комплексах хуннского периода (II в. до н.э. – I в. н.э.). За пределами данного региона единичные аналогии им представлены в Восточном Забайкалье в памятниках дуroidской (III–IV вв. н.э.) и бурхотуйской (IV–VI вв. н.э.) культур [Худяков, 1991, рис. 28.-1–4; Ковычев, 2006, рис. 6.-10]. Близкие по оформлению проникатели, но с иным переходом пера в насад, имеются в неопубликованных булан-кобинских материалах 2-й половины III – IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II), а также в раннетюркском комплексе 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. (Усть-Бийке-III) [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-6, 7]. Период бытования таких наконечников в булан-кобинской культурной среде можно определить в широких рамках III–V вв. н.э. Наконечник с выступающей втулкой цилиндрической формы не имеет точных аналогий в колчаных наборах булан-кобинской культуры. В качестве наиболее похожих образцов можно привести экземпляр вытянуто-треугольной формы с остроугольным переходом в насад из памятника Усть-Эдиган (II в. до н.э. – I в. н.э.) и ромбовидный наконечник с вытянуто-треугольным абрисом из некрополя Булан-Кобы-IV (конец III – IV в. н.э.). [Мамадаков, 1990, рис. 75.-35; Худяков, 1997, рис. 1.-6]. Килевидные наконечники стрел со скрытой втулкой обнаруживают сходство с экземпляром из кургана тюркской культуры 2-й половины V – 1-й половины VI в. н.э. могильника Ороктой [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5].

Наконечники стрел с зажимным насадом у древних народов Южной Сибири распространялись под влиянием материальных традиций центрально-азиатских хунну [Худяков, 1986, с. 39–41]. Важно заметить, что наконечники из комплекса Степушка-I по своему оформлению резко отличаются от хуннских образцов, поскольку они разрабатывались уже в местной культурной среде, по-видимому, на основе черешковых наконечников с хорошо выраженным переходом пера в насад в виде прямых или острых плечиков. Данные изделия можно относить к числу этнографических элементов охотничьего снаряжения «булан-кобинцев». Имеющаяся на сегодняшний день репрезентативная серия археологических источников дает основания определить нижнюю хронологическую границу появления проникателей с таким способом насада на территории Алтая не ранее II в. н.э. Обнаруженным экземплярам с ромбовидным сечением найдено значительное количество аналогий в булан-кобинских памятниках 2-й четверти I тыс. н.э. (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Степушка-II, Улуг-Чолтух-I) [Мамадаков, 1990, рис. 75.-20–27; Соенов, Эбель, 1992, рис. 28.-1; Худяков, 2014, рис. 4.-5; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 2.-1–3].

На памятнике Степушка-I обнаружены специализированные инструменты для деревообработки. Среди них имеются два железных тесла длиной 9–10 см с узким лезвием и несомкнутой втулкой для деревянной рукояти (рис. 2.-16, 17). Тесла найдены в мужских захоронениях (лежали у левого плеча и у правого бедра). Данные рубящие орудия плотницкого дела можно сопоставить с экземплярами из булан-кобинских могильников сяньбийского (Карбан-I – 1 экз., не опубликован) и жужанского времени (Верх-Уймон – 3 экз. [Соенов, Константинова, 2013, рис. 1.-1–3], Яломан-II – 2 экз., неопубликованные материалы раскопок А.А. Тишкина). Важно отметить, что тесла происходят из погребений с достаточно многочисленным и разнообразным сопроводительным инвентарем, что подчеркивает высокий социальный и профессиональный статус их владельцев. Редким инструментом является железная «стамеска-ложкорез» (рис. 2.-18). На Алтае это всего лишь третья находка таких узко профильных орудий, ранее зафиксированных в ходе раскопок на могильнике Верх-Уймон и датирующихся 2-й половиной IV – V в. н.э. [Соенов, Константинова, 2014, с. 14–16; 2015, рис. 3.-2, 8]. Деревянная утварь, при изготовлении которой могли использоваться подобные инструменты, представлена в булан-кобинских памятниках II в. до н.э. – V в. н.э. (Балыктыюль, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Курайка, Яломан-II) [Тишкин, Мыльников, 2016]. За пределами рассматриваемого региона аналогии таким предметам известны в Западной Сибири в саргатских памятниках V–III вв. до н.э., в Приуралье – в мазу-

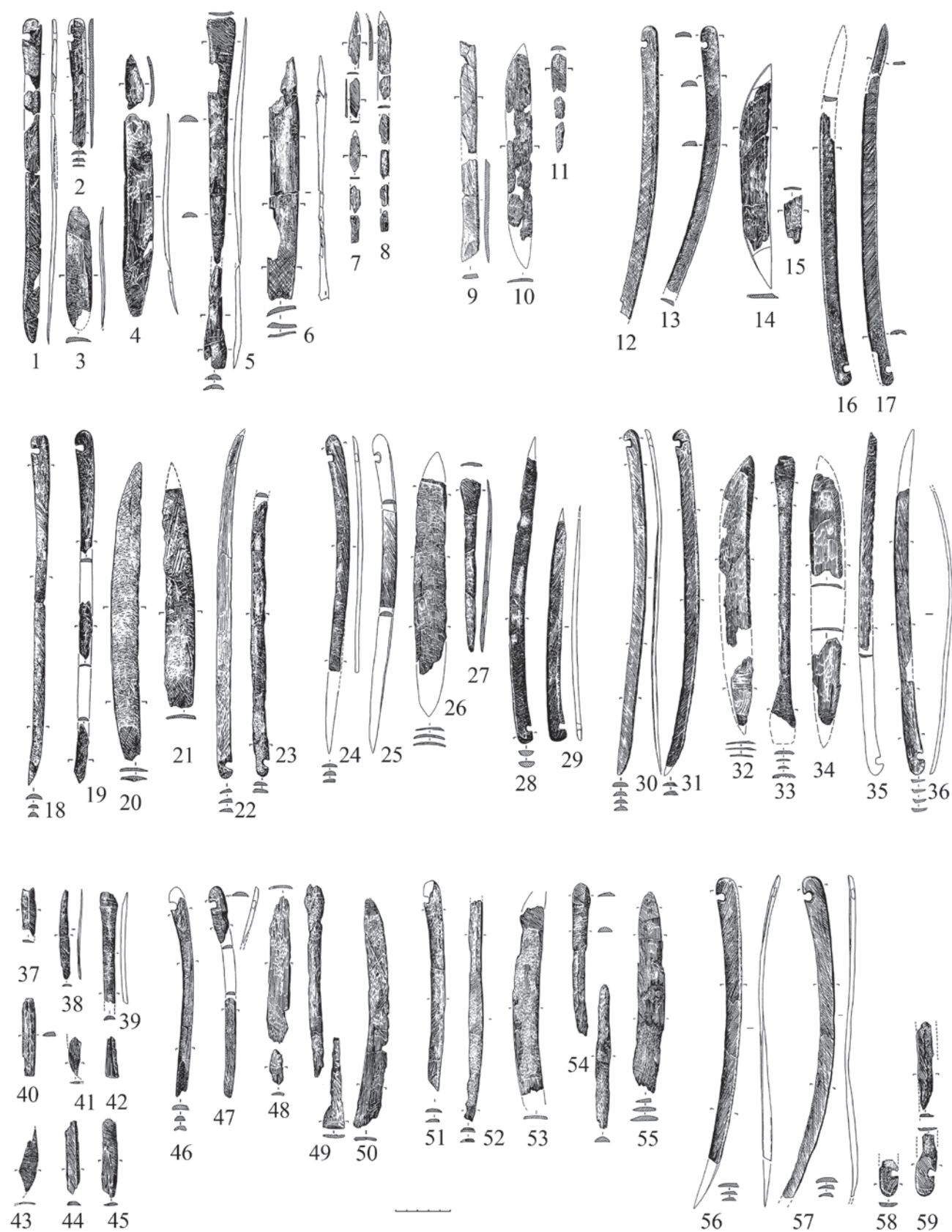

Рис. 1. Степушка-I. Роговые накладки луков из курганов №1 (1–8), 2 (9–11), 5 (12–17), 6 (18–23), 7 (24–29), 8 (30–36), 9 (37–45), 13 (46–50), 17 (51–55), 19 (56–59)

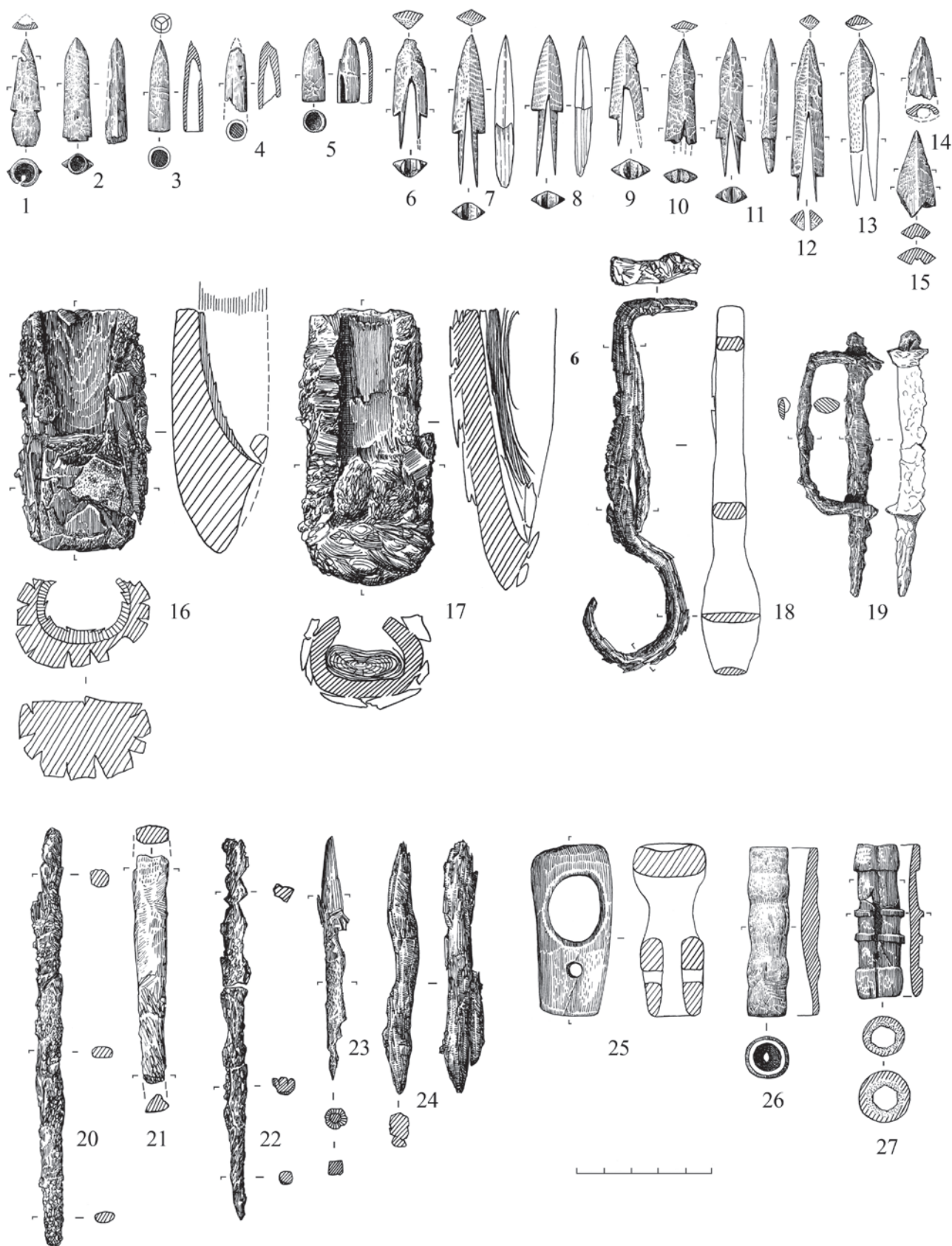

Рис. 2. Степушка-I. Костяные наконечники стрел (1–15), железные тесла (16, 17), инструменты (18–24), костяные / роговые рукояти плетей (25–27) из курганов №1 (13), 3 (4), 6 (3, 14), 7 (5, 15), 8 (1, 2, 10, 11, 26), 13 (16, 22, 27), 14 (7–10), 15 (6), 16 (21), 17 (23), 18 (10), 19 (17–20, 24, 25)

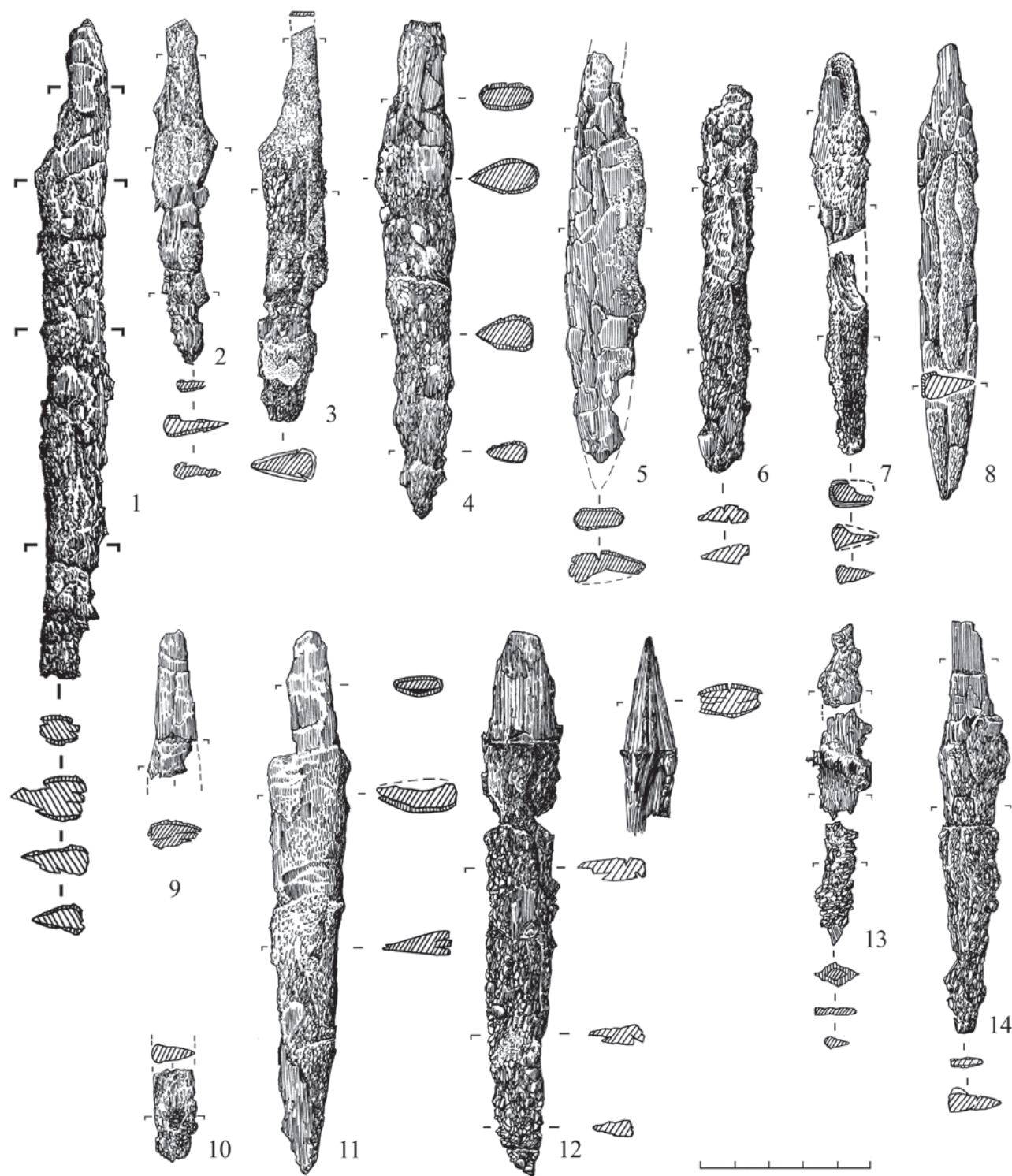

Рис. 3. Степушка-I. Железные ножи из курганов №1 (2), 2 (3), 4 (1), 7 (4), 8 (5), 9 (6), 11 (7), 13 (8), 16 (9), 17 (11), 18 (10), 19 (12), 21 (13), 24 (14)

нинских (III–V вв. н.э.) и бахмутиных (V–VII вв. н.э.) древностях, в Восточной Европе – в восточно-славянских (VI–IX вв. н.э.) и салтово-маяцких (VIII–X вв. н.э.) комплексах [Соенов, Константинова, 2013, с. 51; 2014, с. 15].

К орудиям деревообработки может принадлежать железный инструмент в виде стержня с рукояткой (рис. 2.-19). Похожий предмет обнаружен в Туве в некрополе позднихуннского времени (I – начало

II в. н.э.) Бай-Даг-II*. В качестве инструментов следует рассматривать два железных предмета, предварительно атрибутированных нами как «напильники» (рис. 2.-20, 21).

В могильнике Степушка-I присутствовало достаточно много полифункциональных орудий. Прежде всего это железные ножи, имеющие короткий (до 12 см) клинок с толщиной спинки до 0,5 см. Всего учтены 14 экз. (рис. 3) в девяти мужских, двух детских, одном женском погребениях, а также в двух кенотафах. Ножи лежали преимущественно в области таза, реже рядом с головой или в районе груди умерших. В двух случаях они зафиксированы в деревянном блюде или на берестяной «подставке» вместе с остатками ритуальной мясной пищи в виде костей овцы. Данные предметы использовались в деревообработке, костерезном деле, скорняжном производстве, а также при решении повседневных бытовых задач, в том числе в качестве столовых приборов. По своим морфологическим характеристикам бытовые ножи совпадают с боевыми аналогами: имеют однолезвийный треугольный в сечении клинок, выпуклую или прямую спинку, острое окончание, рукоять без перекрестия и наконечника [Горбунов, 2006, с. 75; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012, с. 59–63]. Изделия хорошей и удовлетворительной сохранности классифицируются на два типа: с прямым череном – 8 экз. (рис. 3.-1, 2, 6, 7, 8, 13, 14, 17); с наклонной к лезвию рукоятью – 3 экз. (рис. 3.-3, 4, 11). Похожие образцы часто встречаются в памятниках булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19; 40.-10; 44.-12, 13; 46.-10; Мамадаков, 1990, рис. 85.-12–15; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-8, 9; Соенов, Константинова, 2013, с. 48; 2015, рис. 5, с. 20–21; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 50–51; и др.].

Универсальными орудиями режуще-проворачивающего действия являются шилья, найденные в трех мужских погребениях (лежали у левого бедра, на тазу, у правого колена). Они представляли собой заостренные стержни округлого и подквадратного сечения, на которые насаживалась деревянная рукоять (рис. 2.-22–24). В мужских погребениях булан-кобинской культуры нами идентифицировано около 20 шильев. Их облик на протяжении хуннуско-сяньбийско-жуанского времени не претерпел особых изменений.

К числу орудий труда можно отнести плети, от которых сохранились детали рукоятей из кости. Данные артефакты обнаружены в трех мужских погребениях: в двух случаях у бедра человека, в одном – на ребрах лошади. Изделие со сквозным боковым отверстием (рис. 2.-25) имеет точные соответствия на Алтае в закрытых комплексах жужанского времени (2-я половина IV – V в. н.э.) могильников Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Яломан-II (неопубликованные материалы раскопок А.А. Тишкина) [Тетерин, 2016, рис. 2.-1; Соенов, 2017, с. 122, рис. 9.-1]. Экземпляры в виде гладких и рельефных трубочек (рис. 2.-26, 27), возможно, для хранения иголок, достаточно широко представлены в материалах булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э. [Гаврилова, 1965, рис. 5.-2; Глоба, 1983, табл. V.-6; VI.-1, 2; Мамадаков, 1990, рис. 19.-7; 25.-10; 26.-12; 28.-19; 29.-2, 4, 7; 34.-16; 45.-15; 49.-5; 53.-3; 56.-8; Соенов, Эбель, 1992, рис. 32.-3; 42.-14; Мамадаков, 1995; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 18.-9; Могильников, Суразаков, 2003, рис. 29.-2; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-2; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-21, 22; Тетерин, 2016, рис. 1, 2]. Больше всего таких предметов происходит из некрополей Булан-Кобы-IV, Айрыдаш-I, Дялян, Белый-Бом-II. На соседних территориях они встречаются в памятниках хунну Забайкалья, «кокельцев» Тувы, у тесинских и раннеташтыкских племен Среднего Енисея, населения Верхнего Приобья [Тетерин, 2016, с. 87–89].

Рассмотренный комплекс артефактов из памятника Степушка-I расширяет источниковую базу для междисциплинарного изучения орудий труда как элементов системы жизнеобеспечения населения Алтая в сяньбийско-жужанское время. Важно отметить, что большинство орудий, связанных с обработкой органических материалов, имеют широкие хронологические рамки бытования. В заключение также подчеркнем, что специальной проработки требует вопрос о функциональном назначении отдельных инструментов.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003. 224 с.
Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

* Авторы благодарят сотрудников Государственного Эрмитажа К.В. Чугунова и Н.Н. Николаева за возможность познакомиться с альбомом иллюстративного материала к отчету А.М. Мандельштама об исследованиях, проведенным 2-м отрядом Саяно-Тувинской экспедиции в 1966 г.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 125–131.

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 201–205.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л. М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алт. гос. ун-та. 2014. №4/2 (84). С. 154–164.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятника Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение из могильника Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. №8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск, 2014. 310 с.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8) С. 42–57.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Железные стамески гунно-сарматского времени из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Вестник Тюмен. гос. ун-та. 2014. №2. С. 13–18.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, №3. С. 87–96.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «Великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012. С. 59–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 258–279.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул, 2016. 192 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. №2. С. 33–36.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

А.В. Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ИЗОБРАЖЕНИЯ ТИГРОВ В ГОРАХ ХЭЛАНЬШАНЬ: АНАЛОГИИ И ДАТИРОВКИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»)

В статье рассмотрена проблема точного датирования изображений тигров из гор Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. Предложенные китайскими археологами Сю Чэном и Вэй Чжуном даты (XIII–VIII вв. до н.э.) опираются на параллели с местными хэланьшаньскими петроглифами в «стиле оленных камней». Автор считает рассмотренные китайскими коллегами параллели недостаточно надежными, их даты – слишком широкими, а определение хронологии оленных камней путем сопоставления изображенного на стелах оружия и снаряжения с реальными вещами эпох Шан и Чжоу методически неверным. Кроме того, шанская иконография тигров не имела ничего общего с хэланьшаньской. Вариант датировки автора (IX–VIII вв. до н.э.) базируется на сходстве декорирования тела хэланьшаньских зверей, хищников, отлитых на бронзовом зеркале из Шанцуньлина и на бронзах памятника Сяохэйшигоу (тип Наньшаньгэнь). Шанцуньлинское зеркало дает более точную дату для тигров из гор Хэланьшань и крепче связывает их с оленными камнями Монголии.

Рассмотрены специфика иконографии и особенности композиций с изображениями оленей в «стиле оленных камней» из гор Хэланьшань.

Ключевые слова: Китай, горы Хэланьшань, наскальное искусство, петроглифы с тиграми, датирование методом аналогий.

A.V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

TIGER IMAGES IN THE HELANSHAN MOUNTAINS: ANALOGIES AND DATING

The paper is prepared with the support the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 18-09-00557

The article considers the problem of exact dating of images of tigers from the Helanshan Mountains in the Ningxia Hui Autonomous Region of the PRC. The dates (the 13th–8th centuries BC), proposed by Chinese archaeologists Xu Chang and Wei Zhong, are based on a parallel with the local Helanshan petroglyphs in the style of “deer stones”. The author believes the parallels examined by the Chinese colleagues are not sufficiently reliable, their dates are too wide, and the definition of chronology of “deer stones” by comparing the weapons and equipment depicted on the stelae with the real things of the Shang and Zhou epochs is methodically incorrect. In addition, the Shan iconography of the tigers had nothing to do with the Helanshan iconography. The author’s dating (the 9th–13th centuries BC) is based on the similarity of the decorating of the body of the Helanshan beasts, predators cast on a bronze mirror from Shan-zunlin and on the bronze of the Xiaoheshigou site. (Nanshangu type). The Shantsunlino mirror gives a more accurate date for tigers from the Helanshan Mountains and tightly connects them with the “deer stones” of Mongolia. The specificity of iconography and features of compositions with images of deer in the “style of deer stones” from the Helanshan Mountains are considered.

Key words: China, Helanshan Mountains, rock art, petroglyphs with tigers, dating by the method of analogies.

Горы Хэланьшань лежат на границе между Нинся-Хуэйским автономным районом и автономным районом Внутренняя Монголия (КНР), протянувшись примерно на 200 км в длину, со средней высотой около 2000 м над уровнем моря. Местонахождения наскальных рисунков расположены, в основном, по восточному склону, в пределах Нинся. На начало 90-х гг. XX в. китайскими учеными в горах Хэланьшань выявлено свыше 10000 и научно зафиксировано (описано, сфотографировано и скопировано) около 2000 петроглифов [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993, с. 1, 20]. Наиболее известные сюжеты хэланьшаньских наскальных изображений – это маски-личины и хищные звери, «туловища которых представляют собой подтреугольную фигуру, равномерно расширяющуюся к разверстой пасти без выделения шеи и головы. Тем самым верхняя и нижняя челюсти служат как бы продолжением этого треугольного контура. В зубастой пасти показан язык отчетливо треугольной формы. Хвост животного опущен вниз» [Ковалев, 2000, с. 153]. Далеко не все хищники, изображенные в горах Хэланьшань, подходят под определение «хэланьшаньских». Например, два тигра из местонахождения Дасифэнгоу (Дасифогоу) заметно различаются по пропорциям туловища и положению хвоста, хотя и размещены рядом, практически на одной скальной плоскости (рис. 1.-1–2). Проблему их датировки и хронологического соотношения мы и попробуем решить.

Сложность определения точной даты создания наскального искусства заключается в том, что в настоящее время археологи, как правило, уверенно привязывают петроглифы по стилистическим особенностям только к большим хронологическим периодам: неолиту, бронзовому веку, скифскому, гуннскому, древнетюркскому времени. Лишь в хорошо изученных районах, богатых наскальными рисунками разных эпох, возможно более дробное их членение. Например, в Южной Сибири внутри эпохи бронзы

Рис. 1. Рисунки тигров из Хэланьшань и их аналогии: 1, 2 – тигры из Дасифэнгоу (Дасифогоу) в уезде Хэлань пров. Нинся; 3 – бляха из погребения M8501 в Сяохэйшигоу уезда Нинчэн во Внутренней Монголии; 4 – зеркало из погребения №1612 в Шанцуньлине; 5 – олений камень №15 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия) (деталь); 6, 7 – сцена терзания (?) из Суюйкоу в уезде Хэлань пров. Нинся (6 – деталь); 8 – тигр из Сяогунь в уезде Аньян пров. Хэнань (3, 4 – бронза; 8 – кость; остальные – наскальные изображения) (5 – на оленем камне) (по: [1, 2 – Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993, рис. 27, 42; 3 – Сяохэйшигоу, 2009, с. 279, рис. 223.-9; 4, 5 – Варенов, 1984, с. 47, рис. 13; 6, 7 – Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002, с. 408, рис. 33.-7; 8 – Cheng Te-k'un, 1960, p. 136, fig. 29]). Все – разный масштаб

выделяются изображения в минусинском стиле (наиболее ранние), окуневского и карасукского времени. В Северном Китае, за пределами так называемой нуклеарной зоны в бассейне р. Хуанхэ, где зародилась и существовала цивилизация эпох Шан-Инь и Чжоу, этнокультурная хронологическая шкала разработана достаточно слабо. Местные археологические культуры эпохи бронзы и раннего железного века там зачастую еще просто не исследованы и не выделены как таковые. Соответственно, китайские археологи осуществляют привязку уже открытых наскальных изображений Северного Китая к хронологической шкале нуклеарного района, а аналогии им подыскивают среди петроглифов Монголии и Южной Сибири, причем стилистические различия наскальных рисунков разных регионов не всегда принимаются ими во внимание. Понятно, что серьезные неточности при этом неизбежны. Так, китайские археологи Сю Чэн и Вэй Чжун [1993, с. 8, 32], исследовавшие наскальное искусство гор Хэланьшань, разделили его на следующие хронологические отрезки: «I фаза (период) датируется от времени, предшествующего эпохе Чуньцю (VII–V вв. до н.э.), до конца эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Ее нижняя хронологическая граница соответствует эпохам династий Шан (XIII–XI вв. до н.э.) и Чжоу (X–VIII вв. до н.э.) или чуть более ранняя. II фаза (период) датируется от эпохи династий Цинь и Хань (III в. до н.э.) до конца эпохи Южных и Северных династий (VI в. н.э.). III фаза (период) охватывает время от эпохи династий Суй и Тан (VII в. н.э.) до конца правления династий Западная Ся и Юань (XIII–XIV вв. н.э.)».

Более точная датировка индивидуального петроглифа внутри этих «фаз» встречает большие трудности. Например, Сю Чэн и Вэй Чжун сравнивают образы тигров с телами, орнаментированными спиралями и параллельными поперечными полосами из местонахождения Дасифэнгоу (Дасифогоу) (рис. 1.-1–2), с аналогично украшенным изображением оленя из ущелья Хэланькоу, оба в Хэланьшань (рис. 2.-1). Последнего они сопоставляют с оленями, выгравированными на оленных камнях в Монголии и Сибири. Оленные камни датируются данными китайскими археологами XIII–VIII вв. до н.э. Обоснованием им служит сравнение оружия и снаряжения, изображенного на этих стелах (конкретно, в китайской публикации речь идет о втульчатых боевых топорах и «моделях ярма» – ПНН) с реальными бронзовыми изделиями, «широко распространенными в эпохи Шан и Чжоу» в нуклеарном районе. В итоге китайские исследователи заключают, что образы тигров «принадлежат к эпохам династий Шан и Чжоу, или времени, предшествующем династиям Шан и Чжоу» [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993, с. 20]. Другой китайский археолог Ли Сянши считает, что изображения тех же тигров из Дасифэнгоу (Дасифогоу – данный пункт у него назван именно так. – А.В.) оставлены племенами *сюнну* или *цян*, и датирует их временем 2–3 тысячи лет назад, что ничуть не лучше даты, предложенной Сю Чэном и Вэй Чжуном. Вдобавок, он не приводит никаких обоснований для своего варианта этнической атрибуции и датировки наскальных рисунков [Чжунго яньхуа, 1993, с. 130, рис. 79].

Получается, что Сю Чэн и Вэй Чжун отводят изображениям тигров не менее шести столетий (XIII–VIII вв. до н.э.), не говоря уже о том, что возраст оленных камней сам по себе является дискуссионной проблемой. Следует заметить, что трактовка рогов, морды, ног оленя из ущелья Хэланькоу не характерна для оленных камней монголо-забайкальского стиля, а именно на таких камнях преимущественно и выбивались «двойные крючки», которые китайские археологи отождествляют с ПНН, а также боевые втульчатые топоры. То изображение, о котором пишут Сю Чэн и Вэй Чжун, нетипично и для оленных камней саяно-алтайского стиля. Дело даже не в том, что на оленных камнях, насколько нам известно, туловища оленей никогда не украшали спиралями в районе бедра и лопатки и/или «тигриными» полосами. Положение ног оленя из Хэланькоу может быть отнесено к варианту позы «на кончиках копыт» (оно же положение «на цыпочках» или «на пуантах»), характеризующей оленей с камней саяно-алтайского стиля, лишь с известной натяжкой. Что реально сближает оленя из ущелья Хэланькоу со стилем оленных камней, так это острый треугольный горбик на спине в районе лопатки.

Изображения оленей в настоящем монголо-забайкальском стиле в Хэланькоу тоже имеются (рис. 2.-2), причем выбиты они на крупном валуне, отдельно лежащем посреди водотока там, где он выходит на равнину. Изображения других оленей (не в «стиле оленных камней») и тигров размещаются на стенах ущелья Хэланькоу, в его приустьевой части, а маски-личины, – в основном, в глубине гор и довольно высоко на скалах, хотя одна из них есть и на лежащем в устье водотока валуне, чуть выше и правее оленей. В горах Хэланьшань известно еще несколько композиций с оленями в «монголо-забайкальском стиле». Одна из них нанесена на скалы в том же ущелье Дасифэнгоу (Дасифогоу), что и тигры (рис. 2.-4). При этом никаких оленных камней – ни общеевразийских, ни саяно-алтайских, ни монголо-забайкальских – в горах Хэланьшань нет.

По мнению автора, чтобы получить дату отдельно взятого петроглифа традиционным методом аналогий, необходимо сравнивать его с другим рисунком, а не с реальной вещью – оружием, животным, повозкой или чем-то еще. Иной подход представляется методически неверным и может привести

Рис. 2. Рисунки оленей в «стиле оленных камней» гор Хэланьшань:
1, 2 – из Хэланькоу в уезде Хэлань пров. Нинся; 3 – из Гуйтоугоу в уезде Хэлань пров. Нинся;
4 – из Дасифэнгоу (Дасифогоу) в уезде Хэлань пров. Нинся
(по: [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993, рис. 61, 88, 9, 30]). Все – разных масштабов

(это не значит, что обязательно приведет) к серьезным хронологическим ошибкам. Конечно, одно из сравниваемых изображений должно иметь более узкую, если не абсолютно точную дату. Что касается тигров из Хэланьшань с их широко открытыми зубастыми пастьми, большими выпущенными когтями, выпученными глазами и телами, украшенными параллельными полосами и спиралями, то близкую аналогию им составляют терзающие копытное животное хищные звери, изображенные на бронзовом зеркале из погребения №1612 могильника царства Го в Шанцуньлине (рис. 1.-4). Ни одно погребение данного могильника не могло быть совершено позднее 655 г. до н.э., когда Го было поглощено государством Цзинь [Варенов, 1984, с. 48]. Значительная часть могил Шанцуньлина «относится примерно к одному периоду – вторая половина IX – первая половина VIII в. до н.э.» [Комиссаров, 1985, с. 9–10].

Тогда же, в середине 1980-х гг., автором отмечено, что сцена терзания, во многом аналогичная шанцуньлинской по композиции и, вероятно, по семантике, выгравирована на оленем камне №15 из Ушкийн-Увэра в Монголии (рис. 1.-5) [Варенов, 1985, с. 167]. Обращает на себя внимание, что хищники, отлитые на шанцуньлинском зеркале, максимально близки по пропорциям и стилистическому оформлению к первому тигру из Дасифэнгоу (см. рис. 1.-1), а звери с оленя из Ушкийн-Увэра – ко второму (см. рис. 1.-2). Таким образом, зеркало из Шанцуньлина дало более точную дату для хэланьшаньских тигров, а те гораздо надежнее связали его стилистически с монгольскими оленными камнями. Сцена терзания, композиционно близкая к ушкийн-увэрской, обнаружена и в горах Хэланьшань, в ущелье Суюйкоу [Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002, с. 408, рис. 33.-7]. На ней угадывается человеческая фигурка, справа и слева от которой выбито по животному, скорее всего, хищному (рис. 1.-6). Сцена терзания (?) из Суюйкоу, как и на камне №15 из Ушкийн-Увэра, находится в окружении более крупных фигур оленей (рис. 1.-7). Олени на композиции из Суюйкоу отличаются сравнительно коротким телом, сочетающимся с вертикально поднятой вверх (а не вытянутой вперед, как у «классических») шеей и, кроме одного случая, отсутствием острого горбика. Еще одно скопление оленей, иконографически близких суюйкоуским, встречено на небольшой (25 на 23 см) плоско лежащей каменной плитке в ущелье Гуйтоугоу (рис. 2.-3).

Другая линия стилистической привязки хэланьшаньских тигров к шкале абсолютной хронологии – через орнаментацию лопатки и/или бедра спиралями или концентрическими окружностями. Это излюбленный прием украшения тела хищных животных в бронзах так называемого *типа Наньшаньгэнь* (см.: [Ковалев, 1998, с. 122–131]). Тип Наньшаньгэнь также датируется в пределах IX–VIII вв. до н.э., хотя многие из наньшаньгэньских изображений хищников отличаются от «хэланьшаньских». Например, у пантеры на бронзовой бляхе из погребения М8501 в Сяохэйшигоу тело свернуто в полукольцо, голова выделена и развернута анфас, а пасть закрыта (рис. 1.-3). У рисунков тигров, обнаруженных на гадательных костях эпохи Шан из Аньяна (рис. 1.-8), с хэланьшаньскими петроглифами схожи лишь когтистые лапы, закручивающийся на конце длинный хвост и орнаментация тела параллельными шевронами, т.е. общие признаки хищников данного вида (*Panthera tigris*). О датировке же хэланьшаньских тигров эпохой Шан (XIII–XI вв. до н.э.) речь идти не может.

Библиографический список

- Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 42–51.
- Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 163–172.
- Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 122–131.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 138–180.
- Комиссаров С.А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985. С. 3–12.
- Cheng Te-k'un. Archaeology in China. Vol. II. Shang China. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1960. 368 p.
- Гай Шаньлинь, Гай Чжихао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин, 2002. 546 с.: илл. (на кит. яз.).
- Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собраний эстампов петроглифов гор Хэланьшань. Пекин, 1993. 46, 364, 20 с.: ил. (на кит. яз.).
- Сяохэйшигоу – Сяцзядянь шан цэн вэньхуа ичжи фацзюэ баогао [小黑石沟 – 夏家店上层文化遗址发掘报告]. Сяохэйшигоу – отчет о раскопках памятника культуры верхнего слоя Сяцзядянь. Пекин, 2009. 488 с.; XL, XVI л. ил. (на кит. яз.).
- Чжунго яньхуа [中国岩画]. Наскальное искусство Китая. Пекин, 1993. 150 с. (на кит. яз.).

УДК 903.27(510)

А.В. Варенов¹, Д.В. Черемисин²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ПЕТРОГЛИФЫ «В СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ» НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»)

На территории Китайской Народной республики петроглифы «в стиле оленных камней» открыты в горах китайской части Монгольского Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в горах Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе. Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур – в частности, довольно часто изображались безрогие олени (самки). При этом, как представляется, в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и каменных изваяний. Возможно, в их основе лежит представление о жертвенных оленях, чья смерть (по Д.Г. Савинову) обеспечивает обновление природного мира и социума. Распространенный мотив терзания оленей и редкая сцена, в которой объект нападения – человеческая фигура, дают основание предполагать тотемическую основу мифологического сюжета, изображенного на скалах и воплощенного в семантике изваяний.

Ключевые слова: Синьцзян, Нинся, Китайский Алтай, горы Хэланьшань, петроглифы в «стиле оленных камней».

A.V. Varenov¹, D.V. Cheremisin²

¹Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;

²Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

“DEER STONE STYLE” PETROGLYPHS IN THE TERRITORY OF CHINA

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project 18-09-00557 “The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (the era of antiquity and the Middle Ages)”)

“Deer stone style” petroglyphs on the PRC territory were found in the Chinese part of Mongolian Altai in the Xinjiang-Uyghur autonomous region and in the Helan Mountains of the Ningxia-Hui autonomous region. Among the peculiarities of Chinese “deer stone style” petroglyphs one can note a less rigid construction of the compositions and greater variability of figures of deer as compared to the deer stones themselves – quite often does (female deer without antlers) were depicted. At the same time, the rock art compositions with “stylized” deer reproduce plots, common for both petroglyphs and steles. Perhaps they are based on the idea of sacrificial deer, whose death (according to D.G. Savinov) enables the renewing and reproduction of Nature and Society. Quite a widely spread motif is the one where the deer is torn apart and a rare scene, where the object of attack, a human figure, allows supposing the totemic base of mythological plot, depicted on the rocks and embodied in semantics of deer stones.

Key words: Xinjiang, Ningxia, Chinese Altai, Helan Mountains, “deer stone style” petroglyphs.

На территории Китайской Народной республики петроглифы «в стиле оленных камней» (далее – «стилизованные олени») открыты в двух административно-территориальных единицах провинциального уровня: 1) в горах китайской части Монгольского Алтая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), расположенном к западу от Монголии; 2) в горах Хэланьшань в Нинся-Хуэйском автономном районе, находящемся к югу от нее.

Олени Синьцзяна

В уезде Фуюнь (Кёктокай) на местонахождении Ботамаоинь встречено частично сохранившееся изображение оленя, от которого уцелели шея с одним рогом, большая часть туловища с характерным «горбиком» на спине и передняя нога (рис. 1.-16) [Су Бэйхай, 2013, с. 41]. Группа животных с местонахождения Кэцзюйтасы (Кэцзюйташ) городского уезда Алтай может представлять, хотя бы частично, стилизованных оленей (рис. 1.-12) [Су Бэйхай, 2013, с. 58]. У центрального (третьего и справа, и слева) из оленей на спине в районе лопатки есть некое подобие горбика, а рога у всей группы трактованы так же, как и на некоторых оленных камнях (рис. 1.-3, 5, 7) [Су Бэйхай, 2013, с. 42–44].

Олень с местонахождения Цзярмайсы (Кармайс?) уезда Цзимунай (Зимунай) исполнен «в стиле оленных камней», хотя и лишен рогов и ярко выраженного «оленьего» горбика на спине (рис. 1.-8) [Су Бэйхай, 2013, с. 84]. Но общая поза, особенно вытянутая шея и подогнутые ноги позволяют отнести его к стилизованным. Олень из ущелья Куфугоу в уезде Цитай (Гучун) схож со стилизованными за счет некоторой «горбатости», скорее, правда, лосиной, чем оленьей, общей вытянутой позы и больших, стелющихся над спиной рогов (рис. 1.-17) [Су Бэйхай, 2013, с. 236]. Олень из ущелья Хуншаэргоу (Хуншар?), что в уезде Синьюань (Кюнес), также, несомненно, выполнен «в стиле оленных камней», но не монголо-забайкальских, а саяно-алтайских (рис. 1.-14) [Су Бэйхай, 2013, с. 340].

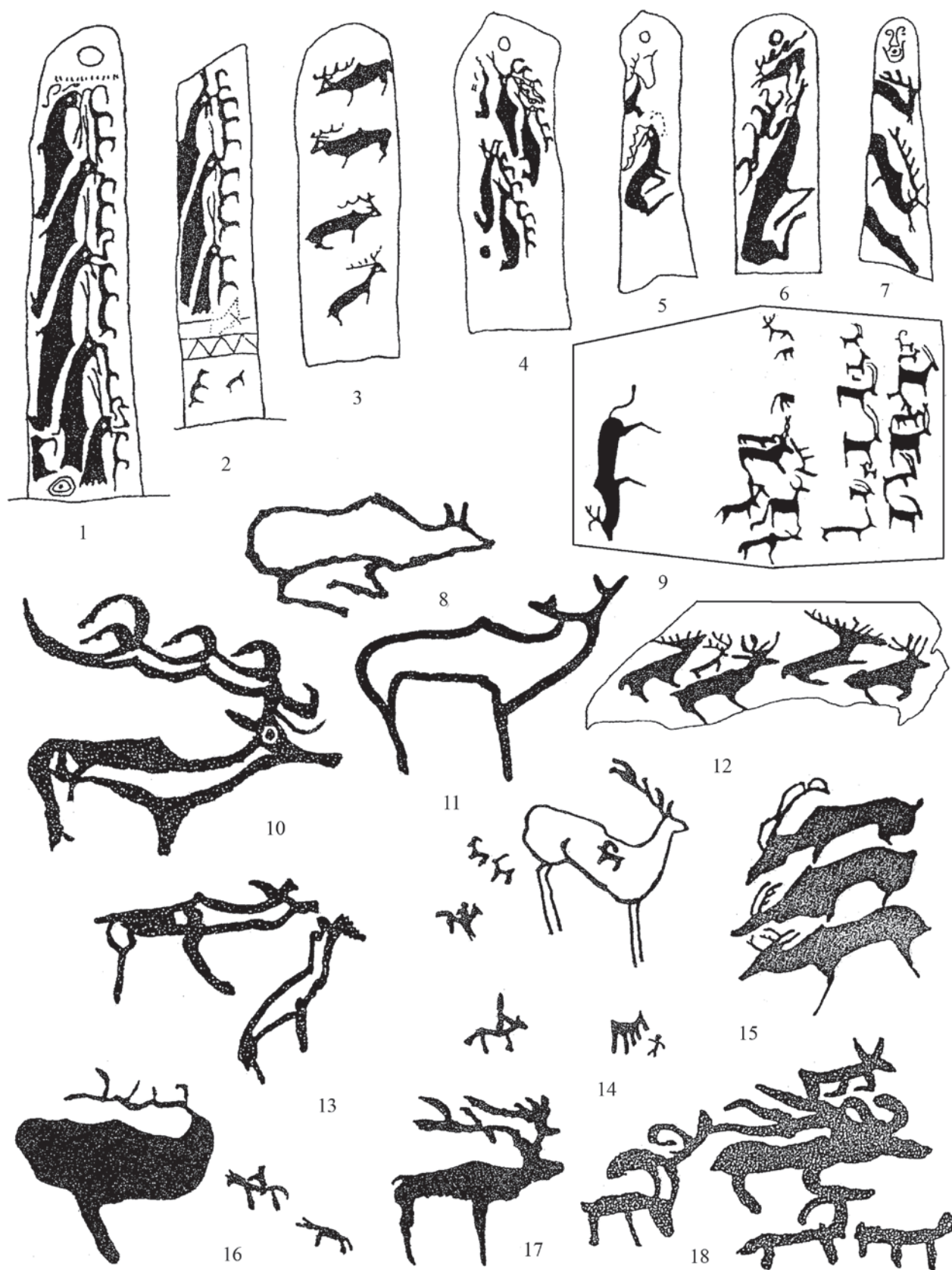

Рис. 1. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Синьцзяна:

1–7 – оленные камни (1–3, 6 – из Синьцзяна, 4, 7 – из Монголии, 5 – из Тувы); 8 – из Цяэрмайсы (у. Цзимунай); 12 – из Кэцзюйтасы (г. Алтай); 14 – из Хуншаэргуо (у. Синьюань); 16 – из Ботамаоинь (у. Фуюнь); 17 – из Куфугуо (у. Цитай); 9–11, 13, 15, 18 – из округа Алтай (СУАР) (1–8, 12, 14, 16, 17 – по: [Су Бэйхай, 2013, с. 41–44, 58, 84, 236, 340]; 9–11, 13, 15, 18 – [Чжао Янфэн, 1987, с. 34, 35, 40, 92, 93, 103, 116]). Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым

Уезды Фуюнь, Алтай, Цзимунай входят в округ Алтай (СУАР), а уезд Цитай, входящий в Чанцзи-Хуэйский автономный округ, непосредственно примыкает к ним с юго-востока, включая в себя крайнюю южную оконечность китайского Алтая. Лишь расположенный в верховьях р. Или уезд Синьюань, входящий в Или-Казахский автономный округ СУАР, находится ближе к Казахстану, чем к Монгольскому или Российскому Алтаю. Все нижеперечисленные местонахождения также находятся в округе Алтай СУАР.

Олень из местонахождения Долатэ (Доларт) без ярко выраженных рогов, но с треугольным горбиком в районе лопатки изображен в вертикальном положении, мордой вниз, на крупном каменном блоке вместе с целой группой быков, косуль и козлов (рис. 1.-9). На фотографии отчетливо видно, что слои камня на этом отдельно лежащем блоке сейчас идут вертикально, а олень «в стиле оленных камней» нанесен параллельно им, видимо, тогда, когда блок находился еще в вертикальном положении, а его слои были горизонтальными [Чжао Янфэн, 1978, с. 34–35]. Остальные животные выгравированы позже, когда блок уже упал, что позволяет отследить относительную хронологию наскальных рисунков разного стиля.

Фотография оленя из местонахождения Булатэ (Брат) показывает, что прорисован он не очень точно [Чжао Янфэн, 1978, с. 103]. Природную трещину в камне, идущую от ноздрей к рогам, художник принял за верхнюю границу оленьей морды. Точно так же другую, не столь широкую трещину между ухом и острым горбиком на спине, он принял за верхнюю границу шеи. В результате вся фигура оленя у него получилась массивной и тяжеловесной, что не характерно для стиля оленных камней. На приводимой нами прорисовке эти ошибки художника устранены (рис. 1.-10). У другого оленя (рис. 1.-11) нет отчетливо выраженной морды и рогов, но вся фигура, и особенно острый треугольный горбик в районе лопатки, выдает его принадлежность к стилизованным.

У двух оленей (рис. 1.-13) также нет рогов, но у верхнего из них вытянутая морда и острый треугольный горбик на спине в районе лопатки совершенно «в стиле оленных камней». Группа из трех расположенных друг под другом стилизованных оленей выполнена с вытянутыми мордами, треугольными горбиками в районе лопаток и даже с укороченными, редуцированными ногами (рис. 1.-15). Но вот их рога для «стиля оленных камней» не типичны. Впрочем, приводимая рядом цветная фотография подтверждает правильность прорисовки [Чжао Янфэн, 1978, с. 40]. Характерно, что в сходной манере прорисованы рога на некоторых оленных камнях (рис. 1.-3, 5, 7). Еще один рисунок оленя можно, с некоторой натяжкой, отнести к стилизованным за счет вытянутой морды и больших рогов (рис. 1.-18).

Олени гор Хэланьшань из Нинся

Самая крупная фигура гор Хэланьшань (длиной 2,15 м и высотой 1,32 м) принадлежит, по мнению исследователей, «хищному (плотоядному) зверю» [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 119]. Однако он обладает и некоторыми чертами, присущими стилизованным оленям – длинной вытянутой мордой и горбиком на спине в районе лопатки, правда, не треугольным, а напоминающим, скорее, лосиный. Поверх туловища и перед мордой зверя изображены несколько баранов и козлов, а также всадник на лошади (рис. 2.-1). Протомы оленьих (как считают китайские авторы [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 257], но, на наш взгляд, скорее лосиных) голов длиной 22 и высотой 16 см – с вытянутыми мордами и большими круглыми глазами (рис. 2.-2, 3).

Изображение стилизованного оленя длиной 48 см и высотой 42 см – с вытянутой мордой, крупным глазом и рогами, но без отчетливо выраженного горбика на непривычно широком теле (рис. 2.-4). Ниже оленя и перед ним несколько фигур, которые археологами воспринимаются как парциальные изображения: в виде круглого глаза и клювовидной морды [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 301]. Неудачна прорисовка оленя «в стиле оленных камней» длиной 38 см и высотой 57 см, видовую принадлежность которого китайские авторы даже затруднились определить [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 201]. На самом деле, судя по приводимой ими же фотографии, туловище, клювовидная морда и задняя нога оленя реально более «зализанные» и обтекаемые, в классическом «стиле оленных камней», а не угловатые, как показано на прорисовке (рис. 2.-5). В изображениях идущих выше оленя и перпендикулярно к нему козлов с той же прорисовки на фотографии нетрудно разглядеть уходящие вертикально вверх ветвистые рога [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, илл. XXVI.-1].

У изображения оленя длиной 30 см и высотой 18 см из ущелья Хэланькоу тело украшено «тигриными» полосами, районы бедра и лопатки – спиралями, на спине острый треугольный горбик (рис. 2.-6, 7). Трактовка рогов, морды, ног оленя из ущелья Хэланькоу не типична для оленных камней. По характеру орнамента тела и трактовке рогов ему близки, скорее, лоси из Сакачи-Аляна, тоже с четырьмя ногами, как и олень из Хэланькоу. Дело даже не в том, что на оленных камнях, насколько нам известно, туловища оленей никогда не украшали спиралями в районе бедра и лопатки и/или «тигриными» полосами. Положение ног оленя из Хэланькоу может быть отнесено к варианту позы «на кончиках копыт»

Рис. 2. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Нинся:
 1–9 – из Хэланьшань (1–6 – по: [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 116, 121, 202, 258, 302];
 7–9 – [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993б, рис. 30, 61, 88]). Все – разный масштаб.
 Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым

Рис. 3. Петроглифы «в стиле оленных камней» из Нинся и их аналоги:
1, 2 – из Гуйтоугоу (Хэланьшань); 3, 4 – из Суюйкоу (Хэланьшань); 5 – из Уушкийн-Увэра (Монголия);
6, 7 – из Хэланьшань (1, 2, 6, 7 – по: [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 50, 74]; 3, 4 – [Гай Шаньлинь,
Гай Чжихао, 2002, с. 408, рис. 33]; 5 – [Варенов, 1985, с. 167]). Все – разный масштаб.
Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В. Вареновым

(оно же положение «на цыпочках» или «на пуантах»), характеризующей оленей с камней саяно-алтайского стиля, лишь с известной натяжкой. Что реально сближает оленя из ущелья Хэланькоу со «стилем оленных камней», так это острый треугольный горбик на спине в районе лопатки.

Изображения оленей в настоящем монголо-забайкальском стиле в ущелье Хэланькоу тоже имеются (рис. 2.-9). Правда, они без рогов и выбиты на крупном валуне, отдельно лежащем посреди водотока там, где он выходит на равнину [Варенов, 2018, с. 34]. У оленя в классическом монголо-забайкальском стиле из ущелья Дасифэнгоу (Дасифогоу) голова развернута назад, так что клювовидная морда оказывается над отчетливо выраженным горбиком, а ветвистые рога идут вдоль нижней части длинной шеи (рис. 2.-8). В горах Хэланьшань имеются изображения не только в монголо-забайкальском, но и в саяно-алтайском стиле, правда, не оленей, а лошадей [Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, с. 74]. Несколько животных выбито на фризе длиной 106 см и высотой 68 см (рис. 3.-6, 7).

В ущелье Гуйтоугоу встречена плоско лежащая плитка камня размерами 23×25 см с изображением стилизованных оленей (рис. 3.-1, 2). Три из этих оленей – «полные», а четыре – парциальные. В двух случаях показаны головы с шеями и рогами, а еще в двух – только круглый глаз и клювовидная морда. Олени из Гуйтоугоу отличаются сравнительно коротким телом, сочетающимся с вертикально поднятой вверх (а не вытянутой вперед, как у «классических» изображений «в стиле оленных камней») шеей, и, кроме одного случая, отсутствием горбика. На композиции из ущелья Суюйкоу стилистически близкие олени с вертикально поднятыми вверх шеями и, кроме одного случая, без горбиков окружают сцену терзания (рис. 3.-4) [Гай Шаньлин, Гай Чжихао, 2002, с. 408, рис. 33.-7]. Видна она не очень отчетливо, но, похоже, что два хищника приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 3.-3). Композиционно близкая сцена терзания (рис. 3.-5) обнаружена на оленном камне №15 из Уушкин-Увэра в Хубсугульском аймаке МНР [Варенов, 1985, с. 167].

Что касается особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней», то можно констатировать более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариативность фигур – в частности, довольно часто изображались безрогие олени (самки). При этом, как представляется, в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и каменных изваяний. Возможно, в их основе лежит представление о жертвенных оленях, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума [Савинов, 1994, с. 140–142]. Распространенный мотив терзания оленей и редкая сцена, в которой объект нападения – человеческая фигура, дают основание предполагать тотемическую основу мифологического сюжета, изображенного на скалах и воплощенного в семантике изваяний. Этот же сюжет о «благом терзании» мы усматриваем в наскальной фигуре (см. рис. 2.-1), в которой совмещены олень и тигр (олень «внутри» тигра).

Пути дальнейшего исследования петроглифов в «стиле оленных камней», помимо открытия новых изображений и подбора аналогий, видятся в следующих направлениях. Во-первых, выявление особенностей иконографии, вроде отмеченных выше для рисунков из Суюйкоу и Гуйтоугоу. Во-вторых, поиск закономерностей построения композиций. Например, «особенные» олени из Суюйкоу и Гуйтоугоу сгруппированы на относительно небольших по площади скальных поверхностях так, что два из них обращены друг к другу мордами или крупами, образуя верхнее или нижнее обрамление изобразительного поля, а третий замыкает его снизу или сверху. В-третьих, раскрытие специфики выбора поверхности для изображения оленей: на отдельно лежащих валунах, на плитках, на скальных плоскостях и в какой части ущелья или горного склона последние располагаются.

Библиографический список

- Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 163–172.
- Варенов А.В. О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленей в «стиле оленных камней» // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 17, вып. 4: Востоковедение. 2018. С. 30–39.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.
- Гай Шаньлин, Гай Чжихао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин, 2002. 546 с.: илл. (на кит. яз.).
- Су Бэйхай. Синьцзян яньхэуа [苏北海. 新疆岩刻画]. Петроглифы Синьцзяна. Урумчи, 2013. 596 с.: илл. (на кит. яз.).
- Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠. 贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин, 1993а. 34, 398, XLVIII, XLVIII л.: илл. (на кит. яз.).
- Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собраний эстампов петроглифов гор Хэланьшань. Пекин, 1993б. 46, 364, 20 с.: илл. (на кит. яз.).
- Чжао Янфэн. Чжунго Аэртайшань яньхуа [赵养锋. 中国阿尔泰山岩画]. Наскальные рисунки Китайского Алтая. Сиань, 1987. 128 с. (на кит. яз.).

УДК 902(510)

Вэй Чжэн

Пекинский университет, Пекин, Китай

**НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И ПРЕДМЕТОВ В «СТЕПНОМ СТИЛЕ» В ПОГРЕБЕНИЯХ
ЭПОХИ ХАНЬ НА ТЕРРИТОРИИ ПРОВИНЦИИ ШАНЬДУН
И СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПРОВИНЦИИ ЦЗЯНСУ (Китай)**

В больших ханьских гробницах, обнаруженных в провинции Шаньдун и северной части провинции Цзянсу, зафиксировано значительное количество культурных реликвий, не принадлежащих к культуре Хуася. К ним относятся предметы в «степном стиле», иностранные товары и их копии различного происхождения. Распространение предметов в «степном стиле» было связано с армией династии Цинь. После того, как войска Цинь были захвачены Сян Юй, который обосновал столицу в городе Сюйчжоу, соответствующие отрасли переместились в данный регион. Иностранные товары из Персии и Индии и их копии распространились в провинции Шаньдун и северной части провинции Цзянсу благодаря развитию морских сообщений. Во времена династии Хань Шаньдун и северная часть провинции Цзянсу были открыты и развиты за счет четырех крупных портов: древний Цинчжоу, древний Ланье, древний Ючжоу и древний Янчжоу. Это также важный аргумент, доказывающий, что буддизм распространился в Китае вследствие активных морских сообщений. Изучение этих импортных товаров очень ценно для понимания исторического процесса в регионах Шаньдун и северной части провинции Цзянсу, а также Ханьской империи в целом.

Ключевые слова: Шаньдун и северная часть провинции Цзянсу, гробницы династии Хань, предметы в степном стиле, иностранные культурные реликвии, происхождение.

Wei Zheng

Peking University, Beijing, China

**STEPPE-STYLISTIC AND FOREIGN CULTURAL RELICS
UNEARTHED FROM HAN TOMBS IN SHANDONG PROVINCE
AND NORTHERN PART OF JIANGSU PROVINCE (China)**

A great amount of cultural relics which did not belong to the Huaxia culture have been unearthed from the big Han tombs in Shandong Province and in the northern part of Jiangsu Province. They include steppe-stylistic goods, foreign goods and their imitations of various origins. The spread of the steppe-stylistic goods was related to the army of the Qin Dynasty. After Qin troops were captured by Xiang Yu, who settled the capital in Xuzhou City, relevant techniques and craftsmen were transferred to this region. Foreign goods from Persia and India and their imitations spread into Shandong and the northern part of Jiangsu by sea. Shandong and northern Jiangsu were an open and developed area in the time of Han Dynasty, and there were four excellent ports, including ancient Qingzhou, ancient Langye, ancient Yuzhou and ancient Yangzhou. This is also an important argument proving that Buddhism came to China through the sea route. Studying of those imported goods is very important for understanding the historical process of Shandong and northern Jiangsu area and of Han Empire at large.

Key words: Shandong and northern Jiangsu provinces, the Han Dynasty tombs, steppe-stylistic goods, foreign cultural relics, origins.

Введение. К настоящему времени в крупных погребениях эпохи Хань на территории пров. Шаньдун и в северной части пров. Цзянсу обнаружено значительное количество предметов не китайского происхождения. Эти находки на протяжении долгого времени вызывают дискуссии в научном сообществе, однако обсуждение сводится к рассмотрению отдельных категорий артефактов. Территория современной пров. Шаньдун и северной части пров. Цзянсу представляет собой единый в культурном отношении регион. Комплексное рассмотрение найденных в данном районе артефактов и установление исторического фона их возникновения позволяет полнее представить историю не только данной территории, но и Ханьской империи в целом.

Источники и методы исследования. Известные к настоящему времени археологические материалы можно в целом разделить на две категории: к первой относятся артефакты, выполненные в «степном стиле», ко второй – импортные изделия и изделия, их копирующие. К первой категории принадлежат поясные бляхи с анималистическим орнаментом (рис. 1), украшения конской узда, изделия из золота и нефрита, каменные скульптуры, изображающие варваров ху в остроконечных головных уборах (рис. 2), изображения варваров ху на каменных барельефах и т.д. Импортные изделия представлены, прежде всего, произведенными на территории Персии серебряными шкатулками с орнаментом в виде лепестков (рис. 3), серебряными чашами и блюдами. Такие объекты, как каменные колонны с каннелюрами, сводчатые конструкции с каменными барельефами, изображения голов животных, выполненные в технике горельефа, скульптуры львов и т.д., могли быть изготовлены только на территории Китая, однако истоки их, несомненно, западные.

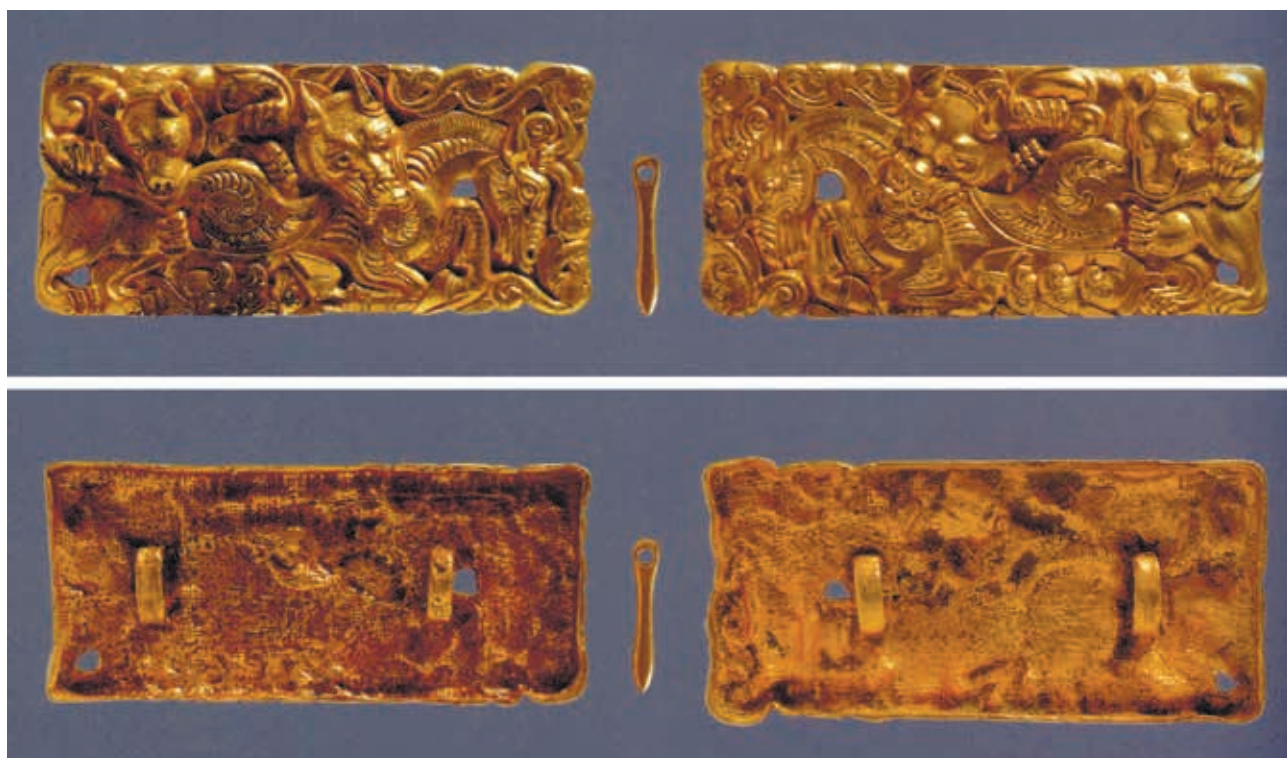

Рис. 1. Золотая поясная бляха из могилы чуского вана эпохи Западная Хань в Шицзышань (городской округ Сюйчжоу, пров. Цзянсу)

Рис. 2. Каменная статуя варвара ху, найденная у дер. Сисуньсюяо в районе городского подчинения Линьцзы (городской округ Цзыбо пров. Шаньдун)

Рис. 3. Серебряная шкатулка, найденная в погребении цзяндуского вана эпохи Западная Хань в Даюньшань (уезд Сюйи городского округа Хуайань пров. Цзянсу)

Примерами погребений, где были сделаны соответствующие находки, служат могила чуского вана западноханьского времени в горах Шицзышань и могила ваньцзюйского хоу Лю И эпохи Западная Хань, расположенные на территории городского округа Сюйчжоу; западноханьская могила люйского вана Люй Тая у дер. Лочжуан в районе Чжанцю г. Цзинань; западноханьская могила циского вана Лю Сяна

в районе Линьцзы городского округа Цзыбо; западноханьская могила цзяндуского вана Лю Фэя в Даяньшань, уезд Сюйи городского округа Хуайань; восточноханьские могилы с каменными барельефами в уезде Инань и у дер. Убайчжуан на территории городского округа Линь; могила с каменными барельефами у водохранилища Чанли, в уезде Гуаньюнь городского округа Ляньюньган. К ним также могут быть добавлены могила позднего периода Сражающихся царств (Чжаньго), расположенная около дер. Сисинь на территории городского уезда Цинчжоу городского округа Вэйфан, западноханьская могила на территории городского уезда Чаоху городского округа Хэфэй пров. Аньхой и восточноханьские каменные рельефы в горах Кунваншань на территории городского округа Ляньюньган.

Во временном отношении западноханьские погребения в основном датируются первой половиной периода Западной Хань, обнаруженные в них артефакты включают как предметы, выполненные в «степном стиле», так и импортные изделия. Восточноханьские погребения относятся ко второй половине периода правления династии Восточная Хань. В могилах этого периода практически отсутствуют какие-либо вещи в «степном стиле» за исключением изображений варваров *ху* в остроконечных головных уборах, однако и они считаются лишь символической отсылкой к степным культурам [Сюй Лунго, 2017]. Импортные изделия в восточноханьских погребениях почти полностью исчезают, их заменяют предметы, изготовленные под инокультурным влиянием на территории Китая. В то же время набор архитектурных и скульптурных форм, испытавших на себе иностранное воздействие, отражает возросшую в сравнении с периодом Западной Хань интенсивность межкультурных контактов.

Предметы, выполненные в «степном стиле», могли попасть в исследуемый регион только напрямую с севера и запада. Импортные предметы (такие, как, например, персидские серебряные шкатулки с лепестковым орнаментом), а также некоторые изделия, имитирующие зарубежные, доставлялись сюда по морю. Поскольку происхождение артефактов этих двух категорий различно, они требуют отдельного рассмотрения.

Предметы в «степном стиле». Предметы, выполненные в «степном стиле», внезапно распространяются на территории Шаньдуна и северной части Цзянсу в период Западной Хань, поэтому требуется тщательное изучение исторического фона этого феномена. В эпохи Чуньцю и Чжаньго элементы степных культур проникают на территорию проживания *хуася*. Наиболее многочисленные археологические находки, подтверждающие это, происходят с территории пров. Шэньси, Шаньси и Хэбэй, что объясняется географическим положением этих регионов, прилегающих к степному поясу. С началом же эпохи Хань число подобных предметов в приграничных областях Шэньси, Шаньси и Хэбэя не может сравниться с тем обилием, которым характеризуются районы современных пров. Шаньдун и на севере пров. Цзянсу. К примеру, даже в широко известной могиле чжуншаньского вана в уезде Маньчэн пров. Хэбэй не было обнаружено «степных» предметов, равных по качеству шаньдунским и североцзянсуским находкам. В связи с этим вопрос о причинах концентрированного появления предметов, выполненных в «степном стиле», на территории пров. Шаньдун и на севере пров. Цзянсу требует углубленного предметного изучения.

Прежде всего стоит обратить внимание на регион Линнань. Поясные бляхи с зооморфным орнаментом, обнаруженные в Гуанчжоу, являются свидетельствами вхождения циньской армии в Линнань, ее расквартирования здесь и последующей гибели. Тесные взаимосвязи циньской армии с кочевыми народами севера Китая надежно подтверждаются как археологическими материалами, так и данными письменных источников. В «Основных записях [о деяниях дома] первого императора Цинь» «Исторических записок» говорится: «[Лао] Ай, носивший титул Чансинь-хоу, задумал поднять мятеж, но [об этом] стало известно. [Тогда он] подделал печати государя и вдовствующей государыни и, используя [эти печати], стал собирать местные войска, воинов дворцовой стражи, конников из правительственных войск, вождей *жунов* и *ди* [с воинами], а также дворцовых служителей, намереваясь напасть на дворец Циняньгун и поднять мятеж» [Сыма Цянь, 2003, с. 55]. Важно, что здесь специально отдельно упомянуты «водители *жунов* и *ди*». Одним из таких «водителей *жунов*» мог быть человек, похороненный в могиле эпохи Чжаньго, содержащей значительное количество предметов в «степном стиле», обнаруженной на памятнике Мацзяюань на территории Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда в пров. Ганьсу.

Царство Ци, располагавшееся на территории современной пров. Шаньдун, было мощным противником Цинь в борьбе за право объединить Китай, оно было разгромлено последним из всех китайских удельных княжеств. Однако, как показывает история Тянь Хэна, антициньские настроения и антициньские группировки были по-прежнему сильны на данной территории и после ликвидации Ци как самостоятельного государства. Территория Ци была одним из важнейших пунктов инспекционных поездок Цинь Шихуана. Судя по примеру области Линнань, в Ци, вероятно, также были расквартированы многочисленные гарнизоны из Гуаньчжуна – изначальной территории княжества Цинь.

Сравнительно широкое распространение предметов «степного стиля» на территории Шаньдун и северной части Цзянсу также может быть непосредственно связано с отрядами под командованием генерала Чжан Ханя, который сосредоточил в своих руках основные силы циньской армии в последние годы существования империи Цинь. Сян Юй, разгромив Чжан Ханя, не только получил контроль над его войском, но смог захватить циньских ремесленников различных специальностей*. Сян Юй, провозгласив себя в Сюйчжоу ваном-гегемоном и правителем Западного Чу, установил контроль над обширными землями на территории современной пров. Шаньдун и северной части пров. Цзянсу. Однако, поскольку в конце концов Сян Юй также потерпел поражение, его войска вынуждены были покинуть этот район, но привнесенные ими производственные технологии и культурные импульсы сохранились и продолжили свое развитие в данном регионе.

Это можно предположить, например, по аналогии с многочисленными нефритовыми изделиями, выполненными в стилистике, характерной для царства Чу периода Чжаньго, найденными в ханьской могиле в горах Шицзышань на территории городского уезда Сюйчжоу. Происхождение части этих изделий могло быть связано с правящим домом княжества Чу эпохи Чжаньго. Однако нефритовые клевцы *гэ* были изготовлены уже в западноханьский период, притом что все необходимое для их производства сырье и ремесленники-камнерезы по своему происхождению, несомненно, восходят к периоду Сражающихся царств. Традиции использования нефритового сырья и технологий изготовления изделий были восприняты от предыдущей эпохи, а не возникли в Сюйчжоу после выбора его в качестве столицы Западного Чу. После объявления Сюйчжоу столицей Сян Юй перенес сюда чуские реликвии периода Чжаньго и переселил ремесленников. По окончании войны между Чу и Хань эти ценности и ремесленники, очевидно, должны были остаться в Сюйчжоу. По-видимому, технологии изготовления металлических изделий с орнаментацией, выдержанной в «степной стилистике», а также ремесленники, владеющие этими технологиями, оказались и закрепились в районе Сюйчжоу таким же образом.

Лучше понять роль циньских войск в распространении степной культуры позволяет еще более глубокий ретроспективный анализ исторического прошлого. В качестве примера приведем уже упоминавшийся могильник *жунов* эпохи Чжаньго Мацзяюань на территории Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда в пров. Ганьсу. Находки, сделанные на этом памятнике, чрезвычайно важны. Могильник расположен недалеко от центральных районов проживания циньцев. Циньцы не должны были бы допустить, чтобы здесь проживали иноплеменники, но реальные факты опровергают такое предположение и, по-видимому, свидетельствуют о тесных взаимосвязях между Цинь и *жунами*, а также могут служить материальным доказательством близких отношений между циньской княгиней Сюаньтайхоу и вождем одного из племен (или протогосударственных образований) западных *жунов* – Ицью. Невозможно точно определить, входили ли *жуны* в состав циньской армии, однако влияние степной культуры на Цинь совершенно очевидно. Кроме того, существуют археологические свидетельства того, что циньцы самостоятельно производили вещи в «степном стиле», например, керамическая форма для отливки поясных блях с зооморфным орнаментом, найденная в одном из циньских погребений в южном предместье г. Сиань. Поясная бляха в зверином стиле из Шицзышань, Сюйчжоу, отличается крупными размерами и тщательностью выполнения орнамента, аналогичные предметы, найденные в других районах, значительно уступают ей в качестве. Форма для ее отливки, вероятно, была изготовлена в Сюйчжоу, но мастер должен был быть знаком со степной фауной и образом жизни в степи.

Импортные изделия и их копии. Поскольку на территории пров. Фуцзянь и Чжэцзян до сих пор не было обнаружено импортных изделий ханьского времени, то и происхождение импортных таких предметов, найденных в северной части пров. Цзянсу и в пров. Шаньдун, не вполне ясно: были ли они доставлены сюда по морю или же сухопутным маршрутом из внутренних районов страны. Этот вопрос имеет отношение также и к проблеме пути проникновения буддизма в Китай, поэтому многие исследователи проявляют осторожность в этом вопросе. Мы в данном случае поддерживаем гипотезу о доставке этих товаров по морю, и тому есть два основных подтверждения.

Во-первых, подобные импортные предметы практически не встречаются в центральных и западных районах Китая, их нет даже в ханьских столицах Сиане и Лояне. На территории ханьских городищ в Сиане и Лояне проводились широкомасштабные археологические работы, в том числе и раскопки могил ханьского времени, расположенных на территории этих городов. В ходе раскопок был получен чрезвычайно богатый предметный комплекс, позволяющий установить в общих чертах культурный облик китай-

* Ремесленники в Древнем Китае являлись важнейшим человеческим ресурсом, уступавшим по значимости лишь военным отрядам. Они были ценным трофеем для китайских полководцев, и Сян Юй в этом отношении не мог быть исключением.

ских городов ханьской эпохи и состав сопроводительного инвентаря ханьских погребений. Однако там до сих пор не были обнаружены предметы импорта, аналогичные тем, что были найдены в Шаньдуэ и в северной части Цзянсу. Можно сказать, что импортные изделия из Шаньдуэ и северной части Цзянсу – это локально-специфичные предметы, они не могли попасть сюда из внутренних районов Китая.

Во-вторых, зачастую существует склонность недооценивать возможности китайского каботажного мореплавания эпохи Хань. Разумеется, в первую очередь следует пояснить, что персидские серебряные чаши и шкатулки с лепестковым орнаментом не могли быть доставлены в Китай напрямую с территории современного Ирана. Они могли быть транспортированы в Китай только в несколько этапов, «ступенчато». Ключевой из таких «ступеней» на пути из Персии в Китай была Индия. Персия имела развитые торговые связи как по суше, так и по морю задолго до ханьского времени. Возможность транспортировки персидских товаров по морю в Индию не вызывает никаких сомнений. Существование морского сообщения между Китаем и Индией также надежно подтверждено. Об этом, к примеру, существуют свидетельства в «Хань шу» (раздел «Географические описания»): «В пяти месяцах хода по морю от уездов Чжансай, Сюйвэнь и Хэпу в области Жинань находится страна Дуюань. Еще в четырех месяцах плавания находится страна Илumo. Еще через 20 с лишним дней можно попасть в страну Чэньли. Если еще идти пешком больше десяти дней – попадешь в страну Фуганьдоулу (Фуганьдулу). Если из Фуганьдоулу* плыть больше двух месяцев – попадешь в страну Хуанчжи**. Нравы и обычаи [там] немного сходны с теми, что бытуют в Чжюя***. Земли этой страны обширны, население многочисленно, товары разнообразны. Со времен императора У-ди они отправляли посольства к императору и преподносили дары. Чиновники ичан**** Императорского совета (Хуанмэнь, «Желтые ворота») вместе с рекрутами отправлялись в плавания и закупали жемчуг, кошачий глаз, драгоценные камни и разные диковины в обмен на золото и шелка. Все страны, куда они прибывали, предоставляли им пропитание и сопровождение. Суда иностранных купцов также сопровождали их в плавании до места назначения. Но иногда людей убивали ради выгоды. Всегда была опасность попасть в шторм и утонуть. Даже те, кому удавалось этого избежать, возвращались на родину только через несколько лет. Крупные жемчужины в охвате достигают почти двух цуней. Во время правления императора Пин-ди (в годы Юаньши) Ван Ман стал регентом. Желая показать свою силу и добродетели, он отправил щедрые дары правителю Хуанчжи и приказал ему взамен вместе с посланниками прислать в дар живого носорога. Плавание из Хуанчжи до Пицзуна***** длилось восемь месяцев, еще два месяца потребовалось, чтобы добраться до границ уезда Сянлинь и области Жинань. Южнее страны Хуанчжи находится страна Ичэнбу*****. Переводчики империи Хань, посланные туда с миссией, уже вернулись обратно». Коротко обобщая, можно сказать, что максимально далекий регион, которого могло достичь китайское судно, вышедшее из порта в районе современного городского округа Бэйхай в Гуанси-Чжуанском автономном районе Китая, – это юго-восток п-ова Индостан. И, конечно, такое путешествие должно было быть разделено на несколько отрезков и совершаться поэтапно.

Плавание из Бэйхая в район Шаньдуэ и севера Цзянсу относилось уже к внутрикитайскому каботажному сообщению и не представляло сложностей. Однако китайские ученые, находящиеся под мощным влиянием исторической традиции, всегда стараются найти точное подтверждение своих гипотез в письменных источниках. И действительно, памятники письменности могут удовлетворить эту потребность. В «Мэн-цзы» (глава «Лянский Хуэй-ван. Часть вторая») говорится: «В старину Цзингун, правитель владения Ци, спросил у мудреца Янь-цзы: “В чем должен я совершенствоваться, чтоб иметь возможность сравниться с прежними правителями-ванами в их осмотрах своих владений? Мне бы хотелось ознакомиться с городами Чжуаньфу и Чаою, направиться по морю на юг и посетить город Лань”» (пер. В.С. Колоколова; цит. по: [Мэн-цзы, 1999, с. 32]). Гу Цзеган писал: «Циский Цингун занимал престол с 547 по 490 г. до н.э., следовательно, уже в VI в. до н.э. мореплавание в царстве Ци уже было высоко развито. Поэтому циский монарх не беспокоился об опасностях, угрожавших ему в море, и желал отправиться в плавание, обогнув п-ов Шаньдун» [Гу Цзеган, 2000, с. 778].

В «Чжуан-цзы» (глава «Дерево на горе») сказано: «На юге Юэ есть община, которая называется царством Утвердивших свойства. Народ там прост и невежествен. Люди почти лишены корысти и страстей. Умеют трудиться, но не умеют прятать; дают, не требуя возврата, не ведают ни долга, ни обрядов;

* Царство Паган на территории современной Мьянмы.

** Город Канчипурам на юго-востоке Индии.

*** Историческое название о. Хайнань.

**** Переводчики и дипломаты.

***** Юго-западное побережье п-ова Малакка.

***** Эфиопия.

действуют бездумно, ступают свободно. При рождении они могут радоваться, при смерти их могут похоронить. Мне хотелось бы, чтобы [Вы], государь, покинули [свое] царство, отказались от пошлого и стали действовать, опираясь на путь». «Сократите свои расходы, умерьте свои желания и удовлетворитесь, даже если не будет зерна, – ответил Удалец с Юга от Рынка. – Переходите, государь, реки, плавайте по морям, поглядите на них и не увидите берегов, чем дальше, тем меньше будете знать, где им конец. Все те, кто [Вас], государь, проводит до берега, вернутся. И только [Вы], государь, будете от [всего] этого далеки» (пер. Л.Д. Позднеевой; цит. по: [Атеисты..., 1967, с. 235]). По этому поводу Гу Цзеган пишет: «Это, конечно, притча, тем не менее она обязательно предполагала наличие морского сообщения. Автор же просто использует это как ораторский прием. “Наньюэ”^{*} в этом отрывке обозначает районы современной пров. Гуандун и Вьетнама. “...переходить реки и плавать по морям” указывает на то, что в то время человек с Центральной равнины, решивший отправиться в Наньюэ, должен был спуститься по Янцзы и выйти в море. Поскольку в то время южные морские маршруты были весьма развиты, то когда в древней литературе речь заходит о малочисленных народах юга, как правило, упоминаются такие топонимы, как “Цзяочжи” или “Наньцзяо” (см. комментарий к «Шан шу», раздел «Яо дянь»). Как видно, маршруты морской навигации уже достигли залива Бакбо (Тонкинского) в Южно-Китайском море» [Гу Цзеган, 2000, с. 778].

Что касается ситуации в исследуемый нами период, после объединения Китая под властью империй Цинь и Хань стратегически важный факт наличия обширного выхода к морю у восточных регионов страны не мог остаться незамеченным. Началось активное развитие морской навигации в восточных прибрежных районах. Соответственно, товары из Персии вполне могли попасть в районы Шаньдун и севера Цзянсу по многоступенчатому пути международных и внутрикитайских морских перевозок.

Конечно, этому способствовали исключительно благоприятные условия данной территории, включавшие два наиболее важных аспекта: наличие прекрасных портов и развитая экономика. На территории современной пров. Шаньдун и северной части пров. Цзянсу находились четыре важных порта: древний Цинчжоу, древний Ланье, древний Юйчжоу (современный Ляньюньган) и древний Янчжоу. Знаменитый восточноциньский буддийский монах и путешественник Фасянь на обратном пути из Индии в Цзянькан^{**} из-за ветров, мешавших плаванию, сначала прибыл в Цинчжоу. И хотя это событие произошло в более позднюю эпоху, оно все же свидетельствует о важности Цинчжоу как морского порта. Тот факт, что еще в эпоху Весен и Осеней Гоуцзянь по морю прибыл в Ланье, высадился на берег и оттуда отправился в поход на север в борьбе за гегемонию, демонстрирует важность порта Ланье. Несмотря на достаточно поздние датировки каменных рельефов в горах Кунваншань, строительство кумирни Духа Восточного моря, вероятно, относится к доханьскому времени. Поэтому хотя на основании данных письменных источников периодом наивысшего расцвета Юйчжоу считается период Шестнадцати варварских государств, но в более ранний период Юйчжоу, по-видимому, может рассматриваться как составная часть порта Ланье. Янчжоу в ходе исторического развития претерпел значительные изменения. Как известно из «Семи наставлений» («Ци фа») Мэй Шэна, еще в доханьскую эпоху в Янчжоу сложились все условия развития здесь важного порта. Персидские изделия, обнаруженные в могиле цзяндуского вана в Даюньшань, уезд Сюйи, возможно, были доставлены именно через Янчжоу.

Разумеется, такие благоприятные условия, как наличие нескольких портов, существовали и в других прибрежных районах восточной части Китая, но там не было обнаружено персидских импортных предметов, что объясняется высоким уровнем развития экономики и культуры в Шаньдуне и на севере Цзянсу в изучаемый период. Начиная с эпохи неолита, территория Шаньдуна была важнейшим центром развития в восточной части Северного Китая. Территория к северу от р. Хуайхэ в северной части современной пров. Цзянсу и территория пров. Шаньдун образуют единый географический регион. Район междуречья Янцзы и Хуайхэ издревле был чрезвычайно важным. Князья, получившие здесь уделы в ханьскую эпоху, – ваны Ци, Лу, Чу, У (а впоследствии ваны Цзянду и Гуанлина) занимали высокое положение и обладали большой властью. Они проявляли повышенный интерес к иностранным предметам роскоши, что стало еще одной важной предпосылкой для появления здесь в большом количестве импортных изделий, произведенных в Персии.

Заключение. После объединения Китая войска циньской династии распространили изделия, выполненные в «степном стиле» по всей стране. Сохранение соответствующих технологических традиций и ремесленников, владеющих этими технологиями, на территории пров. Шаньдун и в северной

^{*} «На юге Юэ» – в переводе Л.Д. Позднеевой.

^{**} Современный Нанкин.

части пров. Цзянсу, вероятно, было связано с выбором Сян Юем Сюйчжоу в качестве своей столицы, что в результате привело к широкому распространению в этом районе высококачественных изделий, выполненных в «степном стиле». На территории пров. Шаньдун и севера пров. Цзянсу в исследуемый период располагалось четыре порта, следовательно, персидские и индийские товары и технологии могли проникнуть сюда по морю. В эпоху Хань территория Шаньдуна и северной части Цзянсу была открытым и развитым регионом, для которого характерны были стремление и готовность к освоению иностранных изделий и технологий, что, в частности, предопределило последующий приход буддизма в Китай морским путем.

Библиографический список

- Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI–IV вв. до н.э.) / вступ. ст., пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М., 1967. 404 с.
- Гу Цзеган. Цзянь “Гуши бянь” цзысюй [Предисловие к «Спорам о древней истории»]. Т. 2: Шицзячжуан: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 2000.
- Мэн-цзы / пер. с кит.; предисл. Л.Н. Меньшикова; указ. В.С. Колоколова; под ред. Л.Н. Меньшикова. СПб., 1999. 272 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина; под общ. ред. А.Р. Вяткина. М., 2003. Т. 2. 567 с.
- Сюй Лунго. Шаньдун фасяньдэ дасин хужэнь ши дясян цзай яньцзю [Еще раз к вопросу о скульптурных изображениях варваров-ху, обнаруженных в пров. Шаньдун] // Мэйшу яньцзю. 2017. №3.

УДК 903.27(571.52)

М.Е. Килуновская, А.В. Семенов

Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

ОБРАЗЫ И КОМПОЗИЦИИ НА СКАЛАХ ОВИЮРА, ТУВА

Исследование проведено в рамках программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (ФНИ ГАН) (проект №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.)»)

На севере Убсу-Нурской котловины около пос. Дус-Даг (Республика Тыва) и в сумоне Давст (Монголия) в последние годы были открыты местонахождения наскальных рисунков: Кара-Туруг, Куу-Даг, Мортук и Бичиктийн-Хая. В ходе планомерного и тщательного исследования памятников (с использованием 3D-моделирования) были зафиксированы более 1350 петроглифов, получены статистические данные по воспроизведенным на скалах образам, предложена их интерпретация. Особого внимания заслуживает многофигурная композиция на горе Кара-Туруг (плоскость 1-1), в которой представлены изображения лошадей, быков, козлов и хищников, рисунки, напоминающие жилища с находящимися там людьми, семейная пара с ребенком, колесницы, большая фалломорфная фигура, которую можно интерпретировать как бога-громовика и повелителя животных, батальная сцена и сцены охоты. Все это может складываться в единый повествовательный ряд, прочтение которого вполне возможно. Все фигуры выполнены в единой манере и датируются эпохой бронзы. Аналогии им находятся среди петроглифов Тувы и Северо-Западной Монголии. Исследование памятников продолжается.

Ключевые слова: Тыва, Северо-Западная Монголия, петроглифы, образы, композиции, бронзовый век, скифское время.

M.E. Kilunovskaya, A.V. Semenov

Institute of History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

IMAGES AND COMPOSITIONS ON THE ROCKS OF OVUUR, TUVA

The study has been done under fundamental scientific research program of state academies of sciences (or FSR SAS) on the state research subject: N0184-2018-0009 “The Interaction of Ancient Cultures of North Eurasia and Civilization of the East in the Epoch of Paleometal (4th millennium BC – 1st millennium BC)”

On the North of the Ubsu-Nur basin, near the Dus-dag village and in the Davst sum (Mongolia) several rock art sites have discovered: Kara-Turug, Kuu-Dag, Mortul and Bichiktyun-Khaya. During the systematic and thorough research of those sites (using 3D modeling) more than 1350 petroglyphs have been recorded. Statistical data on the images has been received; their interpretation has been suggested. Special attention is paid to the multifigural composition on the Kara-Turug mountain (group 1-1) containing figures of horses, oxen, goats, humans and predators, figures resembling houses with people inside, a couple with a child, chariots, a large phallomorphic figure, which could be interpreted as a god of thunder and master of animals, scenes of hunting and battle. All those figures make up the narrative series, which are quite possible to read. They are all engraved in the similar manner and dated to the Bronze Age. There are a lot of analogies of such images among the petroglyphs of Tuva and North-West Mongolia. Research of the sites continues.

Key words: Tuva, North-West Mongolia, petroglyphs, images, compositions, Bronze Age. Scythian time.

На территории Тувы и в сопредельных с ней районах Северо-Западной Монголии в последние годы ведется интенсивное изучение памятников наскального искусства. В 2010–2017 гг. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН проводились исследования в Овюрском районе Республики Тыва и граничащим с ним монгольским сумоном Давст. Эта территория, расположенная к югу от хребта Танну-Ола, изобилует памятниками археологии: здесь множество местонахождений петроглифов, могильников и поселений различных периодов от эпохи бронзы и скифского времени до позднего средневековья. В свою очередь, эта область является северной частью обширной Убсу-Нурской котловины, удобные перевалы ведут отсюда на север – в долины Хемчика и Улуг-Хема. Несомненно, в древности через эту территорию осуществлялись контакты племен, населявших котловины бессточных озер Центральной Азии с населением Центральной Тувы и Южной Сибири, и данная территория может быть выделена как особая историко-культурная зона.

В ходе посещения нашей экспедицией Овюрского района в 2010 г. учительница школы пос. Дус-Даг Б.Б. Тумат показала нам наскальные изображения на горах Кара-Туруг и Мортук. Помимо петроглифов, которые во множестве здесь представлены, наше внимание привлекли расположенные у подножия гор курганы, относимые к раннескифскому времени. Немаловажными являются и находки большого количества каменных орудий на самих горах с рисунками и вокруг. В течение полевых сезонов 2014–2015 гг. нами предпринимались археологические разведки на территории Овюрского района Тувы и в монгольском сумоне Давст, а в 2016–2017 гг. проводились полномасштабные исследования как курганного могильника у подножия горы Кара-Туруг, так и петроглифов в районе пос. Дус-Даг – на горах Кара-Туруг, Куу-Даг и Мортук, а также в Монголии (Давтсум), всего в 2 км от российской границы в горах Бичиктийн-Хая.

При копировании наскальных изображений нами была применена технология создания 3D-моделей по фотографиям, для получения ортогонального изображения скальной поверхности в высоком разрешении, с последующей обработкой этих изображений в программе Photoshop. Таким образом, получают достаточно детальные черно-белые прорисовки петроглифов с возможностью разделения изображений по слоям (в случае многослойных скоплений) и дальнейшей трансформацией изображений в векторные форматы. Особенно перспективной данная технология представляется в связи с небольшими гравировками либо изображениями, сочетающими гравировку и пикетаж.

Плоскости с рисунками были зафиксированы с помощью тахеометра, в результате мы имеем планы местонахождений петроглифов, привязанные к общей системе координат. Также было составлено описание скальных поверхностей с указанием количества фигур и их предварительной интерпретацией. Исследование это далеко от завершения, так как оно состоит из нескольких этапов – поиск собственно скал с рисунками на местности, фиксация их и описание, а затем обработка полученных копий с целью создания прорисовок, пригодных для дальнейшего изучения и публикации.

На горе Кара-Туруг найдено 584 изображения, которые распределены в 27 скоплениях на склонах и на вершине горы. Плоскости в большинстве своем ориентированы на юго-восток, т.е. вниз по долине р. Торгалык, в сторону оз. Убсу-Нур. Впрочем, встречается и ориентация на юго-запад, горизонтальные поверхности, обращенные к небу, и даже отдельные плоскости, направленные к северу. Седловина отделяет от горы Кара-Туруг небольшой хребет, состоящий из пяти невысоких сопков. Он называется Куу-Даг. Здесь также много плоскостей с рисунками, ориентированными так же, как и на Кара-Туруге. На ближайших двух сопках найдено 16 скоплений петроглифов, включающих более 340 изображений. Скопления рисунков есть и на других сопках Куу-Дага, их фиксация и изучение планируются в ближайшем будущем. Такая же ситуация и на горе Мортук, где мы успели зафиксировать 425 изображений. Здесь была подробно обследована лишь западная часть склонов, но разведка показала, что на Мортук еще много неисследованных скоплений рисунков. Гора Мортук расположена на восточном берегу р. Торгалык, в 2 км (по прямой) от Кара-Туруга, обращенного к востоку высоким, не менее 30 м, отвесным обрывом. Две эти вершины живописно обрамляют долину реки, представляя собой прекрасные наблюдательные пункты и запоминающиеся маркеры местности. Наскальные изображения являются неотъемлемой частью общего культурно-исторического контекста с расположенными по соседству ритуально-погребальными комплексами, включающими каменные выкладки, стелы, изваяния, херексуры и курганы (последние располагаются как в долине, так и на склонах, в седловинах и на вершинах гор). Исследования местонахождения Бичиктийн-Хая в Монголии около пограничного пункта Боршоо начались совсем недавно, но уже удалось обнаружить множество интереснейших изображений. Скальные выходы с петроглифами здесь встречаются на протяжении нескольких километров, поэтому сложно предположить даже примерное количество их скоплений.

Хронологически изображения Кара-Туруга, Куу-Дага, Мортуга и Бичиктийн-Хая так же, как и соседствующие с ними могильники, весьма неоднородны и охватывают культуры от бронзового века до позднего средневековья.

Набор образов, выбитых на скалах этих недавно открытых местонахождений, как и в хорошо изученных писаницах Саяно-Алтайского нагорья, в основном состоит из выбитых фигур разнообразных животных, среди которых с той или иной периодичностью встречаются антропоморфные фигуры и различные знаки. Предварительно изображения были разделены на антропоморфные фигуры, различные знаки и нечитаемые выбивки, а также по видам изображенных животных. Выборка включает 1356 рисунков. Значительная часть выбивок – 588 (43% от общего количества) – это фигуры копытных, интерпретируемые как козлы. Фигурки козлов встречаются практически на всех поверхностях, где вообще есть наскальные изображения, нередко одиночные или парные, едва намеченные или нацарапанные (впрочем, иногда весьма тщательно выбитые) фигуры на небольших выходах скал. Иногда такие одиночные фигуры попадают вдали от крупных писаниц, но встречаются и многофигурные композиции, состоящие из схожих по стилю изображений, и скопления разновременных выбивок, где фигуры козлов также составляют большинство. Животные показаны в профиль, с двумя, значительно реже четырьмя ногами, в позе прыжка, бега либо стоящие. По длинным проработанным рогам (может быть изображен как один, так и два рога), зачастую проработанным «бородам» и «фаллосам» фигуры «козлов» можно интерпретировать в основном как самцов горных козлов-архаров либо козерогов. В некоторых случаях рога показываются гипертрофированно увеличенными, с проработкой зубчатых выступов на внешней поверхности, что, без сомнения, позволяет отнести эти выбивки к фигурам архаров. Подобных фигур, как правило, тщательно и искусно выбитых, вместе с характерными изображениями горных баранов, с сильно закрученным рогом, на писаницах долины Торгалыка пока что насчитывается 62, что составляет почти 5% от общего количества. В большинстве изображения козлов достаточно схематичны и исполнены грубо, хотя встречаются отдельные фигуры, выполненные с использованием приемов скифского звериного стиля. В таких случаях выбивка тонкая и тщательная. Размеры изображений редко превышают 40 см в длину. На Кара-Туруге немало миниатюрных фигур козлов (не более 5 см), которые воспроизведены в скоплениях с фигурами собак, волков и людей-лучников. Рога, показанные короткими, позволяют интерпретировать их как домашних коз. Наиболее схематичные фигуры часто носят следы подновлений, нередко встречаются современные процарапанные изображения архаров и козерогов. Фигуры козлов, представленные на писаницах Торгалыка, в основном можно считать типичными для наскального искусства Саяно-Алтая и сопредельных регионов, благодаря многочисленным аналогиям на хорошо изученных памятниках. Датировка таких выбивок может весьма различаться даже в пределах одного скопления, как уже говорилось, есть фигуры, относимые к скифскому времени, эпохе бронзы, но большая часть изображений козлов, по-видимому, относится к раннему средневековью.

Выбивки, воспроизводящие оленей и лошадей, столь же вариативны по своей хронологической принадлежности и стилю исполнения. На исследованных нами памятниках Овюрского района зафиксировано 55 (4%) фигур лошадей и 93 (6,8%) оленей. Большую часть из них можно отнести к скифскому времени (благодаря выраженным элементам звериного стиля – плавности контура, выделенному изображению задней части туловища, вытянутым ногам с проработанной лыткой и копытами и др.). Однако встречаются фигуры лошадей и оленей, выполненные в более архаичной манере, когда тела

животных изображены как бы более грузными, стремящимися к прямоугольнику, трапеции или ладьевидной форме (рис. 1.-1). Такие изображения характерны для искусства эпохи бронзы Саяно-Алтая. Схожий стиль мы видим на рисунках (быки, лошадь, баран и олень), выполненных пигментом красного цвета на поверхности под скальным навесом останца Ямалыг в Эрзинском районе Тувы [Килуновская, Семенов, 2011, с. 135–144]. Возле навеса был сделан раскоп, в котором найдены каменные орудия и керамика, позволяющие да-

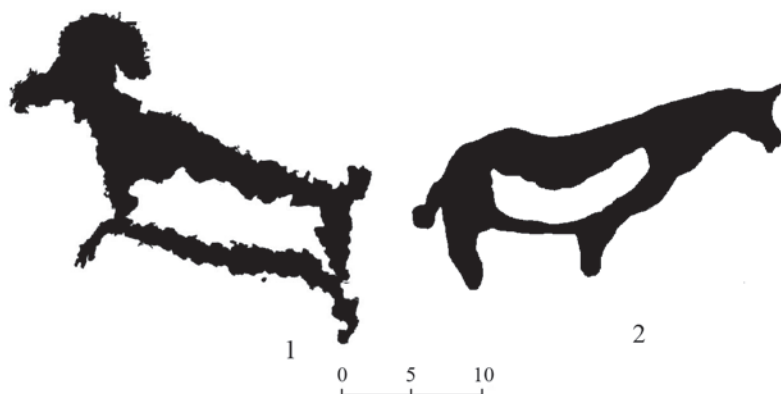

Рис. 1. Изображения эпохи ранней бронзы: 1 – петроглиф на горе Кара-Туруг; 2 – рисунок, выполненный охрой, на останце Ямалык

тировать памятник ранним бронзовым веком. На горе Кара-Туруг значительное сходство с рисунками под навесом Ямалыга обнаруживает группа фигур баранов, выбитая на горизонтальной поверхности у вершины горы (плоскость 16-20) (рис. 1). Эти фигуры, вероятно, относятся к древнейшим изображениям на Торгалыке.

Весьма характерны для искусства эпохи бронзы и фигуры быков, которые встречаются хоть и не часто, но непременно присутствуют в значительных скоплениях петроглифов и отличаются качеством и стилем выбивки. Фигуры быков нередко представлены в композициях с антропоморфами. Они, как правило, крупные, грузные, часто изображаются с выюками на спинах. Рога быков показаны в форме замкнутой вытянутой петли либо направленными вперед. Тела иногда передаются как прямоугольник или трапеция, тогда фигуры выглядят поджарыми и вытянутыми, но обычно передаются реалистично с массивными телами. Может быть показано как две, так и четыре ноги. Хвосты выбиваются как линия с утолщением на конце, обозначающем кисть, интересно дополнение кистей на бычьих хвостах процарапанными линиями, прослеженное нами в нескольких случаях.

Многофигурные композиции с участием разнообразных копытных зачастую дополняются фигурами псовых хищников – собак, волков, реже лис. Это могут быть волки, преследующие копытное или нападающие с разных сторон, либо присутствующие в сценах охоты собаки, отличимые по характерно загнутым хвостам. Иногда изображаются неопределенные хищники, сочетающие черты псовых и кошачьих. Одно из таких существ представлено в сцене терзания на горе Мортук. Фигуры собак и волков на скалах Торгалыкских местонахождений встречаются довольно часто – 77 собак и 46 прочих псовых хищников, что составляет более 10% от общего числа изображений.

Изображения этих животных редко встречаются в отрыве от сложных композиций, где свои роли играют и фигуры людей (или, во всяком случае, неких человекоподобных существ). Хорошим примером такого скопления является группа 1-1 на Кара-Туруге. Это скальный фриз более 14 м в длину, высотой от 1 м по краям до 3 м в средней части (рис. 2.-1). Поверхность скалы иссечена косой решеткой трещин, частично разделена глубокими разломами на отдельные блоки, но в целом сохраняет монолитность и одинаковую ориентацию скальной поверхности. В основном здесь изображены животные, идущие слева направо (в обратную сторону направлено всего несколько фигур), но есть также две колесницы, два жилища, 21 антропоморф – в общей сложности 150 фигур.

Фигуры копытных на фризе 1-1 в большинстве своем повернуты головами направо. Основная масса изображений здесь весьма архаична по своему исполнению, их мы относим к эпохе бронзы. Этот же пласт синхронных друг другу по времени фигур представляет собой, по-видимому, единую жанровую композицию, в которую вовлечены различные объекты и персонажи. Если рассматривать всю композицию слева направо, то она начинается с изображения двух лошадей (рис. 2.-2). Так же, как и другие фигуры этих животных, они достаточно реалистичны – две ноги, длинный хвост, слегка прогнутая спина, длинная шея и два длинных уха. Далее в верхней части две геометрические фигуры, которые мы можем интерпретировать как изображения домов – прямоугольная конструкция, разделенная линиями на части (рис. 2.-3). Вверху два отсека, в которых показано по одной распластанной человеческой фигуре, в нижнем левом углу «жилищ» выделен еще один отсек, в одном случае в нем показана одна фигура, а в другом – две. В центре точкой намечен «очаг». Около «жилищ» выбиты фигуры идущего человека и косули. Подобное изображение «жилища», но без людей, есть на соседней горе – Куу-Даг, известны такие изображения и на других писаницах Тувы и Монголии (Мугур-Саргол, Чайлаг, Овюр, Бага-Ойгур). В левой части фриза мы видим скопление фигур: вначале антропоморфная фигура, «идущая» направо, перед ней небольшое изображение повозки или колесницы, но собственно колеса не изображены (рис. 2.-5), над ней фигура быка. Всего здесь пять быков (рис. 2.-6). Они разнятся по стилю (две с серповидными и три с петлевидными рогами). Вокруг и перед ними множество знаков и фигур копытных – олени, многочисленные козлы, парные фигуры лошадей, наподобие «идущих» в начале фриза. В обратную сторону, налево, повернуты две фигуры волков. Центральная часть композиции (на том же уровне, что и «жилища») увенчана изображениями колесницы и человека с фаллосом, грибовидной головой и раскинутыми в стороны руками (рис. 2.-4). Подобный персонаж встречается на писаницах Чайлаг-Хем и Баган-Ойгур и может быть трактован как образ бога-громовика [Семенов, 2008, с. 410–412]. Колесница здесь довольно необычна, она состоит из тонко выбитого изображения лошадей, влекущих двухколесную повозку. К ней присоединена как будто бы еще одна колесница, выполненная грубее, так что получается видимость 4-колесной повозки или присоединения одной колесницы позади другой. Внизу центральной части – фигура всадника, как будто стоящего на лошади, перед ним – сцена преследования козла неким хищным существом с длинным хвостом и рогами (рис. 2.-7). Обе фигуры

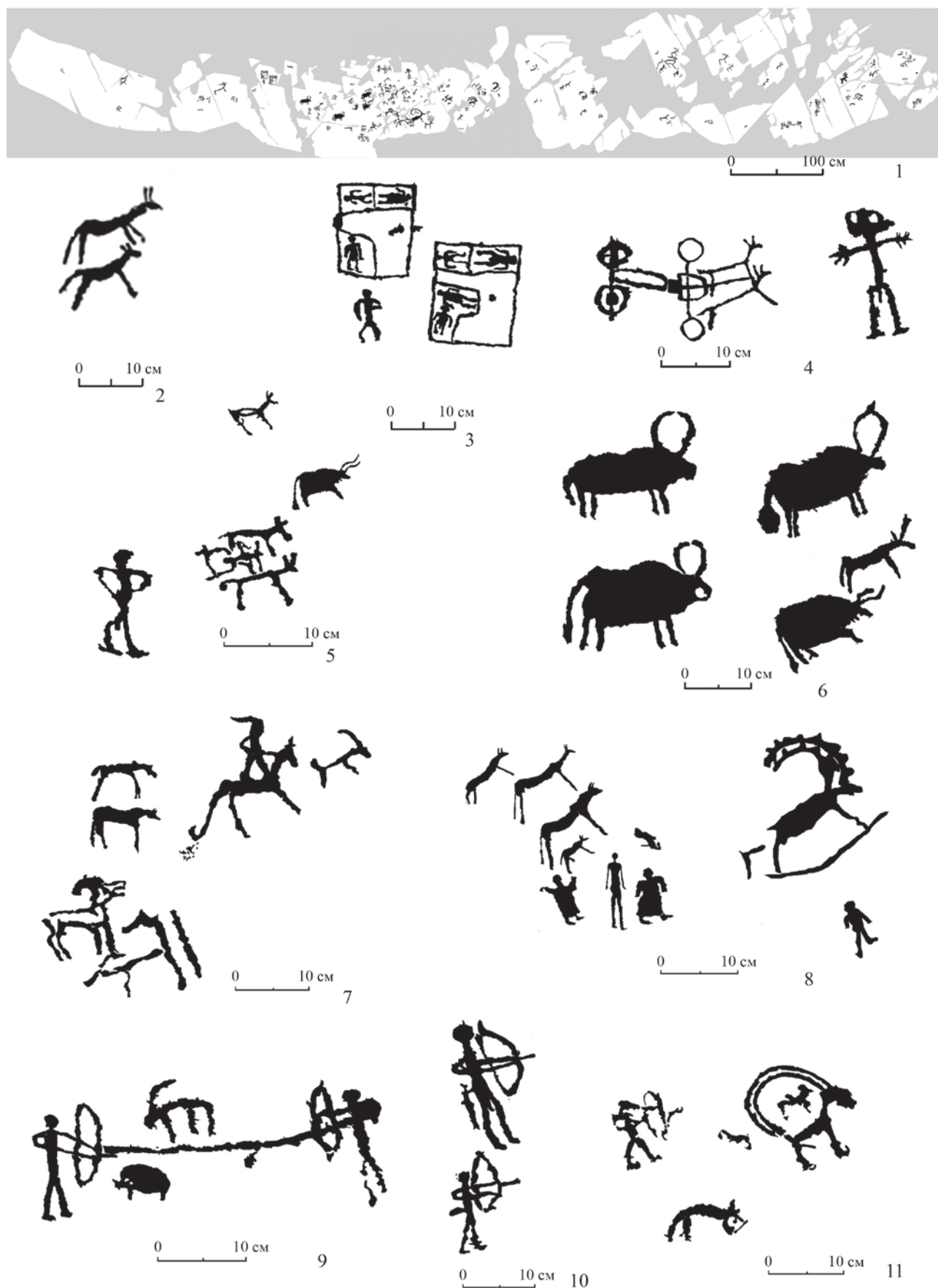

Рис. 2. Кара-Туруг, плоскость 1-1: 1 – общий вид плоскости; 2 – фигуры лошадей; 3 – изображения «жилищ»; 4 – колесница и антропоморф; 5 – сцена с повозкой; 6 – фигуры быков; 7 – всадник, стоящий на лошади; 8 – «семья»; 9 – сцена битвы; 10 – лучники; 11 – сцена охоты

довольно крупные. Далее, в центре всего фриза, выбито два крупных горных козла с большими характерными рогами, три лошади и четыре антропоморфные фигуры, возможно, изображающие семью (рис. 2.-8). Затем следуют одиночные и парные фигуры оленей, козлов и лошадей, выполненные в том же архаичном стиле. Завершается фриз сценой с участием фигур лучников. В ее начале, внизу, изображены две противопоставленные фигуры стрелков, соединенные линией, видимо, с целью подчеркнуть, что они стреляют друг в друга (рис. 2.-9). Ниже этой линии – маленькая фигура кабана, выше – такая же небольшая фигурка козла, обе повернуты против движения большинства фигур, т.е. налево. На следующем блоке видны две антропоморфные фигуры, на поясах у которых показано оружие, а в руках четко проработанные сложные луки (рис. 2.-10). Далее еще одна фигура лучника, но выполненная грубее, ниже нее псовый хищник, перед лучником – козел (рис. 2.-11). На крайней поверхности внизу еще две схематичные фигуры лучников, над ними – несколько фигур козлов. Таким образом, перед нами четыре композиционных блока: 1 – «жилища» с находящимися там людьми, к которым идет человек; 2 – скопление животных с доминирующими фигурами быков, к которым направляется антропоморф с повозкой, а сверху помещен «бог» с колесницей; 3 – идущие люди, возможно семья, в сопровождении лошадей; 4 – сцены охоты и борьбы за добычу (а именно за кабана). Вполне возможно, что перед нами иллюстрации какого-то мифологического сюжета, интерпретацию которого мы пока не можем предложить.

Следующий пласт изображений в группе 1-1 составляют фигуры козлов, косуль и оленей, выполненные с элементами скифского стиля. Их совсем немного и они, скорее, дополняют собой исходную композицию. Несколько схематичных фигурок козлов и крупный подновленный олень в конце фриза, а также процарапанное изображение жилища в середине, видимо, могут быть отнесены к периоду раннего средневековья.

Представленный на скалах Овюрского района петроглифический материал чрезвычайно обширен. Многофигурные композиции, наподобие группы 1-1 на горе Кара-Туруг, являются яркими образцами искусства бронзового века, тщательное изучение которых позволяет нам приподнять занавес над мифологическими представлениями древнего населения этого региона, о котором мы знаем исключительно по материалам археологии. К сожалению, формат статьи не позволяет нам привести все имеющиеся аналогии описанным композициям, так как они очень многочисленны и требуют пространных исследований. Интерпретация описанных сцен пока что до конца не ясна, ее уточнение – дело ближайшего будущего.

Библиографический список

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Древнее святилище Ямалыг // Природа заповедника «Убсунурская котловина». Красноярск, 2011. Вып. 2. С. 135–144.

Семенов Вл.А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб., 2008. 590 с.

УДК 903.27(510)

С.А. Комиссаров^{1,2}, Д.В. Черемисин¹, М.А. Кудинова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

³Пекинский университет, Пекин, Китай

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПИСАНИЦА КИТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»)

В статье дана краткая информация о самой крупной на территории Китая галерее наскального искусства, которая протянулась на более чем 200 км вдоль берегов р. Цзоцзян, пересекающей горы Хуашань (Гуанси-Чжуанский автономный район). В 2016 г. памятник включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. На скальных поверхностях охрой нарисованы фигуры людей, животных, лодок, оружия, музыкальных инструментов. Стилистика изображений и форма некоторых реалий (тимпаны бронзовых барабанов, колокола, ножи и кинжалы) близки находкам на памятниках донгшонско-дяньской традиции. Датировка с конца Чжоу до начала Восточной Хань (III в. до н.э. – III н.э.) в целом согласуется с данными радиоуглерода; не исключена более поздняя дата для отдельных рисунков. В этнокультурном плане создателей галереи соотносят с племенами ло-юэ (лак-вьет), которые, вероятно, были предками чжуан, населяющих регион и в наши дни. Ряд проблем только поставлен. Для их решения необходимы новые данные, которые будут получены в ходе посещения памятника и консультаций с китайскими специалистами.

Ключевые слова: петроглифы, галерея наскального искусства, Гуанси, ло-юэ (лак-вьет), донгшонско-дяньская цивилизация.

S.A. Komissarov^{1,2}, D.V. Cheremisin¹, M.A. Kudinova³

¹Institute of Archaeology & Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;

³Peking University, Beijing, China

THE LARGEST ROCK-ART GALLERY IN CHINA

The work is performed with financial support of RFBR, (the project No. 18-09-00557, “An Investigation of Rock-Art Monuments in the Archaeology of China (Ancient and Medieval Epoch)”)

The article presents brief information about the largest rock-art gallery in the territory of modern China. It extends for more than 200 km along both banks of the Zuojiang River crossing the Huashan Mountains in Guangxi-Zhuang autonomous region. In 2016 the monument was included into the list of World Heritage of UNESCO. The figures of people, animals, boats, weapons, musical instruments were painted by red ochre on the rock surfaces. Stylistics of images and shapes of some depicted objects (tympanums of bronze drums, bells, knives and daggers) are close to the archaeological finds on the sites of Dongson-Dian cultural tradition. Chronology of the gallery from the end of Zhou up to the beginning of Eastern Han (the 3rd century BC – 3rd century AD) corresponds in general with radiocarbon dating, but the later dates for some pictures are impossible to exclude. By their ethno-cultural characteristics the creators of this rock-art gallery could belong to *luo-yue* (*lak-viet*) tribes who were very likely the ancestors of the Zhuang people inhabiting this region at present time. Some problems have just been set. In order to answer these questions we need new data which will be obtained during direct survey of the sites and in the course of consultation with Chinese specialists.

Key words: petroglyphs, rock-art gallery, Guangxi, *luo-yue* (*lak-viet*), Dongson-Dian civilization.

На довольно подробной карте распространения петроглифов на территории Китая, опубликованной в одном из авторитетных обобщающих изданий по данной тематике [Чжунго яньхуа, 1993, вклейка между с. 16 и 17], можно видеть, что хотя спорадически памятники наскальной живописи зафиксированы во многих «внутренних землях» Китая, однако их наибольшие скопления приходятся на гористую периферию (Внутренняя Монголия, Нинся, Цинхай, Ганьсу, Синьцзян, Тибет). Рисунки наносились на скальные поверхности в районе горных перевалов или речных долин. Аналогичная локализация петроглифов фиксируется и в других районах Евразии. Достаточно вспомнить Елангаш в отрогах Южно-Чуйского хребта на юго-востоке Российского Алтая, где, по подсчетам новосибирских археологов, сконцентрировано около 30 000 разновременных фигур. Считается, что такие памятники отмечали пути передвижения мобильного населения эпохи палеометалла («Петроглифы на кочевой тропе» – как выразительно называлась одна из книг ведущего специалиста по наскальному искусству Центральной Азии М.А. Дэвлет [1982]).

Группа наскальных изображений, выявленных на территории Гуанси-Чжуанского автономного района КНР, в основном соответствует указанной закономерности. Основная масса рисунков расположена по обоим берегам Цзоцзяна (впадает в Сицзян, западный приток Чжуцзяна) и некоторых ее небольших притоков, которые прорезают низкое горье Хуашань, примыкающее к Юньнаньскому плато. Вдоль этой речной долины вполне могло осуществляться движение из гористых районов Юго-Западного Китая и Северного Вьетнама (в современных границах) к морскому побережью и обратно. В настоящее время этот памятник наскального искусства – самый известный и наиболее изучаемый в Китае; в 2016 г. он был включен в список Всемирного наследия человечества, составляемый ЮНЕСКО [Чжоу Хуа, 2016].

Всего в долине Цзоцзян выявлено и описано 84 местонахождения рисунков (в составе которых выделяют 287 групп), сконцентрированных в восьми уездах в юго-восточной части автономного района. Общая длина галереи составляет свыше 200 км, рисунки располагаются на известковых поверхностях скал (реже в скальных навесах), на высоте от 15–20 до 80 м (и даже 120 м) над поверхностью реки. Площадь отдельных групп может достигать 8 000 кв. м и содержать до 1 900 фигур и предметов; их размеры – от 0,6 до 2,4 м; все рисунки выполнены красной охрой. Репертуар содержит фигуры людей, зверей (часто фантастических), а также лодки, музыкальные инструменты, оружие [Цзян Тинъюй, 2012, с. 318; Тань Шэнмин и др., 1987, с. 18, 21].

Именно изображенные реалии дают возможность для хронологических и этнокультурных интерпретаций. Наиболее представительными являются изображения бронзовых барабанов (вид сверху), причем именно их гуансийского (относительно позднего) варианта, с многолучевой звездой на тимпане. Дата этих барабанов и, соответственно, датировка их изображений – от позднего Чжоу до раннего Хань (т.е. последние века I тыс. до н.э.), с возможностью продления до первых веков I тыс. н.э. Форма других реалий (ножей, кинжалов, колоколов) не противоречит этой дате. Изображения людей в лодках в Цзоцзян хотя и не многочисленны, но очень важны, поскольку также выполнены в стилистике изображений на донгшонских бронзовых барабанах.

В указанный период на территории Юго-Западного Китая и значительной части Юго-Восточной Азии господствовала донгшонско-дяньская культурная традиция, с основным (и наиболее ранним) цивилизационным центром в окрестностях оз. Дяньчи (пров. Юньнань) [Молодин и др., 2015]; в Гуанси был представлен ее локальный вариант. Проведенные исследования краски, которой выполнены рисунки (анализ Fe_2O_3), показали, что наиболее вероятное время их создания – период Чжаньго–Восточная Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) [Чжунго яньхуа, 1993, описание к рис. 162]. Также китайскими исследователями была предпринята попытка датировать писаницы по радиоуглероду. Ими были получены даты из разных мест, укладывающиеся в промежуток 2 200 г. до н.э. – 320 г. н.э. [Чжунго яньхуа, 1993, с. 15] и, вероятно, свидетельствующие о длительном периоде создания и использования памятника. Как считает Чэнь Чжаофу [2002, с. 215, 216], поскольку в качестве образцов были взяты натечные образования, перекрывавшие рисунки, то даты для самих рисунков будут более ранними. Впрочем, для самых ранних дат нет надежных обоснований, тогда как более поздние (например, для фигур всадников) вполне возможны [Чэнь Юаньчжан, 2006, с. 98–100].

Среди сюжетов наибольшее внимание привлекают многочисленные изображения человека с поднятыми вверх руками и широко расставленными ногами, ножом в правой руке и предметом, трактуемым как меч или пояс. Этот сюжет зафиксирован также в петроглифах гор Иньшань на севере Китая (Внутренняя Монголия) и – что особенно важно! – в петроглифах Енисея [Комиссаров и др., 2005]. Другие сюжеты, в том числе сцены «военного триумфа», изображения антропоморфных персонажей-танцоров или адорантов, по всей видимости, связаны с родовыми или племенными культами, о чем можно судить по масштабности и грандиозным размерам ансамблей наскальных изображений. О культовом отношении местного населения к этим рисункам говорится еще в описаниях, составленных Ли Ши в начале правления династии Южная Сун (1127–1279) (см.: [Цзян Тинъюй, 2012, с. 318]).

Вопрос о том, какой народ создал эти писаницы, остается дискуссионным. В основном их связывают с деятельностью племен ло-юэ (лак-вьет), потомками которых считают современное чжуанское население района. Однако другие считают создателей рисунков в Цветных горах (Хуашань) предками народов мяо-яо [Чэнь Юаньчжан, 2004]. Помимо этнокультурной атрибуции памятника, заслуживает обсуждения еще целый ряд вопросов. Например, почему из всех многочисленных речек петроглифы выявлены только в долине Цзоцзян (если это действительно так)? Почему наибольшее скопление рисунков приходится на верхнее течение реки, тогда как в среднем течении они встречаются реже (и, кстати, уменьшаются в размерах), а в нижнем отсутствуют вовсе? Что означают отдельные группы рисунков, аналогичных по технике исполнения и сюжетам «прибрежным» композициям, но обнаруженные в нескольких километрах от реки? Актуальным представляется и дальнейшее уточнение хронологии памятника, выделение этапов его развития.

На данном этапе, используя имеющиеся в нашем распоряжении опубликованные материалы, мы вынуждены ограничиться формулировкой возникающих проблем. Их детальное изучение предполагается провести в ходе непосредственного посещения памятника, запланированного авторами статьи на октябрь 2018 г., в рамках выполнения работ по проекту РФФИ №18-09-00557.

Библиографический список

- Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982. 128 с.
- Комиссаров С.А., Черемисин Д.В., Астрелина И.В. Об одном сюжете на писаницах Южного Китая // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. М., 2005. С. 129–132.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. Культура Дянь (Диен) как вариант донгшонской цивилизации // Развитие территорий. 2015. №1. С. 6–12.
- Тань Шэнминь, Тань Цайлуань, Лу Минфэй, Юй Жуюй. Гуанси цзоцзян лююй ябихуа каоча юй яньцзю [覃圣敏、覃彩銓、卢敏飞、喻如玉。广西左江流域崖壁画考察与研究]. Обследование и изучение наскальных рисунков в бассейне р. Цзоцзян в Гуанси. Наньнин, 1987. 257 с. + 125 с. ил.
- Цзян Тинъюй. Гуанси каогу тунлунь [蒋廷瑜。广西考古通论]. Обзор археологии Гуанси. Наньнин, 2012. 472 с.
- Чжоу Хуа. Наскальная живопись в горах Хуашань в Гуанси стала объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО // Информ. портал Синьхуа Новости: Russian news.cn. 16.07.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-07/16/c_135517321_2.htm (дата обращения: 05.07.2018).
- Чжунго яньхуа [中国岩画]. Наскальное искусство Китая. Пекин, 1993. 150 с.
- Чэнь Чжаофу. Гудай яньхуа [陈兆复。古代岩画]. Древние петроглифы. Пекин, 2002. 248 с.
- Чэнь Юаньчжан. Гуанси цзоцзян яньхуа яньцзю // Гуанси каогу вэньцзи [陈远璋。广西左江岩画研究概述 // 广西考古文集]. Очерк изучения петроглифов Цзоцзян в Гуанси // Сборник статей по археологии Гуанси. Пекин, 2006. Вып. 2. С. 97–111.
- Чэнь Юаньчжан. Лоюэ вэньхуадэ ицзи // Гуанси боугуань вэньцзи [陈远璋。骆越文化的遗迹 // 广西博物馆文集]. Остатки культуры племен ло-юэ // Сборник трудов Гуансиского музея. Наньнин, 2004. С. 147–154.

УДК 903.27(571.151)

Н.А. Константинов, А.У. Урбушев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРАВИРОВКИ ДЯЛБАКА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-1837.2017.6
«Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции
процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье»

В 2017 г. археологической экспедицией Горно-Алтайского государственного университета были обследованы петроглифы в урочище Дялбак на окраине с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай. Наскальные изображения, найденные сотрудниками Курайской геологической партии в 1979 г. и обследованные позднее археологом А.С. Васютиным, нанесены на трех горизонтальных плитах. Все рисунки выполнены техникой гравировки. Общее количество фигур составляет около четырех десятков. Прослеживаются боевые и охотничьи сюжеты, парные и отдельные изображения животных. Некоторые фигуры достаточно детально прорисованы, в отдельных случаях хорошо различимы детали снаряжения изображенных фигур людей и лошади. Благодаря многочисленным аналогиям, большинство изображений довольно уверенно относится к эпохе раннего средневековья. В 2017 г. была произведена фотосъемка плоскостей с гравировками в ортогональной плоскости для прорисовки изображений с использованием графических компьютерных программ. В настоящей работе представлены предварительные результаты изучения гравировок.

Ключевые слова: Алтай, петроглифы, гравировка, раннее средневековье, тюркское время.

N.A. Konstantinov, A.U. Urbushev

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

EARLY MEDIEVAL ENGRAVINGS OF DYALBAK

The work is supported by the grant of the President of the Russian Federation MK-1837.2017.6
“Study of Archaeological Complexes of the South-Eastern Altai in the Context of Reconstruction
of Human Development of High-Mountainous Landscapes in the Early Iron Age and Middle Ages”

In 2017, the archaeological expedition of the Gorno-Altai State University examined petroglyphs in the Dyalbak tract on the outskirts of the Balyktau village, Ulagansky District of the Altai Republic. The petroglyphs on plates were discovered by the employees of the Kuray geological party in 1979 and later examined by the archaeologist A.S. Vasyutin. All the figures are engraved. The total number of figures is about four dozen. There are combat and hunting scenes, paired and separate images of animals. Some figures are detailed: the details of horse equipment are discernible. Thanks to numerous analogies, most images could be positively attributed to the early Middle Ages. In 2017 the planes with engravings in the orthogonal plane were photographed to draw images using graphic computer programs. The paper presents preliminary results of the study of engravings.

Key words: Altai, petroglyphs, engravings, early Middle Ages, Türkic time.

Среди алтайских петроглифов гравировки весьма многочисленны. Они создавались в различные исторические периоды, как минимум, с эпохи ранней бронзы и до этнографического времени. Некоторые из них выполнены в достаточно схематичной и условной манере [Кубарев, 2011, с. 54], другие отличаются «высокохудожественностью, в деталях представляя эпоху» [Черемисин и др., 2017, с. 450]. Именно детальность гравированных рисунков определяет их как важный изобразительный источник. И если раньше из-за отсутствия технических возможностей полноценного изучения гравировок исследованию таких рисунков уделялось мало внимания, то сегодня, благодаря доступности техники для получения качественных цифровых фотографий и программного обеспечения для их обработки, исследования в этом направлении активизировались [Миклашевич, 2012, с. 166, 167; 2013, с. 168, 171].

Открытие раннесредневековых тюркских гравировок связано с Восточным Алтаем. Именно здесь в 1924 г. во время раскопок на могильнике Кудыргэ в долине Чулышмана найдено изваяние и костяные накладки на луку седла с выгравированными сценами [Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965]. Однако с тех пор гравировки в этом районе практически не изучались, хотя имеются упоминания и публикации отдельных изображений [Кубарев, 1984, рис. 14]. В связи с этим указанный район представляется весьма перспективным для поиска неизвестных петроглифических памятников, а также для изучения уже известных памятников с применением современных методик, в частности, позволяющих детально изучить гравированные изображения.

В полевой сезон 2017 г. мероприятия в этом направлении были осуществлены экспедицией Горно-Алтайского государственного университета. Было проведено изучение местонахождения петроглифов в местности Дялбак*, находящегося на северо-восточной окраине с. Балыктуюль в Улаганском районе

* В литературе памятник упоминается под названиями Дялбах и Джалбах-Кая, однако правильное написание наименования урочища Дялбак (алт. *жалбак* – широкий, плоский; плато [Молчанова, 1979, с. 175]). Мы считаем нужным закрепить это название за данным объектом археологического наследия.

Республики Алтай. Петроглифы Дялбака были найдены сотрудником Курайской геологической партии В. Бутвиловским в 1979 г. Спустя два года местонахождение было показано археологу А.С. Васютину шофером геологической партии В.А. Рыжковым во время проведения археологической разведки в окрестностях Балыктуюля. Информация о памятнике содержится в полевом отчете А.С. Васютина, хранящемся в архиве ИА РАН [Р-1, №8571]. В научной литературе имеются лишь краткие упоминания о памятнике [Васютин, 1983; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 22, 58].

В 2017 г. нами была проведена фотофиксация плоскостей с гравировками, получены GPS-координаты плит с рисунками, снят план памятника. Гравировки зафиксированы на трех горизонтальных плитах девонского песчаника, выступающих над уровнем современной поверхности. Плоскости пати-

Дялбак. Гравировки эпохи раннего средневековья

нированы, поросли лишайником, на них прослеживается много трещин. Очистка плоскостей от лишайника не осуществлялась, поэтому часть фигур осталась не выявленной. Тем не менее уже зафиксированные гравировки представляют определенный интерес.

Всего на плоскостях насчитывается около 40 различных фигур, все они выполнены техникой гравировки. Прослеживаются изображения оленей, горных козлов, юрт(?), колесницы, пеших лучников и копейщиков, конного копейщика в шлеме с высоким плюмажем. Подавляющее большинство изображений выполнено в схожем стиле и относится к эпохе раннего средневековья. Основные сюжеты, в которых участвуют человеческие фигуры, представлены сценами охоты и сценами боя.

В первой сцене боя представлено изображение всадника, поражающего копьем пешего воина в область живота (рис. 1.-1). Лошадь довольно детально прорисована, отчетливо прослеживаются линии, передающие узду, различимы налобный султан и подвески. Также прорисованы грива и три торчащих над ней зубца. На поясе всадника прослеживается налучье, на голове шлем с плюмажем и бармица(?). Пеший противник прорисован в более схематичной манере, на поясе изображен колчан.

Ниже этой сцены изображен бой пеших воинов, в котором один воин поражает другого копьем (рис.-1). Фигуры прорисованы схематично. На той же плоскости прослеживаются фигуры лучников, которые также могут составлять сцены боя. После планирующей расчистки плоскостей от лишайников, вероятно, удастся выявить новые детали этих сюжетов.

В сценах охоты участвуют пешие лучники, вооруженные М-образными луками. Объектами охоты в этих сюжетах являются горные козлы и олени. Вообще фигуры животных – самые многочисленные изображения среди гравировок Дялбака. Животные представлены как одиночно, так и по нескольким фигурам. В некоторых случаях удастся выявить, что фигуры участвуют в одной сцене. Так, например, привлекает внимание мастерски выполненная пара оленей – самца и самки, обращенных мордами друг к другу (рис.-2).

Благодаря многочисленным аналогиям из других петроглифических памятников, а также из закрытых погребальных комплексов, большинство гравировок можно уверенно отнести к раннему средневековью. Петроглифы других периодов на плоскостях практически отсутствуют, за исключением изображения двухколесной колесницы. Эта фигура, также выполненная техникой гравировки, предварительно может быть отнесена к эпохе бронзы [Шер, 1980, с. 194–201; Черемисин, 2003; Кубарев, 2004; и др.].

Таким образом, петроглифы Дялбака представляют пример классического памятника наскального искусства раннесредневековой эпохи Алтая и дополняют корпус тюркских гравировок. Дальнейшие исследования памятников наскального искусства в Улаганском районе Республики Алтай весьма перспективны.

Библиографический список

- Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 г. М., 1983. С. 192.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965. 144 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12. С. 12–26.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
- Кубарев Г.В. Гравировки на плитах из раннетюркских оградок в урочище Ак-Кообы на Алтае // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: мат. междунар. науч. конф. Кемерово, 2011. Т. 2, вып. VIII. С. 54–59.
- Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Кемерово, 2012. С. 157–202.
- Миклашевич Е.А. К методике документирования наскальных рисунков, выполненных в технике гравировки (на примере композиции памятника Улан-Байтог) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №2 (3). С. 166–175.
- Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 379 с.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. 1927. Т. III, вып. 2. С. 37–52.
- Черемисин Д.В. К изучению изображений колесниц в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 516–520.
- Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. Трехмерное сканирование наскальных рисунков Алтая в технике гравировки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. XXIII. С. 450–453.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.

УДК 902«653»(5):7

Г.Г. Король¹, О.Б. Наумова², Г.С. Пузакова¹, Э.А. Грешников³

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия;

²Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия;

³Научно-исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

**ВАРИАТИВНОСТЬ ДЕКОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА САЯНО-АЛТАЯ
(источники изучения проблемы традиционного и индивидуального)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00257)

В народном искусстве, в том числе декоративно-прикладном, фиксируются территориальные и социальные варианты – каждый раз традиция воспроизводится по-своему. Это в полной мере относится и к средневековому художественному цветному металлу Саяно-Алтая (преимущественно ремennым и другим украшениям). Вариативность декора на примере ряда образцов рассматривается как «индивидуальная», «местная региональная», «крупнорегиональная». Для эпохи характерны заимствования мотивов и особенностей их передачи. Заимствованные образцы включались в «свою» традицию, изменялись в соответствии с местными представлениями. При этом фигура мастера с ее индивидуальными, социальными и другими особенностями – важный фактор формирования вариативности декора. Понять роль мастера помогают этнографические источники, эпос, данные которых можно экстраполировать на процессы, происходившие в средние века.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, художественный цветной металл, археологические и этнографические источники, эпос, Саяно-Алтай, Центральная Азия, раннее средневековье.

G.G. Korol¹, O.B. Naumova², G.S. Puzakova¹, E.A. Greshnikov³

¹Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia;

²Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia;

³National Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

**VARIATION IN THE DECOR OF THE MEDIEVAL
ARTISTIC METAL WORK OF THE SAYAN-ALTAI
(sources for studying the problem of tradition and individual features)**

The work is performed with financial support of RFBR (Project No. 18-09-00257)

Folk art, including applied art, embodies territorial and social varieties – in each case the tradition can be reproduced in a peculiar way. This fully applies to the medieval artistic non-ferrous metal work of the Sayan-Altai region (mainly, belt and other ornaments). The authors consider “individual”, “local” and “large-regional” variations of decoration based on a number of sample objects. The period is characterized by borrowing of motives and peculiarities of their embodiment. Borrowed samples were included in one’s “own” tradition and adapted in accordance with local ideas. At the same time, the figure of the craftsman with his individual, social and other features was an important factor in the formation of the decoration variability. Understanding the role of the craftsman can be assisted by ethnographic sources, the epic, whose data can be extrapolated to the processes occurring in the Middle Ages.

Key words: applied arts, artistic non-ferrous metal work, archaeological and ethnographic sources, epic, Sayan-Altai, Central Asia, Early Middle Ages.

В разных гуманитарных науках проблема традиционного и индивидуального в народном искусстве вызывает интерес и считается одной из фундаментальных. Исследуемый археологический материал – раннесредневековые художественные изделия из цветного металла, преимущественно декорированные украшения снаряжения воина-всадника, – информативный источник для изучения декоративно-прикладного искусства. Выявление вариативности в нем, особенно в характерном для соответствующей эпохи декоре, – важный этап в попытке подойти к решению проблемы традиционного и индивидуального. Интерпретация результатов анализа археологического материала возможна при обращении к этнографическим и фольклорным источникам. Проблемы соотношения традиционного и индивидуального в народном искусстве в общем виде разрабатывались фольклористами, искусствоведом и этнографами (см., например: [Богатырев, 1971; Чвырь, 2013]).

Вариативность декоративно-прикладного искусства по археологическим материалам исследуется археологами в первую очередь в связи с разработкой типологии орнамента и декора и относительной хронологии предметов. Изучение художественной металлообработки средневековых кочевников степной (горно-степной) зоны Евразии и соседних территорий ведется преимущественно в этих направлениях. В исследованиях значительную роль играют типологические построения, связанные с самими изделиями из металла (А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.О. Гавритухин, В.А. Могильников, А.И. Торгоев, Т.Г. Горбунова, N. Fettich, D. Csallány, I. Fodor и др.). Их форма и декор используются для выяв-

ления относительной хронологии в силу того, что они обладают ярко выраженными особенностями, присущими определенному времени и территории.

Этот обширный фонд археологических источников не только создает большие возможности для типологических и хронологических построений, но и вызывает немало вопросов, относящихся к местам производства подобных изделий и способам их поступления в разные регионы. Как известно, бронзовые изделия подвижны и долговечны, они неоднократно меняют хозяев и перемещаются на значительные расстояния. Поэтому место находки в большинстве случаев не тождественно месту изготовления [Беленицкий и др., 1973, с. 287]. В этом плане актуальны фиксация и систематизация вариативности не только декора (форма ремennых и других украшений снаряжения воина-всадника и некоторых других предметов, входящих в данный круг изделий из цветного металла, условно стандартна), но и по возможности состава металла. Именно состав металла не отдельных предметов, а их серий позволяет выявлять разные источники происхождения декоративных бляшек, которые могут быть внешне (по форме и декору) идентичными и украшать, скажем, одно ремennое изделие.

Несколько слов стоит сказать о зарубежных исследованиях по археометаллургии с применением разнообразных аналитических методов, обращенных на реконструкцию всех сторон производственной цепочки, торговых связей, экономических и культурных контактов, понимание которых основывается не только на изучении типологии изделий, но и трансформации технологий металлообработки, их вариативности [Reedy, 1997; Metallurgical Analysis..., 2005]. При изучении металла и сплавов необходимо учитывать вероятность многократной переплавки изделий, и поэтому данные о химическом элементарном и микроэлементарном составе обычно фиксируют лишь бытующую в определенный период времени технологическую традицию. Вопросы происхождения металлов и местонахождения их источников, а также импорта и экспорта сырья эффективно решаются с применением изотопного анализа [Sayge et al., 1992]. В публикациях, отражающих исследования в области развития металлургии на территориях Евразии, отмечается важность изучения как регионов Китая, так и прилегающих территорий, в первую очередь степных пространств (обзор литературы см.: [Грешников, 2016]).

Затрагиваемые этими исследованиями методологические аспекты решения наиболее важных вопросов археометаллургии ранних эпох остаются актуальными в районах пограничных и взаимодействующих культур степи, Центральной Азии и Китая и в эпоху Средневековья [Gudrun, 2006; Король, Конькова, 2007]. Кроме того, комплексные исследования средневекового художественного металла Саяно-Алтая, включающие и естественнонаучную составляющую, дали возможность выйти на уровень исторического подхода к оценке ремесленных традиций [Горбунова и др., 2009; Король, Конькова, 2012].

Таким образом, современный тренд исследований – привлечение естественнонаучных методов к изучению древней и средневековой металлообработки. Однако этот плодотворный подход к исследованию металла не дает ответа на немаловажные для оценки хода общего процесса развития металлообработки гуманитарные вопросы. Среди них и вопрос о роли мастера (литейщика/кузнеца/художника-ювелира) не только в трансформации технологий металлообработки, если таковые наблюдались, но в первую очередь в изменениях особенностей декора, в соотношении традиционного и индивидуального в работе мастера художественной металлообработки. Привлечение этнографических, фольклорных и других источников о верованиях, религиозной практике, ритуалах древних и современных народов дает интереснейшие результаты, в том числе помогает понять зачастую скрытую от современного зрителя семантику и самих предметов, и их декора [Gudrun, 2006; Байло, 2011; Slocum, Sonneveld, 2017].

В публикациях этнографов (Л.Р. Павлинская, Н.В. Кочешков, С.И. Вайнштейн, К.И. Антипина, С.В. Иванов, Е.И. Махова, Э. Сулайманов, Э.А. Масанов, А. Пиркулиева, Ш.Ж. Тохтабаева, О.А. Сухарева), посвященных металлообработке у сибирских и среднеазиатских кочевников, определенное место уделяется и работе мастеров по металлу (подробнее см.: [Король, Наумова, 2017]). Роль кузнецов у разных народов также была предметом исследований этнографов. В частности, у тюрков-кочевников кузнец считался обладателем особого дара, т.е. творческого начала, знаний сверх нормы обычного общинника, хранителем тайного знания своей профессии. Это делало его, с одной стороны, «чужаком» в собственном обществе, а с другой – он обладал очень высоким социальным статусом [Вайнштейн, 1974; Сагалаев, Октябрьская, 1990].

Кроме этнографических исследований, немаловажным источником для понимания того, как положение мастера-кузнеца в обществе, характер его ремесла могли способствовать формированию его собственного стиля и индивидуализации его продукции, а также экстраполяции этих данных на археологический средневековый контекст, может служить устное народное творчество, в частности, эпос тюрко- и монголоязычных народов. Значительный пласт его формирования, по мнению специалистов,

приходился именно на период средневековья. Помимо «прямолинейного» поиска металлических реалий в эпосах, плодотворным направлением представляется изучение особенностей мировоззрения носителей эпоса, связанных с кузнечным делом и фигурой кузнеца. Отметим, в частности, такой важный аспект, который пока не становился предметом изучения, – проявление индивидуальности мастера в его изделиях. Р.С. Липец заметила, что кузнец как истый виртуоз узнает свое уникальное изделие через много лет. Она приводит пример Кёкё-дархана из «Джангара» (героическая поэма калмыков), который по сделанному им дроту для отца героя узнает его сына, после битвы явившегося к кузнецу, чтобы починить оружие [Липец, 1978, с. 119].

В ойратском эпосе меч для героя делают сразу несколько кузнецов: дербетский сорок лет отбивал на наковальне, *китайский выбил узоры – линии, непальский выбил мелкие узоры, элетский дал отделку, а халхаский выбил кружочки*. Если названия «дербетский», «элетский» и «халхаский» исследователь возводит к ойратским и монгольским племенам [Биткеев, 1990, с. 49], то китайский и непальский кузнецы – явно оседлые ремесленники. А.И. Уланов [1963, с. 79] высказал предположение, что в бурятских улигерах «отразилось то время, когда бурятские роды сами не производили оружие, а добывали его, хранили и передавали следующему поколению». Это, по-видимому, касается не только оружия, но и металлических вещей в целом. Хранят и передают из поколения в поколение особенно красивые изделия и в настоящее время.

Средневековые (не все одновременные) металлические изделия разного назначения, в том числе красивые позолоченные ременные украшения из цветного металла, по-видимому, были собраны как ценность рода и сокрыты по тем или иным причинам в предгорьях Саян на территории Минусинской котловины. Это так называемый Тюхтятский клад, по которому получила название средневековая тюхтятская культура кыргызов IX–X вв. (подробнее о составе клада и историографии его изучения см.: [Конькова, 2008; Король, 2008, с. 177–192]). В рассматриваемом здесь контексте особый интерес представляет ременный набор, 18 накладок которого украшены декором «личины». Этот комплект исследован детально, включая состав металла [Конькова, Король, 2007]. Декоративный мотив – один из наиболее популярных в буддийской (ламаистской) иконографии. Известный традиционный прием его изображения сочетается с вариативностью не только относительно подобных изображений в буддийском искусстве, но и в пределах конкретного набора. Такую вариативность можно объяснить двояко: рисунок создавался не одним мастером, а несколькими в пределах одной мастерской или же разными мастерами в разное время для восстановления набора, первоначальные детали которого были утеряны или сломаны. При этом следует отметить, что на первый взгляд декор выглядит совершенно одинаковым, но некоторая разница в составе металла заставила более пристально рассмотреть все мельчайшие нюансы декора, в результате чего была выявлена разница в очень мелких и тонких деталях. Такие же наблюдения сделаны и относительно блях наборного пояса X в. из Хойцегорского могильника в Южном Забайкалье [Конькова, Король, 2010]. Благодаря изученному составу металла был также зафиксирован факт дополнения комплекта внешне идентичными бляшками, но имеющими разный состав металла и вариативность мелких декоративных деталей в оформлении. Этот вид вариативности можно назвать «индивидуальным».

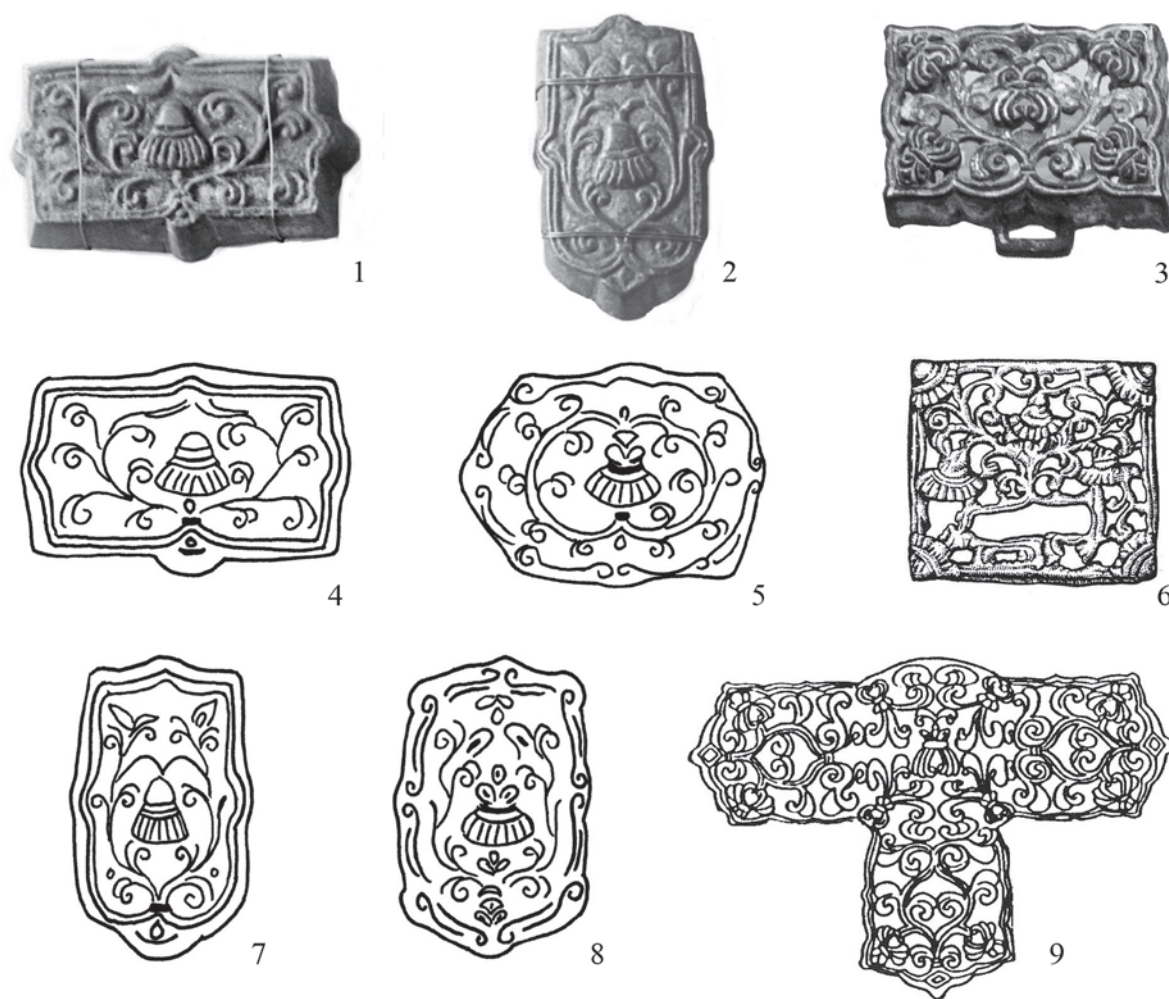
Другой вид – *региональная местная* (в пределах крупного Саяно-Алтайского региона и прилегающих территорий) и, возможно, хронологическая вариативность. Она хорошо иллюстрируется стилизованными в виде фигурок уток застёжками [Арсланова, 2013]. Вариативность в этом случае, скорее всего, связана также с двумя аспектами. Первый – выбор мастером традиционного изображения летящей птицы с распростертыми крыльями, хорошо известного по наскальным изображениям разных эпох в регионе. Второй – выбор стилизованного варианта, дополненного характерными для раннесредневекового стиля декора растительными или геометрическими мотивами, в том числе заимствованной иконографии (например, так называемые цветы смоквы).

Цветок смоквы, традиционный мотив буддийской (ламаистской), а также манихейской иконографии, особенно показателен. Помимо того, что это один из наиболее популярных и распространенных в Саяно-Алтае рубежа I–II тыс. мотив [Король, 2008, с. 158–161], детали его изображения также вариативны в пределах региона [Горбунова, 2005, рис.-5, 8, 11; 2.-8, 10, 11, 13, 15, 16, 19, 23]. Отметим, что все варианты сосуществуют и наиболее распространенные соответствуют также одновременным вариативным изображениям, известным по материалам манихейских храмов Восточного Туркестана. Мотив используется и в декоре ременных украшений из киданьских гробниц эпохи Ляо (916–1125).

При этом если верх цветка с трехчастным делением у киданей (рис.-3, 9) можно сопоставить с одним из менее популярных, но все же известным в Саяно-Алтайском регионе вариантом (рис.-5, 8), то

нижняя часть – свисающие лепестки – характерна только для киданей. В декоре саяно-алтайских изделий такая иконография отсутствует. Среди находок из Минусинской котловины имеется золотая ажурная бляха (рис.-6), композиция декора которой – единственная для саяно-алтайских находок и при этом сопоставима с киданьскими (рис.-3), но иконография мотива представлена наиболее распространенным для Саяно-Алтая вариантом (рис.-1, 2, 4, 7), близким, как уже сказано, к восточнотуркестанским. Это ярко характеризует региональную в широком смысле вариативность традиционных мотивов – в данном случае присущие изделиям мастеров (кузнецов/художников), снабжавших кочевые народы крупных регионов горно-степной зоны Северной Азии, особенности иконографии одних и тех же мотивов.

Интересно выявление причин и такой «крупнорегиональной» вариативности. Она связана, по-видимому, не только с предпочтениями (разного рода) основных заказчиков ремесленной гарнитуры в каждом крупном регионе, но в первую очередь с личностью (происхождением, опытом, индивидуальными особенностями) самого мастера (мастеров), производившего эти изделия. Кроме того, немаловажно, на какие образцы иконографии мотивов (на разных предметах декоративно-прикладного искусства, в данном случае каких-то изделий, относящихся к буддийскому культу) ориентировались изготовители. Это задача будущих исследований.

Мотив «цветок смоквы» в декоре ремесленных бляшек:

- 1, 2 – Тюхтятский клад; 3 – Чифэн, Внутренняя Монголия, ажурная с позолотой (фото И. Георгиевский);
4, 5, 7, 8 – схемы вариантов мотива по материалам Саяно-Алтая; 6 – Копенский чаатас, курган №2;
9 – ляосская гробница (по: [Вэньу, 1996, с. 19, рис. 3]). Цветной металл (кроме 6). Без масштаба

Итак, факт вариативности декора средневекового художественного металла Саяно-Алтая не вызывает сомнений. Понять (хотя бы частично) механизм формирования разных видов вариативности, соотношения традиционного и индивидуального можно, как было показано, привлекая этнографические материалы (с экстраполяцией этих данных на средневековье). Они относятся к металлообрабатывающим ремеслам в традиционной культуре сибирских и среднеазиатских тюрков-номадов, а также мон-

гоязычных народов и касаются личности мастера-металлообработчика, прежде всего кузнеца и кузнеца-ювелира, его особой роли в традиционном обществе. В этом также помогает осмысление фигуры кузнеца в фольклоре, особенно в эпосе тюрко-монгольских народов, основной пласт которого, как уже упомянуто, складывался именно в средние века. Индивидуальный стиль мастера можно увидеть и в изделиях кузнецов, работавших в этнографическое время, и в археологическом материале. Перспективен для подобных исследований дальнейший детальный анализ вариативности декора средневекового художественного металла Саяно-Алтая (гарнитура конского снаряжения, украшения поясов всадников и т.п.), шире – Центральной Азии и прилегающих территорий.

Библиографический список

- Арсланова Ф.Х. Женские украшения кимаков и кыпчаков // Арсланова Ф.Х. Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. III). С. 93–120.
- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических и случайных сборов. Новосибирск, 2011. 260 с.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. 390 с.
- Биткеев Н.Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста, 1990. 154 с.
- Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. 544 с.
- Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1974. 223 с.
- Вэньу. 1996. №1 (на кит. яз.).
- Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 144–151.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009. 144 с.
- Грешников Э.А. О новых исследованиях проблем распространения цветного металла в Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №4 (54). С. 385–390.
- Конькова Л.В. Тюхтятский клад: технология изготовления и состав цветного металла ремennых украшений // Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово, 2008. (Труды САИПИ. Вып. V). Прил. 8. С. 301–311.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Опыт комплексного исследования набора средневековых ремennых украшений из Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 89–96.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Состав металла и технология изготовления средневековых ремennых украшений из могильников Хойцегор и «На Увале» (Южное Забайкалье) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. (Труды САИПИ. Вып. VI). С. 63–67.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово, 2008. (Труды САИПИ. Вып. V). 332 с.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // Российская археология. 2007. №2. С. 25–32.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012. (Труды САИПИ. Вып. IX). С. 121–156.
- Король Г.Г., Наумова О.Б. Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.). М., 2017. 128 с.
- Липец Р.С. «Меч из редкостной бронзы...» (Отголоски эпохи освоения металлов в тюрко-монгольском эпосе) // Советская этнография. 1978. №2. С. 107–122.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.М. Традиционное мировоззрение тюрков Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. 209 с.
- Уланов А.И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963. 220 с.
- Чвырь Л.А. Размышления о народном искусстве (Памяти Ольги Александровны Сухаревой, 1903–1983) // Этнографическое обозрение. 2013. №3. С. 20–36.
- Gudrun J. Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks / Thog lcags. Rahden/Westf., 2006. 263 S.
- Metallurgical Analysis of Chinese Coins at the British Museum / H. Wang, M. Cowell, J. Gribb, Sh. Bowman (eds.). Oxford, 2005. (British Museum research; 152). 100 p.
- Reedy Ch.L. Himalayan Bronzes. Technology, Style and Choices. Newark; London, 1997. 341 p.
- Sayre E.V., Jett P., Joel E.C. A Technical Examination of the Chinese Buddhist Bronzes in the Freer Gallery of Art. Part B: Stable Lead Isotope Analysis // Materials Issues in Art and Archaeology III: Symposium Held April 27 – May 1, 1992, San Francisco, California, U.S.A. Pittsburgh, 1992. (Materials Research Society symposium proceedings. Vol. 267). P. 225–237.
- Slocum J., Sonneveld D. Romano-Celtic Mask Puzzle Padlocks: A Study of their Origin, Design, Technology and Security. Oxford, 2017. 143 p.

УДК 902(571.1/.5)

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ЗНАКОВЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ НА САЯНО-АЛТАЕ

Процессы перехода объекта/предмета к знаку/символу или от знака к крупным сакральным объектам и образам гораздо сложнее, чем предполагают некоторые ученые. Долгое время многие археологи считали, что истоки скифского звериного стиля следует искать в Передней Азии, Греции или Китае. За последние 50 лет накоплено много новых археологических материалов, которые позволили выделить еще один центрально-азиатский центр, оказавший большое влияние на более поздние культуры Сибири. Археологи неоднократно отмечали культурное влияние окуневцев, их изобразительного стиля и традиций на последующие культуры Саяно-Алтая и других регионов.

Как на окуневских каменных изваяниях, так и на «оленных» камнях и на таштыкских гипсовых масках лицевою часть украшали тремя или двумя символическими линиями. Истоки киммерийского символа «ромб в круге», двух одинаковых симметричных половин голов животных следует искать именно на каменных изваяниях окуневской культуры. Влияние окуневской культуры, ее изобразительного стиля и знаков на последующие культуры Евразии было многообразно и значительно.

Ключевые слова: Сибирь, окуневская культура, Аржан, Пазырык, скифы, звериный стиль, татуировка, знак.

L.S. Marsadолоv

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

CONTINUITY IN SYMBOLIC AND FIGURATIVE SYSTEMS ON THE SAYAN-ALTAI

The process of transition of an object/subject to a sign/symbol or from a sign to large sacred objects and images is much more complicated than some scientists suppose. For a long time archaeologists believed that the sources of the Scythian animalistic style should be sought in Western Asia, Greece or China. Archaeological materials discovered during the last fifty years have made it possible to identify another Bronze Age centre in Central Asia which strongly influenced later cultures of Siberia and the formation of the Scythian animalistic style. Archaeologists have often noted the influence of Okunevskaya culture, pictorial style and traditions on later cultures of Sayan-Altai and other regions. As on Okunev's stone sculptures, and on "deer" stones and on Tashtyk gypsum masks, the face part was decorated with three or two symbolic lines.

The origins of the "Cimmerian rhombus in a circle", two identical symmetrical halves of animal heads, should be sought precisely on the stone sculptures of Okunevskaya culture. The influence of the Okunevskaya culture, its pictorial style and signs on subsequent Eurasian cultures was diverse and significant.

Key words: Siberia, Okunevskaya culture, Arzhan, Pazyryk, Scythians, animalistic style, tattoos, sign.

Довольно высокий уровень древних сакральных знаний часто недостаточно объективно оценивается в современных научных археологических исследованиях. Начиная с эпохи палеолита, особенно в периоды бронзы и раннего железа, древними мудрецами был накоплен большой объем сведений по математике, метрологии, астрономии и другим отраслям знания, которые ныне изучаются лишь по отдельным сохранившимся предметам, вещам, образам и знакам [Марсадолов, 2010–2017].

В качестве одного из примеров формирования отдельных сакральных знаков может быть рассмотрена одна из сложнейших сакральных геометрических задач – «квадратура круга» (рис. 1). Простое и оригинальное решение этой проблемы было предложено еще в III тыс. до н.э. древними мудрецами-жрецами в Сибири. В 1963 г. на могильнике Черновая-VIII в кургане №8, раскопанном экспедицией Г.А. Максименкова, был найден культовый каменный предмет полулунной формы (рис. 1.-1), длиной в 29 см, относящийся к окуневской культуре эпохи бронзы [Максименков, 1980].

Дугообразная часть внешнего контура этого предмета составляет $\frac{1}{4}$ часть окружности (рис. 1.-2). Внутри круга этот предмет можно поместить в основном в двух положениях – выпуклой стороной вверх или вниз (рис. 1.-2–4). Этот ритуальный предмет, вероятно, имел и ряд сакральных функций – $\frac{1}{4}$ часть круга равна лунной неделе, а возможно, и одному из четырех сезонов года и т.п. Не исключено, что в «квадратуре круга» была заключена и более глубокая сакрально-астрономическая идея – 4 недели равны одному круговому лунному месяцу (полнолунию). Полученные фигуры – квадрат и ромб в круге – напоминают широко распространенные знаки на каменных изваяниях, плитах, небольших пластинках и днищах глиняных сосудов окуневской культуры (рис. 1.-7–8) [Вадецкая, 1980; Леонтьев и др., 2006], а позднее на предметах киммерийской и скифской культур Евразии (рис. 1.-9–10). Многие археологи полагают, что истоки киммерийского знака «ромб в круге» следует искать именно на предметах окуневской культуры (рис. 1.-7–10; 2.-1–2, 5, 20–21, 24–25).

Над сложнейшей геометрической и философской задачей «квадратуры круга» позднее размышляли и выдающиеся деятели позднего средневековья (рис. 1.-5–6). Один из гениев эпохи Возрождения – Леонардо да Винчи, около 1492 г. в записной книжке с комментариями к трудам римского архитекто-

ра Витрувия (I в. до н.э.) сделал рисунок с образом человека в центре круга и квадрата (рис. 1.-6). Он соединил научные результаты измерений с художественным рисунком, который в наше время стал своеобразным знаком гармонии, а иногда и научным знаком. В 1521 г. в Милане Чезаре Чезариано опубликовал труд Витрувия, новый перевод его текста с рисунками и комментариями (рис. 1.-5).

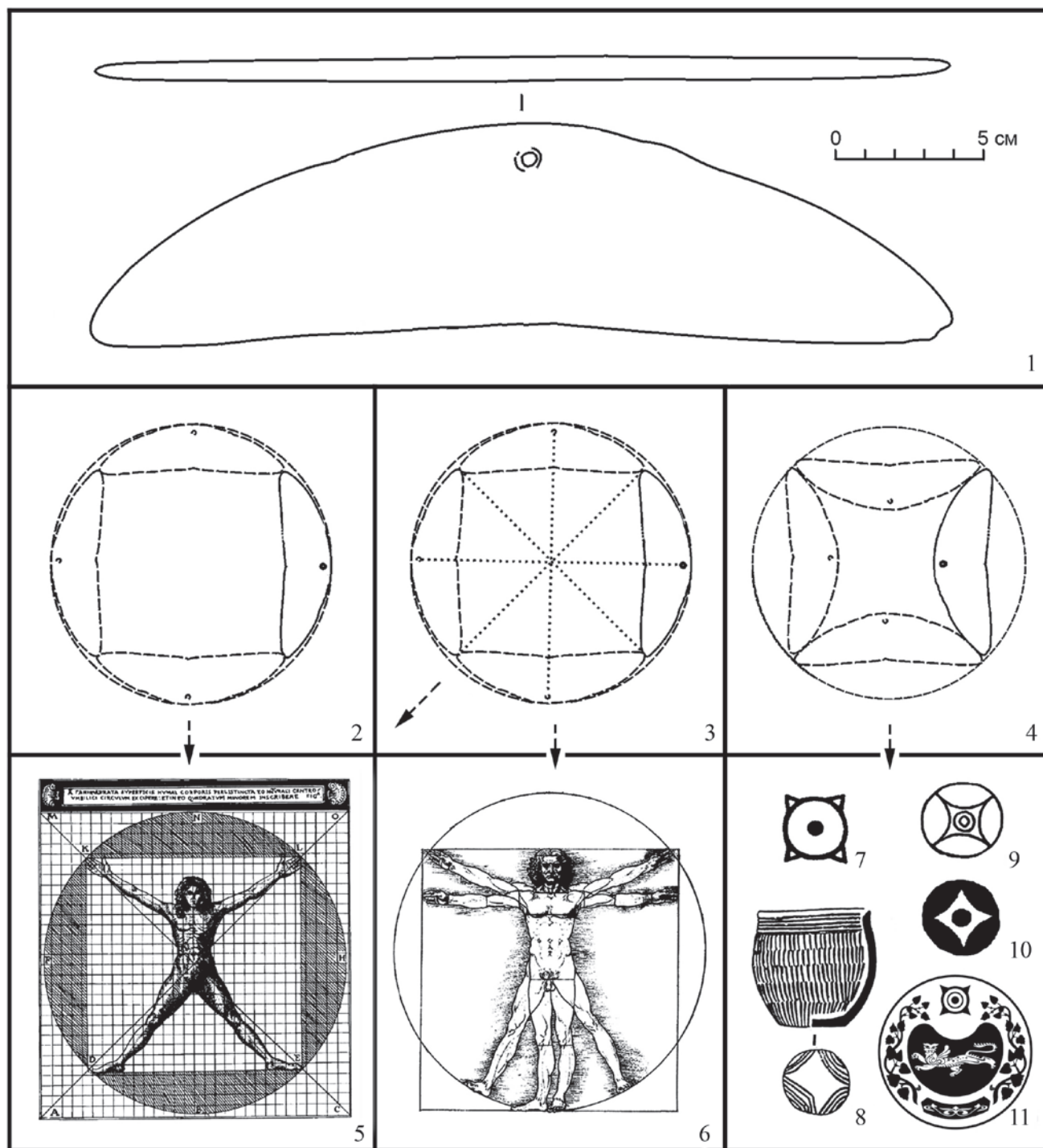

Рис. 1. Предметы, знаки и рисунки разных исторических периодов: 1 – общий вид и разрез каменного культового предмета-подвески в форме полумесяца (III тыс. до н.э.; могильник Черновая-VIII, курган №8; ГЭ, 2377/45); 2–4 – схемы разметки круга с помощью этого предмета и полученные знаки; 5–6 – рисунки к трудам римского архитектора Витрувия (I в. до н.э.): 5 – Чезаре Чезариано (ок. 1521 г.); 6 – Леонардо да Винчи (ок. 1492 г.); 7–10 – сакральные знаки «ромб в круге» на предметах разных археологических культур Евразии (7–8 – на объектах окуневской культуры (III тыс. до н.э.); 9 – на предметах киммерийской культуры (VIII–VII вв. до н.э.); 10 – на войлочном ковре из Пазырыка-5 (конец V в. до н.э.)); 11 – герб Республики Хакасия (2006 г.).

По материалам: Г.А. Максименкова (1); Л.С. Марсадолова (2–4, 9); Чезаре Чезариано (5); Леонардо да Винчи (6); Н.В. Леонтьева, В.Ф. Капелько, Ю.Н. Есина (7–8); С.И. Руденко (10); А. Котожекова (11). Составлено Л.С. Марсадоловым

Рис. 2. Сопоставление объектов и изображений окуневской культуры (1–17), раннескифского, скифского (18–22, 24–38) и таштыкского времени (23)

Пояснения к рисунку 2

1	Знак на изваянии	Солёноозёрное	ХНКМ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 115, №24
2	Знак на изваянии	Новая Чёрная	ХНКМ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 132, №68
3	Знак на стеле	Черновая-I	ГИМ	песчаник	Вадецкая и др., 1980, с. 131, табл. XL.-59
4	Знак на стеле	Чаатас Арбан-II	пос. Полтаков	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 184, №201
5	Знак на дне сосуда	Черновая-VIII, курган №8, м. 21	ГЭ	глина	Вадецкая и др., 1980, с. 120, табл. XXIX.-4
6	Курган + выкладки	Туим	Хакасия	камень	Кызласов, 1987, с. 144, рис. 1
7	На изваянии	Белё	ХНКМ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 156, №140
8	На стеле	Тазмин	МКМ	гранит	Леонтьев и др., 2006, с. 141, №98
9	На стеле	Черновая-VIII, курган №4, м. 7-8	ГЭ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 148, №117
10	Фрагмент изваяния	Шира	ХНКМ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 143, №103
11	Фрагмент жезла	Черновая-VIII, курган №8, м. 21	ГЭ	рог	Вадецкая и др., 1980, с. 114, табл. XXIII.-1
12	На плите	Усть-Бюрь	МКМ	гранит	Вадецкая и др., 1980, с. 142, табл. LI.-111
13	На стеле	Разлив-X	ГЭ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 197, №222
14	На плите	Аскиз	МКМ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 176, №188
15	На плите	Аскиз	МКМ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 176, №188
16	На плите	Черновая-VIII, курган №4, м. 7-8	ГЭ	песчаник	Леонтьев и др., 2006, с. 148, №117
17	Петроглиф	Калбак-Таш	Алтай	камень	Кубарев, 2009, с. 201, рис. 133, №2
18	Керексур + выкладки	Юстыд	Алтай	камень	Марсадолов, 2007, с. 88, рис. 29, №17
19	Керексур + выкладки	Юстыд	Алтай	камень	Марсадолов, 2007, с. 88, рис. 29, №3
20	Украшение узды коня	Башадар-2	ГЭ	бронза, золото	Руденко, 1960, с. 87, рис. 50
21	Украшение узды коня	Башадар-2	ГЭ	бронза, золото	Руденко, 1960, с. 86, рис. 49.-д
22	Фрагмент изваяния	Аржан	ГЭ	камень	Марсадолов, 2005
23	Маска-бюст	Уйбат, курган №11	ГИМ	гипс	Вадецкая, 2009, т. 36б
24	Узор на ковре	Пазырык-5	ГЭ	войлок	Руденко, 1960, с. 251, рис. 128.-к
25	Фрагмент узора ковра	Пазырык-5	ГЭ	войлок	Руденко, 1960, с. 251, рис. 128.-к
26	Фрагмент бляхи	Аржан-1	НМРТ	бронза	Грязнов, 1980, с. 28, рис. 15.-4
27	Фрагмент пластины	Хурум-Даг	НМРТ	камень	Марсадолов, 2012, с. 210, рис. 3.-5
28	Бляха	Макеевка, курган №491	ГЭ	бронза	Королькова, 2006, с. 208, табл. 40.-2
29	Бляха	Пазырык-4	ГЭ	дерево	Руденко, 1960, с. 295, рис. 150.-г
30	Фрагмент бляхи	Пазырык-2	ГЭ	рог	Руденко, 1960, с. 295, рис. 150.-а
31	Бляха	Восточная Европа	–	металл	Шер, 1998, рис. 2
32	Фрагмент бляхи	Аржан-1	НМРТ	бронза	Грязнов, 1980, с. 28, рис. 15.-4
33	Подвеска	Колл. П. Фролова, Алтай	ГЭ	рог	Руденко, 1960, с. 303, рис. 154.-д
34	Петроглиф	Сульфатская	Хакасия	камень	Миклашевич, 2008, с. 191, рис. 1.-1
35	На изваянии	Аржан-1	НМРТ	камень	Грязнов, 1980, с. 43, рис. 29.-2
36	На сосуде	Сиалк В	Иран	глина, роспись	Марсадолов, 2010а, рис. 64.-15
37	Фрагмент татуировки	Пазырык-2	ГЭ	кожа	Кубарев, 2009, с. 201, рис. 133.-9
38	Петроглиф	Елангаш	Алтай	камень	Кубарев, 2009, с. 201, рис. 133.-3

* Сокращения названия музеев России: ГИМ – Государственный исторический музей, г. Москва; ГЭ – Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург; МКМ – Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова; НМРТ – Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, г. Кызыл; ХНКМ – Хакассский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан.

Окуневская культура – одна из наиболее ярких скотоводческих культур эпохи бронзы (III – начала II тыс. до н.э.), своеобразный очаг древней цивилизации, сложившийся на территории Минусинской котловины (современная Республика Хакасия, северная часть Саяно-Алтайского нагорья). На окуневских изваяниях и плитах известно большое число разнообразных по форме символов, знаков и образов, изображения которых неоднократно отмечены в последующих культурах Саяно-Алтая и других регионов Евразии (рис. 2).

Сакральные сооружения окуневцев в виде «круга в круге» или «квадрата с косым крестом по углам», вписанным в круг (рис. 2.-б) [Кызласов, 1987; Комарова, 1981], нашли продолжение в культовых объектах раннескифского времени на Саяно-Алтае и Центральной Азии, так называемых ке-

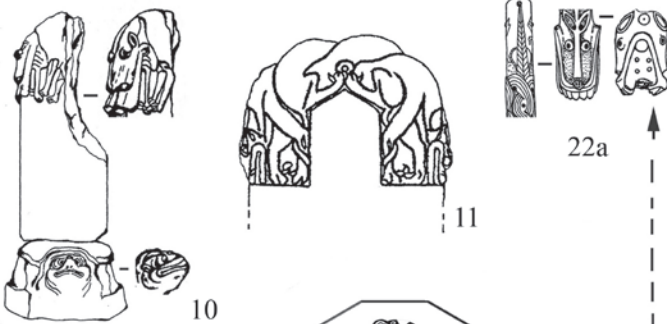
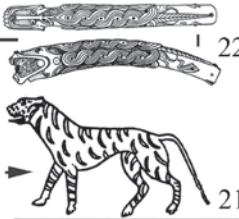
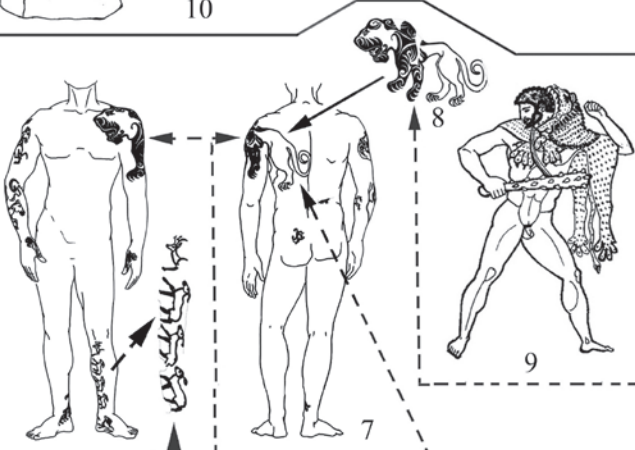
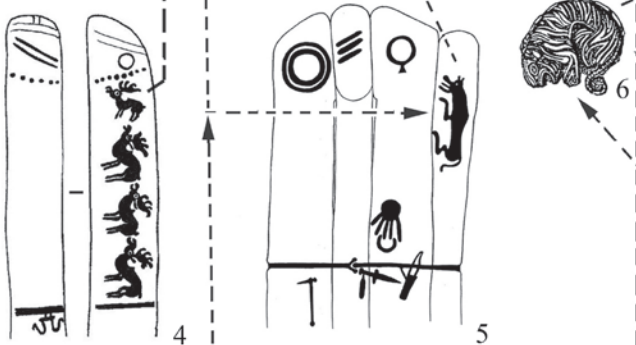
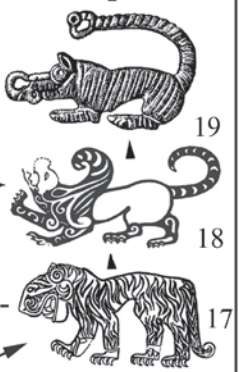
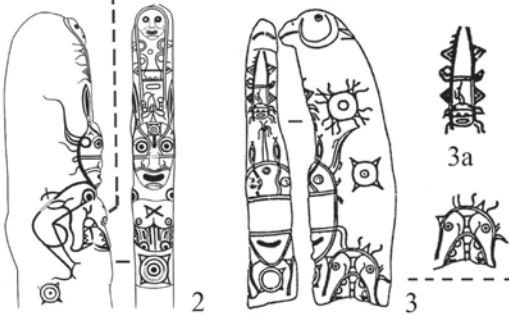
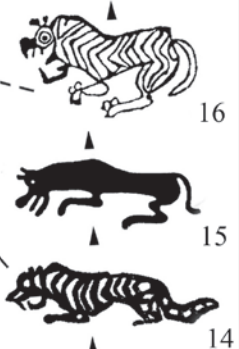
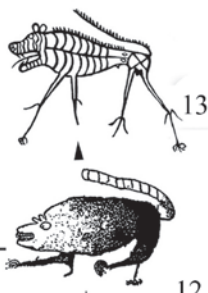
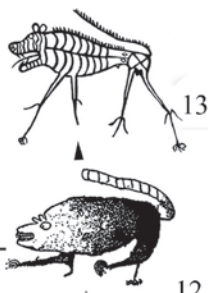
Дата	Каменные изваяния (1-5, 10-11) и татуировка вождя из Пазырыка-5 (7)	Образ хищника	Время
с 6 в. н.э.			Тюркское время
	6-5 вв. до н.э.		
8-7 вв. до н.э.			
	3 тыс. до н.э.		
3 тыс. до н.э.			
	Гёбекли Тепе 9 тыс. до н.э.		Неолит

Рис. 3. Сопоставление изображений на каменных изваяниях, наскальных рисунках, предметах и на татуировке вождя из кургана Пазырык-5 на Алтае (7-8).

Пояснения к рисунку 3: *Каменные изваяния и стелы*: 1 – из Гёбекли Тепе; 2–3 – окуневской культуры, Хакасия; 4–5, 14–15 – «оленные» камни (VIII–VII вв. до н.э.) (4 – Дурвульжин, Монголия; 5, 15 – Аржан, Тува; 14 – Хэрэксурийн дэнж, Монголия; 10–11 – древнетюрские стелы из Монголии: 10 – Бургут; 11 – верх стелы Кюль-тегина; 12, 13, 16 – *петроглифы Центральной Азии*: 12 – Колбак-Таш, Алтай; 13 – на плите из Черновой-VIII, курган №4; 16 – Внутренняя Монголия. *Предметы*: 6 – изображение на перекрестье кинжала из кургана Аржан-2 (VII в. до н.э.); 9 – образ Геракла на амфоре из Вульчи (ок. 500 г. до н.э.); 17 – изображение на колоде из кургана Башадар-2, Алтай (VI в. до н.э.); 18 – на татуировке из Пазырыка-2 (середина V в. до н.э.); 19 – Саяно-Алтай (?); 20 – на пластине из Ордоса, Китай; 21 – на седельной пластине из Кудырге, Алтай; 22 – на рукояти плети из Курая, Алтай. *По материалам*: К. Шмидта (1); Н.В. Леонтьева, В.Ф. Капелько, Ю.Н. Есина (2–3); В.В. Волкова (4, 14); Л.С. Марсадолова (5, 15); К.В. Чугунова (6); Л.Л. Барковой и С.В. Панковой (7–8); Л.И. Акимовой (9); З.С. Самашева (10); В.Д. Кубарева (12); Э.Б. Вадецкой (13); Е.С. Богданова (16, 19); С.И. Руденко (17–18, 20–21); Л.Р. Кызласова (22). Составлено Л.С. Марсадоловым

рексах – больших сакральных каменных объектах разной формы с «лучами», в том числе и в кургане Аржан-1 в Туве (рис. 2.-18–19) [Грязнов, 1980; Кубарев, 1979; Марсадолов, 2007, 2009; Тишкин и др., 2011]. Характерные для окуневцев символические изображения креста, ромба и квадрата с кругом в центре, а также художественное украшение зооморфных образов поперечными ломаными или извилистыми линиями встречаются и позднее – на «оленных» камнях и петроглифах Саяно-Алтая и Монголии (рис. 2.-1–5, 13, 16–17, 21, 24–25, 30, 37–38).

Как на окуневских каменных изваяниях, так и на «оленных» камнях Саяно-Алтая и на таштыкских гипсовых масках лицевую часть украшали тремя или двумя символическими прямыми или косыми линиями (рис. 2.-7–8, 22–23) [Леонтьев и др., 2006; Кубарев, 1979; Волков, 2002; Марсадолов, 2005; Тишкин и др., 2015]. Следы краски на каменных изваяниях и на черепах из окуневских погребений позволяют предположить, что это был обычай ритуальной раскраски и татуировки лица и тела, что позднее в Сибири в скифское время сохранилось на татуировках погребенных людей из больших пазырыкских курганов и на гипсовых масках таштыкской культуры [Вадецкая, 2009].

На окуневских изваяниях и петроглифах часто изображали хищного зверя с оскаленной зубастой пастью и длинным языком (рис. 2.-9–13) [Шер, 1998; Максименков, 1980]. На одной из плит изображен фантастический зверь, наделенный чертами нескольких животных (рис. 2.-16; 3.-13). Хищник показан в агрессивной позе, с поджарым туловом волка, головой медведя с оскаленной пастью и высунутым языком, птичьими лапами со шпорами [Вадецкая, 1980]. Этот сюжет, возможно, связан с широко распространенным в эпоху бронзы мифом о фантастическом звере-хищнике, пожирающем солнце [Марсадолов, 2010б, с. 46, рис. 3].

На центральном панно горы Колбак-Таш на Алтае в эпоху бронзы был выбит рисунок фантастического зверя с массивным туловищем, открытой пастью с острыми зубами, большим округлым глазом, двумя приподнятыми ушами, двумя согнутыми ногами с длинными когтями, большим хвостом, поднятым над спиной и разделенным на десять или более частей (рис. 2.-17). Такой образ хищника был известен не только на Алтае и Енисее в окуневское время, но и позднее в скифское время на Саяно-Алтае и в других регионах (рис. 2.-16–17, 37–38; рис. 3.-12, 18–19) [Кубарев, 2009; Руденко, 1960; Окладникова, Марсадолов, 2017].

Ряд окуневских стилистических элементов характерен и для изображения головы «пантеры» на бронзовой бляхе из кургана Аржан-1, на каменной пластине из Тувы (рис. 2.-26–27), а также на предметах из более поздних по времени курганов Евразии (рис. 2.-28–29).

Голова хищника или копытного животного, составленная из двух одинаковых симметричных половин, изображалась как на окуневских стелах, так и на предметах раннескифского, пазырыкского и савроматского времени (рис. 2.-12–13, 30–31, 33) [Руденко, 1960; Шер, 1998; Королькова, 2006].

Один из самых ранних образов стоящего хищника известен на боковой стороне неолитических стел из Гёбекли Тепе в Турции, IX тыс. до н.э. (рис. 3.-1) [Шмидт, 2011]. В более позднее время хищника или его шкуру изображали на «плече и спине» каменных изваяний окуневской культуры Хакасии (III тыс. до н.э.), на «оленных» камнях Саяно-Алтая и Монголии (IX–VII вв. до н.э.), на античных образах Геракла, древнетюрских стелах и на других предметах (рис. 3.-2–3, 5, 7–11) [Леонтьев и др., 2006; Акимова, 2007; Самашев и др., 2010].

Образы хищных зверей и копытных животных изображали не только на каменных изваяниях, но и на одежде, а также на татуировке человека. Крупное изображение хищника кошачьей породы известно по татуировке вождя из кургана Пазырык-5 (рис. 3.-7) [Баркова, Панкова, 2006]. Большая часть

рисунка хищника на этой татуировке расположена в верхней части туловища человека и на спине, а голова заходит на плечо (рис. 3.-7–8).

Имитация «шкуры тигра» на пазырыкской татуировке восходит к изображениям хищников на кинжале из Аржана-2, на деревянной колоде из Башадара-2 и наскальным изображениям Азии (рис. 3.-6, 17, 13–14, 16) [Руденко, 1960; Чугунов, 2011; Богданов, 2008].

Геометрически стилизованные изящные изображения окуневских быков нашли продолжение в образах копытных животных раннего скифского времени, широко распространенных на территории Евразии (рис. 2.-14–15, 34–36). Близки по стилю контурные рисунки животных на окуневских изваяниях и плитах, на «оленных» камнях, наскальных рисунках и на пазырыкской татуировке (рис. 3.-4, 7) [Грязнов, 1980; Шер, 1998; Волков, 2002; Леонтьев и др., 2006; Миклашевич, 2008; Марсадолов, 2010a].

Каждое каменное изваяние – это сложный «закрытый» археологический комплекс, ценный источник разнообразной информации об изображенных на них предметах, украшениях, оружии, знаках, сложных образах животных, а также своеобразные отдельные самостоятельные знаковые и изобразительные системы.

Позднеокуневские изваяния – самые сложные по сакрально-мифологической изобразительности, «оленные» камни сильно стилизованы и геометризваны; *древнетюркские* – более реалистичные по облику, но с сакральной подосновой (рис. 3.-2–11).

Верхняя часть изваяния уходила в небо, средняя была на уровне людей, а нижняя – опущена в землю, в подземный мир. Лицевую часть, как на стелах из Гёбекли Тепе, так и на многих окуневских изваяниях, а также «оленных» камнях, размещали на узкой грани каменных обелисков. Большинство каменных изваяний имеет скошенный верхний край – высокую восточную и низкую западную грани (рис. 2.-4–5). Вероятно, это связано с тем, что солнце, поднимаясь вверх, восходит на востоке и опускается вниз на западе [Марсадолов, 2005; 2007; 2010a].

Интересно отметить, что на костяной рукоятке плети из Курая, относящейся к древнетюркскому времени [Кызласов, 1951], найденной не в Хакасии, а на Алтае, неожиданно почти через 2,5 тысячи лет «всплывают» изображения, близкие по композиции к окуневским стелам (рис. 3.-3, 22). В нижней части плети показана голова хищника с широко раскрытой пастью, переданной в фас и профиль, что характерно для окуневских изваяний, выполненных в стиле круглой скульптуры (рис. 3.-3a, 22a). В верхней части плети, возможно, как и на многих изваяниях окуневцев, изображена стилизованная вершина древа (мирового или жизни?) и рядом с двух сторон образы птиц. Вероятно, такие образы в древнетюркское время на рукоятке плети, похожей на миниатюрное изваяние, мог изобразить только мастер, который видел окуневские стелы в степях древней Хакасии.

Хотя прошло более 4 тысяч лет со времени установки каменных изваяний окуневской культуры, археологи до сих пор находят стоящие в степях Хакасии, сохранившиеся в первозданном ландшафте, эти древние объекты с личинами, изображениями хищников и разными знаками. Ряд окуневских изваяний и плит с изображениями позднее установили в качестве угловых камней в курганах тагарской, таштыкской и последующих культур. Крупные стелы, плиты и каменные объекты периода бронзы переиспользовали в эпоху железа, а затем в средневековье и позднее, вплоть до современного строительства.

Как и для различных древних культур, так и для современных художников Хакасии окуневское «искусство» является ценным источником при копировании, реконструкции и творческой переработки древних образов и композиций. С 1991 г. правительство Республики Хакасия утвердило герб с изображением крылатого барса в центре (вначале свернувшейся пантеры) и с древним окуневским солярным знаком в верхней части – «символом Вселенной», символизирующим «традиции, культуру и солнечный свет» (рис. 1.-11).

Антрополог А.Г. Козинцев пришел к выводу об «исключительном сходстве» степных скифов «с окуневской группой из Тувы, которое проявляется на всех уровнях»; в то же время «антропологические связи [степных скифов] с «ближним» кочевническим миром (савроматским, сакским) немногочисленны и по своему значению несопоставимы с «дальними» (центральноазиатскими) связями» [Козинцев, 2007, с. 155].

Вышеприведенные примеры показывают сохранение на Саяно-Алтае сакральных представлений и изобразительных традиций на протяжении довольно длительного времени. В разные исторические периоды прослеживается как забвение, так и преемственность между символами на изваяниях, наскальных рисунках и на предметах, хотя со временем частично изменялись изобразительные образы, знаки, а также их семантические основы.

Библиографический список

- Акимова Л.И. Искусство Древней Греции: Классика. СПб., 2007. Т. I. 464 с.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Вып. 3. С. 31–42.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2008. 240 с.
- Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 37–147.
- Вадецкая Э.Б. Древние маски Енисея. СПб.; Красноярск, 2009. 248 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.
- Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. №4. С. 143–157.
- Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76–90.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006. 272 с.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 262 с.
- Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай). КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.
- Кызласов Л.Р. Письмо из энеолита (изучение в Хакасии уникального памятника – кромлеха культового сооружения эпохи неолита) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 143–145.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. 236 с.
- Максименков Г.А. Могильник Чернова-VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 3–26.
- Марсадолов Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского: сб. ст. М., 2005. С. 301–311.
- Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 гг. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб., 2007. Вып. 5. 278 с.
- Марсадолов Л.С. Курган Аржан-1 в Центре Азии (геополитический и астрономический аспекты) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование: мат. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Кызыл, 2009. Ч. I. С. 59–63.
- Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010а. 128 с.
- Марсадолов Л.С. Противостояние святилищ на горах Очаровательной и Синей: легенды и реальность // Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ: сб. ст. Барнаул, 2010б. Вып. 1. С. 43–49.
- Марсадолов Л.С. Древние историко-культурные и географические центры Саяно-Алтая и Евразии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М., 2011. Т. I. С. 359–360.
- Марсадолов Л.С. Древняя Монголия на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н.э. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор, 2012. Т. 1, вып. 3. С. 203–212.
- Марсадолов Л.С. Истоки сакрально-научных знаний у древних кочевников Центральной Азии // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сб. науч. тр. Омск, 2013. С. 303–312.
- Марсадолов Л.С. Интеграция научных направлений при изучении древних объектов культурного и природного наследия Евразии // Искусствоведение: наука, образование, культура в евразийском пространстве: мат. науч.-практ. конф. СПб., 2014а. С. 126–142.
- Марсадолов Л.С. 1200-летняя периодичность появления «волн» каменных изваяний в Южной Сибири и современные проблемы их изучения // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: сб. ст. Барнаул, 2014б. С. 68–75.
- Марсадолов Л.С. Мифопоэтические и зодиакальные представления кочевников Сибири в I тыс. до н.э. // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архайке. Миф и формы его отражения в ритуальной практике: сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. VIII. С. 172–187.
- Марсадолов Л.С. Комплексы знаков у древних кочевников Саяно-Алтая // Знаки и знаковые системы народной культуры. Знаковедение: мат. Первой Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 2-х кн. СПб., 2016а. Кн. 1. С. 277–304.
- Марсадолов Л.С. Отражение календарных представлений в курганах и «искусстве» кочевников Евразии в VIII–VI вв. до н.э. // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат. междунар. конф. Кемерово, 2016б. С. 155–165.
- Марсадолов Л.С. Основы сакрально-научных знаний у хуннов Забайкалья // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. до н.э. Динамика освоения культурного пространства: мат. IV науч. конф. СПб., 2017. С. 97–101.

Миклашевич Е.А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 190–195.

Окладникова Е.А., Марсадолов Л.С. Образы хищника и быка горы Калбак-Таш: к вопросу об информационной проточности древних культурных ландшафтов Евразии // Мир Большого Алтая. Усть-Каменогорск, 2017. Т. 3, №4. С. 563–579.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы, 2010. 168 с.

Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-П // Древние и современные культовые места Алтая (Алтай на перекрестке времен и смыслов). Барнаул, 2011. Вып. 2. С. 81–90.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В., Горбунов В.В., Серёгин Н.Н., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.О., Мунхбаяр Ч. Результаты археологических исследований в Западной и Центральной Монголии в 2014 г. // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 69–92.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. СПб., 2011. С. 39–60.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 218–230.

Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб., 2011. 320 с.

УДК 903.27(571.1/5)

Е.А. Миклашевич

Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

**НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ
В УРОЧИЩЕ КАМЕНКА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ
(по материалам А.В. Адрианова)**

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ

В статье публикуются некоторые материалы одного из затопленных Красноярским водохранилищем памятников наскального искусства Минусинской котловины, известного под названиями Копёнская писаница, Копёнская Нижняя писаница, Каменка. Сделанные в 1909 г. А.В. Адриановым точные копии (бумажные оттиски-эстампажи) петроглифов Каменки являются единственным достоверным источником информации об утраченном местонахождении. По фотографиям эстампажей автором выполнены прорисовки наскальных композиций, что позволяет проанализировать стилистику, иконографию и репертуар петроглифов памятника. Одна из самых представительных групп относится к хунно-сяньбийскому времени, по всей вероятности – к тесинской культуре. Об этом говорит наличие абстрактных мотивов, так называемых лабиринтов (которые часто встречаются на плитах в погребальных памятниках тесинской культуры), в композициях с фигуративными изображениями. Атрибуция этой группы позволяет выделить новую стилистическую манеру среди тесинских петроглифов. Дополнительным аргументом для датировки является то, что здесь же, в урочище Каменка, Я.А. Шером был раскопан большой грунтовой могильник тесинской культуры.

Ключевые слова: Минусинская котловина, петроглифы, эстампажи, Копёнская писаница, тесинская культура.

E.A. Miklashevich

“Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**ROCK ART IMAGES OF THE XIONGNY-XIANBEI PERIOD
IN THE KAMENKA RAVINE AT THE MIDDLE YENISEI
(on A.V. Adrianov’s materials)**

*The work is performed within the framework of the state assignment
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation №33.2597.2017/ПЧ*

The article presents some materials of one of the rock art sites flooded by the Krasnoyarsk reservoir, known as Kopyonskaya Pisanitsa, Lower Kopyonskaya Pisanitsa or Kamenka. The exact copies (paper imprints, estampages) of Kamenka rock art made in 1909 by A.V. Adrianov are the only reliable source of information about this lost site. Using Adrianov’s estampages the author of the paper has made the tracings of the petroglyphs, which makes it possible to analyze the styles, the iconography and the repertoire of the site’s imagery. One of the most representative groups of petroglyphs refers to Xiongnu-Xianbei period, the most likely – to the Tes’ culture. This is confirmed by the presence of abstract motifs, the so-called labyrinths (which often occur on the slabs in the Tes’ culture burials), in compositions with figurative images. The attribution of this group allows establishing a new stylistic manner within the Tes’ rock art. An additional argument for such dating is that in the vicinity of the rock art site there was a large ground cemetery of the Tes’ culture.

Key words: Minusinsk basin, petroglyphs, estampages, Kopyonskaya rock art site, Tes’ culture.

Урочище Каменка находится на правом берегу Енисея (ныне – Красноярского водохранилища) ниже устья р. Сыды, в Краснотуранском районе Красноярского края, в 7 км к западу от с. Новая Сыда. Перед на-полнением водохранилища в 1960-х гг. здесь проводились спасательные работы по исследованию археологических памятников. Каменский отряд (начальник – Я.А. Шер) Красноярской экспедиции ЛО ИА АН СССР произвел в Каменке раскопки разновременных памятников: верхнепалеолитического местонахождения, андроновского и карасукского могильников, карасукского поселения, могильника подгорновского этапа тагарской культуры, большого грунтового могильника тесинского этапа тагарской культуры (по современным представлениям – тесинской культуры), впускного погребения эпохи раннего средневековья [Шер, Хлобыстин, 1966; Шер и др., 1967; 1968]. Здесь же были зафиксированы петроглифы [Шер, 1980, с. 163, 164], но их копирование не производилось (основное внимание отряд уделит документированию наскальных рисунков в расположенном выше по течению Черёмушном логу [Sher, 1999]). Наскальные рисунки на береговых скалах урочища Каменка с 1970-х гг. затоплены водами Красноярского водохранилища. И хотя в XIX – начале XX в. они были известны исследователям (как Копёнская писаница, по названию деревни Копёны на противоположном берегу) и частично копировались (подробнее см.: [Миклашевич, 2018]), но по-настоящему достоверным источником по этому памятнику можно считать только хранящуюся в МАЭ РАН (Кунсткамере) коллекцию эстампажей А.В. Адрианова, дополненную записями и зарисовками в его полевом дневнике [Архив МАЭС ТГУ. Д. 76/2. Л. 74–81].

А.В. Адрианов открыл и зафиксировал для науки множество памятников наскального искусства Минусинской котловины, стремясь скопировать каждый из них максимально полно и тщательно, используя для этого методы эстампажа (бумажного оттиска) и фотофиксации. Документирование писаницы в урочище Каменка А.В. Адрианов [1910] выполнил в 1909 г. К существовавшему тогда названию писаницы «Копёнская» он добавил «Нижняя», так как кроме нее открыл другую писаницу в соседнем логу, выше по течению, которой дал название «Копёнская Верхняя». Последняя соответствует памятнику Черёмушный Лог, который под таким названием был документирован и опубликован Я.А. Шером [Sher, 1999], писаница же Копёнская Нижняя соответствует памятнику Каменка [Шер, 1980, с. 163, 164]. А.В. Адрианов [1910, с. 50, 51] обозначил писаницу шифром LVIII, насчитал в ней более 300 фигур, выделил две группы; большая часть изображений и все многофигурные плоскости относились ко второй группе, здесь им было выполнено 46 эстампажей и 10 фотографий. Фотографий пока нам, к сожалению, обнаружить не удалось, но эстампажи и полевой дневник позволяют в значительной степени восстановить информацию об утраченном памятнике.

На писанице были наскальные изображения разных эпох: от ранних («минусинский стиль») до относящихся к новому времени. Однако большинство из них (если не считать тамги и тамгообразные знаки, которых насчитывается около 80), по нашему мнению, относятся к хунно-сяньбийской эпохе, предположительно – к тесинской культуре.

Эта группа представлена, в первую очередь, схематичными антропоморфными фигурами, линейными и с контурными туловищами, некоторые показаны вниз головой, некоторые в головных уборах, несколько фигур – с луками. Большинство из них – и по стилю, и по иконографии, и по композиционному расположению – явно относится к тому наиболее широко в Минусинской котловине представленному пласту наскального искусства, который соотносится с тесинской культурой. Именно такие «человечки» сотнями заполняют плиты тагарских курганов и не менее широко представлены на скалах. К тесинским же относятся и разнообразные изображения животных и, наиболее достоверно, рисунки так называемых лабиринтов. Обнаруженные Д.Г. Савиновым [1995; 2006; и др.] на плитах в могильниках тесинской культуры подобные нефигуративные изображения позволили исследователю убедительно обосновать тесинскую принадлежность целого пласта наскального искусства Минусинской котловины. «Лабиринты», присутствующие в композициях с фигуративными изображениями или заполняющие их, в свою очередь «помогают» отнести к тесинским целые серии зооморфных и антропоморфных наскальных изображений [Рыбаков, 2006; Русакова, 2016; и др.].

На одной из композиций в урочище Каменка (рис. 1) изображена фигура, в которой можно увидеть некоторое сходство с «женскими» персонажами писаницы у с. Абакано-Перевоз. Они были атрибутированы как тесинские, поскольку некоторые из них заполнены спиралями и извилистыми линиями [Русакова, 2016, с. 174, рис. 2]. Фигура из Каменки находится в композиции с «лабиринтом» и выполнена одинаковой с ним выбивкой. С этими изображениями соотносятся и остальные фигуры плоскости, явно представляя некий осмысленный сюжет.

Как неоднократно отмечалось, фигуративные тесинские изображения демонстрируют удивительное стилистическое разнообразие. На примере петроглифов Каменки, благодаря присутствию в ком-

позициях «лабиринтов» и подобных рисунков, можно выделить еще одну тесинскую стилистическую группу (рис. 1–3). Это силуэтные и контурные фигуры лошадей, оленей, неопределенных животных. Некоторые из них довольно крупные по размерам. Кони показаны с подвязанными петлей хвостами, с всадниками в характерной «тесинской» позе (рис. 2; 3.-4). С одной стороны, это особая группа, но с другой – отдельным деталям изображений находится много аналогий на других тесинских памятниках, что подтверждает атрибуцию. Кстати, в том же стиле были выполнены и рисунки на обломке отдельной плиты (рис. 3.-3), которую А.В. Адрианов [1910, с. 52] нашел в русле пересохшей протоки, недалеко от рисунков на скалах.

Характерную особенность памятника, что отмечалось всеми исследователями, видевшими Копёнскую писаницу, составляет большое количество тамг и тамгообразных знаков [Миклашевич, 2018, с. 8, 10, 18]. Их датировка и атрибуция еще не производились, но мы не исключаем возможности отнесения

Рис. 1. Писаница Копёнская Нижняя. Эстампаж А.В. Адрианова LVII-32 (МАЭ РАН колл. №2508-387) и сделанная по нему прорисовка

некоторых из них также к тесинскому времени, особенно если учесть, что аналогичные тамги встречаются вместе с тесинскими рисунками и на ряде других памятников, например на писанице Оргинек [Рыбаков, 2006, рис. 2].

Рис. 2. Писаница Копёнская Нижняя. Эстампаж А.В. Адрианова LVII-33 (МАЭ РАН колл. №2508-388) и сделанная по нему прорисовка

Рис. 3. Писаница Копёнская Нижняя: 1 – прорисовка по эстампажу А.В. Адрианова LVII-35; 2 – эстампаж А.В. Адрианова LVII-30 (МАЭ РАН колл. №2508-385) и прорисовка по нему; 3 – зарисовка найденной плиты с петроглифами из полевого дневника А.В. Адрианова 1909 г. (МАЭС ТГУ. Д. 76/2); 4 – прорисовка по эстампажу А.В. Адрианова LVII-34

Дополнительные аргументы в пользу тесинской атрибуции этой группы наскальных рисунков представляет анализ их археологического контекста. Каменским отрядом были произведены масштабные раскопки разновременных памятников в урочище Каменка. Среди них – большой грунтовой тесинский могильник [Шер и др., 1967; 1968], который было бы заманчиво соотнести с рассматриваемыми петроглифами. Показательно, что количество тесинских погребений (более 120) превалирует над всеми остальными раскопанными памятниками вместе взятыми, точно так же, как количество тесинских петроглифов в Каменке значительно превосходит изображения других эпох.

Я.А. Шер [1980, с. 164] отмечал, что «датировка некоторых петроглифов Каменки определяется по стилистическому сходству с изображениями на камнях, образующих ограды тагарских курганов». Мы с этим совершенно согласны, с тем только уточнением, что, как сейчас становится понятным, подавляющее большинство изображений на камнях оград тагарских курганов появилось не в тагарскую, а в последующую тесинскую эпоху. Мы полностью разделяем и высказанное в беседе предположение И.Л. Кызласова, что тесинцы справляли свои тризны на тагарских курганах, нанося изображения на весьма подходящие для этого камни оград. Кстати, одна из типично тесинских композиций с антропоморфными фигурами была нами обнаружена на плите ограды тагарского кургана в 1 км к северо-востоку от урочища Каменка [Миклашевич, 2018, цв. илл. 3].

Таким образом, проведенная нами по материалам А.В. Адрианова реконструкция наскальных композиций писаницы Копёнской Нижней (Каменки) позволяет выделить новую стилистическую группу в искусстве Минусинской котловины хунно-сяньбийского времени, даже несмотря на то, что памятник утрачен.

Библиографический список

- Адрианов А.В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. Вып. 10. С. 41–53.
- Миклашевич Е.А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 5–22.
- Русакова И.Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Проблемы интерпретации и сохранения. Кемерово, 2016. С. 173–181.
- Рыбаков Н.И. Новый памятник тесинской культуры (святилище Оргинек в междуречье Июсов) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 260–272.
- Савинов Д.Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино-III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 22–32.
- Савинов Д.Г. К истории открытия и изучения тесинских «лабиринтов» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 254–259.
- Шер Я.А., Григорьев Г.П., Подольский Н.Л., Хлобыстин Л.П. Находки на правом берегу Енисея // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 145–147.
- Шер Я.А., Савинов Д.Г., Подольский Н.Л., Кляшторный С.Г. Курганы и писаницы правобережья Енисея // Археологические открытия 1967 г. М., 1968. С. 150–151.
- Шер Я.А., Хлобыстин Л.П. Раскопки на Среднем Енисее // Археологические открытия 1965 г. М., 1966. С. 10–12.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.
- Sher J.A. Ensemble de Cheremushny Log // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 4. Paris, 1999. P. 5–52.

УДК 903.27(571.1/.5)

О.С. Советова, О.О. Шишкина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПЕТРОГЛИФЫ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕПСЕЕ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ

Новые наскальные изображения таштыкской эпохи, обнаруженные на скалах и на курганных камнях Тепсейского археологического микрорайона, позволяют рассматривать их сквозь призму археологических материалов, происходящих из погребений, обнаруженных под горой Тепсей. Уникальные рисунки на плакетках, резные изображения на стенках деревянного ящика-гробика, сохранившиеся предметы из склепов и наскальные рисунки дают относительно полное представление о своеобразии таштыкского искусства. Выявленные наскальные изображения во многом повторяют сюжеты и образы, запечатленные на плакетках, но и имеют свои особенности. В таштыкском наскальном искусстве, например, не известно ни

одного изображения барана, тогда как в одном из склепов обнаружена раскрашенная фигурка барана, выполненная из дерева, с остатками золотой фольги. В наскальном искусстве иногда отображены конкретные предметы эпохи, такие как посуда, са-адак, встречаются уникальные персонажи: птицы, зубастые хищники, а также схематичные антропоморфные фигуры в позе лучника, натягивающего тетиву, у лучников, выгравированных на скалах Усть-Тубы, нарушены пропорции, из-за преувеличенно длинных ног они выглядят «великанами». Среди выбитых изображений не так много мастерски выполненных фигур, нередко встречаются «любительские» картинки, либо подражающие известным эталонным рисункам, либо сделанные рукой непрофессионала.

Ключевые слова: Минусинская котловина, петроглифы, наскальное искусство, Тепсей, таштыкская культура.

O. Sovetova, O. Shishkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

PETROGLYPHS OF THE TASHTYK EPOCH ON THE TEPSEY

The work was carried out within the framework of the state task
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 33.2597.2017/ПЧ

The new rock images of the Tashtyk epoch that were found on the rocks and the burial stones of the Tepsey archaeological microdistrict allow us to consider them through the prism of the archaeological materials originating from the burials found under the Tepsey mountain. Unique drawings on plaques, carved images on the walls of a wooden box-coffin, preserved items from the crypts and rock images give a relatively complete picture of the originality of the Tashtyk art. The revealed rock images largely repeat the plots and images depicted on the plaques, but also have their own features. For example, no Tashtyk images of the ram have ever been found, while a painted figure of a ram made of wood with the remains of gold foil was found in one of the crypts. Rock art images sometimes display specific items of the epoch, such as dishes and quivers, as well as unique characters (birds, toothy predators), and schematic anthropomorphic figures in the pose of the archer, pulling the string. The archers engraved on the rocks of Ust'-Tuba are disproportioned with exaggerated long legs and look like "giants". Few of the pecked figures were masterfully rendered, while most of them are "amateur" drawings, either imitating the known "standard" drawings, or made by untrained artists.

Key words: Minusinsk Basin, petroglyphs, rock art, Tepsey, Tashtyk culture.

К настоящему времени можно говорить уже о достаточно продолжительной истории изучения наскального искусства Минусинской котловины, но и сегодня лишь единичные памятники изучены более-менее полно. Особенно сложно изучать такие грандиозные объекты, как Оглахты, Суханиха, Тепсей. В поле зрения кемеровских археологов каждый из этих памятников попал уже давно, но и спустя десятилетия, невозможно сказать, что цельная картина наконец-то получена. Так обстоит дело и с рисунками горы Тепсей. Уже первые исследователи, среди которых был А.В. Адрианов, отмечали здесь наличие огромного количества рисунков, но в основном исследовались скопления изображений только юго-западного и юго-восточного участков горы. Большие работы на Тепсее проводились ленинградскими археологами во время подготовки ложа будущего водохранилища в 1960–1970-х гг., когда наиболее полно исследовались петроглифы прибрежных территорий Енисея и Тубы. С 1980-х и далее с большими перерывами работают здесь кемеровские археологи (полную историю изучения см.: [Советова, Мухарева, Аболонкова, 2016]). К настоящему времени сложилось весьма цельное представление о Тепсейском археологическом микрорайоне, представляющим собой обширную территорию, включающую узкую надпойменную террасу правого берега Енисея у подножия горы Тепсей, протяженностью в 1 км, где были найдены археологические памятники – поселения и могильники одиннадцати исторических периодов [Грязнов, 1979а, с. 7], а также саму двуглавую гору Тепсей и ее отроги, на скальных плоскостях которых нанесены бесчисленные разновременные наскальные изображения. Несколько участков с рисунками было выявлено на юго-западном и западном склонах горного массива (пункты Тепсей-I–IV, по Я.А. Шеру), на верхних ярусах горы (Тепсей-V), на южном и юго-восточном склонах (Усть-Туба-I–VI) [Шер, 1980, с. 147], во внутренних логах и на вершинах горных отрогов [Советова и др., 2015], а также на камнях тагарского могильника, расположенного на террасе Енисея у самого подножия горы [Советова, Шишкина, 2014]. Д.Г. Савинов [2011, с. 23], характеризуя программу комплексного исследования памятников наскального искусства, выделил Тепсейский петроглифический микрорайон и предположил, что сама гора Тепсей, расположенная в месте слияния Енисея и Тубы в древности была сакральным центром и местом «стяжения» древних культур.

Особое место среди всех археологических объектов Тепсея занимают материалы таштыкской археологической культуры I–V вв. н.э. [Грязнов, 1979а, с. 7]. При раскопках памятников таштыкской культуры здесь были найдены важные материалы, в числе которых глиняные погребальные маски, деревянная и глиняная посуда, металлические и костяные предметы и т.д. [Грязнов, 1979б, с. 89–122]. Тепсейские погребальные памятники дали совершенно новые сведения о погребальном обряде «таштыкцев». Но особенно ценными стали находки деревянных плакеток с резными рисунками, позволившие во всей красе увидеть удивительное искусство «таштыкцев». Резные рисунки, выявленные на плакетках, до-

полненные позднее аналогичными ташебинскими и другими материалами, прочно вошли в научную литературу и позволили сделать блестящие реконструкции внешнего облика воинов таштыкской культуры [Панкова, 2011б, рис. 1–3], определить набор образов таштыкского искусства и высказать различные предположения относительно семантики представленных на плакетках сцен [Михайлов, 1995, с. 20; Подольский, 1998, с. 205; и др.]. Кроме того, стилистические особенности рисунков на плакетках позволили уверенно отнести к таштыкским и наскальные изображения, выполненные в близкой манере и технике [Панкова, Архипов, 2004, рис. 1–6 и др.; Панкова, 2013, рис. 4 и др.]. К характерным признакам таштыкского изобразительного стиля были отнесены манера показа ног животных в размашистой рыси с подогнутой передней ногой, обрамление голов коней султанами; «осинные» талии и поза «стреляющего лучника» для антропоморфных персонажей, а также общая стремительность, экспрессивность и «воздушность» всех изображений [Грязнов, 1979б, с. 145; Советова, Миклашевич, 1999, с. 65].

Относительно долго в тени блестящих погребальных материалов Тепсея оставались наскальные рисунки. Стоит отметить, что вообще лишь в последние десятилетия наскальное искусство таштыкской эпохи стало объектом устойчивого внимания исследователей [Советова, Миклашевич, 1999, с. 65; Советова, 1995, с. 50; Леонтьев, Панкова, 2012, с. 6–27; Миклашевич, Панкова, Мухарева, 2012, с. 72–85; и др.]. Пожалуй, самая сложная и целенаправленная работа по выявлению, документированию и интерпретации таштыкских изображений, выполненных гравировкой, была успешно проведена С.В. Панковой [2011а]. Исследовательница также первой обнаружила, задокументировала и опубликовала замечательную гравированную сцену, выявленную ею в Волчьем логоу Тепсея (Тепсей-II) [Панкова, 2004, рис. 2]. И другие исследователи, побывавшие в этом микрорайоне с разными научными целями, замечали, копировали, а иногда и публиковали отдельные сцены с таштыкскими рисунками, но практически не интерпретировали их [Blednova et al., 1995, pl. 13, 16, 17, 75; 29; Cave art of the Middle Enisey, 2007, P. 120; и др.]. Нередко задокументированные рисунки попросту не вводились в научный оборот и только спустя годы оказывались на страницах научных изданий, как это было с некоторыми гравированными сценами, обнаруженными на одной из вершин горы [Кызласов, 2012, рис. I–IX]. Небольшой обзор рисунков таштыкской эпохи, задокументированных Петроглифическим отрядом кафедры археологии КемГУ в 1980-е гг., был сделан одним из авторов этой статьи в 1990-х гг. [Советова, 1995, с. 50].

И вот, наконец, должное внимание этому уникальному пласту наскальных рисунков всего Тепсейского археологического микрорайона стало уделяться уже в 2010-х гг. кемеровскими археологами. С 2012 г. Тепсейский отряд кафедры археологии КемГУ приступил к полному документированию петроглифов этого микрорайона, в результате чего были обнаружены десятки новых плоскостей с изображениями таштыкской эпохи. Если при первичном обследовании тепсейских скальных выходов в 1960-е гг. Я.А. Шер отмечал, что «привязка» каких-либо петроглифов к таштыкской эпохе весьма затруднена [1969, с. 181], то на сегодняшний день мы с уверенностью можем отнести к этому времени рисунки более чем на 20-ти плоскостях. Причем это как выбитые, так и гравированные рисунки. Казалось бы, в хорошо исследованном ранее Волчьем логоу (Тепсей-II) нами были задокументированы не только ранее известные рисунки таштыкской эпохи (детали которых были существенно дополнены), но и открыты новые уникальные изображения. Среди них фигуры одиночных животных: оленей (рис.-1), лосей, быков, а также неопределенных в видовом отношении животных (рис.-2), сходных с рисунками соседних памятников Минусинской котловины (Оглахты, Суханиха и др.) [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 6; Леонтьев, Панкова, 2012, рис. 10–17], а также антропоморфные персонажи, преимущественно лучники, выполненные иногда не столь реалистично, как эталонные изображения, но в своем значении не уступающие более детализированным фигурам (рис.-4–5). Тепсейские персонажи отличаются от изображений на соседних памятниках [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 6; Пяткин, Советова, Миклашевич, 1995, табл. XI.-1–3, XII.-1–2] большей схематичностью и отсутствием деталей одежды (головные уборы, приталенные кафтаны с заостренным «уголком» и пр.).

По публикациям нам известно около десятка плоскостей с петроглифами таштыкской эпохи, зафиксированных и опубликованных нашими предшественниками: это рисунки на скальных выходах Широкого лога и на прибрежных скалах Тубы (Усть-Туба-IV, V) [Blednova et al., 1995, pl. 72, 75, 76; Cave art of the Middle Enisey, 2007, P. 120], на одном из «зубьев» горы [Кызласов, 2012, рис. I–IX], в Волчьем логоу [Blednova et al., 1995, pl. 13, 16, 17]. Среди них как выбитые, так и гравированные фигуры животных, людей, различных предметов. Каменским отрядом Красноярской археологической экспедиции под руководством Я.А. Шера в пункте Усть-Туба-V была зафиксирована многофигурная сцена с изображениями животных и людей, среди которых угадываются антропоморфные персонажи, характерные для таштыкского искусства, но выполненные относительно грубой выбивкой [Blednova

Петроглифы таштыкской эпохи на Тепсе: 1, 2, 4–6 – Тепсей-II (фрагмент композиции); 3, 7 – по: [Кызласов И.Л., 2012]; 8 – по: [Blednova et al., 1995]; 9 – Усть-Туба; 10, 11 – курганные камни (прорисовка И.В. Аболонковой). Масштабы разные

et al., 1995, pl. 76]. Это фигуры воинов с оружием в руках, облаченные в характерную для таштыкцев одежду (кафтаны). Возможно, они выбиты неумелой рукой, как и изображения животных, принадлежность которых к таштыкской эпохе угадывается только по характерной манере изображения животного с подогнутой ногой (рис.-8). Н.В. Леонтьевым и И.Л. Кызласовым на пяти плоскостях на одной из вершин горы (на Тубинском склоне) были открыты интересные гравированные сцены с участием воинов и охотников (рис.-7), изображения таштыкских сосудов и саадака (рис.-3), аналогии которым были найдены не только на соседних памятниках наскального искусства, но и среди вещественных материалов Минусинской котловины; здесь же изображены отдельные фигуры животных [Кызласов, 2012, рис. I–IX]. Не исключено, что один из персонажей одет в защитную одежду. К сожалению, фигура фрагментарна, возможно, ее документирование с использованием современной техники позволит уловить дополнительные детали, подтверждающие или опровергающие это предположение.

Еще одна очень выразительная сцена задокументирована нами в 2017 г. в пункте Усть-Туба-IV (по индексации Я.А. Шера), известная нашим предшественникам, но не введенная в научный оборот [Бокоренко, 1984, рис. 68]. На плоскости представлена сцена с разновременными персонажами: в скифскую эпоху были выбиты фигуры кабанов с опущенными головами, а в таштыкскую гравированными линиями подрисованы четыре фигуры «таштыкцев», имеющих явную перекличку с изображениями на плакетках (рис.-9). Один из персонажей целится из лука в кабана, другие не связаны с животными, и, как часто бывает в таштыкских композициях, расположены хаотично, ориентированы в разные стороны, к тому же выполнены в разных пропорциях. Все четыре при наличии общих признаков имеют и индивидуальные черты. У некоторых заостренным уголком показаны кафтаны, у других – характерные головные уборы или прически (?). На соседней плоскости также имеются подобные изображения, но худшей сохранности. В этом же месте было задокументировано еще одно гравированное изображение таштыкской эпохи – фигура коня, голова которого, к сожалению, не «читается» и задокументировать ее не удалось. Поза несколько нетрадиционна для таштыкской традиции: конь будто приподнялся на задних ногах, хотя его поднятая передняя нога тем не менее подогнута, копыто задней ноги показано острым углом, прослеживается довольно пышный хвост. В целом манера изображения и признаки передачи ног коня позволяют предполагать принадлежность изображения к таштыкской эпохе, более того, изображения коней в аналогичных позах зафиксированы на горе Георгиевской [Леонтьев, Панкова, 2012, рис. 10, 13].

Особой группой изобразительных источников являются рисунки, нанесенные на камни могильных конструкций, расположенных под горой. Проведенные исследования свидетельствуют, что открытые для художников последующих эпох курганные камни тагарской эпохи использовались весьма активно. Отметим, что такое явление не уникально, случаи, когда рисунки таштыкской эпохи встречаются на плитах оград более раннего времени, хорошо известны: это курганы Салбыкской степи [Кызласов, 1990, рис. 1], Подкамень [Панкова, 2013, рис. 2–4] и др. На могильном поле под горой Тепсей нами обнаружено несколько камней с таштыкскими рисунками. К ним относятся петроглифы на трех камнях одного шестикаменного (или двух смежных четырехкаменных) курганов подгорновского этапа тагарской культуры. На одном из камней очень мелкой поверхностной выбивкой выполнена фигура лося, изображенного в движении (в прыжке?). Стилистически она схожа с изображениями на деревянных плакетках, подобные фигуры встречаются и среди наскальных рисунков [Грязнов, 1979б, с. 99, рис. 59; Леонтьев, Панкова, 2012, рис. 20]. На этом же камне еще на двух гранях также присутствуют едва различимые хаотичные гравированные линии, возможно, когда-то здесь были изображения. На двух соседних камнях нами также было обнаружено несколько сцен, выполненных гравировкой (рис.-10, 11). Гравированные линии на камнях сильно выветрены, рисунки удалось выявить лишь благодаря совершенствованию методов документирования с использованием различных способов цифровой фотосъемки с последующими послойными прорисовками по фотографиям в программе Adobe Photoshop (благодарим И.В. Аболонкову и А.К. Солодейникова за качественную фотосъемку) [Советова, Шишкина, Аболонкова, 2017, рис. 2–3]. На первом камне среди многочисленных тончайших, порой бессистемных линий выявлены изображения быка, оленя, летящей профильной птицы и нескольких хищных животных, изображенных в стремительном беге, с оскаленными пастьями, вздыбленной шерстью и когтистыми лапами (в кандидатской диссертации Т.В. Николаевой эта сцена упоминается, но, как представляется, не все персонажи этой плоскости ей удалось зафиксировать) (рис.-10). При тщательном изучении этой композиции были обнаружены элементы, которые снимают сомнения относительно их датировки – фигуры быка и оленя выполнены в классической таштыкской манере. Изображения хищников довольно редки в таштыкском искусстве, но нельзя не отметить, что на тех же деревянных плакетках есть фигуры медведей, которые тоже изображены с когтистыми лапами [Грязнов, 1979б, с. 99,

рис. 59]. Хищники, изображенные на тепсейском камне, больше напоминают волков. На соседнем камне была выявлена еще одна сцена с фигурой несколько иного хищника, но тоже с оскаленной пастью, острыми ушами, длинным хвостом, в характерной позе с подогнутой ногой. Хищник преследует двух копытных животных, рядом парит птица, показанная профилем (рис.-11). Птиц, правда, в довольно стилизованном виде «таштыкцы» изображали и на астрагалах, обнаруженных в таштыкских склепах, такое изображение есть и на роговой булавке в одной из могил Тепсейского комплекса [Грязнов, 1979б, с. 127, рис. 75], но они другие. Изображения птиц, выявленные на камнях под горой Тепсей, пока не известны по другим памятникам наскального искусства края. Для хищников же, помимо плакеток, обнаруживается аналогия на одном из курганных камней под горой Бычиха, где также техникой гравировки прочерчена фигура хищного зверя с большой зубастой мордой, длинным хвостом и когтистыми лапами [Миклашевич, Бове, 2015, рис. 5], можно провести также параллель и с изображениями зубастых хищников на обкладках гуннского седла из Мангышлака (Казахстан) V в. н.э. [Богданов, 2017, рис. 2–3] и др. Преследование копытных (лосей, оленей) хищным животным (волком) известно также среди гравированных композиций горы Георгиевской [Леонтьев, Панкова, 2012, рис. 18].

На скалах Тепсея зафиксировано несколько примеров подновления в таштыкскую эпоху рисунков предшествующего времени (либо это было подражание таштыкскому стилю в еще более позднее время). Вопрос о подновлении наскальных рисунков стоит давно, на скалах нередко встречаются сцены с рисунками одной эпохи, подвергшиеся подновлению в другую. Так, например, на одном из верхних ярусов Волчьего лога обнаружено выбитое изображение неопределенного животного с двумя головами (одна в анатомически правильном месте, другая – в области крупа) и с четырьмя ногами. По-видимому, в тагарскую эпоху было нанесено изображение животного, показанного в позе «внезапной остановки» (с двумя параллельно расположенными ногами), которому в таштыкское время (или позднее?) была подбита вторая голова и две другие ноги, одна из которых показана подогнутой в таштыкской манере.

Таким образом, новые наскальные изображения таштыкской эпохи, обнаруженные на скалах и на курганных камнях Тепсейского археологического микрорайона, с одной стороны, углубляют представления о таштыкском наскальном искусстве в широком смысле слова, а с другой – позволяют рассматривать его сквозь призму материала, происходящего из конкретного археологического микрорайона. Уникальные рисунки на плакетках, резные изображения на стенках деревянного ящика-гробика, сохранившиеся предметы из погребений и наскальные рисунки дают нам относительно полное представление о своеобразии этого искусства. Выявленные наскальные изображения таштыкской эпохи, зафиксированные на скалах Тепсея и камнях тагарских курганов под горой, во многом повторяют изображения на плакетках, но вместе с тем содержат и свои особенности. В таштыкском наскальном искусстве, например, не известно ни одного изображения барана, тогда как среди предметов, обнаруженных в одном из тепсейских склепов, найдена раскрашенная фигурка барана, выполненная из дерева, с остатками золотой фольги [Грязнов, 1979б, с. 112], по-видимому, очень значимая для местного населения. В наскальном искусстве нередко отображены конкретные предметы эпохи, такие как саадак, посуда, имеются уникальные персонажи: птицы, зубастые хищники, пронзенные стрелами копытные, схематичные антропоморфные фигуры в позе лучника, натягивающего тетиву лука, и др. Среди выбитых изображений не так много мастерски выполненных фигур (оленей, лосей, антропоморфных фигур), но нередко встречаются «любительские» картинки, либо подражающие известным эталонным рисункам, либо сделанные рукой непрофессионала. Антропоморфные фигуры разнообразны и в них также можно отметить черты своеобразия, так, например, у «таштыкцев», выгравированных на скалах Усть-Тубы, нарушены пропорции, из-за преувеличенно длинных ног они выглядят «великанами». Одна из гравированных фигур из сцены, обнаруженной И.Л. Кызласовым на вершине горы, показана в укороченных «штанах» (рис.-7), представляющих, возможно, элемент защитного доспеха («брючного», как его охарактеризовал И.Л. Кызласов [2012, с. 128]). Любопытен и один из персонажей многофигурной сцены с палимпсестами из Волчьего лога (рис.-6), имеющий антропоморфный облик, но с когтями на ногах и каким-то предметом в виде двойного «трезубца» в руках.

Исследования на Тепсее будут продолжены, повторное современное документирование изображений, возможно, углубит наши представления об особенностях самобытного таштыкского искусства. Но стоит еще раз обозначить важную проблему сохранения культурного наследия Тепсейского археологического микрорайона. Если многие наскальные рисунки Тепсея остаются относительно труднодоступными (а гравированные практически не видны невооруженным глазом и таким образом имеют хоть как-то шанс сохраниться), то Тепсейскому могильнику грозит опасность уничтожения вместе с камнями, на которых еще сегодня сохраняются уникальные таштыкские гравированные шедевры.

Библиографический список

- Богданов Е.С. Звери и птицы на обкладках гуннского седла из Мангышлака // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1). Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. М.; Кемерово, 2017. Вып. XI. С. 65–77.
- Боковенко Н.А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 г. // Архив Института археологии РАН. М., 1984. Ф. 35. 153 ед. хр.
- Грязнов М.П. Пункты раскопок // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979а. С. 7–19.
- Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979б. С. 89–145.
- Кызласов И.Л. Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 182–191.
- Кызласов И.Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Кемерово, 2012. Вып. 26. С. 103–108.
- Леонтьев Н.В., Панкова С.В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы-III, Сосниха: Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2012. Вып. X. С. 72–111.
- Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1, №3. С. 52–64.
- Миклашевич Е.А., Панкова С.В., Мухарева А.Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы-III, Сосниха: Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2012. Вып. X. С. 72–111.
- Михайлов Ю.И. Семантика образов и композиций в таштыкской изобразительной традиции (опыт анализа тепсейских плакеток) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 17–22.
- Панкова С.В. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 52–60.
- Панкова С.В. Таштыкские гравировки (сюжетно-стилистический анализ и историко-культурная интерпретация): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011а. 288 с.
- Панкова С.В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии: Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2011б. Вып. VII. С. 117–141.
- Панкова С.В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2013. Вып. 1. С. 125–159.
- Панкова С.В., Архипов В.Н. Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири // Археологические экспедиции за 2003 г.: сб. докл. СПб., 2004а. С. 36–47.
- Подольский М.Н. Композиционная специфика таштыкской гравюры на дереве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат. Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998. С. 199–205.
- Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 86–108.
- Савинов Д.Г. Проект программы «Тепсейский петроглифический микрорайон» (сохранение, консервация и использование) // Древнее искусство в зеркале археологии: Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2011. Вып. VII. С. 22–26.
- Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 33–54.
- Советова О.С., Аболонкова И.В., Талягина М.А., Шишкина О.О. Новые петроглифы Тепсея (по результатам исследований 2012–2015 гг.) // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2015. Вып. 2. С. 101–113.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. кафедры археологии Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 1999. С. 47–74.
- Советова О.С., Мухарева А.Н., Аболонкова И.В. Петроглифы Тепсейского археологического микрорайона (история изучения, перспективы исследования) // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 2016. Вып. 27. С. 136–154.
- Советова О.С., Шишкина О.О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №3 (59). С. 93–98.
- Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Таштыкская эпоха на Енисее сквозь призму изобразительных источников (по материалам Тепсейского археологического комплекса) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 125–131.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.
- Шер Я.А., Подольский Н.Л., Медведовская И.Н., Калашникова Н.М. Енисейские писаницы // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 180–182.
- Blednova N., Francfort H.P., Legchilo N. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris, 1995. 153 p.
- Cave Art of the Middle Enisey. Zelenogorsk, 2007. 224 p.

УДК 902.(51)+902(574)

В. Хорват

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПТИЦЫ В НАЧАЛЕ СКИФСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ И КАЗАХСТАНА

В данной статье автором собраны и подвергнуты сравнению изображения птиц раннескифского времени, зафиксированные на горной и предгорной территориях Алтая и Казахстана. На основе анализа изображений птиц можно констатировать, что оформление фигурок на горной и предгорной территории Алтая являлось схематичным, их можно считать имитациями. Они встречаются в уздечных наборах, содержащих У-образные псалии и бронзовые удила с «пешковидными» окончаниями. В отличие от алтайских регионов, в курганах Шиликтинской долины, Центрального Казахстана и Восточного Приаралья отсутствуют конские захоронения. В ходе исследований автор пришел к выводу, что формирование, распространение и функциональность изображений птиц в Казахстане, приняв во внимание их контекст, указывают на различные по регионам интерпретации изображений и разные отношения к ним. В соответствии с этим важно учитывать и внешние культурные влияния, происходившие с Ирана и Передней Азии. Причем требуются дальнейшие исследования, которые коснутся региона Средней Азии.

Ключевые слова: раннескифский, хищные птицы, Алтай, Шиликтинская долина, могильник Уйгарак, Луристан.

V. Horvath

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

IMAGES OF BIRD AT THE BEGINNING OF THE SCYTHIAN AGE OF THE ALTAI REGION AND KAZAKHSTAN

In this article, the author collected and compared the early Scythian Age images of the birds of the territories of the mountains and foothills of Altai and Kazakhstan. On the basis of the analysis of the birds' images, it can be stated, that the formation of figures in the territory of the Altai Mountains and foothills is schematic, and it is considered like an imitation. They are found in frenzied sets containing Y-shaped cheek-pieces and bronze bits with "paw shaped" ends. Unlike the Altai regions, there are no horse graves in the barrows of the Shilikty Valley, Central Kazakhstan and the Eastern Aral Sea. Thus, the author came to the conclusion that the formation, distribution and functionality of images of birds in Kazakhstan, taking into account their context, indicate different regional interpretations of images and multi-line relationships. Accordingly, it is important to consider external cultural influences from Iran and the Near East. Moreover, long term research of Central Asia is required of Central Asia.

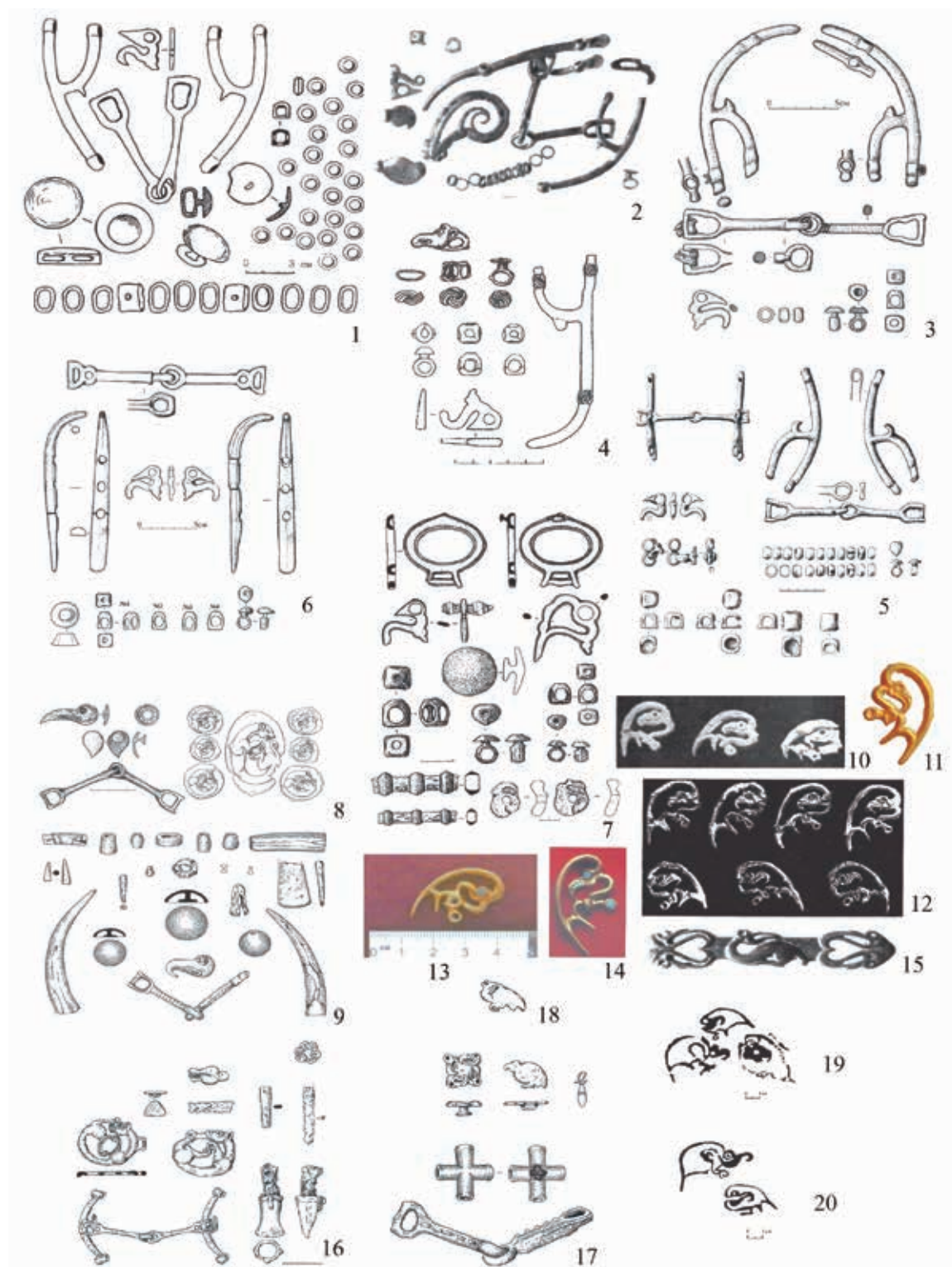
Key words: early Scythian, birds of prey, Altai, Shilikty Valley, cemetery of Ujgarak, Luristan.

Значительное место в культурном наследии раннескифского времени восточных евразийских степей занимают репрезентативные и многоцветные изображения в так называемом скифском зверином стиле. Существует много публикаций, в которых авторы описывают происхождение, распространение и формирование образов различных кошачьих хищников, медведей, оленей, горных козлов, кабанов и других животных (см., например: [Членова, 1962, 1967; Васильев, 2000; Богданов, 2006; Бейсенов, 2011; Музейные коллекции Казахстана, 2011]). В то же время изображения птиц не менее важны и могут быть значимыми с точки зрения обогащения представлений о развитии культуры древних народов. В публикациях мало внимания уделяется описанию образов птиц в начале скифской эпохи [Новгородова, 1989; Шульга, 1998; 2008] либо они вообще отсутствуют. Ограниченный объем статьи не позволяет проанализировать изображения птиц в полной мере. Для примера рассмотрим только горные и предгорные регионы Алтая и Казахстана IX–VII вв. до н.э., приняв во внимание формирование и контекст изображений.

Изображения птиц на территории Алтая

Характерные фигурки птиц в значительной степени связываются с конскими снаряжениями, они присутствуют в комплексах уздечных наборов как украшения для ремней. Такой же вид изображений был обнаружен в кургане №1 могильника Каракол. У птицы голова повернута назад, ее клюв и глаза мощные. Бронзовая бляха была найдена в юго-западном секторе погребальной ямы. Кроме нее, у юго-восточной стенки погребальной ямы, почти на глубине 2 м, вне каменного ящика были обнаружены У-образные псалии и бронзовые удила с «пешковидными» окончаниями (рис.-1). Важно отметить, что скелет лошади отсутствовал. Причем у восточной стенки ящика были зафиксированы и железные артефакты (нож и поясная обойма) [Кубарев, 1998, с. 75–77, рис. 2, 11].

Ритуальный «клад» №1 из кургана №21 могильника Алды-Бель в Туве содержал такую же бронзовую бляху в виде стилизованной птицы, у которой голова повернута назад. Глаза птицы большие, выделенные. Одна из ее ног превращена в кольцо. Данное изображение на бронзовой бляхе было найдено также в глубокой погребальной яме, заполненной срубной конструкцией, и сопровождается также бронзовыми У-образными псалиями и бронзовыми удилами с «пешковидными» окончаниями [Грач, 1980, рис. 83.-1; Боковенко, 1998, рис. 2] (рис.-2).

Изображения птицы Горного и предгорного Алтая и Казахстана: 1 – Каракол, м. 1 [Кубарев, 1998, рис. 2, 11–20]; 2 – Алды-Бель-I, курган №21, «клад» №1 [Грач, 1980, рис. 83.-1]; 3 – Гилёво-10, м. 16 [Шульга, 2016, рис. 27]; 4 – Вакулиха-1, «клад» [Бородаев, 1998, рис. 7, 3–9, 11–12]; 5 – Кондратьевка-XXI [Шульга, 2008, рис. 27]; 6 – Гилёво-10, м. 31 [Шульга, 2016, рис. 34]; 7 – Машенка-1, курган №1 [Шульга, 1998, рис. 5]; 8 – Майэмирский «клад» [Шульга, 2008, рис. 32.-1–5]; 9 – Уйгарак, курган №69 [Вишневская, 1973, табл. XVIII.-1–23]; 10 – Чиликты курган №7 [Черников, 1951, рис. 47]; 11 – Талды-2 [Bejzenov, 2011, Abb. 15]; 12 – Чиликты курган №5 [Черников, 1965, табл. XIII]; 13 – Шиликты, курган №16 [Толеубаев, Жуматаев, 2016, рис. 22]; 14 – Шиликты-3, курган №1 [Толеубаев, 2006, с. 151]; 15 – Нурманбет-I, курган №2 [Артамонов, 1973, илл. 35]; 16 – Уйгарак, курган №33 [Вишневская, 1973, табл. IX.-9–20]; 17 – Уйгарак, курган №83 [Вишневская, 1973, табл. XIX.-5–9]; 18 – Уйгарак, курган №39 [Вишневская, 1973, табл. XIII.-2]; 19 – Ешкиольмес [Бейсенов, Марьяшев, 2014, рис. 65]; 20 – Ешкиольмес [Бейсенов, Марьяшев, 2014, рис. 66]

В кургане №1 могильника Машенка-I представлены два типа воспроизведения птиц. Первая птица является наносной подвеской. По оформлению она похожа на изображение из кургана №1 могильника Каракол [Шульга, 1998, с. 35, рис. 5.-3]. Голова и клюв другой птицы, являющейся нагрудной подвеской, соединяются с туловищем [Шульга, 1998, рис. 5.-5] (рис.-7). Бронзовые украшения принадлежали уздечному комплексу, содержащему также бронзовые У-образные псалии и бронзовые удила с «пешковидными» окончаниями. В относительно глубокой яме на низкой платформе лежал скелет взнузданной лошади. Чуть ниже уровня платформы в подбое вдоль длинной стенки была захоронена молодая женщина, отделенная каменными плитками от скелета лошади. Железные предметы в женском погребении отсутствовали [Шульга, 1998, с. 26–30]. П.И. Шульга [1998, с. 32–36] датировал курган концом VII – началом VI в. до н.э.

Аналогичное изображение стилизованной птицы на бронзовых наносных подвесках встречается в погребениях №16 и 31 могильника Гилёво-10. Среди их оформления заметна небольшая разница. Клюв у птицы из погребения №31 почти дотронулся до туловища. Конское снаряжение в погребении №16 по составу соответствует в большинстве вышепредставленным уздечным комплектам (рис.-3). Однако обстоятельство обнаружения погребений в могильнике немного отличается от характеристик погребального обряда памятников Тувы и Горного Алтая. В южном секторе указанного погребения на маленькой платформе, на глубине больше 2 м, лежали взнузданная лошадь и овца. На дне грунтовой ямы были найдены скелеты женщины и ребенка [Шульга, 2008, рис. 13.-4; 2016, с. 102, рис. 27.-4]. В юго-восточном секторе грунтовой ямы погребения №31 на приступке находились скелеты лошади со сбруйным набором и овцы. Конское снаряжение, расположенное возле скелета лошади, содержало бронзовые трехдырчатые псалии и бронзовые удила со стремявидными окончаниями, имеющими дополнительные отверстия [Шульга, 2008, рис. 15.-6; 2016, с. 55–58, рис. 34.-4] (рис.-6). Железных предметов в погребениях не найдено.

Подобная, но немного отличающаяся наносная подвеска в виде птицы происходит из кургана памятника Кондратьевка-XXI в Бородулихинском районе Восточно-Казахстанской области. Глаза крупные, клюв короткий и, в отличие от вышепредставленных изображений, отсутствуют ноги птицы. Бронзовое изделие было сопровождено уздечным набором, который по составу соответствует материалам из кургана №1 могильника Каракол и погребения №16 могильника Гилёво-10 [Шульга, 2008, рис. 27.-4] (рис.-5). Артефакты из железа также отсутствовали в кургане.

Наносная подвеска в виде птицы зафиксирована среди материалов «клада», найденного у местонахождения Вакулиха-1 (рис.-4). По мнению В.Б. Бородаева [1998, с. 69–70, рис. 8], данное украшение сбруйного набора оформлено в «сакско-сибирском» стиле, и аналогии изображения больше похожи на голову лося либо на S-образный олений рог. Однако П.И. Шульга [2008, с. 91] отказался от точки зрения В.Б. Бородаева. Он настаивает на интерпретации изображения как птицы.

Изображения птиц в Казахстане

Казахстан охватывает огромную территорию, поэтому, вероятно, более правильным анализировать виды отображения птиц по микрорегионам. Самое простое воспроизведение – голова хищной птицы с большим согнутым клювом. Данное изображение хорошо известно из Майэмирского «клада», которое было разработано реалистично. Голова животного изображена в виде бронзовой бляхи, покрытой тонким золотым листом. Уздечная застежка в виде хищной птицы с петелькой на оборотной стороне сопровождалась изображениями свернувшихся пантер, покрытых золотой фольгой, бронзовыми удилами, имеющими стремечковидные окончания, бляхой-застежкой и бронзовым кольцом (рис.-8). По заключению П.И. Шульги, данные типы застежек датируются VI–V вв. до н.э. (тип 2 по П.И. Шульге [2008, с. 83, рис. 32.-1]). Но сам «клад» на основе золотых листов с изображениями пантер определен чуть ранее – рамками VIII–VII вв. до н.э. Подобное изображение головы орла выявлено в кургане №69 могильника Уйгарак. О.А. Вишневская [1973, с. 52–53, табл. XVIII.-20] определила артефакт налобником, но она не сделала ни разрез, ни реконструкцию изделия. Бронзовая бляха была зафиксирована вместе с деталями уздечного набора, роговыми и деревянными предметами и клинком бронзового топора в сравнительно глубокой погребальной яме (рис.-9).

Самыми впечатляющими находками являются золотые фигурки, в том числе птиц из Шиликтинской долины Восточно-Казахстанской области. Первые изделия были обнаружены под руководством С.С. Черникова еще в ходе раскопок курганов №7 и 5. В кургане №7 найдены три золотых экземпляра в виде орла. Глаза птиц большие, круглые, и их клювы четко проработаны. Головы хищных птиц подтянуты к груди и повернуты назад. Одна из ног превращена в кольцо. Золотые бляхи в форме птицы сопровождаются золотой пластинкой в виде оленя и рыбы (рис.-10). Изображения рыб из золота напоминают о золотых изделиях из погребения №2 кургана Аржан-2 [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, Taf. 116.-1–3]. Находки обнаружены около погребенного мужчины в глубокой погребальной яме, со-

державшей остатки срубов. В заполнении ямы сохранились кости лошади, быка и овцы. С.С. Черников [1951, с. 144–145, рис. 47] датировал памятник V–IV вв. до н.э., но на основе аналогии золотой пластинки в виде рыбы время кургана можно определить ранее – серединой – 2-й половиной VII в. до н.э.

В кургане №5 были найдены 9 золотых пластинок в виде птицы, характеристики которых тождественны изделиям из кургана №7. Глаза этих хищных птиц большие и выполнены с использованием бирюзовой инкрустации (рис.-12). Золотые фигурки были зафиксированы в прямоугольной срубной камере на глубине 1 м, имевшей вход в виде дромоса в направлении с востока. С.С. Черниковым [1965, с. 32–34, табл. XIII–XIV] курган датирован VII–VI вв. до н.э.

Следует указать еще один вид изображения птицы из кургана №5, золотая фигурка которой четко и глубоко проработана. Голова птицы треугольная, повернута в профиль, крылья замкнутые. На оборотной стороне изделия были отлиты две петли, по мнению С.С. Черникова [1965, с. 38–40, табл. XVI.-3], с целью пришивания на кожаное изделие. Изображения птицы с замкнутыми крыльями более распространены на территории Восточного Забайкалья, Северной и Внутренней Монголии и Северо-Восточного Китая. Однако формирование головы и крыльев шиликтинских изображений не подходит к чертам восточных представлений птицы.

Древние золотые пластинки в виде хищных птиц были открыты в 2002–2004 гг. в кургане №1 могильника Шиликты-3. Подобно золотым изделиям из курганов №7 и 5, глаза птиц выполнены с бирюзовой инкрустацией (рис.-14). Золотые фигурки были найдены на дне погребальной ямы на глубине 1,5–2 м под каменным и бревенчатым могильным сооружением. Надмогильное сооружение имело вход в виде дромоса с востока [Толеубаев, 2006, с. 151; Toleubaev, 2006, с. 53–56]. В 2016 г. в кургане №16 в группе Шиликты также были зафиксированы золотые бляшки в виде хищной птицы. Глаза птиц кольцевидные, заполнены бирюзовой инкрустацией, и их оформление тождественно с изображениями из курганов №5 и 1 в могильнике Шиликты-3 [Толеубаев, Жуматаев, 2016, рис. 16, 18–20, 22] (рис.-13). Обнаружены они в юго-восточном углу саркофага, на уровне древней поверхности [Толеубаев, Жуматаев, 2016, с. 262].

В связи с отображениями птиц Шиликтинских курганов важно отметить, что в этом районе отсутствуют типы погребений с конским захоронением, которые исследованы на территории Горного и предгорного Алтая. Золотые пластинки могли служить украшениями одежды.

В Центральном Казахстане, в кургане №2 могильника Талды-2, встречаются такие же золотые изделия. У этих изображений хищных птиц отсутствует бирюзовая инкрустация, но, подобно изображениям из курганов №21 могильника Алды-Бель и кургана №7 в Шиликтинской долине, одна из лап птицы оформлена в виде кольца (рис.-11). Остальные золотые предметы, как пластинки в виде свернувшейся пантеры и маски, состоящей из двух фигур козлов, имеют аналогии среди материалов кургана Байгетобе [Bejsenov, 2011, с. 595–608, Abb. 15].

Необычная бронзовая накладка выявлена из кургана №2 могильника Нурманбет-I. В середине артефакта представлена хищная птица с кольцевидной головой, которая в то же время символизирует и глаз. У птицы – каплевидный клюв, длинная изогнутая шея, а также хвост и длинная голова, ноги с длинными когтями. Левая и правая сторона накладки завершены в виде голов хищных птиц – по две, длинные орлиные клювы которых образуют внутреннее пространство в форме сердца [Артамонов, 1973, илл. 35] (рис.-15). А.Х. Маргулан и его коллеги предложили считать данную накладку местным изделием, датированную V–III вв. до н.э. [Маргулан и др., 1966, с. 365, 400, рис. 65].

На востоке от Аральского моря, на правом берегу Инкардарьи (приток на правом берегу Сыр-Дарьи), выявлены изображения птицы из могильнике Уйгарак. В кургане №33 были обнаружены четыре ажурных бляшки в виде трех голов грифонов, на обороте которых имеются прямоугольные скобы. Они сопровождаются бронзовыми пряжками с изображением свернувшего хищника, бронзовыми удилами со стремечковидными окончаниями, имеющими дополнительные отверстия, бронзовыми псалями с Т-образным шпеньком и кельт-теслом с петелькой (рис.-16). Л.Т. Яблонский [2004, с. 51] на основе ажурных пряжек в виде свернувшейся пантеры датировал курган концом VIII – VII в. до н.э. Предметы находились на дне грунтовой ямы глубоко, около 1,8 м. Погребальная яма заполнена спрессованным коричневым слоем истлевших растительных остатков, в нижней части которого сохранились небольшие кусочки дерева. Среди материалов встретились фрагменты железного предмета [Вишневская, 1973, с. 28–29, табл. IX.-9]. В кургане №83 также найдены две бляшки, на плоском щитке которых изображены в рельефе головы хищной птицы, как в кургане №33, но в том случае представлены лишь три головы птицы. Бронзовые бляшки находились вместе с деталями конского снаряжения, крестовидного перекрестия, бронзовых трехлопастных черешковых и трехгранных втульчатых наконечников стрел, датированными 2-й половиной – 2-й третью VII в. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 57–58, табл. XIX.-5] (рис.-17, первая фигурка). Железные изделия не зафиксированы.

В кургане №39, где одновременно были погребены трое умерших, на уровне древней почвы встречена бляшка в виде четко разработанной хищной птицы с закинутой назад головой и с колечком крепления на обороте [Вишневская, 1973, с. 34, табл. XIII.-2] (рис.-18). В данном погребении конского снаряжения не было. В памятнике выявлены бронзовые двухлопастные втульчатые и пулевидные наконечники стрел, аналоги которых известны из могил №3 и 4 центральной камеры кургана Аржан-1 [Грязнов, 1980, рис. 11, 8, 12]. Таким образом, курган относится к начальной фазе скифского времени и датируется 2-й половиной – концом VIII – началом VII в. до н.э. Как и в кургане №83, здесь также отсутствовали железные предметы. Другая бляшка в виде фигурки хищной птицы с петелькой на обороте выявлена из кургана №83. Птица грубо исполнена, контуры глаз, клюв, крылья и ноги не оформлены [Вишневская, 1973, табл. XIX.-6] (рис.-17, вторая фигурка).

Подобные же изображения птицы представлены в петроглифах, обнаруженных в горах Ешкиоль-меса. Некоторые из рисунков в виде хищной птицы, оформленной с повернутой головой [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 36–37; Бейсенов, Марьяшев, 2014, рис. 65–66], аналогичны изображениям птицы из кургана №83 могильника Уйгарака [Вишневская, 1973, табл. XIX.-6] (рис.-19). Другие рисунки птиц с повернутой назад головой сходны с изображениями золотых фигурок, найденных в курганах могильников Талды-2 [Bejsenov, 2011, Abb. 15] и в Шиликтинской долине [Черников, 1951, рис. 47; 1965, табл. XIII–XIV] (рис.-20).

На основе анализа изображений птицы из курганов Шиликтинской долины, Центрального Казахстана и могильника Уйгарака считается очевидным, что во всех случаях отсутствовали конские захоронения. Несмотря на этот факт, бронзовые предметы в виде хищной птицы из Уйгаракских курганов всего в двух случаях связываются с уздечными наборами [Вишневская, 1973, табл. XVIII.-20; XIX.-6] и в одном случае – с вооружением [Вишневская, 1973, табл. XIII.-2].

В 1998 г. П.И. Шульга предварительно наметил эволюцию развития образов птиц на территории Алтая и Казахстана. По его мнению, изображения птиц из Шиликтинской долины, Восточного Приаралья и их присутствие на петроглифах являются трудом сакских племен Семиречья. Таким образом, он датировал несколько поздним временем упрощенное воспроизведение шиликтинских золотых фигурок из кургана Машенка-I. В связи с шиликтинскими золотыми птицами он полагал их нижние окончания представлениями фантастического существа, формирование которых могло быть заимствованием с Передней Азии [Шульга, 1998, с. 35–36, табл. 1]. Через десять лет П.И. Шульга собрал сведения о конских снаряжениях с территории Алтая, наряду с этим обратив внимание на соотношение между распространением У-образных псалиев и данных изображений птицы. При этом он дополнил свою точку зрения, по которой в становлении восточно-казахстанских изображений птицы сыграли важную роль в характеристике отображений, пришедших с Китая и Передней Азии [Шульга, 2008, с. 90, рис. 60, 61]. На основе предположений П.И. Шульги А.З. Бейсенов [2014, с. 136] также считал, что изображения птиц могли быть распространены в Саяно-Алтайских регионах в пределах VII в. до н.э., исходя из Казахстана или Восточного Туркестана.

В заключение следует упомянуть о маленькой фигурке птицы, представленной в Жалаулинском «кладе». Она располагается между подогнутыми коленами двух оленей, повернутых назад. Крыльев птицы не видно. Датирование «клада» в настоящее время определяется VIII–VII вв. до н.э. [Музейные коллекции Казахстана..., 2011, с. 90–91].

В становлении изображений птицы Средней Азии имеют немаловажную значимость культурные влияния, происходившие с Ирана [Шер, 1998, с. 221–222], в том числе с Луристана, на которую раньше указывала и Н.Л. Членова [1967, с. 129] в своей монографии. Наверное, следы традиции луристанского и древневосточного изобразительного искусства сохранены на золотой фигурке в виде двух оленей, между передними коленями держащими маленькую птицу. Такая же композиция представлена на бронзовой колчанной бляшке из Метрополитена [Muscarella, 1988, с. 195, Kat. 308].

Однако для полной и всесторонней интерпретации изображений птицы и понимания их роли в искусстве и истории требуются дальнейшие исследования, которые значительно будут касаться регионов Передней и Средней Азии.

Библиографический список

- Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М., 1973. 280 с.
Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степей цивилизации. Алматы, 2011. 33 с.
Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки: книга-альбом. Алматы, 2014. 196 с.
Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы, 2014. 156 с.

- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006. 240 с.
- Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998. С. 50–55.
- Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998. С. 56–73.
- Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. СПб., 2000. 80 с.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М., 1973. 159 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 65 с.
- Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998. С. 74–77.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 433 с.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата, 1991. 82 с.
- Музейные коллекции Казахстана: музейный каталог. Алматы, 2011. 456 с.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. 384 с.
- Толеубаев А.Т. Золотые курганы Шиликты // *Археология Казахстана*. Алматы, 2006. С. 140–157.
- Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С. Выдающиеся памятники Шиликтинской долины и северных предгорий Тарбагатай // *Алтай – «золотая колыбель» тюркского мира [Altai is the Golden Cradle of the Turkic World]*. Усть-Каменогорск, 2016. С. 252–271.
- Черников С.С. Восточноказахстанская экспедиция // *КСИИМК*. 1951. Вып. XXXVII. С. 144–150.
- Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство»? М., 1965. 190 с.
- Членова Н.Л. Скифский олень // *Памятники скифо-сарматской культуры*. МИА. М., 1962. №115. С. 167–203.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
- Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // *Вопросы археологии Казахстана*. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 218–230.
- Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. (по материалам погребения на р. Чарыш) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 1998. С. 25–29.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Раннескифское время. Барнаул, 2008. Ч. I. 276 с.
- Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск, 2016. 256 с.
- Яблонский Л.Т. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам Приаралья) // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Краснодар, 2004. С. 45–68.
- Bejzenov A.Z. Die Nekropole Taldy-2 in Beziehung zu den Kulturen der frühsakischen Zeit Osteuropas // *Unbekanntes Kazakhstan. Archäologie im Herzen Asiens*. Bochum, Deutsches Bergbaumuseum. 2011. S. 595–608.
- Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengraben Aržan-2 in Tuva (Archäologie in Eurasien, Band 26) Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz, 2010. 424 p.
- Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1988. 501 p.
- Toleubaev A.T. Snow Leopards, Eagle-Felines and Golden Deer Treasures from the "Hill of Horse Races" // *Of Gold and Grass: Nomads of Kazakhstan*. Baltimore, Maryland, 2006. P. 53–56.

УДК 903.27(517)

Д.П. Шульга

Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск, Россия

ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИЕ КОМПОЗИЦИИ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»)

За последние десять лет в бассейнах рек Байцахэ и Шара-Мурэн во Внутренней Монголии на территории хошуна Хэшигтен-ци были обнаружены 14 наскальных картин, 59 групп изображений и более 250 отдельных рисунков. Тем самым данный район занял важное место на карте петроглифов Китая. Река Байцахэ (приток Шара-Мурэн длиной около 140 км) расположена в юго-восточной части хошуна Хэшигтен-ци. Наскальные рисунки в основном распространены в среднем и нижнем течении Байхэ, протяженностью более 60 км. В Юнсинь, Баншифанцзы, Юйшулиньцзы, Гуанъи, Ваньхэюн, Дахелун, Хуцзяоту, Гоумэнь, Галаинцзы были обнаружены 9 картин и 48 отдельных групп изображений. Представлен широкий круг сюжетов: охота, верховая езда, пастбища, танцы, небесные тела, человеческие лица, фигуры предков, группы символов, стада оленей и т.д.

Ключевые слова: петроглифы, Внутренняя Монголия, Северный Китай.

D.P. Shulga

Siberian Institute of Management, Russian Academy
of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

PETROGLYPHIC COMPOSITIONS OF INNER MONGOLIA

The work is performed with the financial support of RFBR (the project No. 18-09-00557
“The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (the Antiquity and the Middle Ages)”)

Over the past ten years 14 rock paintings, 59 groups of images and more than 250 separate drawings were found in the Baichahe and Shara-Mooren rivers basins in Inner Mongolia on the Khoshigten-chi Khoshun territory. Thus, this area occupied an important place on the People's Republic of China petroglyphs map. The Baichahe River (Shara-Mooren River tributary about 140 km long) is located in the Khoshigten-chi Khoshun south-eastern part. Rock paintings are mainly distributed in the middle and lower reaches of the Baikhe River over 60 kilometers in length. In Yongxing, Banshifanzi, Yushu Linzi, Guangyi, Wanhejun, Dheheulong, Hujiaotu, Goumen, Galainzi, 9 paintings and 48 separate groups of images were found. A wide range of subjects is presented: hunting, horse riding, pastures, dances, celestial bodies, human faces, ancestors' figures, groups of symbols, deer herds, etc.

Key words: petroglyphs, Inner Mongolia, Northern China.

В настоящее время всё более востребованным источником изучения культур Северного Китая становятся наскальные рисунки [Ян Цзюнь, 2005, с. 42]. Цель настоящей работы – краткая публикация для

Рис. 1. 1 – изображение выпаса оленей у с. Гуанъи; 2 – изображение людей, оленя и «свиней» (кабанов?) у деревни Юйшулиньцзы волости Ваньхэюнь

русскоязычных исследователей петроглифов Хэшигтен-ци во Внутренней Монголии как достаточно традиционных для автономного района вообще.

Изображение пасущихся оленей расположено к северу от ближайшей деревни Гуанъи на поверхности красно-коричневой скалы, высотой более 20 м над землей. На вершине скалы есть трещина, а наскальные рисунки распределены симметрично вокруг трещин. Площадь, занимаемая наскальными рисунками, здесь составляет около 30 кв. м. Сначала прорезался контур фигур людей и животных, затем поверхность внутри такового зашлифовывалась. Вся композиция состоит из 18 фигур оленей различных размеров и формы, двух изображений конных пастухов с собаками. Фигуры расположены достаточно плотно друг к другу (рис. 1.-1).

Изображение группы людей с оленем и «свиньями». Располагается примерно в 200 м к западу от деревни Юйшулиньцзы волости Ваньхэюн (на западном берегу Байчахэ). Фигуры четко организованы, составляя единый сюжет (авторами публикации 2004 г. высказывается предположение о «танцующих» фигурах). Изображения крашенные, использовался красный пигмент минерального происхождения. Общая площадь писаницы – около 10 кв. м. В середине мы видим группу из девяти человеческих фигур, которые, по мнению Хань Лисиня, танцуют. Трое «танцоров» держатся за руки, также имеется пара со-

Рис. 2. 1 – изображение «духов», фаллоса и абстрактных знаков в черте деревни Шаньцяньцунь;
2 – мужская и женская личины у деревни Шаньцяньцунь

единенных фигур. В верхнем левом углу прослеживается диагональная линия с кругом посередине, вероятно, символизирующая солнце над рекой. Три свиноподобные фигуры (возможно, кабаны) – вверху изображения, таким образом, возможно, «идут к воде». Внизу писаницы помещен длиннорогий олень. В правом верхнем углу археологического памятника – две крупные человеческие фигуры с соединенными руками (рис. 1.-2).

Изображения «духов». Данная группа изображений располагается в черте деревни Шаньцзяньцунь волости Ваньхэюнь. В одной из местных пещер были обнаружены достаточно аморфные фигуры, которые можно интерпретировать как изображения духов-предков. Некоторые фигуры настолько абстрактны, что могут быть истолкованы предельно широко. Также имели место фаллические символы (ствол которых подчеркивался тремя линиями). Подобная композиция является свидетельством поклонения мужскому плодородию. Наиболее ранняя датировка, по мнению Хань Лисиня, – начало неолита. Все изображения прочерчены (рис. 2.-1).

Изображения личин. На входе в пещеру к востоку от деревни Шаньцзяньцунь волости Ваньхэюнь были обнаружены прочерченные антропоморфные личины. Обе личины окаймлены зубчатым орнаментом, смыкаются «щеками». На левом изображении треугольный «румянец» в районе щек, рот окружен все тем же зубчатым орнаментом, на лбу морщины, глаза круглые, нос небольшой, треугольный. Между глазами и носом прочерчены волнистые линии. Можно трактовать данную личину как «женскую». Правое изображение несколько шире, зубчатый орнамент обращен внутрь, толстые брови согнуты и связаны горизонтальной линией. Глаза глубоко посажены и окружены морщинами. Рот прямоугольный с четко выполненными зубами. Намечены борода и усы. Таким образом, правую личину можно трактовать как мужскую [Хань Лисинь, 2004, с. 40].

Как мы видим, наскальные изображения Хэшигтен-ци демонстрируют все основные сферы жизни доклассового общества: выпас (или процесс загона [Ян Цзюнь, 2005]) стада оленей, совместные (возможно, ритуальные) мероприятия и потусторонних существ, уже приобретших антропоморфные признаки (рис. 2.-2).

Библиографический список

Хань Лисинь. Наскальные рисунки хошуна Хэшигтен-ци во Внутренней Монголии [韩立新. 内蒙古克什克腾旗岩画 // 内蒙古文物考古 2004年第 1 期] // Культурное наследие и археология Внутренней Монголии. 2004. №1. С. 39–41.

Ян Цзюнь. Наскальные рисунки с сюжетами охоты из Внутренней Монголии [杨君. 内蒙古地区的狩猎岩画 // 内蒙古文物考古 2005年第 1 期] // Культурное наследие и археология Внутренней Монголии. 2005. №1. С. 42–49.

**КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ (МУЗЕОЛОГИИ)
АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – 30 ЛЕТ**

УДК 378.4(571.150)

А.А. Тишкин, Ю.Ф. Кирюшин, Т.Г. Гребенникова, Т.В. Тишкина
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В 2018 г. кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета отмечает свое 30-летие. В статье представлены основные направления и результаты деятельности сотрудников указанного подразделения на современном этапе. В начале 2000-х гг., кроме обучения студентов по специальности «История», преподаватели включились в реализацию нового направления. С 2004 г. кафедра стала осуществлять набор на специальность «Музеология». Это потребовало большой работы по подготовке и внедрению новых курсов. С 2010 г. кафедра стала осуществлять набор в бакалавриат и магистратуру по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в соответствии с образовательными стандартами третьего поколения. Выпускники всех лет стали востребованы в музейной, туристической, управленческой и других сферах. Они работают в городах и районах Алтайского края, а также за его пределами. Кафедра имеет серьезные достижения в научно-исследовательской, образовательной и общественной деятельности. С 2018 г. начинается новый этап в ее развитии, что связано с открытием направления обучения «Антропология и этнология».

Ключевые слова: Алтайский государственный университет; кафедра археологии, этнографии и музеологии; 30-летие; научно-исследовательская деятельность; достижения; антропология и этнология.

A.A. Tishkin, Yu.F. Kiryushin, T.G. Grebennikova, T.V. Tishkina
Altai State University, Barnaul, Russia

**ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY,
ETHNOGRAPHY AND MUSEOLOGY AT THE PRESENT STAGE**

In 2018, the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University marks its 30th anniversary. The article presents the main directions and results of the activities of the employees of this department at the present stage. In the early 2000-s, in addition to teaching students on the specialty “History”, the teachers started a new project. Since 2004, the department began to enroll students who wanted to specialize in “Museology”. This required a lot of work on the preparation and implementation of new courses. Since 2010, the department began to teach Bachelor and Master students specializing in “Museology and Protection of Objects of Cultural and Natural Heritage”. The education process was organized in accordance with the educational standards of the third generation. Graduates of all the years became in demand in the museum, tourism, management and other spheres. They work in the cities and regions of the Altai Territory and outside. The department has serious achievements in research, educational and public activities. Since 2018 a new stage in its development has begun, which is connected with the opening of the specialty “Anthropology and Ethnology”.

Key words: Altai State University, department of Archaeology, Ethnography and Museology, 30th anniversary, research activities, achievements, anthropology and ethnology

Кафедра археологии, этнографии и источниковедения была создана в октябре 1988 г. Первый этап деятельности этого подразделения исторического факультета Алтайского государственного университета (АГУ) частично уже нашел отражение в некоторых публикациях, демонстрировавших результаты работ и опыт подготовки археологов, а также в отдельных воспоминаниях и другой информации [Шамшин, 1998; Кирюшин, Тишкин, Шамшин, 2002, 2006; Библиография трудов..., 2002; Тишкин, 2005, 2006; и др.].

Начало 2000-х гг. стало следующей страницей в 30-летней истории кафедры (фото 1). Преподаватели продолжали активно работать со студентами-историками, учебно-исследовательская работа которых являлась одним из ключевых направлений деятельности. Достаточно высокий уровень их подготовки обеспечивал призовые места на крупных студенческих научных форумах, два из которых были организованы кафедрой и состоялись в Барнауле на базе АГУ. Так, более 280 человек приняли участие в XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции «Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий», которая состоялась 25–30 марта 2001 г. Тогда был издан объемный сборник материалов [Историко-культурное наследие..., 2001], состоялись секции и многочисленные выступления, что являлось хорошей школой для развития молодежной науки. Через семь лет сотрудники АГУ и студенты, специализировавшиеся на кафедре, организовали и провели 21–24 апреля 2008 г. XLVIII Региональную (IV Всероссийскую

с международным участием) археолого-этнографическую студенческую конференцию «Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции», к началу которой также был издан сборник трудов [Этнокультурная история..., 2008]. Это мероприятие закрепило за кафедрой признание одного из центров подготовки молодых исследователей в области археологии. Действительно, такая работа была системно налажена, что проявлялось не только на учебных занятиях, а особенно

Фото 1. Коллектив кафедры в 2002 г. 1-й ряд (слева направо): М.Ю. Кузеванова, Н.П. Иванова, А.А. Тишкин, Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин, Е.А. Артюх, А.Л. Кунгуров; 2-й ряд (слева направо): Е.А. Бельгибаев, О.Г. Филиппова (Шмидт), А.В. Шмидт, В.П. Семибратов, Д.В. Папин, О.И. Чекрыжова, О.А. Цивцина, А. Кондрашов, Т.Г. Гребенникова (Горбунова), С.П. Грушин, А. Гончаров

Фото 2. Группа 155 – лучшая группа в АГУ (2009 г.). 1-й ряд (слева направо): Е. Нестеров, И. Гребенников, А. Ефимов; 2-й ряд (слева направо): А. Шошина, Е. Афанасьева, Ю. Артамонова, Е. Горохова, Т. Паршикова

в летних полевых экспедициях, которые с каждым годом прирастали новыми кадрами из числа студентов и школьников Алтайского края. Указанная деятельность способствовала формированию у них начальных профессиональных навыков, получению практического опыта при поиске, выявлении и исследовании археологических объектов. Надеемся, что эти страницы кафедральной истории еще найдут свое отражение в воспоминаниях многочисленных участников осуществленных работ.

После 1990-х гг., когда объем экспедиционных проектов сократился, в начале 2000-х гг. появились другие возможности, связанные с практикой получения грантов. Этим активно воспользовались сотрудники кафедры. Наряду с сугубо научными исследованиями, продолжались и хозяйственные работы. Количество экспедиций заметно возросло. Их реализация носила программный характер. Обследования и раскопки проводились в разных местах на территории Алтайского края и Республики Алтай, а также в Казахстане и Монголии.

«Визитной карточкой» результативной работы кафедры стали регулярно проводимые конференции и издаваемые сборники научных трудов, в том числе тематической направленности. Вышел ряд монографий, отражавший процесс обобщения и осмысления накопленного археологического материала.

С 2004 г. кафедра начала осуществлять набор студентов на специальность «Музеология». Небольшие группы студентов (около 10 человек) обучались очень эффективно, демонстрировали исследовательские компетенции, участвовали в организации и проведении научных студенческих мероприятий, сами выступали с докладами, изучали музейные коллекции, опыт экспозиционной, фондовой и экскурсионной деятельности, принимали активное участие в полевых археологических исследованиях, проводимых кафедрой. Стоит отметить, что группа 155 (набор 2005 г.) стала лучшей в университете по итогам конкурса 2009 г. (фото 2). В рамках подготовки музеологов сотрудниками кафедры реализовывалось преподавание значительного количества дисциплин учебного плана: «История мировой культуры», «История русского искусства», «История зарубежного искусства», «Археология», «Этнология», «История музеев мира», «Основы музеологии», «История музейного дела в России», «Историческое краеведение», «Консервация, реставрация и использование объектов культурного наследия», «Охрана культурного наследия в России и за рубежом», «Научно-фондовая работа в музее», «Основы проектирования музейных экспозиций», «Памятники мирового культурного наследия», «Исторические музеи» и др. Кроме этого, была разработана серия специальных курсов и курсов по выбору.

Важным элементом учебной деятельности кафедры являлись организация и проведение учебных практик для студентов-историков и музеологов. Среди них отметим полевую археологическую, музейно-ознакомительную, архивную, музейную, фондовую, музейно-педагогическую и др. Высокий уровень компетенции преподавателей позволил сформировать у студентов навыки практической профессиональной деятельности. Стоит отметить выход учебных и учебно-методических изданий, подготовленных сотрудниками кафедры.

К концу первого десятилетия XXI в. сложился следующий коллектив кафедры: доктора наук – Ю.Ф. Кирюшин, С.В. Цыб, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, кандидаты наук – А.Б. Шамшин, А.Л. Кунгуров, С.П. Грушин, Н.П. Иванова, Т.Г. Гребенникова, Т.В. Тишкина, И.И. Назаров, Е.А. Бельгибаев. Значительное большинство перечисленных преподавателей – выпускники исторического факультета, которые в свое время специализировались на кафедре, закончили аспирантуру и защитили диссертации. Два таких выпускника (Е.А. Бельгибаев и И.И. Назаров) были направлены в аспирантуру Омского государственного университета для подготовки и защиты диссертационных работ в области этнографии, так как кафедра таких специалистов ранее не имела. Важным моментом стало признание научной школы по археологии, сформировавшейся в АГУ под руководством профессора Ю.Ф. Кирюшина (фото 3).

В связи с тем, что предстоял первый выпуск подготовленных музеологов, 26 сентября 2009 г. вышел приказ о переименовании кафедры археологии, этнографии и источниковедения в кафедру археологии, этнографии и музеологии. Данный документ закреплял факт развития нового направления в деятельности исторического факультета. Необходимость в специалистах-музеологах была продиктована потребностью музейных и других культурно-образовательных учреждений Алтайского края. Роль кафедры в их подготовке имела важное значение.

С 2010 г. кафедра археологии, этнографии и музеологии АГУ стала осуществлять набор в бакалавриат и магистратуру по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в соответствии с образовательными стандартами третьего поколения. Выпускники по специальности «Музеология» и направлению «Музеология и охрана объектов культурного и при-

Фото 3. Научная школа по археологии (2009 г.). 1-й ряд (слева направо): В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина, Ю.Ф. Кирюшин, Е.В. Шелепова, Ч. Мунхбаяр; 2-й ряд (слева направо): С.С. Матренин, Н.Н. Серегин, С.П. Грушин, П.К. Дашковский, Д.В. Папин, В.П. Семибратов, А.В. Шмидт, А.А. Редников

Фото 4. Коллектив кафедры в 2011 г. 1-й ряд (слева направо): С.В. Цыб, Т.Г. Гребенникова, М.Ю. Кузеванова, Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина; 2-й ряд (слева направо): Н.П. Иванова, Г.А. Миляев, Т. Лелеков, А.С. Федорук, Е.А. Бельгибаев, А.Л. Кунгуров, С.П. Грушин, В.В. Горбунов, И.И. Назаров, Н.Н. Серегин

родного наследия» стали востребованы в музейной, туристической, управленческой и других сферах деятельности в городах и районах Алтайского края. Они работают в административных структурах Алтайского края, Алтайском государственном краеведческом музее, Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая, в Музее «Город», Музее археологии и этнографии Алтая АГУ, Новоалтайском краеведческом музее им. В.Я. Марусина и др. Обучение в магистратуре стало для работников музеев повышением уровня их квалификации.

Студенты, специализировавшиеся на кафедре, под руководством преподавателей получали в разные годы престижные награды и гранты на осуществление научно-исследовательской работы. Так, в 2008 г. студентка Т. Паршикова заняла II место во Всероссийской олимпиаде по музеологии и была награждена дипломом Министерства образования и науки РФ как лауреат премии по поддержке талантливой молодежи. В 2016 г. магистрант М. Шаталова получила тревел-грант фонда Михаила Прохорова на прохождение стажировки в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург) «Опыт учетно-хранительской деятельности Российского этнографического музея. Методика научного описания музейного предмета». Престижные стипендии в разные годы получали следующие студенты и аспиранты кафедры: Т. Шиготарова, О. Лыжникова, Т. Паршикова, А. Толкацкий, М. Шаталова, Е. Белоусова, Н. Коновалова, В. Сайберт и др.

Для решения задач научной подготовки кафедрой реализовывались такие магистерские программы: «Научные исследования в области музеологии и охраны наследия» и «Историко-культурное наследие: изучение, сохранение и использование» (руководитель – А.А. Тишкин). Их ключевые цели заключались «...в подготовке компетентного профессионала в сфере музеологии и сохранения наследия; в формировании корпуса знаний и умений в области методики научного изучения культурных ценностей, инновационного проектирования форм сохранения и использования объектов культурного и природного наследия, ... в формировании готовности к самостоятельной исследовательской и управленческой работе, к несению ответственности за ее результаты» [Тишкин, Гребенникова, 2014, с. 122–123]. Направления магистерских программ согласовывались с потенциальными работодателями (в том числе с Управлением Алтайского края по культуре и архивному делу). На магистерской программе обучались не только выпускники АГУ, но и бакалавры из других образовательных учреждений, сотрудники музеев. Отметим таких успешно работающих выпускников магистерских программ, как Л.С. Супонина, Т.П. Шевченко (Турло), Е.С. Твердикова, В.О. Сайберт, Н.В. Коновалова, А.А. Каймакина и многие другие.

Стоит также отметить большую роль кафедры археологии, этнографии и музеологии в подготовке обучающихся в рамках магистерской программы «Исторические исследования в современном научном познании» (направление подготовки «История»). Ее закончили и выпускники-музеологи (Т.С. Паршикова, А.С. Толкацкая, Ю.С. Артамонова и др.).

Студенты-музеологи продолжают регулярно принимать участие в конференциях различного уровня и других научно-исследовательских мероприятиях. Так, в 2014 г. А. Каймакина, Т. Турло, М. Шаталова участвовали во Всероссийской студенческой олимпиаде «Музеология» (Томск). Студентка С. Рейм была задействована в проекте Кемеровского государственного университета «Тропую миссионера В.И. Вербицкого: народы Северного Алтая и Горной Шории в XXI в. Первая этнографическая экспедиция студентов и молодых исследователей» (2016 г.). Отметим участие студентов-музеологов в следующих конференциях: Международная конференция «Ломоносовские чтения на Алтае»; Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых; межвузовская научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Россия в XXI в.: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ» (Барнаул, 2016–2018 гг.); V межрегиональная (с международным участием) научно-творческая студенческая конференция, посвященная 80-летию Алтайского края (Барнаул, 2017). На секции «Археология, музеология и этнография» региональной молодежной конференции «Мой выбор – наука!» в 2017 г. были представлены 28 докладов, 22 из них подготовили студенты, специализирующиеся на кафедре. На Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «IX Геблеровские чтения» (Барнаул, 14–16 мая 2018 г.) действовала секция «Музеи и региональное наследие в научно-исследовательской работе студентов», на которой продемонстрировали результаты исследовательской деятельности по различной тематике 11 студентов, специализирующихся на кафедре. С 2007 г. студенты-музеологи стали принимать участие (на базе Музея истории развития образования в г. Барнауле) в Международной культурной акции «Музейная ночь», с 2016 г. – в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ). В 2017 г. студентами для посетителей

АГКМ были разработаны и представлены мероприятия различных форм культурно-образовательной деятельности: пешеходная экскурсия по улице Ползунова «Революция на нашей улице»; викторина «Самый, самый в Алтайском крае...»; музейная игра «"Ойын. Гра. Шпиль. Вайа" – игры народов Алтая» и т.д.

Научно-исследовательская работа кафедры археологии, этнографии и музеологии всегда являлась одним из важнейших направлений деятельности сотрудников, что выражалось в их самосовершенствовании, организации и проведении крупных научных мероприятий, значительном количестве научных статей и монографий, в реализации фундаментальных грантовых проектов. В 2000-е гг. было защищено существенное число диссертаций, в том числе преподавателями кафедры (А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, С.П. Грушин – докторские; Т.Г. Гребенникова, Т.В. Тишкина – кандидатские), аспирантами и сотрудниками университета (Д.В. Папин, Я.В. Фролов, Е.В. Шелепова, Е.А. Артюх, А.В. Шмидт, А.С. Федорук, С.С. Матренин, Н.Н. Серегин, И.А. Усова, О.А. Федорук, Ч. Мунхбаяр, Т.С. Паршикова, О.С. Лихачева, Т.-О. Идэрхангай и др.).

Коллективом кафедры (фото 4) реализовывались многочисленные проекты в области научной деятельности. Можно отметить крупные и регулярные мероприятия, которые организовывались и проводились в начале 2000-х гг. Приведем некоторые показательные примеры. Так сотрудники кафедры на постоянной основе участвуют в организации ежегодной научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». В период с 15 по 19 ноября 2004 г. состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии», которая была посвящена 120-летию со дня рождения С.И. Руденко. Крупным научным мероприятием был ознаменован 2012 г. С 5 по 8 сентября состоялся II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. В нем приняли участие специалисты из разных стран Европы и Азии. Конгресс являлся одним из мероприятий межрегиональной программы «Идель–Алтай», в которой участвуют Республика Татарстан, Алтайский край и Республика Алтай. В мероприятии приняли участие 87 исследователей из многих городов России (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск, Казань, Барнаул, Владивосток, Иркутск, Кемерово, Горно-Алтайск и др.), а также ближнего и дальнего зарубежья, что способствовало поднятию престижа региональной науки. В период с 5 по 9 сентября 2013 г. сотрудники кафедры археологии, этнографии и музеологии организовали и провели конференцию «Современные решения актуальных проблем евразийской археологии». 13–14 января 2016 г. состоялась конференция «Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований». Важным событием стало проведение 2–7 октября 2017 г. V (XXI) Всероссийского археологического съезда, посвященного 180-летию В.В. Радлова. Съезд продолжил традицию организации крупнейших форумов для обсуждения фундаментальных и прикладных проблем современной археологии и сохранения историко-культурного наследия. Данное масштабное мероприятие стало возможным благодаря сотрудничеству с Институтом археологии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН. Съезд объединил более 500 ученых из различных регионов России, а также Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Великобритании, Германии, Республики Казахстан, Китая, Кыргызской Республики, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Эстонской Республики, Японии. В рамках съезда были организованы выставки и открыт «Археологический сад камней».

За достижения в научной и образовательной деятельности сотрудники кафедры неоднократно получали престижные награды. Отметим лишь некоторые из них. Так, в 2010 г. А.А. Тишкин стал победителем конкурса среди научных и научно-педагогических работников, аспирантов и студентов, участвующих в решении задач социально-экономического развития Алтайского края в номинации «Ученый года» по направлению «Гуманитарные науки» (награжден дипломом и премией), в 2011 г. за фундаментальные исследования в сфере гуманитарных наук и внедрение современных методов в исторические реконструкции второй раз стал лауреатом премии Алтайского края в области науки и техники. В 2013 г. Т.В. Тишкиной была присуждена премия Алтайского края в области науки и техники в номинации «Исследования исторического наследия Алтайского края и краеведения». В 2015 г. А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Т.Г. Гребенникова стали лауреатами премии Алтайского края в области науки и техники в номинации «Разработка и применение новых методик обучения, создание высококачественных учебников и учебных пособий для образовательных организаций края». Как молодой исследователь несколькими почетными наградами отмечен Н.Н. Серегин.

Фото 5. Лучшая кафедра АГУ. 2014 г. 1-й ряд (слева направо): М.Ю. Кузеванова, Н.П. Иванова; 2-й ряд (слева направо): Ю.Ф. Кирюшин, А.К. Блохин, А.А. Тишкин; 3-й ряд (слева направо): Т.Г. Гребенникова, С.П. Грушин; 4-й ряд (слева направо): Н.Н. Серегин, А.Л. Кунгуров, В.В. Горбунов, И.И. Назаров

Фото 6. Лучшая кафедра АГУ. 2016 г. 1-й ряд (слева направо): С.Ж. Рахимжанова, М.Ю. Кузеванова, Т.Г. Гребенникова, Д.С. Леонтьева; 2-й ряд (слева направо): Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.П. Грушин, Г.А. Миляев; 3-й ряд (слева направо): А.К. Блохин, В.В. Горбунов, Я.В. Фролов, Н.Н. Серегин, А.Л. Кунгуров

Фото 7. Лучшая кафедра АГУ. 2017 г. 1-й ряд (слева направо): А.К. Блохин, Т.Г. Гребенникова, М.Ю. Кузеванова; 2-й ряд (слева направо): Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин, И. Вальков, Н.Н. Серегин; 3-й ряд (слева направо): В.В. Горбунов, С.В. Цыб, И.И. Назаров, Я.В. Фролов, А.Л. Кунгуров

Фото 8. Лучшая кафедра АГУ. 2018 г. 1-й ряд (слева направо): Т.В. Тишкина, А.А. Тишкин, М.Ю. Кузеванова; 2-й ряд (слева направо): В.О. Сайберт, Т.Г. Гребенникова; 3-й ряд (слева направо): В.В. Горбунов, А.К. Блохин, С.П. Грушин, Н.Н. Серегин; 4-й ряд (слева направо): А.Л. Кунгуров, Я.В. Фролов

Во втором десятилетии XXI столетия произошли некоторые перемены в структуре и кадровом составе кафедры археологии, этнографии и музеологии. В 2014 г. заведующим избран доктор исторических наук, профессор А.А. Тишкин. В 2016 г. была открыта в АГКМ базовая кафедра теории и практики музейной деятельности. Ее возглавила к.и.н. Ю.А. Абрамова, заместитель директора по учету и хранению фондов. Одним из результатов сотрудничества кафедры и АГКМ стали подготовленные магистерские диссертации «Нумизматическая коллекция дореволюционного периода в собрании Алтайского государственного краеведческого музея», «Экспозиционно-выставочная деятельность Алтайского государственного краеведческого музея», а также выпускная квалификационная работа «Естественно-научные коллекции Алтайского государственного краеведческого музея». Группой исследователей из АлтГУ совместно с музейными сотрудниками была проведена работа по подготовке к изданию каталога «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея». Основная цель заключалась в изучении истории формирования археологических фондов АГКМ, а также их систематизация и обобщение в выделенных разделах с учетом историко-археологической периодизации.

Научно-исследовательские наработки преподавателей кафедры в области музеологии нашли отражение в специальных журналах («Обсерватория культуры», «Мир музея», «Вопросы музеологии» «Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение» и др.) и изданиях. Подготовлены и изданы учебные пособия: «Музеология: введение в профессию», «Основы музеологии», «Музейная педагогика», «Исторические музеи», «История музеев России», «Основы проектирования музейных экспозиций», «История музеев Алтая», «Научно-фондовая работа в музее», «Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас», «Общие вопросы изучения археологии России» и др. Большим проектом стала подготовка «Энциклопедии музеев Алтайского края» [Гребенникова, Тишкин, Тишкина, 2014].

К сожалению, с 2016 г. набор на бакалавриат, а в 2017 г. в магистратуру по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в АлтГУ прекращен. В данной ситуации пришлось искать выход из очередной кризисной ситуации. В оперативном режиме были подготовлены все необходимые документы на лицензирование нового направления «Антропология и этнология». В 2018 г. предпринята попытка набрать внебюджетную группу для обучения по указанному направлению. Кроме этого, появляется возможность открытия такого направления подготовки, как «Археология». По всей видимости, с этого времени начинается новый этап в истории кафедры.

В заключение отметим, что все моменты современного развития кафедры трудно осветить в кратком очерке. Стоит надеяться, что они найдут отражение в дальнейших публикациях. Особое значение в данном процессе в том, что на протяжении многих лет кафедра археологии, этнографии и музеологии занимала первые места в конкурсе кафедр гуманитарного направления в АлтГУ (фото 5–8).

Библиографический список

Библиография трудов ученых Алтайского государственного университета: Вып. 2: Археология, этнография, антропология (1973–2000) / сост. А.А. Тишкин. Барнаул, 2002. 117 с.

Гребенникова Т.Г., Тишкин А.А., Тишкина Т.В. «Энциклопедия музеев Алтайского края»: разработка концепции и необходимость реализации проекта // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2014. №2 (14). С. 30–36.

Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: мат. ХLI регион. археол.-этнограф. студ. конф. Барнаул, 25–30 марта 2001 г. / под ред. А.А. Тишкина. Барнаул, 2001. 600 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шамшин А.Б. Археология в Алтайском университете // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16: Археология в российских университетах. Воронеж, 2002. С. 34–42.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шамшин А.Б. Опыт подготовки археологов в Алтайском госуниверситете // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 29–39.

Тишкин А.А. Времена минувшие... // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 24–35.

Тишкин А.А. Юрий Федорович Кирюшин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №2 (26). С. 157–158.

Тишкин А.А., Гребенникова Т.Г. Подготовка профессиональных кадров в области музеологии и охраны наследия в рамках магистерских программ // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2014. №1 (13). С. 120–125.

Шамшин А.Б. Археология Алтая в университете: четверть века // Известия Алтайского гос. ун-та. 1998. №4. С. 23–26.

Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций: мат. XLVIII регион. (IV Всерос. с межд. участием) археол.-этнограф. студ. конф. Барнаул, 21–24 апреля 2008 г. / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, Т.Г. Горбунова. Барнаул, 2008. 288 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИЭЧ ФИЦ УУХ СО РАН – Институт экологии человека Федерального исследовательского центра
угля и углехимии СО РАН.
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии (СПб.).
НГПИ – Новгородский государственный педагогический институт.
ОИАК – Общество изучения Амурского края.
РАН – Российская академия наук.
РНФ – Российский научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
США – Соединенные Штаты Америки.
ТГПУ – Томский государственный педагогический университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ. КОМПЛЕКСНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

<i>Белавин А.М.</i> Планировочные особенности и реконструкция площадки Рождественского городища (предварительные замечания)	3
<i>Бобров В.В.</i> К проблеме «гребенчатого» неолита на юге Средней Сибири	6
<i>Ковалевский С.А.</i> О критериях дифференциации ирменской культурно-исторической общности	11
<i>Мандрыка П.В.</i> К методике изучения грунтовых погребений на уровне древней поверхности (на примере могильника Усть-Шилка-II на Среднем Енисее)	15
<i>Назаров И.И.</i> По следам Саяно-Алтайской экспедиции: актуализация научного наследия П.И. Каралькина	20
<i>Pan Ling.</i> A Summary on the Xiongnu Culture Element of Xichagou Cemetery	23
<i>Сенотрусова П.О.</i> Средневековые памятники южной тайги Средней Сибири: опыт теоретического осмысления	28
<i>Сотникова С.В.</i> К вопросу о ритуальной функции кольцевого рва в курганах эпохи бронзы евразийских степей	32
<i>Степанова Н.Ф., Казаков А.А.</i> Керамика с поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая	36
<i>Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В.</i> Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Пережат в Западном Присаляирье	42
<i>Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.</i> Привлечение сведений кыргызского героического эпоса для анализа оружейных коллекций в музеях Кыргызстана	48
<i>Чемакин Ю.П., Жирных Е.А.</i> К вопросу о возникновении черной металлургии на севере Западной Сибири	51
<i>Chan A., Shao H-Q.</i> The Andronovo Elements of Xinjiang in the Eurasian Bronze Age	55
<i>Шмидт А.В., Шамшин А.Б.</i> К проблеме реконструкции неолитического костюма: по материалам могильника Фирсово-XI	59

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Вертман Е.Г.</i> Масс-спектрометрический анализ ИСП-МС бронзовых хоросов с изображением Китовраса	65
<i>Герман П.В., Онищенко С.С.</i> Зооархеологические особенности погребально-поминальной обрядности таштыкского населения лесостепного района (по материалам могильника Шестаково-III)	72
<i>Зайков В.В., Дашковский П.К., Юминов А.М., Зайкова Е.В.</i> Микровключения платиноидов и оксидов в изделиях из курганов Алтае-Саянского региона	77
<i>Куфтерин В.В.</i> Детские и подростковые погребения Гонур-Депе: палеоэкологические аспекты исследования	81
<i>Марченко Ж.В., Райнхольд С., Молодин В.И., Гришин А.Е., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Батанина О.В.</i> Биоархеологические подходы к решению проблемы адаптации андроновского и андронидного населения к условиям лесостепи и подтаежной зоны Обь-Иртышья (по материалам погребальных памятников)	84
<i>Парцингер Г., Гасс А., Фассбиндер Й.</i> Исследования межкурганного пространства могильников скифского времени Северного Кавказа с применением магнитометрии	91

<i>Пахунов А.С., Дэвлет Е.Г., Пресняков М.Ю., Светогоров Р.Д., Сенин Р.А., Яцишина Е.Б.</i> Первые результаты применения синхротронного излучения и сканирующей электронной микроскопии для анализа пигментов с костяков из погребений Каракола	98
<i>Петросян А.А., Сыроватко А.С., Плеханова Л.Н., Мякина Т.Н., Потапова А.В., Каширская Н.Н.</i> Подходы к установлению наличия шерстяных субстратов в погребении по численности кератинолитических микроорганизмов	102
<i>Платеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В.</i> Лошади из большого Катандинского кургана (Алтай)	107
<i>Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю., Вертман Е.Г.</i> Химический состав бронзы памятников раннего железного века Томского и Нарымского Приобья	110
<i>Приходько В.Е., Михаревич М.В., Азаренко Ю.А., Шаяхметов М.Р., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Пивоварова Е.Г.</i> Междисциплинарное исследование курганов некрополя Сростки-I и реконструкция климата эпохи средневековья на Алтае	119
<i>Тишкин А.А.</i> Новые данные о радиоуглеродном датировании древних и средневековых памятников Алтая и Верхнего Приобья	124
<i>Тишкин А.А., Чжан Л., Грушин С.П., Редников А.А., Шуй Т., Серегин Н.Н.</i> Исследовательская программа междисциплинарного изучения поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 в предгорьях Алтая	131

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Бейсенов А.З.</i> Тасмолинские погребения могильника Кызыл	139
<i>Горбунов В.В.</i> Появление и развитие конского доспеха у кочевников Центральной Азии	150
<i>Грудочко И.В.</i> Курганы с «кусамы»: памятники раннего средневековья урало-казахстанских степей	156
<i>Иванов С.С.</i> Исторические судьбы сакского населения Притяньшанья	159
<i>Илюшин А.М.</i> Погребальный обряд у кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине (элементы, признаки и их интерпретация)	165
<i>Кишкурно М.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Галямина Г.И., Назарова Л.В.</i> Новые источники монгольского времени из Новосибирского Приобья: археологические и антропологические данные могильника Крохалевка-5	169
<i>Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.</i> Находка погребения с зеркалом на могильнике Сенкибай-2 (Центральный Казахстан)	173
<i>Кунгуров А.Л.</i> Могильник 2 археологического комплекса МГК-1 в Барнаульском Приобье (по раскопкам 1988 г.)	177
<i>Лихачева О.С.</i> Сравнительный анализ вооружения пазырыкской и булан-кобинской культур	182
<i>Матренин С.С.</i> Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры Алтая)	188
<i>Митько О.А.</i> Длинноклинковое оружие в погребальной обрядности енисейских кыргызов (IX–XIV вв.): попытки семантического анализа ритуальных действий	195
<i>Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Сагындыкова С.Т.</i> Предварительные результаты археологических раскопок на могильнике Аян-I в 2018 г.	200
<i>Руденко К.А.</i> Археологические свидетельства присутствия кочевников в Волжской Булгарии в X – начале XIII в.	205
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П.</i> Предметный комплекс аржано-майэмирского времени из памятника Бике-IV на Алтае	211
<i>Туллуш Д.К.</i> Булун-Терек – новое городище уйгурского времени в Туве	216

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ (по материалам изучения археологических памятников)

<i>Крыласова Н.Б.</i> Хозяйство и система жизнеобеспечения средневекового населения Предуралья (проблемы реконструкции)	221
<i>Максимова И.Е., Боброва А.И.</i> Проблема поиска следов таежных кочевых культур (этноархеологический аспект)	225

<i>Ожередов Ю.И.</i> Хуннуский чайник: формальное и химическое содержание	230
<i>Татаурова Л.В.</i> Жилище русских Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв. как элемент системы жизнеобеспечения	235
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С.</i> Орудия труда как элементы системы жизнеобеспечения населения Алтая в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка-I)	237

ДРЕВНЕЙШЕЕ, ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО ЕВРАЗИИ

<i>Варенов А.В.</i> Изображения тигров в горах Хэланьшань: аналогии и датировки	245
<i>Варенов А.В., Черемисин Д.В.</i> Петроглифы «в стиле оленных камней» на территории Китая	250
<i>Вэй Чжэн.</i> Находки предметов иностранного происхождения и предметов в «степном стиле» в погребениях эпохи Хань на территории провинции Шаньдун и северной части провинции Цзянсу (Китай)	257
<i>Килуновская М.Е., Семенов А.В.</i> Образы и композиции на скалах Овюра, Тува	262
<i>Комиссаров С.А., Черемисин Д.В., Кудинова М.А.</i> Самая большая писаница Китая	267
<i>Константинов Н.А., Урбушев А.У.</i> Раннесредневековые гравировки Дялбака	270
<i>Король Г.Г., Наумова О.Б., Пузакова Г.С., Грешиников Э.А.</i> Вариативность декора средневекового художественного металла Саяно-Алтая (источники изучения проблемы традиционного и индивидуального)	273
<i>Марсадолов Л.С.</i> Преемственность в знаковых и изобразительных системах на Саяно-Алтае	278
<i>Миклашевич Е.А.</i> Наскальные рисунки хунно-сяньбийского времени в урочище Каменка на Среднем Енисее (по материалам А.В. Адрианова)	286
<i>Советова О.С., Шишкина О.О.</i> Петроглифы таштыкской эпохи на Тепсее	291
<i>Хорват В.</i> Изображение птицы в начале скифской эпохи Алтая и Казахстана	298
<i>Шульга Д.П.</i> Петроглифические композиции Внутренней Монголии	303

КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ (МУЗЕОЛОГИИ) АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – 30 ЛЕТ

<i>Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Гребенникова Т.Г., Тишкина Т.В.</i> Деятельность кафедры археологии, этнографии и музеологии на современном этапе	307
<i>Список сокращений</i>	316

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

Выпуск 2

Сборник научных статей

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

*Для оформления обложки использованы фотоснимки А.А. Тишкина (Горный Алтай, Яломан),
на эмблеме конференции – поясная пряжка в виде ящерицы, кусающей себя за хвост
(памятник Яломан-II, раскопки А.А. Тишкина), а также изображение
вооруженного всадника булан-кобинской культуры
(реконструкция В.В. Горбунова, художник Г.Л. Нехведавичюс)*

Подписано в печать 30.07.2018. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 37,2.
Тираж 150 экз. Заказ ____.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
Дата выхода 03.09.2018 г.